986

~~Stub. N. 886.~~

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

СОРОКЪ-ПЕРВЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ I.

17278
49 г.

ГОДЪ LXXI. — ТОМЪ CDXI. — 1/14 ЯНВАРЯ 1906.

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-ТРИДЦАТЬ-СЕДЬМОЙ ТОМЪ

СОРОКЪ-ПЕРВЫЙ ГОДЪ

17978

ТОМЪ I

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
Васильевскій Островъ, 5-я линія, № 28.

Экспедиція журнала:
Вас. Остр., Академич. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1906

3508

Смоленская Земская Библиотека

УНИВЕРСИТЕТСКІЙ ВОПРОСЪ

и

„ПРОЕКТЪ“ УНИВЕРСИТЕТСКАГО УСТАВА

I.

Въ основу стараго университетскаго устава 1863-го года положенъ былъ принципъ свободы преподаванія, выборнаго начала и довѣрія къ профессорамъ и студентамъ.

Въ запискѣ Н. И. Пирогова: „Университетскій вопросъ“, вдохновлявшій составителей этого устава, мы находимъ такой идеальный и широкій взглядъ на постановку университетскаго дѣла, который далеко опередилъ даже самыя крайнія требованія нашихъ дней.

Взявъ своимъ девизомъ слова Петра Великаго: „науки подчиненія и насилія терпѣть не могутъ“,—покойный Н. И. Пироговъ видѣлъ въ университетѣ не одно лишь учебное учрежденіе, не одинъ только научный институтъ, а органъ воспитанія общества. Онъ говорилъ: „Автономическій университетъ безъ гласности и общественнаго мнѣнія вовсе немыслимъ“. Никто дальше Пирогова не пошелъ по пути отрицанія регламентаціи и централизаціи университетской жизни. По его мнѣнію, общій, единообразный уставъ для всѣхъ университетовъ не только не нуженъ, но и вреденъ. Каждому университету должно быть предоставлено право выработать свой мѣстный уставъ. Идеальныя, опередившія свой вѣкъ, идеи Пирогова не могли, разумѣется, получить своего

осуществленія, но все же онѣ отразились на всемъ настроеніи и направленіи устава 63-го года.

Главнѣйшія особенности университетскаго строя по этому уставу были слѣдующія:

1) Выборная профессура.

2) Административная независимость, т.-е. личная автономія профессоровъ, увольняемыхъ только по иниціативѣ университета, т.-е. совѣта.

3) Автономія университета: а) выборъ деканов и ректора; б) университетскій судъ; в) сосредоточеніе управленія университетомъ въ рукахъ совѣта; г) исполнительная власть въ лицѣ ректора; д) суженіе круга вліянія попечителя на университетъ, сведеніе его къ чисто формальному контролю; е) сведеніе роли правленія къ одной хозяйственной и исполнительной функціи.

4) Автономія преподаванія (факультетская).

Выработка плановъ преподаванія и все веденіе послѣдняго всецѣло предоставлены факультетамъ, утверждаются совѣтомъ и не восходятъ дальше послѣдняго.

5) Допущеніе постороннихъ лицъ къ слушанію лекцій и къ занятіямъ въ университетѣ не обставлено никакими условіями, и регламентація того вполнѣ предоставлена университету.

Въ общемъ уставъ 63-го года отличается краткостью, отсутствіемъ деталей и весьма близокъ къ типу статутовъ германскихъ университетовъ.

Наступившая въ семидесятыхъ годахъ въ правительственныхъ сферахъ политическая реакція привела къ уставу 84-го года, руководящими мотивами котораго явились—недовѣріе къ обществу, профессурѣ и учащейся молодежи, подозрительное отношеніе къ свободной наукѣ и мысли и стремленіе подчинить жизнь университета опредѣленному политическому направленію.

Плодомъ этого направленія явился уставъ 1884-го года, который внесъ слѣдующія измѣненія въ университетскую жизнь:

1) Уничтоженіе выборнаго начала въ замѣщеніи каѳедръ и замѣна его министерскими назначеніями.

2) Уничтоженіе служебной независимости профессоровъ—административное удаленіе и увольненіе.

3) Уничтоженіе административной автономіи университета—назначеніе ректоровъ и деканов.

4) Значительное расширеніе власти и круга вліянія попечителя и еще больше—министерства.

5) Умаленіе роли и власти совѣта.

6) Уничтоженіе факультетской автономіи въ дѣлѣ препода-

ванія, строгая регламентація преподаванія министерствомъ—министерскіе учебные планы и программы испытаній.

7) Гонорарная система.

8) Университетская полиція въ видѣ инспекціи, независимой отъ университета, представлявшей въ стѣнахъ послѣдняго особое государство, учрежденіе, находившееся въ непосредственныхъ, помимо университета, сношеніяхъ съ другимъ вѣдомствомъ, чуждымъ и нерѣдко враждебнымъ университету.

9) Система государственныхъ экзаменовъ, отразившаяся пагубнымъ образомъ на преподаваніи и въ конецъ испортившая отношенія между студентами и преподавателями.

Единственнымъ раціональнымъ нововведеніемъ въ уставѣ 84-го года былъ институтъ приватъ-доцентовъ, который могъ бы получить весьма серьезное значеніе въ университетской жизни, если бы замѣщеніе каѳедръ оставалось въ рукахъ университета. Благодаря же системѣ назначеній, на каѳедры большей частью попадали приватъ-доценты столичныхъ университетовъ, вслѣдствіе чего провинціальная приватъ-доцентура плохо развивалась.

Результаты устава 84-го года всѣмъ извѣстны и выразились въ упадкѣ нашихъ университетовъ и въ разъединеніи студентовъ и профессоровъ.

Русскіе университеты неоднократно и недвусмысленно указывали, и въ литературѣ, и оффиціальнымъ путемъ, на необходимость освѣженія университетской жизни путемъ возвращенія къ началамъ автономіи, коллегіальности, свободы преподаванія и личнаго довѣрія.

Но... то былъ гласъ вопіющаго въ пустынѣ.

Въ 1900 году начинается поворотъ въ жизни нашихъ университетовъ. Само министерство, видимо сознавъ ненормальность положенія дѣлъ, отказалось отъ системы назначенія профессоровъ и фактически вернуло университетамъ право выбирать профессоровъ. Въ то же время министерство, признавъ необходимымъ пересмотръ университетскаго устава, обратилось къ университетамъ съ цѣлымъ рядомъ вопросовъ. Отвѣты, данные совѣтами университетовъ на эти вопросы, представляютъ собою богатый, всесторонне разработанный, матеріалъ и обнаружили поразительное единодушіе во взглядахъ русской университетской коллегіи на устройство университетскаго дѣла. Общій тонъ требованій, заявленныхъ университетами, можетъ быть охарактеризованъ такъ: отмѣна большей части тѣхъ измѣненій, которыя внесены въ университетскую жизнь уставомъ 84-го года, и возвращеніе къ основамъ устава 63-го года.

Совѣты университетовъ требовали:

1) Возвращенія къ выборному началу при замѣщеніи каѳедръ.
2) Выборовъ декановъ и ректора.
3) Отмѣны гонорара.
4) Уничтоженія инспекціи.
5) Отмѣны государственныхъ экзаменовъ.
6) Возстановленія значенія совѣта въ управленіи университетомъ.
7) Усиленія автономіи факультета въ дѣлѣ преподаванія.
8) Ослабленія вліянія попечителя на университетъ. (Немало голосовъ раздавалось за полное изъятіе университета изъ-подъ опеки попечителя.)
9) Возстановленія университетскаго суда.
10) Возстановленія званія штатныхъ доцентовъ.
11) Свободы корпорацій для студентовъ.

Съ особой настойчивостью совѣты единодушно высказались не только за полную свободу преподаванія, за свободу мысли и науки въ стѣнахъ университетовъ, но и за значительное расширеніе самыхъ задачъ высшей школы, за расширеніе рамокъ и сферы дѣятельности университетовъ, которымъ слѣдуетъ вернуть утраченное ими значеніе просвѣтительныхъ центровъ и руководителей общественнаго мнѣнія.

„Отвѣты“ совѣтовъ даютъ не одни только формулы и положенія, но и содержатъ богатый матеріалъ въ формѣ мотивовъ, справокъ и ссылокъ на событія изъ жизни университетовъ. Взятые въ своей совокупности, „отвѣты“ даютъ рядъ превосходныхъ, всесторонне разработанныхъ и ясно редактированныхъ статей по всѣмъ основнымъ пунктамъ университетской жизни.

На долю министерства оставалась лишь весьма легкая работа: взявъ, какъ основу, уставъ 63-го года, дополнить его нѣкоторыми новыми статьями и сдѣлать нужныя поправки въ редакціи нѣкоторыхъ старыхъ статей этого устава. Строго говоря, было бы всего проще возстановить и ввести вновь въ дѣйствіе уставъ 63-го года, оставивъ въ силѣ нѣкоторыя статьи устава 84-го года, и приступить къ выработкѣ необходимыхъ видоизмѣненій и дополненій. Не такъ посмотрѣло на дѣло министерство. Оно усмотрѣло въ трудахъ совѣтовъ лишь сырой матеріалъ, который и передало на разсмотрѣніе такъ называемой „университетской коммиссіи“.

Въ 1902-мъ году министерство вновь обратилось къ университетамъ съ предложеніемъ прислать делегатовъ въ Петербургъ для участія въ совѣщаніи, которое должно было окончательно

выработать проектъ устава. Совѣщаніе, однакожъ, ни къ чему не привело, и 1905-й годъ застаетъ русскіе университеты безъ новаго устава, живущими временной автономіею...

Январскія событія, рѣзко обострившія весь ходъ русской жизни, отразились и на жизни русскихъ университетовъ. Выдвинулось совершенно неожиданное, небывалое явленіе,—студенческая политическая забастовка! Студенты закрыли университетъ! Съ этого момента университетскій вопросъ—въ стѣнахъ университета и въ средѣ учащейся молодежи—уже теряетъ свой изолированный характеръ и, какъ притокъ широкаго политическаго теченія, впадаетъ въ послѣдній и сливается съ нимъ.

На первыхъ порахъ можно, однакожъ, еще уловить нѣкоторую обособленность университетскаго вопроса отъ общеполитическаго движенія.

Въ январѣ 1905-го года, всѣ русскіе университеты, какъ одинъ, откликнулись по поводу университетскихъ забастовокъ рядомъ записокъ, въ которыхъ совѣты единодушно высказались за необходимость самой коренной реформы университетскаго режима, за широкую автономію, но уже обоснованную на общей политической свободѣ.

Къ этому же времени относится и возникновеніе всероссійскаго академическаго союза, поставившаго себѣ задачею пересоздать все дѣло русскаго просвѣщенія, сверху донизу, и также на почвѣ гражданской и политической свободы.

Резолюціи, принятыя совѣтами разныхъ университетовъ и академическимъ союзомъ, почти тождественны между собою и разнятся лишь по формѣ и стилю.

Стоитъ познакомиться съ запискою, выработанной однимъ изъ нашихъ университетовъ, чтобы получить полное представленіе о той академической программѣ, о тѣхъ взглядахъ на цѣль университета, о тѣхъ требованіяхъ, какія предъявляетъ вся русская профессура къ будущему, столь долго ожидаемому, новому университетскому уставу.

Для характеристики этихъ взглядовъ и этихъ ожиданій приводимъ здѣсь нѣсколько выдержекъ изъ записки, представленной нами, въ январѣ 1905 г., въ совѣтскую коммиссію харьковскаго университета.

Нарушеніе спокойнаго теченія университетской жизни,—писали мы,—или такъ-называемыя студенческія волненія—явленіе не новое. Впервые они проявляются въ большихъ размѣрахъ въ началѣ 60-хъ г.г., въ эпоху пробужденія нашей общественности. Въ теченіе полувѣка наше правительство боролось со сту-

денческими волненіями, посредствомъ цѣлаго ряда предохранительныхъ и карательныхъ мѣръ, начиная отъ увольненія, исключенія, восходя до административной высылки и кончая лишеніемъ свободы.

Несмотря на всѣ эти мѣры, интенсивность, количество и размѣръ волненій все росли и увеличивались. Это убѣдительно доказываетъ, что корень и источникъ волненій лежатъ внѣ университета и внѣ молодежи, которая является лишь locus minoris resistentiae для тѣхъ идей и чувствъ, которыми пропитана атмосфера русской жизни.

Единственнымъ, безспорнымъ результатомъ этой борьбы можно признать систематическое обезглавливаніе русской интеллигенціи, наиболѣе даровитые представители которой обыкновенно падаютъ жертвою студенческихъ волненій. Точный размѣръ той потери молодыхъ силъ, которую понесло русское общество за полстолѣтіе, не поддается подсчету, но есть косвенный способъ судить о размѣрѣ этой убыли по тѣмъ наиболѣе счастливымъ единицамъ, матеріальное положеніе которыхъ позволяетъ имъ, послѣ крушенія въ русскомъ университетѣ, продолжать свое образованіе заграницей. Будущій историкъ отмѣтитъ этотъ единственный въ своемъ родѣ въ исторіи патологическій фактъ учебной эмиграціи нашей молодежи.

Совершенно естественно встрѣтить въ европейскихъ университетахъ учащихся грековъ, румыновъ, бразильянцевъ, не находящихъ у себя дома тѣхъ образовательныхъ средствъ, какими располагаютъ учебныя заведенія Германіи и Франціи. Когда же такая страна, какъ Россія, столь богатая высшими учебными заведеніями, выбрасываетъ ежегодно массу учащихся во всѣ университеты и школы западной Европы, нельзя не усмотрѣть въ этомъ нѣчто ненормальное. А между тѣмъ студенты русскаго происхожденія встрѣчаются въ большомъ числѣ не только въ такихъ крупныхъ центрахъ науки, какъ Лейпцигъ, Мюнхенъ, Гейдельбергъ, и во всѣхъ швейцарскихъ университетахъ, но и во многихъ маленькихъ, скромныхъ уголкахъ, какъ Фрейбергъ, Гёттингенъ, Монпелье и пр.

Въ запискѣ, приложенной къ университетскому уставу 1863 г., мы находимъ слѣдующее извлеченіе изъ доклада профессора И. Е. Андреевскаго: изъ исторіи университетовъ видно, что всякій разъ, когда общество начинаютъ волновать какія-либо идеи, могущія потрясти общественный порядокъ, начиналась борьба противъ университетовъ, въ нихъ начинали искать источника общихъ безпокойствъ и представляли различные планы въ замѣнѣ

университетовъ чѣмъ-либо другимъ. Стоитъ вспомнить возгласы, которые раздавались противъ университетовъ въ 20-хъ г.г. нынѣшняго столѣтія въ Германіи, и высказанные тогда планы замѣнить ихъ спеціальными школами. Въ Германіи студенческія волненія достигли своего наибольшаго напряженія въ 40-хъ г.г. Когда же общественный строй нѣмецкой жизни обновился и вылился въ новую, болѣе совершенную форму, волненія въ университетахъ сами собой улеглись, и вчерашніе бунтари превратились въ спокойную учащуюся массу, ревниво оберегающую честь и порядокъ университетской жизни. Студенческія волненія наблюдались въ Италіи и Испаніи въ эпохи политическаго броженія и общественныхъ кризисовъ. Достаточно вспомнить исторіи студенческихъ движеній послѣднихъ десятилѣтій въ Австріи, чтобы убѣдиться, что всякое повышеніе температуры университетской молодежи безошибочно указываетъ на лихорадочное состояніе всего общественнаго организма.

Въ своей запискѣ: „Университетскій вопросъ", Н. И. Пироговъ даетъ слѣдующую ясную и полную характеристику студенческихъ волненій.

Иные смотрятъ на университетъ, — писалъ онъ, — какъ на что-то отдѣльное, какъ на храмъ Весты. Положимъ, это взглядъ, приносящій честь и университету, и тѣмъ, которые такъ смотрятъ. Но на дѣлѣ, — и это не многіе знаютъ, — университетъ выражаетъ современное общество, въ которомъ онъ живетъ, болѣе чѣмъ всѣ другія учрежденія. Взглянувъ на университетъ глубже, можно вѣрно опредѣлить и духъ общества, и всѣ общественныя стремленія, и духъ времени. И нашъ университетъ выражаетъ это еще болѣе, чѣмъ всѣ западные, потому что въ нашемъ мало сословнаго и вовсе нѣтъ преданія, или оно очень слабо.

Общество видно въ университетѣ, какъ въ зеркалѣ и перспективѣ; университетъ есть и лучшій барометръ общества. Если онъ показываетъ такое время, которое не нравится, тогда за это его нельзя разбивать или прятать, — лучше все-таки смотрѣть, и смотря по времени — дѣйствовать. Этотъ взглядъ на университетъ подтверждаетъ исторія: гдѣ политическая жизнь общества качается ровно, какъ часовой маятникъ, гдѣ политическія страсти изъ высшихъ сферъ не доходятъ до незрѣлаго поколѣнія, тамъ въ университетѣ выступаетъ на первый планъ его прямое назначеніе — научная дѣятельность. Университетъ дѣлается тамъ барометромъ просвѣщенія.

Въ наукѣ есть свои повороты и перевороты; въ жизни своей

иногда тѣ и другіе сходятся; но всѣ переходы, перевороты и катастрофы общества всегда отражаются на наукѣ, а черезъ нее и на университетѣ. Только тамъ, гдѣ политическія стремленія и страсти проникли глубоко черезъ всѣ слои общества,—они уже неясно отражаются на университетѣ. Но чѣмъ болѣе настигаютъ они общество врасплохъ, чѣмъ менѣе оно привыкло къ переходамъ и переворотамъ,—тѣмъ сильнѣе выразится его настроеніе въ университетѣ. У насъ едва повѣяло новою жизнью, едва общество почувствовало новыя стремленія, и тотчасъ же появились рефлективныя движенія въ университетѣ. Но отражательныя движенія не могли быть цѣлесообразны, и потому они перешли въ безпорядки.

Нельзя, однако, отрицать и того факта, что движеніе, зародившееся внѣ университета, легко проникаетъ въ его стѣны и быстро завладѣваетъ умами молодежи. Невольно возникаетъ вопросъ, почему же университетъ, повидимому, не въ силахъ оказать сопротивленіе этимъ волненіямъ и не въ состояніи поддержать мирнаго и правильнаго теченія университетской работы? Нельзя же сомнѣваться въ томъ, что сознаніе своихъ обязанностей, интересъ къ своему дѣлу и забота о судьбѣ молодежи должны побуждать профессоровъ стремиться къ сохраненію мирнаго хода занятій въ стѣнахъ университета. Этотъ вопросъ можетъ быть расширенъ и поставленъ такъ. Почему, несмотря на несомнѣнное возрастаніе научнаго уровня университетской коллегіи, ея моральное вліяніе на молодежь продолжало до самаго послѣдняго времени непрерывно падать? Въ 40-хъ и 50-хъ г.г. прошлаго столѣтія университетъ имѣлъ большой престижъ въ глазахъ учащейся молодежи, и нравственный авторитетъ популярнаго профессора стоялъ весьма высоко.

Почему все это рѣзко измѣнилось? Откуда это недовѣріе и критическое, подчасъ даже скептическое отношеніе современной молодежи къ своимъ ближайшимъ и, казалось бы, естественнымъ руководителямъ?

Причины этого прискорбнаго явленія всѣмъ извѣстны и столь очевидны, что на нихъ остается лишь указать, и не представляется надобности анализировать ихъ. По мѣрѣ того, какъ университетъ терялъ свою самостоятельность и превращался въ учрежденіе, подчиненное строгому административному режиму, все выше и шире росла стѣна, отдѣляющая профессора отъ молодежи, пока стѣна эта не достигла, наконецъ, такой высоты, что обѣ стороны перестали видѣть и слышать одна другую. Этотъ процессъ разобщенія между профессорами и молодежью,

естественно вытекавшій изъ того положенія, въ какое университетъ былъ поставленъ уставомъ 84-го г., искусственно поддерживался нашимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, которое въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ сознательно воздвигало на каждомъ шагу преграды, мѣшавшія сближенію между учащими и учащимися. Всякому, хотя немного знакомому съ исторіей нашихъ университетовъ, извѣстны случаи претерпѣванія и печальныхъ послѣдствій для нѣкоторыхъ профессоровъ изъза ихъ хорошихъ отношеній къ своей аудиторіи. Тутъ мы имѣемъ предъ собой несомнѣнное проявленіе той чрезмѣрно охранительной политики министерства народнаго просвѣщенія, которое въ теченіе 40 лѣтъ шло на буксирѣ у другихъ вѣдомствъ, ревниво оберегавшихъ учащуюся молодежь отъ вреднаго вліянія университета. Профессура, на долю которой выпало самое почетное призваніе руководить умственной подготовкой будущихъ поколѣній интеллигенціи, оказалась сама подъ опекой, которой въ самомъ скромномъ мерцаніи мысли и науки мерещилось зарево пожара.

Эта опека повлекла за собою цѣлый рядъ печальныхъ послѣдствій для жизни нашихъ университетовъ. Кто знакомъ съ умственной жизнью современнаго русскаго студенчества, тотъ знаетъ, что наша молодежь получаетъ свое направленіе внѣ университета и черпаетъ свою духовную пищу, свои философскія и соціальныя знанія не изъ лекцій профессоровъ, а изъ научной и общей литературы. Наши студенты изучаютъ въ университетѣ спеціальные предметы, но свое общее образованіе и міросозерцаніе они вырабатываютъ въ сторонѣ отъ университета. Нужно сознаться, что главной причиной этого явленія служитъ то обстоятельство, что наше университетское преподаваніе въ его нынѣшнемъ видѣ уже не удовлетворяетъ всѣмъ умственнымъ интересамъ учащейся молодежи и не даетъ отвѣтовъ на многіе духовные запросы.

Ни для кого не тайна, что русская литература весьма богата множествомъ какъ оригинальныхъ, такъ, въ особенности, переводныхъ сочиненій по различнымъ отраслямъ соціологіи— по народному хозяйству, по аграрному вопросу, по организаціи труда, по рабочему вопросу и спеціально по фабрично-заводской промышленности, по капиталу и кредиту и т. п.— Здѣсь-то, въ этой литературѣ, а не въ лекціяхъ профессоровъ, наша учащаяся университетская молодежь черпаетъ свои знанія и взгляды на соціально-экономическіе вопросы русской жизни. Получается такое ненормальное явленіе, что студентъ

пріучается смотрѣть на университетскую науку, которую ему читаютъ съ каѳедры, какъ на нѣчто формальное, а настоящую, живую науку онъ видитъ въ другомъ мѣстѣ, въ сторонѣ отъ университета. Отъ этого, конечно, страдаетъ и авторитетъ университета въ глазахъ молодежи, падаетъ его вліяніе на духовный складъ и міросозерцаніе послѣдней.

Не то мы видимъ въ германскихъ университетахъ. Здѣсь, благодаря всесторонности, полнотѣ и свободѣ преподаванія, достигается на почвѣ научнаго и моральнаго довѣрія полное единеніе между учащеюся молодежью и профессорами. Единство это, нарождающееся въ аудиторіи, поддерживается и развивается дальше внѣ университета, въ ферейнахъ, т.-е. въ кружковыхъ собраніяхъ, гдѣ между учащими и учащимися происходитъ свободный обмѣнъ мыслей, задушевная бесѣда на самыя разнообразныя темы, захватывающія всѣ стороны духовной жизни, отъ отвлеченныхъ философскихъ проблемъ до предметовъ этики, литературы, искусства и общежитія.

Въ свою очередь духовное единеніе между учащимися и преподавателями служитъ лучшей гарантіей мирнаго теченія университетской жизни, охраняемой непоколебимымъ чувствомъ почитанія, которое студентъ питаетъ въ своей душѣ къ своей alma mater.

Расширеніе университетскаго преподаванія и его абсолютная свобода являются поэтому существенными средствами вернуть нашему университету подобающую ему роль руководителя умственнаго развитія нашей учащейся молодежи. Университетъ долженъ служить для студентовъ не только источникомъ твердо установленнаго знанія, кристаллизованной науки, но въ немъ, въ университетѣ, молодежь также должна находить отраженіе всѣхъ новыхъ теченій въ наукѣ и жизни.

Нетрудно, однако, предвидѣть, что указанные дефекты въ системѣ нашего университетскаго образованія отнюдь не представляютъ собою частнаго явленія, которое могло бы быть исправлено однѣми частными мѣрами. Бросается въ глаза, что наиболѣе урѣзаннымъ и стѣсненнымъ является университетское образованіе въ тѣхъ областяхъ, которыя прямо или косвенно соприкасаются съ вопросами политической и моральной свободы. И можно безъ преувеличенія сказать, что степень ограниченія академической свободы въ нашихъ университетахъ прогрессивно возрастаетъ по мѣрѣ приближенія къ вопросамъ общественной жизни. А между тѣмъ, еще двѣсти лѣтъ тому назадъ, величайшій преобразователь государственной власти и централизаціи сказалъ:

„Науки подчиненія и насилія терпѣть не могутъ". Н. И. Пироговъ говоритъ: „коренное преобразованіе нашего университета безъ рѣшенія вопроса о свободѣ мысли и слова, немыслимо. Прежде всего нужно сдѣлать науку независимой. Университетъ автономическій безъ гласности и общественнаго мнѣнія вовсе немыслимъ". Памятуя такія пророческія слова Н. И. Пирогова, русская профессорская коллегія, заявляющая о необходимости академической свободы, остается лишь исторически строго-консервативной и вѣрной давнымъ-давно провозглашеннымъ, доказаннымъ, но, къ сожалѣнію, забытымъ началамъ.

Резюмируя, можемъ сказать, что истинная академическая свобода сдѣлается у насъ возможной лишь тогда, когда, кромѣ автономіи университетовъ, упрочена будетъ также и автономія самаго министерства народнаго просвѣщенія, его внѣшняя свобода отъ давленія другихъ вѣдомствъ и внутренняя свобода просвѣщенія отъ различныхъ чуждыхъ наукѣ элементовъ.

Въ неразрывной связи съ постановкой преподаванія находится и положеніе профессуры. Академическая свобода слагается изъ двухъ факторовъ—свободы преподаванія и независимости профессуры. Внутренняя связь этихъ двухъ факторовъ явственно выступаетъ во всей исторіи нашихъ университетовъ. Каждый разъ, какъ усиливалось политическое и административное давленіе на университетъ, оно одинаково захватывало и преподаваніе, и преподавателей, и наоборотъ, всякое расширеніе свободы преподаванія сопровождалось ослабленіемъ административной опеки надъ преподавателемъ.

Какъ свобода преподаванія представляется первымъ необходимымъ условіемъ правильной функціи университета и нормальнаго взаимоотношенія между учащими и учащимися, такъ личная академическая независимость профессуры составляетъ существенное условіе спокойной, увѣренной работы профессора, какъ научнаго дѣятеля и педагога. Нетрудно подмѣтить, что, какъ ни тѣсны рамки свободы преподаванія въ нашихъ университетахъ, все же онѣ не такъ фиксированы и не такъ подвижны, какъ то постоянное давленіе, подъ которымъ находится личность профессора.

Академическое положеніе профессора опредѣляется двумя главными моментами: 1) способомъ достиженія имъ званія профессора; 2) способомъ его увольненія. Уставъ 1884 г. отдалъ всецѣло въ руки администраціи назначеніе профессоровъ. И хотя въ послѣдніе годы сдѣланы уступки выборному началу, все же назначеніе остается въ рукахъ министерства. Но самымъ вліятельнымъ факторомъ остается право увольнять профессоровъ. И,

быть можетъ, еще болѣе страшнымъ оружіемъ является система негласныхъ замѣчаній, выговоровъ, внушеній, предостереженій и тому подобныхъ административныхъ пріемовъ. Этимъ состоящимъ совершенно внѣ всякаго правового порядка пріемамъ и способамъ административнаго воздѣйствія на профессуру Россія обязана потерей не одного крупнаго университетскаго дѣятеля. Если многія громкія имена, составляющія гордость и украшеніе русской науки, разбросаны теперь по всей Европѣ, то этой профессорской эмиграціи мы цѣликомъ обязаны отсутствію личной академической свободы и административному произволу въ нашей университетской жизни.

Гдѣ и въ чемъ можно искать гарантію личной академической свободы, безусловно необходимой для развитія нашей университетской жизни и для обезпеченія интересовъ русскаго просвѣщенія? Очевидно, что одними измѣненіями университетскаго устава, признаніемъ академической свободы преподаванія, даже сознаніемъ университетской автономіи не будетъ еще обезпечена личная независимость профессуры до тѣхъ поръ, пока остается въ своей силѣ система тенденціозной опеки надъ умственной жизнью страны и безконтрольная власть администраціи надъ представителями университетской науки. Уничтоженіе административной опеки, дѣйствующей подавляющимъ образомъ на научную работу профессоровъ и нерѣдко деморализующей послѣднихъ, возможно лишь при условіи правового порядка, при свободномъ контролѣ сильнаго и свободнаго общественнаго мнѣнія. При этомъ условіи опека превращается въ законный контроль высшихъ органовъ правительства надъ свободой, въ своихъ законныхъ предѣлахъ, дѣятельности университетской коллегіи.

Итакъ, какой бы мы ни избрали исходный пунктъ нашего анализа университетской жизни, студенческія ли волненія, состояніе ли преподаванія, или положеніе профессуры, мы приходимъ роковымъ образомъ къ одному источнику—къ общему тону и направленію государственной жизни нашего отечества. Всякая попытка разобраться въ университетскомъ вопросѣ, независимо отъ общаго строя, обречена на неизбѣжную неудачу. Это убѣдительно подтверждается крахомъ устава 1863 г. Уставъ этотъ разрабатывался лучшими силами нашей страны. Къ его выработкѣ и отшлифовкѣ были привлечены многіе выдающіеся университетскіе дѣятели всѣхъ странъ Европы. Въ основу его были положены гуманныя стремленія и широкія идеи Пирогова, Андреевскаго, Бекетова, Спасовича, Бутлерова, Чичерина, Кавелина и многихъ другихъ свѣтилъ русской мысли.

Н. И. Пироговъ, смотрѣвшій, по его собственному выраженію, крайне идеалистически на университетъ, настаивалъ, чтобы послѣдній былъ не только автономенъ, но и децентрализованъ: т.-е., чтобы каждому университету было предоставлено право вырабатывать особый уставъ. Вотъ какъ выражался Н. И. Пироговъ по этому поводу: „вся задача для насъ состоитъ, я думаю, не въ томъ, чтобы составить одинъ „общій уставъ россійскихъ университетовъ", т.-е. найти еще нигдѣ не найденное общее,— а въ томъ, чтобы найти на дѣлѣ особенности для „каждаго изъ россійскихъ университетовъ", которыя бы сближали ихъ жизнь съ жизнью края. Чѣмъ свободнѣе, чѣмъ менѣе регламентирована будетъ ихъ дѣятельность, тѣмъ яснѣе выразится характеръ каждаго, и тѣмъ болѣе каждый университетъ будетъ соотвѣтствовать потребностямъ общества. Я тогда только увижу университетскую коллегію живою, сильною и прогрессивною, когда 1) каждый изъ нашихъ университетовъ разовьетъ свою дѣятельность на просторѣ и на свободѣ, самъ по своимъ убѣжденіямъ, и, примѣняясь къ мѣстнымъ требованіямъ, распредѣлитъ свой бюджетъ, съ полною отвѣтственностью предъ лицомъ науки, государства и общества; когда 2) самъ опредѣлитъ вознагражденіе за труды своимъ сочленамъ не по званію, не по должностямъ, а по личнымъ достоинствамъ и заслугамъ въ наукѣ".

Идеи Н. И. Пирогова не остались безъ вліянія на уставъ 1863 г. Нашему университету дана была широкая автономія. Все, казалось, сулило долгую и счастливую жизнь новорожденному уставу и русскому университету. Былъ только забытъ завѣтъ Н. И. Пирогова—гласность, т.-е. свобода мысли и слова. Административная опека осталась во всей своей силѣ. Просвѣщеніе было подчинено церкви и политикѣ. Не прошло и десяти лѣтъ,—и отъ всѣхъ благихъ начинаній не осталось и слѣда. Уставъ быстро выродился. Университетъ падалъ. Молодежь отвернулась отъ университета. Общество къ нему охладѣло. И профессура потеряла свою притягательную силу. И когда графъ Д. А. Толстой наложилъ свою руку на уставъ 1863 г., онъ уже не встрѣтилъ серьезнаго сопротивленія ни въ обществѣ, ни въ университетѣ, такъ какъ послѣдній находился уже въ агоніи.

Размышляя о судьбѣ университета въ нашемъ отечествѣ, нужно всегда въ головѣ и передъ глазами имѣть поучительную исторію устава 1863 г. Мораль этой исторіи ясна.

Университетъ не есть отдѣльное учрежденіе, стоящее особнякомъ, какъ пристройка къ общественному зданію. Меньше, чѣмъ какая-либо другая область жизни, университетъ можетъ

17278

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

быть трактуемъ изолированно, внѣ связи съ общимъ строемъ жизни. Университетъ есть вершина той пирамиды, которую представляетъ собой общественное зданіе. При всѣхъ колебаніяхъ той почвы, на которой стоитъ это зданіе, его верхушка—университетъ—раньше и рѣзче другихъ частей зданія обнаруживаетъ своими качаніями колебаніе фундамента. Нельзя отрицать, что есть много университетскихъ вопросовъ, спеціальныхъ и даже чисто техническихъ. Эти вопросы могутъ съ успѣхомъ обсуждаться въ спеціальныхъ комитетахъ и коммиссіяхъ, причемъ могутъ быть придуманы различныя весьма разумныя и полезныя мѣры. Но надъ всѣми этими частными вопросами и въ то же время глубоко подъ ними существуетъ общій университетскій вопросъ—о русской школѣ, какъ объ одной изъ частей и притомъ же вершинѣ всего зданія русской жизни. Нужно помнить, что истинный общій университетскій уставъ, т.-е. такой, при которомъ возможно свободное и правильное развитіе русской науки, русской мысли и русской молодежи, можетъ быть лишь одной изъ главъ великаго государственнаго устава русской земли.

Имѣя передъ глазами тѣ плоды, которые даетъ народамъ свободная наука и мысль, какъ-то странно даже доказывать пользу свободы слова. Напомнимъ еще разъ, что во всѣхъ областяхъ жизни и практической дѣятельности слово и мысль служатъ орудіемъ и двигательной силой, тогда какъ въ дѣлѣ просвѣщенія и науки мысль и слово составляютъ самое содержаніе, самую цѣль и задачу. Поэтому всякое ограниченіе свободы мысли и слова въ сферѣ наукъ и просвѣщенія влечетъ за собою роковымъ образомъ истощеніе, атрофію и смерть. Проникнутая такими убѣжденіями, русская профессорская коллегія должна открыто заявить, что она не вѣритъ ни въ возможность замиранія университетской молодежи, ни въ созданіе новаго, болѣе прочнаго и жизнеспособнаго университетскаго режима до тѣхъ поръ, пока самыя основы этого режима, т.-е. все направленіе уклада нашей внутренней жизни, не подвергнутся коренному измѣненію. Новый университетскій строй, покоящійся на началахъ свободы науки, свободы ученія и административной автономіи, можетъ явиться лишь плодомъ свободной, гласной и коллективной работы представителей всѣхъ областей и уголковъ народнаго просвѣщенія. Самой насущной и безотлагательной—является съѣздъ людей науки и просвѣщенія, съѣздъ независимый, внѣ опеки администраціи, составленный не изъ оффиціальныхъ или избранныхъ представителей, а изъ лицъ, которыхъ привлечетъ интересъ къ дѣлу и сознаніе долга предъ университетомъ и родиной. Только

такой съѣздъ явился бы въ настоящую минуту вполнѣ компетентнымъ выразителемъ нуждъ и задачъ народнаго просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ.

II.

Непрекращающіяся волненія среди университетской молодежи, а равно настойчиво высказываемыя, какъ профессорской коллегіей, такъ и академическимъ союзомъ и съѣздомъ, требованія университетской автономіи не остались безъ воздѣйствія на министерство. Оно, во-первыхъ, снова приступило къ окончательной выработкѣ новаго устава, и для этой цѣли учреждена была коммиссія изъ нѣсколькихъ ректоровъ и профессоровъ, приглашенныхъ министерствомъ въ эту коммиссію.

Во-вторыхъ, разсчитывая, что предоставленіе университетамъ автономіи можетъ повліять успокоительно на молодежь и сдѣлаетъ возможнымъ открытіе университетовъ и возобновленіе учебныхъ занятій, министерство рѣшило, не дожидаясь окончательной выработки устава и утвержденія его въ законодательномъ порядкѣ, дать немедленно университетамъ автономію. Это и было сдѣлано въ августѣ 1905 г., причемъ автономія явилась въ формѣ Высочайше утвержденныхъ временныхъ правилъ. Въ этихъ коротенькихъ „правилахъ“ содержатся слѣдующія положенія:

1) Немедленные выборы повсемѣстно ректоровъ и деканов.

2) Самоуправленіе университета, причемъ совѣтъ поставленъ во главѣ всей учебной и административной жизни университета.

3) Совѣтъ дѣлается отвѣтственнымъ за порядокъ въ университетѣ.

4) Въ виду неупоминанія въ „правилахъ“ о попечителѣ, установилось повсемѣстно такое толкованіе, что совѣтъ университета и его представитель, ректоръ, сносятся прямо и непосредственно съ министерствомъ, и что вмѣшательство попечителя въ дѣла университета какъ бы вовсе устраняется.

Мнѣніе это на практикѣ нашло себѣ подтвержденіе въ томъ, что, вслѣдъ за опубликованіемъ временныхъ правилъ, совѣты университетовъ стали обращаться непосредственно къ министру съ различными ходатайствами, которыя были такъ или иначе разрѣшаемы, причемъ министерство ни разу не поставило на видъ университетамъ неправильности такого прямого обращенія въ министерство, помимо попечителя. Этимъ молчаніемъ какъ попечители округовъ, такъ и само министерство, санкціонировали пра-

вильность такого толкованія временныхъ правилъ. За совѣтами была, такимъ образомъ, признана административная автономія и независимость отъ попечителя. Какъ широко была понята эта автономія, можно судить по тѣмъ перемѣнамъ, которыя произошли за послѣдніе два-три мѣсяца во всемъ строѣ университетской жизни.

Совѣты воспользовались предоставленной имъ автономіею, чтобы немедленно осуществить на дѣлѣ нѣкоторыя изъ тѣхъ основныхъ требованій, которыя четыре года тому назадъ были, какъ desiderata, провозглашены въ „отвѣтахъ“ совѣтовъ. Такъ, немедленно и повсемѣстно была удалена инспекція изъ стѣнъ университета, студентамъ была предоставлена широкая свобода сходокъ и собраній, значительно былъ расширенъ кругъ лицъ, допущенныхъ въ качествѣ вольныхъ слушателей къ посѣщенію лекцій. Были привлечены къ участію въ совѣщаніяхъ представители младшихъ преподавателей, т.-е. приватъ-доценты, ассистенты и другіе. Повсемѣстно совѣты университетовъ ходатайствовали объ отмѣнѣ существующихъ ограниченій для пріема евреевъ, каковыя ходатайства были во всѣхъ случаяхъ утверждаемы министерствомъ. Почти всѣ университеты сдѣлали постановленія о пріемѣ въ число студентовъ лицъ, окончившихъ реальныя и коммерческія училища и семинаріи, т.-е. посягнули на одинъ изъ самыхъ краеугольныхъ устоевъ университетскаго устава. Въ нѣкоторыхъ университетахъ допущеніе женщинъ въ число вольнослушательницъ стало совершившимся фактомъ.

Будущій историкъ переживаемой нами эпохи, вооруженный строгой исторической критикой, быть можетъ, найдетъ въ дѣятельности совѣтовъ нѣкоторую поспѣшность и эксцессы въ самомъ направленіи этой дѣятельности, но едва ли у историка хватитъ мужества утверждать, что эти эксцессы были причиной того, почему университетская жизнь не могла сразу войти въ нормальную колею мирной учебной работы. Въ то же время историкъ не будетъ отрицать, что съ момента опубликованія „временныхъ правилъ“ совѣтъ сталъ не только юридически, но и морально, во главѣ университета. Университетская жизнь сразу приняла ту физіономію, какую она имѣла при уставѣ 63-го года, когда совѣтъ былъ душою университета, а факультетъ былъ лишь рабочимъ органомъ. Хорошо ли это или нѣтъ, но нельзя закрывать глаза на то, что, по исторически сложившимся у насъ традиціямъ, каждый разъ, какъ университетская жизнь предоставляется самой себѣ, совѣтъ дѣлается господиномъ, нерѣдко даже въ ущербъ самостоятельности факультетовъ.

Уже одинъ тотъ фактъ, что во всѣхъ русскихъ университетахъ въ одинъ и тотъ же день совѣты заняли безъ всякихъ протестовъ первенствующее положеніе, убѣдительно показываетъ, что русскіе университеты имѣютъ естественное тяготѣніе къ такому строю. Въ то же время укрѣпилось въ умѣ профессоровъ вполнѣ естественное и законное убѣжденіе, что режимъ совѣтскаго полновластія и университетской автономіи, предоставленные университетамъ „временными правилами", не есть временный подарокъ, а разъ навсегда закрѣплены за университетомъ. „Временныя правила" были всѣми поняты какъ основныя начала будущаго строя нашей высшей школы, и что новый уставъ явится лишь истолкователемъ и дальнѣйшей детальной разработкой этихъ основъ. Никому не могла придти въ голову мысль, что автономія поднесена университету какъ успокоительное лекарство, но лишь на короткое время, и что, по минованіи надобности, административная опека снова вступитъ въ свои права.

Русскіе университеты считаютъ университетскую автономію своимъ вполнѣ обезпеченнымъ пріобрѣтеніемъ и спокойно ожидаютъ отъ будущаго устава закрѣпленія этого пріобрѣтенія.

Посмотримъ теперь, насколько эти ожиданія находятъ свое оправданіе въ появившемся „Проектѣ общаго устава императорскихъ россійскихъ университетовъ". Проектъ этотъ въ настоящее время уже разосланъ во всѣ университеты на обсужденіе и, по полученіи министерствомъ замѣчаній и отзывовъ, будетъ внесенъ законодательнымъ путемъ, еще не вполнѣ выяснившимся, на окончательное утвержденіе.

Предоставляется еще возможность дать оцѣнку труду университетской коммиссіи и указать недостатки и пробѣлы новаго проекта. Этой работой мы и займемся теперь.

Первое впечатлѣніе, которое выносится при чтеніи „проекта", получается вполнѣ для него выгодное. Въ статьѣ 6-й читаемъ: „въ цѣляхъ же успѣшнаго выполненія научно-учебныхъ задачъ, университетамъ предоставляется внутреннее самоуправленіе". Этой статьей санкціонируется внутренняя автономія университета.

Далѣе, вводится выборное начало для профессоровъ, деканов, ректоровъ, секретарей, какъ факультетскихъ, такъ и совѣтскихъ, выборы всего административнаго персонала служащихъ по канцеляріи, въ правленіи, библіотекѣ и т. п.; гонораръ отмѣняется; содержаніе преподавателей увеличено; возстановляется институтъ штатныхъ доцентовъ; государственные экзамены въ университетѣ отмѣняются,—университетъ выдаетъ только свидѣтельства, дающія

лишь ученыя званія безъ правъ; для полученія послѣднихъ проектируются государственные экзамены по образцу германскихъ. Роль инспекціи ослаблена,—инспекторъ избирается, подчиненъ ректору и не засѣдаетъ въ правленіи.

Студентамъ предоставлена извѣстная корпоративная свобода. Составъ факультетовъ расширенъ; въ ихъ засѣданіяхъ могутъ участвовать, кромѣ профессоровъ, и штатные доценты, лекторы, прозекторы, старшіе ассистенты и другія лица изъ младшаго преподавательскаго персонала.

Условія полученія профессорскаго званія выравнены для всѣхъ факультетовъ: экстраординарнымъ профессоромъ можетъ быть лишь лицо, имѣющее степень магистра, ординарнымъ же профессоромъ—лишь тотъ, кто обладаетъ дипломомъ доктора по разряду соотвѣтствующихъ наукъ. Точно также никто не можетъ сдѣлаться приватъ-доцентомъ или штатнымъ доцентомъ, не имѣя званія магистра. Этимъ предполагается созданіе на медицинскомъ факультетѣ новыхъ званій магистра и доктора извѣстныхъ группъ наукъ.

Всѣ эти нововведенія, весьма симпатичныя по существу, были уже вполнѣ опредѣленно формулированы въ отвѣтахъ совѣтовъ. Взятыя въ своей совокупности, эти нововведенія даютъ проекту, при первомъ знакомствѣ съ нимъ, благопріятную окраску. Ближайшее знакомство съ „проектомъ“ открываетъ, однакоже, въ немъ рядъ такихъ специфическихъ особенностей, которыя заставляютъ задуматься.

Прежде всего, читателя смущаетъ редакція выше приведенной 6-й статьи, гдѣ говорится лишь объ учебно-научной задачѣ университета, и ни единымъ словомъ не упоминается про тѣ просвѣтительныя цѣли, о которыхъ съ такимъ жаромъ говоритъ Пироговъ. Выраженіе „внутреннее самоуправленіе“ также довольно подозрительно и наводитъ на мысль, что есть какое-то другое, внѣшнее самоуправленіе, которое университету не полагается.

Къ сожалѣнію, объяснительная записка, имѣющая пролить свѣтъ на мотивы, руководившіе составителями „проекта“, и раскрыть общія начала, положенныя въ его основу, еще не опубликована. Но если вѣрить извлеченіямъ изъ этой записки, появившимся въ газетахъ, то главнымъ мотивомъ дарованія университетамъ автономіи является то соображеніе, что „только тѣсно сплоченная, проникнутая сознаніемъ отвѣтственности за все теченіе университетской жизни, профессорская корпорація можетъ быть оплотомъ учебнаго порядка“.

Итакъ, составители „проекта“ признаютъ безсиліе администраціи обезпечить порядокъ въ университетѣ, и заявляютъ, что только автономная профессорская корпорація въ состояніи гарантировать мирное теченіе въ жизни и успѣшное выполненіе научно-учебныхъ задачъ, а посему разрѣшено внутреннее самоуправленіе, но подъ условіемъ возложенія на профессорскую корпорацію отвѣтственности за порядокъ. Формула эта довольно откровенная, но сомнительно, чтобы она удовлетворила русскую профессуру, и наврядъ ли она совпадаетъ съ той мотивировкой необходимости самоуправленія, которую мы находимъ въ отвѣтахъ совѣтовъ.

Дальнѣйшее чтеніе „проекта“ еще больше насъ убѣждаетъ въ томъ, какъ своеобразно понимается его составителями начало автономіи. Такъ, уже во второмъ отдѣлѣ, въ главѣ о попечителѣ учебнаго округа, мы не находимъ указанія на то, чтобы подчиненность университетовъ попечителю была ослаблена. Правда, измѣнена редакція соотвѣтствующихъ статей (9—15), трактующихъ о правахъ и обязанностяхъ попечителя, выпущены, напримѣръ, грозныя выраженія: „пресѣкаетъ всякое уклоненіе... привлекаетъ къ отвѣтственности виновныхъ“, но зато введены нѣсколько новыхъ статей, безспорно усиливающихъ вліяніе попечителя на университетъ. Статья 12-ая: „всѣ дѣла по управленію университетомъ должны быть всегда доступны контролю попечителя, и всѣ лица, служащія въ университетѣ или состоящія при немъ, обязаны давать попечителю по всѣмъ дѣламъ объясненія и заключенія“.

Особенно характерно вновь введенное выраженіе (статья 13): „въ случаяхъ чрезвычайныхъ попечитель дѣйствуетъ безотлагательно *всѣми зависящими отъ него способами*“. Каждому предоставляется по-своему толковать, что слѣдуетъ подразумѣвать подъ этими „способами“.

Теперь становится понятнымъ, что выраженіе „внутреннее самоуправленіе“ имѣетъ реальный смыслъ, и что вліяніе администраціи, т.-е. попечителя, на университетъ осталось во всей своей силѣ. Ослабленіе административной опеки надъ университетомъ сдѣлано за счетъ вліянія министерства, но отнюдь не въ ущербъ попечительства. Вся дѣятельность факультетовъ, совѣта и правленія осталась въ той же мѣрѣ подчиненной попечителю, какъ она была раньше. Избирается ли факультетомъ ординаторъ клиники, ассистентъ, лаборантъ, приватъ-доцентъ—ихъ утверждаетъ попечитель. Оставляетъ ли факультетъ молодыхъ людей при университетѣ для усовершенствованія—они утвер-

ждаются попечителемъ. Командируетъ ли факультетъ или совѣтъ кого-либо заграницу для научныхъ занятій, командировка не можетъ состояться безъ утвержденія попечителя, все равно—будь командированный ассистентъ, стипендіатъ, готовящійся къ занятію каѳедры, приватъ-доцентъ или профессоръ.

Людямъ, мало знакомымъ съ механизмомъ университетской жизни, можетъ казаться, что право попечителя „утверждать" имѣетъ лишь формальное значеніе и контрольный характеръ,—не больше. Въ дѣйствительности же это не такъ. Вездѣ, гдѣ мы въ университетскомъ уставѣ читаемъ „утверждаетъ", „разрѣшаетъ", слѣдуетъ внести одну существенную поправку и читать: „утверждаетъ или не утверждаетъ", „разрѣшаетъ или не разрѣшаетъ". Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда роль попечителя чисто передаточная, гдѣ онъ „ходатайствуетъ передъ господиномъ министромъ", слѣдуетъ читать: „или не ходатайствуетъ".

Это право „неутвержденія" и „неразрѣшенія" отличается своею крайнею индивидуальностью. Одни администраторы пользуются имъ крайне осторожно, другіе—злоупотребляютъ. Чтобы не ходить далеко за примѣромъ, укажемъ на случай съ однимъ изъ выдающихся нашихъ экономистовъ, который не былъ утвержденъ попечителемъ московскаго округа въ званіи приватъ-доцента, но получилъ это званіе, благодаря вмѣшательству министерства, и въ настоящее время съ честью занимаетъ каѳедру въ другомъ вѣдомствѣ.

„Неутвержденіе" особенно широко примѣнялось къ ординаторамъ и ассистентамъ; этимъ способомъ произвольно устранялись изъ университета лица по соображеніямъ, ничего общаго съ наукой не имѣющимъ, а чисто національнымъ, политическимъ или религіознымъ.

Самое крупное нововведеніе въ „проектѣ" заключается, безспорно, въ созданіи новаго административнаго органа—сената. Сверхъ прежнихъ органовъ университетской жизни—факультетовъ, совѣта и правленія, проектируется новое учрежденіе—сенатъ, построенный по германскому образцу. Германскій сенатъ состоитъ изъ ректора, четырехъ деканов, помощника ректора и пяти членовъ, избираемыхъ общимъ собраніемъ профессоровъ.

Въ германскихъ университетахъ собраніе всѣхъ профессоровъ (ординарныхъ) бываетъ лишь для выбора ректора и членовъ сената. Всѣ функціи нашего совѣта и нашего правленія въ Германіи возложены на сенатъ, который вѣдаетъ всю администрацію, всѣ судебныя и хозяйственныя дѣла университета; преподаваніе же находится всецѣло въ завѣдываніи факультета.

Такъ какъ ректоръ избирается въ Германіи всего на одинъ годъ, то для того, чтобы любой профессоръ, даже кабинетный ученый, могъ быть ректоромъ, сенату дается на помощь особый, назначаемый отъ правительства, чиновникъ, именующійся „синдикомъ“. Онъ играетъ роль юрисконсульта по университетскимъ дѣламъ, ему же принадлежитъ въ извѣстныхъ предѣлахъ судебная, дисциплинарная власть надъ студентами. Онъ имѣетъ совѣщательный голосъ въ сенатѣ; такимъ образомъ, въ германскомъ сенатѣ имѣется двѣнадцать членовъ.

О задачахъ и назначеніи сената по министерскому „проекту“ мы читаемъ слѣдующее:

Ст. 59. Сенатъ, дѣйствуя отъ имени университета, вѣдаетъ общія дѣла по учебной, административной, хозяйственной и дисциплинарной части.

Ст. 61. Сенатъ имѣетъ въ главномъ своемъ завѣдываніи все имущество университета и отвѣтствуетъ за сохранность онаго.

Ст. 62. Сенату принадлежитъ право дисциплинарнаго суда надъ студентами.

Ст. 63. Сенатъ состоитъ изъ: а) ректора, б) его помощника, в) деканові всѣхъ факультетовъ, г) членовъ, избираемыхъ по три отъ каждаго факультета, срокомъ на три года, и утверждаемыхъ въ сей должности попечителемъ учебнаго округа. Сверхъ того, въ составъ сената входятъ: а) совѣтникъ по хозяйственной части, съ рѣшительнымъ голосомъ по дѣламъ хозяйственнымъ, б) юрисконсультъ съ рѣшительнымъ голосомъ по дѣламъ юридическимъ и дисциплинарнымъ. Итого, двадцать членовъ.

Уже изъ этихъ общихъ, руководящихъ, статей видно, что по „проекту“ сенату принадлежатъ всѣ тѣ функціи, которыя прежде лежали на совѣтѣ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, обратимся къ дѣятельности факультетовъ, и мы увидимъ что всѣ серьезныя дѣла, возникающія въ факультетѣ, переходятъ на разсмотрѣніе и утвержденіе сената. Такъ—статья 57-я, параграфъ второй—дѣла, по коимъ рѣшенія факультетовъ поступаютъ на разсмотрѣніе или утвержденіе сената: 1) Предположенія о мѣрахъ къ обезпеченію преподаванія, при отсутствіи штатнаго преподавателя, а также по вакантнымъ каѳедрамъ. 4) Предположенія о срокахъ и порядкѣ производства студентамъ окончательныхъ испытаній. 6) Распредѣленіе суммъ, назначенныхъ на учебно-вспомогательныя установленія факультетовъ. 9) Ходатайства о командированіи профессоровъ, преподавателей и проч. 10) Со-

ображенія о вознагражденіи за преподаваніе, при отсутствіи штатнаго преподавателя по вакантной каѳедрѣ, а равно за чтеніе лекцій и веденіе практическихъ занятій приватъ-доцентами по порученію факультета. 11) Ходатайства о назначеніи студентамъ стипендій и пособій, а также объ освобожденіи отъ платы за ученіе. 12) Учрежденіе студенческихъ кружковъ и обществъ.

Представленія факультетовъ о кандидатахъ, избранныхъ на каѳедру, также идутъ въ министерство черезъ сенатъ. Сенату же принадлежитъ судебная функція; изъ его среды избирается особая коммиссія, составляющая дисциплинарный судъ.

Что же остается на долю совѣта?

Ст. 82 говоритъ: Совѣтъ, объединяя учено-учебную дѣятельность отдѣльныхъ факультетовъ въ цѣляхъ успѣшнаго выполненія основныхъ задачъ университета, разсматриваетъ и въ подлежащихъ случаяхъ утверждаетъ руководственныя положенія правилъ, какъ по учебному дѣлу, такъ и по отдѣльнымъ частямъ университетскаго управленія (какимъ?).

Если же мы обратимся къ подробному перечню предметовъ вѣдѣнія совѣта, то мы найдемъ слѣдующее:

Ст. 87, параграфъ 1-й: Дѣла, предоставляемыя окончательному рѣшенію сего установленія: 1) Утвержденіе въ ученыхъ степеняхъ. 4) Утвержденіе составленныхъ сенатомъ правилъ о дѣлопроизводствѣ въ университетскомъ судѣ и о порядкѣ наложенія взысканій на студентовъ. 5) Назначеніе ежегодно дня для торжественнаго собранія университета. 6) Избраніе предсѣдателя библіотечной коммиссіи. 7) Утвержденіе избранныхъ факультетомъ членовъ редакціоннаго комитета.

Правда, параграфы 2-й и 3-й говорятъ о правѣ совѣта утверждать подробные учебные планы и обозрѣнія преподаванія, выработанные факультетами, но это право значительно теряетъ въ своей цѣнности, ибо въ другомъ мѣстѣ мы находимъ указаніе, что проекты основныхъ учебныхъ плановъ, выработанныхъ факультетами, идутъ на утвержденіе министра.

Итакъ, совѣтъ имѣетъ полномочія лишь на то, чтобы санкціонировать подробности въ учебныхъ планахъ, избраніе предсѣдателя библіотечной коммиссіи и назначеніе дня торжественнаго собранія университета.

Послѣднее право не ложится особымъ бременемъ на совѣтъ, такъ какъ день торжественнаго собранія обыкновенно бываетъ фиксированъ разъ навсегда и пріуроченъ ко дню основанія университета. Зато всякое болѣе или менѣе серьезное дѣло, восходящее изъ факультета въ совѣтъ, не разрѣшается послѣд-

нимъ, а восходитъ выше, къ попечителю или къ министру. Самое же существенное право стараго совѣта эпохи устава 63-го года, а именно, баллотировка кандидатовъ на каѳедру, избранныхъ въ факультетѣ,—право, возвращенное въ послѣдніе годы совѣту,—вновь у него отнимается „проектомъ“.

Съ внѣшней стороны совѣтъ составляетъ какъ бы высшую инстанцію для сената, изъ котораго нѣкоторыя дѣла переходятъ въ совѣтъ, но никогда обратно. Какія же это дѣла переходятъ изъ сената въ совѣтъ? Объ этомъ мы находимъ въ параграфѣ 2-мъ статьи 68-й слѣдующее: 1) годовой отчетъ о дѣятельности университета; 2) проектъ правилъ для студентовъ и постороннихъ слушателей, проектъ инструкцій для инспектора студентовъ и проектъ правилъ о завѣдываніи общежитіями; 3) проектъ библіотечныхъ правилъ; 4) проектъ правилъ о дѣлопроизводствѣ въ университетскомъ судѣ и о порядкѣ возложенія взысканій на студентовъ. Инструкціи объ инспекціи, удаленія которой требуютъ всѣ совѣты, инструкціи студентамъ, вольнослушателямъ и общежитіямъ, проектъ правилъ о дисциплинарномъ судѣ и наложеніи взысканія на студентовъ—вотъ что сенатъ благосклонно предоставляетъ на долю совѣта, возложивъ на него всю отвѣтственность за порядокъ.

Невольно возникаетъ вопросъ, для чего понадобилось созданіе новаго института—сената, къ которому перешли почти всѣ функціи совѣта? Изъ объяснительной записки мы узнаемъ, что главнымъ мотивомъ послужила „громоздкость“, т.-е. многолюдность совѣта. Позволительно спросить, почему же проектированный сенатъ состоитъ изъ двадцати членовъ, а не изъ двѣнадцати, какъ германскій? И для чего же рядомъ съ сенатомъ сохраненъ совѣтъ? Въ „проектѣ“ находимъ указаніе, что вѣдомству совѣта подлежатъ всѣ общіе, принципіальные вопросы, не касающіеся ни лицъ, ни интересовъ; на долю сената — всѣ дѣла и личные вопросы университетской жизни. Можно спросить, почему же студенческія дѣла поставлены въ зависимость отъ совѣта, а не отъ сената? Отвѣтъ на всѣ эти вопросы можетъ быть лишь одинъ. Составители „проекта“, видимо, задались мыслью уничтожить совѣтъ, представляющій собою у насъ, по традиціи, дѣйствительное воплощеніе университетской автономіи, но, не имѣя мужества сдѣлать это прямо, „проектъ“ создалъ новый органъ, коего назначеніе—парализовать совѣтъ, отнявъ у послѣдняго всѣ права и оставивъ за нимъ лишь отвѣтственность.

Если „проекту“ суждено осуществиться,—что весьма сомнительно, то нетрудно предвидѣть тѣ печальныя для университет-

ской жизни послѣдствія, которыя явятся результатомъ совмѣстнаго существованія бокъ-о-бокъ совѣта и сената. Университетъ превратится въ арену борьбы и интригъ. Совѣтъ, лишенный всякаго значенія, захиряетъ и не въ состояніи будетъ выполнить даже ту единственную функцію, которую ему навязываетъ „проектъ", а именно поддержаніе порядка.

Выводъ изъ всего изложеннаго ясенъ. Если существованіе сената въ германскихъ университетахъ, гдѣ нѣтъ ни правленія, ни совѣта, вполнѣ цѣлесообразно, то у насъ сенатъ не только излишенъ, но явился бы явнымъ тормазомъ, грозящимъ спутать работу всѣхъ другихъ органовъ самоуправленія. Русскимъ университетамъ всего лучше остаться при своихъ старыхъ исторически сложившихся органахъ, факультетѣ и совѣтѣ.

При этомъ выступаетъ весьма опредѣленная задача—установить разграниченіе сферъ дѣятельности факультетовъ и совѣта. Въ настоящее время множество дѣлъ обсуждаются и рѣшаются дважды — въ факультетѣ и совѣтѣ. Такъ, напримѣръ, дѣло объ избраніи младшаго педагогическаго персонала — ординаторовъ, лаборантовъ, ассистентовъ—изъ факультета переходитъ въ совѣтъ, а оттуда восходитъ на утвержденіе попечителя. Можно бы сократить процедуру, и всѣ выборныя дѣла — до приватъ-доцента включительно—передавать изъ факультета прямо попечителю.

Командировка факультетомъ стипендіата для усовершенствованія и вообще всѣ командировки на средства, принадлежащія факультету, также какъ и пособія на изданіе трудовъ, по болѣзни и проч., могли бы подлежать рѣшенію одного факультета.

Смѣта каждаго факультета обсуждается дважды—въ факультетѣ и въ совѣтѣ, и въ результатѣ у насъ нерѣдко университетская смѣта вмѣсто декабря заканчивается въ февралѣ, а иногда и въ мартѣ, и университетскимъ учрежденіямъ приходится прибѣгать къ авансамъ. Необходимо признать нѣкоторую автономію каждаго факультета въ способѣ распредѣленія и расходованія имѣющихся въ его распоряженіи суммъ.

Особенной сложностью и медлительностью отличается процедура всякаго, даже самаго незначительнаго, нововведенія въ преподаваніи и въ устройствѣ каѳедры. Представитель какой-нибудь каѳедры находитъ необходимымъ расширить помѣщеніе своей лабораторіи или ходатайствуетъ о разрѣшеніи ему пригласить еще одного сверхштатнаго ассистента. Въ германскомъ университетѣ первое ходатайство разрѣшилось бы безъ вѣдома факультета, одною хозяйственной администраціею. Вопросъ о но-

вомъ ассистентѣ былъ бы рѣшенъ деканомъ, быть можетъ при участіи факультета. У насъ столь несложное дѣло будетъ подвергаться обсужденію въ факультетѣ, въ совѣтѣ, въ правленіи и выше, вслѣдствіе чего такія ходатайства иногда годами ждутъ своего разрѣшенія...

Такъ какъ факультетъ есть мѣсто зарожденія всѣхъ новыхъ потребностей и источникъ всѣхъ начинаній въ университетской жизни, то было бы полезно расширить право иниціативы факультетовъ и по возможности сократить непомѣрно длинное разстояніе, которое въ настоящее время отдѣляетъ факультетъ отъ центра. Къ такому же отрицанію цѣлесообразности сената приходимъ и другимъ путемъ. Несомнѣнно, что такія же антагонистическія отношенія, какихъ можно ожидать между сенатомъ и совѣтомъ, неизбѣжно будутъ имѣть мѣсто между сенатомъ и правленіемъ; ибо у того и другого тождественныя функціи, завѣдываніе университетской хозяйственной частью, съ той разницею, что на правленіи лежитъ ближайшее завѣдываніе хозяйственнымъ управленіемъ подъ руководствомъ сената.

Итакъ, правленіе является какъ бы исполнительнымъ органомъ; но вѣдь и самъ сенатъ есть въ сущности то же правленіе, плюсъ избранные совѣтомъ члены. Сенатъ есть не что иное, какъ расширенное правленіе. Къ чему же это излишнее раздвоеніе работы и умноженіе учрежденій? Не поведетъ ли это лишь къ борьбѣ между сенатомъ и правленіемъ?

До сихъ поръ правленіе было органомъ, вмѣстѣ административнымъ и исполнительнымъ; „проектъ“ зоздаетъ новую должность — совѣтника по хозяйственной части, — который оказывается настоящей исполнительной властью. О немъ читаемъ:

Ст. 44: Непосредственное завѣдываніе хозяйственной частью въ университетѣ, подъ общимъ руководствомъ сената и ректора, принадлежитъ совѣтнику по хозяйственной части, назначаемому изъ лицъ съ высшимъ образованіемъ министромъ народнаго просвѣщенія.

Итакъ, „совѣтникъ“ назначается министромъ, слѣдовательно подчиненъ послѣднему, но дѣйствуетъ подъ руководствомъ ректора и сената. Ректоръ же въ свою очередь есть предсѣдатель какъ сената, такъ и правленія; слѣдовательно, совѣтнику придется получать инструкціи какъ отъ сената, такъ и отъ правленія, въ которомъ онъ же засѣдаетъ, и отчитываться передъ министерствомъ. Каково же будетъ положеніе совѣтника въ случаѣ несогласія между сенатомъ и правленіемъ?

Въ „проектѣ“ сдѣлана попытка разграничить кругъ дѣйствій

правленія и сената. На долю правленія оставлены слѣдующія функціи:

Ст. 76: Надзоръ за производствомъ ремонта (2-й пунктъ). Надзоръ за содержаніемъ университетскихъ помѣщеній въ надлежащемъ порядкѣ (3-й пунктъ). Дѣла по завѣдыванію нижними служителями (4-й пунктъ). Наблюденіе за своевременнымъ выполненіемъ лежащихъ на университетѣ общественныхъ и государственныхъ повинностей (7-й пунктъ).—Очевидно, что для такихъ функцій не стоило сохранять самостоятельнаго правленія, и что здѣсь повторенъ тотъ же пріемъ, что и съ совѣтомъ: правленіе номинально сохранено, но вся власть переходитъ къ сенату.

Бросивъ общій взглядъ на организацію университета, какъ она намѣчена въ „проектѣ“, невольно поражаешься громоздкостью и безформенностью того многоэтажнаго зданія, въ которое предполагается превратить русскій университетъ. По проекту предположено имѣть:

1) Факультетъ; 2) совѣтъ; 3) сенатъ; 4) правленіе; 5) дисциплинарный судъ; 6) инспекцію.

Вновь создаются должности:

1) Помощникъ ректора (до сихъ поръ таковой былъ только въ Москвѣ, въ виду большого численнаго состава студенчества). 2) Юрисконсультъ или синдикъ. 3) Совѣтникъ по хозяйственной части. 4) Помощникъ университетскаго секретаря, инженеръ и проч.

Синдикъ, исполняющій въ германскомъ университетѣ роль судьи, по „проекту“ лишенъ этой функціи. О немъ читаемъ:

Ст. 46: При университетѣ состоитъ юрисконсультъ, на коего возлагается веденіе судебныхъ дѣлъ университета, а также составленіе заключеній по всѣмъ дѣламъ, передаваемымъ на его обсужденіе ректоромъ, сенатомъ или правленіемъ университета. Юрисконсультъ избирается сенатомъ университета изъ лицъ съ высшимъ юридическимъ образованіемъ.

Большинство университетовъ никогда не имѣло никакихъ судебныхъ дѣлъ; а еслибы таковыя имѣлись, то, вѣроятно, достаточно будетъ силъ цѣлаго юридическаго факультета, и навряд ли еще потребуется помощь спеціальнаго университетскаго адвоката.

Въ германскомъ университетѣ синдикъ, прежде всего, университетскій судья, что̀ и составляетъ его главную функцію; по „проекту“ же министерства синдикъ лишенъ этой функціи, благодаря чему его должность принимаетъ характеръ синекуры.

Въ „проектѣ“ министерства всѣ основныя стороны универ-

ситетской жизни многократно перепутаны между собой, каждая отрасль различными своими сторонами входитъ въ кругъ вѣдомствъ различныхъ органовъ, вслѣдствіе чего трудно представить себѣ, въ случаѣ осуществленія „проекта“, возможность правильнаго и гладкаго хода дѣлъ.

Составители „проекта“ имѣли передъ собою два типа организаціи университетскаго строя: одинъ—германскій, гдѣ факультету предоставлена учебная автономія, а всѣ остальныя функціи сосредоточены въ рукахъ сената. Другой—типъ русскаго университета 63-го года. Въ немъ сенатъ замѣненъ двумя учрежденіями—правленіемъ и совѣтомъ, при чемъ первое представляетъ правительство университета, а второй—парламентъ. Несмотря на коренныя измѣненія, внесенныя уставомъ 84-го года въ жизнь университета, послѣдній все же сохранилъ этотъ типъ. Составители же „проекта“ предприняли попытку соединить оба типа университетовъ—германскій и русскій, и въ результатѣ получилась вавилонская башня.

Кромѣ явной безпринципности „проекта“ и крайней сложности механизма, при которой немыслимо правильное функціонированіе университета, составителями „проекта“ упущено изъ вида одно крайне важное обстоятельство, а именно: физическая невозможность для одного лица совмѣстить ту массу обязанностей и функцій, какія созданы „проектомъ“.

Мы имѣемъ въ виду тѣхъ профессоровъ, которые войдутъ въ составъ сената. Имъ придется участвовать въ работахъ факультета, совѣта, сената, быть можетъ въ дисциплинарномъ судѣ. Останется ли у нихъ время для научныхъ занятій? Положеніе декановъ будетъ еще затруднительнѣе: имъ придется предсѣдательствовать въ факультетѣ и участвовать въ совѣтѣ, сенатѣ и правленіи. Навряд ли деканство будетъ возможно для профессора, при каѳедрѣ котораго имѣется клиника, лабораторія или кабинетъ, и вообще какія-либо практическія занятія съ студентами. О научной дѣятельности декану нечего будетъ и думать.

Позволительно задать себѣ вопросъ, нужна ли вообще такая детальная регламентація, такая претензія предусмотрѣть всѣ возможныя, частныя явленія университетской жизни? На этотъ вопросъ насъ наводятъ статуты германскихъ университетовъ, гдѣ мы напрасно будемъ искать подробный перечень дѣлъ, подвѣдомственныхъ факультету и сенату. Такъ, въ статутахъ берлинскаго университета, въ статьѣ 19-й читаемъ: „занятія ректора и сената; сенатъ, подъ руководствомъ ректора, имѣетъ внутреннее веденіе и рѣшеніе всѣхъ дѣлъ, сносится съ министерствомъ, и

въ серьезныхъ случаяхъ имѣетъ дисциплинарную судебную власть надъ учащимися. Ст. 42 говоритъ объ участіи ректора въ судебной функціи; ст. 43—о его полномочіяхъ въ экстренныхъ случаяхъ.

Такъ же кратко формулировано въ статутахъ медицинскаго факультета право послѣдняго рѣшать самостоятельно всѣ дѣла, касавшіяся преподаванія, и право декана обращаться съ докладами въ министерство, помимо сената.

Очевидно, что истинная автономія дѣлаетъ излишнимъ всякую регламентацію и тѣ сотни статей о различныхъ, детальныхъ вопросахъ, которые наполняютъ „проектъ“ нашего министерскаго устава.

III.

Ознакомившись съ общею конструкціею „проекта“, посмотримъ, насколько возвѣщенная правительственнымъ сообщеніемъ отъ 26-го августа и временными правилами университетская автономія осуществлена въ наиболѣе важныхъ вопросахъ университетскаго строя.

Выборное начало профессуры стало уже въ послѣдніе три года совершившимся фактомъ и закрѣплено временными правилами. Оказывается однакожъ, что „проектъ“ дѣлаетъ шагъ назадъ и предлагаетъ такую постановку выборовъ, которая въ смыслѣ автономіи уступаетъ уставу 63-го года. По этому уставу факультеты выбирали кандидатовъ на свободную каѳедру; эти кандидаты подвергались вновь баллотировкѣ въ совѣтѣ, и получившій наибольшее число шаровъ представлялся на утвержденіе министерства. Такой же модусъ установился въ университетахъ со времени министерства Боголѣпова. По „проекту“ же, кандидаты, избранные факультетомъ, представляются въ министерство. Ст. 141 говоритъ: министръ народнаго просвѣщенія утверждаетъ одного изъ представленныхъ факультетомъ кандидатовъ; въ противномъ же случаѣ (т.-е. когда онъ не утверждаетъ ни одного изъ кандидатовъ), возвращаетъ дѣло въ факультетъ для новаго производства. Итакъ, министръ можетъ вовсе не утвердить кандидатовъ факультета, и если вакансія не будетъ замѣщена въ теченіе года,—что легко можетъ случиться и не по винѣ факультета,—министръ назначаетъ профессора.

Въ сущности, между этой редакціей и уставомъ 84-го года разница весьма незначительная. Тамъ, въ уставѣ 84-го года, ст. 100, читаемъ: при открывшейся вакансіи министръ или за-

мѣщаетъ ее самъ... или предоставляетъ университету избрать кандидата. По новому же „проекту“—наоборотъ: „или факультетъ избираетъ кандидатовъ, или министръ назначаетъ“.

Какъ извѣстно, въ теченіе почти двадцати лѣтъ, примѣнялась только первая половина этой статьи, до выборовъ не доходило; желательно поэтому, чтобы въ будущемъ уставѣ не было никакихъ „или“. Право выбора между факультетскими кандидатами, принадлежавшее по уставу 63 и 84-го года совѣту, теперь отнято у послѣдняго и передано министерству, что̀ составляетъ уже крупный шагъ назадъ. Возникаетъ также вопросъ, что̀ будетъ въ томъ случаѣ, когда въ факультетѣ только одинъ кандидатъ получитъ большинство голосовъ? Не будетъ ли это поводомъ къ неутвержденію министерствомъ такого кандидата? Въ „проектѣ“ мы не находимъ ст. 77 и 81 устава 63-го года, гдѣ говорится, что профессоръ можетъ быть уволенъ тѣмъ же порядкомъ, какимъ онъ получилъ это званіе. Эти пункты гарантировали профессорамъ административную независимость, такъ какъ они не могли быть уволены по одному капризу министерства. Скромное умолчаніе о порядкѣ увольненія профессоровъ въ „проектѣ“ даетъ основаніе думать, что̀ право административнаго удаленія профессора отъ службы предполагается сохранить въ прежней силѣ.

Странно какъ-то читать въ „проектѣ“ объ инспекціи и о томъ, что для нея совѣтъ вырабатываетъ инструкціи, въ то время какъ еще пять лѣтъ тому назадъ всѣ совѣты русскихъ университетовъ единодушно высказались за уничтоженіе инспекціи. Еще страннѣе видѣть попытку возстановить въ университетѣ инспекцію, послѣ „временныхъ правилъ“, первымъ послѣдствіемъ которыхъ было повсемѣстное уничтоженіе инспекціи. Очевидно, составители „проекта“ не считали себя нисколько связанными съ духомъ „временныхъ правилъ“. Инспекція уже потому совершенно несовмѣстима съ автономіею университета, что инспекція есть учрежденіе, находящееся подъ контролемъ другого вѣдомства, съ которымъ сносится помимо непосредственнаго начальства университета, т.-е. ректора.

Точно также „проектъ“ дѣлаетъ шагъ назадъ въ вопросѣ о допущеніи такъ называемыхъ вольнослушателей въ университетъ. Даже уставъ 84-го года (ст. 90) не требовалъ отъ вольнослушателей никакого учебнаго ценза,—по „проекту“ же отъ желающаго быть вольнослушателемъ требуется „окончаніе курса мужскихъ среднихъ заведеній или свидѣтельство о выдержаніи соотвѣтственныхъ испытаній“. Таковъ отвѣтъ „проекта“ на общее

требованіе всѣхъ университетовъ расширенія сферы дѣятельности послѣднихъ и облегченія доступа постороннимъ лицамъ въ университетъ.

Итакъ, послѣ того, какъ министерство обращалось къ содѣйствію совѣтовъ въ выработкѣ университетскаго устава, вызвало делегатовъ отъ него и признало необходимымъ даровать ему въ „временныхъ правилахъ“ полную автономію и широкую инціативу,—нынѣ „проектъ“ новаго устава совершенно игнорируетъ мнѣніе совѣтовъ, и предлагаетъ возстановить то, что уже фактически уничтожено совѣтами.

Чтеніе нѣкоторыхъ спеціальныхъ статей „проекта“ открываетъ слѣды недодѣланности. Такъ, по „проекту“, на всѣхъ факультетахъ требуется степень магистра для полученія званія экстраординарнаго профессора и степень доктора для ординатуры. Это предполагаетъ созданіе и на медицинскомъ факультетѣ двухъ новыхъ ученыхъ степеней—магистра и доктора. Но тогда нужно же, во-первыхъ, выяснить группировку предметовъ, по которымъ эти степени будутъ даваться. Такая группировка уже давно сдѣлана въ ходатайствахъ медицинскихъ факультетовъ, и „проектъ“ имѣлъ возможность редактировать ее.

Самое большое затрудненіе, однако, въ томъ, какъ быть съ тѣми лицами, которыя уже имѣютъ степень доктора медицины? Будетъ ли на нихъ распространено требованіе магистерской степени для полученія званія приватъ-доцента? Требовать ли отъ лицъ, имѣющихъ уже званіе приватъ-доцента, ученой степени магистра или доктора для полученія профессуры?

„Проектъ“ значительно увеличиваетъ число каѳедръ на медицинскомъ факультетѣ—съ 22-хъ число ихъ должно возрости до 33-хъ, причемъ проектируется семь новыхъ профессуръ и четыре штатныхъ доцентуры. Всѣ проектированныя новыя каѳедры составлены изъ отдѣловъ, входившихъ въ составъ прежнихъ каѳедръ. Нѣкоторыя изъ новыхъ каѳедръ отданы крупнымъ отдѣламъ, вполнѣ заслуживающимъ выдѣленія въ самостоятельное цѣлое,—таковы, напримѣръ, отдѣлъ нервныхъ болѣзней, отдѣлъ, обнимающій горловыя, ушныя и носовыя болѣзни. Зато нельзя сказать того же о проектированной каѳедрѣ зубныхъ болѣзней, о каѳедрѣ малой хирургіи, о каѳедрѣ общей терапіи, о каѳедрѣ медицинской физики и др. Медицинскій факультетъ у насъ и безъ того страдаетъ избыткомъ отдѣльныхъ каѳедръ, изъ которыхъ нѣкоторыя совершенно потеряли свой смыслъ,—напримѣръ, каѳедра частной патологіи, т.-е., теоретическое по книжкѣ, описаніе болѣзней. Если мы сравнимъ составъ нашихъ медицин-

скихъ факультетовъ съ германскими, то мы увидимъ, что даже въ такихъ крупныхъ университетахъ какъ Берлинъ и Лейпцигъ, число каѳедръ меньше, чѣмъ у насъ было до сихъ поръ, до предположенной прибавки новыхъ 11-ти каѳедръ. На берлинскомъ медицинскомъ факультетѣ въ 1898 году состояло 15 ординарныхъ профессоровъ, то-есть 15 каѳедръ. Сверхъ того, имѣлось извѣстное число профессоровъ безъ каѳедръ. Въ Германіи каѳедра часто обнимаетъ, особенно на медицинскомъ факультетѣ, цѣлую группу родственныхъ или взаимно связанныхъ предметовъ. Ординарный профессоръ есть шефъ каѳедры, при немъ могутъ состоять профессора и доценты. Экзаменъ происходитъ не по всѣмъ предметамъ и отдѣламъ, а лишь по основнымъ предметамъ и нѣкоторымъ отдѣламъ. У насъ же давно замѣчается стремленіе раздробить преподаваніе по предметамъ и даже по отдѣламъ. Оттого у насъ такое множество экзаменовъ, какъ нигдѣ, особенно на медицинскомъ факультетѣ.

„Проектъ“ какъ будто дѣлаетъ попытку перейти къ германской системѣ. Въ немъ предметы медицинскаго факультета сгруппированы въ 13 группъ, но при этомъ внесена поправка—портящая все,—каждый отдѣлъ или членъ группы представленъ особой каѳедрой и, конечно, будетъ предметомъ особаго экзамена, хотя объ этомъ ничего не сказано въ „проектѣ“.

Уставъ 84-го года создалъ одну новую каѳедру, которая въ теченіе 20-ти лѣтъ осталась незамѣщенной ни въ одномъ изъ русскихъ университетовъ, это—каѳедра исторіи и энциклопедіи медицины; для нея не оказалось подготовленныхъ спеціалистовъ. Когда же въ одномъ университетѣ нашелся кандидатъ на эту каѳедру, министерство не утвердило ходатайства факультета, признавъ принципіально ненужнымъ замѣщеніе послѣдней. Казалось бы цѣлесообразнымъ уничтожить эту фиктивную каѳедру.

Вопросъ объ организаціи каѳедръ и отношеніи между ними и профессурой заслуживаетъ по своей важности, чтобы на немъ нѣсколько дольше остановиться. Въ западной Европѣ особенно въ Германіи, строго проведенъ принципъ раздѣленія предметовъ на основные и второстепенные. Такъ, въ Германіи нѣтъ особой каѳедры діагностики, которая составляетъ отдѣлъ внутренней клиники и читается кѣмъ-либо изъ ассистентовъ директора клиники, причемъ такой ассистентъ можетъ иногда имѣть званіе профессора. Въ Германіи нѣтъ отдѣльныхъ каѳедръ общей патологіи, оперативной хирургіи, малой хирургіи, хирургической патологіи, медицинской химіи. Всѣ эти отдѣлы читаются по указанію профессора, занимающаго каѳедру, его ассистентами или

приватъ-доцентами. Этимъ путемъ соблюдается пропорціональность въ распредѣленіи времени, которое студентъ удѣляетъ основному предмету и отдѣламъ, и въ то же время сохраняется связь между различными отдѣлами и главнымъ предметомъ.

У насъ со времени устава 84-го года нѣкоторые отдѣлы превратились въ особые предметы, т.-е. стали объектами самостоятельныхъ каѳедръ. Естественно, что профессоръ какого-либо отдѣла,—напримѣръ, физіологической химіи, составляющей въ сущности не болѣе какъ главу изъ физіологіи,—стремится поставить преподаваніе этого отдѣла такъ же широко, какъ и основной предметъ, т.-е. требуетъ отъ факультета и студентовъ столько же часовъ, сколько удѣлено физіологіи, и заводитъ практическія занятія. Этимъ до нельзя расширяется преподаваніе отдѣловъ въ ущербъ основнымъ предметамъ. „Проектъ" идетъ еще дальше въ этомъ направленіи, стремясь превратить многіе мелкіе отдѣлы въ предметы самостоятельныхъ каѳедръ. Корень этого зла лежитъ въ томъ, что всѣ наши прежніе уставы, также какъ и „проектъ", знаютъ только каѳедру, какъ органическую единицу факультета. Профессоръ является лишь представителемъ каѳедры, если онъ штатный, и кандидатомъ, если онъ сверхштатный. Понятіе о профессурѣ, независимой отъ каѳедры, неизвѣстно нашему дѣйствующему уставу. А между тѣмъ эти два понятія уже давно расчленены и обособлены въ заграничныхъ, особенно германскихъ университетахъ. Тамъ это расчлененіе доведено до крайнихъ предѣловъ. Въ Германіи есть немало профессоровъ, и притомъ пользующихся громкой извѣстностью въ наукѣ, которые не живутъ въ университетскихъ городахъ, не были приватъ-доцентами и работаютъ въ частныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, какъ-то: больницахъ, лабораторіяхъ, зоологическихъ и ботаническихъ садахъ, химическихъ институтахъ и т. п. Профессора эти читаютъ по своему усмотрѣнію, въ избираемое ими по своему желанію время, частные курсы для врачей, учителей, разнаго рода спеціалистовъ, а также разнообразные публичные курсы.

Профессура въ этихъ случаяхъ является почетнымъ титуломъ, признаніемъ научнаго авторитета, но не связана съ государственной службой. Нерѣдко это—лица, не пожелавшія промѣнять свою частную дѣятельность въ насиженномъ мѣстѣ на штатную профессуру.

Широкое развитіе такого рода профессуры возможно, конечно, лишь при избыткѣ научныхъ силъ,—что имѣетъ мѣсто въ Германіи,—но нельзя, однакоже, отрицать, что и у насъ уже

имѣются элементы для зарожденія такого института частной профессуры, который несомнѣнно способствовалъ бы болѣе широкому распространенію какъ спеціальныхъ знаній, такъ и общаго образованія.

Въ германскихъ университетахъ, какъ и у насъ, на каждомъ факультетѣ имѣется опредѣленное число штатныхъ каѳедръ. Но въ то время, какъ у насъ число это для всѣхъ университетовъ одинаковое, въ Германіи въ различныхъ университетахъ, живущихъ каждый по своимъ особымъ статутамъ, находимъ различіе и въ числѣ, и въ предметахъ основныхъ, связанныхъ съ ординатурой, каѳедръ. Каждому университету предоставляется по его усмотрѣнію создавать еще и сверхштатныя каѳедры. Этимъ отдѣленіемъ основныхъ предметовъ, обязательныхъ отъ необязательныхъ, значительно упрощается и облегчается преподаваніе,— и, конечно, выигрываютъ основные предметы.

Нельзя не упомянуть, что число штатныхъ каѳедръ и обязательныхъ предметовъ на нашихъ медицинскихъ факультетахъ, уже по уставу 84-го года, значительно превосходитъ число основныхъ и обязательныхъ предметовъ въ нѣмецкихъ университетахъ, чѣмъ обусловлено загроможденіе преподаванія. Страдаютъ основные предметы, а экзамены, по своей непомѣрной многочисленности, невольно теряютъ въ серьезности. Желательно было бы у насъ усвоить точку зрѣнія германскихъ университетовъ — весьма строгое отношеніе къ основнымъ предметамъ и широкій просторъ для преподаванія необязательныхъ, дополнительныхъ предметовъ.

Въ Германіи какъ университеты, такъ и министерство поощряютъ учрежденіе сверхштатныхъ каѳедръ и развитіе частной профессуры.

Въ Германіи имѣется, впрочемъ, одинъ, внѣ университета и даже внѣ министерства лежащій, источникъ иниціативы въ дѣлѣ учрежденія частныхъ каѳедръ. Такъ, нѣсколько лѣтъ назадъ, въ прусскомъ парламентѣ, однимъ изъ его членовъ поднятъ былъ вопросъ о необходимости борьбы съ знахарствомъ путемъ созданія каѳедръ по физическимъ методамъ леченія— водой и массажемъ. Парламентъ принялъ предложеніе своего члена, ассигновалъ необходимую сумму, и министру народнаго просвѣщенія оставалось лишь снестись съ университетомъ (берлинскимъ) и учредить сверхштатныя каѳедры массажа и гидротерапіи.

IV.

Вопросъ о числѣ каѳедръ и профессуръ можетъ быть лучше всего разрѣшенъ принципомъ факультетской автономіи. Будущій университетскій уставъ долженъ отказаться отъ претензіи, разъ навсегда, регулировать единообразный планъ организаціи факультетскаго преподаванія. Всего разумнѣе держаться германской системы—указать минимумъ тѣхъ предметовъ и тѣхъ основныхъ каѳедръ, какіе необходимы на данномъ факультетѣ. Все остальное—предоставить факультету.

Рядомъ съ такой излишней регламентаціей въ устройствѣ каѳедръ, въ „проектѣ“ поражаетъ несоотвѣтствіе между тщательной разработкой всѣхъ формальныхъ, техническихъ вопросовъ управленія и администрированія, съ одной стороны, и игнорированіемъ многихъ жизненныхъ задачъ самаго дѣла преподаванія—съ другой.

Достаточно взглянуть на оглавленіе „проекта“, чтобы въ этомъ убѣдиться. Будучи значительно объемистѣе всѣхъ предыдущихъ уставовъ, вдвое больше устава 84-го года, „проектъ“ изъ 71-й страницы текста удѣляетъ всего 7 страницъ вопросамъ преподаванія. Остальныя 64 страницы заполнены порядкомъ управленія университетомъ и дѣлопроизводствомъ.

Неудивительно, если въ „проектѣ“ оставленъ безъ вниманія вопросъ о способахъ формированія и подготовленія будущихъ кадръ преподавательскаго персонала, не указаны условія оставленія молодыхъ людей при университетѣ, для усовершенствованія и подготовленія къ каѳедрѣ; мы находимъ лишь общее упоминаніе объ ординаторахъ, ассистентахъ, лаборантахъ. Точно также „проектъ“ игнорируетъ многократныя заявленія университетовъ о необходимости дать болѣе опредѣленную организацію институту приватъ-доцентовъ.

Остановимся нѣсколько на этихъ вопросахъ.

Въ уставахъ 63-го и 84-го годовъ мы не находимъ точныхъ указаній, какимъ путемъ комплектуется этотъ контингентъ лицъ, разсадникъ будущихъ преподавателей. Въ уставѣ 84-го года читаемъ: „студенту, успѣшно окончившему полный университетскій курсъ, могутъ, по ходатайству собранія факультета, быть предоставлены способы для приготовленія къ ученой степени“.

На практикѣ выработался слѣдующій модусъ: профессоръ рекомендуетъ факультету лицо, которое послѣ баллотировки,

имѣющей чисто формальное значеніе, дѣлается стипендіатомъ, ординаторомъ клиники, лаборантомъ и т. п.

На факультетахъ съ малымъ числомъ студентовъ, на физико-математическомъ и историко-филологическомъ, гдѣ профессоръ знаетъ всю свою аудиторію, и гдѣ наклонность къ извѣстной спеціальности можетъ обнаружиться уже на студенческой скамьѣ, такой способъ избранія будущихъ молодыхъ ученыхъ можетъ давать вполнѣ удовлетворительные результаты.

Не то на факультетахъ юридическомъ и, особенно, медицинскомъ, гдѣ профессоръ мало знаетъ свою аудиторію, и гдѣ наиболѣе серьезные студенты не избираютъ себѣ спеціальнаго отдѣла до окончанія университета. Въ нашей императорской военно-медицинской академіи существуетъ конкурсъ для такъ называемыхъ институтскихъ врачей, т.-е. оставляемыхъ при академіи; къ конкурсу допускаются лица, окончившія по 1-му разряду. Изъ оставленныхъ по конкурсу формируются ординаторы, будущіе ассистенты и проч...

Система конкурсовъ практикуется тоже во французскихъ университетахъ для интерновъ, ассистентовъ и проч. Представляется весьма желательнымъ введеніе конкурсовъ и въ нашихъ университетахъ для всей этой группы лицъ, особенно же для стипендіатовъ, оставленныхъ съ цѣлью приготовленія къ профессорскому званію.

Приватъ-доцентура нуждается въ урегулированіи во многихъ отношеніяхъ. По прямому смыслу устава 84-го года, не требуется согласіе факультета для того, чтобы получить званіе приватъ-доцента. Въ случаѣ несогласія факультета, читаемъ (ст. 110): „ищущій права преподаванія можетъ обратиться къ попечителю, который... представляетъ дѣло съ своимъ заключеніемъ г. министру народнаго просвѣщенія“. Аспирантъ можетъ, слѣдовательно, быть забракованнымъ факультетомъ и все-таки попасть въ число приватъ-доцентовъ.

Остается до сего дня невыясненнымъ, должна ли приватъ-доцентура обязательно обнимать весь предметъ каѳедры,—напримѣръ, акушерство и гинекологію, нервныя и душевныя болѣзни,—или можно доцентировать по одному отдѣлу каѳедры? Этотъ вопросъ разрѣшается различно не только въ разныхъ университетахъ, но въ одномъ и томъ же факультетѣ, въ разныхъ случаяхъ.

Были случаи отказа факультетомъ искавшему этого званія, на томъ основаніи, что аспирантъ, держась формы устава, указывалъ предметъ каѳедры; факультетъ же считалъ возможнымъ

дать этому лицу приватъ-доцентуру лишь по одному отдѣлу, и, затрудняясь сдѣлать это, отклонялъ ходатайство. Въ другихъ случаяхъ, наоборотъ, факультетъ дробилъ приватъ-доцентуру до крайнихъ предѣловъ, допуская, напримѣръ, приватъ-доцентуру по электротерапіи.

Факультетъ, разсматривающій самъ или черезъ избранную имъ изъ своихъ членовъ коммиссію научные труды лица, ищущаго званія приватъ-доцента, не знаетъ, должна ли искомая приватъ-доцентура строго ограничиться той спеціальной областью, къ которой относятся труды аспиранта. Этимъ объясняются такіе курьёзы, что тема главной работы иного аспиранта, его докторской диссертаціи, можетъ относиться къ гистологіи, а данное лицо дѣлается приватъ-доцентомъ по внутренней клиникѣ или психіатріи. Есть приватъ-доценты по акушерству, которыхъ диссертаціи относятся къ фармакологіи. Впослѣдствіи отсюда вытекаютъ такіе казусы, что одно и то же лицо выступаетъ одновременно кандидатомъ на нѣсколько каѳедръ,—напримѣръ, на хирургію и дѣтскія болѣзни.

Преподавательская дѣятельность приватъ-доцентовъ слишкомъ обособлена отъ факультетовъ. Такъ, неизвѣстно, имѣетъ ли факультетъ право рекомендовать приватъ-доценту чтеніе того или другого необязательнаго курса, имѣетъ ли приватъ-доцентъ право съ первыхъ дней своей дѣятельности открывать параллельные, т.-е. полные курсы, и имѣетъ ли право такой приватъ-доцентъ ассистировать на экзаменѣ по предмету, имъ читаемому. Особенно важно было бы выяснить, имѣетъ ли право приватъ-доцентъ пользоваться учебно-вспомогательными средствами той каѳедры, при которой онъ состоитъ. У насъ на практикѣ установился такой взглядъ, что доступъ къ пользованію этими средствами всецѣло зависитъ отъ штатнаго преподавателя каѳедры.

Этотъ пунктъ заслуживаетъ особаго вниманія. Ибо если приватъ-доцентъ есть лицо, признанное факультетомъ въ будущемъ достойнымъ профессорской дѣятельности, то въ извѣстной мѣрѣ, конечно, по соглашенію съ представителемъ каѳедры, приватъ-доценту долженъ быть открытъ доступъ къ пользованію учебными средствами и матеріаломъ каѳедры. Факультету должно быть вмѣнено въ обязанность взять на себя роль посредника между штатнымъ преподавателемъ и приватъ-доцентомъ. Послѣдній въ настоящее время не обязанъ представлять факультету никакихъ свѣдѣній о своей преподавательской дѣятельности, и въ отчетахъ университетовъ мы иногда не находимъ даже упоминанія о приватъ-доцентахъ. Эта сомнительная привилегія

должна быть уничтожена. Отъ приватъ-доцента нужно требовать, какъ и отъ профессоровъ, ежегоднаго отчета объ ихъ курсахъ, практическихъ занятіяхъ и научныхъ трудахъ.

Въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ университетахъ, по основнымъ каѳедрамъ медицинскаго факультета, напр. по клиникамъ, т.-е. по наиболѣе богато обставленнымъ учебными средствами, нѣтъ ни одной приватъ-доцентуры, въ то время какъ по другимъ каѳедрамъ, обладающимъ ничтожными учебными средствами, имѣется по нѣсколько приватъ-доцентовъ. Въ германскихъ университетахъ факультету предоставлено право, при заявленіи кѣмъ-либо желанія получить приватъ-доцентуру, высказаться принципіально, нужна ли таковая или нѣтъ.

Раціональнымъ представляется расширеніе средствъ факультета на поддержаніе приватъ-доцентуры и предоставленіе факультетамъ права создавать рекомендованные частные, не всегда обязательные для студентовъ, курсы съ особымъ вознагражденіемъ того приватъ-доцента, которому факультетъ поручитъ этотъ курсъ. Рекомендованные курсы могутъ по усмотрѣнію мѣняться, причемъ, разумѣется, должны мѣняться или чередоваться приватъ-доценты. Этимъ будетъ данъ сильный толчокъ развитію приватъ-доцентуры, и въ то же время достигнуто будетъ расширеніе и улучшеніе преподаванія.

Слѣдуетъ имѣть въ виду, что поднятіе дѣла преподаванія въ нашихъ университетахъ и повышеніе научнаго уровня преподавательскихъ силъ не можетъ быть достигнуто одной реформой системы укомплектованія наличнаго состава профессуры и въ частности однимъ введеніемъ выборнаго начала. Необходимо еще позаботиться создать условія, благопріятствующія привлеченію лучшихъ силъ молодежи къ научной преподавательской карьерѣ. Слѣдуетъ позаботиться о первой категоріи лицъ, о педагогической молодежи, а также объ улучшеніи института приватъ-доцентовъ. Когда у насъ будетъ много дѣльныхъ приватъ-доцентовъ, тогда самый вопросъ о профессурѣ легче разрѣшится.

Наиболѣе надежнымъ средствомъ поднять уровень приватъ-доцентуры на медицинскомъ факультетѣ служило бы осуществленіе давнишняго ходатайства нашихъ университетовъ о созданіи ученой степени доктора по основнымъ, спеціальнымъ группамъ медицинскихъ предметовъ. Таковы: 1) анатомія и физіологія; 2) внутренняя клиника; 3) хирургія; 4) акушерство; 5) глазныя болѣзни; 6) накожныя болѣзни и сифилисъ; 7) нервныя и душевныя болѣзни; 9 — 10) Общественная

медицина. Къ званію приватъ-доцента могли бы быть допускаемы лица, выдержавшія экзаменъ на званіе доктора,—докторанты, а къ конкурсу на каѳедру—лица, уже защитившія диссертацію на степень доктора той или другой спеціальной группы предметовъ.

V.

Состояніе преподаванія и въ нашихъ университетахъ страдаетъ многими крупными недостатками. Бросается прежде всего въ глаза крайняя недостаточность времени, удѣляемаго на преподаваніе.

Фактически лекціи начинаются зимой, въ концѣ января, прерываются на недѣлю масляницы и обрываются на шестой недѣлѣ великаго поста. Послѣ Пасхи уже идетъ зачетъ, отпуски даются щедрой рукой, и въ началѣ мая лекціи уже почти не посѣщаются. Осенью занятія начинаются съ половины сентября и заканчиваются въ началѣ декабря. При самомъ строгомъ подсчетѣ получится не болѣе пяти съ половиною лекціонныхъ мѣсяцевъ. Время это еще болѣе сокращается вслѣдствіе органической болѣзни русской жизни — большого числа прогульныхъ, праздничныхъ и табельныхъ, дней.

Введеніе семестральной системы, созданіе новой единицы—семестра или фиктивнаго полугодія, въ значительной мѣрѣ способствовало еще большему сокращенію лекціоннаго періода. Студентъ, получившій въ апрѣлѣ или въ началѣ декабря зачетъ, превратившійся въ пустую формальность, считаетъ уже полугодіе фактически законченнымъ. Дневная продолжительность лекціоннаго времени также слишкомъ коротка. Лекціи начинаются у насъ независимо отъ времени года, съ 9-ти часовъ утра. Послѣ трехъ часовъ—или почти, или совсѣмъ нѣтъ профессорскихъ лекцій; эти такъ называемые вечерніе часы достаются доцентамъ.

Въ германскихъ университетахъ лекціи начинаются въ семь часовъ утра, и тамъ можно видѣть маститаго профессора, читающаго лекцію въ 5—6 часовъ вечера.

Въ германскихъ университетахъ преподаваніе ведется по семестральной системѣ. Первый семестръ, осенній, начинается между 15 и 20 октября и заканчивается между 20 и 25 марта, т.-е. длится пять мѣсяцевъ. Съ 20-го марта по 15-е апрѣля идутъ весеннія каникулы, въ дѣйствительности съ мѣсяцъ. Второй семестръ начинается 15-го апрѣля и продолжается по

20-е августа, т.-е. длится четыре мѣсяца. Осеннія каникулы тянутся съ 20-го августа по 20-е октября—два мѣсяца. Нѣмецкій студентъ, стало быть, имѣетъ девять лекціонныхъ мѣсяцевъ и три каникулярныхъ. Если даже принять, что нѣмецкій студентъ теряетъ по одной недѣлѣ въ началѣ и въ концѣ каждаго семестра, то все же онъ получаетъ восемь полныхъ лекціонныхъ мѣсяцевъ. Зато Пасха почти всегда въ Германіи выпадаетъ на время весеннихъ каникулъ, у насъ же она даетъ, вмѣстѣ съ Страстной и отчасти съ Ѳоминой, двухъ- и трехъ-недѣльный перерывъ занятій. Принявъ во вниманіе большое у насъ количество прогульныхъ дней, можно считать, что русскій студентъ получаетъ въ теченіе академическаго года почти вдвое меньшее число лекціонныхъ часовъ, въ сравненіи съ германскимъ студентомъ.

О вредномъ вліяніи краткосрочности лекціоннаго періода на успѣшность университетскихъ занятій нѣтъ надобности распространяться. Зато не лишне указать другую, быть можетъ, не менѣе важную сторону. Нашъ студентъ, особенно на словесныхъ факультетахъ,—напримѣръ, на юридическомъ,—является подчасъ лишь гостемъ въ стѣнахъ университета и даже въ университетскомъ городѣ. Студентъ, находящійся въ отпуску съ апрѣля по сентябрь, покидающій университетскій городъ съ начала декабря по конецъ января, не можетъ считаться питомцемъ университета. Онъ не можетъ органически сростись съ жизнью университета; его кратковременное пребываніе въ стѣнахъ университета, прерываемое непомѣрно длинными каникулами, рѣдкое общеніе съ аудиторіею, профессорами и товарищами, составляетъ серьезную помѣху тому, чтобы университетъ могъ оказать на студента то умственное и моральное воспитательное дѣйствіе, которое студентъ вправѣ ожидать и долженъ получить въ стѣнахъ университета.

Старый, но вѣчно юный вопросъ о возрожденіи упавшаго научнаго и моральнаго авторитета университета, о поднятіи послѣдняго на ту должную высоту, на которой ему подобаетъ стоять, какъ органу высшаго воспитанія молодежи, вновь выдвинутъ жизнью на очередь. Это, однакожъ, составляетъ одну половину дѣлъ. Другая половина заключается въ томъ, чтобы приблизить студента къ университету, чтобы юноша, оставляя стѣны университета, не только вынесъ оттуда опредѣленную сумму знанія, но вышелъ бы „университетскимъ человѣкомъ“.

Разумѣется, цѣль эта не можетъ быть достигнута однимъ механическимъ прикрѣпленіемъ студента къ аудиторіи, однимъ удлиненіемъ лекціоннаго времени или увеличенія практическихъ

занятій и тому подобныхъ мѣръ. Все же должно обратить вниманіе и на эту сторону дѣла, и по возможности увеличить продолжительность учебнаго времени въ университетахъ. Тутъ мы наталкиваемся на одно парадоксальное явленіе—на одинаковое распредѣленіе періодовъ учебныхъ и каникулярныхъ во всѣхъ нашихъ университетахъ. Въ Томскѣ и Варшавѣ, въ Петербургѣ и Одессѣ, несмотря на громадное различіе климатическихъ и бытовыхъ условій, какъ бы по звонку, въ одинъ и тотъ же день и часъ раскрываются двери университетовъ, начинаются занятія; въ одинъ и тотъ же день всѣ университеты закрываются, наступаютъ каникулы.

Казалось бы, гораздо цѣлесообразнѣе дѣлать перерывъ занятій въ Томскѣ на два наиболѣе суровые зимніе мѣсяцы; въ Петербургѣ занятія могли бы продолжаться бо́льшую часть лѣтняго времени, а для каникулъ можно было бы выбрать наиболѣе тяжелые для здоровья осенніе и весенніе мѣсяцы.

Единообразіе учебныхъ и каникулярныхъ періодовъ въ западной Европѣ не можетъ намъ служить примѣромъ. Тамъ, гдѣ все государство сжато на небольшой территоріи, гдѣ на всемъ протяженіи страны имѣются почти одинаковыя климатическія условія, такое единообразіе вполнѣ понятно. У насъ же оно является продуктомъ подражанія, не подвергнутаго разумной критикѣ. Кажущіяся практическія неудобства, могущія произойти отъ такого несовпаденія учебныхъ и каникулярныхъ періодовъ въ разныхъ университетахъ, легко могутъ быть устранены возстановленіемъ годичныхъ курсовыхъ экзаменовъ, пріуроченныхъ всюду къ одному сроку.

На этомъ вопросѣ можно рельефно видѣть вредныя послѣдствія, какія вытекаютъ для университетской жизни отъ излишняго стремленія къ единообразію условій, складывающихся различно въ жизни отдѣльныхъ университетовъ.

Недостаточность времени, удѣляемаго въ университетахъ, на чтеніе лекцій и излишняя регламентація преподаванія составляютъ, безспорно, двѣ важныя причины неполноты учебной функціи университета. Наше университетское преподаваніе страдаетъ, сверхъ того, еще однимъ крупнымъ недугомъ—отсталостью, какъ общеобразовательный и воспитательный органъ.

Русскіе университеты давно уже перестали быть, въ области гуманитарныхъ наукъ, единственнымъ или главнымъ источникомъ просвѣщенія для университетской молодежи.

Науки, имѣющія дѣло съ природою человѣка,—антропологія, психологія и соціологія—послѣднее время находятся въ состояніи

сильнаго движенія. Народилась и получила огромное значеніе молодая наука — антропологія. Ученіе о человѣческомъ общежитіи, соціологія, привлекаетъ къ себѣ въ настоящее время многія силы западно-европейской науки. Можно безъ преувеличенія сказать, что самой характерной чертой современнаго умственнаго настроенія вездѣ и всюду составляетъ возрастающій интересъ ко всѣмъ тѣмъ отраслямъ знанія, которыя имѣютъ отношеніе къ личности человѣка, къ его природѣ и къ условіямъ его общественнаго существованія.

Антропологія есть тотъ мостъ, съ помощью котораго совершается на нашихъ глазахъ сближеніе между философскими, историческими и соціальными науками, съ одной стороны, и естествознаніемъ—съ другой. Въ Европѣ мы находимъ уже во многихъ университетахъ каѳедры антропологіи, антропологическіе музеи и лабораторіи.

Психологія въ большей части германскихъ университетовъ преподается уже не какъ теоретическая наука, а какъ отрасль естествознанія. Не только Берлинъ, Лейпцигъ, Вюрцбургъ, но и такіе маленькіе университеты, какъ Гиссенъ, обладаютъ психологическими лабораторіями. Въ Лейпцигѣ каѳедра философіи и психологіи занята бывшимъ врачомъ—Вундтомъ, который въ молодости читалъ физіологію. Производимыя студентами въ его лабораторіи экспериментальныя работы принимаются факультетомъ какъ диссертаціи по философіи. Кромѣ догматической философіи, Вундтъ читаетъ въ разное время этику, ученіе о языкѣ, миѳологію, словомъ—различные отдѣлы психологической антропологіи.

Педагогика занимаетъ видное мѣсто въ нѣмецкихъ университетахъ,—у насъ же она почти не существуетъ. Это неизбѣжно до тѣхъ поръ, пока самый фундаментъ педагогики, а именно естественно-научная психологія, не получитъ въ нашихъ университетахъ права гражданства. Если принять во вниманіе, что кадры нашего педагогическаго персонала средне-учебныхъ заведеній формируются въ университетѣ, то станетъ ясно, какъ должна страдать наша средняя школа отъ такого пренебреженія педагогикой и опытной психологіей въ нашихъ университетахъ.

Всего больше выдѣляется неполнота нашего университетскаго преподаванія въ области общественныхъ наукъ. Современная политическая экономія включаетъ въ свои рамки ученіе о государственной финансовой политикѣ, рабочій вопросъ, ученіе о народномъ хозяйствѣ и т. п. У насъ же всестороннее изложеніе всѣхъ этихъ вопросовъ съ каѳедры встрѣчало нѣкоторыя препятствія.

Большая полнота преподаванія въ германскихъ университетахъ обусловлена, конечно, прежде всего свободою науки и той тѣсной связью, которая вообще наблюдается въ Германіи между наукой и жизнью. Сверхъ того, имѣются еще нѣкоторыя спеціальныя причины, обусловливающія полноту преподаванія. Одной изъ этихъ причинъ является обычай, въ силу котораго почти каждый профессоръ считаетъ своимъ долгомъ отъ поры до времени прочесть публичный курсъ на тему общеобразовательнаго характера. Во-вторыхъ, германскіе доценты также считаютъ своей обязанностью дополнять преподаваніе профессора чтеніемъ различныхъ, какъ спеціальныхъ, такъ и общеобразовательныхъ курсовъ. Наконецъ, въ германскихъ университетахъ имѣется немало сверхштатныхъ профессоровъ, которые не несутъ никакихъ обязанностей по преподаванію и читаютъ какъ спеціальные курсы для молодыхъ ученыхъ, такъ и общеобразовательные курсы для широкихъ круговъ студенчества.

Чтобы дать понятіе о широкихъ рамкахъ преподаванія въ германскихъ университетахъ, обратимся къ лейпцигскому университету. Тамъ въ теченіе лѣтняго семестра 1903 года, кромѣ учебныхъ курсовъ, были читаны слѣдующіе:

1) Психологическія основы эстетики. (Прив.-доц. Вирдъ.)
2) Естественно-научная основа философіи. (Пр.-доц. Брагнъ.)
3) Психологическій экспериментъ. (Тотъ же.)
4) Педагогика въ народной школѣ. (Прив.-доц. д-ръ Ланге.)
5) Родина индо-германской расы. (Проф. Штейндорфъ.)
6) Дикіе народы Америки. (Проф. Вейле.)
7) Исторія орудій труда. (Тотъ же.)
8) Исторія соціальныхъ ученій. (Проф. Керстъ.)
9) Политическія партіи. (Проф. Салломонъ.)
10) Нѣмецкая колоніальная политика. (Проф. Гассе.)
11) Основа соціальной политики. (Проф. Эйленбургъ.)
12) Народное право. (Проф. Прикеръ.)
13) Научная основа ландшафта. (Проф. Ратцель.)
14) Исторія пластики. (Проф. Студинскій.)
15) Исторія стиля. (Проф. Шрейберъ.)
16) Выдающіяся музыкальные произведенія на тему о Фаустѣ. (Проф. Прикеръ.)
17) Основа краснорѣчія и речитатива. (Прив.-доц. Зейдель.)
18) Практическая работа по музыкѣ, выработкѣ голоса и рѣчи (и много другихъ подобныхъ курсовъ).

Германскій студентъ получаетъ въ университетѣ не только сырой матеріалъ для умственнаго развитія, но вмѣстѣ съ тѣмъ

и опредѣленное направленіе, и не имѣетъ поэтому надобности искать внѣ университета другихъ источниковъ для пополненія своего образованія.

Германскій университетъ съ успѣхомъ выполняетъ самую трудную задачу воспитанія, развиваетъ въ молодежи способность критически относиться къ фактамъ и теоріямъ. Въ свою очередь, нѣмецкій студентъ, вооруженный независимой и критической мыслью, уже не такъ легко поддается всѣмъ тѣмъ умственнымъ теченіямъ, съ которыми онъ сталкивается внѣ университета. Эта умственная устойчивость германскому студенту тѣмъ легче дается, что уже въ стѣнахъ университета онъ знакомится съ самыми крайними направленіями общественной мысли.

Для расширенія у насъ университетскаго преподаванія и поднятія его уровня необходимы на первый разъ слѣдующія мѣры:

1) Созданіе нѣсколькихъ новыхъ каѳедръ: антропологіи, опытной психологіи и соціологіи.

2) Широкое развитіе приватъ-доцентуры.

3) Институтъ рекомендуемыхъ факультетомъ курсовъ.

4) Разрѣшеніе студентамъ посѣщать общеобразовательные курсы профессоровъ и приватъ-доцентовъ, независимо отъ принадлежности слушателя къ тому или другому факультету, независимо отъ семестра и безъ записи на эти курсы.

5) Уменьшеніе регламентаціи частныхъ, особенно же общеобразовательныхъ курсовъ. Въ настоящее время не только приватъ-доцентъ, но и профессоръ, намѣревающійся открыть частный курсъ, долженъ представить факультету программу, которая докладывается въ факультетѣ, переходитъ черезъ совѣтъ къ попечителю и направляется въ министерство. Преподаватель обязанъ указать и ту категорію студентовъ, т.-е. факультетъ и семестръ, которымъ онъ намѣренъ читать, и мѣсто, и часы, и руководства. Студенты должны записываться на эти курсы. Если же профессоръ вздумаетъ объявить курсъ для студентовъ различныхъ семестровъ или разныхъ факультетовъ, дѣло еще больше осложняется.

Слѣдуетъ облегчить возникновеніе такихъ частныхъ, особенно публичныхъ курсовъ и разрѣшить студентамъ одного факультета посѣщать безъ записи и безплатно всѣ общеобразовательные курсы.

Необходимость такой академической реформы не требуетъ доказательствъ, но едва ли одной такой реформы достаточно, чтобы поднять уровень нашего университетскаго образованія на должную высоту. Не слѣдуетъ забывать, что указанные дефекты нашей высшей школы отнюдь не представляютъ собою частнаго

явленія, которое можетъ быть исправлено частными же мѣрами. Бросается въ глаза, что университетское образованіе наиболѣе урѣзано и стѣснено въ тѣхъ областяхъ, которыя прямо или косвенно соприкасаются съ вопросами политической и моральной свободы. И можно безъ преувеличенія сказать, что ограниченіе академической свободы прогрессивно возрастаетъ по мѣрѣ приближенія къ вопросамъ общественной жизни.

Въ вышеизложенномъ мы пытались дать критическую оцѣнку министерскому „проекту“ новаго университетскаго устава, и установить свою точку зрѣнія на университетскій вопросъ.

Подводя итоги анализу „проекта“, мы утверждаемъ слѣдующее:

1) Все, что въ „проектѣ“ соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ началамъ университетской автономіи, представляетъ собою возвращеніе къ уставу 63-го года.

2) Въ то же время „проектъ“ во многихъ пунктахъ представляетъ замѣтный шагъ назадъ, въ сравненіи съ уставомъ 63-го года (порядокъ выборовъ профессоровъ, инспекція и т. д.).

3) „Проектъ“ не удовлетворяетъ многимъ требованіямъ, предъявленнымъ совѣтами университетовъ въ ихъ „отвѣтахъ“, (зависимость университета отъ попечителя и т. д.).

4) Признавая за университетами только внутреннее самоуправленіе, „проектъ“ вновь отнимаетъ у университета ту автономію, которая провозглашена была въ правительственномъ сообщеніи отъ 26-го августа 1905 года и фактически была дана университетамъ „временными правилами“.

5) „Проектъ“ предполагаетъ отнять у совѣта всякое значеніе, оставить за нимъ только отвѣтственность за порядокъ, т.-е. высшую полицейскую функцію, и передаетъ всѣ права совѣта вновь проектированному органу, въ которомъ не имѣется никакой надобности,—сенату.

6) „Проектъ“ намѣчаетъ созданіе цѣлаго ряда лишнихъ новыхъ должностныхъ лицъ: помощника ректора, юрисконсульта, совѣтника по хозяйственной части и помощника университетскаго секретаря.

7) Благодаря созданію новаго органа—сената—и увеличенію штата административныхъ лицъ въ университетѣ, управленіе послѣднимъ сдѣлается въ высокой степени сложнымъ и запутаннымъ, а профессорской коллегіи угрожаетъ опасность быть задавленой массой канцелярской работы.

8) „Проектъ“ поражаетъ, даже по сравненію съ уставомъ 84-го года, обиліемъ деталей и чрезмѣрной регламентаціею, совершенно противорѣчащей истиннымъ началамъ автономіи.

9) Въ „проектѣ“ недостаточно разграничены сферы дѣйствія и правъ отдѣльныхъ органовъ, какъ-то: правленія, сената, совѣта, юрисконсульта, инспектора и другихъ. Это въ свою очередь можетъ сдѣлаться постояннымъ источникомъ вмѣшательства со стороны высшей администраціи въ университетскія дѣла.

Резюмируя же наши взгляды на университетскій вопросъ, можемъ сказать, что суть дѣла заключается не въ томъ или другомъ уставѣ общемъ и единообразномъ для всѣхъ русскихъ университетовъ, а въ дѣйствительной внутренней и внѣшней автономіи. Послѣдняя же выражается въ томъ, что:

1) профессоръ, занимающій каѳедру, есть лицо самостоятельное въ веденіи своего дѣла;

2) факультету принадлежитъ полновластіе какъ въ преподаваніи, такъ и въ другихъ факультетскихъ вопросахъ;

3) совѣтъ является настоящимъ господиномъ университета;

4) администраціи принадлежитъ право контроля и отчасти иниціативы въ хозяйственной жизни университета.

Самая существенная реформа, въ которой нуждается наша высшая школа, заключается въ томъ, чтобы рядомъ съ общеуниверситетскимъ уставомъ *за нашими университетами было признано право вырабатывать для себя мѣстные статуты*, какъ для всего университета, такъ и для отдѣльныхъ факультетовъ. Такое право вытекаетъ логически изъ правильно и широко понятаго начала автономіи. Въ то же время, такіе мѣстные статуты одни только могутъ удовлетворить тѣмъ своеобразнымъ, индивидуальнымъ жизненнымъ условіямъ, которыя столь различны въ разныхъ университетахъ.

Въ качествѣ общаго нормальнаго устава, обязательнаго для всѣхъ русскихъ университетовъ, могъ бы быть вновь возстановленъ уставъ 63-го года, съ введеніемъ въ него тѣхъ существенныхъ дополненій, необходимость которыхъ общепризнана (институтъ приватъ-доцентуры).

Система отдѣльныхъ статутовъ для каждаго университета одна въ состояніи примирить тѣ двѣ крайнія тенденціи, которыя замѣчаются въ нашей университетской жизни — исканіе идеальнаго устава и стремленіе къ индивидуальности. Послѣдняя найдетъ себѣ мѣсто и проявленіе въ мѣстныхъ университетскихъ статутахъ, подобно тому, какъ мы это видимъ въ Германіи.

Можетъ легко случиться, что въ разныхъ университетахъ

будетъ неодинаковое распредѣленіе учебныхъ и каникулярныхъ періодовъ, будутъ различныя программы испытаній по добавочнымъ, неосновнымъ предметамъ, будетъ неодинаковый размѣнъ платы за ученіе. Можетъ также случиться, что въ различныхъ университетахъ будутъ неодинаковое число и свойство вспомогательныхъ каѳедръ, профессуръ и доцентуръ. Такъ напримѣръ, медицинскій факультетъ въ Петербургѣ, быть можетъ, заведетъ себѣ добавочную каѳедру по туберкулезу, а новороссійскій университетъ создастъ каѳедру бальнеологіи и т. д. Отъ такой индивидуальности, отъ такой автономіи могутъ только выиграть жизнь университета и процвѣтаніе русской науки.

Да свѣтятъ намъ на этомъ пути слова незабвеннаго Н. И. Пирогова: „Вся задача для насъ состоитъ, я думаю, не въ томъ, чтобы составить одинъ „общій уставъ россійскихъ университетовъ“,—т.-е. найти еще нигдѣ не найденное общее,—а въ томъ, чтобы найти на дѣлѣ особенности для „каждаго изъ россійскихъ университетовъ“, которыя бы сблизили ихъ жизнь съ жизнью края. Чѣмъ свободнѣе, чѣмъ менѣе регламентирована будетъ ихъ дѣятельность, тѣмъ яснѣе выразится характеръ каждаго, и тѣмъ болѣе каждый университетъ будетъ соотвѣтствовать потребностямъ общества.

„Я тогда только увижу университетскую коллегію живой, сильной и прогрессивной, когда 1) каждый изъ нашихъ университетовъ разовьетъ свою дѣятельность на просторѣ и на свободѣ, самъ, по своимъ собственнымъ убѣжденіямъ, и, примѣняясь къ мѣстнымъ требованіямъ, распредѣлитъ свой бюджетъ съ полной отвѣтственностью предъ лицомъ науки, государства и общества; когда 2) самъ опредѣлитъ вознагражденіе за труды своимъ сочленамъ не по званію, не по должностямъ, а по личнымъ достоинствамъ и заслугамъ въ наукѣ“...

И. Оршанскій.

Харьковъ.

„КАРТЫ—НА СТОЛЪ"!

ПОВѢСТЬ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

„Изъ жизни ушла правда".
Н. Хвощинская (В. Крестовскій).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Работа кипитъ на хуторѣ „Займище", у помѣщика Зуброва. Барская усадьба—всего въ верстѣ, на берегу рѣки.

Страдная пора подходитъ къ концу, но вездѣ еще чувствуется.

Къ обѣденному часу самъ баринъ—Эліодоръ Ильичъ—сидѣлъ на завалинкѣ конторы—небольшого красиваго дома—въ тѣни.

Передъ нимъ стоялъ нарядчикъ.

Зубровъ—плотный брюнетъ, загорѣлый, курчавый, въ бородѣ и усахъ. Онъ сдвинулъ картузъ на затылокъ и обнажилъ влажный лобъ съ рѣзкой линіей загара.

На немъ—полотняная блуза съ кушакомъ и высокіе сапоги.

Нарядчикъ сейчасъ доложилъ ему что-то непріятное и стоялъ въ выжидательной позѣ, заложивъ обѣ руки за спину.

Это—средняго роста, опрятно одѣтый въ пиджакъ, бѣлокурый малый, изъ крестьянъ, но съ обликомъ фабричнаго; говоритъ фальцетомъ.

На немъ—косоворотка и также высокіе сапоги, отшибающіе ворванью.

— И большая потрава? — переспросилъ Зубровъ и закурилъ папиросу.

— Порядочная, Эліодоръ Ильичъ.

— Дать ходъ дѣлу!

— Слушаю-съ.

— Они уже попадались?

— Никакъ нѣтъ... только съ ихъ стороны это съ умысломъ... Все конючатъ... „курёнка—и того некуда выпустить“.

Онъ это произнесъ тономъ цитаты. Баринъ такъ понялъ и усмѣхнулся.

— Ну, разумѣется.

Нарядчикъ любилъ книжки и читалъ „Плоды просвѣщенія“.

— Это, просто, какое-то повальное озорство!.. А работать нейдутъ. Даешь плату, какой они нигдѣ не получатъ. На арканѣ ихъ надо таскать...

— Порядки извѣстные, Эліодоръ Ильичъ: задатокъ получилъ—и бѣжать!

— Да, нечего сказать, *авансисты*!—съострилъ Зубровъ и поднялся.

Нарядчикъ фыркнулъ въ руку.

— Прикажи мнѣ дрожки подать.

— А какъ же насчетъ аренды прикажете?

— Приходили опять?

— Были-съ.

— И конючили?

— Какъ слѣдуетъ.

— Больше ни одной копѣйки не сбавлю. Да и то только на одинъ годъ. Я хозяйничать хочу и умѣю.

— Вотъ отъ этого самаго, Эліодоръ Ильичъ, наши православные и злобствуютъ на васъ... „Самъ-ста все забираетъ!“

— А то какъ же? Вѣдь они, небось, считаютъ нашего брата, помѣщиковъ, дармоѣдами... а всю землю своей? И ждутъ все чернаго передѣла!

Нарядчикъ усмѣхнулся.

— Такъ вотъ—я самъ работаю. Какая разница между мной и хозяйственнымъ мужикомъ, у котораго сотня и больше десятинъ? И онъ безъ батраковъ не обойдется.

— Извѣстное дѣло... Такъ, значитъ, и прикажете имъ объявить?

— Такъ и объяви. Дрожки подать мнѣ къ сараю, гдѣ молотятъ.

Баринъ вошелъ въ контору, просмотрѣлъ какую-то книгу, накинулъ на плечи короткое пальто и, минутъ черезъ пять, катилъ на бѣговыхъ дрожкахъ къ усадьбѣ, гдѣ его ждала, какъ

всегда, отличная ѣда. Вѣдь жена его Елена Сергѣевна—такая же примѣрная хозяйка, какъ и онъ самъ.

Эліодоръ Ильичъ — и сегодня, и вообще въ послѣдніе два года—чувствуетъ себя пріятно возбужденнымъ. Его наполняетъ сознаніе, что онъ твердо, обѣими ногами, стоитъ на „почвѣ“.

Это самое слово „почва“ безпрестанно выскакиваетъ въ его рѣчахъ. А онъ любитъ именно „рѣчи“, даже и съ глазу на глазъ съ своей Лёлей.

Зубровъ — отставной морякъ и считаетъ себя европейски образованнымъ человѣкомъ; ходилъ въ „кругосвѣтное“, стоялъ подолгу въ Англіи, Америкѣ, Италіи; говоритъ на трехъ языкахъ.

Онъ сдѣлалъ бы блестящую карьеру, но его обошли. Онъ былъ сильно задѣтъ, даже напечаталъ анонимно нѣсколько обличительныхъ замѣтокъ въ газетѣ и демонстративно вышелъ въ отставку.

Къ тому времени, какъ разъ, онъ получилъ хорошее, но немного запущенное имѣніе—вотъ это самое, при селѣ Теряевѣ, гдѣ у него усадьба, и съ пустошью „Займище“, гдѣ онъ самъ создалъ образцовую ферму.

Онъ знаетъ, чего онъ достигъ въ какихъ-нибудь пять-шесть лѣтъ, въ то самое время, какъ всѣ кругомъ—такіе же землевладѣльцы изъ дворянъ—только кряхтятъ, ноютъ, доводятъ себя до ликвидаціи, бѣгутъ изъ деревень, кляньчатъ мѣстечка на двѣ тысячи.

Нѣтъ, онъ, Эліодоръ Ильичъ, не таковъ. Уже теперь, на сельскохозяйственныхъ съѣздахъ, его слушаютъ, какъ авторитетное лицо. И онъ до всего этого дошелъ самъ, не былъ ни въ какихъ академіяхъ и институтахъ; а частенько побивалъ ученыхъ агрономовъ.

Онъ умѣетъ сочетать заграничныя новшества съ стародавней мудростью русскаго пахаря, не накидывался на машины и многопольныя хозяйства безъ толку, заводилъ все „исподволь“; а главное, ударялъ „по всѣмъ по тремъ“—какъ кто-то въ уѣздѣ съострилъ про него: ничего не оставлялъ въ пренебреженіи. Поэтому у него теперь и запашка въ блистательномъ видѣ, и травосѣяніе, и минеральное удобреніе, и скотоводство, маслобойня, молочная ферма, огородничество и садоводство—цѣлая энциклопедія!

И во всѣмъ ему вѣрная и смышленая помощница его Лёля. Она—*его* выученица. Онъ ее направилъ и передѣлалъ по своему.

Ихъ пара, въ полномъ смыслѣ: „мужъ да жена—одна сатана“. Нужды нѣтъ, что она не красавица и въ деревнѣ потеряла половину своей прежней внѣшней привлекательности.

Она и сама про себя говоритъ, что она и замужъ-то шла „подлѣточкомъ“, по мужицкому выраженію.

Весь въ пыли, подъѣхалъ Эліодоръ Ильичъ къ заднему крыльцу стараго дома—еще прадѣдовскаго, давно почернѣлаго, но крѣпкосколоченнаго изъ дубовыхъ вѣковыхъ бревенъ.

Онъ его оставляетъ въ прежнемъ видѣ, только крыльца подновилъ, рѣшетки, крышу. И внутри пріемныя комнаты—зала, гостиная, диванная—стоятъ съ отдѣлкой чуть ли не тридцатыхъ годовъ, съ жесткими диванами, обитыми штофомъ, съ штучными дверями, зеркальными рамами и старинными люстрами.

При теперешней страсти къ археологіи—эта обстановка дорогого стоитъ, на охотника.

Выбѣжалъ откуда-то паренекъ въ поддевкѣ и принялъ лошадь. Баринъ молодцовато соскочилъ съ сидѣнья бѣговыхъ дрожекъ, приказалъ малому хорошенько „поводить“ и быстро взбѣжалъ по ступенькамъ крытаго крыльца, прошелъ черезъ просторную комнату — прежде дѣвичью, — гдѣ у него хранились разныя разности по хозяйству: сѣмена, небольшіе приводы, металлическія вещи всякаго рода,—и проникъ изъ узкаго корридора въ свою уборную, гдѣ тотчасъ же сталъ старательно умываться и чиститься.

Эліодоръ Ильичъ любитъ все дѣлать самъ, и у нихъ съ женой, въ такомъ обширномъ домѣ, вся прислуга состоитъ изъ ключницы, горничной, мальчика и посыльнаго—и то больше по хозяйству, а не по дому.

Прислуга живетъ въ антресоляхъ, а ѣстъ въ людской, въ отдѣльномъ флигелѣ, гдѣ обѣдаютъ и ужинаютъ конюхъ, кучеръ, нѣсколько батраковъ, скотники и скотницы. Скотный дворъ стоитъ между хуторомъ Займище и усадьбой, но ближе къ усадьбѣ.

А въ столовой—окнами на широкій, покатый дворъ—очень свѣтлой комнатѣ, пониже парадныхъ—все уже было готово къ обѣду.

И баринъ, и барыня—все любятъ дѣлать по часамъ, и немало имъ приходится воевать изъ-за этого—и въ усадьбѣ, и на хуторѣ, и въ полѣ, въ садахъ, въ лѣсу, вездѣ...

Но домашняя прислуга уже достаточно намуштрована. Ключница—„дошлая“, изъ бѣдныхъ дворянокъ, и всѣхъ подтягиваетъ, не меньше барыни.

Барыни всѣ боятся. Она ни на кого окрика не дастъ, все „голубчикъ“, да „милая моя“; но ничего не спуститъ, ни въ

жизнь. Чуть что—и вычетъ; а если обойдется безъ штрафа, то такъ по недѣлямъ дастъ тебѣ почувствовать, что ты проштрафился. Баринъ по дому мало во что входитъ; но если въ чемъ накроетъ—будешь у праздника.

— Ты здѣсь?—окликнулъ Эліодора Ильича женскій голосъ изъ-за двери.

— Здѣсь! Здѣсь! Войди, Леля!

На порогѣ старинной стеклянной двери съ зеленой тафтой изнутри показалась худощавая, аккуратная фигура Елены Сергѣевны въ свѣтломъ платьѣ, поверхъ котораго надѣтъ былъ фартукъ съ рукавами—изъ сѣренькой сарпинки.

Мелкія черты ея лица не говорили о нѣжной молодости. Цвѣтъ кожи—сѣроватый, съ чуть замѣтными ямочками на щекахъ; глаза съ краснотой. Но общій обликъ сохранилъ нѣкоторую миловидность нестарой еще блондинки.

Несовсѣмъ пріятно выдавался широкій подбородокъ особы съ характеромъ.

— Ты еще въ дѣловой формѣ?—ласково сказалъ Зубровъ, подходя къ ней плотно, и поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Сейчасъ сниму и умою руки.

— Ты откуда?

— Изъ молочной. Анфиса заболѣла. Я совсѣмъ какъ безъ правой руки.

Въ тонѣ этихъ словъ чуялась больше дѣловая досада, чѣмъ жалость къ заболѣвшей внезапно работницѣ.

— Что съ ней?

— Жаба. Еле дышетъ. Я послала за фельдшеромъ. Жаръ...

— Ужъ не дифтеритъ ли? — спросилъ Эліодоръ Ильичъ, и слегка наморщилъ брови.

— Я велѣла ее отдѣлить, на всякій случай. Можетъ быть, въ земской больницѣ найдется прививная сыворотка.

— Хорошо. Ты у меня умница.

Онъ еще разъ поцѣловалъ ее въ лобъ.

Эти слова: „ты у меня умница“ сдѣлались у него обычной формулой, и Елена Сергѣевна къ ней привыкла.

— Ѣсть ужасно хочется! Можно садиться?

— Сейчасъ... Я только къ себѣ на три минуты.

Она повернулась-было къ двери, но тотчасъ же подошла къ креслу, около умывальника, и опустилась въ него.

— Вотъ вѣдь какая новость, Дора...

Такъ она звала своего мужа: сокращенно отъ Эліодора.

— Что такое?

— Не по хозяйству... Не знаю, пріятный ли для тебя сюрпризъ...

Онъ уставилъ на нее свой твердый, суховатый взглядъ.

— Николай пожаловалъ къ намъ.

— Твой братъ? Откуда?

— Изъ-за границы.

— А его на границѣ не сцапали?

Зубровъ недобро разсмѣялся.

— Какъ видишь... нѣтъ. Теперь онъ—изъ Москвы.

— И куда направляется?

— Кажется... желалъ бы у насъ погостить.

Легкая гримаса повела сочныя губы Эліодора Ильича. Но онъ тотчасъ же выпрямился и повелъ правой рукой по воздуху.

— Что жъ... милости просимъ. Только ты ужъ предупреди его, что ни на какіе тайные сборы тамъ и подписки я не пойду.

— Онъ это и самъ знаетъ.

— И вообще попросилъ бы его не осложнять—Зубровъ протянулъ это слово—свое пребываніе у насъ какимъ-нибудь инцидентомъ.

Онъ сталъ говорить тише.

— Въ какомъ же родѣ?

Лицо Елены Сергѣевны сдѣлалось нервнѣе, рѣсницы замигали..

— Почемъ же я знаю, Леля?.. Онъ вѣдь, поди, изъ самаго разрывного пѣкла пожаловалъ?..

— Не прямо оттуда. Жилъ и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ... Да и вообще, сколько я знаю, Николай—не террористъ...

— Прекрасно... только ты его все-таки предупреди.

Тонъ у него сталъ уже мягче.

— Въ добрый часъ! — прибавилъ онъ.—А вотъ то неладно, что малый, до сихъ поръ, шатается безъ всякаго серьезнаго занятія...

— Это его дѣло.

— Онъ самъ напросился или ты его пригласила?

— Явился онъ прямо со станціи... какъ ты только уѣхалъ на работы. Не могла же я не предложить ему...

— Само собою, — поправился Эліодоръ Ильичъ. — Ты куда его помѣстила?

— Въ антресоляхъ... комната надъ спальной, гдѣ у насъ, обыкновенно, ночуютъ гости. Но онъ, быть можетъ, и не останется у насъ.

— Почему?

— Онъ сейчасъ же пошелъ пѣшкомъ... тутъ, по сосѣдству...

— Къ кому это?

— А въ Худоярово... Новые господа сняли на лѣто усадьбу съ паркомъ. Московскій адвокатъ... восходящая звѣзда... Лодыгинъ... развѣ ты не слыхалъ?

— Вотъ что въ рабочихъ процессахъ отличался?

— Да, да... Онъ сюда наѣзжаетъ; а жена здѣсь уже больше мѣсяца.

— Такъ онъ къ нимъ и отправился? Пѣшкомъ?

— Да. Хотѣлъ успѣть къ обѣду.

— Ну, я его ждать не буду, Леля, милая. Опоздаетъ—самому же хуже.

И въ ясныхъ и сухихъ глазахъ Эліодора Ильича промелькнула мысль:

„Пускай бы онъ и поселился у своихъ московскихъ друзей“.

— Только знаешь что,—добавилъ онъ,—не очень-то я стремлюсь къ знакомству съ тѣмъ брехунцомъ, играющимъ въ соціалъ-демократа.

— Николай... по этой части очень сдержанъ и гордъ. Навязывать намъ это знакомство онъ не будетъ.

— Ну, и превосходно!

— Mercі, Дора.

Она поднялась немного на цыпочки и поцѣловала его въ щеку.

— Я—мигомъ! Прости, что задержала.

Минутъ черезъ пять супруги сидѣли другъ противъ друга за небольшимъ круглымъ столомъ. Третій приборъ былъ поставленъ между ними.

Жаръ и свѣтъ смягчали маркизы на отворенныхъ окнахъ.

Служили мальчикъ и горничная. Ключница—во время обѣда—должна была состоять въ буфетной — рядомъ, куда продѣлано широкое отверстіе для подаванія блюдъ и обмѣна посуды.

Внезапный пріѣздъ „братца“ все-таки не особенно радовалъ Эліодора Ильича, да и Елена Сергѣевна—про себя—находила, что теперь, въ рабочую пору, Николай—по прозванію „гражданинъ вселенной“—будетъ тутъ торчать безъ дѣла... или вести совсѣмъ неподходящіе разговоры.

Она побаивалась, какъ бы не вышло у нихъ чего-нибудь съ мужемъ. Близкое сосѣдство московскихъ пріятелей брата придется очень кстати. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что онъ и переберется къ нимъ...

Первое блюдо—ботвинья съ раковыми шейками—было уже съѣдено. Въ столовой пріятно пахло свѣжими огурцами, укропомъ и рыбой.

Подали второе блюдо—рубленыя котлеты изъ баранка, съ молодымъ картофелемъ.

Разговоръ пошелъ чисто хозяйственный. Эліодоръ Ильичъ сообщилъ женѣ о своемъ рѣшеніи насчетъ аренды и потравы, и она все это одобрила.

Вообще, они удивительно спѣлись. Еще въ началѣ ихъ супружеской жизни—въ ней сидѣли кое-какіе протесты, но онъ незамѣтно сумѣлъ ихъ успокоить.

— Вотъ и Николай!—тихо воскликнула Елена Сергѣевна.—Идетъ къ заднему крыльцу. Митя!—окликнула она мальчика:—принеси... что осталось ботвиньи. Николай Сергѣичъ будетъ съ нами обѣдать.

Эліодоръ Ильичъ повелъ своими молодецкими усами и ничего не сказалъ.

II.

Братъ Елены Сергѣевны нѣсколько торопливо доѣдалъ свою порцію ботвиньи, не желая заставлять дожидаться хозяевъ.

Онъ мало похожъ на сестру. Только цвѣтъ волосъ у нихъ сходный и оттѣнокъ изсѣра-голубоватыхъ глазъ.

Сухой, высокій, съ впалой грудью, но широкій въ плечахъ—онъ сидѣлъ, сгорбившись, надъ столомъ и, дохлебывая ботвинью, поглядывалъ на чету Зубровыхъ слегка улыбающимися глазами. Голова у него большая, курчавая, но волосы растутъ такъ, что высокій лобъ сразу обнажался. Лицо—такое же худое, какъ и весь станъ, загорѣлое и съ нечистой кожей. Бородка—жидкая и довольно длинная, висячіе усы.

На немъ заграничный пиджакъ охотничьяго покроя и фланелевая рубашка.

Николай на цѣлыхъ шесть, если не больше, лѣтъ моложе сестры, и когда-то былъ ея „выученикомъ“, когда они остались сиротами. Но теперь онъ смотритъ старообразно. Ему шелъ тридцатый годъ.

Съ шуриномъ Эліодоръ Ильичъ былъ на „вы“. Такъ повелось у нихъ съ первыхъ дней знакомства, когда Николай заѣхалъ къ нимъ—вотъ такъ же—въ усадьбу. Они тогда были уже второй годъ женаты.

Замѣтно было, что Зубровъ держится вообще очень осто-

рожнаго тона и, говоря съ нимъ, сохраняетъ въ мимикѣ лица что-то условное, болѣе учтивое и выжидающее, чѣмъ бы можно было ждать отъ него.

Елена Сергѣевна взглядывала на брата вбокъ, немножко вопросительно и съ нѣкоторой тревогой. Но она старалась ласково улыбаться.

— Твои пріятели... еще долго пробудутъ здѣсь, въ Худоярове?—спросила она, когда мальчикъ принялъ отъ брата его тарелку.

— Она останется до сентября, а онъ будетъ наѣзжать.

— Сильно началъ гремѣть... въ газетахъ,—сказалъ Зубровъ, умышленно безъ всякой особенной интонаціи.

— Да... многихъ затмеваетъ, — отозвался Николай и тряхнулъ кудерьками своего высокаго лба.

Голосомъ онъ былъ похожъ на сестру; только она говоритъ низковато для женщины, а онъ—высокимъ баритономъ.

— И все съ особымъ направленіемъ... Стачки... фабричные и крестьянскіе бунты? Но на это вѣдь не разживешься! Правда, славу всего легче добыть...

— Онъ и всякими другими дѣлами не брезгаетъ.

Говоря это, Николай повелъ ртомъ, на особый ладъ.

Сестра его знала эту усмѣшку—точно *сквозь усы*.

— Значитъ, онъ, какъ говорится въ какихъ-то куплетахъ:

„Воспѣлъ Гарибальди,
Воспѣлъ и Франческо“?

Ха, ха, ха, ха, ха!

Смѣхъ Эліодора Ильича разлился звонкой струей по столовой. Онъ не зналъ лично этого входящаго въ моду „брехунца“; но ему пріятно было пройтись на его счетъ. Видно, и его „beau-frère“ не очень-то преклоняется передъ этимъ „свѣтиломъ“; но онъ не сталъ его разспрашивать о четѣ Лодыгиныхъ.

— Скажи, Коля,—спросила Елена Сергѣевна,—ты съ нимъ развѣ одного выпуска?

— Нѣтъ... Онъ—курсомъ моложе... да и на разныхъ факультетахъ были. Съ женой его мы встрѣчались за границей. Тамъ и съ нимъ я заново познакомился, когда они совершали свой свадебный вояжъ,—проговорилъ онъ съ юморомъ.

— Она интересная женщина?

— Интересная, — кратко промолвилъ Николай, принимаясь за второе блюдо.

Зубровъ весьма не жаловалъ этихъ столичныхъ „слѣтковъ“, нанимающихъ, на лѣто, усадьбы для своего удовольствія. Онъ

считалъ „измѣной“ землевладѣльческому классу такую отдачу усадебъ. А дачники только портили мѣстную прислугу, набивали цѣны на все, развращали бабъ возможностью все продавать въ тридорога такимъ господамъ: молоко, яйца, цыплятъ, ягоды, всякую снѣдь.

Сестрѣ — хотя они съ братомъ въ послѣдніе два года совсѣмъ отвыкли другъ отъ друга—хотѣлось все-таки обо многомъ его разспросить. Но ее стѣсняло присутствіе мужа. Она боялась какихъ-нибудь принципіальныхъ споровъ Николая съ мужемъ, хотя Эліодоръ Ильичъ и держалъ себя крайне дипломатично и самъ избѣгалъ всякаго „ненужнаго тренія“, какъ онъ любилъ выражаться.

Выпивъ стаканъ квасу, Зубровъ слегка крякнулъ, отеръ усы и повернулъ голову къ Николаю.

— Все еще не имѣете постояннаго мѣстопребыванія? — умышленно ласково спросилъ онъ. — И на зиму нигдѣ не намѣреваетесь фиксироваться? Вольный козакъ! Гражданинъ вселенной!

И онъ тихо разсмѣялся, показывая свои свѣжіе, но мелкіе зубы.

Николай выпятилъ немного губы и ничего сразу не отвѣтилъ.

— Въ Москвѣ думаешь пожить осенью или зимой?—спросила сестра.

— Не знаю еще... если найдется стоющая работа. Кое къ чему не безъинтересно было бы приглядѣться... и въ Москвѣ, и по близости въ губернскихъ городахъ.

— Произвести нѣкоторую *анкéту*, Николай Сергѣичъ?—подсказалъ Зубровъ.

Оба они съ женой давно знали, что Николай, хотя до сихъ поръ и не „попался“, но у него есть давнишнія связи съ „разрывной заграницей“. Еще въ прошломъ году онъ произнесъ рѣчь на одномъ съѣздѣ—довольно-таки рискованную, и они удивлялись оба, какъ его, „голубчика“, не потревожили гораздо раньше, когда онъ вернулся изъ-за границы, въ концѣ прошлаго года. А потомъ онъ опять ѣздилъ, весной.

Куда и зачѣмъ—никто изъ нихъ обоихъ не знаетъ и не желалъ допытываться.

Еленѣ Сергѣевнѣ стало даже немного неловко передъ мужемъ, что вотъ такой „гражданинъ вселенной“ пожаловалъ къ нимъ на неопредѣленное время... и Богъ знаетъ, что изъ этого можетъ выйти.

Разумѣется, она ему не дастъ этого понять. И мужъ ея слишкомъ деликатенъ.

Ни онъ, ни она, не будутъ наводить его на разговоръ о томъ—на что̀ онъ живетъ.

Отъ состояньица, которое ему осталось съ сестрой,—его доля давно прожита... На что̀—онъ ей не сообщилъ. Она же и купила у него его землю на деньги мужа. Это была небольшая „пустошь“, которую арендовали мужики. Николай могъ бы подарить имъ эту землю; но онъ почему-то этого не сдѣлалъ. Вѣроятно потому, что ему деньги были нужны на поддержку какой-нибудь „организаціи“.

Но этотъ фактъ—для нихъ съ мужемъ—былъ хорошей заручкой на случай какихъ-нибудь съ его стороны обличеній.

Конечно, теперь у него ничего не осталось. На службу онъ не поступалъ, даже и на частную. Вѣроятно, пробавляется литературной работой. Но онъ про свои личныя дѣла не любитъ говорить, съ тѣхъ поръ, какъ Елена Сергѣевна замужемъ.

Она за глаза выражается такъ: „съ того времени, какъ Николай отставилъ меня отъ своей особы“.

На оцѣнку ея мужа, ничѣмъ другимъ, какъ „пису́лей“ онъ и не можетъ быть. Прессу Эліодоръ Ильичъ не ругаетъ и скорѣе стоитъ за гласность; но все то, что̀ не такой трудъ, который онъ считаетъ производительнымъ,—не особенно высоко стоитъ въ его глазахъ.

— Ну, что̀ же, господа,—началъ Николай, отодвигаясь немного отъ стола,—васъ можно поздравить съ здо̀ровымъ урожаемъ?

— Можно,—отвѣтилъ первый Эліодоръ Ильичъ.

Глазки его жены заиграли-было, но тотчасъ же она опустила рѣсницы.

Братъ спросилъ это такъ, безъ сочувствія *ихъ* „дѣлу“, а можетъ, даже съ желаніемъ пройтись насчетъ ихъ „домостроительства“.

— И ты все преуспѣваешь? — обратился онъ уже прямо къ ней.

— Полегоньку.

Тонъ у него—противъ послѣдней ихъ встрѣчи — сдѣлался другой, очень уже самъ по себѣ—не то, что безцеремонный, но совсѣмъ не такой, въ какомъ онъ говорилъ бы съ ней... ну, хоть три года назадъ.

Вѣдь этотъ „Коля“ былъ долго почти что какъ ея „чадо“. Она уже кончила ученье, считая и педагогическіе курсы, а онъ еще былъ гимназистъ. И тогда онъ смотрѣлъ на нее снизу вверхъ.

Да и студентомъ онъ еще находился подъ обаяніемъ всей ея личности, ея идей, всего того, что она дѣлала, къ чему стремилась.

Теперь онъ почти что чужакъ. Но и у нея нѣтъ охоты возвращаться къ прошлому. Ясно одно: она для него не прежняя „сестричка“. И онъ не можетъ быть съ нею такимъ, какъ это было семь-восемь лѣтъ назадъ.

— Ну, а куда же дѣвать хлѣбъ?—спросилъ Николай, взглядывая въ полоборота на Зуброва.

— Какъ куда, Николай Сергѣичъ? Ѣсть его.

— Если вы вдвоемъ... даже и съ своими батраками, начнете жевать его, съ желаніемъ сжевать все—получите несваренiе желудка.

— Продавать будемъ.

— А цѣны?

Николай взглянулъ на него съ своей характерной усмѣшкой.

— Подождемъ, какія установятся. Надъ нами не каплетъ.

— А если,—какъ это всегда бываетъ въ россійскомъ государствѣ при урожаяхъ,—себѣ въ убытокъ? Удивительная страна:—или минеральное тѣсто, въ видѣ суррогата ржаного хлѣба, т.-е. глина въ годы недорода,—протянулъ онъ слово,—или никакихъ цѣнъ. И залежи... не каменнаго угля или фосфорита, а хлѣбныхъ грузовъ. Сто тысячъ вагоновъ—на разныхъ трактахъ—ни взадъ, ни впередъ! „Милая страна!“—пѣвуче протянулъ онъ, повернувъ голову къ сестрѣ.—Я, мальчуганомъ, у насъ... въ губернскомъ городѣ, видѣлъ такой старинный водевиль съ пѣніемъ. Кажется, „Кеттли“ называется... Ты не помнишь, Лена?

— Нѣтъ, не помню.

— Это—имя героини, швейцарской пастушки... знаешь, въ кисейномъ передникѣ съ кружевцами и въ бархатномъ спенсерѣ? И вотъ, является французскій офицеръ. Тогда ихъ такъ одѣвали: черный сюртукъ съ цилиндромъ; но брюки чтобы непремѣнно красные или голубые съ позументомъ, въ видѣ лампасовъ.

Мужъ съ женой незамѣтно переглянулись: „Къ чему-де онъ завелъ эту притчу?“

— Такъ вотъ... подходитъ этотъ самый лейтенантъ къ суфлерской будкѣ и поетъ куплеты въ сентиментальномъ вкусѣ, восхищаясь Швейцаріей. Я, до сихъ поръ, помню первый стихъ:

„Милая страна—всегда плѣняла ты поэта!“

И какъ только я возвращаюсь на лоно отечества — сейчасъ

у меня, съ самаго вокзала въ Вержболовѣ, зудятъ въ ушахъ эти два слова: „Милая страна“.

„Вотъ оно что!“—подумали они оба вразъ.

Такого „фырканья“ Эліодоръ Ильичъ не жаловалъ. Онъ самъ—когда нужно—умѣлъ обличать „россійскую неурядицу“, отъ которой страдаетъ на Руси всякій истинный хозяинъ, каждый человѣкъ настоящаго дѣла. Но не такимъ—въ сущности праздношатающимся интеллигентамъ, какъ его „beau-frère—прохаживаться надъ „милой страной“.

Онъ сдержалъ себя. То, что Николай сейчасъ сказалъ—общее мѣсто. Кто не знаетъ про наши желѣзнодорожные порядки? Только онъ долженъ былъ бы радоваться. Вѣдь для такихъ, какъ онъ, „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше“. Никакой любви къ родинѣ у нихъ нѣтъ и никакимъ созидательнымъ дѣломъ они не желаютъ заниматься.

— И знаете, господа,—продолжалъ Николай, придвигаясь опять къ столу,—обидно смотрѣть на каррикатуры въ французскихъ газетахъ... въ тѣхъ... въ благонамѣренныхъ... націоналистически-буржуазныхъ, подъ общей рубрикой „doux pays“. То, что они считаютъ бѣдствіемъ и позоромъ для Франціи, этимъ наша земля преисполнена отъ края до края... Они—въ полномъ смыслѣ—съ жиру бѣсятся.

— Это вѣрно!—согласился Эліодоръ Ильичъ.—Но вѣдь господа соціалисты также охаютъ надъ своими порядками, какъ и другія партіи?

Ему хотѣлось сказать и еще кое-что посильнѣе; но онъ разъ навсегда рѣшилъ „пороху не тратить“ и ни въ какія пререканія съ своимъ „бо-фрэромъ“ не вступать.

— Милая страна! — опять пѣвучимъ речитативомъ произнесъ Николай.—А впрочемъ—вездѣ одно и то же. У насъ, по крайней мѣрѣ, возможны—внезапные сюрпризы. Стихіи заколышатся и произведутъ нѣчто опять-таки архироссійское.

—Что же?—не удержалась Елена Сергѣевна.—Пугачевщину... что-ли?

— Все возможно... друзья мои... даже и появленіе какого-нибудь самозванца... А то и безъ онаго.

Онъ подергалъ жидкую бородку, отрѣзалъ корочку отъ своего ломтя чернаго хлѣба и круто посолилъ.

— А въ ожиданіи этой милой перспективы,—замѣтилъ ему въ тонъ Эліодоръ Ильичъ,—надо каждому вести свою линію и воздѣлывать свою ниву.

— „Кійждо подъ смоковницей своей“,—выговорилъ Николай

на *онъ* и спросилъ сестру, безъ всякой паузы:—И насчетъ удоя ты довольна, Лена?

— Ничего.

— Сыровареніе завела?

— Нѣтъ. Мы раздумали. Масло—выгоднѣе, по нашимъ мѣстамъ.

Она охотно бы распространилась на эту тему, но и она, и ея „Дора"—очень хорошо понимали, что обо всемъ этомъ Николай разспрашиваетъ только такъ... „для близиру", чтобы выставить ихъ обоихъ „буржуями".

А они оба имѣютъ полное право считать себя истинными земскими людьми, образцовыми гражданами, не зарывающими своего „таланта" въ землю, иначе какъ въ видѣ удобренія. И не ему—„гражданину вселенной", безъ всякой серьезной цѣли въ жизни, безъ отвѣтственности и любви къ труду—прохаживаться на ихъ счетъ.

Опять вразъ они подумали тутъ:

„Неужели онъ у насъ *плюхнется* надолго?.. Удовольствіе!"

И кротко, безъ всякой особенной интонаціи, Елена Сергѣевна спросила его:

— Ты у насъ поживешь, Николай?

— Не знаю еще. Вотъ и Лодыгины меня просятъ...

— Что же... у нихъ тебѣ будетъ веселѣе. Мы съ Эліодоромъ цѣлый день... при дѣлѣ.

— Да вы, пожалуйста, не стѣсняйтесь!—не далъ онъ ей докончить.—Вы меня знаете... я самъ по себѣ... какъ будто меня и нѣтъ совсѣмъ. И къ обѣду не ждите. Приду—хорошо, а нѣтъ—значитъ, у сосѣдей засидѣлся. Случится и заночевать.

— А господина Лодыгина еще нѣтъ тамъ въ усадьбѣ?—спросила сестра опять безъ особаго выраженія.

— Долженъ быть завтра.

— Ужъ ты извини, пожалуйста. Намъ теперь съ Эліодоромъ не до новыхъ знакомствъ.

— Ты боишься, что я вамъ мои знакомства навяжу?.. Съ какой стати?

— Мы ни отъ кого не прячемся, — продолжалъ за жену Эліодоръ Ильичъ.—Но вѣдь вашъ пріятель съ нашими интересами ничего общаго не имѣетъ. А въ страдное время всякимъ получасомъ дорожишь. Вотъ поѣшь... немножко отдохнешь и опять до сумерекъ. А тамъ и на боковую—намаешься цѣлый то день. Также и она!—указалъ онъ на жену жестомъ головы.

Подали малину со сливками.

И вдругъ всѣ трое почувствовали, что имъ говорить больше не о чемъ.

А если начать разговоръ „по существу“, то выйдетъ что-нибудь совсѣмъ нежелательное. Они бы имѣли право и поводы—поговорить съ нимъ въ поучительномъ тонѣ; но съ такимъ, каковъ онъ теперь — натолкнешься на что-нибудь нежелательное. Оба они были слишкомъ преисполнены сознаніемъ того, что они собою представляютъ среди общаго шатанія, оскудѣнія и распущенности, въ такой „милой странѣ“, которую они все-таки любятъ и гдѣ только отъ такихъ, какъ они оба, и можетъ пойти настоящее „возрожденіе“.

III.

Сразу стало жарковато—часу въ седьмомъ утра.

Солнце обливало мягкимъ свѣтомъ сжатыя поля озимаго и ярового. Въ воздухѣ пахло соломой. По межамъ, вдоль дороги, сорныя травы засохли и запылились. Проселокъ извивался немного „на изволокъ“ отъ рѣчки, въ — ту сторону, гдѣ стоялъ хуторъ „Займище“.

По этой дорогѣ шелъ Николай Бучаевъ, все въ той же заграничной блузѣ и бѣломъ картузѣ. Онъ курилъ, щурился противъ солнца, часто останавливался, глядѣлъ кругомъ и широко переводилъ дыханіе.

На ходу онъ еще больше гнулся, чѣмъ вчера за столомъ. Лѣвой рукой онъ помахивалъ сучковатой палкой.

Всталъ онъ на зарѣ, сходилъ выкупаться въ рѣчкѣ, обсохъ, безъ простыни, и пошелъ шагать, чувствуя особенную бодрость.

Обѣдъ и потомъ вечерній чай, когда была общая бесѣда—оставили въ Николаѣ такое именно чувство, какого онъ ждалъ, когда вчера подъѣзжалъ къ усадьбѣ Зубровыхъ.

„Милѣйшій“ Эліодоръ Ильичъ и сестрица, „досточтимая“ Елена Сергѣевна, за цѣлый годъ только преуспѣвали на пути своего совмѣстительства“.

„Совмѣстителями“ онъ сталъ, въ послѣдніе годы, называть не однихъ *службистовъ*, умѣющихъ занимать по нѣскольку должностей заразъ, а всѣхъ, кто хочетъ, въ одно и то же время: соблюсти невинность и набить потуже мошну.

Чета Зубровыхъ—два махровыхъ экземпляра такихъ совмѣстителей. Они оба глубоко убѣждены въ томъ, что вся будущность Россіи держится за такихъ „дѣлателей жизни“, какъ они. Они такъ и выражаются: „мы дѣлаемъ жизнь“. А дѣлаютъ они

ее въ видѣ усиленной работы надъ расширеніемъ своего хозяйства, во всѣхъ направленіяхъ.

Развѣ они ретрограды, гасильники, враги народа?

Боже избави!

Ихъ мечта — какъ у короля Генриха IV — чтобы у каждаго мужичка „была курица въ супѣ".

А для этого надо своимъ примѣромъ и вліяніемъ пересоздавать темную массу, прививать ей трезвость, трудолюбіе, бережливость, чувство законности, а главное, уваженіе къ „священному" принципу собственности, котораго у мужика совсѣмъ нѣтъ, когда дѣло идетъ не о томъ, что̀—его собственное добро, движимое и недвижимое.

Поэтому—и поэтому только,—увѣряютъ эти образцовые совмѣстители, — они и не могутъ оказывать никакой поблажки „анархическимъ" и „коммунистическимъ" предразсудкамъ мужика.

Все такъ складно выходитъ. Любо-дорого слушать! Они считаютъ себя самыми безупречными поборниками „правового порядка". Но этого мало. Они—благодѣтели своей окру́ги. У нихъ всегда найдется работа для тѣхъ, кто въ ней нуждается. Они помогутъ каждому хорошему хозяину... но пьяницамъ, плутамъ, озорникамъ—пощады нѣтъ.

Вчера за вечернимъ чаемъ онъ нарочно такъ повелъ себя, что его сестрица Елена Сергѣевна вошла въ свою роль и стала развивать свое хозяйственное „credo", взглядывая на мужа, который только кивалъ головой и пріятно улыбался.

Сестра давно *отошла* отъ него. Прежде онъ возмущался; а теперь ему только курьёзно видѣть, какъ женщина можетъ впадать въ такой самообманъ. Вѣдь она считаетъ себя все такой же передовой личностью, какъ и восемь лѣтъ назадъ, когда онъ—студентомъ—гордился ею и считалъ своей гражданской руководительницей.

Но тогда она слишкомъ носилась съ собою на его теперешнюю оцѣнку—впадала въ сентиментальность, переживала періодъ разныхъ исканій, попросту говоря — „засидѣлась въ дѣвкахъ". Она всего перепробовала: учила ребятишекъ, заводила ясли, устраивала просвѣтительныя экскурсіи, читала рефераты, считалась выдающейся феминисткой.

Явился *онъ*, ражій молодецъ,—Лена влюбилась въ него, какъ кошка, и въ три-четыре года онъ ее „обработалъ" на свой ладъ, безъ всякой особенной ломки.

Онъ къ ней поддѣлывался на первыхъ порахъ, а не она къ нему. Она въ него увѣровала, какъ въ свѣтлый типъ земца, у кото-

раго на первомъ планѣ—не фраза, а дѣло. Они читали тѣ же книжки, и въ уѣздѣ его считали, одно время, даже краснымъ.

И вотъ она теперь—его вѣрная сотрудница, образцовая хозяйка. Школа, ясли, чтенія народу—все это признается теоретически, но на это уже нѣтъ досуга. Время цѣликомъ идетъ на расширеніе своей экономической „эксплоатаціи“, на которую оба супруга совершенно искренно смотрятъ, какъ на самое дѣйствительное воздѣйствіе на народъ—съ цѣлью поднятія его „работоспособности“ и уваженія къ „правопорядку“.

И у сестры вчера вырвалась фраза:

— Нашъ валовой доходъ прошлаго года достигъ цифры пятидесяти тысячъ рублей.

Глаза ея блеснули, и она однимъ глоткомъ допила свой чай.

И этого добились они въ какихъ-нибудь три-четыре года. И дѣло растетъ... среди общей неурядицы, краховъ, запущеній, равнодушія къ своимъ законнѣйшимъ интересамъ въ средѣ помѣстнаго сословія.

— Это прямо преступленіе передъ государствомъ и обществомъ!—съ вибраціей въ голосѣ вскрикнулъ великолѣпный Эліодоръ Ильичъ.

Съ проселка Николай взялъ по тропкѣ, спускавшейся „подъ изволокъ“. Гдѣ-то по близости журчалъ родникъ. И тотчасъ ему захотѣлось пить. Если ключъ течетъ не прямо по землѣ, а спадаетъ съ пригорка, онъ захватитъ воду пригоршней.

Это тотчасъ же напомнило ему, какъ онъ восходилъ—и не одинъ разъ!—на самыя крутыя высоты въ Швейцаріи: и на Юнгфрау, и на Пилатъ, и на Монбланъ — и всегда вотъ въ такіе же жаркіе дни, какъ сегодня. Тогда онъ, бывало, зачерпнетъ воды у перваго встрѣчнаго каскада въ фуражку или шляпу, уйдетъ туда всѣмъ лицомъ, намочитъ голову, смочитъ и платокъ, накинетъ его на голову подъ картузъ или шляпу и весь, освѣженный, шагаетъ, что твой гидъ, по крутизнамъ, до самыхъ ледниковъ, повторяя всегда вслухъ стихи Полонскаго:

„Вверхъ по недоступнымъ
Крутизнамъ встащился
Горъ...“

и заключительные бодрящіе возгласы:

„И въ отвѣтъ природѣ
Улыбнись отъ вѣка,
Обреченный скорби
Геній человѣка!

Улыбнись природѣ,
Вѣрь знаменованью:
Нѣтъ *конца стремленью*,
Есть конецъ страданью!“

Ручеекъ оказался какъ разъ такой, какой ему нуженъ. И около него росли три молодыя березы.

Онъ зачерпнулъ воду пригоршней, жадно напился и отеръ руки платкомъ.

Потомъ присѣлъ на траву, въ тѣни березокъ, снялъ свой бѣлый картузъ и отеръ высокій, крутой лобъ платкомъ.

Со студенческихъ годовъ, Николай носилъ фуляровые, а не полотняные платки. Эта привычка такъ и осталась у него. Онъ—юношей—страдалъ частыми и упорными насморками.

Гдѣ-то, въ воздухѣ или въ полѣ, чирикала птичка. Онъ не зналъ—какая. Хоть онъ и учился на физико-математическомъ факультетѣ, но многаго въ природѣ не зналъ, и это его часто обижало. Всякій деревенскій парень и даже каждая смышленая дѣвчонка-подростокъ навѣрное скажетъ—что за птица чирикаетъ. А онъ не можетъ! Если различаетъ пѣніе, то очень немногихъ птицъ: жаворонка, соловья, пожалуй пѣночки, или „стрижа“—какъ здѣсь называютъ одну породу ласточекъ.

Все оттого, что онъ сталъ слишкомъ городскимъ жителемъ, черезчуръ много возится съ людьми, въ той трагикомедіи, которая вездѣ разыгрывается на его глазахъ—и на Западѣ, и въ той „милой странѣ“, гдѣ онъ родился.

А главное—черезчуръ много читаетъ всякой всячины, и съ нѣкоторыхъ поръ, если не въ одномъ и томъ же направленіи, то объ одномъ и томъ же.

Природу онъ всегда любилъ, всегда находилъ въ ней отраду и позывъ къ созерцательной жизни; но измѣняетъ ей слишкомъ часто.

А можно ли поставить ее на одну доску съ жизнью человѣчества, какою она представляется въ своемъ главномъ теченіи? Горсточка двуногихъ—„на высотѣ“ своего человѣческаго призванія; а остальное—жалкая, погрязшая въ невѣжество, безчисленная громада—въ цѣпяхъ своего первобытнаго умственнаго убожества; поклоняется своимъ дѣтскимъ выдумкамъ, не въ силахъ стряхнуть съ себя рабскаго ярма, пережитковъ дремучаго прошлаго!..

И къ чему оно идетъ—это человѣчество—и сверху, и снизу? Къ погромамъ, къ катастрофамъ, къ ликвидаціи... неизбытной, роковой!

А природа—все та же... по крайней мѣрѣ, на тотъ срокъ,

пока сознаніе человѣка будетъ воспринимать ее... съ неизмѣнными законами, съ чудной гармоніей, ничего не знающей, кромѣ своего вѣчнаго удѣла: двигаться и развиваться не зря, а закономѣрно, выполняя захватывающую духъ предвѣчную задачу.

Когда Николай приходилъ въ такое настроеніе, попадая „на лоно природы“, онъ называлъ себя „головастикомъ“, и его тянуло сѣсть на землю, сбросить съ себя свой интеллигентный мундиръ, жить въ общеніи со всей вселенной.

А греческое слово: „кòсмосъ“, значитъ не только „вселенная“, но и „красота“, и украшеніе всякаго живого существа.

„Сѣсть на землю?“ — Легко сказать! По какой формулѣ?

„Опроститься?“ Такъ это — старомодная штука. И до него не мало дѣлали опытовъ, и ничего изъ этого не выходило. И опроститься нельзя зря, безъ идеала. А гдѣ его взять на прокать? У „мужичка“? На это онъ не согласенъ. Правда, въ послѣдніе два года, онъ не такъ уже враждебно настроенъ къ деревнѣ, какъ былъ въ дни ортодоксальной преданности слову Учителя, опредѣлившаго судьбы экономической эволюціи. Но все-таки *теперешняя* деревня не можетъ быть его идеаломъ. И она кончитъ тѣмъ же, чѣмъ все остальное въ царствѣ борьбы съ капитализмомъ. Но когда?

А до тѣхъ поръ, чтобы быть послѣдовательнымъ, надо радоваться успѣхамъ крупнаго землевладѣнія и такимъ хозяевамъ, какъ чета Зубровыхъ. Вѣдь они дѣйствуютъ по программѣ великаго Учителя. Отчего же онъ-то смотритъ на нихъ какъ на „совмѣстителей“, какъ на *лже*земцевъ, которые, сохраняя фарисейское обличье, въ сущности служатъ только Бэліалу и Маммонѣ, а не народу.

Не можетъ онъ иначе чувствовать! Это — противорѣчіе, но, должно быть, только кажущееся. Вѣдь и „ихъ степенства“, россійскіе толстосумы, цари фабричнаго дѣла, огражденные чудовищными пошлинами отъ конкурренціи — тоже служатъ „экономической эволюціи“? Однако, и къ нимъ не лежитъ его сердце!

Но тѣ — искреннѣе въ своемъ хозяйскомъ хищничествѣ! Они прямо говорятъ, что имъ „безъ барыша не прожить“. И если они кидаютъ подачки своимъ ткачамъ и присучальщикамъ, въ видѣ даровыхъ школъ, больницъ, читаленъ, даже клубовъ и театровъ, стòющихъ десятки тысячъ, то это они только тѣшатъ свое купецкое тщеславіе, или — мужья „потрафляютъ“ своимъ женамъ, набравшимся либеральныхъ идей.

И невольно мысль его перешла на одну изъ такихъ женщинъ — купеческаго рода, его пріятельницу и отчасти „выуче-

ницу“ — Марью Ѳедоровну Лодыгину, жену адвоката, взявшаго за ней порядочный кушъ. Не дальше, какъ вчера, она, поджидая мужа, просила его остаться отобѣдать и взяла съ него „честное слово“, что онъ поживетъ денька три—четыре у своихъ, а потомъ переѣдетъ непремѣнно гостить къ нимъ, въ ту барскую усадьбу, за которую они платятъ двѣ тысячи въ лѣто.

Милый обликъ этой молодой женщины всплылъ передъ нимъ такой, какъ она встрѣтила его вчера, въ легкой блузѣ, съ распущенными, послѣ купанья, волосами, гладкими и нѣжными, съ бѣлымъ-бѣлымъ проборомъ по самой срединѣ головы.

Она — купчиха. Мужъ ея — махровый интеллигентъ. Но кто ему ближе, ему—Николаю Бучаеву? *Она*—не потому, что она хорошенькая и пикантная женщина, а потому, что въ ней больше внутренней честности. Она — еще не совсѣмъ разобралась въ томъ: какъ надо чувствовать и поступать, если хочешь стоять за трудъ противъ его эксплоататоровъ, — чѣмъ бы они ни прикрывались. Но разъ она во все это вникнетъ—онъ считаетъ ее способной „рѣзнуть и по цѣлому“.

Только онъ не хочетъ „натаскивать“ ее по извѣстной программѣ. Еще не такъ давно онъ любилъ громить, обличать, проповѣдывать. Такой слишкомъ юный зудъ уже поулегся въ немъ. Теперь онъ—„объективистъ“, вродѣ естествоиспытателя, который прежде всего хочетъ обслѣдовать органическія явленія, а потомъ уже дѣлать выводы.

Но можно ли всегда выдержать такую роль? Онъ не откажется „отчитать“ кого слѣдуетъ и когда слѣдуетъ, если эти субъекты впадутъ въ грубый самообманъ или слишкомъ нахальны и циничны.

Онъ поднялся и пошелъ къ рѣкѣ. Это—та же самая, что̀ течетъ и передъ балкономъ Зубровскаго дома, только здѣсь сходъ къ ней гораздо поло̀же.

Онъ обошелъ часть полей и исскуственныхъ луговъ милѣйшаго Эліодора Ильича, но не встрѣтилъ ни одного рабочаго. Тутъ почти все было уже убрано. Только на нѣсколькихъ десятинахъ яровой пшеницы стояли еще ряды „крестцо̀въ“, какъ здѣшніе мужики называютъ копны.

Николай вышелъ опять на проселокъ. Онъ прищурился и увидалъ, въ нѣсколькихъ саженяхъ, конную фигуру, точно выпрыгнувшую откуда-то. Воззрившись, онъ узналъ во всадникѣ приказчика Зубровыхъ: вчера, во время вечерняго чая, тотъ приходилъ о чемъ-то доложить барину, и Эліодоръ Ильичъ сейчасъ же увелъ его въ кабинетъ.

„Должно быть, шельма и предатель“, — подумалъ Николай, только изъ-за его высокаго тенороваго голоса.

Приказчикъ остановилъ лошадь, въ казацкой, сѣдельной сбруѣ, спѣшился и снялъ картузъ.

— Николаю Сергѣичу мое высокопочитаніе! — слишкомъ какъ-то отчетливо произнесъ онъ.

— Здравствуйте! Откуда?—спросилъ его Николай, приподнявъ свою фуражку.

— По приказанію Эліодора Ильича дѣлалъ промѣрку берега.

— На какой конецъ?

— А мужики Селивёрстовскіе озорничаютъ. Потрава за потравой! Эліодоръ Ильичъ, можно сказать, слишкомъ благородно съ ними обходился. Прощалъ и не разъ. А теперь опять потрава. Надо судиться.

— Ну и что же?

— Судъ судомъ... а разсудили мы съ Эліодоромъ Ильичемъ—въ нашихъ рукахъ есть средство подѣйствительнѣе...

Николай пристально взглянулъ на приказчика.

— Рѣка на цѣлыхъ три версты во владѣніи Эліодора Ильича—по обоимъ берегамъ. Имъ вода, небось, нужна. Оченно просто—имѣемъ право не допускать ихъ.

— До рѣки?

— Такъ точно,—ласковой нотой отвѣтилъ приказчикъ.

— Вотъ какъ!

— Ничего съ этимъ окаяннымъ народомъ не подѣлаешь, Николай Сергѣичъ. И такъ, того гляди, разгромъ произведутъ... или пѣтуха краснаго...

Потоптавшись на мѣстѣ, приказчикъ поклонился и со словами:—Счастливо оставаться!—вспрыгнулъ въ сѣдло.

Николай долго глядѣлъ ему вслѣдъ.

„Вотъ такъ бестія!“—подумалъ онъ.

IV.

Тѣсноватая аллея изъ вѣковыхъ кленовъ спускается къ рѣчкѣ. Она полна прохладной тѣни и по землѣ играютъ солнечные „зайчики“ сквозь трепетную листву.

Николаю сдѣлалось вдругъ особенно какъ-то молодо на душѣ, когда онъ вступилъ въ эту аллею.

Въ усадьбу, гдѣ жили Лодыгины, онъ пришелъ также пѣшкомъ, передъ обѣдомъ, часу въ пятомъ.

На террасѣ барскаго дома, съ полосатыми маркизами — къ нему подбѣжали дѣти — мальчикъ Воля и дѣвочка Мися — погодки, маленькіе, немного „косолапенькіе“, черноватые, загорѣлые и очень миленькіе, со своимъ шепелявымъ лепетомъ. Они оба — его пріятели. При нихъ состоитъ бонна — пожилая нѣмка, съ которой Бучаевъ говоритъ всегда по-нѣмецки.

— Мама въ саду! — залепетала Мися, очень бойкая особа.

— Рисуетъ, — добавилъ Воля и смѣшливо подмигнулъ.

— Рисуетъ? — весело переспросилъ Николай и погладилъ его по круглой, стриженой головѣ.

— Да! — отвѣтили дѣти разомъ.

— Въ бесѣдкѣ, — пояснила очень основательно Мися.

— Спасибо! — поблагодарилъ ихъ Николай и, еще разъ поклонившись ихъ боннѣ, зашагалъ по ступенькамъ высокой террасы, а потомъ по длинной аллеѣ.

„Рисуетъ!“ — повторилъ онъ про себя это слово, какъ оно выходило на шепелявомъ языкѣ Миси, которой еще нѣтъ полныхъ трехъ лѣтъ.

Но мама ихъ — Марья Ѳедоровна — не „балуется“ только, а художница, какъ слѣдуетъ: училась въ Москвѣ и за-границей. Много вкуса, чувство природы и любовь ко всему своеобразному въ стилѣ.

Разумѣется, съ тѣхъ поръ, какъ она замужемъ, на первомъ планѣ ея Витя — „будущій Камиллъ Дэмуленъ“, — какъ его прозвалъ Николай, пока еще про себя.

Но въ деревнѣ она времени зря не теряетъ... каждый день у нея „plein air“ и этюды съ деревенскихъ сценъ, головъ дѣтей, дѣвочекъ, стариковъ.

Она, съ прошлаго года, стала возиться и съ здѣшними бабами, мастерицами ткать сукно для панёвъ, „сама выдумываетъ для нихъ рисунки“; захотѣла ткать салфетки и одѣяла, и нашла всему этому сбытъ.

И все у нея спорится незамѣтно, безъ всякой рисовки и сентиментальности.

За все свое холостое житье, съ самыхъ студенческихъ годовъ, онъ еще не встрѣчалъ болѣе милую и менѣе банальную русскую „бабенку“ изъ интеллигенціи.

И всѣмъ этимъ владѣетъ предметъ ея нѣжныхъ чувствъ — Витя, его сверстникъ, еще и въ студентахъ уже игравшій роль вожака съ самыми „разрывными“ идеями.

Но для него, Николая Бучаева, этотъ Камиллъ Дэмуленъ — in spe — не былъ вовсе изъ ряду вонъ, и никогда его къ нему не тянуло. И они не были на „ты“.

Каждый разъ, когда онъ думаетъ о Марьѣ Ѳедоровнѣ—а это случается все чаще и чаще, онъ точно обо что-то непріятно упирается. И это что-то—Викторъ Петровичъ, восходящая знаменитость, съ репутаціей самаго „непримиримаго“, которую онъ, Бучаевъ, начинаетъ считать немного сомнительной.

Аллея кленовъ завертываетъ вправо и доходитъ до лужайки, гдѣ въ сторонкѣ, среди кустовъ, примостилась прозрачная бесѣдка.

Тамъ бѣлѣлось женское платье.

Марья Ѳедоровна сидѣла въ дверяхъ, подъ навѣсомъ, передъ переноснымъ мольбертомъ, на складномъ стулѣ.

Поля соломенной гладкой шляпы заслоняли всю верхнюю часть лица. Вглядываясь, она прищуривала длинныя рѣсницы.

Бучаевъ остановился у выхода изъ аллеи и, замѣтивъ, что она смотритъ совсѣмъ въ другую сторону, постоялъ съ минуту.

Какъ вся фигура изящна, и рисунокъ шляпы, и поворотъ лица, и движенія правой руки!

На ней была ея „похожалка“, какъ она называла платье, вродѣ блузы, съ широкими разрѣзными рукавами, повязанное фартукомъ изъ большого цвѣтного фуляра.

Вотъ она повернула голову, увидала его, сдѣлала жестъ той рукой, въ которой держала кисть, и немного приподнялась.

Какой у нея милый, чисто русскій обликъ, стильный овалъ, разрѣзъ глазъ, рисунокъ шеи и полуоткрытаго рта съ приподнятыми углами, что придаетъ выраженію столько ласки и граціи! И какія руки!

Онъ снялъ картузъ и откинулъ его въ сторону—по воздуху, дурачливо, какъ кланяются, за границей, пьяницы.

— Вотъ и изловили меня, Николай Сергѣичъ!—окликнула она его, еще съ мѣста.

Голосъ у нея совсѣмъ еще дѣвичій, съ московскими мягкими согласными.

— Здравствуйте, дорогая, здравствуйте,—говорилъ онъ, пожимая ея лѣвую, свободную руку.—Помѣшалъ вамъ... слишкомъ рано явился... Позволите заглянуть?

— Еще ничего не разберете, Николай Сергѣевичъ. Меня давно прельщаетъ вонъ тотъ уголокъ... гдѣ прогалина и спускъ къ рѣкѣ... и то дерево... Это—рябина... и такъ вкусно она перевила два своихъ ствола.

Она показала кистью.

— И вы, небось, сидя тутъ, переносились... туда, въ Барбизонъ, гдѣ витаетъ тѣнь великаго Коро?

— Нѣтъ... Я люблю Парижъ и его окрестности... особенно Фонтенбло и Барбизонъ въ томъ числѣ. Но еще болѣе люблю свое.

— Ой-ли?

— Увѣряю васъ, Николай Сергѣичъ. Вѣдь все дѣло въ насъ самихъ.

— Въ настроеніи?

— Въ томъ—вибрируемъ мы въ униссонъ съ тѣмъ, что̀ насъ привлекаетъ въ данную минуту, или нѣтъ.

Онъ, ничего не говоря, кивнулъ головой.

— А теперь помогите мнѣ... возьмите стулъ и мольбертъ. А остальное я сама понесу.

— Да вѣдь вы еще не кончили... Угождать чреву еще успѣемъ.

— Нѣтъ... довольно на сегодня.

Марья Ѳедоровна ловко стала собирать свои „sieben Sachen“, какъ она любитъ выражаться по-нѣмецки. Они пошли, не торопясь, по аллеѣ, тихо разговаривая.

— Когда ждете супруга и повелителя?

— Витю?—спросила она просто.

— Да-съ, Витю. А вамъ, я полагаю, несовсѣмъ ловко звать его Витей.

— Почему?

— Помилуйте... такая величина... и вдругъ Витя!

Она засмѣялась и взглянула на него вбокъ.

— Бучаевъ!—окликнула она его только по фамиліи:—зачѣмъ у васъ этотъ тонъ? Вы—такой искренній!..

— А за глаза ехидствуете?—хотѣли вы сказать?

— Это слово слишкомъ сильно, а... вообще, вы относитесь къ нему не такъ, какъ онъ къ вамъ.

— Другими словами?...

— Я хотѣла бы ошибиться...

Николай остановился. Стала и она.

— А можетъ, вы и несовсѣмъ ошибаетесь.

— Это было бы мнѣ очень-очень непріятно.

— И у васъ, Марья Ѳедоровна, въ этомъ чисто-женскій инстинктъ.

— Какъ?

— Главное, чтобы порядокъ не былъ нарушенъ. Женщина можетъ имѣть свободу оцѣнокъ и сужденій до тѣхъ поръ, пока не явился онъ,—„лу́и“,—произнесъ онъ съ юморомъ.

— Лу́и?—повторила она.

— Да,—такъ итальянки называютъ предметъ своего влеченія... правда, до пріобрѣтенія имъ законныхъ правъ.

Чего-то не досказавъ, онъ произнесъ другимъ тономъ:

— Мнѣ кажется, у насъ завязался совсѣмъ пустопорожній разговоръ.

— Почему же пустопорожній?

— Вы мнѣ какъ будто желаете навязать роль какого-то Руджьеро.

— Руджьеро?—спросила она.—Какого?

— Какого Руджьеро? Это у меня, съ гимназіи, было собирательное имя... насчетъ итальянскаго коварства. Есть такая драма Полевого—„Уголино“. Я, мальчуганомъ, видѣлъ ее въ провинціи. Такъ, вотъ, тамъ дѣйствуетъ такой Руджьеро, или что-то въ этомъ родѣ.

— Коварства въ васъ никакого нѣтъ. Но у васъ, Николай Сергѣичъ, есть одинъ пунктикъ...

— Какой? Пожалуйста, скажите. Самопознаніе — путь къ мудрости.

— Вы не обидитесь?

— Позвольте, Марья Ѳедоровна! Когда я — въ вашемъ присутствіи—чѣмъ-нибудь и на кого-нибудь обижался? И вообще, можно ли меня причислить къ обиженному типу? Знаете, что̀ для меня особенно нелѣпо и возмутительно въ русскихъ—такъ это ихъ вѣчный ворчливо-обиженный тонъ. Это—пережитокъ старо-московскаго рабства. И наша прислуга наслѣдовала его отъ прежнихъ крѣпостныхъ.

Она опять такъ же тихо разсмѣялась.

— Вы неуязвимы, Николай Сергѣичъ... Съ вами очень опасно.

У него чуть было не соскочилъ съ губъ вопросъ:

„Опасно... въ какомъ смыслѣ?“

Но онъ только усмѣхнулся въ усы.

— Но вы меня поняли.

— Понять-то понялъ; но еще разъ повторяю, добрѣйшая Марья Ѳедоровна, что это былъ бы пустопорожній разговоръ.

Ее немножко задѣло слово „добрѣйшая“.

Въ Бучаевѣ нѣтъ ничего грубаго или безцеремоннаго. Онъ—пріятель ея мужа. И съ ней сразу сталъ держаться самаго простого тона.

Да, но онъ ужъ слишкомъ какъ бы аффишируетъ—подумала она именно этимъ словомъ—свое пріятельское отношеніе и къ ней.

Марья Ѳедоровна любитъ своего Витю, смотритъ на него еще снизу вверхъ; но ей почему-то не особенно пріятно, что Бучаевъ какъ будто совсѣмъ не чуетъ въ ней молодую женщину—красивую, изящную—не только въ городѣ, но и здѣсь, гдѣ, кромѣ деревенскихъ бабъ, онъ никого не встрѣтитъ.

Это ей казалось нѣсколько запоздалымъ „нигилизмомъ".

Они подошли къ террассѣ, откуда дѣти, съ своей бонной, скрылись.

Мольбертъ, ящикъ съ красками, стулъ, кисти—Марья Ѳедоровна оставила на террасѣ, хотѣла-было идти поправить туалетъ и вымыть руки, но присѣла въ качающееся кресло, въ углу, гдѣ было всего больше тѣни.

Николай, стоя у перилъ, закуривалъ папиросу.

— Такъ вамъ такой разговоръ непріятенъ, Бучаевъ?—спросила она послѣ маленькой паузы и, повернувъ къ нему голову, взглядывала исподлобья.

— И это—не то!

Онъ сначала затянулся и, держа папиросу, медленно подошелъ къ ней и сѣлъ около ея кресла, бокомъ, на перилахъ террасы.

— Вы не ощущаете еще сильнаго голода?—шутливо спросилъ онъ.

— А вы? Pardon! Я—дурная хозяйка.

— Не умру! Четверть часа довольно—для нѣкоторой личной скобки, которую я, съ вашего позволенія, и открою тотчасъ.

— Личная скобка! Это tiré par les cheveux!

— Не взыщите! Метафора собственнаго издѣлія.

— Ну, хорошо. Говорите, говорите!

Она приподнялась на рукахъ и взяла другую позу.

— Разъ навсегда... во избѣжаніе всякихъ ненужностей—попрошу васъ, добрѣйшая Марья Ѳедоровна... посмотрѣть на вашего покорнаго слугу, какъ на досужаго... я бы сказалъ: соціолога... да это слишкомъ претенціозно... если хотите—согладатая, еслибы это слово не имѣло непріятнаго букета...

— Другими словами... вы производите всѣмъ намъ... какъ нынѣче въ газетахъ пишутъ—анкету?—выговорила она съ легкой краской.

— Анкета... это опять черезчуръ громко... За такую роль я не берусь.

— Вы пишете, Бучаевъ. Это вѣдь не секретъ? Стало быть, всѣ мы для васъ—только предметъ наблюденій?

— Всѣ вы для меня—предметъ самопознанія.

— Это туманно.

— Нисколько. Тотъ пунктикъ въ моей психикѣ, на какой вы сейчасъ намекнули, состоитъ въ томъ, чтобы производить химическій анализъ, если не количественный, то качественный.

— Кому?—остановила она.

— Людямъ... моимъ ближайшимъ сверстникамъ.

— И мужчинамъ, и женщинамъ?

— Всенепремѣнно. Вы, вѣроятно, и естественнымъ наукамъ учились?

— Дальше физики не пошла.

— Въ химіи, съ давнихъ поръ, есть такой дешевый реактивъ, т.-е. средство распознавать... кусочекъ бумажки... называется *лакмусовая*.

— Я слыхала это слово.

— Передъ вами жидкость... вы не знаете, что она такое: кислота или щелочь. Если вы возьмете кусочекъ лакмусовой бумаги, опустите въ эту жидкость и она покраснѣетъ—несомнѣнно, тутъ есть кислота!

— Мерси.

— Такъ и я... Кругомъ—все субъекты, пораженные самообманомъ... или самогипнозомъ... или тѣмъ и другимъ въ одно время...

Эти слова заставили ее опустить голову. Она чуяла въ нихъ какой-то намекъ, но не рѣшилась спросить: кто изъ его ближайшихъ знакомыхъ пораженъ такимъ самообманомъ?

— Наши доморощенные ничшеанцы до тошноты повторяютъ формулу: „переоцѣнка цѣнностей“ —въ убѣжденіи, что они сами—золото девяносто-шестой пробы и...

— Развѣ вы считаете и Витю такимъ ничшеанцемъ?—перебила она и вся выпрямилась.

— Марья Ѳедоровна! Поймались раньше срока! Ха, ха! Кто вамъ говоритъ о вашемъ Витѣ? Правда, онъ одно время любилъ цитировать изъ „Заратустры“; но это съ него слетѣло. У него, вообще, изощренный нюхъ на то, что выходитъ уже изъ моды.

— Это зло, Бучаевъ!

— Это только правда. Но позвольте мнѣ докончить. „Часы бѣгутъ“, какъ говоритъ Марина Самозванцу, и вамъ надо подкрѣпить себя послѣ трудовъ. Такъ видите, я произвожу, полегоньку, психическій анализъ и на примѣрѣ другихъ учусь познать самого себя. Больше ничего! Все равно, какъ Сократъ, доводя другихъ до абсурда, самъ приходилъ къ выводу, что и онъ ничего не знаетъ. Ничего больше во мнѣ нѣтъ. Я ничѣмъ

не брезгаю, ничѣмъ въ людяхъ особенно не возмущаюсь; но только желалъ бы, чтобы они сами себя не дурачили, искренно не носили личины. Ты громило—такъ и говори. Ты хищникъ-буржуй или актеръ и въ частной, и въ публичной жизни—не стѣсняйся, голубчикъ, такъ и аттестуй себя, если не хочешь, чтобы спокойный наблюдатель твоей психики наконецъ вышелъ изъ себя и не отрапортовалъ тебѣ! Но я это дѣлаю очень рѣдко,—прибавилъ онъ, бросая окурокъ за перила.

Марья Ѳедоровна, слушая его, немного блѣднѣла. Она не могла отдѣлаться отъ чувства, что все это направлено на кого-то по близости. Хорошо, если на его родныхъ, про которыхъ онъ разъ уже начиналъ говорить въ такомъ духѣ.

— И это *все* ваше profession de foi?—спросила она, медленно поднимаясь съ кресла.

— Почти что все. И я позволилъ себѣ открыть эту скобку только затѣмъ, чтобы вы меня не превращали въ коварнаго Руджьеро... добрѣйшая моя Марья Ѳедоровна.

— Хорошо. Посмотримъ. А теперь доведите меня до моей комнаты. Черезъ три минуты я буду готова.

Въ гостиной она остановилась.

— Знаете что, Бучаевъ,—сказала она, не глядя на него прямо.—Я недавно перечитывала „Отцовъ и Дѣтей“. И когда говоритъ Базаровъ—мнѣ слышался вашъ голосъ. Такъ вѣдь вы не хотѣли бы повторять его? Это уже тамъ гдѣ-то... Это уже пахнетъ дореформенной эпохой!

Тутъ только она подняла на него свои длинныя рѣсницы.

— Не вашъ ли Витя... считаетъ меня запоздалымъ Базаровымъ?

— Нѣтъ. Это было мое впечатлѣніе... Хотя у васъ менѣе рѣзкій тонъ.

— Пріемлю съ благодарностью! Базаровъ—самый умный человѣкъ русской беллетристики. Но только его положеніе было гораздо завиднѣе, чѣмъ у нашего брата. Онъ хотѣлъ, прежде всего, эмансипаціи ума, а нынче отвсюду встаютъ разныя другія чудища и ждутъ немедленнаго рѣшенія. Потому-то эпидемія самообмана такъ и заразительна... За Базарова спасибо! Извольте идти къ себѣ.

Онъ довелъ ее до ея будуара и пошелъ въ столовую, откуда доносились дѣтскіе голоса.

V.

Тропинка вела Бучаева вдоль невысокаго подъема дубовой рощи—господскаго „заказника“, которымъ Зубровъ особенно дорожилъ и гордился. Онъ держалъ дрессированныхъ лѣсниковъ изъ рядовыхъ запаса, сочинилъ имъ форму, вооружилъ винтовками и даже особыми ножами, на манеръ нѣмецкихъ лѣсничихъ.

Лѣсокъ содержался въ изумительномъ порядкѣ. Ни одного зря срубленнаго дерева. Хворостъ весь подобранъ. Снизу, съ тропинки, можно пересчитать всѣ стволы кудрявыхъ дубовъ. Свѣтъ заходящаго солнца откуда-то проглядывалъ слѣва, и листва вдоль опушки, идущей справа, загоралась мягкими золотистыми отливами.

Воздухъ, насыщенный озономъ, полонъ былъ ароматовъ—листвы и травъ. Груди дышалось необыкновенно легко. Въ спинѣ, въ поясницѣ не чувствовалось никакого утомленія; а онъ и утромъ, и въ послѣобѣденные часы сдѣлалъ не одинъ десятокъ верстъ.

Онъ возвращался отъ Лодыгиныхъ. У нихъ съ Марьей Ѳедоровной, послѣ обѣда,—когда они остались одни, на террасѣ,—разговоръ что-то не пошелъ.

Она какъ будто немного „изволила надуться“,—какъ теперь выразился онъ про себя.

„Пускай ее... это въ ней все перетасуется. Она бабёнка не глупая. Рано или поздно, она учуетъ фѣллеръ въ своемъ фасонистомъ Витѣ“.

Но ему никакъ не хотѣлось поступать на амплуа „разлучника“, т.-е. хитраго ухаживателя, который—первымъ дѣломъ, подкапывается подъ „престижъ“ законнаго супруга, сшибаетъ его съ пьедестала и водворяется въ его правахъ на особу своихъ „вожделѣній“.

Такая особа, какъ эта Марья Ѳедоровна—весьма цѣнный „сюжетецъ“, но онъ-то не „сердцегрызъ“, и вся его „тактика“—онъ усмѣхнулся, употребивъ мысленно это слово, дѣлавшееся модным,—состоитъ только въ томъ, что онъ производитъ качественный анализъ, опускаетъ лакмусовую бумажку въ разные растворы.

Пускай восходящая звѣзда адвокатуры, его коллега Лодыгинъ—прохаживается на его счетъ, называя „Базаровымъ“.

Тургеневскій любимецъ былъ—„aus einem Guss“. Его нельзя было подцѣпить ни на какой фальши, ни на какой передержкѣ. Онъ не носилъ никакой личины.

Николай снялъ картузъ, поднялъ голову, остановился и оглянулся кругомъ.

Какъ хорошо тутъ! И какъ природа миритъ со всѣмъ, что̀ дѣлаетъ на землѣ человѣкъ. „Но—думалось ему—созерцать и уходить душою и внутреннимъ чувствомъ въ безконечное мірозданіе—это вѣдь барское дилеттантство и не пристало къ его обличью. А отъ людей не уйдешь“.

Онъ присѣлъ подъ дерево съ узловатыми корнями и сталъ закуривать папиросу; и только-что поднялся опять на ноги и пошелъ дальше, сладко затягиваясь, какъ передъ нимъ—въ двухъ-трехъ саженяхъ—всплыла какая-то фигура въ чемъ-то желтоватомъ и съ ружьемъ черезъ плечо.

Онъ тотчасъ же сообразилъ, что это—одинъ изъ молодцовъ команды милѣйшаго Эліодора Ильича.

— Господинъ! Курить не дозволяется!—крикнулъ лѣсникъ, подходя.—Извольте цыгарку бросить!

На лѣсникѣ былъ короткій кафтанъ изъ верблюжьяго сукна, съ гусарскими шнурами на груди, низкая поярковая шапочка, патронташъ на ременномъ поясѣ и высокіе сапоги.

— Что̀ такъ строго, любезный?—отвѣтилъ, усмѣхнувшись, Николай и остановился.

— Такой приказъ отъ господина владѣльца.

— Отъ Эліодора Ильича?

— Такъ точно.

Малый былъ плечистый, съ загорѣлымъ лицомъ и смотрѣлъ довольно задорно.

— А вы меня не признали?—спросилъ Николай, прищуриваясь на него.

Лѣсникъ воззрился и что-то сообразилъ.

— Въ гостяхъ... у нашихъ господъ... значитъ?—помягче освѣдомился онъ.

— Да, въ гостяхъ.

— Ужъ вы пожалуйста... господинъ...

— Хорошо, хорошо. А давно у васъ такія строгости?

— Эліодоръ Ильичъ шутить не любятъ. У нихъ все по заграничному... какъ въ чужихъ краяхъ.

— И сколько васъ... стражниковъ?

— Четверо насъ. Пятый былъ... изъ черкесовъ взяли...

— Изъ черкесовъ?—переспросилъ Николай.

— Тотъ—по первому же абцугу—бабу подстрѣлилъ... не совсѣмъ... а здорово досталось. До суда доходило.

— Ну, и что̀ же?

Государственная Ленинская Библиотека

— Бабѣ никакъ присудили что-то. А его баринъ расчелъ... чтобы, значитъ, лишнихъ разговоровъ не было по уѣзду.

— Ну, вотъ видите, любезный, я бросаю папиросу... можете окурокъ растоптать. И сейчасъ буду съ господами чай пить, и повинюсь, что чуть было не проштрафился...

Лѣсникъ глуповато разсмѣялся.

— А какъ васъ звать? Засвидѣтельствую передъ Эліодоромъ Ильичемъ ваше усердіе.

— Покорнѣйше благодарю. Окуньковъ моя фамилія.

Онъ снялъ шляпу и, поправивъ перевязь ружья на плечѣ, пошелъ солдатскимъ шагомъ.

Николай посмотрѣлъ ему вслѣдъ и сталъ спускаться по той же тропинкѣ. Онъ зналъ, куда она его выведетъ.

Пили чай въ бесѣдкѣ, въ садикѣ, куда выходилъ фасадъ дома съ колоннами и старинной, узкой, неуютной террасой, гдѣ никогда никто не сидѣлъ.

Эліодоръ Ильичъ—въ бѣломъ кителѣ—аппетитно ѣлъ простоквашу. За самоваромъ сидѣла Елена Сергѣевна, также въ свѣтломъ платьѣ и съ кружевной косынкой на головѣ.

— Чего хочешь сначала, Коля,—спросила она брата:—клубники или варенца?

— Предпочту клубнику.

Онъ только-что разсказалъ имъ про „инцидентъ“ въ лѣсу, справляясь, какой полагается штрафъ, если накроютъ мужика? Эліодоръ Ильичъ отвѣтилъ ему въ тонъ, полушутливо; но далъ понять, что онъ, во всемъ и всегда, стоитъ на самой строгой законной почвѣ.

— А черкесъ... что подстрѣлилъ бабу... оказался несовсѣмъ удобнымъ?—спросилъ Николай, принимаясь за клубнику со сливками.

— Мужъ и жена переглянулись.

Краска стала проступать на сочныхъ щекахъ Эліодора Ильича, и онъ, скосивъ ротъ въ сторону Бучаева,—выговорилъ съ особенной интонаціей:

— Вы что же, добрѣйшій Николай Сергѣичъ, все производите, нѣкоторымъ образомъ... анкéту, нѣчто вродѣ ревизіи моего хозяйства?

— Произвожу́, — умышленно шутливо отвѣтилъ Николай.— Нынче, съ ранняго утра, шагалъ по вашимъ мѣстностямъ. Но если что и наблюлъ... характернаго, то не по своей винѣ, а оно на меня

само нарвалось, вродѣ вотъ этой встрѣчи съ вашимъ стражникомъ, въ верблюжьей гусарской куркѣ.

— Что же еще изволили засвидѣтельствовать? Ха, ха!

Смѣхъ Эліодора Ильича застрялъ въ горлѣ. Онъ кончилъ ѣсть простоквашу и сталъ закуривать сигару.

— Сказать? А?

Николай взглянулъ на сестру.

— Говори! Изъ того, что у насъ заведено въ хозяйствѣ, мы тайны не дѣлаемъ.

— Столкнулся я утромъ рано съ вашимъ приказчикомъ... тамъ, около рѣки. Вы все воюете съ мужиками и грозите имъ—не допускать ихъ до воды...

Эліодоръ Ильичъ пожалъ плечами.

— Большаго они не заслуживаютъ.

— Ой-ли?—протянулъ Николай.—Значитъ, хотите ихъ измором извести, вродѣ какъ осажденную крѣпость?

— Постращать... полезно было бы,—сказала, немного конфузясь, Елена Сергѣевна.

— Средство радикальное,—продолжалъ все тѣмъ же тономъ ея братъ.—И то сказать: мы живемъ въ началѣ двадцатаго вѣка, а не во времена римскаго владычества.

— При чемъ тутъ римляне?—остановилъ Эліодоръ Ильичъ.

— При чемъ? Я не юристъ. Но кое-что читалъ и про ихъ порядки. У нихъ были такъ называемые *сервитуты*. Доступъ къ водѣ, къ свѣту былъ обязателенъ и для господъ владѣльцевъ.

— Это не рѣка, а рѣчка, милѣйшій Николай Сергѣичъ, и оба берега, на извѣстномъ протяженіи,—мои. Она не судоходна и для бичевы дороги не полагается. Вы—я погляжу—въ самомъ дѣлѣ... производите съ нами что-то вродѣ дознанія. На здоровье! Ни я, ни ваша сестра, никакой такой анкеты не боимся... Все, что мы дѣлаемъ—мы дѣлаемъ это среди бѣла дня, „на знати“ у всѣхъ, какъ народъ говоритъ. И наше глубокое убѣжденіе состоитъ въ томъ, что до тѣхъ поръ, пока народъ нашъ не воспитаетъ въ себѣ чувство законности,—онъ не выйдетъ изъ своего жалкаго экономическаго положенія. И для мужика лучшій примѣръ—замлевладѣльцы, ведущіе свои хозяйства на такихъ началахъ, которыя мы положили въ основу нашей дѣятельности. А какъ вы на это смотрите—это уже ваше дѣло. Знаете, есть такая польская поговорка: „шляхтичъ на загродзѣ“—т.-е. у себя въ имѣніи — „рувенъ воеводзѣ“.

Эліодоръ Ильичъ всталъ и, отойдя вглубь бесѣдки, продолжалъ еще горячѣе:

— Курьёзно, въ самомъ дѣлѣ!.. Теперь у насъ въ литературѣ,—въ журналахъ, на сценѣ,—проповѣдуютъ все безусловную свободу личности! Ставятъ свое „я“ выше всего. Всякій босякъ воображаетъ себя сверхчеловѣкомъ. Если такъ, то почему же я не могу отвоевывать себѣ неприкосновенность всего, что составляетъ мое „я“? А хозяину нельзя отдѣлить себя отъ того, что составляетъ самую суть его дѣла. Онъ сливается въ одно цѣлое съ орудіями своего производства и—прежде всего—съ землей-кормилицей, какъ говорятъ мужички, уважающіе только свою собственность, и ничью другую!

Онъ кивнулъ головой женѣ и, уходя, сказалъ, обращаясь уже къ шурину:

— А теперь меня ждетъ приказчикъ. И мы рѣшимъ окончательно—прибѣгать ли намъ къ нарушенію древне-римскаго сервитута, или отрѣзать господамъ коммунарамъ села Теряева доступъ къ водѣ.

Съ этими словами онъ вышелъ изъ бесѣдки.

Протянулось довольно томительное молчаніе.

Елена Сергѣевна доѣдала свой варенецъ, низко наклоняя голову надъ тарелкой.

Братъ ея положилъ салфетку на столъ, отодвинулся отъ него немного и сталъ закуривать.

— Послушай, Николай, — начала сестра, когда доѣла,—ты, можетъ, самъ того не замѣчая, какъ у насъ мужики говорятъ, „щуняешь“ Эліодора. И то, какъ онъ тебѣ отвѣтилъ сейчасъ, вполнѣ вызвано твоими...

Она не сразу нашла подходящее слово.

— Выходками, небось, скажешь ты?

— Если хочешь—да.

Она тоже положила салфетку на столъ и выпрямилась.

— Спасибо и за то, что Эліодоръ Ильичъ формулировалъ свою „платформу“.

— Откуда у тебя это слово?—спросила она, слегка поморщившись.

— Все оттуда же, откуда идетъ и все остальное... съ гнилого Запада.

— Ну, хорошо! Но ты, кажется, считаешь и Эліодора, и меня какими-то кулаками, буржуями, безъ малѣйшей совѣсти, точно мы пауки, глотающіе несчастныхъ мухъ? Это даже смѣшно!..

— Можетъ быть!—остановилъ онъ.—А ты лучше вотъ что мнѣ скажи: участвовала и ты въ тріо—супругъ, приказчикъ и ты—когда вы надумали лишить теряевскихъ мужиковъ воды?

Она быстро стала краснѣть.

— Надо же ихъ хорошенько припугнуть? Такъ лучше, чѣмъ имѣть съ ними безконечныя разбирательства...

— Такъ-съ!—оттянулъ онъ дурачливо.

— Я скажу вмѣстѣ съ Эліодоромъ: вы всѣ помѣшаны теперь на свободѣ личности, а другіе—не смѣй свое сужденіе имѣть и поступать не по вашей, а по своей *платформѣ*, ужъ если нужно употреблять это неуклюжее и двойственное слово.

Братъ покачалъ головой и медленно выпустилъ струю дыма.

— Ты желаешь, кажется, принципіальнаго объясненія?—потише звукомъ спросилъ онъ.

— Препирательствъ я не люблю; а передѣлывать насъ съ мужемъ поздно.

— Я и не сбираюсь, Елена. Ты теперь въ окончательной фазѣ эволюціи своего гражданскаго и этическаго развитія.

— Оставь, прошу тебя, этотъ тонъ!

— Я его держусь, Елена, потому, что иначе пришлось бы выдать то, что во мнѣ происходитъ... такъ сказать, лирическаго. А я этого не хочу. Оказалось, что мнѣ тяжелѣе терять въ тебѣ мою прежнюю сестру, чѣмъ я думалъ.

— Это твое дѣло.

— А не *твое*?—вскричалъ онъ, быстро поднялся и отошелъ вглубь бесѣдки.—Вы съ мужемъ твоимъ изволили вломиться въ обиду за то, что я пожелалъ выяснить — *кто вы* собственно?.. Показать вамъ—какую личину вы теперь носите—не стоило бы большого труда. Но васъ вѣдь теперь ничѣмъ не проймешь. Вы заражены самообманомъ. Вы дѣйствительно увѣрены—по крайней мѣрѣ ты, сестра, если не твой супругъ,—что ты и не думала сжигать свои старые корабли.

— Другими словами... ты считаешь меня ренегаткой? Да?

Онъ пододвинулъ къ ея мѣсту стулъ, на которомъ раньше сидѣлъ, и протянулъ ей руку, непроизвольно.

— Ну, скажи, Елена, когда я былъ студентъ, а ты передовая дѣвица на возрастѣ и моя руководительница,—ты бы вела вотъ такую же жизнь—образцовой хозяйки, строго держащейся принципа: чужого не трогай, но и своимъ не поступайся ни въ чемъ? Говори! Не бойся правды!

— Я не знала жизни. Я вѣрила книжкѣ... я увлекалась готовыми формулами. Я и теперь смотрю на народъ... не какъ барыня, а какъ его другъ... но безъ идолопоклонства и безъ вѣры въ эльдорадо всеобщей ликвидаціи.

— Однимъ словомъ: ты поступила въ выученицы къ Эліо

дору Ильичу, чтобы вамъ обоимъ служить образцомъ культурной дѣловитости для мужиковъ, у которыхъ не только нѣтъ ни охапки хвороста, а даже свободнаго хода къ водѣ. Ха, ха! Это великолѣпно!

— Удивляюсь, Николай, какъ ты рѣшаешься такъ обижать насъ съ мужемъ?.. Кто же тебѣ мѣшалъ подарить твою долю наслѣдства нашимъ бывшимъ крѣпостнымъ? А ты вѣдь и тогда былъ ненавистникомъ собственности?

— Ловко, сестрица!—вскричалъ онъ, вставая со стула.— Это у французовъ дурлянты называютъ: „un coup de Jarnac“! Что мнѣ помѣшало такъ поступить? спрашиваешь ты. То, что я тогда еще безпощаднѣе смотрѣлъ на пресловутые устои россійской деревни. И нашелъ гораздо лучшее употребленіе тому маленькому капиталу, какой я выручилъ на продажѣ моей пустоши.

— А если ты и теперь въ такихъ же идеяхъ, то что же тебѣ сокрушаться надъ крестьянской бѣднотой? Вѣдь это роковой ходъ экономической эволюціи, — выговорила она съ тихой язвительностью:—чѣмъ скорѣе земля попадетъ въ руки капиталистовъ, тѣмъ раньше настанетъ торжество сельскаго пролетарія... Кажется, это логично?

— Всенепремѣнно, сестра! И я не желаю вовсе вступать въ роли плакальщицы надъ горькой долей русскаго мужика. Будьте вы съ мужемъ убѣжденные представители сельскаго капитализма, но говорите это прямо, не воображайте, что вы молотите рожь на обухѣ изъ чистаго альтруизма и сознанія своего цивическаго дѣла передъ родиной.

— Ни я, ни Эліодоръ, не нуждаемся въ такихъ прокурорскихъ обвинительныхъ актахъ.

— Ваша воля! Впрочемъ, съ моей стороны довольно наивно было раздразнивать твоего супруга; да и тебѣ я бы не долженъ показывать, что ты была прежде и чѣмъ стала теперь. Сентиментальность во мнѣ заговорила... память о той Ленѣ, которую я когда-то любилъ.

— А теперь... она умерла для тебя?

Голосъ Елены Сергѣевны какъ будто дрогнулъ.

— Это слишкомъ торжественно, сестра. Я вѣдь давно уже человѣкъ „со стороны“... Такъ я себя и называю. Брожу промежъ людей, наблюдаю, сопоставляю и дѣлаю выводы.

— Ни до чего и ни до кого тебѣ, въ сущности, дѣла нѣтъ?

— Пожалуй, спорить не буду. Но скажу тебѣ откровенно: самовлюбленность твоего супруга и повелителя способна лишить

меня должнаго самообладанія. Своимъ присутствіемъ я васъ утруждать долго не стану... Если угодно — стушуюсь хоть завтра.

— Кто же тебя гонитъ, Николай?

— Извиняться передъ твоимъ Эліодоромъ тоже не стану. И сатисфакціи не буду у него просить за тотъ репримандъ, какой онъ мнѣ сейчасъ сдѣлалъ. Все это — не суть важно... А пока — прощай!

Онъ кивнулъ ей у входа и двинулся своей раскачистой походкой къ калиткѣ, которая вела на дворъ.

Сестра его посидѣла минуты двѣ, уперевъ голову о ладонь правой руки, потомъ начала прибирать на столѣ.

VI.

Марья Ѳедоровна Лодыгина встаетъ очень рано. Она жадно ловитъ красивое утро, когда солнце еще низко и роса не посохла на травѣ и цвѣтахъ.

Всѣ еще спятъ въ домѣ: дѣти, ихъ бонна, горничная. Она любитъ умываться и одѣваться сама.

Безшумно отворяла она дверь въ спальню дѣтей и, поглядѣвъ, какъ они крѣпко спятъ, такъ же безшумно проходила на террасу, гдѣ дожидались всѣ ея „sieben Sachen“,—какъ она любила называть то, что ей нужно было для работы „en plein air“.

Вотъ и сегодня она также рано встала. Спальня у нихъ не общая. Такъ повелось съ рожденія второго ребенка: послѣ родовъ она долго не могла оправиться, и цѣлыхъ полгода все прихворывала.

А здѣсь, на дачномъ положеніи, у Виктора Петровича — мужское отдѣленіе, цѣлыхъ три комнаты, съ особымъ ходомъ и передней.

Мужъ ея вернулся изъ Москвы три дня назадъ, а вчера къ нимъ переѣхалъ, отъ своихъ, Бучаевъ.

За вечернимъ чаемъ были большіе разговоры. Говорилъ почти что одинъ ея „Витя“,—впрочемъ, какъ всегда.

Она не со вчерашняго дня замѣчаетъ, что у него потребность говорить—парижанки изъ ея пріятельницъ непочтительно сказали бы: „tenir le crachoir“—развивается не по днямъ, а по часамъ.

Когда онъ заряженъ чѣмъ-нибудь,—а онъ рѣдко не заряженъ,—то у него фразы и цѣлыя огромныя тирады такъ и вы-

летаютъ изо рта. Она даже удивляется—какъ можно такъ быстро находить выраженіе для всякой мысли. Точно у него, въ мозгу, сидитъ какая-то особая машинка, съ изумительной быстротой превращающая мысль въ звуки и слова, съ опредѣленной интонаціей.

Марья Ѳедоровна работала что-то вяло. Она отложила мушталель и немного отодвинулась отъ полотна. Работала она не на томъ самомъ пунктѣ, гдѣ ее нашелъ Николай, а немного правѣе; но главный мотивъ былъ тотъ же: купа деревьевъ съ необыкновенно красивымъ рисункомъ и съ фономъ чисто русскаго неба и лужайки.

Изъ головы ея не шла параллель двухъ пріятелей—*ея* Виктора и Бучаева.

Вчера она,—какъ художница,—кажется, впервые схватила типичную ноту ихъ лицъ, очертаній головы и самый физіономическій жестъ.

Какая глубокая разница!

И въ то же время—что-то общее въ тонѣ, въ оборотѣ фразъ, въ экспрессіи, вродѣ какъ тотъ общій вкусъ, по которому вы сейчасъ же узнаете ѣду извѣстнаго ресторана.

Оба—люди одной генераціи; оттуда и сходство... Но только внѣшнее.

Бучаевъ начинаетъ ее тревожить. И это ей несовсѣмъ пріятно.

Она выше всего ставитъ честность, прямоту. Такъ она воспиталась. И стоитъ только кому-нибудь сказать, что женщина *не можетъ не лгать*, какъ она вся всполошится. Но она должна сознаться про себя, что для огромнаго большинства—это такъ. Едва ли не въ первый разъ она встрѣчаетъ такого спеціалиста по разоблаченію „самообмана“, какъ этотъ товарищъ ея мужа.

Своему Виктору она не передавала разговора съ Бучаевымъ. Она на это не имѣетъ права. Это похоже было бы на желаніе ихъ поссорить.

Но все-таки Бучаевъ—быть можетъ, и неумышленно—начинаетъ какъ будто подкапываться подъ „престижъ“, который супругъ имѣетъ въ глазахъ супруги.

Между ними нѣтъ дружбы, да врядъ ли она и можетъ быть. Ей сдается, что и въ мужѣ ея, съ нѣкоторыхъ поръ, есть склонность „пройтись“ надъ милѣйшимъ „Нео-Базаровымъ“, какъ онъ его прозвалъ.

Она недовольна и тѣмъ, что позволила себѣ ненужную нескромность: вотъ это прозвище: „Базаровъ“; только скрыла частицу „нео“, которая могла гораздо сильнѣе задѣть Бучаева.

Марьѣ Ѳедоровнѣ и въ эту минуту непріятно то, что ее начинаетъ тревожить „вопросъ“ о Бучаевѣ.

Стало быть, она не чувствуетъ себя совершенно свободной. Онъ ее—на особый ладъ—*интригуетъ*... что-ли, хотя это слово невполнѣ выражаетъ то настроеніе, какое Бучаевъ сталъ вызывать въ ней.

Ей, какъ будто, завидна въ немъ его свобода духа, если онъ только не рисуется. Можно, конечно, взглянуть на него просто какъ на досужаго резонера, который ведетъ жизнь шатуна и занимается безвредными наблюденіями. Вѣдь онъ гдѣ-то сотрудничаетъ. Стало, можно посмотрѣть на его игру въ психологическій анализъ знакомыхъ и товарищей, какъ на репортерство... только не явное, а „про себя“.

Но если онъ не рисуется, то онъ душевно независимѣе всякаго другого.

И опять сравненіе его съ ея Викторомъ навязывалось ей. Викторъ идетъ на всѣхъ парахъ; его личность разростается, вмѣстѣ съ ростомъ его репутаціи... но свободенъ ли онъ отъ всего того, съ чѣмъ связана его профессія? И не ведетъ ли она къ потерѣ строгаго самоанализа, той „лакмусовой бумажки“, о которой говорилъ тогда Бучаевъ?

Марья Ѳедоровна совсѣмъ и не замѣчала, что сидитъ, задумавшись, съ опущенной палитрой,—уже больше получаса.

Ей послышался какъ будто разговоръ, тамъ, внизъ по аллеѣ. Она быстро поглядѣла туда.

Идутъ они оба. Роста они почти одинаковаго. Бучаевъ чуточку повыше, но на ходу гнется. Викторъ держится, напротивъ, съ откинутой назадъ головой. Борода дѣлаетъ его лицо красивѣе, мужественнѣе. Она темнѣе, чѣмъ русые волосы, видные изъ-подъ бортовъ парусинной шляпы. Онъ весь въ чесучнѣ. Вмѣсто жилета—шолковый кушакъ; на шеѣ—легкій бѣлый фуляръ большимъ бантомъ.

Она можетъ уже схватить слухомъ отдѣльные возгласы.

Вотъ Викторъ перебилъ Николая Сергѣевича словами:

— Скажите пожалуйста!

И разсмѣялся, очень молодо, раскатисто. Смѣхъ у него, до сихъ поръ, почти дѣтскій.

Голосъ Бучаева гораздо глуше, хотя и высокій. Можно, издали, не видя его, подумать, что говоритъ пожилой человѣкъ.

Они встали. Бучаевъ—въ своемъ бѣломъ картузѣ, который придаетъ ему что-то провинціальное, почти-что разночинское.

Потомъ они дошли до перекрестка.

— А чаю?—долетѣлъ вопросъ мужа.

Тотъ что-то отвѣтилъ и повелъ головой.

— Къ завтраку вернетесь?—спросилъ мужъ.

— Постараюсь.

И они разошлись. Бучаевъ повернулъ въ дальнюю часть парка, откуда можно было выйти къ рѣкѣ; Викторъ осмотрѣлся и повернулъ въ ея сторону.

Они—студентами—не перешли на „ты“, чему Марья Ѳедоровна скорѣе рада. Есть пріятельство, но нѣтъ формальной товарищеской связи. Такъ лучше.

Мужъ, издали, сдѣлалъ привѣтственный жестъ рукой. Она положила палитру на ящикъ съ красками, отставила мольбертъ и пошла къ нему навстрѣчу.

Въ самомъ концѣ кленовой аллеи былъ въ тѣни дерновый диванъ. Тамъ они и поздоровались.

Лодыгинъ поцѣловалъ жену въ щеку и въ шею и посадилъ рядомъ съ собою, заглядывая ей въ лицо.

— Хорошо поработала, Маруся?

— Нѣтъ... не особенно.

— Что такъ? Утро—богатое!

Онъ снялъ шляпу и, прищурившись, поглядѣлъ туда, на ея „мѣстечко“.

— Не нашла того освѣщенія, какое было вчера... Или лучше: не сумѣла его найти... Это больше въ насъ самихъ сидитъ, чѣмъ въ природѣ.

— Пожалуй и такъ!

Въ темнокарихъ глазахъ Лодыгина, теперь прищуренныхъ на нее, заиграла одобрительная улыбка.

„Какая у меня жена умница!—говорили эти игривые глаза.—Совсѣмъ подъ пару своему мужу!“

— Раздумалась что-ли о чемъ?

Марья Ѳедоровна не сразу отвѣтила. Она сидѣла съ опущенной головой и точно что разглядывала подъ ногами.

— Немножко... да... Витя. Вотъ сейчасъ вы были тутъ съ Бучаевымъ. Я на васъ долго смотрѣла... вы не замѣчали.

— Ну и что же?

У него уже были адвокатскіе пріемы задавать вопросы.

— Такъ.

Она чуть-чуть усмѣхнулась.

— Твоимъ собственнымъ кодакомъ — онъ указалъ на ея глаза—снимала съ насъ мгновенную фотографію. Ты бы его, въ

самомъ дѣлѣ, зарисовала. Такъ, хоть въ видѣ этюда... У него голова характерная... на рѣдкость.

— Это идея,—какъ бы про себя промолвила она.

— Благо онъ у насъ погоститъ.

— А ты долго поживешь, Витя?

— Весьма желалъ бы... Развѣ какая-нибудь срочная депеша разразится, какъ громъ.

— Какъ же тогда?

— Что?..

Она опять усмѣхнулась.

— Оставишь жену подъ одной кровлей съ молодымъ человѣкомъ, чужимъ?

— Да... вотъ что! Ха, ха! Ты это какъ... въ сурьёзъ? Или для игриваго возбужденія въ мужѣ нѣкотораго владѣльческаго чувства?

— А если-бъ и въ сурьёзъ?

— Qu'en dira-t-on? Ха, ха! Или—онъ приблизилъ къ ней лицо—Бучаевъ начинаетъ за тобой ухаживать?

— Нѣтъ. Этого совсѣмъ нѣтъ.

— Можетъ быть, такой недостатокъ вкуса начинаетъ тебя щемить? А? Маруся! Я тебя не считалъ никогда кокеткой, но вѣдь душа женщины—бездонная бездна!

Съ ней онъ почти всегда шутитъ. И это стало ей меньше нравиться, чѣмъ еще полгода назадъ. Такого же почти тона держится онъ и съ дѣтьми; только темы разговоровъ другія. Но когда онъ передаетъ ей, какъ онъ одержалъ побѣду надъ „дошлымъ“ прокуроромъ—онъ говоритъ язвительно, горячо... въ сурьёзъ.

— Бучаевъ что-то тебѣ разсказывалъ?—спросила она, мѣняя тонъ.

— Про своего бофрѣра Зуброва... Милашка тоже!.. И у него, того и гляди, дойдетъ до чего-нибудь аграрнаго...

— И ты же будешь защищать мужиковъ?

— Можетъ статься.

— Онъ тебѣ ничего не говорилъ въ такомъ духѣ?

— Нѣтъ, ничего.

— Послушай, Витя... Между нами... ты не считаешь его... чѣмъ-нибудь больше простого шатуна и наблюдателя?

— Агентомъ... партіи?—быстро, дѣловымъ звукомъ остановилъ Лодыгинъ.

— Да... Вѣдь они же есть теперь и по деревнямъ?

— Не думаю, чтобы онъ былъ... такой эмиссаръ. Онъ слиш-

комъ большой скептикъ; и, прежде всего, слишкомъ влюбленъ въ свой умъ, въ свою независимость, въ то, что его нельзя завербовать ни въ какую команду...

Все это было выговорено въ томъ же легкомъ тонѣ... и съ затаеннымъ чувствомъ *своего* превосходства надъ такимъ... „Нео-Базаровымъ“. Но все-таки въ мужѣ Марья Ѳедоровна не подмѣчала того гораздо болѣе остраго анализа натуры и душевнаго склада, какой Бучаевъ уже прилагаетъ къ своему товарищу.

Ее защекоталъ вопросъ: закинуть что-нибудь объ этомъ мужу или нѣтъ?

Это было одно мгновеніе. Она такъ же моментально пристыдила себя. На это она не имѣетъ никакого права. Да и ея искреннее желаніе: — довести ихъ обоихъ до того, чтобы они дѣйствительно сошлись—безъ всякихъ такихъ пріятельскихъ ехидностей.

— Человѣку съ извѣстной...

— *Платформой*, какъ любитъ выражаться Бучаевъ...

— Да... платформой... почти стыдно предаваться дилеттантству... только говорить...

— Кто его знаетъ! Онъ со мною не вступалъ еще, до сихъ поръ, ни въ какія интимности... по этой части.

— Можетъ,—не довѣряетъ? — спросила Марья Ѳедоровна, вбокъ поглядѣвъ на мужа.

— Съ какой стати? Но я повторяю тебѣ... агентомъ... эмиссаромъ... исполнителемъ онъ не будетъ. Онъ—резонеръ-моралистъ. Мораль его соціальная... этого онъ не скрываетъ.

— Вотъ ты, Витя, прозвалъ его Нео-Базаровымъ... Такъ тотъ былъ способенъ... на дѣло.

— А почемъ мы знаемъ? Иванъ Сергѣичъ Тургеневъ ловко уморилъ его въ концѣ романа... Что изъ него вышло бы—мы не знаемъ. Въ настоящую минуту, то-есть въ началѣ XX-го вѣка, онъ навѣрное бы былъ старомодный умникъ, который все бы еще молился на Бюхнера и Молешотта, съ придачею Дарвина, котораго тотъ Тургеневскій герой еще не успѣлъ прочесть... при жизни!

Лодыгинъ громко разсмѣялся, видимо довольный своей литературной импровизаціей.

Но она не очень понравилась Марьѣ Ѳедоровнѣ. И тутъ у нея сорвалось съ языка:

— Онъ не обидѣлся... твоимъ прозвищемъ, Витя?..

— А ты развѣ меня выдала?

— У насъ вышелъ тутъ... такой разговоръ...

— И ты хотѣла запустить ему шпильку?

— Только я не передала полнаго прозвища... Приставное словечко *нео*—я скрыла.

— Маруся! Это на тебя совсѣмъ не похоже.

— Развѣ это было не корректно?

— Смотря по тому—какой былъ тонъ вашего разговора... Но, право, онъ тебя начинаетъ безпокоить. Это—симптомъ.

— Чего?

— А того, что у тебя теряется объективное отношеніе къ его личности. Кто-то... кажется, Людвигъ Фейербахъ...

— Какой?

— Маруся! Ну, настоящій, не папаша его, метафизикъ-юристъ, съ своей пресловутой теоріей вмѣненія... а сынъ, Людвигъ, авторъ „Сущности Христіанства“.

— Что же онъ сказалъ?

— О женщинахъ...

— Что-нибудь злое?

— Какъ посмотрѣть. Что-то вродѣ того: *чего женщина не любитъ, то для нея и не существуетъ.*

— Такъ бы слѣдовало чувствовать и господамъ мужчинамъ.

— И тогда тю-тю!.. Прости—всякое точное знаніе: и математика, и физика, и зоологія, и ботаника, жизнь той природы, безъ которой ты не стала бы художницей.

— Такъ вѣдь я люблю то, что зарисовываю?..

— Смотри! Возьмешь да и перейдешь послѣ къ идеализаціи. Переходъ самый обычный у вашей сестры. А теперь прощай! Вернусь въ домъ, возьму простыню и выкупаюсь. А тамъ и чай!

Онъ поцѣловалъ ее въ щеку и быстро поднялся. Уходя, кивнулъ ей весело головой.

Марья Ѳедоровна минуты двѣ-три посидѣла еще на дерновомъ диванѣ и вслѣдъ мужу не смотрѣла.

VII.

Передъ завтракомъ, Бучаевъ вернулся, весь пыльный и въ испаринѣ, перемѣнилъ бѣлье и надѣлъ другую пару платья.

Его комната была рядомъ со спальней хозяина. Лодыгинъ, еще утромъ, сказалъ ему, что у нихъ будутъ завтракать два сосѣда—мѣстные „тузы“, и что ему не безъинтересно было бы „взять съ нихъ съёмочку“.

Одинъ—бывшій губернскій предводитель, имѣвшій непріят-

пости и вышедшій въ отставку до срока, изъ-за исторіи, гдѣ онъ себя „позапылилъ“. А другой—петербургскій большой и чиновный баринъ—„первый чинъ“—такъ назвалъ его Лодыгинъ—живетъ здѣсь лѣтомъ и затѣваетъ тяжбу съ казной.

Бывшаго предводителя кто-то обличилъ въ мѣстной прессѣ, и онъ желаетъ начинать дѣло, только еще не рѣшилъ: о *диффамаціи* или—о *клеветѣ*.

Когда Николай услыхалъ его фамилію—Опаринъ,—то онъ что-то сейчасъ же вспомнилъ и остановилъ Лодыгина вопросомъ:

— Да вѣдь это одинъ изъ дворянъ, какихъ называютъ „божьей милостью“? Онъ прославился и въ печати?..

— Да, да, тотъ самый!—весело крикнулъ Лодыгинъ.

— Какъ же *вы* будете его защищать?—подчеркнулъ Бучаевъ мѣстоименіе „вы“.

— Для курьёза.

— Значитъ, вы будете ему помогать засадить автора или редактора въ кутузку,—если ихъ обвинятъ?

— До этого дѣло не дойдетъ. Но тутъ прекрасный случай показать—что̀ за народъ эти самые дворяне „божьей милостью“.

— Вы, стало быть, берете на себя амплуа, какъ бы это сказать... Конрада Валленрода что-ли?

— Я еще не далъ слова... но меня сильно подмываетъ выступить яко бы въ роли защитника такого субъекта.

— Но какъ *онъ* могъ къ вамъ обратиться, зная вашу репутацію?

— Это уже—его дѣло. Его познакомилъ со мною все тотъ же ближайшій нашъ сосѣдъ—*первый чинъ*,—протянулъ онъ съ юморомъ.—Этотъ — совсѣмъ въ другомъ вкусѣ... скептикъ, острякъ и, по своему, либералъ. Его тяжбу я буду вести съ особымъ удовольствіемъ.

— Чтобы наложить въ загривокъ привилегированной администраціи?

— Именно!

Этотъ разговоръ весь пришелъ на память Николаю. И онъ, одѣваясь, поводилъ насмѣшливо губами, думая о томъ—какой его товарищъ „франтъ“. Ему вѣдь, *въ сущности*, все „ganz schnuppe“, кромѣ его славы, и онъ, навѣрное, сумѣетъ выставить на показъ то, какъ онъ ловко воспользовался защитой такого дворянина „божьей милостью“, чтобы его же потопить и вмѣстѣ съ тѣмъ дать по носу нѣкоторымъ органамъ прессы за то, что они его сами начали пощипывать.

Къ завтраку Бучаевъ не опоздалъ и поспѣлъ въ столовую, когда хозяева и два гостя приступали къ закускѣ.

Петербургскій сановникъ „не у дѣлъ“, князь Щигровскій, смотрѣлъ пожилымъ дипломатомъ, съ моноклемъ, въ усахъ, лицо морщинистое, но посадка высокаго стана—еще молодая. На немъ ловко сидѣла сѣрая пара. Ноги—въ башмакахъ съ свѣтлыми гамашами. Онъ привѣтливо пожалъ ему руку, когда его познакомили.

Бывшій предводитель — лысый брюнетъ, очень небольшого роста, среднихъ лѣтъ, тоже въ свѣтлой парѣ, похожъ былъ скорѣе на музыканта изъ иностранцевъ. Его рукопожатіе было гораздо менѣе любезное. Онъ носилъ на короткомъ, вздернутомъ носу золотое pince-nez и очень высокій воротникъ подпиралъ его голову, откинутую назадъ. Маленькія холеныя руки — въ широкихъ модныхъ манжетахъ.

Николай сѣлъ противъ Марьи Ѳедоровны — между двумя гостями — и изрѣдка взглядывалъ на нее.

Ей, конечно, оба новые кліента ея Виктора — не очень понутру; но она съ ними привѣтлива, по заграничному. Мужъ ея помѣстился между нею и бывшимъ предводителемъ. Онъ держался съ ними, какъ равный имъ, и даже съ оттѣнкомъ умственнаго превосходства. Своимъ тономъ онъ какъ бы желалъ показать Бучаеву, что ему „абсолютно наплевать“, что одинъ изъ нихъ — „первый чинъ“, а другой считаетъ себя дворяниномъ „божьей милостью“.

Эту игру, кажется, понимала и Марья Ѳедоровна.

„Первый чинъ“ любилъ поговорить и уже раза два останавливалъ хозяина и барскимъ звукомъ „э-э-э“, и даже возгласомъ „позвольте“.

Всѣ трое—и двое баръ, и самъ хозяинъ—любили, по французской поговоркѣ, держать плевательницу—„tenir le crachoir“.

— Вообще, — завелъ князь Щигровскій, отхлебнувъ изъ стакана краснаго вина,—жизнь въ деревнѣ... въ прежнемъ Монрепо, какъ называлъ Салтыковъ... дѣлается своего рода...

Онъ искалъ слова.

— Искусомъ,—подсказалъ Опаринъ и выпятилъ нижнюю губу.

— Экзаменомъ, вродѣ того, что во Франціи, во время террора, называли „certificat de civisme“.

— Почему же такъ?—нѣсколько подзадоривающимъ звукомъ спросилъ Лодыгинъ.

— Какъ же почему?!—вскричалъ Опаринъ.—Какъ будто вамъ это не извѣстно?

— А мы съ мужемъ, напротивъ, здѣсь блаженствуемъ,— замѣтила съ усмѣшкой Марья Ѳедоровна.

— Вы живете на дачѣ! — возразилъ князь.—Но и вы не ограждены ни отъ какихъ сюрпризовъ...

— Развѣ наши милѣйшіе пейзане, — продолжалъ за него Опаринъ, — узнали во-время, что Викторъ Петровичъ сдѣлалъ себѣ, кажется, спеціальность изъ защиты того, что нынче величаютъ „аграрнымъ“ преступленіемъ?

— Хе, хе!—тихо разсмѣялся князь и повернулъ голову въ сторону хозяина.—Нашъ любезный сосѣдъ стоитъ выше партій... защищаетъ пейзанъ... защищаетъ и насъ, грѣшныхъ.

Тутъ Николай взглянулъ искоса на Марью Ѳедоровну.

Она какъ будто слегка покраснѣла.

— Вы правы, князь, — отозвалась она: — для Виктора всѣ кліенты равны, когда онъ найдетъ, что ему можно взять на себя то или иное дѣло.

Бучаевъ даже не ожидалъ такой реплики. Въ лицѣ Лодыгина также что-то проскользнуло. Онъ улыбнулся и поднялъ голову. Ему понравилось такое вмѣшательство его Маруси.

— Русская жизнь и въ деревнѣ дифференцируется,—выговорилъ онъ, улыбаясь глазами.—Такъ должно было случиться!

— И всѣмъ намъ — крышка! Вѣдь это такъ говорится въ интеллигенціи?—язвительно замѣтилъ Опаринъ.

— Можетъ быть, и самой интеллигенціи будетъ крышка!— возразилъ такимъ же легкимъ тономъ Лодыгинъ,—если на насъ начнутъ науськивать пейзанъ.

— Пока это будетъ,—не сдавался Опаринъ,—надъ мужиками и деревенскими рабочими уже усердствуютъ господа упразднители общества. Въ любой избѣ, гдѣ заведется паренекъ, побывавшій въ отхожемъ промыслѣ—вы найдете книжки и листки самаго недвусмысленнаго содержанія...

— Да, да, — кротко и съ юморомъ подтвердилъ князь.—У меня, на заводѣ, урядники усердствуютъ по этой части. Я въ это не вхожу. Какъ вы, добрѣйшій Викторъ Петровичъ, изволили сказать, рано или поздно все это пройдетъ. Cecі tuera cela,— какъ сказалъ поэтъ-солнце. Поэтому я и не волнуюсь. Ничего не будетъ удивительнаго, если въ одну прекрасную лунную ночь сосѣднимъ мужикамъ придетъ на умъ устроить даровой фейерверкъ изъ моего добра, съ поддержкой всѣхъ увріеровъ и увріерокъ моего завода. Ха, ха! Я вообще изумляюсь, съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе—чѣмъ вся наша россійская махинища держится?!

— Князь! Простите! Вотъ такой философіей наше сословіе и губитъ себя! — остановилъ его Опаринъ и ударилъ тупымъ краемъ ножа о столъ. — Этимъ добровольнымъ самозакланіемъ.

— Самозакланіе! Le mot est joli!

— А то какъ же? Гдѣ это видано, чтобы сословіе, облеченное законнѣйшими государственными правами, добровольно отказывалось отъ нихъ?

— Гдѣ видано, Орестъ Павловичъ?—крикнулъ Лодыгинъ и оглянулся на жену и Бучаева.—А въ Парижѣ, въ великую революцію... та ночь, когда дворяне сожгли всѣ свои грамоты, титулы и привилегіи!

— Это былъ припадокъ безумія! Вотъ что-съ! Такъ тѣ, по крайней мѣрѣ,—взяли свой реваншъ впослѣдствіи и вернулись послѣ сверженія Наполеона.

— Кутнули,—добавилъ Лодыгинъ,—не надолго!

— Нужды нѣтъ! А теперь, въ ихъ хваленой республикѣ, принципъ высшаго сословія, права дворянства, титулы—въ самомъ большомъ ходу. Парижъ, да и вся Франція помѣшались на дворянствѣ, на haute noblesse И они тамъ только и ждутъ избавителя... l'homme providentiel!

— Ou un préfet à poigne!—вставилъ князь.

— Именно. У Буланжѣ не хватило выдержки. Его женскій полъ загубилъ. А удайся Деруледу его военный бунтъ—и давнымъ-давно все было бы по старому. А въ Англіи, а въ Германіи... гдѣ хотите—кто откажется отъ своей частички „von", отъ титула „sir" — не то, что уже герцога или маркиза? А у насъ скоро дойдутъ до того, что будутъ говорить и писать: „я—съ позволенія сказать—дворянинъ"!

— Хе, хе!—раздался саркастическій смѣшокъ князя.

Но ему уже сильно хотѣлось перебить дворянина „божьей милостью" и самому „подержать плевательницу".

Онъ протянулъ руку, какъ бы прося слова.

— Мы такіе...—началъ онъ.—У насъ нѣтъ никакихъ традицій. Мы ничѣмъ не дорожимъ. Какъ это... у Гоголя,— онъ спросилъ глазами,—у него такое прозвище есть... Не уважай... не уважай...

— Неуважай-Корыто,—подсказалъ Николай.

— Merci! Хе, хе! Да, да. Неуважай-Корыто. Une race anarchiste — quoi! Когда встрѣчаю нѣмцевъ... военныхъ... les gros bonnets ихъ арміи, qui ne jurent que par Moltke—я имъ всегда говорю: „Ну, прекрасно, вы вторгнетесь въ наши предѣлы... Но что вы найдете у насъ? Курныя избы! Ни зданій, ни капита-

ловъ, ни запасовъ, ни objets d'art... ничего! Настоящая нигилистическая земля... отъ слова „nihil", что̀ значитъ пустышка. Развѣ это не такъ? Чѣмъ же дорожить?..

— Позвольте, князь!—перебилъ Опаринъ.—Какъ чѣмъ дорожить? Своимъ правомъ прежде всего!..

— Allons donc, mon cher!—князь повелъ плечами и усердно посолилъ корочку хлѣба.—Allons donc! Право, право! Какимъ правомъ, смѣю спросить? Имѣть винокуренный заводъ? Такъ и оно уже теперь—не дворянская привилегія. Отдавать дѣтей въ закрытое заведеніе, куда принимаютъ только дворянъ... La belle affaire! Но кто обойдетъ многихъ этихъ лицеистовъ и правовѣдовъ? Выслужившіеся штатскіе генералы изъ семинаристовъ и разночинцевъ, или изъ купцовъ, которые поступили въ гвардію, въ лейбъ-гусары и дослужились до генераловъ? Намъ бы только какъ-нибудь уцѣлѣть, пока messieurs les cultivateurs,—протянулъ онъ съ юморомъ, — не придутъ скопомъ и не скажутъ намъ: „Тебѣ, баринъ, крышка! Убирайся, пока цѣлъ". И это будетъ не сегодня, такъ завтра, не черезъ годъ, такъ черезъ нѣсколько лѣтъ.

Лицо Опарина, отъ прилива крови, стало бурѣть. Онъ звонко выпускалъ воздухъ изъ выпяченныхъ губъ и возился на своемъ стулѣ.

Все это было довольно-таки забавно для Николая. Марья Ѳедоровна раза два взглянула на него,—какъ бы спрашивая его безъ словъ: какъ онъ все это находитъ? А потомъ переводила взглядъ на мужа.

Лодыгинъ продолжалъ усмѣхаться глазами. И когда взглядывалъ на Бучаева, то его глаза говорили: „Пускай ихъ побалакаютъ! Для насъ съ вами они—курьёзные экземпляры, и вступать съ ними въ препирательства мы не будемъ".

Но въ общемъ выходило, все-таки, какъ будто несовсѣмъ ладно.

— Значитъ, князь,—обратился къ нему Лодыгинъ,—какъ ни кинь, все выходитъ клинъ?!

— Oui, mon excellent Викторъ Петровичъ, все выходитъ клинъ!

— Это добровольное самоубійство сословія!—пустилъ Опаринъ фальцетомъ.—Это самозакланіе какое-то! Я говорю не какъ ретроградъ, не какъ гасильникъ, хотя меня и прославили и тѣмъ, и другимъ. Всѣ теперь кричатъ о гарантіяхъ. Но первая гарантія—неприкосновенность моего добраго имени, моей собственности, моихъ законныхъ правъ и преимуществъ. Вотъ Ви-

кторъ Петровичъ—нашъ въ настоящую минуту амфитріонъ, хотя и считается сторонникомъ очень либеральныхъ взглядовъ,—однако, онъ согласился выступить во имя моихъ попранныхъ правъ.

— А я, mon cher,—возразилъ князь, поправляя монокль,—не сталъ бы затѣвать процесса...

— Почему же это, князь?

— Потому что если тѣхъ, кого вы теперь привлекаете, и осудятъ—пресса извѣстнаго направленія васъ не пощадитъ. Я бы сказалъ именно для васъ... un intransigeant... по части сословныхъ прерогативъ—это не дворянское дѣло...

— Стало, надо позволять всякому нахалу или мерзавцу—оскорблять васъ?

— Pardon! Вы идете по тротуару... Вдругъ передъ вами всплываетъ какой-нибудь индивидъ и выругаетъ васъ самымъ непечатнымъ словомъ... Вы будете тащить его въ участокъ?

— Не знаю... Можетъ быть...

— Allons donc! Что за наивность придавать значеніе тому, что болтаютъ господа газетчики? На здоровье! Завтра же появится такое entrefilet, гдѣ весьма прозрачно будутъ намекать, что князь Александръ Ивановичъ Щигровскій воруетъ платки въ театрахъ и другихъ публичныхъ мѣстахъ. На здоровье! Bon appétit!

Опаринъ пожалъ плечами и повелъ головой.

— Вы это такъ, князь... изволите шутить.

— Нисколько. Честной человѣкъ! Другое дѣло, когда васъ хотятъ, яко бы на законномъ основаніи, ограбить... какъ меня казна. Вотъ и я обратился къ нашему любезному хозяину, и онъ мнѣ не откажетъ въ своей защитѣ... А клевета, а диффамація... кстати, я до сихъ поръ въ толкъ не возьму—какая между ними есть разница?..

— Есть, князь,—отозвалась Марья Ѳедоровна; — даже я знаю—какая.

— Вы—супруга юриста!

Повернувъ голову въ сторону хозяйки, князь широко улыбнулся и прибавилъ съ легкимъ наклоненіемъ головы:

— Прошу у васъ извиненія...

— За что, князь?

— За то, что мы завели такой разговоръ... злободневный—вѣдь нынче такъ называютъ?—вмѣсто того, чтобы говорить о предметахъ гораздо болѣе пріятныхъ.

— Напротивъ, князь, мнѣ было интересно...

— Слышать, какъ мы, вотъ, съ Орестомъ Павловичемъ ло-

мали копья—онъ за свое сословіе, а я... за невозможность въ сурьёзъ смотрѣть на то, что̀ теперь происходитъ въ нашемъ отечествѣ?

— Будто уже, князь, никакая другая точка зрѣнія невозможна?—спросилъ Лодыгинъ и прищурился.

— Для меня—грѣшный человѣкъ—невозможна.

— Браво, князь! Это—верхъ нигилизма!—крикнулъ Опаринъ.

Остальные—въ томъ числѣ и Бучаевъ—засмѣялись, каждый съ особеннымъ выраженіемъ.

VIII.

Въ бесѣдкѣ—за предобѣденнымъ чаемъ—сидѣли хозяева и Бучаевъ.

Оба гостя наконецъ-то „изволили отбыть“,—какъ выразился самъ Лодыгинъ.

Марья Ѳедоровна была замѣтно возбуждена. Она и послѣ завтрака не много говорила, да это было и трудно съ такими рѣчистыми господами. Но теперь и ей захотѣлось „отвести душу“. Бучаевъ и ждалъ—что-то она начнетъ говорить. Онъ провелъ очень „забавно“ все дообѣденное время, и когда оба гостя уѣхали, сказалъ своему товарищу:

— Махровые экземпляры! Одинъ вродѣ *Cactus grandiflora*—тотъ первый чинъ; а дворянинъ божьей милостью—*Cactus speciosa*.

Лодыгинъ засмѣялся; но самъ не сталъ прохаживаться на ихъ счетъ.

Марья Ѳедоровна выпила, съ аппетитомъ, двѣ чашки чаю, отставила свою чашку и, поглядѣвъ на нихъ обоихъ, обратилась къ первому къ мужу.

— Неужели, Витя, ты и въ самомъ дѣлѣ будешь защищать и того, и другого?.. Особенно того... Опарина... Что̀ это за тусь, Бучаевъ?—спросила она:—вѣдь онъ, кажется, изъ доблестной газеты со Страстного бульвара?

— Кажется... И органа *ejusdem farinae* и въ Петербургѣ.

Она посмотрѣла на мужа.

Лодыгинъ курилъ и прихлебывалъ изъ своего стакана.

— Ты спрашиваешь, Маруся, почему я берусь ихъ защищать? Я еще не окончательно рѣшилъ.

— Однако... обоихъ обнадежилъ,—какъ бы про себя замѣтилъ Бучаевъ.

Онъ также курилъ и вбокъ поглядывалъ на товарища, съ

усмѣшкой въ глазахъ, отъ которой, должно быть, не могъ воздержаться.

— Ахъ, милые мои,—Лодыгинъ протянулъ имъ обоимъ руки,—вы все въ сурьёзъ берете. Это слишкомъ прямолинейно, чтобы не сказать—наивно.

Щеки Марьи Ѳедоровны начали розовѣть.

— А вамъ все это, какъ нѣмцы говорятъ, „ganz schnuppe“?—подсказалъ Николай тономъ, въ которомъ чувствовалось легкое поддразниванье пріятеля.

— Почему же *все*?—протянулъ Лодыгинъ.—что̀ у васъ за злосчастная привычка—непомѣрно все обобщать, Бучаевъ? Съ какой же стати дѣлать изъ всего принципіальную догму?

— Конечно...—нервнѣе откликнулась Марья Ѳедоровна.—Ты адвокатъ... ты долженъ защищать всякаго кліента... Но эта теорія—слишкомъ растяжима въ твоихъ устахъ.

— Маруся! „Уста“!.. Впрочемъ, я не обижаюсь. Это лучше, чѣмъ губы. Губа̀—такой грубо-реальный звукъ!

И ей, и Николаю, ясно было, что онъ хочетъ отыграться. Это̀ ей было очень непріятно. Несовсѣмъ пріятно и то, что она первая не воздержалась и завела такой разговоръ.

— Марья Ѳедоровна,—обратился къ ней Бучаевъ,—вашего Виктора я понимаю.

Лодыгинъ прищурился на него.

— Прекрасно понимаю,—повторилъ Николай.—Для него важенъ матеріалъ, изъ котораго онъ будетъ лѣпить свою рѣчь.

— Пожалуй!—съ умышленной небрежностью промолвилъ Лодыгинъ и откинулся на спинку стула.—Матеріалъ, дѣйствительно, довольно-таки хазо̀вый... У одного процессъ съ казной, въ которомъ онъ—несомнѣнно пострадавшая сторона. Всякихъ правонарушеній, кумовства, произвола и прямо гадости—цѣлый букетъ. И не все ли равно,—онъ кивнулъ головой женѣ,—кто эта обиженная казанская сирота: купецъ Размараевъ или „первый чинъ“, Рюриковичъ, князь Щигровскій, потомокъ великихъ князей Смоленскихъ?..

— А еслибъ это былъ крестьянинъ или цѣлое сельское общество?—остановила Марья Ѳедоровна.

— Я бы взялся за дѣло охотнѣе, но, по существу, оно было бы такое же.

— И было бы усиленной рекламой!—вскользь, опять точно про себя, обронилъ Бучаевъ.

— Это меня не касается,—отвѣтилъ ему Лодыгинъ, даже и не поглядѣвъ на него.—Есть поговорка... даже романъ съ та-

кимъ заглавіемъ „Лѣсъ рубятъ—щепки летятъ“. Такъ и въ нашемъ дѣлѣ. Щепки летятъ. Хорошо, если онѣ попадаютъ, въ кого нужно. Успѣхъ—игра. Сегодня зала тебя вызываетъ двадцать разъ, а завтра—ни хлопка!

— Прекрасно, Витя, но что намъ съ тобою за дѣло до того, что такой Рюриковичъ—и безъ того богачъ—оттянетъ отъ казны еще нѣсколько сотъ десятинъ? Какова бы ни была казна, но въ ея рукахъ—земля всего государства. И рано или поздно она пойдетъ не первымъ чинамъ, а тѣмъ, кто истинно нуждается въ ней. Не правда ли, Николай Сергѣичъ?

Глаза ея блестѣли.

— Кажется, что такъ,—шутливо отозвался Бучаевъ.—Я думаю, что и мужъ вашъ, съ своей платформы, долженъ бы точно такъ же разсуждать, но до такъ называемой національзаціи земли еще много воды утечетъ; а тутъ—какъ видите, отличный предлогъ показать—какіе порядки процвѣтаютъ у насъ до сей минуты...

Тонъ Бучаева показывалъ достаточно, что онъ не хочетъ брать „въ сурьезъ“ все то, что сейчасъ такъ блестяще развивалъ ея „супругъ и повелитель“.

— Ну да, ну да, это буки-азъ-ба, друзья мои! Вы оба знаете меня не со вчерашняго дня... а все еще не хотите понять—какой главный психическій мотивъ во мнѣ дѣйствуетъ.

Щеки Марьи Ѳедоровны стали блѣднѣть. Она полуопустила рѣсницы и сидѣла въ напряженной позѣ.

— Повѣдайте, добрѣйшій!—откликнулся Николай.

— Только разумный *индивидуализмъ*, если его брать очень глубоко, дастъ вамъ полную свободу духа. А вѣдь согласитесь,— обратился онъ къ Бучаеву,—вы тоже выше всего ставите эту безусловную внутреннюю свободу. Да или нѣтъ?

— Не отрицаю.

— Но куда же ты хочешь придти?—нервно кинула Марья Ѳедоровна и пристально поглядѣла на мужа.

— Дай мнѣ досказать. Отучись, Маруся, отъ этой ужасной русской привычки къ перебиванію. Этого даже россійскіе профессора не позволяютъ себѣ, исключая самыхъ неистовыхъ.

— Хорошо... Но я опять спрошу: куда ты хочешь придти?

— Зачѣмъ же, душа моя, непремѣнно приходить? Ха, ха!

Онъ сталъ полегоньку качаться на стулѣ.

— Разъ у меня высшій идеалъ и критерій, безусловная свобода моего „я“—съ какой стати буду я идти на мелкіе компромиссы съ обывательскими какъ бы это сказать... направленіями что-ли... все равно... радикальными или ретроградными?

— Это растяжимое profession de foi,—тихо, но съ дрожью въ голосѣ вымолвила Марья Ѳедоровна.

— Извините! Это не profession de foi... въ тѣсномъ смыслѣ, а только основная нота моего духовнаго „я".

Повернувшись на стулѣ въ сторону Бучаева, онъ продолжалъ, все ускоряя свою дикцію и съ интонаціями, которыя, вѣроятно, привыкъ отпускать въ судебныхъ залахъ.

— Вотъ, милый другъ, вы мнѣ вчера говорили, что вашъ beau-frère, считающій себя самымъ корректнымъ лэндлордомъ—ведетъ себя съ сосѣдними мужиками такъ, что дѣло можетъ кончиться чѣмъ-нибудь аграрнымъ. И вы посовѣтуете имъ обратиться ко мнѣ...

— Вы, разумѣется, имъ не откажете?—спросилъ Бучаевъ съ усмѣшкой.

— Не откажу, уже по тому одному, что вашъ beau-frère, судя по вашей же характеристикѣ, махровый экземпляръ хитроумнаго буржуя. И онъ, на мой взглядъ, куда вреднѣе, въ соціальномъ смыслѣ, не только милѣйшаго князя, но и того... дворянина божьей милостью.

— Это меня не убѣждаетъ, Викторъ,—сдержанно вымолвила Марья Ѳедоровна и стала еще нервнѣе перетирать свою чашку.

— Въ чемъ? Въ чемъ, Маруся?

Мужъ ея почти удивленно взглянулъ сначала на нее, потомъ тотчасъ же и на Бучаева.

Въ его острыхъ глазахъ засвѣтилась усмѣшка, увѣреннаго въ себѣ педагога, который снисходительно, но не безъ удивленія слушаетъ, что̀ такое лепечетъ его ученица.

Николай отвѣтилъ ему тоже улыбающимся взглядомъ, отъ котораго ему стало какъ будто не совсѣмъ по себѣ.

— Да скажите, пожалуйста, господа,—онъ поднялъ тонъ и заговорилъ еще быстрѣе,—скажите на милость, неужели въ современномъ обществѣ—все равно, у насъ ли, на святой Руси, или на всемъ Западѣ, въ Европѣ, въ Америкѣ, гдѣ хотите—есть какое-нибудь неприкосновенное credo... profession de foi, какъ ты сейчасъ назвала, Маруся, другими словами—незыблемая и всѣми одинаково признаваемая мораль?

— Положимъ, что и нѣтъ, — отвѣтилъ первый Бучаевъ.—А потомъ что̀?

— Потомъ что̀? Вы говорите, положимъ, въ тонѣ полувынужденнаго согласія...

— Ахъ, Викторъ!—вырвался возгласъ у Марьи Ѳедоровны.—Ты все воображаешь себя за пюпитромъ присяжнаго повѣреннаго.

— Съ какой стати!

Голосъ у него будто немного перехватило, но онъ подался къ столу и положилъ на его край оба локтя.

— Вы первый,—еще стремительнѣе началъ онъ въ сторону Бучаева,—развѣ вы признаете за тѣмъ, что̀ и культурное общество считаетъ моралью—какую-нибудь *санкцію*, помимо религіозной, для тѣхъ, кто не лицемѣритъ и дѣйствительно во что-то вѣритъ?

— А ты такой санкціи, стало-быть, не признаешь?—остановила его Марья Ѳедоровна.

— Радъ бы признавать; но ея нѣтъ. Все держится условной ложью!..

— Припѣвъ старый, любезнѣйшій Викторъ Петровичъ,—замѣтилъ Бучаевъ. — Книжка Нордау устарѣла. Надо бы что-нибудь болѣе свѣжаго привоза.

— Это уже argumentum ad hominem. Личные подвохи мы оставимъ, Бучаевъ. Но если вы не хитрите, не надѣваете личины, то для васъ перваго должно быть ясно полное распаденіе—особенно у насъ—всякой этики. И чѣмъ же вы занимаетесь, какъ не обличеніемъ фразы, маскировки?.. Вѣдь это вашъ возгласъ: *карты—на столъ*!

Марья Ѳедоровна поглядѣла, въ эту минуту, на Бучаева.

Тотъ не смутился.

— Это, любезный другъ, тоже вѣдь argumentum ad hominem? Пускай! Но это двѣ вещи глубоко различныя: указывать на самообманъ или на умышленную фальшь, или утверждать, что для этики нѣтъ никакой санкціи.

— Въ той московской селянкѣ, которую зовутъ обществомъ—даже среди самыхъ сливокъ интеллигенціи—нѣтъ ея и быть не можетъ. Обязательная этика бываетъ только въ такіе моменты, когда всѣ охвачены однимъ догматомъ, одной вѣрой.

Сдѣлавъ звонкую передышку, Лодыгинъ всталъ, обогнулъ столъ и пододвинулся вплотную къ тому мѣсту, гдѣ сидѣлъ Бучаевъ.

— Ваша формула: карты—на столъ! Прекрасно! Вотъ и я желалъ бы заглянуть, какъ слѣдуетъ, въ ваши карты. Если это опять argumentum ad hominem, то вѣдь вы оба стали приступать ко мнѣ съ требованіемъ моего credo? А ваше? Полный анархизмъ? Да? Тогда я васъ понимаю. Только убѣжденный анархистъ можетъ стоять надъ всѣмъ людскимъ муравейникомъ и радоваться его гибели.

— И себя, Викторъ, ты причисляешь къ тому же разряду? Это—новость для меня.

— Маруся! Развѣ я сказалъ, что увѣровалъ въ спасительность всеобщей анархіи?

— Но вамъ, Лодыгинъ, очень бы хотѣлось меня зачислить въ эту секту?—спросилъ Бучаевъ и поднялъ къ нему голову.

Лодыгинъ стоялъ надъ нимъ, у края стола.

— Не желаете—тѣмъ лучше. Тогда мы съ вами окажемся одного толка: и вы, и я, не можемъ въ серьёзъ смотрѣть на тѣ дипломы, которые выдаютъ себѣ—сами... фарисеи всякихъ лагерей, вплоть до самыхъ красныхъ и даже разрывныхъ. Вы, Бучаевъ, предаетесь спорту—срыванія масокъ. И я также. Только ваша спеціальность гораздо пріятнѣе и покойнѣе. А моя—громоздка и рискованна. А толку... практической пользы въ ней врядъ ли больше.

— Ты хочешь сказать, Викторъ — спросила Марья Ѳедоровна, замедляя свою рѣчь, — что тебѣ все... ganz schnuppe... какъ говоритъ Николай Сергѣичъ? И когда ты обличаешь какое-нибудь соціальное зло, ты самъ не вѣришь въ то, что ты говоришь?..

— Вовсе нѣтъ! Я могу вѣрить въ то, что я правъ; но въ то, что я пересоздамъ этику того болота, гдѣ мы всѣ барахтаемся—увы, нѣтъ!

Онъ взглянулъ на часы.

— Однако, „надо дать отдохнуть и фонтану“. Я пойду выкупаться. Бучаевъ, вы мнѣ не повистуете?

— Нѣтъ... у меня нѣтъ охоты.

— Вольному воля! До свиданія. Какъ сказали бы во французскомъ трибуналѣ или въ палатѣ: „l'incident est clos“.

И онъ, кивнувъ имъ обоимъ головой, вышелъ изъ бесѣдки.

Николай поглядѣлъ ему вслѣдъ и потомъ, поведя головой, протянулъ къ Марьѣ Ѳедоровнѣ свой стаканъ.

— Благоволите еще... хоть съ полстакана... большая жажда отъ вашихъ *фензэрвовъ*... по-гоголевски выражаясь.

— Хотите, заварю свѣжаго?

— Нѣтъ, все равно... хотя бы и „Кронштадтъ былъ виденъ“.

И онъ тихо разсмѣялся.

Помолчавъ, онъ выговорилъ почти такъ же шутливо:

— Послѣ заключительной реплики побѣдоносно удалился.

Она не сразу отвѣтила; сначала налила ему чаю.

— Знаете что, Николай Сергѣичъ... вамъ бы слѣдовало иначе ему отвѣтить.

— Въ какомъ смыслѣ?

— Я не хочу вѣрить, чтобы у васъ не было своего credo...

и очень глубокаго. Да и онъ, только чтобы эффектно препираться, напускаетъ на себя чуть не анархизмъ.

— Анархисты—люди съ очень строгой платформой, Марья Ѳедоровна... самые ярые сектанты изъ всѣхъ, какіе только водятся въ началѣ двадцатаго вѣка. И вашъ Викторъ—слишкомъ нѣжно любитъ свою особу, чтобы ему поступить подъ началъ къ какой бы то ни было доктринѣ. А впрочемъ, къ чему все это? За глаза я не скажу о немъ больше ни слова.

— Это нехорошо.

— Почему?

— Вы—умышленно или нѣтъ—заставили меня... какъ вы это называли... изъ химіи... опустить...

— Лакмусовую бумажку?

— Да, для анализа.

— И вамъ жаль своего прежняго... святого?

Лицо Марьи Ѳедоровны повела нервная усмѣшка.

— Вы... заставили меня... защитника по профессіи посадить на скамью подсудимыхъ.

— Вы это серьезно, Марья Ѳедоровна?—спросилъ онъ другимъ тономъ.

— Очень.

— Полноте! Навѣрное и раньше... васъ приводило въ недоумѣніе... такое балансированіе вашего Виктора. И сегодня вы ставили ему сами вопросы, которые, рано или поздно, всплыли бы. Онъ—индивидуалисть. И выше свободы духа ничего не ставитъ. Имѣетъ на это полнѣйшее право. И я бы, на его мѣстѣ, совершенно такъ же чувствовалъ и поступалъ...

— Вы?—она остановила на немъ взглядъ.—Вы? Не вѣрю! Если въ васъ, Бучаевъ, не оказалось бы ничего, кромѣ дилетантства, это было бы еще печальнѣе.

— Мое амплуа, Марья Ѳедоровна,—самое маленькое. Помогать переоцѣнкѣ. Если вы, помаленьку, установите — простите еще химическій терминъ — удѣльный вѣсъ вашего Виктора — лучшаго нельзя ничего и желать. Не будетъ иллюзій, не будетъ и неразумной требовательности.

— Не будетъ... и...

Она не договорила.

— Чего?

— Не будетъ и того, что для женщины дороже всего.

— Любви, что-ли? Почему же? Какъ будто любятъ только своихъ идоловъ? Любятъ и тѣхъ, кто ниже насъ, кто нуждается въ нашей поддержкѣ, а иногда—въ жалости.

— Ни того, ни другого такому человѣку, какъ Викторъ, не надо.

— Какъ знать! Жизнь подсиживаетъ и не такихъ богатырей.

И оба вдругъ смолкли.

— Ахъ, Николай Сергѣичъ, Николай Сергѣичъ!

Этотъ возгласъ вырвался у нея вмѣстѣ съ жестомъ правой руки.

Ихъ какъ будто стѣсняло взглянуть другъ на друга, и говорить на ту же тему никому изъ нихъ больше не хотѣлось.

Жаръ еще не спадалъ.

IX.

Николай рѣшилъ уѣхать совсѣмъ, черезъ два дня.

„Довольно, — повторялъ онъ, шагая по тропинкѣ въ гору, прямо къ калиткѣ сада усадьбы Зубровыхъ.—Достаточно на одинъ *перзонъ!*“—про себя выговорилъ онъ съ нѣмецкимъ акцентомъ.

Ему было болѣе не по себѣ, чѣмъ когда-либо, въ послѣднее время.

У Лодыгиныхъ началось что-то для него почти что невыносимое.

Себѣ самому онъ не хочетъ лгать. Къ Марьѣ Ѳедоровнѣ его тянетъ.

Насколько?

Можно ли за себя поручиться? Все зависитъ отъ того, какъ сама женщина начнетъ реагировать.

Онъ—не „снобъ“, и презираетъ всякое умышленное доктринерство. А вѣдь она была—по своему—вправѣ намекнуть ему вчера, что „лакмусовая бумажка“ пущена имъ была въ ходъ прямо затѣмъ, чтобы подкопаться подъ престижъ супруга и предложить себя на его мѣсто.

Она сказала это, правда, вскользь, а онъ сталъ оправдываться, когда надо было пропустить это мимо ушей.

И вышло глупо!

А въ ней, кажется, дѣйствительно, началъ копошиться червякъ анализа. Ея Витя уже начинаетъ ее смущать. И какъ-разъ, послѣ той адвокатской реплики, въ бесѣдкѣ, за чаемъ, онъ сталъ еще сильнѣе форсить своей свободой духа и болтаетъ цѣлый день хвастливо и задорно. Какъ-то сразу поглупѣлъ.

Въ концѣ недѣли онъ возвращается въ Москву. Оставаться съ глазу на глазъ съ его женой въ такомъ настроеніи—нельзя.

„И что же выходитъ, любезный другъ Николай Сергѣичъ?—спросилъ онъ себя, поднявшись на половину крутого пригорка, гдѣ онъ присѣлъ на дернъ и закурилъ. — Стало, вы изволите удирать? По россійской замашкѣ... сначала курочкѣ: *цыпъ-цыпъ*, а какъ она подойдетъ—сейчасъ и на попятный?"

Онъ вспомнилъ такую статью, давно всѣми забытую, автора романа „Что дѣлать". Кажется, она называется: „Русскій человѣкъ на rendez-vous"?

Гдѣ же тутъ послѣдовательность? Гдѣ логика? Онъ считаетъ себя спеціалистомъ по срыванію масокъ. „Иди дальше! Лодыгинъ—„цаца", драпирующійся, когда нужно, въ соціализмъ и даже въ анархизмъ. Выведи его на чистую воду передъ милой, талантливой бабенкой. Это—хорошее дѣло. Изъ такой тактики не слѣдуетъ, что ты долженъ непремѣнно поступить въ его замѣстители".

Пристыдивъ себя, Николай все-таки остался при томъ выводѣ, что надо отсюда уѣхать. Передъ нимъ еще цѣлый городской сезонъ. Вѣдь онъ хотѣлъ провести его въ Москвѣ. Времени еще довольно.

Но все-таки ему было не по себѣ. Онъ называетъ такое состояніе „душевной диспепсіей".

Сегодня, когда онъ проснулся, очень рано, чуть не въ пятомъ часу, и лежалъ еще въ постели, рядомъ съ спальней, откуда доносилось сонное дыханіе Лодыгина,—ему весь его „habitus", то, что онъ изъ себя изображаетъ — представился въ „паскудномъ" свѣтѣ.

Вѣдь интересная Марья Ѳедоровна, на прощанье, можетъ сказать ему, пожалуй, и въ присутствіи своего мужа:

— Бучаевъ! Да выложите же и свои карты на столъ! Что же *вы* такое? Таинственный незнакомецъ старинной мелодрамы? Анархистъ, народникъ-революціонеръ или сторонникъ экономическаго матеріализма? Что вы, въ сущности, дѣлаете? Какую *анкету* выполняете? Распространяете какое-нибудь подпольное изданіе, выдаете себя за что-нибудь крестьянамъ? А если вы ни то, ни другое, ни третье, то неужели вся цѣль вашего существованія—запусканіе лакмусовой бумажки въ растворы, для распознаванія надлежащаго цвѣта разныхъ обывателей?

И не правъ ли „франтъ-адвокатъ", находя, что они оба—одного поля ягода, оба—*индивидуалисты*, которые ничего не хотятъ и не должны „брать въ серьёзъ", среди такого обще-

ства, гдѣ нѣтъ никакой санкціи для какихъ бы то ни было твердыхъ этическихъ основъ.

Разумѣется, никакого общепризнаннаго credo нѣтъ нигдѣ—ни въ хваленой западной Европѣ, ни въ Америкѣ, нигдѣ! „Bellum omnium contra omnes“, — какъ сказалъ давнымъ-давно умнѣйшій скептикъ.

И начни онъ—не только въ усадьбѣ господъ Зубровыхъ, но и въ столовой университетскаго своего товарища Лодыгина—излагать свое альтруистическое „исповѣданіе“ вѣры—ему не повѣрятъ, сочтутъ его фразеромъ или „лукавымъ мужиченкомъ“, который хочетъ „втереть имъ очки“, а шатается, яко бы безъ дѣла, какъ эмиссаръ заграничныхъ террористовъ.

Въ ихъ глазахъ онъ—пустѣйшій малый. Правда, гдѣ-то попи-сываетъ и этимъ кормится. Но мало ли нынѣче развелось строчилъ?

„А бабенка все-таки смущена!“ — вдругъ воскликнулъ онъ мысленно, и однимъ взмахомъ поднялся на ноги.

И смущеніе это онъ приписываетъ не тому, что онъ, лично, какъ мужчина, сталъ ее интересовать, а его лакмусовой бумажкѣ, которую она теперь начинаетъ также опускать въ тотъ растворъ, изъ котораго состоитъ личность ея мужа, великолѣпнаго діалектика, Виктора Петровича Лодыгина, не смущающагося тѣмъ, что и про него будутъ повторять:

„Воспѣлъ Гарибальди,
Воспѣлъ и Франческо“...

Черезъ фруктовый садъ, куда вела съ пригорка калитка, Бучаевъ, захваченный своимъ раздумьемъ, прошелъ и въ цвѣтникъ, передъ балкономъ. Онъ выбралъ нарочно такой часъ, когда Эліодоръ Ильичъ, навѣрное, уѣхалъ на хуторъ, а сестра должна быть дома.

Онъ съ ней простится, скажетъ ей нѣсколько истинъ, если она сама начнетъ ему дѣлать какіе-нибудь „намэки и упрэки“,—выговорилъ онъ, дурачливо, про себя; но врядъ ли она сочтетъ это нужнымъ.

Сестра будетъ рада, что онъ уберется отсюда. Она поняла, что они съ нею ни къ какому соглашенію придти не могутъ; да ей теперь и все равно—какъ онъ смотритъ на нее, свою бывшую руководительницу. Такіе два экземпляра, какъ Зубровъ и его сестра — самые закоренѣлые. Ихъ никто не сшибетъ съ ихъ позиціи. Они—столпы россійской культуры. Только ихъ примѣръ и можетъ поднять народную массу, разъѣдаемую безпомощностью, неумѣлостью, дремучимъ невѣжествомъ, пьянствомъ и половой распущенностью.

Подойдя къ балкону, онъ увидалъ въ открытомъ окнѣ кабинета Эліодора Ильича курчавую, рыжеватую голову приказчика. Онъ стоялъ спиной къ окну. Изъ-за его фигуры бѣлѣло что-то похожее на женскую блузу.

„Да это сестрица!“ — подумалъ Николай и пріостановился.

Его немного удивило то, что приказчикъ, въ такой ранній часъ, что-то докладываетъ ей.

Протянулось не больше одной минуты. На балконѣ, откуда шли два схода изъ расшатавшагося мшистаго камня, показался приказчикъ въ холщевомъ пиджакѣ нараспашку и въ высокихъ сапогахъ.

Фуражку онъ еще держалъ въ правой рукѣ, а въ лѣвой—нагайку.

Видно было, что онъ только-что соскочилъ съ сѣдла. На его красномъ отъ загара лбу блестѣли на солнцѣ капельки пота.

Оглянувшись еще разъ на окна, онъ ебѣжалъ бочкомъ по сходу, съ той стороны, гдѣ остановилси Бучаевъ.

— Имѣю честь кланяться,—выговорилъ онъ съ поклономъ.

— Вы были у Эліодора Ильича?—спросилъ Бучаевъ.

— Никакъ нѣтъ... Елена Сергѣевна однѣ дома. Я присланъ съ хутора... съ запиской отъ Эліодора Ильича.

— Что-нибудь экстренное?

Бучаевъ прищурился.

— И весьма, Николай Сергѣичъ. Вы нѐшто не изволили слышать?

— Ничего не слыхалъ. Что-нибудь съ самимъ Эліодоромъ Ильичемъ приключилось?

— Ни, Боже мой! А у насъ, въ окру́гѣ, весьма неблагополучно.

— Чѣмъ?

— Вчерашняго числа... крестьяне графа, — фамиліи онъ не назвалъ,—произвели открытое нападеніе на графскую экономію, управляющаго связали и разграбили все, что̀ было въ амбарахъ и кладовыхъ.

— Быть не можетъ!

— Помилуйте! Ужъ тамъ воинская команда находится въ настоящій моментъ.

Откашлянувъ въ руку, приказчикъ пододвинулся къ нему.

— И у насъ... все на чеку́...

— Что̀ такое?

— Елена Сергѣевна вамъ сами разскажутъ. Онѣ мнѣ дали записку. Поскачу сейчасъ въ станъ. Прошу почтительнѣйше извинить!

Онъ поклонился и пошелъ къ калиткѣ, противъ кухни, низменнаго одноэтажнаго дома, стоящаго при въѣздѣ во дворъ усадьбы.

„Начинается!“ — воскликнулъ про себя Николай, и быстро взбѣжалъ по ступенькамъ схода.

— Лена!—окликнулъ онъ съ балкона.— Ты еще здѣсь?

Изъ окна выглянула голова Елены Сергѣевны.

— Это ты... Николай?

Онъ сразу замѣтилъ, что она сильно разстроена — по лицу красныя пятна, даже волосы вихрятся на вискахъ.

— Я! Пришелъ проститься. Можно къ тебѣ?

— Пожалуйста!

Она встрѣтила его на порогѣ мужнина кабинета.

На ней была длинная бѣлая блуза и коса только прихвачена на затылкѣ, съ распущенными по плечамъ волосами.

— Ты, кажется, очень разстроена? — спросилъ Николай, пожимая ея руку.

И рука ея—маленькая, нервная—была слегка влажная отъ волненія.

— Есть отъ чего!

— Ты послала конторщика въ станъ?

— Это тебя удивляетъ, Николай?

— Я ничего толкомъ не знаю. Позволь присѣсть. Я усталъ —пришелъ пѣшкомъ.

— Садись, пожалуйста.

Голосъ у нея перехватывало.

Они сѣли у того окна, откуда онъ увидалъ ее изъ-за спины приказчика.

— Эліодоръ долженъ сейчасъ быть. Онъ прислалъ мнѣ записку, гдѣ проситъ отослать тотчасъ же приказчика въ станъ.

— Аграрное движеніе?—остановилъ ее Николай.

— Ха-ха! Ты радъ?

— Оно не измѣнится, мой другъ, оттого, что я радъ или не радъ.

— Ну, хорошо! Спорить я не хочу. Не до того. Лучше я тебѣ разскажу, что я сегодня утромъ испытала, когда Дора уже уѣхалъ на хуторъ. Это для тебя великолѣпная сцена.

— Я беллетристикой не занимаюсь.

— Все равно... для корреспонденціи.

Она начала разсказывать въ приподнятомъ ироническомъ тонѣ.

— Напилась я чаю... и пошла—какъ всегда—пройтись на выгонъ, туда,—указала она рукою.

— Чей выгонъ?

— Нашъ. Но мы давно съ ними размежевались и никакихъ исторій не имѣемъ.

— Ну, и что же?

— Идетъ ко мнѣ какой-то пьяный мужичонка. Я имени его не знаю... Прямо-таки на меня... шапки не снимаетъ.

— А это развѣ обязательно?

— Мы этого съ Эліодоромъ ни отъ кого не требуемъ... Подошелъ и протягиваетъ мнѣ свою корявую, грязную руку и сейчасъ же заявляетъ... и такимъ тономъ, точно онъ земскій начальникъ...

— Когда тотъ обращается къ мужичью, а не къ своему брату-дворянину?

— Ну, положимъ. Дай мнѣ, пожалуйста, досказать. Да, заявляетъ: „Землю пришли дѣлить!“—Какую землю?—спрашиваю его мягко. „Чтобы свой выгонъ былъ“. И сталъ мнѣ пространно, довольно толково для пьянаго, объяснять, что, видите ли, они могутъ такъ отъ насъ отгородиться, что намъ не будетъ проѣзда въ нашу усадьбу.

— Ловко!

Она взглянула на брата и чуть замѣтно пожала плечами.

— Да, было бы очень ловко, еслибъ имъ всѣмъ пришла эта геніальная комбинація.

— Можетъ быть, онъ и заговорилъ такъ послѣ схода, со словъ стариковъ?

— Погоди! Проѣзжали тутъ телѣги, онъ ихъ остановилъ и сталъ кричать мужикамъ: „Робята, а робята!—она передразнила говоръ мужика:—завтра канаву копать! Чего смотрѣть!“

— Чего смотрѣть!—повторилъ Николай, и онъ сдѣлалъ надъ собою усиліе, чтобы не улыбнуться, даже глазами.

— Да такъ и кричалъ!

— Что же мужики?

— Они смѣялись; постыдили его, что онъ все это болтаетъ съ пьяныхъ глазъ. Я бросилась къ частоколу и слушала. И мнѣ казалось, что такъ вотъ именно начинаются иногда очень крупныя вещи.

— Другими словами, ты почуяла, Лена, начало конца?

— Я не знаю. Но на меня напала жуть. И только-что я пришла домой, какъ прискакалъ приказчикъ съ запиской отъ мужа: другая часть мужиковъ того же села выѣхала пахать наше озимое поле и прислала сказать въ хуторскую контору, что земля эта должна отойти къ нимъ... А?! Какъ тебѣ это нравится?

— Что же я могу, сестра, сказать тебѣ на это? Хитрить не хочу. Вѣдь мужики всегда смотрятъ на господскую землю, какъ на свою коренную собственность, находящуюся у васъ только... въ узуфру́ктѣ, а по-ихнему — въ неправильномъ захватѣ.

— Мы ничего не захватывали! — вскричала она, блѣднѣя, снялась съ мѣста и заходила по комнатѣ.

— Вы такъ, а они—по-своему. Для нихъ кто не работаетъ самъ, тотъ и не имѣетъ права ѣсть. Ты вѣдь не забыла, что апостолъ Павелъ говоритъ это буквально въ одномъ посланіи: „кто не желаетъ трудиться, тотъ *да не ѣстъ*“. Ты слышишь, въ повелительномъ наклоненіи: *да не ѣстъ*!

— Мы не работаемъ! Мы съ Эліодоромъ?! Ха, ха!

Смѣхъ ея уже отзывался истерикой.

— Для мужика ваша работа — баловство... и *узурпація*, хотя бы вы изнывали надъ вашимъ хозяйствомъ. И приказчикъ вашъ усердствуетъ день-деньской; но для нихъ онъ—жуликъ и прохвостъ.

— Довольно, Николай! Я повторяю, что не хочу вовсе препираться съ тобой! Жалѣю, что разсказала тебѣ...

— И такіе корректные землевладѣльцы, какъ вы съ Эліодоромъ Ильичемъ—должны ждать всего...

Остановившись передъ нимъ, Елена Сергѣевна спросила его въ упоръ:

— Тебя это не удивляетъ? Ты, быть можетъ, былъ уже освѣдомленъ?

— Нѣтъ... на порядокъ въ ваше село я не хожу... Пора тебѣ знать, что я мужика никогда не обсахаривалъ. И устои деревни для меня прелести никакой не представляютъ.

— Постой! — перебила она его и быстро повернулась къ двери въ корридоръ.—Это Дора! Его шаги!

И Николай разслышалъ сильные мужскіе шаги съ легкимъ скрипомъ.

— Дора! Ты?—вскричала Елена Сергѣевна, выглянувъ въ корридоръ.

— Я... Лена!

Зубровъ поцѣловалъ ее въ лобъ. Онъ былъ во всемъ бѣломъ и еще не успѣлъ снять бѣлой же шляпы.

Увидавъ Бучаева, онъ снялъ шляпу и бросилъ ее на диванъ, около двери.

— Николай Сергѣичъ!—окликнулъ онъ съ особенной интонаціей.

— Эліодору Ильичу мое почтеніе—съ мѣста отвѣтилъ ему Бучаевъ.

— Comme ça se trouve! Вы не посланцомъ ли отъ вашего пріятеля Лодыгина?

Ноздри Зуброва вздрагивали и глаза злобно улыбались.

— Въ чемъ дѣло?—спросила измѣнившимся голосомъ Елена Сергѣевна.

— Это великолѣпно!

Зубровъ бросился въ кресло у письменнаго стола, не подавая руки шурину, и уперся обѣими руками о свои мускулистыя лядвеи.

— Великолѣпно!—звонко, высокимъ теноромъ опять воскликнулъ онъ.—Представь себѣ, душа моя,—обратился онъ къ женѣ:—была еще депутація отъ господъ cultivateur'овъ... и заявила мнѣ, что они вспашутъ урочище и честь-честью начинаютъ со мною же дѣло. А защитника они найдутъ себѣ дарового и самаго „дошлаго“. И кого бы ты думала, Лена?

— Не знаю, Дора.

— Пріятеля Николая Сергѣича—господина Лодыгина. Вамъ, вѣроятно, это было уже извѣстно?—спросилъ онъ Бучаева.

Сестра пронизала его взглядомъ.

— Вы ошибаетесь,—очень сдержанно отвѣтилъ Николай.—Я слышу это отъ васъ отъ перваго.

— Будто? Такъ вы не изволили пожаловать къ намъ въ качествѣ, такъ сказать, парламентера?

— Онъ пришелъ проститься,—поспѣшила заявить Елена Сергѣевна.

— Превосходно! Вашему товарищу и пріятелю... господину Лодыгину... предстоитъ пожать новые лавры.

— Можетъ быть, но согласитесь, я тутъ не при чемъ?

— О, конечно! Вы только производите вашу анкету? То, что̀ теперь начинается—потѣшное зрѣлище! Во всемъ мірѣ это слыветъ за разбой... а по ученому: аграрное движеніе... какъ, бишь, это,—обернулся онъ къ женѣ,—во время французской революціи называли?..

— Жакрія,—выговорила она съ усмѣшкой.

— Какія все звонкія слова!

— Эліодоръ Ильичъ,—остановилъ его Николай,—вы слишкомъ взволнованы, дѣло понятное.

— Мнѣ нечего волноваться,—выговорилъ, блѣднѣя, Зубровъ и всталъ съ кресла.—Не на такого напали! Явись они ко мнѣ на хуторъ, я сумѣю ихъ встрѣтить.

— На здоровье!—выговорилъ такъ же сдержанно Николай.— А за симъ позвольте пожелать вамъ всего хорошаго. Прощай, Лена!

Онъ поклонился имъ обоимъ и пошелъ медленно черезъ гостиную на балконъ.

— Имѣю честь кланяться! — раздался ему вслѣдъ возгласъ Зуброва.

X.

Въ простой и прохладной спальнѣ Марья Ѳедоровна немного замѣшкалась съ своимъ туалетомъ къ завтраку.

Она сегодня не ходила утромъ работать въ паркъ—извинилась передъ самой собою тѣмъ, что съ утра стоитъ ужасная жара.

Но это былъ только предлогъ.

Ей не по себѣ — вродѣ того, какъ было вчера Бучаеву, когда онъ шелъ отъ Лодыгиныхъ въ усадьбу Зубровыхъ.

Что-то вошло въ ея внутреннюю жизнь, какой-то клинъ, и чѣмъ его вышибить—она не знаетъ. Всю эту недѣлю—особенно послѣ разговора въ бесѣдкѣ, за чаемъ—голова ея работаетъ совсѣмъ по новому.

И одна ли голова?

Въ ней точно все перевернуто, съ самаго дна ея существа. Она недовольна и собой, и своимъ Витей... и тѣмъ гостемъ, который сегодня покидаетъ ихъ, и такъ „скоропостижно“, точно они его съ мужемъ чѣмъ-нибудь обидѣли или онъ посчитался съ ними.

Неужели оттого только Бучаевъ не хочетъ еще погостить, что послѣ отъѣзда мужа — они остались бы вдвоемъ, во всемъ домѣ,—а это неловко?

Для такого „безпредразсудочнаго“ человѣка это слишкомъ уже корректно, если не фатовато: точно будто для нея была бы опасность—остаться съ нимъ.

Ну, онъ могъ бы уѣхать вмѣстѣ съ Викторомъ. Тотъ ему предлагалъ; но Бучаевъ не захотѣлъ.

Она перебрала мысленно и то, что̀ Николай Сергѣевичъ разсказалъ вчера, вернувшись изъ усадьбы своей сестры. Тамъ его заподозрили въ томъ, что онъ подбилъ ихъ крестьянъ обратиться къ Лодыгину. Но въ чемъ же они-то виноваты? Вѣдь онъ прекрасно знаетъ, какъ все это вышло. Да и, кромѣ того, онъ такъ былъ далекъ отъ тѣхъ образцовыхъ землевладѣльцевъ, что разрывъ долженъ былъ произойти не нынче—завтра.

„Все это не то!“—повторяетъ Марья Ѳедоровна, ходя маленькими шагами между кроватью и туалетнымъ столикомъ. Она и одѣвается-то вяло, еле-еле причесалась, и теперь въ полномъ недоумѣніи — что̀ ей надѣть: какую выбрать блузу и какую юбку?

Зачѣмъ этотъ Бучаевъ разбудилъ въ ней, безъ всякаго повода, цѣлый рядъ вопросовъ и направилъ ихъ на оцѣнку „удѣльнаго вѣса“ личности ея Виктора?

Зачѣмъ? Чтобы подкопаться подъ *его* престижъ? Съ донжуанскими намѣреніями? Это на него не похоже, а если безъ всякихъ разсчетовъ, то это еще хуже.

Что же это: непростительное дилеттантство?

Ей не хочется отвѣтить утвердительно. Это было бы слишкомъ мелко для него.

Почему мелко? Развѣ она его знаетъ? И что̀ это за роль: быть добровольнымъ соглядатаемъ, производить свои опыты съ „лакмусовой бумажкой“ и ловить всѣхъ на противорѣчіи слова съ дѣломъ?..

Это отзывается чѣмъ-то старомоднымъ. И Викторъ очень вѣрно называетъ его новѣйшимъ Базаровымъ, т.-е. самовлюбленнымъ умникомъ.

Но ей трудно думать и чувствовать въ такомъ направленіи.

Что̀ бы ни сидѣло въ Бучаевѣ—злобность, фатовство или дилеттантство, но Викторъ для нея уже *не* тотъ, чѣмъ былъ недѣлю, много десять дней назадъ.

Тогда, за чаемъ, въ бесѣдкѣ, когда вышелъ у нихъ „словесный турниръ“—она такъ его назвала—Викторъ сначала занялъ хорошую позицію; но ему не удалось сбить Бучаева съ его позиціи; а подъ-конецъ онъ взялъ совсѣмъ неудачный тонъ.

Впервые выказалъ себя совсѣмъ не такъ, какъ бы она хотѣла. И неужели вотъ этотъ-то и есть настоящій Викторъ Петровичъ Лодыгинъ; а не тотъ человѣкъ, котораго она полюбила?

И сдѣлалъ это не кто другой, какъ все тотъ же Бучаевъ.

Минутами въ ней все внутри вскипитъ на этого „наблюдателя“. А потомъ она начнетъ все „по ниточкѣ“ разбирать, и тогда выходитъ, что онъ ни въ чемъ не виноватъ, если взять абсолютно; правда, онъ, заглазно, началъ подкапываться подъ престижъ ея мужа, но въ ихъ турнирѣ, за чаемъ, тамъ, въ бесѣдкѣ, онъ то же самое говорилъ и въ лицо Виктору.

Марья Ѳедоровна наконецъ-то была готова къ завтраку, позвонила, и когда вошла камеристка,—спросила ее:

— Господа вернулись?

— Барина еще нѣтъ; а Николай Сергѣичъ дома-съ.

— А который часъ?

— Двѣнадцати еще не било, Марья Ѳедоровна.

— А гдѣ Николай Сергѣичъ?

— Они читали газету на террасѣ.

— Хорошо. А къ завтраку все готово?

— Давно готово-съ.

Отпустивъ горничную, Марья Ѳедоровна прошлась еще разъ по комнатѣ, поправила волосы и воротникъ свѣтлой шолковой блузы передъ зеркаломъ туалетнаго столика и направилась къ террасѣ, заглянувъ мелькомъ въ открытую дверь столовой, гдѣ, дѣйствительно, все было уже накрыто къ завтраку и свѣжіе цвѣты красовались по срединѣ круглаго стола.

Бучаевъ сидѣлъ спиной къ двери на террасѣ и читалъ газету.

— Николай Сергѣичъ!— окликнула она его съ порога.

Онъ повернулъ голову.

— А! Марья Ѳедоровна! Какъ вы тихо...—сказалъ онъ поднимаясь съ качающагося кресла.

— Сидите... я возьму стулъ.

Подавая ему руку, она спросила замедленно:

— Такъ вы во что̀ бы то ни стало... сегодня скрываетесь?

— „Скрываетесь“? Вы точно хотѣли сказать: „бѣжите“.

— Какъ хотите...

— Мнѣ очень лестно, что вы такъ говорите... если только это не фраза любезной хозяйки.

— Ахъ, полноте, Бучаевъ!

На переносицѣ ея красиваго лба появилась хмурая складочка.

— Ну, простите. Не извольте гнѣваться.

— Даже не хотите выѣхать вмѣстѣ съ Викторомъ, какъ онъ предлагаетъ вамъ?

— Пора.

— Будто?

Ея взглядъ — немного исподлобья — остановился на немъ — полусерьезный, полуулыбающійся.

— Вы хотите меня на чемъ-то изловить, Марья Ѳедоровна. Ловите... я изворачиваться не буду.

— Ахъ, Бучаевъ! Когда вы пускаете свой ускользающій тонъ— нѣтъ возможности заставить васъ брать другія ноты.

— Отрицаю!

— Вотъ и въ настоящую минуту... Вы... скрываетесь. Мы не увидимся до осени, если вы попадете въ Москву.

— Думаю пробыть тамъ часть сезона.

— Но это слишкомъ долго и неопредѣленно. Вы можете попасть туда черезъ мѣсяцъ, черезъ два, черезъ три. А я не хочу, чтобы мы съ вами простились... на какомъ-то фальшивомъ аккордѣ.

— Почему фальшивомъ?

Онъ сразу зачуялъ въ ней желаніе объясниться и рѣшилъ до этого ее не допускать. И она это почувствовала.

— Оставьте!—нервно воскликнула она и подалась впередъ.— Вы, Бучаевъ, лишили меня моего душевнаго равновѣсія. Не возражайте! Вы сами очень хорошо видите, что это такъ.

— И вы спросите меня сейчасъ же,—продолжалъ онъ за нее,—какое я имѣлъ на это право?

— Нѣтъ. Я этого не скажу. Такъ вышло. Это—ваша спеціальность... И никому не запрещено—выводить и васъ на свѣжую воду.

— И весьма!

— Но вы видите, Бучаевъ... вы меня заразили вашимъ химическимъ анализомъ, вашей... какъ это называется...

— Лакмусовой бумажкой,—подсказалъ онъ.

— Да! лакмусовой бумажкой! Благодаря вамъ... Викторъ, въ эти дни, показалъ многое въ своемъ „я“, что̀ не такъ-то легко было разглядѣть. Другая бы не сказала вамъ этого... даже еслибъ и не любила совсѣмъ своего мужа... только изъ-за чисто женскаго тщеславія.

— Не сомнѣваюсь.

— Но что̀ же будетъ дальше? Брать на себя роль какого-то тайнаго контролера, ловить его на всякомъ самообманѣ или на чемъ-нибудь хуже того—я не желаю. Пересоздавать его—это можетъ оказаться мнѣ не по силамъ. Или поведетъ къ цѣлому ряду столкновеній и къ охлажденію... съ одной стороны... или съ обѣихъ. Развѣ это не такъ?

— Такъ, Марья Ѳедоровна.

— И вы на все это сознательно шли, Бучаевъ?

Онъ замѣтно покраснѣлъ и даже бросилъ газету на широкія перила террасы.

— Простите... вы меня поставили прямо передъ стѣной... А у меня и безъ того, Марья Ѳедоровна, скверно на душѣ!— вырвалось у него противъ воли. Онъ не выдержалъ своего тона. И это и взбѣсило, и облегчило его.

— Вотъ видите,—промолвила она, смущенная этими порывистыми словами Николая.

— Если я въ чемъ виноватъ, Марья Ѳедоровна,—продолжалъ онъ также искренно,—то дѣло сдѣлано. Назадъ ничего вернуть нельзя. Вы согласны?

— Тѣмъ хуже.

— Вы боитесь охлажденія. Съ чьей стороны?

— Съ обѣихъ.

— Какъ же тутъ быть? Одно изъ двухъ: если въ немъ, въ вашемъ Викторѣ—закваска такая, которая мѣшаетъ быть цѣльнымъ, вы только промучитесь съ нимъ. А ошибаюсь я—вы его передѣлаете по своему.

— Но мнѣ нужна поддержка! Кто изъ насъ любитъ, а кто только дозволяетъ себя любить—я не добиралась. И боюсь этого вопроса. Если люблю больше я—успѣха не будетъ. Тутъ нуженъ такой человѣкъ, такой товарищъ, какъ вы. Самолюбіе у Виктора страшное! Онъ будетъ слѣдить за собою безпощадно, только изъ-за того, чтобы не дать вамъ предлога поймать его въ чемъ-либо.

— На такую роль я не пойду, Марья Ѳедоровна.

И онъ покачалъ головой.

— Это жестоко, Бучаевъ!

— Вы можете оказаться сильнѣе всякаго такого спеціалиста, какимъ вы изволите считать меня. Молодая женщина... красивая, съ талантомъ... съ тонкимъ умомъ, съ выдержкой... ужъ если вы его не пересоздадите, то нечего и мечтать объ этомъ нашему брату.

— А если выйдетъ... крахъ?

— Какой?

— Въ этой борьбѣ разобьется сердце? Что тогда?

И два большихъ и глубокихъ глаза ждали отъ него отвѣта.

— Я не пророкъ, Марья Ѳедоровна.

Оба замолчали. Она отодвинула стулъ, потомъ неторопливо встала и отошла къ периламъ, лѣвѣе отъ него.

— Благодарю васъ, Николай Сергѣичъ,—выговорила она значительно.

— За что?

— За урокъ.

Его что-то толкнуло къ ней; но онъ сдержалъ себя.

Изъ окна гостиной раздался возгласъ Лодыгина:

— Вы меня ждете! Простите. Пожалуйте въ столовую. Я адски проголодался!

Гдѣ-то горѣли лѣса. Солнце, на закатѣ, купалось раскаленнымъ шаромъ въ пеленѣ изсѣра-мѣднаго цвѣта.

Въ саду такъ же душно, какъ и на террасѣ. Запахъ гари явственно доносится до дома.

Лодыгины оба томятся отъ жары и этого надвигающагося смрада.

Онъ показался какъ разъ послѣ отъѣзда Бучаева, часа за два до ихъ обѣда. Викторъ Петровичъ—за обѣдомъ—былъ нервенъ, молчалъ, что̀ съ нимъ никогда не случается. Марья Ѳедоровна—также. Они точно боялись оба наскочить на щекотливую тему.

За обѣдомъ дѣти расхныкались, и отецъ приказалъ ихъ увести, что̀ матери не понравилось; но она не протестовала.

Послѣ обѣда, Викторъ Петровичъ пошелъ отдохнуть. Эту московскую привычку онъ сталъ пріобрѣтать еще съ зимы. Женѣ его она не нравится; но она ему, до сихъ поръ, не дѣлала замѣчаній.

Они хотѣли съѣздить къ казенному лѣсничему, въ четырехъ верстахъ. У него хорошенькій домикъ въ дубовомъ лѣсу; но въ такой духотѣ и мглѣ—какая же охота!

Подали самоваръ на террасу.

Викторъ Петровичъ ходитъ взадъ и впередъ большими шагами. Марья Ѳедоровна сѣла за столъ, но еще не собралась заваривать чай.

— Муся все еще не унимается... хнычетъ?—спросилъ онъ, подходя къ столу.

— Я боюсь, что у нея что-нибудь начинается.

— Что̀ еще?

— Корь... если не скарлатина.

— Этого еще недоставало!

Тонъ этого возгласа покоробилъ ее. Но она промолчала.

Мужъ ея опять зашагалъ по террасѣ, усиленно курилъ и прищуривалъ глаза на цвѣтъ заката.

— Россія—матушка! Обязательная серія пожаровъ... начало августа. Ужъ не высококультурному ли эсквайру Зуброву въ его заказники—подпустили краснаго пѣтуха? А? Какъ ты думаешь, Маруся?

Марья Ѳедоровна сначала поглядѣла на него вбокъ.

— Твои новые кліенты?—спросила она, усмѣхнувшись.

— Можетъ быть. Одно къ одному. Неизбѣжное crescendo.

Она промолчала.

— Только я не ожидалъ отъ такого свободнаго духомъ, за какого выдаетъ себя Бучаевъ... онъ точно обидѣлся, что его бо-фрёръ заподозрилъ въ интригѣ... въ науськиваньи крестьянъ и

въ посредничествѣ между ними и мною. И сейчасъ демонстративно удалился.

— Мотивъ совсѣмъ не тотъ.

— А какой же? — живѣе спросилъ Викторъ Петровичъ, и присѣлъ къ чайному столу.

— Не пожелалъ гостить у пріятеля, съ которымъ у него нѣтъ настоящей, товарищеской связи.

— Другими словами, поставилъ мнѣ въ поведеніи двойку? Ха, ха! На здоровье! Я не смущаюсь...

— Но послушай, Викторъ,—остановила она его движеніемъ руки.—Скажи мнѣ: ты взялся защищать крестьянъ, запахавшихъ у Зуброва, будешь ихъ защитникомъ, если они подпустятъ ему и краснаго пѣтуха?

— Не откажусь!

— И въ то же время выступишь повѣреннымъ—она подчеркнула это слово—такихъ господъ, какъ тотъ дворянинъ божьей милостью и тотъ... первый чинъ?

— Условія я не подписывалъ, но не вижу причины уклоняться... И почему ты завела объ этомъ именно разговоръ, Маруся? Кажется... l'incident est clos? Или тебя отчитывалъ еще разъ Бучаевъ? А?

Этотъ звукъ „а?“—немного въ носъ — еще сильнѣе покоробилъ ее.

— Твое дѣло, Викторъ. Но ты можешь впасть въ полный индифферентизмъ и смотрѣть на общественное дѣло только какъ на пьедесталъ для твоей репутаціи виртуоза слова...

— Почему не брехунца? Ты это сказала съ такой именно интонаціей.

— Викторъ! Я не хочу этого тона... и не заслуживаю его. То, что во мнѣ говоритъ—очень серьезно. А для тебя, какъ я начинаю замѣчать, все—„не суть важно“, и каждый имѣетъ право трактовать все „съ кондачка“, кромѣ своего драгоцѣннаго „я“.

— Ну, полно, Маруся! Ты нервна.

Онъ прикоснулся къ ея рукѣ.

— А ты, какъ всегда, уравновѣшенъ, Викторъ. Поздравляю тебя!

— Чего же ты наконецъ хочешь?—вскричалъ онъ, шумно снявшись со стула.—Тебѣ скучно безъ того обличителя „Условныхъ лжей“. Но вѣдь это ужасно позапылилось—заниматься передѣлкой устарѣлой книги доктора Нордау „Conventionelle Lügen“? Надо бы выдумать что-нибудь свѣженькое.

— Какой у тебя тонъ, Викторъ!

— Какой есть. Если онъ слишкомъ нервенъ—это понятно. Ты на что-то дуешься! Тебѣ скучно безъ Бучаева. Я его просилъ остаться. Не прикажешь ли скакать за нимъ въ догонку? Онъ тоже вродѣ какой-то истерички. Какая тоска! И какой все чисто дамскій вздоръ!..

Онъ бросилъ папиросу черезъ перила и сбѣжалъ въ садъ. Марья Ѳедоровна поглядѣла ему вслѣдъ, не обмолвившись ни однимъ словомъ.

П. Боборыкинъ.

РАБОЧІЯ СИЛЫ РОССІИ

и

ИХЪ ПРИМѢНЕНІЕ

I.

Если остановиться мыслью на средствахъ, предлагаемыхъ для излеченія нашихъ экономическихъ недуговъ, то ихъ придется раздѣлить на двѣ категоріи. Одна категорія этихъ средствъ имѣетъ соціальный характеръ и преслѣдуетъ цѣль облегченія положенія наиболѣе обездоленной части населенія; другая—выдвигаетъ экономическую задачу увеличенія производительности страны. Первую, соціальную задачу мы оставимъ въ сторонѣ; что же касается подъема производительности, то надежными средствами въ этой области считаются распространеніе и усовершенствованіе фабрично-заводской промышленности и возвышеніе сельско-хозяйственной культуры. Въ послѣднее десятилѣтіе истекшаго вѣка была предпринята грандіозная попытка сдѣлать Россію богатой путемъ развитія ея индустріи. А когда попытка эта потерпѣла неудачу—общественное мнѣніе съ особенной надеждой стало разсчитывать на поднятіе интенсивности сельскаго, преимущественно крестьянскаго хозяйства. Увеличеніе производительности труда и земли—на почвѣ сложившихся экономическихъ отношеній и путемъ испытанныхъ экономическихъ и техническихъ пріемовъ—вотъ общая формула, въ которую укладываются

наиболѣе распространенные взгляды на средства экономическаго подъема Россіи.

Такой ходъ мысли въ вопросахъ нашего экономическаго состоянія поддерживается и какъ бы обосновывается исторіей промышленнаго развитія передовыхъ цивилизованныхъ государствъ, достигшихъ высшихъ ступеней лѣстницы матеріальнаго преуспѣянія. Но судьба нѣсколькихъ странъ не составляетъ всего содержанія всемірной исторіи; а достиженіе нѣкоторыми націями—путемъ примѣненія опредѣленныхъ средствъ—высокихъ степеней матеріальнаго состоянія не доказываетъ, что эти средства приложимы повсюду и что внѣ этихъ средствъ нѣтъ путей, ведущихъ къ той же цѣли. Говоря иначе, мы не имѣемъ права утверждать, что хозяйственное развитіе по типу, указанному западной Европой, есть процессъ общій, приводящій къ одинаковымъ результатамъ всякую страну, выходящую изъ инертнаго состоянія. И если одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ современныхъ экономистовъ рѣшается утверждать, что современная экономическая организація европейскихъ обществъ есть явленіе до извѣстной степени случайное, и „безъ обладанія колоніями Европа, вѣроятно, кончила бы не капитализмомъ, а натуральнымъ хозяйствомъ“ [1]), то мы не можемъ à priori отвергнуть предположеніе, что не всякой странѣ удастся непремѣнно встрѣтить такую комбинацію обстоятельствъ, которая будетъ содѣйствовать ея капиталистической эволюціи; мыслимо предположить соединеніе гдѣ-либо условій, которыя помѣшаютъ достиженію этимъ путемъ матеріальнаго благополучія страны.

„Только сочетаніе двухъ фактовъ,—говоритъ Зомбартъ,—того, что западная Европа посредствомъ беззастѣнчиваго хозяйства, могла грабить чужія страны и что эти страны такъ богаты были благородными металлами—дѣлаетъ возможнымъ возникновеніе современнаго капитализма“. Но капитализмъ не только *возникъ* изъ „грабежа“ чужихъ странъ; онъ и развивается далѣе путемъ эксплоатаціи, обезсиливая и поѣдая слабыя и малокультурныя націи. Горькая судьба Ирландіи или Индіи, которымъ выпала честь служить для поддержанія промышленнаго развитія Англіи, слишкомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ объ истинности этого положенія. А если такъ, то фактическая исторія экономической эволюціи, разсматриваемой въ цѣломъ, должна представляться намъ процессомъ, въ которомъ преуспѣвающія націи поднимаются вверхъ по плечамъ и спинамъ побѣжденныхъ.

---

[1]) Вернеръ Зомбартъ. Современный капитализмъ. Изд. Горшкова. Т. I, стр. 367.

Эта двусторонность процесса экономической эволюціи ускользаетъ отъ нашего вниманія потому, что процессъ не разсматривается въ его цѣломъ. Изслѣдователей интересуютъ преуспѣвающія націи, а не отсталыя,—побѣдители, а не побѣжденные. Они посвящаютъ имъ все свое вниманіе, описываютъ и прославляютъ ихъ успѣхи и оставляютъ почти безъ освѣщенія вопросъ о томъ, какъ отражаются эти успѣхи на націяхъ, игравшихъ въ процессѣ выковыванія новаго хозяйственнаго строя роль наковальни, а не молота, и насколько такое раздѣленіе на молотъ и наковальню составляетъ необходимое условіе капиталистическаго прогресса.

Изъ этого мы выводимъ пока одно заключеніе, что матеріальные успѣхи передовыхъ государствъ, примѣнявшихъ опредѣленные методы экономическаго развитія, еще не служатъ гарантіей того, что тѣ же методы дадутъ благопріятные результаты вездѣ, гдѣ они будутъ примѣняться.

Зависимость промышленныхъ успѣховъ націи отъ наличности такихъ странъ, которыя служили бы ей опорой или могли сдѣлаться ея жертвой, обусловливается тѣмъ, что развитіе промышленности по капиталистическому типу приводитъ къ дисгармоніи между производительностью страны и ея спросомъ на продукты: запросъ внутренняго рынка не поспѣваетъ за ростомъ производительности. Ограниченіе ёмкости рынка капиталистическихъ странъ зависитъ, между прочимъ, отъ двухъ обстоятельствъ: отъ того, что разъединеніе промысловъ и земледѣлія, совершающееся въ такихъ странахъ, лишаетъ земледѣльцевъ дополнительныхъ заработковъ въ зимнее время, и что широкое примѣненіе машинъ ограничиваетъ спросъ на рабочую силу. Оба эти обстоятельства имѣютъ тенденцію сокращать доходы трудящагося населенія и ихъ спросъ на предметы потребленія, въ то время, какъ быстро растущее производство выкидываетъ на рынокъ новыя и новыя массы товаровъ. Развивающаяся нація обращаетъ тогда особенное вниманіе на рынки внѣшніе и принимаетъ разныя мѣры къ тому, чтобы стѣснить производство фабрикатовъ въ зависимыхъ отъ нея странахъ и заставить послѣднія принимать ея издѣлія. Страна, обращенная въ рынокъ для помѣщенія чужихъ фабрикатовъ, вынуждается такой политикой къ одностороннему развитію у себя земледѣлія, продукты котораго, въ видѣ жизненныхъ припасовъ и сырыхъ матеріаловъ, отдаются ею въ обмѣнъ на чужіе фабрикаты. Не имѣя тѣхъ выгодъ, какія проистекаютъ отъ наличности высоко развитой индустріи, данная страна, тѣмъ не менѣе, испытываетъ отрицательныя вліянія капиталистической эволюціи: чужіе продукты уничтожаютъ мѣстную

промышленность, а съ нею и дополнительные заработки ея земледѣльцевъ, и благосостояніе главной массы ея населенія падаетъ. Не всѣ экономически эксплоатируемыя націи обречены находиться въ политической зависимости отъ другихъ государствъ, принимающихъ прямыя и косвенныя мѣры для ограниченія ихъ индустріи. Многія изъ нихъ образуютъ самостоятельныя государства и для охраны своей промышленности прибѣгаютъ къ таможеннымъ пошлинамъ. Этого, однако, оказывается недостаточно для того, чтобы обезпечить безпрепятственное развитіе ихъ капиталистической индустріи. Разъ вступивъ на этотъ путь, онѣ подпадаютъ подъ дѣйствіе естественныхъ законовъ капиталистической эволюціи, и скоро сами сталкиваются съ вопросомъ о необходимости внѣшнихъ рынковъ. Вопросъ этотъ, однако, разрѣшается не легко. По мѣрѣ распространенія промышленнаго развитія на новыя страны растетъ потребность во внѣшнихъ рынкахъ и возникаетъ упорная борьба за обладаніе ими. Побѣда въ этой борьбѣ остается обыкновенно за болѣе культурной стороной, а побѣжденнаго ожидаетъ судьба растенія, чахнущаго въ помѣщеніи, не допускающемъ свободнаго притока воздуха. Гибельныя послѣдствія капиталистической эволюціи, при отсутствіи внѣшнихъ рынковъ,—составляющихъ какъ бы естественную ея атмосферу—заключаются въ пониженіи благосостоянія трудящихся массъ и въ ограниченіи національной производительности. О первомъ мы уже говорили. Что же касается второго, то оно грозитъ такой націи съ двухъ сторонъ: 1) бѣднѣющее сельское населеніе лишается средствъ для затратъ на возвышеніе сельскохозяйственной культуры, и послѣдняя останавливается въ своемъ развитіи или даже обнаруживаетъ попятное движеніе; 2) слабый спросъ на предметы индустріи ограничиваетъ развитіе и этой послѣдней. При наличности такихъ явленій, создающихъ рѣзкое противорѣчіе между быстро растущими потребностями развивающейся страны и матеріальными средствами ихъ удовлетворенія, общество, сознательно относящееся къ своей судьбѣ, не можетъ не задаться вопросомъ: много ли шансовъ имѣется на то, что ему удастся пробить брешь въ заслонѣ, отдѣляющемъ его отъ внѣшнихъ рынковъ, и отвоевать таковые отъ своихъ высококультурныхъ соперниковъ? И если будущіе успѣхи на этомъ полѣ представляются столь же сомнительными, какими были успѣхи прошедшіе и каковы суть успѣхи настоящіе, то не благоразумно ли отказаться отъ политики форсированія процесса, приносящаго столько бѣдъ, и заняться изысканіемъ другихъ средствъ для поднятія производительности страны?

Россія принадлежитъ къ числу націй, быстро разрывающихъ съ прошлымъ, но не выбившихся на широкую дорогу безпрепятственнаго капиталистическаго прогресса. Близкое обновленіе ея политическаго строя даетъ извѣстное основаніе ожидать болѣе систематическаго и сознательнаго воздѣйствія общества на экономическія дѣла. А для благотворности такого воздѣйствія нужно критически отнестись къ программамъ преобразованія, обосновывающимся, главнымъ образомъ, ссылками на націи, успѣвшія занять лучшія позиціи на аренѣ всеобщей промышленной борьбы и приготовившіяся упорно защищать ихъ противъ новыхъ конкуррентовъ. Вопросъ объ экономическихъ задачахъ Россіи слѣдуетъ разрѣшать самостоятельно, освѣщая положительныя и отрицательныя явленія нашего быта съ точки зрѣнія внутреннихъ и международныхъ условій промышленной эволюціи и не опасаясь заключеній, вытекающихъ изъ такого разсмотрѣнія, хотя бы они не согласовались съ мнѣніями, которыя мы привыкли считать истинными.

У насъ любятъ цитировать слова Маркса, что Россія упустила въ 1861 году „прекрасный случай, который когда-либо представляла народу исторія, чтобы избѣжать всѣхъ перипетій капиталистическаго строя“. Она „стремится сдѣлаться капиталистической націей по образцу западно-европейскихъ своихъ сосѣдей“, но она не достигнетъ этого, „не преобразовавъ предварительно доброй доли своихъ крестьянъ въ пролетаріевъ; а послѣ того, приведенная на лоно капиталистическаго строя, она подпадетъ подъ власть неумолимыхъ законовъ, какъ и всякая другая непосвященная нація“. Эти слова знаменитаго основателя научнаго соціализма толковались такимъ образомъ, что ими, будто бы, предсказывается Россіи та же экономическая судьба, со всѣми ея темными и свѣтлыми чертами, какая постигла Францію, Англію и Германію; что Марксъ говоритъ здѣсь не только о процессѣ развитія, ожидающемъ нашу страну, но и о достиженіи ею опредѣленныхъ результатовъ; что подчиненіе Россіи, „какъ и всякой другой непосвященной націи, неумолимымъ законамъ“ экономическаго развитія обезпечиваетъ ей достиженіе блестящаго матеріальнаго состоянія передовыхъ европейскихъ государствъ. Мы не будемъ такъ свободны въ толкованіи чужой рѣчи. Мы ограничимся ея прямымъ смысломъ, гласящимъ, что Россія сдѣлала достаточно для того, чтобы попасть во власть „неумолимыхъ законовъ“ капиталистической эволюціи, что въ своемъ экономическомъ развитіи она слѣдуетъ примѣру, указанному исторіей передовыхъ европейскихъ государствъ. Если

даже признать правильной эту формулировку процесса экономическаго развитія Россіи, нельзя, тѣмъ не менѣе, не замѣтить, что ближайшее изученіе условій, при которыхъ ей приходится проходить тотъ путь, въ отдаленіи котораго виднѣются передовыя націи, заставляетъ усомниться, чтобы ей удалось собрать на этомъ пути тѣ плоды, изъ-за которыхъ собственно этотъ путь и заслужилъ предпочтеніе. А фактическія данныя о національномъ богатствѣ и народномъ благосостояніи Россіи подтверждаютъ это пессимистическое заключеніе.

Въ Россіи, дѣйствительно, наблюдаются всѣ признаки водворенія западныхъ экономическихъ порядковъ. Масса населенія отдѣлилась отъ земли; обрабатывающая промышленность болѣе и болѣе отдѣляется отъ сельскаго хозяйства; натуральное хозяйство превращается въ денежное; чистый доходъ національнаго производства экспропріируется капиталистами: въ земледѣльческой промышленности — преимущественно ростовщикомъ, сдатчикомъ земли и торговцемъ, въ индустріи—предпринимателемъ-фабрикантомъ, въ городѣ—банкомъ; домашняя мастерская ремесленника и кустаря больше и больше замѣщается заводомъ и фабрикой, которыя становятся все крупнѣе и совершеннѣе; страна изрѣзывается желѣзными дорогами, испещряется кредитными учрежденіями, биржами и т. д. Предсказаніе Маркса осуществилось: Россія подчинилась „неумолимымъ законамъ“ экономической эволюціи, и въ ней водворяется *форма* хозяйственнаго быта, извѣстная подъ именемъ капиталистической. Но каково матеріальное содержаніе этой формы?

Развитіе заводской промышленности очень повышаетъ производительность труда; какая же, спрашивается, доля нашего населенія работаетъ на технически совершенныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ и какая часть его находится внѣ цивилизующаго вліянія новаго хозяйственнаго строя? Параллельно развитію этого строя въ западной Европѣ осуществлялись экономическія и другія условія, способствовавшія возвышенію производительности земли въ крупномъ и мелкомъ хозяйствѣ. Это выразилось прежде всего въ томъ, что урожаи хлѣбовъ увеличились, а затѣмъ центръ тяжести мелкаго хозяйства съ хлѣбопашества былъ перенесенъ въ интенсивное животноводство, продукты котораго, въ видѣ мяса скота и птицы, масла, молока и сыра, получили обезпеченный сбытъ въ городскихъ и фабричныхъ центрахъ скопленія быстро возраставшаго промышленнаго населенія. Это измѣненіе направленія сельскаго хозяйства имѣло особенно важное значеніе въ томъ отношеніи, что имъ покрывался уронъ націо-

нальной производительности, обусловленный разъединеніемъ промысловъ и земледѣлія. Праздное зимнее время земледѣльца, бывшее результатомъ этого разъединенія, наполнено теперь работою по уходу за скотомъ. Но чтобы одна нація могла разрѣшить такимъ образомъ вопросъ о возстановленіи производительности зимняго времени земледѣльца—нужно, чтобы другія націи взяли на себя поставку для нея зерна, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отрицательныя послѣдствія зернового хозяйства, дающаго земледѣльцу занятіе лишь въ теченіе лѣта и обрекающаго его на праздное состояніе въ зимнее время. Что же, спрашивается, представляетъ въ этомъ отношеніи Россія: какъ высоки урожаи ея полей, насколько развивается ея интенсивное животноводство и какую роль во внутренней экономіи и въ международной торговлѣ играетъ производство ею зерна? Развитіе капиталистическаго хозяйства имѣло послѣдствіемъ огромное возрастаніе въ передовыхъ государствахъ національнаго богатства, которое дало средства обезпечить населеніе благами высокой культуры въ видѣ народнаго образованія, санитарнаго и другого благоустройства селъ и городовъ, улучшенія жилищъ и содержанія работающихъ, обезпеченія населенія отъ послѣдствій неблагопріятныхъ случайностей и т. д. Что далъ въ этомъ отношеніи новый хозяйственный режимъ нашему отечеству; насколько великъ въ Россіи національный доходъ, обезпечено матеріальное благополучіе ея населенія, приведены въ культурное состояніе матеріальныя формы народнаго быта?

Увы, отвѣты на бо́льшую часть этихъ вопросовъ настолько общеизвѣстны, что ихъ незачѣмъ воспроизводить на страницахъ нашей статьи. Мы поэтому ограничимся тѣми данными, которыя касаются наиболѣе спорныхъ вопросовъ. Какая доля нашего населенія привлечена къ наиболѣе производительнымъ, фабрично-заводскимъ занятіямъ; какая часть его находитъ иныя средства производительнаго примѣненія своего труда, и какая часть рабочей энергіи страны растрачивается непроизводительно—какъ вслѣдствіе ограниченнаго спроса на трудъ вообще, такъ и потому, что разъединеніе промысловъ и земледѣлія лишило сельское населеніе дополнительныхъ къ сельскому хозяйству заработковъ въ зимнее время? Болѣе или менѣе полный отвѣтъ на этотъ вопросъ явилась возможность получить съ окончаніемъ разработки первой у насъ всенародной переписи въ 1897 году. Несмотря на всѣ недостатки этой переписи, значительно испорченной тѣмъ, что она была произведена и ея данныя разработаны чиновничьимъ учрежденіемъ—она, тѣмъ не менѣе, впервые даетъ

намъ полныя и, вѣроятно, не очень искаженныя свѣдѣнія о численности и занятіяхъ всего населенія (кромѣ земледѣльческаго) [1]).

II.

Изъ 46 милліоновъ мужского населенія Европейской Россіи (безъ Царства Польскаго), во всѣхъ сферахъ физическаго труда, кромѣ земледѣлія, находятъ себѣ занятіе, согласно переписи, 5,5 милліоновъ душъ; изъ нихъ въ добывающей и обрабатывающей промышленности, вмѣстѣ со строительнымъ дѣломъ, занято менѣе 3,5 милліоновъ человѣкъ, въ торговлѣ и перевозочной дѣятельности—около 1,5 милліоновъ, и поденной и черной работой—0,5 милліоновъ. Занято частной, общественной и правительственной службой, свободными профессіями и другими видами непроизводительнаго труда (а также живутъ на счетъ своихъ капиталовъ, находятся въ заключеніи и т. д.)—всего около 2,5 милліоновъ мужчинъ. Принимая во вниманіе, что въ производительномъ возрастѣ (15 и болѣе лѣтъ) въ Европейской Россіи находится 28 милліоновъ мужчинъ, мы можемъ сказать, что собственно индустрія (крупная и мелкая), вмѣстѣ со строительнымъ дѣломъ, привлекаетъ 12% производительнаго мужского населенія, перевозочная и торговая дѣятельность—5%, а всѣ виды физическаго труда (кромѣ земледѣлія и услуженія) даютъ занятіе $^1/_5$ части взрослаго мужского населенія. Въ службѣ и другихъ аналогичныхъ занятіяхъ насчитывается около 9% мужского населенія. Всѣ поэтому виды занятій, кромѣ сельскаго хозяйства, предъявляютъ спросъ менѣе, чѣмъ на 30% мужчинъ, находящихся въ производительномъ возрастѣ. Женщины участвуютъ въ занятіяхъ внѣ домашняго хозяйства гораздо менѣе. Изъ 48 милліоновъ лицъ женскаго пола въ Европейской Россіи, въ производительномъ возрастѣ находятся 30 милліоновъ, и изъ нихъ какое-либо занятіе (не считая земледѣлія) имѣютъ менѣе 3,5 милліоновъ душъ, или около 12% общаго числа; изъ нихъ собственно къ производительной дѣятельности привлечено менѣе одного милліона. Въ виду слабаго участія женщинъ въ различныхъ отдѣлахъ труда, въ послѣдующемъ мы будемъ имѣть дѣло лишь съ мужскимъ населеніемъ Европейской Россіи.

Мы видѣли, что во всѣхъ видахъ физическаго труда, кромѣ

[1]) Общій сводъ по имперіи результатовъ разработки данныхъ первой всеобщей переписи населенія.

земледѣлія и службы, въ Россіи принимаетъ участіе 5,5 милліоновъ мужчинъ. Чтобы судить, насколько этимъ выражаются успѣхи капитализма въ дѣлѣ привлеченія рабочихъ къ наиболѣе производительному труду, мы сравнимъ Россію съ двумя западно-европейскими государствами.

Пять милліоновъ рабочихъ, занятыхъ внѣ земледѣлія, поденной и черной работой, составляютъ 11% всего мужского населенія, а 3,5 милліоновъ, участвующихъ собственно въ производительной дѣятельности, составляютъ менѣе 8%. Въ Германіи промышленность и торговля обнимаютъ 8,5 милліоновъ рабочихъ, или 33% всѣхъ лицъ мужского пола, а собственно производительная дѣятельность—6,8 милліоновъ рабочихъ, или 26%. Въ Англіи и Уэльсѣ, при 16-ти-милліонномъ населеніи мужского пола, въ торгово-промышленной дѣятельности принимаетъ участіе 8 милліоновъ рабочихъ, или цѣлая половина лицъ мужского пола, въ томъ числѣ 5,5 милліоновъ, т.-е. 35%, участвуютъ собственно въ производительныхъ занятіяхъ.

Мы видимъ, какими жалкими представляются капиталистическія производительныя силы Россіи сравнительно съ другими цивилизованными государствами. Даже абсолютное число лицъ, участвующихъ въ торгово-промышленной дѣятельности въ Россіи,—по численности населенія въ два раза превосходящей Германію и въ три раза Англію—далеко не достигаетъ тѣхъ цифръ, какими характеризуются эти послѣднія страны; относительно же, въ Россіи къ этой дѣятельности привлекается въ три раза меньше рабочихъ (11%), чѣмъ въ Германіи (33%), и въ 4½ раза менѣе, чѣмъ въ Англіи (50%). Тѣ же приблизительно отношенія между странами наблюдаются и въ области производительнаго труда въ узкомъ смыслѣ этого слова. Въ Россіи въ индустріи занято около 8% мужского населенія, тогда какъ въ Германіи 26%, а въ Англіи—35%.

Уступая такъ много другимъ государствамъ въ отношеніи распространенія тѣхъ отраслей промышленности, въ организаціи которыхъ особенно выражается производительная мощь капитализма, наша страна не только не восполняетъ недостатокъ производительности, обусловленный этой причиной, высокимъ развитіемъ сельскаго хозяйства, но состояніемъ этой отрасли труда низводится на еще болѣе низкую ступень послѣдней. Тогда какъ во Франціи съ десятины собирается 80 пудовъ хлѣба, въ Германіи 94 пуда, въ Англіи 128 пудовъ—въ Европейской Россіи десятина даетъ, въ среднемъ, 41 пудъ хлѣба: въ два раза менѣе, чѣмъ во Франціи, въ 2¼ раза менѣе, чѣмъ въ Германіи, и въ

3 слишкомъ раза менѣе, нежели въ Англіи. Низкое состояніе сельскаго хозяйства въ Россіи составляетъ естественное послѣдствіе всего ея пореформеннаго развитія, которымъ она, выражаясь словами Маркса, „такъ стремилась стать націей капиталистической". Оно поэтому есть результатъ этого стремленія, отрицательный вкладъ капитализма, высосавшаго производительные соки страны. Это сдѣлается болѣе яснымъ послѣ того, какъ мы закончимъ разсмотрѣніе производительныхъ силъ Россіи и степени ихъ утилизаціи.

Мы видѣли, что всѣ разнообразныя отрасли дѣятельности, кромѣ земледѣльческой, привлекаютъ въ Европейской Россіи 8 милл. мужчинъ, а такъ какъ все мужское населеніе страны производительнаго возраста (начиная съ 15 лѣтъ) равняется 28 милліонамъ, то свободными отъ всѣхъ такихъ занятій и могущими найти себѣ нѣкоторое обезпеченіе только въ сельскомъ хозяйствѣ, оказывается 20 милл. человѣкъ. Какое, дѣйствительно, число мужчинъ занимается этимъ промысломъ, сказать невозможно, потому что перепись отмѣчала только хозяевъ земледѣльческихъ семей, а не всѣхъ лицъ, прилагающихъ къ землѣ свои труды. Съ нашей точки зрѣнія, впрочемъ, наиболѣе важнымъ представляется не вопросъ о числѣ лицъ, занятыхъ земледѣліемъ, потому что, по нашимъ экономическимъ и хозяйственнымъ условіямъ,—при одной и той же затратѣ въ этой отрасли рабочей энергіи,—земледѣліе можетъ дать занятіе большему и меньшему числу лицъ. Намъ интересно отвѣтить на вопросъ, сколько рабочей энергіи затрачивается въ этомъ промыслѣ, какое число рабочихъ *требуется* для воздѣлыванія земли. Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть данъ вычисленіемъ.

Въ Европейской Россіи ежегодно засѣвается 70 милліоновъ десятинъ. Судя по многочисленнымъ опредѣленіямъ производительной нормы мелкаго землевладѣнія, можно полагать, что, въ среднемъ для Россіи, одинъ рабочій мужчина, при помощи женщинъ своей семьи, въ состояніи справиться съ посѣвомъ въ 6 десятинъ. Въ такомъ случаѣ для воздѣлыванія всей культурной площади Европейской Россіи требуется менѣе 12 милліоновъ взрослыхъ мужчинъ. Въ этомъ разсчетѣ мужчина принимается въ расцвѣтѣ силъ, т.-е., приблизительно, въ возрастѣ 17—60 лѣтъ, и чтобы использовать для нашей цѣли выведенное заключеніе о числѣ рабочихъ, требующихся въ сельскомъ хозяйствѣ, мы должны и въ другихъ занятіяхъ принимать въ разсчетъ старшихъ мужчинъ. Согласно тому распредѣленію по возрастамъ, какое приводится въ „Сводѣ данныхъ переписи" для занятій по всей

Россійской имперіи, можно полагать, что въ Европейской Россіи въ торгово-промышленной дѣятельности принимаетъ участіе круглымъ числомъ около 5 милл., а въ службѣ и т. п.—около 2-хъ милл. мужчинъ старшаго возраста. А такъ какъ всѣхъ мужчинъ въ этихъ возрастахъ въ Европейской Россіи насчитывается около 24 милліоновъ, то затрата и непроизводительная растрата потенціальной рабочей энергіи можетъ быть, приблизительно, выражена слѣдующимъ образомъ:

Въ сельскомъ хозяйствѣ требуется . . .	12 милл.	или 50,0%
„ промышл. и торговомъ занято . . .	5 „	„ 20,8
„ непроизводительныя занятія	2 „	„ 8,4
„ неиспользованная энергія	5 „	„ 20,8
Итого.	24 „	„ 100

Таблица эта показываетъ, что сельское хозяйство Европейской Россіи требуетъ участія въ земледѣльческихъ операціяхъ половины производительныхъ силъ страны; на всѣ отрасли торгово-промышленной дѣятельности затрачивается $^1/_5$ часть этихъ силъ; служба и другіе виды дѣятельности, не имѣющіе производительнаго характера, привлекаютъ $^1/_{12}$ общаго запаса этихъ силъ, а $^1/_5$ часть національной рабочей энергіи остается безъ производительнаго и какого-либо другого полезнаго примѣненія. Приведенные разсчеты могутъ возбудить сомнѣніе читателей въ части, касающейся рабочей силы, не получившей никакого примѣненія. Чѣмъ живетъ этотъ людъ—спроситъ читатель, и можно ли допустить мысль, что 5 милліоновъ здоровыхъ мужчинъ будутъ голодать сами, видѣть голодающими свои семьи и спокойно переносить то и другое, не посягая—не будемъ говорить о чужой собственности—на самое существованіе общества? Вѣдь передъ нами не запасные батальоны рабочихъ, предназначенные, согласно извѣстному ученію, для пополненія дѣйствующихъ кадровъ въ моменты оживленной промышленности, и выталкиваемые обратно во время кризисовъ. Здѣсь—цѣлая армія безработныхъ, по численности не уступающая всему составу промышленно-торговаго люда. Что̀ удерживаетъ эту армію отъ соціальнаго переворота?

Сомнѣнія читателя совершенно законны, и то общество, въ которомъ $^1/_5$ населенія не имѣетъ работы и средствъ къ жизни, неизбѣжно обречено на разрушеніе. Такая опасность грозила бы и нашей странѣ, еслибы неиспользованная рабочая энергія сконцентрировалась въ опредѣленномъ, такъ сказать, углу, а не разлилась по всей поверхности; еслибы количество неутилизированныхъ силъ совпадало съ числомъ бездѣйствующихъ *лицъ*.

Но этого послѣдняго условія у насъ именно и не наблюдается. Благодаря общинному владѣнію землей въ однѣхъ мѣстностяхъ, обычаю равнаго раздѣла крестьянскаго участка между наслѣдниками въ другихъ районахъ, повсемѣстному распространенію сдачи въ аренду помѣщичьей земли мелкими площадями; благодаря, наконецъ, тому, что лица, ведущія хозяйство наемнымъ трудомъ, основываютъ производство не столько на постоянномъ персоналѣ батраковъ, сколько на случайномъ наймѣ для разныхъ операцій тѣхъ или другихъ лицъ,—доступъ къ землѣ, а слѣдовательно и нѣкоторое обезпеченіе средствъ существованія, получаютъ и такія лица, которыя вовсе ненужны для ея обработки; число земледѣльцевъ увеличивается поэтому сверхъ мѣры, и ихъ рабочая сила не находитъ даже лѣтомъ полнаго примѣненія.

Если для примѣра допустить, что тѣ 5 милліоновъ взрослыхъ мужчинъ, которые, согласно нашему разсчету, не нужны ни для какого занятія, получили возможность устроиться на землѣ (а это предположеніе недалеко отъ истины), то площадь, для обработки которой достаточно 12 милліоновъ мужчинъ, распредѣляется теперь между 17 милліонами и рабочій участокъ каждаго сократится на 28%. Это значитъ, что вмѣсто работы въ теченіе цѣлаго сезона, земледѣлецъ будетъ имѣть занятіе менѣе, чѣмъ на $^3/_4$ послѣдняго, а болѣе $^1/_4$ части его рабочей силы останется безъ употребленія и не принесетъ дохода. 5 милліоновъ семей получили, благодаря указанному факту, возможность существованія, но это достигнуто путемъ сокращенія на $^1/_4$—$^1/_3$ часть средствъ существованія у 12 милліоновъ семей. Абсолютно-безработное населеніе исчезло, но ограниченная безработица распространилась на всѣхъ земледѣльцевъ. Опасность общественныхъ потрясеній предупреждена, но половина населенія обѣднѣла. Массовая пролетаризація населенія устранена путемъ массовой его пауперизаціи. Обѣднѣніе земледѣльческаго населенія, въ связи съ другими неблагопріятными условіями развитія народа, гибельно отражается на состояніи главнаго промысла страны—сельскаго хозяйства. Отсутствіе у крестьянъ средствъ, которыя можно было бы затрачивать на возстановленіе расходуемыхъ производительныхъ силъ почвы, ведетъ къ безпрерывному истощенію этихъ силъ, частому повторенію неурожаевъ и распространенію ихъ на бо́льшую и бо́льшую территорію. Полунищенское же сельское населеніе оказывается менѣе и менѣе способнымъ бороться съ такимъ бѣдствіемъ и обрекается на періодическія голодовки. Въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ мы пережили три крупныя голодовки, охватывавшія десятки милліоновъ людей,

и нѣсколько мелкихъ, а теперь мы стоимъ передъ неурожаемъ, обѣщающимъ превзойти памятные 1891—92 годы. Мы привыкли слышать, что если новѣйшіе промышленные успѣхи цивилизованныхъ націй и несутъ съ собой нѣкоторыя бѣдствія для слабѣйшихъ членовъ общества, зато они, по крайней мѣрѣ, избавляютъ послѣднихъ отъ тѣхъ массовыхъ голодовокъ, которыя были обыкновеннымъ явленіемъ въ прежнее время, когда урожай всецѣло зависѣлъ отъ благопріятнаго сложенія атмосферныхъ условій, а отсутствіе живыхъ сношеній между странами и областями той же страны оставляло населеніе даннаго района, въ отношеніи обезпеченія его продовольствія, въ полной зависимости отъ мѣстнаго урожая и мѣстныхъ запасовъ. Такъ оно именно и наблюдается во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ. Въ Россіи же происходитъ, повидимому, совершенно обратное. Голодовки распространяются у насъ пропорціонально нашимъ промышленнымъ успѣхамъ, а двѣ наиболѣе крупныя отмѣчаютъ начало и конецъ послѣдняго періода „невиданнаго“ подъема нашей индустріи. Нѣчто подобное среди цивилизованныхъ націй мы можемъ наблюдать только въ Индіи, новѣйшая экономическая эволюція которой похожа на нашу. И если всевозможныя заботы о водвореніи у насъ крупной фабрично-заводской промышленности и дѣйствительные успѣхи, достигнутые нами въ этой спеціальной области, не только не предупредили голодовокъ, но были сопутствуемы необыкновеннымъ ихъ развитіемъ, то лишь слѣпые могутъ утверждать, что мы находимся на правильномъ пути экономическаго прогресса и нѣтъ надобности подвергать коренному пересмотру самыя основанія этого послѣдняго.

Вышеприведенныя данныя о спросѣ нашей промышленности на трудъ достаточно хорошо объясняютъ какъ растущую нищету сельскаго населенія, такъ и регрессивныя явленія въ сельскомъ хозяйствѣ. Но эти данныя не вполнѣ еще выражаютъ непроизводительную растрату народнаго труда, а слѣдовательно и ту долю рабочей энергіи, какая получаетъ у насъ полезное примѣненіе.

Мы видѣли, что изъ 24-хъ милліоновъ взрослыхъ мужчинъ, составляющихъ какъ бы запасъ силъ, ожидающихъ производительнаго примѣненія, сельское хозяйство требуетъ 12 милліоновъ мужчинъ, или половину этого запаса, промышленность и торговля даютъ занятіе 5-ти милліонамъ, или $^1/_5$ запаса, служба и другія непроизводительныя профессіи поглощаютъ 2 милл. душъ, или менѣе $^1/_{10}$, а 5 милліоновъ мужчинъ, или слишкомъ $^1/_5$ часть національнаго запаса производительныхъ силъ, не находитъ по-

лезнаго примѣненія. Дѣйствительная потеря производительныхъ силъ страны превышаетъ, однако, исчисленные размѣры. Это происходитъ оттого, что 12 милліоновъ мужчинъ, требующихся для воздѣлыванія земли, производя почти исключительно зерно, находятъ примѣненіе въ хозяйствѣ своему труду лишь въ теченіе лѣтняго времени; а длинную зиму, если у нихъ нѣтъ дополнительнаго заработка, они обречены проводить въ праздности. Дополнительныя же промысловыя занятія перепись отмѣтила лишь у трехъ милліоновъ земледѣльцевъ, которые поэтому и могутъ считаться вполнѣ использывающими свою производительную силу. Чтобы судить о томъ, какую потерю производительности несетъ страна оттого, что остальные 9 милл. ея земледѣльцевъ прекращаютъ на зиму всякія занятія,—мы должны напомнить, что земледѣльческій сезонъ въ различныхъ полосахъ Россіи продолжается отъ пяти до девяти мѣсяцевъ. Если мы даже преувеличимъ продолжительность періода сельскохозяйственныхъ работъ и примемъ его для всей Россіи въ девять мѣсяцевъ, то и въ такомъ случаѣ бездѣятельное состояніе въ теченіе зимняго времени 9 милліоновъ земледѣльцевъ равносильно потерѣ страной рабочей силы 2,25 милліоновъ мужчинъ. Вмѣстѣ съ 5 милл. мужчинъ, совершенно излишнихъ для производства, службы и т. п., это составитъ непроизводительную растрату рабочей энергіи мѣрою 7,25 милл. единицъ, т.-е. болѣе 30% общаго запаса этихъ силъ. Введеніе въ разсчетъ силы женщинъ, привлекаемыхъ къ производительной работѣ въ меньшей степени, чѣмъ мужчины, никоимъ образомъ не можетъ смягчить этого заключенія. А если принять во вниманіе, что наши разсчеты относятся къ 1897 г.,—а съ тѣхъ поръ, путемъ естественнаго размноженія, населеніе Европейской Россіи возросло, по крайней мѣрѣ, на 10 мил. душъ, въ числѣ коихъ должно быть 2,5 милл. полнорабочихъ мужчинъ,—если вспомнить, что, благодаря разразившемуся пять-лѣтъ назадъ промышленному кризису, крупная промышленность предъявляетъ лишь незначительный спросъ на новыхъ рабочихъ, а бо́льшая часть прироста населенія должна искать пріюта въ томъ самомъ сельскомъ хозяйствѣ, гдѣ и такъ ощущается переполненіе рабочими руками,—то мы не выйдемъ изъ границъ вѣроятности, если примемъ, что, вслѣдствіе господствующей у насъ хозяйственной организаціи, Россія теряетъ непроизводительно не менѣе $^1/_3$ части своего запаса рабочихъ силъ. Эти гибнущія силы превышаютъ, по крайней мѣрѣ, въ $1^1/_2$ раза ту рабочую энергію, затрачиваемую на нашу индустрію, строительную, перевозочную дѣятельность и торговлю; и если бы этой силѣ дано было

производительное примѣненіе, то продуктивность нашихъ фабрикъ, заводовъ и ремесленныхъ мастерскихъ увеличилась бы въ 2 1/2 раза.

Таковы итоги новѣйшаго хозяйственнаго развитія Россіи. Это развитіе привело къ тому, что 1/3 часть рабочей энергіи не имѣетъ вовсе производительнаго примѣненія, что къ самому выгодному для страны, фабрично-заводскому дѣлу привлечена ничтожная доля рабочей силы, составляющая, относительно, 1/3 часть того, что̀ образуетъ кадры крупной промышленности въ Германіи, и 1/4—1/5 часть той доли рабочей энергіи, какая затрачивается на индустрію въ Англіи; что производительность того промысла, который служитъ главнымъ источникомъ приложенія труда нашего населенія и пріобрѣтенія имъ средствъ существованія, выражается урожаями, составляющими 1/2 — 1/3 часть урожаевъ хлѣбовъ въ другихъ европейскихъ государствахъ; что истощеніе земли достигло у насъ такой степени, которая превращаетъ неурожаи изъ случайныхъ въ необходимыя явленія и возводитъ ихъ какъ бы въ одно изъ постоянныхъ установленій нашего экономическаго быта; что еще болѣе истощены матеріальныя средства сельскаго населенія (составляющаго, сказать кстати, 3/4 всего числа жителей Европейской Россіи), доведеннаго до такого обѣднѣнія, что всякій неурожай обращается въ форменную голодовку; что въ этомъ отношеніи изъ всѣхъ цивилизованныхъ государствъ Россію можно уподобить только Индіи. Но послѣдняя страна находится, по крайней мѣрѣ, въ политическомъ подчиненіи у капиталистической націи, славящейся умѣньемъ высасывать соки у слабыхъ народовъ и вскормившей этими соками могущественнѣйшаго капиталистическаго гиганта. Гдѣ же положительные результаты истощенія сельскаго населенія Россіи, и какому Молоху приносятся въ жертву жизненные соки нашей страны?

III.

Изъ всего, что̀ было разъяснено выше, видно, что одной изъ важныхъ причинъ нашего экономическаго убожества слѣдуетъ считать непроизводительную растрату тѣхъ силъ, которыми создается богатство страны. Цѣлая третья часть этихъ силъ не имѣетъ ни производительнаго, ни другого полезнаго или оплачиваемаго примѣненія. Серьезная забота объ экономическомъ подъемѣ Россіи должна прежде всего поэтому выразиться вниманіемъ къ этому вопросу и заботами о привлеченіи къ производству праздно расточаемой національной рабочей энергіи.

Источниками этого расточенія, какъ намъ извѣстно, служатъ, съ одной стороны, слабое развитіе у насъ индустріи, съ другой — разъединеніе промысловъ и земледѣлія. Незначительность рабочихъ силъ, привлекаемыхъ къ фабрично-заводской дѣятельности, зависитъ отъ того, что крупной промышленности приходится развиваться у насъ при отсутствіи внѣшнихъ рынковъ и при весьма бѣдномъ внутреннемъ рынкѣ для сбыта ея продуктовъ. Пріобрѣтеніе достаточно обширныхъ внѣшнихъ рынковъ, очевидно, намъ не подъ силу: мирному ихъ завоеванію препятствуетъ наша культурная отсталость, а послѣднее пораженіе наше на Дальнемъ Востокѣ показываетъ, что мы не въ силахъ овладѣть этими рынками и вооруженной рукою. Главная надежда должна поэтому возлагаться на развитіе внутренняго рынка; но такъ какъ $^3/_4$ населенія Европейской Россіи принадлежатъ къ земледѣльческому классу, то внутренній рынокъ можетъ значительно расшириться лишь съ поднятіемъ благосостоянія земледѣльческаго населенія. Нищенское же состояніе послѣдняго зависитъ отъ трехъ причинъ: отъ той самой растраты его рабочихъ силъ, которая есть послѣдствіе разъединенія промысла и земледѣлія, отъ сокращенія времени производительнаго примѣненія земледѣльцемъ его труда въ періодъ сельскохозяйственныхъ работъ, вслѣдствіе переполненія данной области лицами, не находящими другихъ занятій, и отъ низкой производительности прилагаемаго къ землѣ труда. Если бы по причинѣ утраты зимнихъ заработковъ русскій земледѣлецъ могъ утилизировать въ теченіе года восемь мѣсяцевъ (лѣтнихъ), а вслѣдствіе того, что въ сельскомъ хозяйствѣ ищутъ приложенія своихъ силъ (какъ это вѣроятно для настоящаго момента) въ $1^1/_2$ раза больше рабочихъ, чѣмъ требуется для воздѣлыванія земли, — его полезная работа сократилась на $^1/_3$, то высота его годового дохода будетъ соотвѣтствовать затратѣ лишь 5,3 мѣсяцевъ труда, причемъ этотъ трудъ приложится къ землѣ, дающей крайне скудные урожаи. Устраненіе непроизводительной растраты труда земледѣльца, являющейся естественнымъ и необходимымъ послѣдствіемъ капиталистическаго преобразованія промышленности — при сохраненіи этой послѣдней — представляется едва ли возможнымъ. Можно ли достичь того, чтобы, въ рамкахъ господствующаго экономическаго строя, крестьянское хозяйство достигло такой высоты, чтобы бѣдный земледѣлецъ превратился въ зажиточнаго, — этотъ вопросъ требуетъ самостоятельнаго разсмотрѣнія. Господствующее мнѣніе, однако, даже не задается серьезно этимъ вопросомъ, какъ и вообще русскіе писатели недостаточно сознаютъ сложность проблемы о поднятіи

благосостоянія крестьянъ и національнаго богатства страны, и склонны слишкомъ механически разрѣшать соотвѣтствующіе вопросы. У крестьянъ мало своей земли—дополнить ихъ надѣлы прирѣзкой частновладѣльческихъ угодій; крестьяне арендуютъ чужія угодья на очень невыгодныхъ условіяхъ — регулировать арендныя отношенія; крестьянамъ трудно уплачивать налоги—уничтожить косвенное обложеніе; у нихъ пропадаетъ въ праздности зимняя половина года—заботиться о развитіи кустарныхъ промысловъ; производительность крестьянскихъ земель очень низка—ввести интенсивное хозяйство, и т. д. При проектированіи этихъ мѣропріятій недостаточно, повторяемъ, сознается сложность вопроса и зависимость его отъ множества весьма важныхъ и неподдающихся нашему воздѣйствію обстоятельствъ. Если, напр., переводъ въ руки крестьянъ владѣльческихъ земель представляетъ лишь затрудненія, присущія обыкновенной финансовой операціи (выкупа), то вопросъ о существенномъ пониженіи косвенныхъ налоговъ связанъ съ другимъ вопросомъ—замѣны отмѣняемаго государственнаго дохода другими поступленіями, найти которыя—при слабомъ развитіи у насъ капиталистической индустріи—довольно трудно. Еще сложнѣе вопросы о занятіи зимнихъ досуговъ земледѣльца и о возвышеніи интенсивности крестьянскаго хозяйства, потому что, пытаясь разрѣшить эти вопросы на общемъ основаніи, мы вступаемъ въ область конкурренціонной борьбы съ другими внутренними и внѣшними производителями аналогичныхъ товаровъ. Вопросъ о развитіи зимнихъ крестьянскихъ промысловъ разрѣшается, впрочемъ, положительно, лишь какъ логическій выводъ или благочестивое пожеланіе, но врядъ ли многіе серьезно разсчитываютъ разрѣшить указываемыми ими средствами этотъ вопросъ, какъ общій для всей страны. Иное слѣдуетъ сказать о поднятіи сельско-хозяйственной культуры. Почти всѣми это поднятіе считается центральнымъ пунктомъ или узломъ вопроса о крестьянскомъ благополучіи, который неминуемо долженъ быть развязанъ сейчасъ же, или по предварительномъ разрѣшеніи вопроса аграрнаго. Господствующія на этотъ счетъ мнѣнія можно формулировать слѣдующими строками изъ одного новѣйшаго экономическаго трактата: радикальнаго рѣшенія вопроса о крестьянскомъ благосостояніи нужно искать „въ качественномъ улучшеніи крестьянскаго хозяйства“. Передъ нами стоитъ такая альтернатива: „либо признать возможность и настоятельную необходимость коренного улучшенія крестьянскаго хозяйства (сельскаго) и направить на эту сторону все вниманіе общества и государства, либо при-

знать положеніе безысходнымъ и спокойно ожидать полнаго экономическаго упадка нашего крестьянства" [1]).

Поднять крестьянское земледѣльческое хозяйство, конечно, возможно, да оно и само не остается вѣчно въ неизмѣнномъ положеніи. Но границы намѣчаемыхъ экономическихъ задачъ опредѣляются не простымъ соображеніемъ о томъ, что мы бѣдны и желаемъ сдѣлаться богаче. Надлежитъ еще составить болѣе или менѣе правильное понятіе о томъ, какой степени благосостоянія мы должны добиваться и можемъ ли достигнуть ея мѣрами, о которыхъ идетъ рѣчь. Такая постановка вопроса требуетъ, чтобы прежде, чѣмъ будутъ проектированы средства экономическаго подъема страны, были выяснены тѣ культурныя задачи, которыя стоятъ на очереди и для разрѣшенія которыхъ всѣ такъ и озабочены увеличеніемъ матеріальныхъ рессурсовъ страны. Объ этихъ задачахъ мы и должны сказать нѣсколько словъ.

Россія принадлежитъ къ семьѣ цивилизованныхъ народовъ и вмѣстѣ съ ними переходитъ въ XX вѣкъ нашей эры. А это значитъ, что ея потребности и формы ихъ удовлетворенія соизмѣряются не съ уровнемъ культуры, на которомъ она сама находится, а съ тѣми формами, которыя выработаны и примѣняются западной Европой. Говорятъ, что русская деревня служитъ въ данный моментъ предметомъ изученія одной иностранки, заинтересовавшейся ею потому, что она ужасно какъ похожа на англійскую деревню двѣсти лѣтъ назадъ. Изъ этого сходства, однако, никакъ не слѣдуетъ, что потребности въ лучшемъ русской деревни, какъ онѣ формулируются нашими общественными дѣятелями, могутъ быть отождествляемы съ тѣми задачами, какія намѣчались для англійской деревни два вѣка назадъ. То же самое надлежитъ сказать и о цѣлой странѣ. Въ отношеніи развитія своихъ образовательныхъ, медико-санитарныхъ, хозяйственныхъ, индивидуально-потребительныхъ нуждъ Россія не можетъ медленно переступать со ступеньки на ступеньку той лѣстницы, какая была пройдена западной Европой, самостоятельно вырабатывавшей болѣе и болѣе совершенные способы удовлетворенія своихъ нуждъ. Мы хотимъ поставить наше общее образованіе на тотъ же, приблизительно, уровень, на какомъ оно находится въ современной намъ Европѣ; мы не можемъ не желать, чтобы наши больные имѣли къ своимъ услугамъ тѣ средства медицинской помощи, какія можетъ дать современная, а не древняя Европа; мы не примиряемся съ огромной смертностью на-

[1]) А. А. Кауфманъ. Переселеніе и колонизація, стр. 199 и 138.

шего населенія и выставляемъ задачи санитарнаго благоустройства, сообразуясь не съ прошлымъ, а съ современнымъ состояніемъ этого дѣла на Западѣ; мы стремимся питаться, одѣваться и развлекаться, устраивать свои жилища, улицы и общественныя зданія городовъ по образцу того, что происходитъ въ этомъ отношеніи въ новой, а не средневѣковой Европѣ. Это—наши желанія; но они столь же неизбѣжны, какъ необходимымъ представляется усвоеніе новыхъ европейскихъ формъ въ другихъ сферахъ народно-государственной жизни. Война наша съ Японіей съ жестокой наглядностью показала, какой опасности подвергается наше государство, если оно не усвоитъ не только современную военную технику, но и западную культуру вообще; оставивъ натуральное хозяйство и вступивъ въ экономическія сношенія съ цѣлымъ міромъ, мы не можемъ не производить огромныхъ затратъ на развитіе у себя современныхъ средствъ передвиженія лицъ и товаровъ и т. д.

Таково положеніе нашей страны въ отношеніи способовъ удовлетворенія разнообразныхъ ея нуждъ. Образцомъ для нея служитъ высокая культура западной Европы. Но возвышеніе матеріальной культуры не обходится даромъ; поддержаніе ея стоитъ большихъ средствъ. Если ограничиться тѣми расходами, которые производятся государствомъ и муниципальными учрежденіями, то мы увидимъ, что пятнадцать лѣтъ тому назадъ, согласно разсчетамъ Кауфмана, на одну душу населенія падало государственныхъ и мѣстныхъ расходовъ въ Австріи 32 р., въ Великобританіи—40 р., во Франціи—45 рублей. Въ послѣдующее время расходы эти очень возросли и составляютъ въ Англіи уже 65 рублей на одну душу. Очень высоки въ цивилизованныхъ государствахъ и личные расходы жителей. Объ этомъ можно судить по высотѣ заработной платы, получаемой рабочими въ различныхъ государствахъ. Плата эта на провинціальныхъ фабрикахъ въ 15 производствахъ, требующихъ обученныхъ рабочихъ, составляетъ во Франціи и Германіи, въ среднемъ, около 600 рублей, а въ Англіи—900 рублей въ годъ. Въ области сельскаго хозяйства, которому въ Англіи отдаетъ свои силы всего $^1/_8$ часть населенія, заработная плата колеблется по районамъ—отъ 330 до 470 рублей.

Опредѣляя формы удовлетворенія своихъ потребностей согласно европейскимъ образцамъ, Россія не можетъ, однако, пользоваться европейскими средствами для ихъ осуществленія, и должна извлекать эти средства изъ внутреннихъ источниковъ. О скудости же этихъ послѣднихъ можно судить потому, что

средняя заработная плата фабрично-заводскаго рабочаго въ самомъ дорогомъ, петербургскомъ районѣ не превосходитъ минимальнаго изъ вышеуказанныхъ вознагражденій англійскаго земледѣльческаго батрака; что средній доходъ крестьянской семьи, который можетъ быть истраченъ на удовлетвореніе ея потребностей (кромѣ хозяйственныхъ) и уплату налоговъ, колеблется, по районамъ, между 150 и 300 рублями, и что, при государственномъ и муниципальномъ нашемъ бюджетѣ въ 12—14 рублей на душу, населеніе изнемогаетъ подъ бременемъ недоимокъ. Наглядымъ выраженіемъ бѣдности нашего народа можетъ служить разсчетъ г. Клингена, согласно которому одинъ рабочій американецъ потребляетъ прямо и косвенно столько же, сколько расходуютъ въ Россіи двѣ крестьянскія семьи по шести душъ каждая [1]). Эта бѣдность народныхъ массъ является у насъ признакомъ скудости національной производительности, и настоятельнѣйшей потребностью ближайшаго будущаго, безъ удовлетворенія которой нельзя надѣяться привести страну въ культурное состояніе — является поднятіе народной производительности до того приблизительно уровня, какого она достигла въ западной Европѣ. Какъ великъ скачокъ, который предстоитъ намъ при этомъ сдѣлать, можно судить по слѣдующимъ даннымъ.

Однимъ изъ важнѣйшихъ показателей высоты экономическаго развитія и производительности капиталистическихъ обществъ служатъ обороты внѣшней торговли. И вотъ, въ то время, какъ вывозъ мѣстныхъ произведеній, по ихъ цѣнности, составляетъ въ Германіи и Франціи около 40 рублей на одного жителя, а въ Англіи 65 р.,—въ Россіи онъ равняется 6-ти рублямъ. Согласно приблизительнымъ и довольно устарѣлымъ разсчетамъ сравнительной производительности европейскихъ государствъ, весь національный доходъ, по разсчету на душу, въ Англіи равняется 380 р., во Франціи—310 р., въ Германіи—250 р., а въ Россіи—110 рублей. Опыты исчисленія тѣхъ чистыхъ доходовъ, которые могли подлежать подоходному обложенію, показали, что въ Россіи такіе доходы врядъ ли достигаютъ 2,5—3 милліардовъ рублей [2]), т.-е. 25—30 рублей на человѣка, между тѣмъ какъ въ Пруссіи къ подоходному обложенію привлекаются доходы въ 5 милліардовъ марокъ, что̀ составитъ 60 рублей на одного жителя, т.-е. въ два раза болѣе, а въ Великобританіи—615 милліоновъ фунт. стерлинговъ, или 140 р. на душу, т.-е.

[1]) Современные вопросы русскаго сельскаго хозяйства, стр. 417.

[2]) „Вѣстникъ Знанія“ 1905, V,—В. В., „Вопросы русскаго финансоваго хозяйства Россіи“.

въ 5 разъ болѣе, чѣмъ въ Россіи. Изъ всѣхъ этихъ примѣровъ видно, что матеріальные рессурсы Россіи,—которые служатъ источникомъ средствъ удовлетворенія ея культурныхъ потребностей,—въ три—четыре раза скуднѣе рессурсовъ европейскихъ государствъ, указывающихъ образцы для ея культурныхъ задачъ. Чтобы воспользоваться этими указаніями, Россіи нужно приблизиться къ своимъ сосѣдямъ и въ отношеніи запаса національныхъ матеріальныхъ средствъ. А если принять во вниманіе, что производительныя средства передовыхъ государствъ растутъ чрезвычайно быстро, что, соотвѣтственно росту этихъ средствъ, увеличиваются потребности населенія и затраты на ихъ удовлетвореніе, и что вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняется и та мѣрка, которую мы будемъ прикладывать для оцѣнки желательныхъ способовъ удовлетворенія нашихъ нуждъ, то мы не можемъ не поразиться грандіозностью задачи о поднятіи народной производительности, поставленной нашей странѣ фактомъ ея культурной отсталости, съ одной стороны, и принадлежности къ семьѣ европейски-цивилизованныхъ и капиталистически-организованныхъ народовъ—съ другой.

Обращаясь, затѣмъ, къ вопросу о томъ, какимъ образомъ достичь крупнаго подъема производительности нашей страны, мы съ разныхъ сторонъ получаемъ на него ясный и, повидимому, не возбуждающій недоумѣній отвѣтъ. Нужно и въ этомъ отношеніи слѣдовать примѣру западной Европы, т.-е. стремиться къ развитію фабрично-заводской промышленности,—возвышать интенсивность и производительность сельскаго хозяйства. Недавно была предпринята грандіозная попытка осуществить эту программу, по крайней мѣрѣ, въ той части, которая касается развитія индустріи. Эта отрасль народнаго труда привлекала особое вниманіе, потому что въ ней нашелъ себѣ наиболѣе яркое выраженіе промышленный геній западно-европейской культуры, что безъ многочисленнаго промышленнаго населенія, образующаго рынокъ сбыта продуктовъ сельскаго хозяйства, невозможно поднятіе и этого послѣдняго, и что фабрично-заводская промышленность доступна покровительственному на нее воздѣйствію и можетъ обольщать насъ признаками хотя бы только мнимаго процвѣтанія. Затруднивъ, путемъ высокихъ таможенныхъ пошлинъ, доступъ къ намъ иностранныхъ произведеній, подкрѣпивъ обезпеченный такимъ образомъ рынокъ для сбыта продуктовъ внутренняго производства созданіемъ крупнаго временнаго спроса на строительныя принадлежности, путемъ сооруженія десятковъ тысячъ верстъ рельсовыхъ путей; привлекая въ Россію иностран-

ные капиталы и возбуждая спекуляцію внутри страны, министерство финансовъ С. Ю. Витте вызвало значительное оживленіе нашей промышленности, отъ котораго ожидали возбужденія прогрессивнаго движенія и въ области сельскаго хозяйства. Десятилѣтіе радужныхъ надеждъ завершилось, однако, мрачнымъ разочарованіемъ. Крупная индустрія показывала признаки оживленія лишь пока она поддерживалась властью, а когда эта поддержка должна была сократиться, она впала въ критическое состояніе, которое длится уже пять лѣтъ. Узкія границы развитія этой промышленности поставлены у насъ отсутствіемъ внѣшняго и ограниченностью внутренняго рынка для ея продуктовъ, обусловленнаго бѣдностью сельскаго населенія Россіи,—не только не облагодѣтельствованнаго развитіемъ индустріи, но паче имъ разореннаго, потому что искусственно покровительствуемая промышленность лишала крестьянина подсобныхъ къ земледѣлію заработковъ, въ видѣ домашнихъ, кустарныхъ промысловъ и извоза. Тогда наши руководящія сферы убѣдились, что безъ подъема благосостоянія сельскаго населенія невозможно и широкое развитіе индустріи; а такъ какъ сельское населеніе занимается земледѣліемъ, то въ поднятіи послѣдняго и заключается, по ихъ мнѣнію, основная задача, подлежащая нашему разрѣшенію. Этимъ заключеніемъ правительственныя сферы сблизились съ многочисленными голосами нашихъ экономистовъ, публицистовъ и хозяевъ, предупреждавшихъ о непрочности односторонняго развитія индустріи и о необходимости серьезныхъ мѣръ для поднятія сельско-хозяйственной промышленности.

Итакъ, правительство и общество слились, наконецъ, въ одномъ рѣшеніи,—теперь остается, повидимому, лишь освободить общество отъ связывающихъ его путъ, чтобы началось осуществленіе дѣла прочнаго подъема производительности страны и благосостоянія ея населенія. Поднять сельское хозяйство, усилить производительность крестьянской земли—вотъ въ чемъ находятъ средство для приданія нашей странѣ той экономической устойчивости, безъ которой невозможны никакіе культурные успѣхи.

IV.

Чтобы судить о томъ, насколько предложенное средство способно устранить экономическія затрудненія, переживаемыя Россіей, нужно имѣть, прежде всего, въ виду, что въ торговомъ международномъ оборотѣ Россія играетъ роль поставщика сырыхъ

продуктовъ земледѣлія, которымъ принадлежатъ $^2/_3$ ея экспорта; что ея усилія завоевать на внѣшнихъ рынкахъ мѣсто для своихъ фабрикатовъ увѣнчались сколько-нибудь замѣтнымъ успѣхомъ лишь для тканей, керосина, масла (сибирскаго) и сахара (да и то для послѣдняго это достигнуто на счетъ русскаго потребителя даннаго продукта) и что въ ближайшемъ будущемъ ей предстоитъ, поэтому, оставаться по преимуществу земледѣльческой страной. Это одно ставитъ ее въ худшее положеніе сравнительно съ западными сосѣдями, развившими у себя преимущественно заводско-фабричную промышленность и пополняющими недостатокъ земледѣльческихъ продуктовъ ввозомъ таковыхъ извнѣ.

Выгоды преимущественнаго распространенія индустріи, а не сельскаго хозяйства, обусловливаются тѣмъ, что въ первой достигнуто наибольшее возвышеніе производительности труда, и что въ фабрично-заводской промышленности производительныя силы страны находятъ себѣ примѣненіе въ теченіе круглаго года, тогда какъ сельско-хозяйственная дѣятельность на зимнее время почти замираетъ. Земледѣльческая страна обречена, поэтому, на болѣе низкую производительность, сравнительно съ страною промышленною; и чѣмъ короче у нея земледѣльческій сезонъ и длиннѣе періодъ вынужденнаго зимняго бездѣйствія сельскаго хозяина, тѣмъ менѣе она имѣетъ надежды достигнуть богатаго состоянія промышленныхъ странъ. Географическія условія Россіи ставятъ ее въ особенно невыгодное положеніе, какъ страны земледѣльческой: въ большинствѣ ея областей земледѣльческій сезонъ продолжается не долѣе полугода; и въ этотъ краткій промежутокъ времени русскому крестьянину нужно добыть средства и для безбѣднаго существованія своей семьи, и для покрытія крупныхъ муниципальныхъ и государственныхъ расходовъ. Краткость періода производительнаго примѣненія труда ограничиваетъ возможность интенсификаціи и, слѣдовательно, возвышенія доходности хозяйства, потому что эта послѣдняя обусловливается, между прочимъ, тщательностью обработки почвы, для чего, по краткости лѣта, не имѣется достаточно времени. Можно, правда, составить планъ организаціи хозяйства, наиболѣе выгоднаго при нашихъ естественныхъ условіяхъ, положивъ въ основаніе всего дѣла, напр., интенсивное животноводство—производство сыра, масла, мяса и т. п.,—дающее занятіе трудящемуся въ теченіе круглаго года. Но здѣсь выступаетъ на сцену новое и еще болѣе важное препятствіе возвышенію производительности земли: необезпеченность сбыта растущей массы продуктовъ улучшающагося

хозяйства такой огромной территоріи, какую представляетъ Россійская имперія.

Въ наше время господства товарнаго производства, развитіе какой-либо промышленности всецѣло обусловливается емкостью рынка для сбыта ея произведеній. Оттого-то цивилизованныя государства проявляютъ такую жадность къ колоніямъ и не останавливаются въ этомъ передъ войнами, подобными англо-бурской или русско-японской. Нашимъ обществомъ этотъ фактъ признанъ въ отношеніи фабрично-заводской промышленности, но ему не придается должнаго значенія, когда идетъ рѣчь о промышленности земледѣльческой. Рѣзкая критика промышленной политики бывшаго министра финансовъ исходила именно изъ положенія о невозможности широкаго развитія индустріи, при отсутствіи внѣшняго рынка для ея продуктовъ и при бѣдности рынка внутренняго, образуемаго полунищенскимъ крестьянскимъ населеніемъ. Поднятіе крестьянскаго промысла устраняетъ, казалось бы, послѣдній недостатокъ, и, получая болѣе дохода отъ земледѣлія, крестьянинъ больше бы покупалъ фабрикатовъ. Такимъ разсужденіемъ разрѣшался бы вопросъ, если бы наше населеніе находилось въ удовлетворительномъ матеріальномъ положеніи, наша страна приведена была уже въ культурное состояніе и рѣчь шла бы только о прибавкѣ малаго къ большому. Примѣненіемъ соотвѣтствующихъ мѣръ, производительность земли нетрудно было бы поднять на 5—10%. Это небольшое приращеніе продукта можетъ найти себѣ помѣщеніе частью на внѣшнемъ рынкѣ, частью на внутреннемъ: для прокормленія рабочихъ, которые будутъ производить добавочное количество издѣлій для разбогатѣвшихъ крестьянъ, и какъ сырой матеріалъ для добавочнаго производства. А если рынокъ не поглотитъ всего приращенія земледѣльческихъ продуктовъ — производство нѣсколько сократится безъ замѣтнаго ущерба для населенія, которое, согласно нашему предположенію, и безъ того находится въ удовлетворительномъ положеніи.

Совершенно иныя отношенія представляются въ случаѣ, гдѣ, какъ въ Россіи, производительность цѣлой страны должна быть увеличена въ два и три раза и отъ процесса возвышенія сельско-хозяйственной культуры ожидается обращеніе нищенствующаго крестьянскаго населенія въ зажиточное, а некультурнаго русскаго государства—въ благоустроенное. Здѣсь идетъ уже рѣчь не о 10%-мъ увеличеніи крестьянскаго дохода, а объ удвоеніи и утроеніи послѣдняго. Территорія какой-нибудь Бельгіи могла бы разсчитывать на разрѣшеніе этой задачи, потому что

вся ея производительность ничтожна, сравнительно съ объемомъ мірового рынка. Но если имѣть въ виду Россію, въ которой состоитъ подъ культурой 200 милліоновъ десятинъ, и собираемое ею количество хлѣба составляетъ $^1/_5$ часть мірового производства, то постановка вопроса о крупномъ и болѣе или менѣе быстромъ увеличеніи ея земледѣльческой производительности пріобрѣтаетъ характеръ едва ли разрѣшимой задачи.

Почему, въ самомъ дѣлѣ, принимается, что развитіе фабрично-заводской промышленности ограничивается спросомъ рынка на ея продукты, и объемомъ возможнаго расширенія сбыта опредѣляется широта ожидаемыхъ успѣховъ индустріи; а по отношенію къ сельскому хозяйству считается естественнымъ исходить не изъ разсчетовъ о томъ, въ какой мѣрѣ положеніе рынка допускаетъ возрастаніе производства, а изъ соображенія, что данная страна бѣдна, и ей нужно сдѣлаться богатой, и объемомъ этой нужды измѣрять высоту ожидаемыхъ отъ преобразованія результатовъ? Что̀ сказалъ бы читатель, если бы ближайшей задачей для нашей страны было поставлено доведеніе отношенія между ея промышленнымъ и земледѣльческимъ трудомъ до того, какое существуетъ въ Англіи, гдѣ индустрія занимаетъ въ шесть разъ болѣе рукъ, нежели сельское хозяйство, или до положенія хотя бы Германіи, гдѣ численность промышленнаго населенія на 30% превышаетъ численность земледѣльцевъ? Какъ ни благопріятно отразилось бы это на состояніи нашей производительности, но не подобными соображеніями обусловливается достижимость тѣхъ или другихъ результатовъ. И потому, хотя въ концѣ истекшаго вѣка были приняты экстраординарныя мѣры для подъема нашей промышленности,—нищенствующее земледѣльческое населеніе страны не только не уменьшилось, какъ это слѣдовало, согласно вышеизложенному проекту, но еще увеличилось, потому что—вслѣдствіе ограниченности спроса на продукты русской индустріи, развитіе послѣдней не поглотило даже всего прироста населенія, и часть послѣдняго должна была устраиваться на землѣ. Теперь предлагаютъ достигать цѣли экономическаго подъема Россіи путемъ доведенія до уровня, напримѣръ, Германіи интенсивности сельскаго хозяйства. Но какія же основанія разсчитывать на то, что рынокъ поглотитъ всю массу товаровъ, какую можетъ ему предложить интенсивное хозяйство огромной страны? Приблизиться къ Европѣ въ отношеніи матеріальнаго благосостоянія очень для насъ важно; но разсчитывать, что наличность нужды обезпечитъ достиженіе крупныхъ и быстрыхъ успѣховъ путемъ улучшенія нашего земле-

дѣлія, столь же мало основательно, какъ неосновательно было недавно надѣяться, что мы станемъ въ одинъ рядъ съ европейскими государствами, быстро развивъ индустрію.

На чемъ основано соображеніе,—не высказываемое открыто, но предполагаемое въ проектахъ обогащенія Россіи путемъ поднятія ея сельскаго хозяйства,—что емкость рынка для продуктовъ послѣдняго можетъ быстро и безгранично увеличиваться? Не доказывають ли наблюденія, напротивъ того, что міровой рынокъ слишкомъ узокъ для того, чтобы вмѣстить всю массу выбрасываемыхъ на него продуктовъ земледѣлія? Не по этой развѣ причинѣ въ Англіи, въ теченіе тридцати послѣднихъ лѣтъ, сократилась на 25% площадь, состоявшая подъ посѣвомъ хлѣбныхъ и кормовыхъ растеній? А тѣ западно-европейскія государства, которыя развили въ это время свою сельско-хозяйственную промышленность, не прибѣгли ли для этого къ помощи таможенныхъ пошлинъ, оберегая ими внутренняго производителя отъ конкурренціи иностранцевъ? И развѣ фактъ критическаго состоянія европейскаго сельскаго хозяйства, обусловленный заваливаніемъ европейскихъ рынковъ дешевымъ хлѣбомъ и мясомъ, производимыми въ колоніяхъ, недостаточно краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ, что въ области сельскаго хозяйства, какъ и въ сферѣ индустріи, борьба идетъ не между потребителями, перебивающими другъ у друга товаръ, а среди производителей изъ-за ограниченнаго рынка? Но расширеніе колоній, вовлекаемыхъ въ сферу международнаго торговаго оборота, далеко еще не закончено. Не закончено, поэтому, распространеніе земледѣлія на нетронутыя почвы за-океанскихъ странъ; не законченъ, слѣдовательно, и процессъ заваливанія европейскихъ рынковъ колоніальнымъ хлѣбомъ, шерстью, мясомъ, а затѣмъ и болѣе деликатными продуктами сельскаго хозяйства; не прекратились и затрудненія европейскихъ хозяевъ, стремящихся поднять производительность своихъ земель, т.-е. предлагающихъ потребителямъ продукты болѣе дорогіе, сравнительно съ товаромъ колоніальнаго происхожденія; не исчезла и необходимость оберегать пошлинами европейское хозяйство отъ конкурренціи хозяйства не-европейскаго. Но это средство развитія мѣстнаго промысла доступно лишь для странъ промышленныхъ, ввозящихъ хлѣбъ, мясо, масло и т. п.; но его нельзя примѣнить къ странамъ, которыя, какъ Россія, вывозятъ сельско-хозяйственныя произведенія на чужіе рынки. Этимъ странамъ предстоитъ весьма трудное дѣло соперничества съ заокеанскою производительностью; а малокультурная Россія почти не имѣетъ

шансовъ побѣдить своихъ колоніальныхъ соперниковъ, принадлежащихъ къ самимъ образованнымъ націямъ. Объ этомъ достаточно краснорѣчиво свидѣтельствуютъ итоги международной торговли продуктами сельскаго хозяйства.

Безпрепятственно помѣщать на внѣшнихъ рынкахъ мы можемъ только зерно, да и то не потому, что добываніе его обходится у насъ будто бы дешево, а по причинѣ того, что нищій производитель, нашъ крестьянинъ, вынужденъ отчуждать его по всякой цѣнѣ, въ ущербъ собственному питанію. Но мы не въ состояніи уже конкуррировать на внѣшнихъ рынкахъ съ иностранцами продуктомъ простѣйшей обработки зерна—мукою, приготовляемою не нищимъ-крестьяниномъ, а капиталистомъ, участвующимъ въ дѣлѣ ради барыша. Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты экспортируютъ муку на 150—200 милл. руб. въ годъ, а мы не вывозимъ ея (не считая Финляндіи) и на 10 милл. рублей То же самое относится и къ мясу, о вывозѣ котораго мы толкуемъ вотъ уже 25 лѣтъ. Мясныхъ продуктовъ Соединенными Штатами экспортируется на сумму 350—400 милл. рублей въ годъ, а изъ Россіи мяса отправляется за границу едва на 2 — 3 милл. рублей. Коровьяго масла изъ Европейской Россіи вывозится ничтожное количество, и быстрое возрастаніе въ послѣдніе годы его экспорта обязано сибирскому маслодѣлію, которое является, такимъ образомъ, конкуррентомъ товару внутренняго производства. Значительное развитіе изъ болѣе деликатныхъ продуктовъ животноводства получилъ въ послѣднее время вывозъ изъ Россіи яицъ; но на этомъ товарѣ, конечно, нельзя основать надежды на поднятіе нашего хозяйства. Болѣе солиднымъ основаніемъ для этого могъ бы служить экспортъ сахара; но тѣ 20—25 милл. руб., которые мы получаемъ по этой статьѣ, слѣдуютъ за товаръ, продаваемый иностранцамъ въ убытокъ, покрываемый—благодаря правительственной нормировкѣ производства — русскимъ потребителемъ этого продукта. Другихъ продуктовъ технической переработки сельско-хозяйственныхъ произведеній (не говоря объ отрубяхъ и выжимкахъ, которымъ лучше было бы идти на кормъ русскаго скота) мы почти не вывозимъ; а изъ продуктовъ первичныхъ или полуобработанныхъ слѣдуетъ указать на ленъ и пеньку, вывозимые на сумму 80—90 милл. рублей, живой скотъ на 10 милл. рублей и кожи на 10 милл. рублей.

Указанный составъ нашего экспорта продуктовъ сельскаго хозяйства, въ которомъ такъ преобладаетъ дешевое зерно и такую слабую роль играютъ болѣе деликатные и дорогіе товары,

объясняется тѣмъ, что всѣ, сколько-нибудь густо населенныя страны,—вывозятъ ли онѣ сельско-хозяйственные продукты или получаютъ таковые изъ-за границы,—стремятся расширить производство мяса, масла, вина, фруктовъ и т. п. на счетъ добычи зерна, потому что первые продукты допускаютъ производительное употребленіе труда земледѣльца въ теченіе круглаго года и возвышеніе его дохода путемъ улучшенія качества товара, а въ зерновомъ хозяйствѣ земледѣлецъ находитъ примѣненіе своему труду лишь въ теченіе лѣтняго полугодія, и стойкій характеръ натуры продукта не допускаетъ быстрыхъ измѣненій его качества. То или другое достоинство зерна зависитъ къ тому же отъ естественныхъ свойствъ почвы болѣе, чѣмъ отъ искусства земледѣльца, и это есть первый и самый простой продуктъ земледѣлія, не требующій крупныхъ затратъ со стороны хозяина. Производство зерна и помѣщеніе его на внѣшнихъ рынкахъ доступно поэтому для самаго несовершеннаго хозяйства, въ странахъ, гдѣ земледѣлецъ не находитъ болѣе выгоднаго примѣненія своему труду; доступнымъ оно поэтому оказалось и для несовершеннаго русскаго хозяйства, въ которомъ ищетъ примѣненія своихъ силъ масса населенія, не имѣющаго другихъ источниковъ дохода. Иное дѣло—прочіе продукты сельскаго хозяйства. Они требуютъ лучшей обработки земли, бо́льшаго примѣненія удобренія, болѣе дорогой хозяйственной обстановки,—словомъ, такихъ расходовъ, которые могутъ окупиться лишь при значительной цѣнѣ товара, и такихъ знаній, которыя еще предстоитъ пріобрѣсти нашему народу. Въ этой области сельскаго хозяйства естественныя свойства почвы и дешевый трудъ отходятъ на задній планъ, а главнымъ орудіемъ борьбы съ другими производителями становятся искусство и культурность хозяина. Условія конкурренціи здѣсь сближаются съ тѣми, какія свойственны заводско-фабричной дѣятельности, и побѣда въ борьбѣ остается на сторонѣ богатаго и культурнаго, а не бѣднаго и невѣжественнаго производителя. Вотъ почему мало-культурная Россія не имѣетъ и не можетъ имѣть въ ближайшемъ будущемъ крупныхъ успѣховъ въ борьбѣ за рынки съ такимъ высоко-коммерческимъ промышленнымъ соперникомъ, какъ Соединенные Штаты Сѣверной Америки, хозяйственная эволюція которой тоже уже поставила вопросъ о возвышеніи интенсивности сельскаго хозяйства и объ обезпеченіи ея земледѣльческому населенію производительнаго занятія въ этой области въ теченіе круглаго года, для пополненія дефицита, образовавшагося вслѣдствіе лишенія его зимнихъ заработковъ не-земледѣльческаго характера.

Другое препятствіе крупному возвышенію интенсивности нашего земледѣлія мы встрѣчаемъ въ фактѣ, который мало принимается во вниманіе при разсужденіяхъ объ этомъ предметѣ,— фактѣ ограниченности потребностей, которымъ служатъ продукты сельскаго хозяйства, и сокращенія ихъ примѣненія. Въ прежнее время растительный и животный міръ доставлялъ человѣку предметы питанія, передвиженія, одежды, освѣщенія, отопленія, матеріалъ для построекъ и т. п., а съ теченіемъ времени область примѣненія продуктовъ этого міра, а слѣдовательно и продуктовъ сельскаго хозяйства, сокращается болѣе и болѣе. Въ постройкахъ вмѣсто дерева болѣе и болѣе находятъ примѣненіе камень и желѣзо, въ отопленіи дерево замѣняется каменнымъ углемъ и нефтью, въ освѣщеніи жиры замѣняются керосиномъ, смазочныя растительныя масла уступаютъ мѣсто минеральнымъ, конопляные и льняные канаты и кожаные ремни — желѣзными; и даже въ область питанія начинаютъ врываться продукты неорганическаго міра. Въ области матеріаловъ производства, не затронутыхъ присущей цивилизаціи тенденціей замѣнять въ употребленіи человѣка организованную матерію неорганизованной, стаются еще кожа и прядильныя растительныя вещества, служащія для одежды. Но кожи не могутъ быть предметомъ спеціальнаго приготовленія въ интенсивномъ сельскомъ хозяйствѣ, а въ отдѣлѣ прядильныхъ матеріаловъ большее и большее значеніе получаетъ хлопокъ, произрастающій въ жаркихъ странахъ, и суживается примѣненіе продуктовъ умѣреннаго пояса — льна и конопли. Такое направленіе хозяйственной эволюціи цивилизованнаго міра ограничиваетъ значеніе сельскаго хозяйства въ области производства и потребленія.

Основывать, поэтому, прочное зданіе матеріальнаго благополучія огромной страны на развитіи сельско-хозяйственнаго производства значитъ строиться на пескѣ или болотѣ. Сельское хозяйство больше и больше будетъ ограничиваться производствомъ предметовъ питанія, причемъ болѣе цивилизованныя государства захватываютъ въ свои руки приготовленіе наиболѣе дорогихъ изъ этихъ предметовъ, а Россіи приходится довольствоваться доставкой на внѣшніе рынки дешевыхъ, преимущественно зерновыхъ товаровъ. Собственный ея рынокъ тоже не можетъ служить основаніемъ для высокаго развитія земледѣлія. Промышленное населеніе у насъ крайне незначительно; заработки его, а слѣдовательно и запросъ на предметы питанія высшаго качества, невелики; спросъ на растительные матеріалы производства сокращается. Оттого-то на низкой ступени интенсивности стоитъ

у насъ не только хозяйство бѣднаго, невѣжественнаго и безправнаго крестьянина, но и хозяйство образованнаго дворянскаго сословія. Оттого же и успѣшныя попытки поднятія крестьянскаго хозяйства не приводятъ къ ожидаемымъ результатамъ существеннаго измѣненія системы послѣдняго. Въ московской губерніи, напр., благодаря помощи земства, тысяча общинъ оставили трехполье и перешли къ многопольнымъ сѣвооборотамъ съ посѣвомъ травъ, причемъ въ волоколамскомъ уѣздѣ преобразованіе распространилось на большую половину крестьянскихъ земель. Указанное измѣненіе сѣвооборота съ расширеніемъ кормовой площади на счетъ пищевой, согласно ученію агрономіи, составляетъ лишь первый шагъ къ развитію интенсивнаго скотоводства; и такое значеніе оно имѣетъ въ тѣхъ немногихъ помѣщичьихъ хозяйствахъ центральной нечерноземной полосы, гдѣ дѣло поставлено раціонально. Но въ крестьянскомъ хозяйствѣ московской губерніи за первымъ успѣшнымъ шагомъ не послѣдовало второго; и, вмѣсто увеличенія скота и производства продуктовъ скотоводства, хозяева сбываютъ на рынкѣ траву. Причину сказаннаго, кромѣ острой нужды въ деньгахъ, мѣстный агрономъ г. Бажаевъ видитъ въ томъ, что, вслѣдствіе „невысокаго средняго уровня потребностей даже городского (прибавимъ—къ тому же подстоличнаго) населенія— промышленное молочное хозяйство оказывается выгоднымъ лишь въ подгородныхъ мѣстностяхъ“ [1]). А много ли у насъ такихъ мѣстностей?

Въ разсужденіяхъ о возможныхъ результатахъ улучшенія крестьянскаго хозяйства фигурируетъ всегда и соображеніе о томъ, что, увеличивъ добычу зерна, сельское населеніе получитъ, по крайней мѣрѣ, возможность наѣдаться досыта и не будетъ влачить, какъ теперь, полуголоднаго существованія. Мы сомнѣваемся, однако, и въ этомъ результатѣ. Въ натуральномъ хозяйствѣ, дѣйствительно, лишній пудъ зерна равносиленъ лишнему куску хлѣба. Но не то въ хозяйствѣ денежномъ, гдѣ неимущій производитель обремененъ долгами, уплачиваемыми изъ урожая, и когда у него имѣется тысяча другихъ нуждъ, которыя могутъ быть удовлетворены только деньгами. Для полученія этихъ денегъ имъ будетъ пущено въ продажу все зерно, какъ продается оно и нынѣ, несмотря на то, что весною его приходится покупать обратно для посѣва или пропитанія. Къ этому побудитъ крестьянина, между прочимъ, и то обстоятельство, что усиленное производство зерна поведетъ къ пониженію его рыночной цѣны

[1]) „Русскія Вѣдомости“, 1905, № 230.

и къ необходимости продажи бо́льшаго количества для выручки прежней суммы денегъ. Насыщеніе досыта собственнымъ хлѣбомъ нынѣ голодающаго земледѣльца было бы обезпечено въ случаѣ, еслибы остальныя главныя, личныя и общественныя потребности его получили уже удовлетвореніе. Но вѣдь этого же не наблюдается въ дѣйствительности; и нищенствующій земледѣлецъ и при увеличенномъ сборѣ съ своего участка можетъ остаться въ полуголодномъ состояніи: ему нельзя назначить на всѣ остальныя нужды лишь ту сумму, какая останется послѣ полнаго удовлетворенія потребности питанія. Но еслибы это заключеніе оказалось и ошибочнымъ, еслибы поднятіе земледѣлія привело къ тому, что крестьянинъ, оставаясь бѣднякомъ, наѣдался бы досыта, то это еще не разрѣшало бы вопроса объ экономическихъ затрудненіяхъ Россіи. Мы все таки оставались бы безъ средствъ удовлетворенія многочисленныхъ потребностей, связанныхъ съ принадлежностью Россіи къ семьѣ цивилизованныхъ народовъ.

Изъ всего, что́ было изложено выше, слѣдуетъ такое заключеніе.

Вслѣдствіе опредѣленной комбинаціи условій внутреннихъ и внѣшнихъ, естественныхъ, экономическихъ и культурныхъ — намъ поставлены очень узкія границы поднятія производительности земли, и успѣхами земледѣлія мы не можемъ обезпечить себѣ достойное положеніе въ ряду цивилизованныхъ государствъ. Опытъ и простыя научныя соображенія говорятъ, что мы напрасно стали бы добиваться такого положенія и путемъ развитія индустріи, какъ системы коммерческихъ предпріятій. Намъ нужно вообще очень осторожно относиться къ мысли о примѣненіи тѣхъ формъ экономическаго прогресса, которыя такъ блистательно осуществились въ передовыхъ странахъ и движущимъ нервомъ которыхъ служитъ конкурренція. Въ нашъ вѣкъ упорной борьбы цивилизованныхъ обществъ за рынки для ихъ произведеній, отсталая многолюдная страна, подобная Россіи, не должна въ своихъ разсчетахъ о пріобрѣтеніи прочнаго матеріальнаго основанія для культурныхъ успѣховъ исходить изъ предположенія о побѣденіи ею соперниковъ на полѣ конкурренціи. Это значитъ, что ей не слѣдуетъ строить проекты обезпеченія матеріальнаго преуспѣянія на соображеніяхъ о вѣроятной эволюціи мірового рынка, потому что онъ будетъ скорѣе использованъ ея соперниками, а не ею. Надежда же на то, что, взамѣнъ внѣшняго рынка, у насъ разовьется широкій внутренній спросъ на разные продукты,

не имѣетъ подъ собой прочнаго основанія. Намъ остается, поэтому, идти навстрѣчу этому спросу, а не ожидать его! Этотъ спросъ существуетъ въ потенціальномъ состояніи, и нужно только дать возможность ему проявиться. Онъ заключается въ неудовлетворенныхъ народныхъ потребностяхъ и не предъявляется на рынкѣ лишь за отсутствіемъ у народа покупательныхъ средствъ. Задача нашей общественной мысли заключается, поэтому, въ устраненіи этого посредствующаго звена (рынка спроса) въ процессѣ удовлетворенія народныхъ нуждъ и въ изысканіи формъ удовлетворенія послѣднихъ путемъ планомѣрной организаціи производства въ прямой связи съ потребленіемъ. Россія имѣетъ массу неудовлетворенныхъ потребностей; ея естественныя богатства остаются безъ надлежащей разработки; огромная часть ея рабочей силы не имѣетъ производительнаго примѣненія; наука открыла способы многократнаго усиленія естественныхъ производительныхъ силъ страны. Будемъ же исходить изъ этихъ посылокъ, какъ изъ основанія для зданія матеріальнаго благоустройства страны. Привлечемъ къ работѣ всю живую силу народа, вооружимъ ее механическою силою природы и направимъ этотъ могущественный производительный аппаратъ на разработку естественныхъ нашихъ богатствъ въ цѣляхъ удовлетворенія уже опредѣлившихся и имѣющихъ еще возникнуть потребностей страны. Будемъ основываться на внутреннихъ потребностяхъ и средствахъ ихъ удовлетворенія и отбросимъ разъ навсегда предразсудокъ, выращенный продолжительнымъ подчиненіемъ цивилизованнаго міра руководительству капитала, и гласящій, что достаточное развитіе производительности труда обезпечивается лишь столкновеніемъ всѣхъ въ общей свалкѣ, гдѣ будутъ побѣдители, но должны оказаться и побѣжденные.

В. В.

ИЗЪ

ДРУЖЕСКОЙ ПЕРЕПИСКИ

ГР. А. К. ТОЛСТОГО

Письма княгини Каролины Виттгенштейнъ.

1868 — 1875 г.г.

Печатая письма княгини Виттгенштейнъ къ графу Алексѣю Константиновичу Толстому, мы нашли необходимымъ сказать нѣсколько словъ о выдающейся личности этой женщины, имя которой мало знакомо современной читающей публикѣ.

Полька по происхожденію, Каролина Ивановска родилась въ 1819 году и очень рано вышла замужъ за младшаго сына фельдмаршала князя Виттгенштейна. Послѣ двѣнадцати лѣтъ, проведенныхъ съ мужемъ въ одиночествѣ деревенской жизни, въ 1848 году, княгиня Каролина Виттгенштейнъ навсегда покинула подольскія степи и переѣхала въ Веймаръ, съ своимъ единственнымъ ребенкомъ, гдѣ и поселилась подъ покровительствомъ великой княгини Маріи Павловны, сестры императора Николая I. Послѣ смерти послѣдней и замужества своей дочери, княгиня Виттгенштейнъ уѣхала въ Римъ, который болѣе не покидала до дня своей смерти — 8 марта 1887 г.

Оставляя свою первую родину, въ тяготѣніи къ Европѣ, интеллектуальной отчизнѣ литературы и искусства, княгиня Виттгенштейнъ — въ жаждѣ и вѣчной погонѣ за идеалами красоты и

правды — вся отдалась изученіямъ религіозной философіи. Выражая свои мысли и убѣжденія на эту тему, она написала нѣсколько книгъ, изданіе которыхъ уже давно истощилось.

Изъ всѣхъ ея книгъ, лишь одна пережила ее, бывъ передѣлана опытной рукой Ласерра, подъ заглавіемъ: „Христіанская жизнь въ мірѣ“. Она была издана въ Парижѣ и переведена на нѣмецкій, итальянскій, испанскій и англійскій языки.

Въ одномъ изъ прежнихъ своихъ сочиненій — „Христіанство и буддизмъ“, — въ опроверженіе нѣмецкой философіи и въ особенности Шопенгауера, увлекавшагося буддизмомъ и утверждавшаго превосходство буддійскаго ученія надъ христіанскимъ, — она указываетъ на принципіальные вопросы, раздѣляющіе эти религіи, и доказываетъ всю безплодность филантропическихъ теорій буддизма.

Графъ А. К. Толстой глубоко цѣнилъ и уважалъ въ княгинѣ Виттгенштейнъ ея умъ и широкія мысли, и чисто христіанскія убѣжденія, — она же, съ своей стороны, преклонялась предъ его литературнымъ творчествомъ и, восторгаясь имъ, не щадила его своей тонкой критикой. Ихъ десятилѣтняя дружба и переписка кончились лишь смертью графа А. К. Толстого въ сентябрѣ 1875 года.

С. Х.

I.

Римъ.—$^{2}/_{14}$ января 1868 г.

Мой дорогой графъ, ваша книга была прелестнымъ отвѣтомъ на мое письмо минувшаго года, въ которомъ я васъ благодарила за „Іоанна“ [1]). А графъ Строгановъ привезъ намъ еще лучшія извѣстія: онъ говоритъ, что вы поглощены вашимъ „Ѳеодоромъ“, который долженъ увидать на будущій годъ свѣтъ рампы.

Имѣя высокое мнѣніе о вашемъ драматическомъ талантѣ, я чувствую большую радость отъ столь хорошихъ извѣстій; но вы слишкомъ молоды, и ваши поэтическія дарованія слишкомъ сильны, чтобы вы могли удовлетвориться успѣхомъ дилетанта.

Для васъ, успѣхъ „Іоанна“ есть только введеніе, или предисловіе.

Я даже думаю, что вся ваша „трилогія“ будетъ лишь блестящимъ прологомъ для вашихъ будущихъ твореній.

---

[1]) „Грознаго“.

Но какъ бы то ни было, необходимо, сперва, кончить *портикъ!*

Разумѣется, для вашей славы достаточно, что ваше имя украситъ русскую литературу. Но не допускайте, чтобы „большой свѣтъ“ съѣдалъ все ваше время.

Вы должны, главное, побѣдить то большое препятствіе къ развитію генія, — о которое геній всегда разбивается,—*личное счастье и богатство.*

Мнѣ кажется, что страданіе, какъ желѣзо въ плугѣ, — необходимо: оно обновляетъ и подымаетъ нашу душу, и этимъ даетъ ей возможность родить всѣ ей присущіе цвѣты и плоды.

То, что рѣдко—не есть невозможно. Напротивъ!

Все бываетъ на этомъ свѣтѣ;—и потому только, что поэтъ богатый, счастливый, одаренный, еще до сихъ поръ не встрѣчался—не есть причина не вѣрить, что такой будетъ и можетъ *быть* въ большомъ городѣ, въ которомъ генеалогія именъ дѣлаетъ честь человѣческому роду!

Да сохранитъ васъ Богъ между всѣми опасностями, которыя окружаютъ вашу музу!

Вотъ пожеланія, которыя я шлю искренно на вступленіе 68-го года вамъ и вашей столь прелестной графинѣ, очаровательный образъ которой является передо мной какъ поэтическое видѣніе дальняго края.

Прошу васъ, примите мои искреннія и дружескія пожеланія для васъ обоихъ.

Счастливый годъ вамъ и всѣмъ намъ, которые сумѣли васъ обоихъ понять и полюбить, но—не какъ обыкновенно бываетъ—за ваши различныя достоинства,—а за ваши, хотя разнообразныя достоинства, но которыя породнились въ высотахъ вашихъ прекрасныхъ душъ.

Вы оба тоже поймете искренность моего сердечнаго пожеланія побудить васъ къ творчеству — и просить васъ не хоронить вашего таланта, но развивать его во имя славы вашей страны и вашей эпохи.

Вы легко догадываетесь, какъ я была довольна и счастлива при одномъ видѣ вашей прекрасной книги, присланной вами.

Я въ восторгѣ, что вы ее напечатали,—такъ какъ мысли, искусство, чувства, только при распространеніи черезъ печать получаютъ жизнь и индивидуальную исторію.

Трудно рукописямъ, запрятаннымъ въ портфеляхъ автора, сохранить свою жизненную силу и достаточную энергію, чтобы когда-нибудь пробить себѣ дорогу.

Онѣ вянутъ въ безплодіи!

На свѣжемъ воздухѣ, подъ лучами горячаго солнца, труды пріобрѣтаютъ производительныя способности и силу размноженія.

Строгановы были такъ добры—подарили мнѣ цѣлый вечеръ, который былъ посвященъ вамъ.

Мы читали и восторгались вашими стихами, страницу за страницей.

Графъ читаетъ очень хорошо; онъ подчеркиваетъ веселую игривость, остроуміе и выдѣляетъ всю величественность болѣе глубокихъ стихотвореній.

Я съ удовольствіемъ узнала моихъ любимцевъ . . . . . Мы даже перечли „Грѣшницу“ и отрывки изъ „Іоанна Дамаскина“, которые, вѣроятно, менѣе по вкусу свѣтскимъ людямъ, но которые восхищаютъ мою душу, привыкшую болѣе къ чарамъ и прелестямъ одинокой жизни и къ строгимъ требованіямъ христіанской созерцательной жизни...

Я должна вамъ сказать, что я особенно восторгалась „Донъ Жуаномъ“... и его отъѣздомъ въ Римъ.

Графъ Строгановъ прочелъ эти страницы съ совершенно поэтическимъ вдохновеніемъ.

Вы себѣ легко можете вообразить, что я поняла и прочувствовала всю красоту.

Мнѣ кажется все-таки, что эти чувства, присущія германскому Тангейзеру, трудно вкладываются въ душу испанскаго Донъ-Жуана; но это *объективное* сужденіе исчезаетъ и забывается передъ *субъективнымъ* удовольствіемъ личнаго пріобщенія къ столь прекраснымъ чувствамъ, выраженнымъ въ столь прекрасныхъ стихахъ... Однимъ словомъ, ваша книга прекрасна и вся переполнена красивыми свѣже-зелеными лавровыми листьями, изъ которыхъ сплетается вашъ вѣнокъ *поэта!*..

Я васъ очень поздравляю и еще разъ благодарю, что вы вспомнили меня.

Я смѣю надѣяться, что это повторится съ „Ѳеодоромъ“...

Отчего меня нѣтъ въ Веймарѣ, гдѣ бы я восхищалась „Іоанномъ“, о которомъ такъ часто вспоминаю!

Какъ вы остались довольны постановкой, игрой Дарнштеллера и впечатлѣніемъ публики?

Говорятъ чудеса о переводѣ г-жи Павловой!..

Хорошо ли она устояла противъ неожиданныхъ освѣщеній и тѣней, которыя исходятъ, какъ лучи, изъ русскаго языка?

Вы могли бы доставить мнѣ большое удовольствіе, дорогой графъ, еслибы написали нѣкоторыя подробности насчетъ этого...

Кто-то повергается къ ногамъ графини, какъ искренній поклонникъ ея тихихъ чаръ...

А я беру смѣлость просить васъ обнять ее за меня „по хорошему, по доброму“,—уповая на ея доброту и хорошія чувства.

Графиня Строганова сказала мнѣ, что она не любитъ писать, а то бы я сѣтовала на нее, что она меня забываетъ.

До хорошаго свиданія—не правда ли? Рано или поздно—вы вернетесь въ Римъ.

Я хочу на то надѣяться, такъ какъ я люблю надѣяться на то, чего желаю.

А теперь прошу васъ—повѣрьте всѣмъ моимъ дружескимъ и лучшимъ чувствамъ, и прошу также сохранить мнѣ всѣ ваши...

II.

Римъ.—3/15 марта 1868 г.

Ваше письмо, дорогой графъ, доставило мнѣ немало удовольствій и вмѣстѣ съ тѣмъ меня опечалило, такъ какъ я узнала, что графиня нездорова; но если климатъ ей вреденъ, то слава должна быть ей полезна, и надо надѣяться, что ея духовное состояніе вознаградитъ ее за физическія недомоганія.

Мы принимали искреннее участіе отсюда во всемъ, что̀ касалось васъ, и Строгановы были такъ милы, что передавали мнѣ малѣйшія подробности, которыя доходили до нихъ, о вашей драмѣ,—а я въ свою очередь дѣлилась ими съ тѣми, которымъ вы сами, навѣрное, хотѣли бы передать...

Мнѣ одно лишь не нравится, что авторъ смотрѣлъ на свое произведеніе только три раза!

Вамъ необходимо, дорогой графъ, на себя *смотрѣть*, чтобы себя судить; вы знаете, что созданіе, исходящее изъ нашей мысли, совершенно особенное существо—имѣющее свои совершенства и свои недостатки, о которыхъ можно себѣ дать правильный отчетъ—только когда *увидишь* движеніе, *функціи* этого существа, *и увидишь самъ* впечатлѣніе, которое оно производитъ на публику.

То, что̀ говорятъ другіе, можетъ удовлетворить самолюбіе автора, но не совѣсть автора.

Вамъ уже извѣстна мысль, которую я себѣ забила въ голову, а именно, что вамъ предстоитъ создать еще много великихъ твореній, и еслибы это зависѣло отъ меня, я была бы очень довольна, чтобы всякое утро вашъ камердинеръ входилъ

въ вашу спальную со слѣдующими словами: „Вставайте, ваше сіятельство, вамъ надо сдѣлать еще много великихъ дѣлъ“.

Такъ будили Сенъ-Симона.

Я убѣждена, что въ васъ задатки великаго драматурга и великаго національнаго *поэта*.

Для этого нужно болѣе одного творенія: чтобы художественное произведеніе пріобрѣло настоящую жизненность—недостаточно его создать,—необходимо еще изучить всѣ созданныя до него работы автора.

Вотъ мы и дошли до моего второго удовольствія—ваша вторая драма!

Я очень счастлива, что вы о ней серьезно думаете, и хотя почти невозможно, чтобы вы немедленно стали опять работать, но будемъ надѣяться, что лѣтомъ вы будете въ полной силѣ и возьметесь за нее.

Знаете,—я настолько мало эгоистична, что могу даже утѣшиться не видѣть васъ въ Римѣ на будущій годъ, еслибы только вашъ „Ѳеодоръ“ могъ появиться на сценѣ къ этому времени... и отчего бы этому не быть?

Отъ „Іоанна“ до „Ѳеодора“—нѣтъ причинъ полагать большихъ измѣненій въ обстановкѣ; если вы заставите появиться большую часть тѣхъ же лицъ, въ тѣхъ же костюмахъ, въ той же обстановкѣ, это можетъ даже, напротивъ того, придать новой трагедіи трогательную оригинальность — пришлось бы развѣ прибавить нѣсколько новыхъ декорацій—незначительныхъ—и нѣкоторые костюмы для нѣсколькихъ новыхъ лицъ.

Вотъ видите, какъ было бы хорошо!..

Нѣсколько словъ, которыя вы мнѣ написали насчетъ новой драмы, носятъ отпечатокъ рѣдкихъ достоинствъ вашего ума: ясность и твердость—въ замыслѣ и въ мысляхъ...

Потому-то я и не безпокоюсь за ваши „линіи“.

Только очень *субъективные писатели*, у которыхъ страстность преобладаетъ надъ умомъ, и воображеніе которыхъ уноситъ за предѣлы первоначальнаго замысла, тѣ только рискуютъ забыть линіи—рисунокъ для колорита...

Вы же, преимущественно, *поэтъ объективный*!..

Слѣдовательно, рисунокъ вамъ хотя трудно дается, такъ какъ вы очень требовательны въ этомъ отношеніи — и хорошо дѣлаете!—но въ этомъ-то и ваша сила.

Мучьтесь, но не теряйте храбрость и бодрость!

Какъ говоритъ псалмопѣвецъ: *гнѣвайтесь, но не грѣшите!* т.-е. зачеркивайте, передѣлывайте, негодуйте, но, главнымъ обра-

зомъ, не отказывайтесь, дорогой графъ, и не позволяйте, чтобы *пожирали* ваше время.

Не дайте право потомству сожалѣть, что вы были богаты и счастливы.

Работайте безъ принужденія, но такъ, какъ будто бы васъ заставляли работать; трудитесь, чтобы доказать, что самыя благородныя требованія души—*любовь къ прекрасному, честь родины, охрана ея славы*—такіе же сильные побудители, какъ и матеріальныя требованія природы,—т.-е. *голодъ и холодъ!*

Для людей великаго таланта, съ сильной выдержкой, успѣхи, какъ бы велики они ни были—представляютъ лишь одинъ задатокъ на будущую славу.

Вамъ предстоитъ еще много дѣла; было бы очень выгодно для эффекта вашихъ пьесъ,—если бы ваша *трилогія* могла появиться на сценѣ въ теченіе трехъ лѣтъ.

Послѣ того театры могли бы ихъ давать, устраивая „недѣльныя серіи Толстого"—подобно Вагнеровскимъ серіямъ или Шекспировскимъ недѣлямъ. Даютъ же три „Генриха" въ теченіе одной недѣли. Это былъ бы лучшій способъ популяризировать быстро и вѣрно—ваше имя, ваши творенія и вашъ геній.

Итакъ—къ работѣ,—приступайте къ работѣ, дорогой графъ, еще взволнованный впечатлѣніемъ вашего перваго громкаго успѣха!

Вы должны ходить часто инкогнито въ parterre (партеръ), себя слушать, на себя смотрѣть, себя изучать; потомъ возвращайтесь домой, пишите, кончайте вашу трилогію,—и послѣ этого вы будете достойны немного отдохнуть, немного отдышаться въ Римѣ... Но что вы скажете, дорогой графъ, на мое письмо? Письмо старой педантки, но тоже и искренняго друга! Я чувствую, что *то*, о чемъ я мечтаю въ данную минуту, не сбудется—хотя бы только потому, что мечтанія рѣдко осуществляются.

Но зато я знаю, что Провидѣніе замѣчательно изобрѣтательно, и что часто оно осуществляетъ наши мечты *по своему*, и этотъ способъ, конечно, безконечно лучше и прекраснѣе всего другого.

Поэтому я никогда не отчаяваюсь и продолжаю мечтать и желать много прекраснаго и добраго.

Я вѣрю въ мистическую добродѣтель высокихъ и благородныхъ пожеланій.

Если они и не вызываютъ точный обликъ того, что мы думали, то они вызываютъ *духъ вещей*, который облекается въ неожиданный для насъ обликъ—но представляющій намъ все-таки *эссенцію нашей воли*...

Ахъ, дорогой графъ,—ахъ, дорогой графъ, вотъ я и попалась... желая загладить передъ вами мой скучный педантизмъ, я перешла въ непонятную *мистику*!.. Но къ чему бы служила дружба, если не для того, чтобы переносить наши обоюдные недостатки, а геніи — для того, чтобы терпѣливо выносить ошибки и недочеты нашего сердца?..

Я кончаю тысячью радостными поздравленіями и тысячью искренними пожеланіями.

Да поможетъ вамъ Богъ! Подарите вашей родинѣ великаго поэта.

Это отъ *васъ* зависитъ.

Богъ сдѣлалъ свое!

Iddio ha fatto il suo!

Онъ васъ одарилъ—а вамъ предстоитъ развить тотъ талантъ, который Онъ вамъ довѣрилъ—иначе вашъ талантъ дастъ только половину того, что онъ могъ бы дать!

Благодарю васъ за обѣщанную книгу,—я въ ней найду моего дорогого „Іоанна Дамаскина“! Съ любопытствомъ ожидаю впечатлѣніе, которое онъ на меня произведетъ въ печати.

Знаете ли вы, что *напечатаніе* для твореній ума—то же, что нарядное платье для женщины,—однѣ выигрываютъ, другія—теряютъ! Если я вамъ ничего не скажу—значитъ, „Іоаннъ Дамаскинъ“ ничего не потерялъ; если же нѣкоторыя страницы произведутъ на меня менѣе впечатлѣнія—моя откровенность, которая всегда отзывается *украинскимъ духомъ*, не сумѣетъ воздержаться, и я вамъ напишу всю правду.

Я такъ увлекаюсь этой поэмой, что я даже начинаю сомнѣваться въ самой себѣ и въ собственной оцѣнкѣ.

Листъ васъ сердечно благодаритъ за вашу добрую память.

„Es geht ihm gut“.

Ему живется хорошо.

Онъ часто бываетъ у Бобринскихъ, попрежнему; я тоже навѣщаю Строгановыхъ, и графъ Григорій все больше и больше овладѣваетъ моимъ сердцемъ.

Въ общемъ я провела отличную зиму—по отношенію здоровья. Погода стояла дивная — необыкновенная мягкость воздуха.

Можно было думать, что живешь въ Палермо.

Теперь настоящая весна, и въ серединѣ дня гулять уже *очень жарко*.

Такая погода стоитъ съ конца января! Подумайте! Ахъ, отчего васъ здѣсь нѣтъ съ графиней?!

Я жду обѣщанное ею письмо съ нетерпѣніемъ, такъ какъ впечатлѣніе женщины—совсѣмъ другое дѣло насчетъ всякаго событія, а *вашъ „Іоаннъ“—событіе.*

Прощайте, дорогой графъ, сохраните мнѣ вашу добрую память и повѣрьте, что достойное восхищеніе и справедливая оцѣнка вашихъ сочиненій доставили мнѣ большое счастье.

III.

Римъ.—Декабрь 1868 года.

Дорогой графъ, я только-что перевернула послѣднюю страницу вашей книги, и пишу вамъ подъ восторженнымъ впечатлѣніемъ, которое произвело на меня ваше произведеніе; обвиняйте меня въ пристрастности — но я нахожу, что это прекрасно и совершенно.

Я не вижу ни одного недостатка, я бы не хотѣла измѣнить ни одного слова.

Я помню всѣ сцены, которыя вы мнѣ уже раньше читали; однѣ изъ нихъ я нашла въ книгѣ, другія — нѣтъ... У васъ—рѣдкое мужество для автора: вы сами урѣзаете богатства вашихъ твореній—во имя требованій архитектуры и общей гармоніи.

Уничтоживъ сцены, въ которыхъ вы описывали смерть маленькаго Дмитрія, вы отказались отъ сценическаго эффекта, и я, какъ послѣдовательница новой германской школы, не могу не признать въ этомъ вашу большую заслугу; съ другой стороны, неизвѣстность объ этомъ фактѣ, которую вы тутъ допускаете, можетъ вами быть использована для третьей драмы вашей *трилогіи*. Кстати, *отчего* бы вамъ не дойти до тетралогіи? Отчего бы вамъ не закончить „Дмитріемъ“?

Вы, какъ властитель этой эпохи, какъ побѣдитель, какъ истый русскій и какъ поэтъ—вы должны написать „Дмитрія“. Два раза были сдѣланы попытки въ Германіи двумя великими поэтами своего времени — Шиллеромъ и Бебеломъ, и оба раза эти попытки остались неоконченными.

Да, мой дорогой графъ, вы еще напишете „Дмитрія“, такъ какъ я льщусь надеждой, что вашъ „Годуновъ“ приходитъ къ концу, а можетъ быть уже совсѣмъ оконченъ.

Я вамъ признаюсь, что я почувствовала большую радость, получивъ, нѣсколько дней тому назадъ, вашу книгу.

Но моя радость немножко омрачилась, когда я увидала на обложкѣ *второе изданіе*, а въ концѣ—„17 марта“. Вы ужъ

очень поздно подумали обо мнѣ, а я не изъ тѣхъ,—которые васъ мало цѣнятъ: я чрезвычайно чувствительна къ простотѣ въ драматическомъ искусствѣ и умѣю ее цѣнить—также, какъ и единство въ дѣйствіи и быстрое и естественное его развитіе.

Эмоція, которая этимъ порождается, не уничтожается вѣками и переживаетъ всѣ измѣненія вкусовъ слѣдующихъ поколѣній.

Вы идете по слѣдамъ Шекспира — какъ геніальный человѣкъ, т.-е. свободно: вы отъ него берете только его манеру, но вы не подражаете его недостаткамъ и не стремитесь къ тому, что̀ неподражаемо въ его индивидуальности,—такъ какъ у васъ есть своя индивидуальность, вашъ личный идеалъ и ваша оригинальность, которыя даютъ вамъ возможность *хорошо сдѣлать то, что̀ вы хотите сдѣлать;* и этой-то мѣрой мы и должны мѣрить творенія искусства.

Ваша драма можетъ не согласоваться со всѣми вкусами—нѣкоторые умы ищутъ въ театрахъ болѣе страстныхъ эмоцій и диѳирамбъ, болѣе влюбленныхъ, эффектныхъ рѣчей... Пусть же эти ходятъ смотрѣть другія пьесы—вотъ и все.

Не теряйте бодрости духа, не ищите другого пути ради вашихъ критиковъ.

Будьте увѣрены, что настоящіе знатоки искусства, великаго искусства, сумѣютъ признать въ васъ *вождя, — вождя,* имя котораго считается во всемірной литературѣ и вростаетъ въ память грядущихъ поколѣній.

Ваша драма представляетъ прекрасную картину лицъ и нравовъ того времени, безъ преувеличеній въ пользу или въ обиду человѣческой природы.

Всѣ характеры оттѣнены съ рѣдкой талантливостью,—всѣ послѣдовательны, и, что̀ еще труднѣе, всѣ интересны, несмотря на все, что̀ есть примитивнаго въ ихъ простотѣ.

Чувствуется штрихъ мастера; вы сумѣли создать трогательную и привлекательную личность изъ слабаго, ребяческаго, вѣчно сомнѣвающагося существа,—какъ былъ царь Ѳеодоръ.

Ирина совершенно величественна въ своей высокой добродѣтели, и разговоръ ея съ братомъ—одна изъ рѣдкихъ жемчужинъ, которою любая литература должна гордиться.

Еще что̀ мнѣ нравится, и что̀ выходитъ чрезвычайно оригинально и глубоко—это то, что вы показали Годунова, въ общемъ, какъ молчаливаго человѣка, но когда онъ говоритъ, его рѣчь поэтична и картинна; когда же онъ дѣйствуетъ—онъ выказываетъ волю и умъ, созданные для правленія; въ его словахъ онъ

открываетъ намъ богато одаренную душу, которая привлекаетъ своимъ величіемъ.

Въ сценѣ съ сестрой,—не знаешь, кому отдать предпочтеніе въ концѣ концовъ, кто пріобрѣтаетъ нашу симпатію.

Восторгаясь Ириной, почти-что жалѣешь, что она не раздѣляетъ широкіе взгляды брата.

Хотя, въ общемъ, вы хорошо сдѣлали, что *такъ* ее понимаете.

Минутная размолвка намъ открываетъ всю независимость ея души, всю возвышенность ея чувствъ,—не позволяющихъ ей раздѣлять честолюбивыя цѣли брата, которыя ей кажутся оплаченными слишкомъ дорогой цѣной.

Но эта симпатія къ двумъ дѣйствующимъ лицамъ, которая раздваиваетъ сердце зрителя,—и есть самый прекрасный и самый рѣдкій успѣхъ трагическаго поэта.

Къ этому стремились старые греки, а въ наше время это слишкомъ часто забывается.

Ваша послѣдняя трагедія выдержана въ иномъ тонѣ, нежели предыдущая; но это происходитъ отъ различія сюжета,—обѣ преслѣдуютъ ту же идею—лишь въ другихъ образахъ, съ неменьшей даровитостью, съ выдающимся талантомъ, хотя вторая драма—менѣе животрепещущая, чѣмъ первая; она можетъ быть болѣе совершенна съ точки зрѣнія искусства—чувствуется, что вы уже прошли черезъ сценическую опытность, и хотя вы не преклоняетесь передъ діалогами (какъ это бываетъ у романистовъ), вы считаетесь съ вашими силами, и вы сохраняете ихъ для важныхъ моментовъ.

Можетъ быть, при чтеніи ваша драма можетъ показаться нѣкоторымъ холодна, но я убѣждена, что на сценѣ она будетъ имѣть большой успѣхъ,—или я ужъ слишкомъ ошибаюсь...

Сцена примиренія, которую вы мнѣ прежде читали, очень широко набросана и вы ее очень удачно провели; а конецъ—это тотъ мастерской штрихъ художника, который дополняетъ картину и не требуетъ объясненій.

Все это мнѣ чрезвычайно нравится...

...Въ чтеніи, мнѣ кажется, народныя сцены немножко коротки, но я думаю, что на театрѣ постановка (вся mise en scène) ихъ достаточно расширитъ и удлиннитъ.

Въ общемъ, я васъ поздравляю *отъ всего сердца*; вы дѣлаете то, о чемъ я васъ такъ просила,—вы продолжаете вашу карьеру. Продолжайте же ее...

Вышлите мнѣ *скорѣй* вашего „Годунова“.

Я жду его съ любопытствомъ, хотя я о немъ ничего не знаю...

Послѣ него, напишите „Дмитрія“, — но не посылайте мнѣ экземпляры второго или третьяго изданія! Меня это очень оскорбляетъ.

Говорятъ, дорогой графъ, что вы у себя въ деревнѣ, и совсѣмъ не намѣреваетесь пріѣхать въ Римъ. Для себя, я очень этимъ огорчена!..

Вашъ образъ связанъ съ дорогимъ и поэтическимъ образомъ графини,—часто я васъ вижу обоихъ передъ собой... Всегда, проѣзжая по улицѣ „delle Tre Canelle“, я вызываю *ваши образы*— и что бы я ни дала, чтобы опять свидѣться съ вами!..

Я узнала, что ваша племянница замужемъ; если она меня еще помнитъ, прошу, передайте ей хотя позднія, но самыя искреннія поздравленія.

А когда же мы увидимся въ Римѣ? А когда же я услышу опять васъ—читающаго мнѣ страницы изъ вашего лирическаго собранія?

Но,—но, дорогой графъ, я никогда не любила моихъ друзей только для себя,—а моя дружба къ вамъ очень искренняя и очень сердечна, но... но... я должна сознаться, что вы потеряете ваше время въ Римѣ, что вы не можете здѣсь работать, что вы даже не можете здѣсь найти ту атмосферу родины, которая необходима для вашего вдохновенія.

Самая убогая деревушка въ Россіи полезнѣе вамъ, чѣмъ—Парижъ, Лондонъ или Римъ, такъ какъ вы найдете въ ней народный характеръ, который вѣками не выдыхается въ деревенской свободѣ, и въ которомъ вы найдете много полезнаго для вашихъ твореній. Люди, какъ *вы*, не живутъ на этой землѣ— *для своего удовольствія и для придворныхъ церемоній*. Они посланы для того, чтобы отдать должную честь своей родинѣ своей работой.

Современное направленіе состоитъ въ томъ, чтобы уничтожить спеціально-народную поэзію. Россія во многомъ еще отстаетъ и, слава Богу, въ этомъ тоже. Поэты исключительно національные становятся теперь все рѣже и рѣже. Вы—одинъ изъ послѣднихъ, но не одинъ изъ меньшихъ.

Вы должны отдаться сердцемъ и душой вашему генію. Книга, подобная той, которую вы мнѣ только-что прислали, равняется шести мѣсяцамъ удовольствія васъ видѣть и бесѣдовать съ вами.

Удовольствіе проходитъ—книга остается. Ваше направленіе

столь благородно, ваше знаніе человѣческаго сердца такъ тонко, ваши писанія такъ правдивы и такъ далеки отъ всякихъ пустыхъ подражаній, къ которымъ стремится безплодное воображеніе, что ваши творенія должны мало-по-малу дойти до того, что они станутъ на ряду съ самымъ лучшимъ наслѣдіемъ, которое оставляетъ XIX-е столѣтіе своему потомству.

Я повторяю: *мало-по-малу*, такъ какъ вы должны ожидать, что васъ будутъ критиковать, васъ будутъ опровергать, на васъ будутъ нападать, и т. д., и т. д... Если бы этого не было, это былъ бы дурной знакъ.

Благоволите передать мои дружескія пожеланія графинѣ. Я очень надѣюсь на ея любезную и добрую память обо мнѣ.

Совершенно понятно, что среди волненій и заботъ, которыя ей дала постановка „Іоанна Грознаго“, она не могла успѣть мнѣ написать. Но, скажите ей, какъ бы я была счастлива, еслибы въ свободные часы деревенской жизни она написала мнѣ о себѣ и о васъ.

Госпожа Арнеманъ, одна изъ вашихъ горячихъ поклонницъ, пріѣхала сюда и дала мнѣ тысячу маленькихъ подробностей о представленіи вашего „Іоанна“ въ Веймарѣ, при которомъ она присутствовала.

Вы знаете, что теперь директоръ театра въ Вѣнѣ—*Ганъ*, поэтъ (Мюнхъ Беллингхаузенъ).

Онъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ моей дочерью, которая, еще до замужества, напечатала французскій переводъ его „Ифигеніи въ Дельфахъ“. Не желаете ли вы, какъ другъ матери, послать моей дочери экземпляръ вашего „Іоанна“ по-нѣмецки. На этотъ сезонъ—слишкомъ поздно, но можно было бы поставить „Іоанна“ на будущій сезонъ.

Моя дочь много слышала про васъ отъ меня, и если не встрѣтится никакихъ мѣстныхъ и личныхъ препятствій, какъ это всегда бываетъ во всѣхъ театрахъ, то ваша пьеса не замедлитъ получить должную оцѣнку лучшими знатоками театра и вѣнской публикой. Чтобы написать моей дочери, вамъ не нужно никакихъ посредниковъ. А теперь, дорогой графъ, дайте мнѣ пожать вамъ руку дружественно, очень дружественно.

Вы поэтъ, и великій поэтъ! У васъ благородное сердце, которое ведетъ вашъ геній по высотамъ человѣческихъ познаній; не удивляйтесь, что за вами послѣдуетъ толпа, слишкомъ привыкшая шагать только по долинамъ...

Идите за вашей звѣздой. Она очень прекрасна и высока.

IV.

Римъ—25 апрѣля 1870.

Дорогой поэтъ! Ваши прекрасныя строки дошли до моей души. Какой чудный приливъ высокихъ чувствъ и какая скромность въ оцѣнкѣ вашего „Бориса Годунова“ [1])!..

Я думаю, что будущее поколѣніе будетъ справедливѣе васъ — по отношенію этой драмы, которую, мнѣ кажется, вы, къ сожалѣнію (по вашимъ же словамъ), недостаточно цѣните.

Если бы я имѣла счастье прочесть ее съ вами, мы бы поговорили болѣе подробно; но я не хочу, чтобы вы отнесли къ дружбѣ мое внутреннее прозрѣніе о вашихъ намѣреніяхъ.

Дружба — сама по себѣ, *per se*, а восхищеніе мотивируется вашими твореніями.

Ваша мысль написать драму изъ эпизода исторіи Новгорода меня восхищаетъ.

Держитесь крѣпко вашего рѣшенія, и какъ вы сами отлично сказали—передъ вами откроется болѣе широкое поле, чѣмъ то, на которомъ вы до сихъ поръ стояли. Мужайтесь! Пишите теперь!

Весна васъ призываетъ къ работѣ: это время года создано для поэтовъ,—весной *недѣли* равняются годамъ для нихъ.

Я не могу достаточно поздравить васъ съ прекраснымъ выборомъ сюжета! Не слабѣйте—не отрекайтесь! А теперь, дорогой графъ, приходится сойти съ высотъ поэзіи къ грустной реальности.

Вы нездоровы, и милая графиня тоже! Это-то мнѣ очень прискорбно и больно. Я только-что спрашивала о васъ у баронессы Мейендорфъ; она должна имѣть извѣстія изъ Висбадена.

Я думаю, что *слѣпота* уже прошла, и что драгоцѣнная больная обладаетъ вновь своимъ яснымъ зрѣніемъ—тождественнымъ съ ея яснымъ умомъ...

Вы не должны теперь оставлять меня долго безъ извѣстій насчетъ ея состоянія,—къ тому же я васъ прошу объ этомъ отъ имени вашихъ хорошихъ римскихъ друзей... Это — для сердца, а ради дружбы, дорогой поэтъ,—напишите мнѣ что-нибудь про вашу новую драму.

Мое искреннее поклоненіе вашей музѣ дастъ мнѣ надежду на это маленькое исключеніе.

---

[1]) Напечатанъ въ „Вѣстникѣ Европы“, 1871 г., мартъ.—*Ред.*

Повѣрьте мнѣ,—когда я получаю одно изъ вашихъ хорошихъ длинныхъ писемъ, въ моей душѣ *праздникъ!*

Сохраните мнѣ, дорогой поэтъ, ваше довѣріе и вашу дружбу, и повѣрьте, что я всегда—ваша восторженная поклонница.

P.S. Не забудьте прислать мнѣ поскорѣе переводъ Эмиля Виттгенштейна и при случаѣ выразить ему мои комплименты насчетъ хорошей мысли, которую онъ возъимѣлъ—сдѣлать этотъ переводъ.

Прибавьте къ этой посылкѣ баллады, стихотворенія или другія ваши сочиненія на какомъ бы ни было языкѣ—вы знаете, для вашихъ твореній я—*благодарная публика*—ein dankbares Publicum.

V.

Римъ.—11 апрѣля 1873 г.

Насколько я радуюсь, мой дорогой графъ, что я васъ увижу, настолько я огорчена не видѣть графини. По крайней мѣрѣ, прошу васъ, скажите ей, какъ я сожалѣю, что я не могу ее увидать хоть на минуту, во время ея проѣзда черезъ Италію.

Скажите ей, что я шлю ей наилучшія пожеланія для ея путешествія, а также прошу ее передать мои дружескіе привѣты ея прелестной племянницѣ въ Константинополѣ. Я надѣюсь и разсчитываю увидѣть васъ обоихъ будущей зимой...

Идея о новгородской драмѣ съ Марѳой-Посадницей меня восхищаетъ, — я вамъ объясняла это уже въ общемъ и въ подробностяхъ.

Но объ этомъ мы поговоримъ еще пространнѣе.

Еслибы вы только знали, какъ я радуюсь опять васъ увидѣть и опять услышать чтеніе вашихъ стихотвореній — столь прекрасныхъ, столь полныхъ богатой гармоніи, высокихъ чувствъ и звучности.

Ich sehne mich darnach!

Каннистъ хочетъ устроить переводъ вашего „Серебринаго“ по-французски. Скажите, напечатанъ ли онъ въ отдѣльномъ изданіи по-итальянски, такъ какъ я его немедленно хочу купить и дать его прочесть моей дочери и всѣмъ ея знакомымъ.

Какъ его заглавіе по-итальянски?

Я ужасно радуюсь васъ видѣть опять, мой дорогой графъ.

Постарайтесь подарить мнѣ какъ-нибудь хорошій полный вечеръ.

P.S. Художникъ большого таланта написалъ огромную картину на вашу легенду св. Магдалины. Къ несчастью, картина не имѣла того успѣха, который она заслуживаетъ, изъ-за того что художникъ въ своемъ *реалистическомъ* направленіи окружилъ Магдалину неподходящей обстановкой. Онъ забылъ, что св. Магдалина была высокопоставленная госпожа и что она водилась только съ высокопоставленными и властными дамами.

VI.

Римъ.—20 мая 1873.

Мой дорогой поэтъ!

Я не хочу пропустить *ни одного дня, ни одного часа*, чтобы вамъ сказать, съ какою жадностью я прочла вашу балладу!

Какъ она подходитъ къ нашей эпохѣ... въ которой сила таланта такъ часто ослѣпляетъ и уничтожаетъ сердца, и когда сами поэты обладаютъ болѣе воображеніемъ, чѣмъ сердцемъ! Можетъ ли это быть, что вы недовольны переводомъ „Слѣпого“, когда переводъ „Алеши Поповича“ такъ удивительно удался? Для меня это—загадка.

Какая досада, что у меня нѣтъ прелестнаго „Слѣпого“ [1])!

Но какая счастливая добыча для меня, что я получила „Алешу Поповича“, который просто chef d'oeuvre между всѣми другими chef d'oeuvre'ами вашихъ сочиненій.

Я уже его прочла пять разъ въ теченіе часа, и я чувствую себя, всякій разъ, все болѣе упоенной и очарованной его совершенствомъ! И я, которая такъ часто нахожу, что въ сочиненіяхъ нашихъ современниковъ надо бы то одно, то другое передѣлать, подправить, перемѣнить, тутъ я могу сказать только одно слово: совершенно! глубоко, правдиво, трогательно, поэтично, драматично!

Я не могу вамъ сказать, съ какою любовью я буду хранить между моими самыми дорогими архивами этотъ автографъ вашей властной руки.

Отказываюсь отъ своихъ дорогихъ желаній для „Слѣпого“,—когда судьба чего-нибудь не хочетъ, безполезно съ ней бороться.

Я бы очень желала замѣнить одну балладу другой, но Листъ, вѣроятно, для этой баллады ничего не сочинитъ,—это не въ его духѣ. Es ist nicht in seiner Stimmung.

Меланхолія—не его дѣло, если она не возвышенна, какъ въ

[1]) Напечатанъ въ „Вѣстникѣ Европы“, 1873, май.

„Слѣпомъ“, высокой силой искусства, осѣняющей и освѣщающей тѣхъ, которые подымаются выше толпы и ее подымаютъ за собой.

Да, вы правы, дорогой поэтъ, стоитъ жить только ради *красоты* и *добра*.

Добро черезъ красоту, или красота черезъ добро!

Подобно электрическимъ токамъ или быстрымъ волнамъ, они несутъ насъ къ великому морю съ безконечными далями, которое мы называемъ *вѣчностъ*, и гдѣ все будетъ — *гармонія* и *блаженство*.

Жизнь такъ прекрасна, *такъ* прекрасна, — и несмотря на всѣ ея страданія, — часто даже ради всѣхъ ея страданій.

Одно только можетъ быть прекраснѣе—*это будущая жизнь*, —*та, другая жизнь!*

И вотъ именно потому, что наша жизнь такъ прекрасна, ее нужно любить, ее цѣнить, ею дорожить.

Дорогой графъ, и именно потому берегите себя, дорожите собой—для вашихъ друзей, для тѣхъ, которые васъ любятъ, васъ цѣнятъ, — наконецъ, для искусства! Для искусства, для поэзіи, для красоты! Помните, что вы принадлежите къ тѣмъ, которые, обладая „*Божьимъ даромъ*“, воплощаютъ красоту и обаяніе облика, — вы свѣточи, скажу болѣе, вы—благодѣтели общества...

Еще, и еще, и еще благодарю васъ за балладу „Алеша Поповичъ“... Благодарю васъ за вашу дружбу, дорогой графъ и дорогой поэтъ! Ваша дружба—одна изъ драгоцѣнностей моей жизни.

P.S. Одно изъ затрудненій написать музыку на вашу балладу „Алеша Поповичъ“ составляетъ быстрое измѣненіе и разнообразіе сюжетовъ въ его пѣсни.

Музыка не можетъ догнать поэта, а въ „Слѣпомъ“, напротивъ, образы гораздо шире, занимая бо́льшій кругозоръ, и достаточно музыканту найти удачный тонъ, который бы поддавался медленнымъ модуляціямъ. Къ тому же сюжетъ разнообразенъ и легче поддается *музыкальнымъ выраженіямъ*.

Мнѣ даже кажется, что „Алеша Поповичъ“ почти потеряетъ въ музыкальномъ сочиненіи; — конечно, Рубинштейнъ могъ бы попробовать.

Вы, вѣрно, уже знаете, какой громадный успѣхъ имѣла опера „Маккавеи“ въ Берлинѣ;—меня это очень радуетъ, и я надѣюсь, что это — прелюдія къ возрожденію драматическаго искусства.

VII.

Римъ.—20 февраля, 1875.

Ваше сердце—истинно сердце поэта; не могу вамъ высказать, дорогой поэтъ, какую радость доставило мнѣ ваше доброе и длинное письмо въ общемъ и въ подробностяхъ. Вы это поймете—какъ истинный поэтъ-пророкъ!

Моя дружба вѣрна и честна, а мое восхищеніе—лучшей марки!..

Итакъ, я прочла описаніе вашихъ страданій съ большою грустью... Берегите себя лучше, чѣмъ доктора васъ берегутъ, и кричите имъ въ уши: „Помогайте мнѣ, но не отравляйте меня!“

Не правда ли, вы мнѣ простите мою откровенность искренняго друга... Случай, почти сонамбулическій, о которомъ вы мнѣ пишете, слѣдуетъ закрѣпить въ запискахъ поэзіи и даже физіологіи.

Но онъ меня не удивляетъ. Я знала и видѣла подобныя явленія, которыя доказывали полную независимость высокихъ душъ отъ ихъ тѣлесной оболочки.

Вы легко можете себѣ вообразить, съ какимъ нетерпѣніемъ я ожидаю эти стихи, чтобы прослѣдить движеніе вашихъ чувствъ черезъ ваши страданія. Мнѣ не нужно повторять, что я жду—не дождусь вашего „Посадника“...

Трагическій конецъ мнѣ тоже кажется единственнымъ и благодарнымъ исходомъ для столь ярыхъ и глубокихъ чувствъ, которыя дошли до отчаянной борьбы...

Но Баллада,—гдѣ Баллада? Какая радость узнать, что она переведена! Присылайте мнѣ ее скорѣе, скорѣе! Листъ именно теперь, можетъ быть, имѣлъ бы досугъ ее положить на музыку. Онъ только-что покинулъ Римъ, уѣхалъ въ Пештъ, и проведетъ лѣто, путешествуя по Германіи. Онъ вернется осенью, чтобы засѣсть за свою большую ораторію. А пока Баллада будетъ ему отдыхомъ для сердца и ума. Не премину пересказать ему всѣ слова, которыя ваша добрая и милая дружба диктуетъ мнѣ для него. Онъ будетъ *такъ же* тронутъ, какъ и я,—я не говорю: *болѣе*, такъ какъ это невозможно.

Ваши грёзы, ваше сердце будутъ благословеніемъ для его жизни. Вашъ ангелъ-хранитель перескажетъ ихъ его ангелу, и они вдвоемъ отстранятъ съ его пути всѣ камни и терніи, которые вы хотѣли бы сами отстранить. Но ваша жена—ваша

милая жена!—какъ это сдѣлалось, что я до сихъ поръ не упомянула ея имени. Это потому, что вы и она — едино; и думать съ вами и говорить съ вами — все одно, что думать съ нею и говорить съ нею. Какъ она, должно быть, страдала, что не могла помочь въ вашей болѣзни... но теперь вамъ лучше, и какъ она должна быть счастлива!

И я тоже, — я счастлива при одной мысли увидѣть васъ и знать, что вы поселяетесь въ Римѣ!

Наконецъ, наконецъ! Еслибы вы знали, какъ давно я этого желаю! Какую радость вы мнѣ доставляете этимъ обѣщаніемъ!

Что касается до квартиры, то не можетъ быть, чтобы въ Римѣ не нашлось что-нибудь для васъ. Поручите только вашимъ соотечественникамъ поискать.

Какъ я понимаю всю горесть вашей жены, что она не можетъ читать: я сама страдала глазами болѣе двухъ лѣтъ,—это былъ ревматизмъ... Хотя и теперь я еще не могу читать. Но у меня есть уши, и они жаждутъ васъ слушать; вы мнѣ прочтете *сонамбулическіе стихи* и *любовь къ портрету*, а главнымъ образомъ—послѣднія сцены „Посадника“!

Мой дорогой, дорогой графъ, благодарю васъ, благодарю васъ сердечно за ваше милое письмо, которое для меня—драгоцѣнное утѣшеніе и дорогой даръ.

О, если бы сердце вамъ подсказало написать мнѣ вскорѣ еще такое же письмо!

Будьте увѣрены что никто, увидавъ вашъ почеркъ, не почувствуетъ болѣе искреннюю и восторженную дружбу къ вамъ, какъ ваша сердечно преданная...

P.S. Я такъ торопилась вамъ отвѣтить, что почти забыла поговорить съ вами о вашемъ миломъ „Князѣ Серебряномъ“. Да, я узнала что итальянскій переводъ хорошъ. Но, главное, я въ восторгѣ, что вы имъ такъ довольны.

Мнѣ это доказываетъ еще разъ, что между синтаксисами славянскихъ языковъ и латинскихъ есть аналогія; хотя и трудно ее объяснить—она несомнѣнна.

Я не видала этого перевода въ книгѣ, мнѣ его показывали въ туринскомъ журналѣ, какъ фельетонъ.

Если у васъ есть экземпляръ, то скажите мнѣ, гдѣ можно купить эту книгу, чтобы я могла ее прочесть и распространять на всѣхъ языкахъ. Я давала читать оригиналъ всѣмъ русскимъ въ Римѣ.

Между прочимъ—Шереметевымъ, которыхъ я очень люблю...

Вернитесь къ тому лекарству, которое давалъ вамъ вашъ деревенскій докторъ; иногда то же самое лекарство послѣ нѣкотораго перерыва опять очень помогаетъ.

Что касается Баллады, то я горю желаніемъ ее скорѣе получить — и скажу вамъ очень и очень откровенно мою мысль о ней.

Увидимъ, придется ли поговорить съ m-me Павловой о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ, или просто принять переводъ, какъ онъ есть.

Я съ своей стороны—за принятіе перевода, такъ какъ смыслъ остается тотъ же, а это—главное, что̀ требуется для музыкальной композиціи. Можно будетъ всегда впослѣдствіи, для декламаціи, замѣнить нѣкоторыя строфы другими, безъ ущерба для музыки.

Главное, чтобы композиторъ зналъ слово за словомъ всѣ строфы,— чтобы можно въ Россіи декламировать эту балладу по-русски, въ Германіи по-нѣмецки, съ тѣмъ же аккомпаниментомъ оркестра или фортепіано.

Что касается комплиментовъ, которые вамъ говорятъ,—ихъ никогда вамъ не наскажутъ столько, сколько у меня ихъ въ мысляхъ для васъ, дорогой поэтъ! Я льщу себя надеждой, что я васъ понимаю „in your heart's core“—а это немногіе могутъ сказать.

Тѣмъ болѣе это рѣдко между сверстниками...

Приходится лишь извиняться, что я еще разъ повторю старый средневѣковой аксіомъ:—„On n'est jugé que par ses pairs“ (пара).

А у васъ ихъ такъ мало, дорогой поэтъ!

Нужно назвать балладу „Blinde Sänger“—„Слѣпой Баянъ“. Одно слово „слѣпой“ *совершенно* недостаточно. . .

VIII.

Римъ.—29 марта 1875.

Да, милый, дорогой графъ, да, *я васъ понимаю* во всемъ, какъ поэта и какъ друга.

Да, я могу оцѣнить всю дружбу, которая заключается въ вашемъ желаніи сдѣлать царскій подарокъ Листу, соединяя въ немъ матеріальное съ духовнымъ—вашъ автографъ и вашу мысль! Дорогой графъ, я васъ благодарю отъ его имени.

Что касается до другой баллады, дорогой графъ, она ни-

сколько не отрывиста въ стихахъ, нѣтъ—она великолѣпна, и ее уже оцѣнили въ Римѣ!

Но вы знаете, все, что̀ поэтично, не одинаково подходитъ ко всякому музыканту, а тутъ опять печальный конецъ — „par troppo vero, troppo spesso verrissimo“,—это и не подходитъ къ „indoli“ Листа.

Въ настоящую минуту мы имѣемъ „Слѣпого“, и я не могу достаточно васъ благодарить за него.

Благодарю и еще разъ благодарю тоже за ваше хорошее письмо и за память вашей жены, которую благодарю черезъ васъ самихъ.

Какую добрую и дорогую надежду вы намъ даете на будущую весну! Тогда вы мнѣ прочтете ваши *терцины*,—и къ этому времени вы, можетъ быть, уже окончите вашего „Посадника“ [1]).

Я молю добрыхъ ангеловъ, чтобы они освѣщали вашъ путь, дорогой мой поэтъ, и чтобы они уменьшили ваши страданія.

...Когда вы пріѣдете, дорогой графъ, въ Карлсбадъ, пришлите мнѣ вашу визитную карточку съ адресомъ; мнѣ это докажетъ, что вы хорошо доѣхали, и я вамъ сейчасъ же дамъ извѣстіе о вашей балладѣ и о Листѣ, а пока—тысячу хорошихъ и нѣжныхъ пожеланій счастливаго пути, и да сопутствуетъ вамъ архангелъ Рафаилъ, покровитель путешественниковъ, своимъ невидимымъ, но мощнымъ покровительствомъ.

Сохраните мнѣ вашу дорогую дружбу, и повѣрьте, что я остаюсь всегда васъ любящая—Каролина Виттгенштейнъ.

P.S. Баллада была окончена только вчера вечеромъ, въ десять часовъ, и я могла ее возвратить лишь сегодня.

Я надѣюсь, что вы уѣзжаете только завтра вечеромъ, и что вы ее получите до вашего отъѣзда изъ Флоренціи.

Гдѣ вы проводите зиму? Попросите вашу жену передать мои лучшія пожеланія m-me Хитрово.

---

[1]) Напечатано въ „Вѣстникѣ Европы“, 1876 г., апрѣль, уже послѣ смерти поэта въ сентябрѣ 1875 г.

ОСЕННІЕ ЛИСТЬЯ

ПОВѢСТЬ.

Въ эту долгую ненастную осень дни были сѣрые и пасмурные, ночи темныя... Почти каждый день моросилъ мелкій, пронизывающій дождь и дулъ рѣзкій, холодный вѣтеръ. Утренній разсвѣтъ заставалъ на лугахъ и въ лощинахъ волны сѣраго и тяжелаго тумана, потомъ туманъ разсѣется, поднимется къ небу, и замоситъ частый дождь на весь день и на всю слѣдующую темную ночь... Покачиваются въ полѣ придорожныя березки, гнутся и трепещутъ чахлыя вѣтви,—и падаютъ съ нихъ на сырую землю осенніе листья.

Темнымъ пятномъ на сѣромъ фонѣ неба выдѣляется тѣнистый садъ Тузовской усадьбы... Ветхая, унылая усадьба съ каждымъ годомъ разрушается все больше и больше—и прячетъ отъ глазъ унылыя руины, старинный тѣнистый садъ и, подъ стонъ непогоды,—роняетъ послѣдніе осенніе листья...

I.

— Ромашка! эй, Ромашка! Иди скорѣй — барыня зоветъ...

Такъ громко кричала кухарка Секлетинья, появившись на заднемъ крыльцѣ дома, въ одномъ платкѣ на головѣ, несмотря на дождь и вѣтеръ. По двору, кутаясь въ кафтанишко, медленно шелъ невзрачный мужиченко, съ рыжебородымъ широкимъ лицомъ, вздернутымъ носомъ и узенькими сѣренькими глазками. Онъ молча выслушалъ окрики кухарки, не прибавивъ шагу, поднялся на крыльцо и, снявъ съ головы картузъ, ударилъ имъ о дощатую стѣнку: на доскѣ отпечаталось мокрое пятно.

— Иди скорѣй! Барыня, Марья Николавна, зоветъ... бранится,—повторила еще разъ кухарка уже въ кухнѣ.

Ромашка, поскребя ногами о рогожку, постланную у двери, потопалъ лаптишками въ полъ и, оставивъ на половицахъ слѣды мокрыхъ ногъ, прошелъ къ двери, ведущей въ сосѣднюю комнату. Тяжелая дубовая доска, съ темнымъ пятномъ у скобы, тихо скрипнула на петляхъ, взвизгнулъ блокъ, когда толстая веревка потянула кверху тяжелый кирпичъ, зашитый въ холстину, и Ромашка очутился въ темномъ и длинномъ корридорѣ.

Въ большой квадратной комнатѣ въ три окна, съ чисто выбѣленными стѣнами, съ жесткой мебелью по стѣнамъ, съ громаднымъ буфетомъ въ углу и съ обширнымъ круглымъ столомъ посреди,—близорукій Ромашка не сразу замѣтилъ полную даму въ темномъ фланелевомъ платьѣ и съ пукомъ сѣдыхъ, высоко взбитыхъ волосъ. Марья Николавна сидѣла за маленькимъ столикомъ у окна. Заслыша шаги Ромашки, она сердито посмотрѣла на него изъ-подъ очковъ и громко проговорила:

— Я тебѣ, шельмецу - непослушнику, вчера говорила, чтобы ты посмотрѣлъ—отчего это въ моей спальнѣ у окна болтъ покою мнѣ не даетъ... всю ночь колотится, колотится... А ты что же, исполнилъ мое приказаніе?

Ромашка смущенно посмотрѣлъ на барыню и низкимъ теноркомъ отвѣтилъ:

— И не знай, что съ нимъ, съ окаяннымъ, дѣлать! Билъ, билъ вчера гвоздь... большущій забилъ, а онъ—вишь ты—все стучитъ да гремитъ...

— То-то гремитъ!.. Дѣлалъ бы руками, такъ и я ночь хорошо поспала бы... а то до самаго утра, всю ночь-поченьскую—съ боку на бокъ! съ боку на бокъ! Иди и засвѣтло еще разъ осмотри... привяжи, что-ли, его...

Ромашка удалился.

До прихода „холопа“, какъ по старой памяти барыня называла каждаго изъ своей прислуги,—Марья Николавна была занята пасьянсомъ. Раскладывая карты, она все время думала о тѣхъ неудачахъ, о которыхъ онѣ ей вѣщали, а что неудачи подстерегаютъ ее — въ этомъ Марья Николавна не сомнѣвалась. То стояли жары, засушившія травы на лугахъ и хлѣба на поляхъ, а то вдругъ залили дожди, благодаря чему едва управились съ уборкой хлѣба, котораго и безъ того-то уродилось немного...

Наступали сумерки. Въ широкія окна столовой съ гардинами засматривали вѣтки березъ сада, отчего въ комнатѣ, гдѣ

сидѣла Марья Николавна, темнѣло раньше, нежели въ сосѣднихъ комнатахъ, выходившихъ окнами во дворъ.

Убѣдившись, что и на этотъ разъ пасьянсъ не вышелъ, Марья Николавна съ сердцемъ бросила на столъ карты и, схвативъ съ окна колокольчикъ, позвонила. Черезъ минуту въ корридорѣ взвизгнулъ блокъ, громко стукнулась о косяки дверь и вслѣдъ за этимъ послышались чьи-то тяжелые и громкіе шаги. На порогѣ появилась Секлетинья.

— Ну, что ты топаешь-то! Сколько разъ тебѣ говорили: тише ходи! тише ходи!.. — позеленѣвъ, взвизгнула Марья Николавна, въ упоръ смотря въ лицо кухарки. Та молча выслушивала брань барыни и почему-то утерла кончикомъ платка губы.

— Самоваръ поставь!—немного спокойнѣе продолжала Марья Николавна. Секлетинья хотѣла было пойти, но, заслыша окрикъ барыни, осталась на мѣстѣ.

— Семенъ Егорычъ еще не пріѣхалъ?..

— Мотри-ка-сь нѣтъ... а може и пріѣхалъ...—отвѣтила кухарка.

— „Може, може“... А ты пойди да и узнай, а потомъ вернись и доложи барынѣ, что, молъ, пріѣхалъ... или нѣтъ... Сколько времени я буду тебя обучать-то! Третій мѣсяцъ живешь, деревенщина!.. Ступай!..

Кухарка ушла, на этотъ разъ уже не такъ громко ступая ногами, обутыми въ громадные башмаки.

— Проклятые... прости ты меня, Господи!.. Никакъ-то ихъ не пріучишь, ничѣмъ-то не проймешь!..

Марья Николавна встала, сняла съ переносья очки и, медленно шагая, дошла до двери въ корридоръ, гдѣ у порога еще не просохли пятна, оставленныя мокрыми лаптишками Ромашки. Барыня наклонилась къ полу, разсмотрѣла эти пятна, ругнула въ душѣ Ромашку, такъ же медленно шагая и почему-то прихрамывая на правую ногу, пересѣкла столовую по діагонали и, остановившись у двери въ комнату, гдѣ жила ея сестра Софья Николавна, тихонько постучалась.

— Софьюшка! Софьюшка!—позвала она, но, не дождавшись отклика сестры, отворила дверь.

Въ квадратной комнатѣ, съ двумя окнами во дворъ и съ темными обоями на стѣнахъ, было уютно. Вдоль стѣнъ была разставлена мягкая мебель подъ бѣлыми чехлами, въ углу помѣщалась кровать съ горой подушекъ подъ кружевной накидкой, въ простѣнкѣ между оконъ стоялъ небольшой письменный столъ,

за которымъ, въ глубокомъ креслѣ съ высокой спинкой, сидѣла дама, съ книгой въ рукахъ.

Съ лица Софья Николавна еще немного походила на сестру, только волосы ея не были еще такъ сѣды и жидки, какъ у Марьи Николавны. Зато Софья Николавна была выше ростомъ и стройнѣе сестры; корпусъ свой держала она прямо, ходила легко...

Марья Николавна опустилась на стулъ около столика, слегка отдулась, потерла пальцами переносицу и только уже послѣ этого проговорила!

— Ты что это читаешь?

— „Евгенія Онѣгина".

Зная слабость сестры къ книгамъ, Марья Николавна не мѣшала ея занятіямъ и только иногда, заскучавъ въ одиночествѣ, сердилась на невниманіе со стороны сестры и принималась ворчать. Раздраженная всѣми неблагопріятными обстоятельствами истекшаго дня, начиная съ болта, не дававшаго покоя всю ночь, и кончая пасьянсомъ, который не вышелъ, она вспылила и на Софью Николавну, углубившуюся въ чтеніе.

— Глазъ-то не жалѣешь?—сурово замѣтила она, глядя въ упоръ въ лицо сестры.

— Что сдѣлается... Посмотри, какая крупная печать,—отвѣчала покойно Софья Николавна, указывая на раскрытую книгу.

Сестры помолчали, словно сговорившись, посмотрѣли въ окно, на сырой дворъ, завѣшанный кисеей осенняго дождя, и обѣ разомъ тяжело вздохнули. Марья Николавна не сумѣла бы отвѣтить, вслѣдствіе какихъ причинъ тяжелый вздохъ всколыхнулъ ея грудь; у Софьи Николавны, напротивъ, была законная причина. До прихода сестры она только-что прочла сцену дуэли Ленскаго съ Онѣгинымъ. Безвременная смерть юнаго поэта всегда до слезъ трогала ее, и, несмотря на то, что она уже не первый разъ перечитываетъ романъ, — Софья Николавна все же прослезилась и проговорила:

— Какъ мнѣ жаль Ленскаго!... Красивый, чернокудрый поэтъ!.. И вдругъ—смерть! въ такую пору! въ пору любви!..

— Изъ-за чего они стрѣлялись-то, Софьюшка? Я что-то забыла,—спросила Марья Николавна.

Сестра пересказала ссору Онѣгина съ Ленскимъ и въ заключеніе даже прочла нѣсколько любимыхъ строфъ.

— Да-а... припоминаю, — протянула Марья Николавна.— Вотъ то же Юрій Всеволодовичъ Струйскій на дуэли дрался... Ну, того только поранили... Какъ сейчасъ я на него смотрю: высокій, стройный... красавецъ!..

При имени Юрія Всеволодовича Софья Николавна выходила изъ себя. Драгунскій офицеръ Струйскій, какъ говорили въ доброе старое время, дрался съ однимъ изъ своихъ полковыхъ товарищей изъ-за Марьи Николавны, благодаря чему репутація уѣздной красавицы прогремѣла на цѣлую губернію. Ревнивое сердце Софьи Николавны не переносило этого тогда, не могло оно быть покойнымъ и теперь. Софья Николавна страшно не любила, когда сестра вспоминала объ этой дуэли: Марья Николавна, напротивъ, любила предаваться воспоминаніямъ, тѣмъ болѣе, что эпизодъ этотъ—живая страница той прошлой жизни, о которой теперь приходится только вспоминать.

Сестры замолчали. Софья Николавна, какъ будто на зло гостьѣ, взяла въ руки книгу, дѣлая видъ, что читаетъ, хотя буквы въ сумеркахъ казались слившимися въ сплошныя полоски. Марья Николавна поднялась и молча вышла въ столовую, гдѣ застала Секлетинью, разставлявшую по столу чайные приборы.

— Лампа коптитъ!—воскликнула она, указывая прислугѣ на лампу, огонекъ которой едва-едва выглядывалъ изъ прорѣза горѣлки.

— Чего коптить-то... Какъ слѣдуетъ-то еще и не засвѣтилась,—возразила кухарка.

— А если говорятъ тебѣ, дура, такъ, значитъ, коптитъ! И, пожалуйста, не разсуждай!..

Марья Николавна ушла къ себѣ, плотно захлопнувъ за собою дверь. Когда былъ поданъ самоваръ, Софья Николавна вышла въ столовую, заварила чай и, немного выждавъ, позвала сестру. Та появилась не скоро, а появившись, молча дошла до своего любимаго кресла и, поправивъ на лампѣ абажуръ, сѣла въ тѣни.

Сестры молчали. Неплотно прикрытый самоваръ чуть слышно тянулъ какую-то тягучую, пискливую ноту. Въ залѣ стучалъ маятникъ часовъ. За окномъ въ саду шумѣли деревья. Въ обширной, плохо освѣщенной комнатѣ было скучно-скучно...

II.

Полчаса спустя, въ столовую вошелъ низенькій человѣкъ, въ большихъ сапогахъ, въ короткомъ пальто на широкихъ плечахъ и съ проборомъ волосъ на головѣ. Расправивъ рукою рыжую бороду и моргнувъ зелеными глазами, онъ подошелъ къ столу и положилъ около лампы два нумера „Нивы“ и письмо въ свѣтло-сѣромъ конвертѣ. Софья Николавна положила нумеръ

журнала себѣ на колѣни, а письмо передала сестрѣ, сухо проронивъ:

— Тебѣ!..

Марья Николавна спѣшно разорвала конвертъ и развернула большой листъ почтовой бумаги, исписанный на всѣхъ четырехъ страницахъ. Приказчикъ Луканъ отошелъ къ двери и тоскливымъ взоромъ уставился на темныя окна комнаты.

— Евгеній опять пишетъ!—проговорила Марья Николавна.

— Женя? А-а! Это любопытно! — вставила Софья Николавна.

— Ну, ужъ и любопытно!..

Марья Николавна отложила въ сторону письмо и, немного обернувшись къ приказчику, начала:

— Что, отдалъ матушкѣ индюшку?

— Отдалъ, барыня... Благодарить приказали... кланяются... Въ Казанскую къ себѣ изволили просить...

— У Петрова былъ?

— Былъ.

— Ну, что же?

— Да больше семи съ полтиной не даетъ.

— Ну, и пусть не даетъ!.. пусть!..—вспылила Марья Николавна.—Телку не продавать! Слышишь?

— Слышу-съ.

— Завтра пошлешь на мельницу: мука вся вышла,—заговорила уже дѣловымъ тономъ Марья Николавна.

Приказчикъ промолчалъ, переступилъ съ ноги на ногу и нерѣшительно замѣтилъ:

— Самому бы мнѣ поѣхать: дѣло тамъ есть...

— А кто здѣсь будетъ за молотьбой слѣдить? Ромашку пошли!.. Да скажи ты ему, дурню, или самъ посмотри: болтъ у окна въ спальнѣ покоя мнѣ не даетъ—хлопъ, хлопъ!.. Говорила я ему, олуху, поправь, привяжи!.. Сегодня всю ночь не спала! Привяжи ты его, что-ли, или совсѣмъ выдерни...

— Посмотрю,—угрюмо отвѣчалъ Луканъ.

Приказчикъ ушелъ. Марья Николавна выпила чай, придвинула пустую чашку къ сестрѣ и принялась за письмо.

— Ну-у! поѣхала наша!.. Опять денегъ просить!—воскликнула Марья Николавна и, перевернувъ страницу, прочла вслухъ: „Ради Бога, тетя, пришлите мнѣ рублей пятьдесятъ. Въ нашемъ вѣдомствѣ перемѣнили форму—придется шить новый мундиръ, а изъ стараго ничего не выйдетъ. На новомъ мундирѣ будутъ серебряные погоны, на шинели тоже, а на фуражкѣ значокъ;

еще и нагрудный значокъ придется купить новый, въ память столѣтія нашему министерству..."

Прочтя эти строки, Марья Николавна сокрушенно добавила:

— И чего они тамъ умудряются: форму новую, эполеты... то да сё...

— Ну, Манечка, значитъ, такъ надо,—вздумала заступиться за отсутствующаго племянника Софья Николавна:—Евгеній вѣдь не виноватъ, не онъ форму выдумалъ!

— „Не онъ, не онъ"! Онъ денегъ-то проситъ!—не унималась вторая тетка.—Именинница я была—поздравилъ онъ меня? Въ день рожденья—вспомнилъ? Опять же, вотъ, память покойнаго мужа на дняхъ была—вспомнилъ? Прислалъ вѣсточку? Вотъ тутъ, въ этомъ-то письмѣ, догадался спросить, что, молъ, какъ вы, тетя, поживаете? не грустите ли? Забылъ все это, а вотъ какъ деньги стали нужны—то и про тетку-старуху вспомнилъ!.. Шелапутъ!.. Право, шелапутъ!.. весь въ батюшку!.. покойника!..

Софья Николавна не возражала, хотя ей очень хотѣлось заступиться за племянника. Въ другое время она непремѣнно сдѣлала бы это, но теперь ея вниманіе остановили свѣженькіе нумера журнала, а она была большой поклонницей „Нивы".

Сестры сидѣли молча. Софья Николавна, съ гладко зачесанными волосами на вискахъ, съ глазами, пристально устремленными на страницу журнала, съ выпрямленной спиной и съ вытянутой шеей — казалась изваяніемъ. Марья Николавна была неспокойна; особенно громко гремѣла она ложечкой, размѣшивая въ чашкѣ сахаръ, быстро разламывала пальцами сухіе домашніе крендельки, отчего они громко щелкали,—и по временамъ пристально и сердито всматривалась въ серьезное лицо сестры.

— И чего ты, право, Софья! уткнулась въ свои картинки и хоть бы слово! — наконецъ, не вытерпѣла она и съ сердцемъ выкрикнула.

Софья Николавна подняла лицо, посмотрѣла на сестру поверхъ очковъ и спокойно отвѣтила:

— И ты возьми вотъ нумеръ, да и посмотри...

Марья Николавна не взяла изъ рукъ сестры нумера журнала и продолжала:

— Нѣтъ бы тебѣ посовѣтовать сестрѣ, какъ быть: посылать ему денегъ или нѣтъ?..

— Разумѣется, послать!

Марья Николавна сердито посмотрѣла на сестру и поднялась съ кресла: по ея лицу блуждали красныя пятна, глаза метали молніи.

— Послать!.. послать!..—шептала она, подходя къ двери въ свою комнату. Черезъ секунду дверь эта шумно ударилась о косяки, и Софья Николавна осталась одна.

„Рветъ и мечетъ!“—подумала она про сестру и покосилась на дверь.

Послѣ ухода Марьи Николавны, въ столовой стало тихо. Потухшій самоваръ, за минуту передъ тѣмъ тянувшій свою пѣсенку, смолкъ, слышался шорохъ бумаги. Изъ сада чуть слышно доносился шелестъ осеннихъ листьевъ; вылъ вѣтеръ, въ окна барабанилъ дождь...

III.

Черезъ нѣсколько минутъ Марья Николавна снова появилась въ столовой. Раздраженіе оставило ее, лицо казалось слегка поблѣднѣвшимъ, глаза потускнѣли. Спѣшно шагая, она проходила столовой, и взволнованнымъ голосомъ шептала:

— Кто-то пріѣхалъ, Софьюшка... Ужъ не становой ли? Съ этими земскими повинностями да разными тамъ поземельными—голова кругомъ пойдетъ!

Марья Николавна близко подошла къ сестрѣ, словно боясь остаться одинокой.

— Становой пріѣдетъ въ субботу, а нынче—среда. Чего же ты безпокоишься?—успокаивала сестру Софья Николавна.

Дверной блокъ какъ-то особенно рѣзко взвизгнулъ, дверь громко стукнула, и на порогѣ столовой появилась Секлетинья.

— Мотри-ка, баринъ Николай Николаичъ пріѣхалъ!—говорила она, проходя въ прихожую, чтобы отпереть парадное крыльцо.

— Кока! — воскликнула Марья Николавна и разомъ повеселѣла.

— Nicolas!—протянула и Софья Николавна.

Барыни переполошились и бросились за кухаркой въ прихожую. Въ это время въ небольшую полуосвѣщенную комнату съ вѣшалками вошелъ высокій, еще не очень старый генералъ въ громадной шинели на плечахъ и въ фуражкѣ съ краснымъ околышемъ и съ кокардой. Молодцевато сбросилъ онъ съ плечъ шубу на руки прислугѣ, но баба зазѣвалась, и шуба упала на полъ.

— Эхъ ты, фефела!—обозвалъ ее генералъ и крѣпко обнялъ Марью Николавну. Сестру Софью онъ только поцѣловалъ въ щеку и пожалъ руку.

— Проходи, проходи, Кока! Студено? Вѣтрено?..

— Да-а, погода проклятая!—отвѣчалъ гость, звякая шпорами и потирая руки. На немъ была сѣрая тужурка съ красными лацканами, золотыми пуговицами и съ золочеными погонами, на желтомъ фонѣ которыхъ зигзагомъ блестѣлъ серебряный позументъ.

— Секлетинья! Самоваръ!—кричала Марья Николавна.—Какъ это ты рѣшился въ такую погоду-то?

— Въ городъ, на засѣданіе губернскаго земства,—расправивъ сѣдые бакенбарды, говорилъ Николай Николаевичъ. Онъ опустился въ кресло и закурилъ толстую папиросу, вставивъ ее въ серебряный мундштукъ съ янтарнымъ концомъ.

— Что они еще тамъ?—спросила старшая сестра.

— Да кто ихъ знаетъ! Говорятъ, что-то относительно голодающихъ надумали,—отвѣтилъ генералъ и нахмурилъ сѣдыя брови. По его румяному, одутловатому лицу разлилось неудовольствіе, а изъ широко-раскрытаго рта выползли густые клубы табачнаго дыма.

— Охъ, ужъ эти голодающіе!.. надоѣли... Сколько ужъ теперь лѣтъ—все о нихъ, да о нихъ, будто мы ужъ и не люди,—замѣтила Марья Николавна и повела глазами на темныя окна, точно тамъ, за стѣною, эти голодающіе побрякиваютъ болтами и шелестятъ листвой сада.

— Да-а!—многозначительно протянулъ Николай Николаевичъ.—Вотъ тоже сынокъ-то мой, Сереженька... Представьте себѣ, какую штуку выкинулъ!.. Проситъ, видите ли, опять, чтобы я ему пятьдесятъ рублей высылалъ. Онъ, вѣдь, знаешь, давно отказался отъ денегъ, на свои живетъ!..—Генералъ развелъ руками, затянулся папиросой и продолжалъ:—А для чего бы, вы думаете, это ему понадобилось? Въ какую-то тамъ голодающую губернію ѣдетъ, въ какой-то медицинскій отрядъ записался. Но причемъ же я тутъ? Если онъ ѣдетъ куда-нибудь, ну, тамъ, по дѣлу, что-ли, такъ пусть командировочныя проситъ. Ѣдетъ человѣкъ служить, такъ сказать, работать, а отецъ шли ему деньги! Да гдѣ же это видано? Отказалъ!.. Наотрѣзъ отказалъ! Получилъ командировку, такъ, значитъ, получи и командировочныя!

— Странно!.. Что это ему вздумалось?—сорвалось съ блѣдныхъ губъ Марьи Николавны, и она въ недоумѣніи пожала плечами.

— А такъ вотъ — блажь одна!.. Глубоко сожалѣю теперь, глубоко сожалѣю, что уступилъ ему тогда, позволивъ уклониться отъ военной службы!

Генералъ смолкъ и, затянувшись папиросой, выпустилъ густой клубъ дыма.

— Человѣкъ кончилъ кадетскій корпусъ, года черезъ четыре былъ бы офицеромъ теперь,—можетъ быть, поручикомъ ходилъ бы, а тутъ—точно муха какая-то укусила его: въ университетъ! въ академію!

— Да, да... мы всѣ тогда были противъ этого, всѣ!—вставила Марья Николавна въ тонъ брату. — Родъ нашъ споконъ вѣка военный, а тутъ!..

— Я всегда была за Сережу! Всегда была за него! Человѣкъ вздумалъ избрать путь не по шаблону, а вы его осуждаете!— горячо проговорила все время молчавшая Софья Николавна.

Генералъ съ усмѣшкой на губахъ посмотрѣлъ на сестру и сердито забарабанилъ по столу пальцами.

— Ты — извѣстная у насъ... свободнымъ образомъ мыслей отличаешься... Мы всѣ что: рутинеры! консерваторы! а вы... вы... свободомыслящая!.. ха-ха-ха!—и генералъ разсмѣялся задорно и громко. Софья Николавна вспыхнула.

— Какъ вамъ угодно называйте,—возразила она:—все-таки всегда скажу, что Сережа прекрасно сдѣлалъ, поступивши въ медицинскую академію: лучше учиться лечить, нежели готовиться избивать ближнихъ!

— Ха-ха-ха! А еслибы, голубушка моя, не было войны, такъ зачѣмъ бы нужны были военные доктора? А?—выпрямляя спину и вытягивая шею, оборвалъ сестру генералъ.

— Странное замѣчаніе! Ты думаешь...

— Ну, ну! пошла разводить свою философію!—рѣзко оборвавъ сестру, воскликнула Марья Николавна, отмахнувъ рукой въ ея сторону.—Вотъ, тоже, другой нашъ племянничекъ, Евгеній: пишетъ, чтобы я ему денегъ выслала: форму у нихъ тамъ какую-то новую выдумали.

— Вотъ, вотъ, вотъ! — точно обрадовавшись чему-то, загототалъ генералъ: — вотъ тоже, лѣсничимъ сталъ, а денегъ у тетки проситъ!

Обратившись уже непосредственно къ Софьѣ Николавнѣ, генералъ отчетливо произнесъ:

— У насъ, въ военномъ вѣдомствѣ, если куда командируютъ офицера, то выдаютъ прогонныя и командировочныя, а если измѣненіе въ формѣ, то и обмундировочныя выдадутъ! Да-съ! Не слушались меня тогда, такъ вотъ и пусть живутъ, какъ хотятъ! Не посылай, сестра! не посылай! Ни копѣечки!.. ни копѣечки!.. Пусть сами, какъ хотятъ, обзаводятся новой формой,

а явятся въ старой—начальство носъ натянетъ! Тогда, вотъ, и поймутъ, что надо было слушаться старшихъ...

Секлетинья внесла только-что вскипѣвшій самоваръ. Генералъ всталъ и принялся ходить по комнатѣ изъ угла въ уголъ.

— И откуда они набрались всей этой чертовщины, университетовщины-то этой! Чортъ ихъ знаетъ!—говорилъ генералъ, нервнымъ движеніемъ руки теребя сѣдой бакенбардъ и громко стуча каблуками сапогъ съ бряцающими шпорами.

— Откуда? А вотъ около тѣхъ разночинцевъ-то и набрались! Бывало, сколько разъ говорила и брату, и тебѣ, Кока: слѣдите за дѣтьми, не пускайте вы ихъ въ этотъ омутъ! Такъ вотъ, нѣтъ—распустили возжи-то!

Марья Николавна нервно передернула плечами и принялась теребить уголъ скатерти.

— Вотъ тоже, дочка у матушки Надежды Александровны, закусила удила-то, какъ борзый конь, да и дѣлаетъ, что вздумаетъ! Бѣдная старушка, какъ только заговоритъ о ней—такъ слезы и польются... Да и батюшка-то Василій тоже такъ недоволенъ своенравной дочкой... посѣдѣлъ даже отъ огорченія...

— Да-съ, милыя сестрицы, всѣ мы нынѣче въ науку стремимся, да какую-то тамъ самостоятельность за хвостъ хотимъ изловить! А раньше-то, вотъ, вы всѣ сидѣли-себѣ по усадьбамъ... Сидѣли да и ждали рыцарей... Смѣшно все это, а благонравно...

Генералъ заглянулъ мимоходомъ въ темное окно, зѣвнулъ, что было силы, и, закуривъ новую папиросу, вернулся къ столу. Долго еще братъ и сестра говорили на тему о современной молодежи, за что-то проклиная ее и суля ей всякихъ золъ и несчастій. Наконецъ, незамѣтно разговоръ перешелъ на темы хозяйственныя. И, словно по волѣ злого рока, въ этой области жалобы на плохіе урожаи послѣднихъ лѣтъ, негодованіе на „капризъ“ земли, природы и рынка—смѣнялись проклятіями по адресу лѣниваго мужика, обманщика сельскаго прасола или неприступнаго, разбогатѣвшаго кулака...

— Они—проклятое отродье—раньше у меня въ прихожей вмѣстѣ съ мужиками стояли, да въ шапкѣ-то никто изъ нихъ не смѣлъ и мимо усадьбы пройти, а теперь, вонъ, посмотри хотя бы на этого купчишку Романа Сергѣева, какимъ онъ фертомъ себя держитъ!

Генералъ отхлебнулъ изъ стакана чаю и продолжалъ:

— На земскихъ собраніяхъ, ты бы полюбовалась, что они дѣлаютъ: такъ и прутъ, подлецы! такъ и прутъ! Словъ связать не умѣетъ, малограмотенъ, тупъ, а лѣзетъ въ гласные, хочетъ

сравняться съ стариннымъ дворянствомъ въ губерніи, да еще и конкуррируетъ на выборахъ! А? Какъ это тебѣ понравится? Мужикъ, вѣдь! мужикъ! дуботесъ несуразный!—а посмотри-ка на него! Да знаетъ ли онъ, шельмецъ, что̀ такое земство? Знаетъ ли онъ, какой высокій принципъ положенъ въ основаніе его, а?

— Да ужъ я и не знаю, почему имъ нынѣче такую волю дали? Зачѣмъ ихъ въ гласные-то пускаютъ?—спрашивала робко Марья Николавна.

— Вотъ, поди, да спроси ихъ!

Во время разсужденій брата и сестры Софья Николавна молчала, склонившись надъ иллюстрированнымъ журналомъ и углубившись въ чтеніе какого-то занимательнаго романа. Невольно прислушиваясь иногда къ длиннымъ репликамъ брата, она отрывалась отъ интереснаго чтенія, но потомъ скоро же и опять увлекалась имъ, находя темы разсужденій брата и сестры неинтересными.

Всю жизнь прожила она такъ, мало интересуясь окружающимъ,—и жизнь для нея была какая-то тайна: она жила больше тѣмъ любопытнымъ міромъ человѣческихъ встрѣчъ, радостей и печалей, комедій и трагедій, на которыхъ останавливали вниманіе тѣ или другіе авторы,—и она любила читать повѣсти и романы. Увлекаясь родной беллетристикой, она все же отдавала предпочтеніе переводной, особенно въ томъ случаѣ, если любимые герои и героини не обманывали ея ожиданій и кончали свою жизненную карьеру именно такъ, какъ она предполагала послѣ первыхъ главъ романа или повѣсти.

Братъ и сестра въ этомъ отношеніи не похожи были на Софью Николавну. Николай Николаичъ, во время всей своей военной карьеры прослужившій на штабныхъ должностяхъ, читалъ только то, что̀ преподносили ему тѣ или другіе адъютанты, а Марья Николавна съ дѣтства не склонна была ни къ наукѣ, ни къ книгѣ. И судьба трехъ представителей нѣкогда знатнаго рода Тузовыхъ сложилась неодинаково. Николай Николаевичъ былъ женатъ и хорошо женатъ, потому что получилъ за женою кругленькое и цѣнное имѣньице, гдѣ и жилъ до сихъ поръ. Марья Николавна также хорошо была выдана замужъ, но потомъ случилось несчастіе—мужъ ея пропилъ и имѣніе, и дома въ губернскомъ городѣ, такъ что пришлось вернуться въ родную Тузовку, гдѣ въ это время оплакивала свое дѣвичество и читала романы Софья Николавна. Какъ-то странно сложилась судьба послѣдней. Была она видной невѣстой въ уѣздѣ, а замужъ не вышла, и никто-никто изъ мужчинъ не нарушилъ ея покоя своимъ

предложеніемъ. Когда года прошли, и разочарованная дѣва перестала ждать—весь духовный міръ ея преобразился: она замкнулась въ самой себѣ, стала еще равнодушнѣе къ другимъ и только въ одномъ обрѣла утѣшеніе—въ книгахъ... Впрочемъ, у нея была еще одна слабость: она имѣла нѣсколько выигрышныхъ билетовъ и ждала, когда на ея счастье выпадетъ выигрышъ въ двѣсти тысячъ, именно въ двѣсти, — не больше и не меньше... И въ эту скучную и ненастную ночь, пожелавъ брату и сестрѣ покойнаго сна, она ушла къ себѣ въ комнату и, при свѣтѣ неугасимой лампады, разсчитывала шансы на выигрышъ. Первое сентября миновало на дняхъ, и, разочаровавшись на эту осень, она приготовилась терпѣливо ждать другое первое число, когда объявится списокъ выигрышей.

Генералъ съ сестрой остались въ столовой вдвоемъ, все продолжая еще бесѣду на тему о треволненіяхъ жизни. Теперь говорили они больше о хозяйственныхъ дѣлахъ. Марья Николавна выпросила у брата пять возовъ сѣна, такъ какъ на лугахъ тузовскаго имѣнія въ минувшее лѣто травы посохли; взамѣнъ этого, Марья Николавна обѣщала брату іоркширскаго борова, чтобы и генералу обзавестись свиньями этого благороднаго племени. Наконецъ, когда въ зальцѣ часы отбили двѣнадцать хриплыхъ ударовъ, братъ и сестра порѣшили разойтись, и, навѣрное, оба скоро и заснули бы, еслибы не Марья Николавна. Припомнился ей почему-то племянникъ Евгеній съ его просьбой денегъ на обзаведеніе новой формы. Чтобы не мѣшать Софьѣ Николавнѣ почивать, они перешли въ угловую комнату и начали обсуждать вопросъ—послать Евгенію денегъ или нѣтъ. Марья Николавна отклоняла положительное рѣшеніе этого вопроса, ссылаясь на нѣкоторое стѣснительное обстоятельство—въ деньгахъ, а братъ ея держался прежняго рѣшенія—не посылать, и бранилъ Евгенія и сына, взвалившаго на себя тяжесть какой-то командировки безъ командировочныхъ. Потомъ онъ принялся бранить современныя условія жизни, назвавъ самую жизнь „смѣшеніемъ званій“, бранилъ школу, университетъ, газеты, жизнь въ большихъ городахъ, гдѣ будто бы у молодежи „выростаетъ громадная глотка“, и закончилъ свою рѣчь проклятіями по адресу разночинцевъ, внесшихъ смуту въ жизнь, ранѣе того оберегаемую традиціями дворянства. Пробило—часъ... Братъ и сестра простились и разошлись.

Скоро въ тузовскомъ домѣ настала полнѣйшая тишина. Только старинные часы въ залѣ ровно и размѣренно отбивали свое „тикъ-такъ“ и, казалось, подсказывали засыпавшему на диванѣ гене-

ралу: „тамъ-тутъ“ — „тамъ“ — что было когда-то, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, „тутъ“ — что творится теперь и что отзывалось въ душѣ носителя старинныхъ традицій негодованіемъ...

На дворѣ шелъ дождь... Въ саду вылъ вѣтеръ, теребя деревья сада и сбрасывая на землю послѣдніе пожелтѣвшіе осенніе листья...

IV.

Дня черезъ три, ночью, генералъ вернулся изъ города внѣ себя отъ негодованія и, несмотря на поздній часъ, сталъ изливать передъ сестрами свою горечь, накипѣвшую въ душѣ за всѣ эти дни томительной и напрасной поѣздки.

— Нѣтъ, ей-Богу! зналъ бы — не поѣхалъ. Это чортъ знаетъ, что такое! Для чего только людей безпокоятъ! — горячился онъ.— Узнала, видите ли, отъ кого-то наша управа, что въ губерніи голодъ, тифъ... ну, и еще что-то тамъ такое... И подняли такую бурю, что взбаламутили всю губернію... Я думалъ раньше... ну... вопросъ не такъ будетъ поставленъ... Я думалъ — обсудятъ все, какъ слѣдуетъ, мѣры какія-нибудь примутъ, чтобы и всѣмъ намъ, землевладѣльцамъ, пережить эти неурожаи... Съѣхались мы, явились на собраніе, слушаемъ предлиннѣйшій и преглупѣйшій докладъ. Взорвало тутъ насъ, нѣкоторыхъ... Обступили мы предсѣдателя управы да и спрашиваемъ: „А давно ли, молъ, вы проѣзжали по губерніи-то?“ Обозлился страшно и говоритъ: „Разумѣется, всей губерніи я не объѣхалъ, но нынѣшнимъ лѣтомъ произведенъ точный учетъ путемъ статистики“... Понимаешь, сестра, — обратился генералъ къ Марьѣ Николавнѣ: — „путемъ статистики“. Понимаешь? Видѣла ты этихъ статистиковъ-то, вотъ, что лѣтомъ разъѣзжали?

Николай Николаевичъ долго еще разсказывалъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ экстреннаго земскаго собранія и все горячился и вѣщалъ, что управа совсѣмъ развратитъ народъ своими подачками.

— На чемъ же кончили? — спросила Марья Николавна.

— А чортъ ихъ знаетъ, на чемъ! Больнымъ сказался и уѣхалъ, не дождавшись конца.

Сколько ни горячился генералъ и какъ жестоко ни проклиналъ земство, напрасно обезпокоившее гласныхъ, все же успокоился, и скоро въ тишинѣ темнаго зальца послышался его богатырскій храпъ. А старинные часы опять тихо и томительно ровно постукивали: „тикъ-такъ! тикъ-такъ!“

На другой день, послѣ завтрака, Марья Николавна предложила брату пройтись по усадьбѣ, посмотрѣть на хозяйство и посовѣтоваться съ нимъ о ремонтѣ нѣкоторыхъ службъ.

День былъ теплый. Яркое солнышко словно говорило людямъ: „идите, погуляйте—послѣдній денекъ, и я васъ погрѣю, а потомъ уже долго не буду грѣть, до слѣдующей весны"... Поглощенные разсужденіями относительно хозяйства, братъ и сестра не замѣчали ни яркаго, пригрѣвающаго солнышка, ни чистаго голубого неба, въ которомъ скользили одинокія пушистыя облака.

Генералъ предложилъ сестрѣ руку, и такъ, вдвоемъ, они обошли весь дворъ, осмотрѣли сараи и амбаръ съ громадными висячими замками на дверяхъ, побывали на огородѣ, гдѣ бабы рыли картофель, и очень долго бесѣдовали на гумнѣ съ повстрѣчавшимся приказчикомъ, потому что здѣсь-то и необходима была основательная поправка соломенныхъ крышъ и плетневыхъ стѣнъ. Возвратясь съ гумна, братъ и сестра увидѣли толпу людей, двигавшихся отъ воротъ. Это были трое крестьянъ деревни Тузовки, а во главѣ ихъ—нѣкто Проскурнинъ, учитель школы грамоты. Замѣтивъ высокую и тонкую фигуру послѣдняго въ пальто и въ шляпѣ, Марья Николавна догадалась, что это та самая деревенская депутація, которая когда-то бесѣдовала съ нею объ ихъ необитаемомъ флигелѣ, который вотъ уже нѣсколько лѣтъ стоитъ въ саду съ забитыми дверями и окнами.

— Ахъ, да, Nicolas, вотъ эти мужики идутъ, вѣроятно, переговорить съ тобою относительно нашего флигеля...

— Что такое?

— Они и учитель съ ними—просятъ, чтобы мы уступили имъ флигель подъ школу.

— Ну?

— Да вотъ ты лучше съ ними поговори!—и Марья Николавна мотнула головою въ сторону мужиковъ и учителя, которые были уже близко отъ господъ.

Мужики пріостановились, сняли шапки и, поклонившись господамъ, остались съ обнаженными головами. Проскурнинъ неловко раскланялся и даже шаркнулъ ногою и немного отошелъ въ сторону, поправляя пряди волосъ, выбившихся изъ-подъ полей шляпы. Генералъ, по военному, прикоснулся пальцами къ козырьку фуражки и отставилъ ногу, собираясь выслушать депутацію.

— Къ вашей милости, ваше превосходительство, — началъ староста, рыжій, лысый мужикъ, въ новой поддевкѣ и сапогахъ и съ бляхой на груди: — Вотъ, мы съ барыней Марьей Нико-

лаевной говорили насчетъ вашего флигелька... намъ бы его подъ училище...

— То-есть, какъ это „вамъ бы его“? — спросилъ генералъ и обвелъ мужиковъ глазами.

— А такъ бы, ваше превосходительство... Онъ-то, вотъ, сколько лѣтъ теперь пустуетъ, а мы въ немъ школу устроили бы...

— То-есть, собственно, я, какъ учитель... Я хотѣлъ бы пояснить вашему превосходительству, что общество деревни Тузовки проситъ у васъ позволенія открыть школу въ вашемъ пустующемъ флигелѣ... Школа наша теперь помѣщается въ тѣсной избѣ, а во флигелѣ мы произвели бы нѣкоторый ремонтъ, приспособили бы для класса и все такое...

Учитель смолкъ, ожидая, что̀ скажетъ генералъ.

— Постойте! постойте! Я немного не понимаю васъ! Вы хотите, т.-е. общество тузовское хочетъ, арендовать у насъ флигель?—спросилъ генералъ, пристально уставившись глазами въ лицо Проскурнина.

— Гдѣ, батюшка, ваше превосходительство, арендовать... Вы такъ бы его намъ уступили,—отвѣчалъ за учителя другой изъ мужиковъ, до сихъ поръ молчавшій.

— Не надобенъ онъ вамъ, флигелекъ-то, ну, мы и осмѣлились просить,—говорилъ староста.

— А почему же ты знаешь, что онъ намъ ненадобенъ? А? Съ чего же это вы взяли-то? Ха-ха-ха!—разсмѣялся генералъ:—Пойдемъ, сестра!—добавилъ онъ, собираясь идти, но новое замѣчаніе старосты остановило брата и сестру.

— Вотъ тоже и въ земство мы обращались... насчетъ того же... Просите, сказывали тамъ, у вашего превосходительства, если, молъ, разрѣшите вы, то земство и книжекъ вышлетъ, и всякое пособіе...

— А ты поди да и скажи земству-то: пусть оно арендуетъ у меня флигель, тогда школу свою и открывайте!..

И генералъ, не обративъ вниманія на тузовскую депутацію, направился къ крыльцу, не оставляя руки сестры.

Мужики постояли немного, помялись, пошептались о чемъ-то, и всѣ разомъ двинулись за сконфуженнымъ учителемъ, который подходилъ уже къ воротамъ, опустивъ на грудь голову и широко размахивая руками.

— Вотъ тоже выдумали! А?—спрашивалъ генералъ сестру.

— Да-а,—протянула Марья Николавна.

Въ столовой брата и сестру встрѣтила Софья Николаевна.

— Что они тамъ такое говорили?—полюбопытствовала она, наблюдая сцену съ мужиками изъ окна своей комнаты.

— Ты знаешь! Относительно флигеля! — небрежно промолвила ей сестра.

— Отдать бы, въ самомъ дѣлѣ, имъ! Пусть бы устроили школу; все равно, онъ пустуетъ,—рѣшилась высказать свое мнѣніе и Софья Николавна.

— Ну, ужъ, пожалуйста, сестра, не противорѣчь! Хорошо, когда одна голова въ домѣ!—оборвалъ ее братъ.

— Да вѣдь пустой онъ стоитъ лѣтъ десять! А тутъ было бы хоть смотрѣть пріятнѣе... А то стоитъ какое-то чудовище, и днемъ мимо него страшно пройти,—не унималась Софья Николавна.

— Nicolas, она еще и сама пойдетъ учить ребятъ!—съ ехидной улыбкой на губахъ, вставила Марья Николавна.

— Ты прекрасно знаешь, Манечка, что учить ребятъ я не пойду!—вспылила младшая сестра:—я говорю, что флигель зря пустуетъ!

— Ну, ужъ пожалуйста! этому не бывать!.. А лучше прекратите всѣ эти пустые разговоры... тѣмъ болѣе, мнѣ пора ѣхать!

Такъ ходатайство тузовскаго общества и не было удовлетворено, и стоитъ до сихъ поръ въ барскомъ саду пустынный и необитаемый флигель, пугая своимъ печальнымъ видомъ Софью Николавну.

Разстроенный неудачей, Проскурнинъ написалъ корреспонденцію, полную упрековъ по адресу генерала, какъ земскаго гласнаго, не откликнувшагося на запросы тузовцевъ, но газетка, издававшаяся въ губернскомъ городѣ, почему-то не напечатала жалобы юнаго учителя.

V.

За недѣлю до „Казанской“, къ батюшкѣ Василію пріѣхала изъ Петербурга дочь Наташа. Появленіе ея въ тихой и мирной обители старика священника было неожиданно. Мѣсяцъ тому назадъ, батюшка отправилъ ее въ столицу, послѣ лѣтнихъ каникулъ; матушка Надежда Александровна оплакала дочь передъ разлукой до слѣдующаго лѣта, а тутъ вдругъ—такая неожиданность! Наташа даже не написала роднымъ о пріѣздѣ и не попросила отца выслать на станцію лошадей! Выйдя изъ вагона, наняла она перваго попутнаго крестьянина, и въ его тряской

и неудобной телѣгѣ притащилась домой по вязкой и испорченной осенней непогодой дорогѣ.

— Батюшки мои! Да ты ли это?—изумился отецъ Василій, увидя дочь идущей къ крыльцу съ чемоданчикомъ въ рукахъ. Въ отвѣтъ дочь молча припала на грудь отца. Надежда Александровна также не сразу узнала въ пріѣзжей свою Наташу, а когда сомнѣнія разсѣялись, блѣдная и обезкураженная поднялась она со стула и всплеснула руками, забывъ про чулокъ, который вязала, сумерничая около окна.

Изумленные отецъ и мать засыпали пріѣзжую вопросами, дивясь ея скорому возвращенію, хотя каждый изъ нихъ посвоему тайно радовался совершившемуся. „Можетъ быть, одумалась и вернулась“,—подумалъ батюшка, не отрывая глазъ отъ лица дочери, но потомъ онъ скоро отказался отъ этого предположенія. На вопросъ матери, о причинѣ пріѣзда,— Наташа коротко отвѣтила.

— Мы думали—осенью придется держать экзамены, а вышло такъ, что этого не случилось.

— Почему же ты не держала? На второй годъ осталась?— спросилъ отецъ Василій, перебивая дочь.

— Не отъ меня, папа, зависитъ... Всѣ рѣшили, что держать не слѣдуетъ,— отвѣчала дочь, и голосъ ея дрогнулъ. Наташа не нашла въ себѣ силы, которая помогла бы ей кратко разъяснить роднымъ все, что дѣлалось въ Петербургѣ, и повѣдать о тѣхъ причинахъ, которыя заставили ее и другихъ вернуться домой: ей стало стыдно за ту невольную ложь, какую она допустила, говоря объ экзаменахъ. Ей никогда не придется держать экзаменовъ, какъ не придется вернуться въ тотъ большой, холодный съ виду городъ, куда такъ долго тянула ее какая-то невѣдомая сила. Она знала по опыту, что весь складъ ея жизни чуждъ пониманію отца и матери, а чтобы поняли они, надо долго знакомить ихъ съ „чѣмъ-то“, надо долго убѣждать ихъ въ томъ, чѣмъ уже давно живутъ они, молодые, непонятные для старыхъ... И Наташа съ тоской въ голосѣ проговорила:

— Мамочка! я такъ проголодалась, устала и страшно спать хочу!

— Голубчикъ, Наташа! сейчасъ, сейчасъ!

И старушка быстро вышла въ кухню хлопотать объ обѣдѣ, а отецъ Василій остался въ зальцѣ и, заложивъ за спину руки, ходилъ отъ одной стѣны до другой, свѣсивъ на грудь голову и задумчиво разсматривая узоръ узкаго, самотканнаго половика, по которому мягко ступали его ноги.

— Когда же кончится твое ученье?—слегка грубоватымъ тономъ спросилъ онъ, остановившись передъ дочерью и пытливо посмотрѣвъ ей въ глаза.

Наташа вспыхнула и потупила глаза.

— Не знаю, папа... мнѣ напишутъ, когда будутъ экзамены... —и она снова вспыхнула и потупилась.

И только въ эту минуту она поняла, что любитъ отца по новому, а гдѣ та „любовь", непосредственная и безотчетная, которая тянула ее къ отцу и матери, какъ слѣпую? Ея нѣтъ, какъ нѣтъ многаго, что̀ стряхнулось вмѣстѣ съ годами новыхъ думъ, настроеній и желаній. Наташу всегда тяготила жалость, съ которой начинались ея отношенія къ роднымъ, а не жалѣть ихъ она не могла: они пережили длинные годы блѣдной и тусклой жизни, и, не замѣтивъ этого, умрутъ съ такимъ же запросомъ духа, съ какимъ умерли ихъ отцы и дѣды; а она, Наташа, начала по новому, и будущая жизнь ей представляется заманчивой, интересной, той дѣйствительной жизнью, въ которой потомъ усомнятся новыя дѣти, и такъ будетъ долго-долго!.. Быть звеномъ этой вѣчно́й цѣпи Наташѣ казалось заманчивымъ, а на отцѣ порвется та ветхая ржавая цѣпь минувшихъ поколѣній, начало которой— въ мрачномъ и тяжеломъ прошломъ... Наташу тяготила рознь между нею и родными, а измѣнить этого невозможно, исправить это—поздно!..

Гдѣ-то въ прошломъ Наташи—начало этой розни: какъ отъ зерна, упавшаго на благопріятную почву, зародилась она, съ теченіемъ лѣтъ подросла, окрѣпла, и вотъ теперь—ея плоды, на которые съ одинаковой грустью смотритъ и она, переживающая утрату той „своей", петербургской жизни, къ которой теперь уже не вернуться, и они, старики, чувствующіе какую-то незримую пропасть между собою и дочерью... Если бы Наташа возвращалась къ своимъ, около которыхъ можно бы было отдохнуть отъ пережитого—она не чувствовала бы себя настолько одинокой; еслибъ и они, старики, встрѣтили свою дочь, которую можно бы было легко понять,—они также были бы счастливы и покойны...

Обѣдъ начался нѣсколько натянуто, хотя Наташа не молчала. Она разсказывала о своей поѣздкѣ въ Петербургъ, говорила о Москвѣ, гдѣ она прожила два дня, въ одинъ изъ которыхъ ей наконецъ-то удалось побывать въ Третьяковской галереѣ. Зная, что отецъ большой любитель живописи, она съ особой охотой описывала картины, которыя произвели на нее большое впечатлѣніе, и обѣщала послѣ обѣда достать изъ чемо-

данчика иллюстрированный каталогъ художественныхъ „диковинокъ“, собранныхъ въ „московскомъ святилищѣ“, какъ она выразилась о галереѣ, откуда вынесла неизгладимое впечатлѣніе.

— Я и тебѣ, папа, подарокъ привезла!—замѣтила, между прочимъ, Наташа.

— Что ты? Ну, посмотримъ,—произнесъ отецъ, и счастливая улыбка озарила его лицо въ первый разъ послѣ возвращенія дочери.

Послѣ поздняго обѣда подали чай, и на столѣ зажгли лампу.

Наташа распаковала свой чемоданчикъ и подала отцу свертокъ въ бумагѣ. Отецъ Василій надѣлъ на глаза очки, подсѣлъ ближе къ лампѣ и принялся разсматривать поданное ему дочерью.

— Батюшки! Вотъ-то!.. Это чудесно! это чудесно! спасибо!—восторгался священникъ, разсматривая большія фотографіи съ картинъ Васнецова.—Мать! Надежда Александровна! Иди-ка!—звалъ онъ жену.

Батюшка съ матушкой разсматривали картины, а Наташа стояла около нихъ съ иллюстрированнымъ каталогомъ въ рукахъ и счастливо улыбалась: въ эту минуту она, казалось, забыла о той розни, которая тяжелымъ камнемъ ложилась ей на душу; счастливы были и старики.

Отецъ Василій положилъ фотографіи на столъ и, снявъ очки, посмотрѣлъ на дочь. Ихъ глаза встрѣтились. Отецъ Василій приподнялся съ кресла и, словно влекомый какой-то тайной силой, двинулся къ дочери, чувствуя, какъ на глаза навертываются слезы, а въ груди что-то спирается. Какъ дитя, заплакалъ старикъ, прижимая дочь къ груди и цѣлуя ея щеки, лобъ и волосы... Какія-то сладкія и непонятныя слезы прорвались и у Наташи.

— Вотъ такъ... вотъ... хорошо, голубка моя... Какъ легко на душѣ стало, а то... пріѣхала ты, точно чужая... Наташа! Наташа!... голубка моя... — бормоталъ старикъ, не выпуская дочери изъ объятій.

— Ко мнѣ, ко мнѣ... моя дорогая!—вдругъ сквозь рыданія воскликнула Надежда Александровна, и ея слезы кончились истерикой.

Отецъ и дочь довели старушку до кровати, поудобнѣе усадили ее, заложивъ за спину подушку. Наташа сбѣгала за водою, спрыснула ею голову и лицо матери и дала ей пить.

Скоро старушка очнулась, раскрыла глаза и, узнавъ дочь, снова залилась слезами, но это были слезы тихаго счастья. Онѣ тронули дѣвушку, и она опустилась на диванъ около матери и, какъ могла, старалась утѣшить ее.

Часовъ въ одиннадцать вечера, Наташа простилась съ родными и ушла къ себѣ.

VI.

Пожелавъ роднымъ доброй ночи, Наташа съ лампой въ рукахъ прошла въ свою маленькую комнатку въ одно окно, выходившее въ садъ. Плотно притворивъ за собою дверь, Наташа подошла къ столу, поставила на вязаную скатерть лампочку, опустила коленкоровую стору и осмотрѣла приготовленную постель. Въ углу у двери стоялъ ея распакованный чемоданчикъ, прикрытый пледомъ, на стулѣ лежали дорожная сумочка и башлыкъ.

Наташа чувствовала переутомленіе послѣ дороги и прекрасно знала, что заснетъ не скоро. Знакомая ей тоска и безпокойство овладѣли ею, а въ такія минуты надо занять себя чѣмъ-нибудь, чтобы не оставаться самой съ собою наединѣ. Всю дорогу отъ Москвы было такъ скучно и одиноко. Раньше, отъѣзжая изъ Петербурга на каникулы, она никогда не испытывала того, что ей пришлось пережить въ томительные часы подневольной поѣздки, и именно эта поѣздка и есть причина всѣхъ ея настроеній. И долго не вернется она въ столицу, въ ту среду, интересами которой жила цѣлыхъ три года. Утрачено все, начиная съ общества близкихъ и друзей и кончая той интересной работой, которой она была занята.

Наташа подтащила къ столу чемоданъ, вынула изъ него книги, какія-то рукописи, небольшую дорожную чернильницу и пеналь. Она рѣшила писать письмо одной изъ своихъ подругъ, съ которой пришлось разстаться въ Москвѣ. Дѣвушки дали другъ другу слово поддерживать общеніе перепиской, и знали по опыту минувшихъ лѣтъ, что это не пошлое обѣщаніе передъ разлукой, а честное слово сохранить единеніе, какъ бы велико ни было разстояніе, раздѣлявшее ихъ.

Наташа начала письмо съ жалобы на свою тоску и отчаяніе передъ неизвѣстностью, и въ ея словахъ, набросанныхъ мелкимъ почеркомъ на бумагу, слышались слезы. Она прочла первую исписанную страницу и безъ колебанія разорвала написанное.

Для чего начинать съ жалобы? Для чего тревожить чью-то,

и безъ того измученную душу? Саша Звѣрева, которой она писала письмо, развѣ лучше настроена, чѣмъ она, развѣ не съ такой же мукой оторвалась она отъ работы и покинула столицу? Знала только Наташа, что ея подруга вернулась въ семью, гдѣ ее поймутъ, съ нею же вмѣстѣ обсудятъ обстоятельства дѣла и во многомъ помогутъ ей разобраться.

Наташа прошлась по комнатѣ разъ и другой, и ей показалось, что за нею слѣдомъ ходитъ еще кто-то и такъ же тихо шагаетъ по половицамъ. Она прислушалась и сообразила, что это слышатся шаги ея отца, потому что знала привычку старика-священника. Когда всѣ улягутся въ домѣ, отецъ Василій пройдетъ въ зальце, наглухо прикроетъ всѣ двери, и при слабомъ свѣтѣ лампады прогуливается по коврику и думаетъ свою благочестивую думу.

Наташа тихо подошла къ двери и еще разъ прислушалась. Въ зальцѣ глухо раздавались шаги... Если бы она была увѣрена, что старикъ пойметъ ея настроеніе этой минуты, она тотчасъ же отправилась бы къ нему и повѣдала бы ему свои думы, черныя, какъ эта непогожая осенняя ночь. Но отецъ не пойметъ ея, и для чего же пытать и его, и себя ненужными страданіями? Потомъ! Потомъ, когда она отдохнетъ и соберется съ силами, она разскажетъ ему все, что̀ случилось, и выскажетъ отцу свое рѣшеніе, на которомъ остановилась еще по пути изъ Петербурга.

Наташа сѣла къ столу, подперла рукою голову и начала обдумывать письмо къ подругѣ. Первыя фразы показались дѣвушкѣ бодрыми и веселыми; она даже пошутила, припомнивъ и описавъ какую-то смѣшную вагонную сцену. Незамѣтно для себя дѣвушка исписала первую страницу почтоваго листка, но бодрости и жизнерадостности хватило только до половины второй. Она вспомнила сцену прощанія на московскомъ вокзалѣ, и снова въ душѣ заныла знакомая печаль.

Ихъ было много тамъ, изгнанниковъ столицы. Съ шумомъ и смѣхомъ вышли они изъ вагона и размѣстились въ громадной залѣ со своимъ незатѣйливымъ багажемъ, разсуждая о томъ, кому по какой изъ желѣзныхъ дорогъ направляться въ свои углы.

„Много дорогъ протянулось отъ сердца земли русской къ окраинамъ, и какъ по венамъ и артеріямъ, по нимъ струится *кровь жизни*“,—написала она, подчеркнувъ два послѣднія слова. Она прочитала написанное, и ей показался фальшивымъ этотъ приподнятый тонъ, и она хотѣла-было перечеркнуть написанное, но потомъ, подумавъ, рѣшила, что она—права: всѣ они, молодые и здоровые, всѣ они, бодрые передъ лицомъ жизни и стремя-

щіеся къ „нови“ этой жизни,—дѣйствительно, „кровь жизни“, кровь народа, отливающая отъ центра къ окраинамъ и несущая съ собою элементы обновленія...

Въ корридорѣ скрипнула дверь въ зальце и по скрипучимъ половицамъ послышались тихіе шаги. Дѣвушка догадалась, что это отецъ вышелъ въ корридоръ, и, притаивъ дыханіе, отложила перо въ сторону.

Отецъ Василій прошелся по корридору, дошелъ до передней и опять, такъ же тихо ступая, вернулся въ зало. Минуту спустя, дверь снова скрипнула и въ корридорѣ послышались шаги.

— Ты еще не спишь, Наташенька?—тихо окрикнулъ дочь отецъ Василій, слегка постучавъ въ дверцу.

— Нѣтъ, папа...

— Ты одѣта? Можно къ тебѣ?

— Да, папа, можно...

И дѣвушка пошла и отворила дверь.

Отецъ Василій, въ легкомъ сѣромъ подрясникѣ и съ красивыми сѣдыми волосами, заплетенными въ косу, вошелъ въ комнату дочери. Окинувъ взоромъ столъ съ начатымъ письмомъ, онъ какъ-то быстро и робко опустилъ глаза и прошелъ къ комоду.

— Съ дороги-то уснуть бы тебѣ,—замѣтилъ онъ и посмотрѣлъ дочери въ глаза.

— Не могу заснуть: должно быть, переутомилась сильно, да я и разучилась ложиться такъ рано,—отвѣтила дѣвушка и усѣлась на прежнее мѣсто, отложивъ письмо въ сторону.

— Не успѣла пріѣхать, а ужъ письмо писать надумала!—немного помолчавъ, продолжалъ отецъ Василій, усаживаясь въ кресло спиною къ окну.

Наташа промолчала, и это смутило старика. Расправивъ бороду, онъ тихо проговорилъ:

— Мать уснула... Слаба стала старуха...

Голосъ отца Василія дрогнулъ, и онъ зналъ, какая тому причина. Сцена съ дочерью въ зальцѣ сняла тяжесть съ его души, а потомъ, когда они съ женою распростились съ дочерью, и когда онъ, уложивъ ослабѣвшую старуху, вышелъ въ зало на свою обычную прогулку,—что-то тревожное и тяжелое проснулось въ душѣ. И вся обстановка большой комнаты навѣвала унынie. У образовъ горѣла лампада, на дворѣ стонала непогода, а маятникъ старинныхъ часовъ такъ печально отбивалъ свои тихіе и ровные удары.

Мелочь этотъ подарокъ, съ которымъ вернулась дочь изъ своего непродолжительнаго путешествія, но эта мелочь многое

говорила отцу Василію, мнительному и подозрительному человѣку. Ему казалось, что дочь въ чемъ-то провинилась, и своимъ подаркомъ хочетъ расположить его въ свою пользу.

И отцу Василію не давала покоя одна и та же мысль: теперь, сегодня же узнать, съ чѣмъ вернулась въ отчій домъ Наташа. Онъ вышелъ въ корридоръ и обрадовался, увидя въ комнатѣ дочери огонь. Ему хотѣлось, не спросивъ позволенія, отворить дверь и войти, какъ это онъ дѣлалъ когда-то, но что-то заставило его миновать дверь, и только уже послѣ того, какъ онъ вернулся въ залу,—желаніе увидѣть дочь овладѣло имъ съ новой силой.

— Я все-таки, Наташенька, въ толкъ не могу взять, понять не могу, что̀ за причина, что тебѣ пришлось вернуться; вѣдь этакъ на лишній годъ оттянется время...—началъ отецъ Василій, немного помолчавъ.—А мы думали—вотъ, ты уѣдешь по осени, а весною вернешься, совсѣмъ покончивъ со своей наукой.

Наташа сдвинула брови. Сердце ея тревожно и сильно забилось. Весь вечеръ она старалась оттянуть неизбѣжный окончательный переговоръ, а отецъ самъ торопитъ ее. Въ душѣ Наташи мгновенно выросло какое-то недоброжелательное чувство къ отцу: какъ онъ не могъ догадаться, что этого вопроса не слѣдуетъ затрагивать теперь. И Наташа рѣзко отвѣтила:

— Я же говорила тебѣ, что это не отъ меня зависитъ!

Лицо ея вспыхнуло. Старикъ замѣтилъ перемѣну въ настроеніи дочери и тоже вспыхнулъ.

— Это я отъ тебя слышалъ, но это непонятно мнѣ... Отъ кого же зависитъ, что ты не учишься? Развѣ отъ воли начальства?

— Воля начальства, какъ ты самъ же говоришь всегда—законъ!—холодно отвѣтила дочь.

— Да. Но, стало быть, ты въ чемъ-нибудь провинилась?—спросилъ отецъ Василій и приподнялся. Медленно и разводя руками, прошелъ онъ по комнатѣ и, вернувшись къ столу, рѣзко спросилъ:

— Значитъ, тебя выключили?

— Да...

— За что̀?

Наташа молчала, повернувъ лицо къ двери.

— За что̀? за что̀?—быстро переспросилъ старикъ, и голосъ его дрогнулъ.

Наташа молчала.

— За что̀? Наташа!.. Наташенька!..

Наташа молчала, съ трудомъ переводя дыханіе. Съ каждой минутой непріязнь къ отцу разгоралась въ ней.

— За то, что я не понравилась ему,—рѣзко отвѣтила она.— Мы, многіе, не понравились ему своимъ поведеніемъ, и насъ всѣхъ исключили.

— Исключили?.. И тебя?

Отецъ Василій поблѣднѣлъ и сдѣлалъ шагъ назадъ.

— Да, и меня... Было бы позорно оставаться въ рядахъ неисключенныхъ!—еще рѣзче отвѣтила дѣвушка.

Отецъ Василій молча сѣлъ въ кресло къ окну и послѣ продолжительной паузы началъ, словно не сразу собравшись съ духомъ:

— Объясни, Наташа, все сейчасъ же... иначе я не уйду отъ тебя...

Твердая нотка въ голосѣ отца кольнула сердце дѣвушки, и ихъ взгляды встрѣтились: пытливое выраженіе въ глазахъ отца Василія потупилось, встрѣтившись съ смѣлымъ и вызывающимъ взоромъ дочери.

— Если ты этого хочешь — я объясню тебѣ кратко: я участвовала въ студенческихъ волненіяхъ вмѣстѣ съ другими, и за это исключена...

— Ты? Въ студенческомъ волненіи? Развѣ ты забыла мои мольбы и мольбы матери—держаться подальше отъ этого? Развѣ ты забыла, какъ мы просили тебя? Ты не сдержала своего слова!

— Я не давала тебѣ никакихъ обѣщаній!—воскликнула дѣвушка.

— Вѣдь иначе мы не отпустили бы тебя на эти проклятые курсы!

— Я не давала тебѣ, отецъ, никакихъ обѣщаній!

— Но пожалѣть-то ты насъ должна?

Наташа молчала.

— Я сорокъ лѣтъ пастыремъ, Наташа! Голова моя посѣдѣла за этой работой, и никогда никто не говорилъ со мною такъ, какъ ты... моя дочь!..

— Папа!—тихо проговорила дѣвушка:—папа!..

— Что?

— Если-бы я попросила тебя не трогать... прекратить этотъ разговоръ теперь.

— Если бы ты для меня была чужая — я сейчасъ же ушелъ бы... Но я хочу вырвать тебя изъ той злой ямы, куда ты попала! Я спасти хочу тебя! сейчасъ... Ты должна принести мнѣ покаянное слово за все, что ты сдѣлала...

— Я ни въ чемъ не виновата!

— Ты виновата! Ты попрала завѣты закона и той правды,

за которую—Богъ! Ты погибаешь въ этой... въ этой шайкѣ... Ты забыла слово Божіе...

Отецъ Василій рѣзко оборвалъ свою рѣчь и поднялся. Сердце его также тревожно билось, въ глазахъ мутилось.

— Я ни въ чемъ не виновата, папа... и въ этомъ — мое тебѣ раскаяніе...—твердо отвѣтила Наташа.

— Что же ты теперь думаешь дѣлать? Можетъ быть, ты еще и наказанію какому-нибудь подвергнешься? — послѣ паузы спросилъ отецъ.

Наташа молчала.

— Что же ты теперь думаешь дѣлать! — еще разъ переспросилъ отецъ!—Эти три года пропали даромъ?

— За это время я многое успѣла сдѣлать...

— Что же ты сдѣлала? Гдѣ дипломъ? Какъ ушей своихъ, не увидѣть тебѣ его,—добавилъ грубо отецъ Василій.

— Не въ дипломѣ дѣло...

— А въ чемъ же? Ради чего же ты ѣздила учиться? Даромъ время потратила... Опять же, развѣ дешево ты обошлась мнѣ?

Наташа вспыхнула и зло взглянула на отца: онъ вдругъ сталъ ей чужимъ, и она сухо сказала:

— Потомъ я заплачу тебѣ этотъ долгъ.

— Чѣмъ ты заплатишь? Ха-ха-ха! — разсмѣялся онъ нехорошимъ раскатистымъ смѣхомъ.

— Оставимъ этотъ разговоръ, отецъ!—И въ голосѣ дѣвушки послышались такія нотки, отъ которыхъ отца Василія покоробило. Онъ хотѣлъ что-то сказать, но голосъ не повиновался ему, и съ дрожью въ рукахъ онъ поднялся.

— Я уѣду продолжать образованіе за границу!—спокойно проговорила Наташа, и въ этомъ спокойствіи было что-то непоколебимое.

— Что?.. что ты сказала?—вспылилъ отецъ Василій, подавшись всѣмъ корпусомъ къ дочери.—Да кто же тебя пуститъ? Кто?

— Я и не буду никого спрашивать объ этомъ.

— И меня, и меня не спросишь? Ха-ха-ха! Наташа, Наташа... оставь эти бредни, а вотъ лучше усни-ка...

Отецъ Василій повернулся и медленно вышелъ, спокойно притворивъ за собою дверь.—„За границу“,—повторилъ онъ съ усмѣшкой въ голосѣ уже въ корридорѣ, и скоро его шаги смолкли.

Наташу до глубины души оскорбилъ этотъ насмѣшливый тонъ, съ какимъ отецъ Василій произнесъ послѣднюю фразу; она поднялась и едва не вскрикнула.

— Да, за границу, изъ этой проклятой родины-мачихи! — рѣзко прошептала она.

Еслибъ отецъ Василій не успѣлъ уйти, она ему бросила бы эту фразу проклятія родины, она передъ нимъ излила бы накипѣвшую злобу юнаго уязвленнаго сердца, ему — старику, затхлому человѣку, мѣшающему жить ей, молодой! Она жалѣла, что не удалось высказать этого теперь, и были минуты, когда она порывалась догнать отца и бросить ему въ глаза проклятіе родинѣ.

Минуты двѣ Наташа стояла неподвижной, потомъ быстро подошла къ двери, замкнула ее на крючокъ и, утомленная и разстроенная, опустилась на кровать, не раздѣваясь. Сердце ея попрежнему тревожно билось, голова горѣла, руки и ноги дрожали.

И ей вдругъ стало легче отъ сознанія, что всѣ опасенія, передъ которыми она робко отступала — миновали, и теперь она, ясная и опредѣленная, стоитъ передъ отцомъ, храбро отражая его нападенія и смѣло заявляя о желаніи своего „я“, жаждущаго свободы, разрыва ветхихъ и ржавыхъ цѣпей, этой незримой духовной пуповины, которую должны разорвать сами новорожденные обновленные люди.

Пусть это будетъ — война объявлена и даже хорошо, что все такъ быстро совершилось; теперь обѣ воюющія стороны знаютъ, что надо вооружиться, отстаивая свои интересы.

Наташа лежала въ постели съ закрытыми глазами, прислушиваясь къ тишинѣ дома... На дворѣ стонала расходившаяся непогода, и Наташа заснула подъ ея тягучіе и печальные напѣвы...

VII.

На другой день она проснулась поздно. Всю ночь она крѣпко проспала, въ чемъ легла, и сновидѣнія не безпокоили ея утомленнаго мозга.

Наташа обвела глазами комнату, узнала — гдѣ она и вспомнила, что было здѣсь вчера. Какой-то непріятный осадокъ всколыхнулся въ ея душѣ при этомъ воспоминаніи, и она быстро встала. На столѣ горѣла забытая ею лампа, сквозь коленкоровую стору проникалъ свѣтъ дня. Она подняла стору и заглянула въ окно.

Сѣрый день, безъ солнца, съ тѣми же, что и вчера, тяжелыми тучами. Дождя не было, и это порадовало дѣвушку. Въ столовой, куда она вошла, освѣжившись холодной водой умы-

вальника, никого не было. На столѣ была разставлена чайная посуда вокругъ пустого подноса. Наташа мелькомъ окинула глазами столъ и по большому стакану съ серебрянымъ подстаканникомъ опредѣлила, гдѣ недавно сидѣлъ отецъ. Дѣвушка окликнула мать, но на ея зовъ никто не отозвался. Она прошла до кухни и, притворивъ дверь, снова позвала мать.

Въ передникѣ, замазанномъ мукою, и съ засученными рукавами Надежда Александровна бросилась къ дочери и расцѣловала ее.

— А мы съ отцомъ давно чайку напились. Пусть, думаемъ, поспишь ты съ дороги-то... Иди, голубчикъ, иди, — сейчасъ и самоваръ подадутъ... Чайку-то ты сама завари, свѣженькаго...

Наташа вернулась въ столовую, и вслѣдъ за нею кухарка внесла за-ново вскипѣвшій самоваръ. Заваривъ чай, Наташа прошла въ залу. Здѣсь все было такъ же, какъ и вчера. На столѣ передъ диваномъ лежали фотографіи, которыя вчера вечеромъ она разсматривала вмѣстѣ съ отцомъ и матерью; тутъ же лежалъ и каталогъ Третьяковской галереи. Наташа осмотрѣла и то и другое, обратила вниманіе на какой-то пейзажъ, безотрадный и унылый въ своихъ сѣрыхъ тонахъ, и быстро захлопнула книгу.

Она вспомнила отца и мать, вчерашнюю сцену встрѣчи и примиренія, ласки отца, его дрогнувшій голосъ, слезы матери,— и ей стало безконечно жаль ихъ, старыхъ и усталыхъ за нѣсколько десятковъ лѣтъ жизни... „Пуповина, незримая родственная цѣпь“... вспомнила дѣвушка и сжала руки...

— Наташа! Наташенька!—позвала ее мать.

Дѣвушка вернулась въ столовую.

— Ты ужъ одна, Наташенька, кушай — извини меня,— говорила Надежда Александровна, стоя въ дверяхъ кухни.—У меня тамъ тѣсто готово, ватрушечекъ тебѣ напеку... твоихъ любимыхъ, маленькихъ такихъ и поджаристыхъ...

Старушка ушла. Наташа налила себѣ чаю, обвела комнату глазами и, подперевъ голову рукою, задумалась.

Чѣмъ-то давно знакомымъ повѣяло на нее отъ скромной и ветхой обстановки ихъ жилья. Все здѣсь по старому и, кажется, долго еще обѣщаетъ быть неизмѣннымъ,— измѣнилась только она вся: окрѣпъ разсудокъ, возмужало сердце, распахнулась душа навстрѣчу новому. А эта комната вся та-же: тѣ-же стѣны съ блѣдно-голубыми полинявшими обоями, тѣ же окна съ кисейными занавѣсками и тусклыми стеклами, та же висячая лампа, старинные стулья, аккуратно разставленные вдоль стѣнъ,

и тѣ же закоптѣвшіе и потемнѣвшіе портреты епископовъ между оконъ: тотъ же и отецъ, старикъ, немного суровый и съ непреклонной волей, и та же хлопотунья старушка-мать. Только не та она, Наташа. Развѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ могла бы она разсуждать съ отцомъ такъ, какъ она объяснялась вчера? Но то, что̀ было нѣсколько лѣтъ тому назадъ,— то не вернется, какъ не вернется дѣтство Наташи и ея юность — вначалѣ безпечная и беззаботная, потомъ—эта ломка подъ вліяніемъ лицъ, случайно выплывшихъ на горизонтѣ жизни дѣвушки.

Въ столовую вошла Надежда Александровна съ раскраснѣвшимся у печки лицомъ.

— Господи! устала! — переводя духъ, проговорила она и усѣлась на стулъ по другую сторону стола. — Стара я, Наташенька, стала: ноги не посятъ, да и такъ-то прихварываю что-то... Вотъ какъ-то вскорѣ послѣ твоего отъѣзда, въ боку у меня боль поднялась — и свалилась, и думала, что не встану... А у меня ужъ всегда такъ — сердце изноетъ, когда что-нибудь прихворнется, все думушка безпокоитъ: вотъ, уѣхала ты далеко, и нѣтъ тебя... А я умру тутъ и не увижу тебя, голубчикъ мой, и не благословлю тебя на жизнь...

Глаза Надежды Александровны переполнились слезами, и она смолкла. Наташа сидѣла съ опущенной головой, ощущая въ груди какую-то тяжесть. Съ тѣхъ поръ, какъ она стала покидать домъ родныхъ, ей знакомо это тяжелое ощущеніе. Обыкновенно, начиналось оно за нѣсколько дней до отъѣзда, когда мать, ничѣмъ не выказывая своего горя, старалась подавить въ себѣ тоску передъ разлукой и цѣлые дни ходила съ серьезнымъ и задумчивымъ лицомъ. Наташа видѣла эту борьбу старухи съ надвинувшейся тоской, и проникалась къ ней глубокимъ сожалѣніемъ. Въ такихъ случаяхъ она нерѣдко спрашивала себя: имѣетъ ли она право причинять боль матери? И всегда оставляла этотъ вопросъ безъ отвѣта, въ то же время продолжая собираться въ дорогу.

Помнится, когда впервые былъ поднятъ Наташею вопросъ о поѣздкѣ на курсы, и когда этотъ вопросъ вызвалъ цѣлую семейную бурю, роли отца и матери опредѣленно выяснились. Отецъ, услыша рѣшеніе Наташи, вспылилъ такъ же, какъ и вчера, когда услышалъ высказанное дѣвушкою рѣшеніе и на поѣздку за границу: нѣсколько дней онъ не говорилъ съ дочерью, а когда та своими вопросами побуждала его высказаться окончательно — онъ говорилъ, что обдумываетъ этотъ вопросъ, и говорилъ это такимъ тономъ, который оскорблялъ дѣвушку: въ

голосѣ отца Василія слышались всегда какія-то ироническія ноты.

Мать отнеслась совершенно иначе. Когда Наташа сказала ей о своемъ рѣшеніи, старушка молча выслушала ее и, опустивъ глаза, коротко проговорила:

— Господь надъ тобой, голубка моя! Какъ знаешь—такъ и поступай, дѣлай, что тебѣ лучше.

Съ этого момента Наташа словно прозрѣла. Только теперь она поняла, какова ея мать, и послѣ этого она смѣло бы могла сказать, что скромную и молчаливую мать она любитъ больше, нежели отца. Еслибы мать была такъ же энергична и умна, какъ отецъ, еслибы у нея была такая же воля, какъ и у этого бодраго и здороваго старика,—въ старушкѣ сочетались бы тѣ необходимыя качества, которыя необходимы Наташѣ въ человѣкѣ съ именемъ „близкій другъ". Наташа никогда и ничего не скрывала отъ матери, напротивъ—иногда она сама шла къ старушкѣ и разоблачала передъ ней свою душу. Покойно становилось на душѣ дѣвушки въ это время, но только покойно,—другіе запросы ея души не удовлетворялись,—мать умѣла только любить. И Наташа знала, что отецъ могъ бы дать то, чего напрасно бы ожидать отъ матери, но отца Наташа давно считала своимъ врагомъ.

Онъ никогда не задавался вопросомъ—хорошо ли онъ поступаетъ, относясь къ Наташѣ, какъ къ дѣвочкѣ, онъ никогда не сдерживалъ себя и съ какой-то безпорядочностью, съ какой-то вульгарностью оскорблялъ ея человѣческое достоинство, смѣло заявляя ей о какихъ-то своихъ отцовскихъ правахъ на ея волю и свободу. Даже мысли ея старался подслушать, чтобы потомъ грубо высказать имъ свою оцѣнку, а Наташа давно перестала оцѣнивать мнѣніе отца съ вниманіемъ „младшей" или съ покорностью рабы.

— Отчего ты, Наташенька, такая грустная?—тихо спросила мать, видя, что дочь опустила голову и ни однимъ звукомъ не отвѣтила на ея невольно сорвавшуюся жалобу. Теперь Надежда Александровна уже жалѣла, что высказалась передъ дочерью.

— Плохо спала сегодня, мама, да и съ дороги-то, должно быть, еще не успѣла оправиться...

— Отецъ тоже что-то нынче плохо спалъ... Ворочается все и вздыхаетъ,—простодушно проговорила Надежда Александровна и также опустила глаза.—Старѣетъ и онъ съ каждымъ годомъ. Бывало—король-королемъ ходитъ, голосъ-то какой былъ, а нынче вонъ и на грудь жалуется, и съ сердцемъ у него что-то неладно..

Часы въ столовой пробили одиннадцать. Наташа просчитала въ умѣ всѣ эти хриплые удары и, обернувшись, посмотрѣла на полинялый и засиженный мухами циферблатъ часовъ, на помятыя гири и на маятникъ, двигавшійся изъ стороны въ сторону съ какимъ-то писклявымъ и жалобнымъ тиканьемъ. И ей пришла въ голову странная мысль: „все здѣсь старѣетъ и умираетъ медленной смертью“. Какая-то дрожь пробѣжала по спинѣ дѣвушки и отозвалась въ мозгу, и она съ болѣзненнымъ чувствомъ въ душѣ поднялась...

— Мама! Спасибо, милая! — проговорила Наташа и, обнявъ мать, поцѣловала ее:—я съ такимъ аппетитомъ напилась чаю и такъ вкусны были эти лепешечки...

Наташа чувствовала, что говоритъ не то, что подсказываетъ ея сердце. Она должна бы броситься къ матери, высказать ей все, накипѣвшее въ душѣ, и молить у нея прощенія въ чемъ-то. Но этого не могла она сдѣлать, потому что не считала себя провинившейся передъ этой доброй старушкой. Она любитъ мать, глубоко любитъ и хочетъ охранять ея жизнь, хочетъ окружить ее спокойствіемъ и счастьемъ, тѣмъ счастьемъ, какимъ живутъ старые, пожившіе люди.

При этой мысли дѣвушка вздрогнула и отошла къ окну. Какое счастье можетъ она дать роднымъ? Ихъ желаніе сводится къ одному, чтобы Наташа отказалась отъ своихъ стремленій учиться и осталась бы около нихъ, потому что она—единственная у нихъ радость въ жизни. Они хотятъ ей той же жизни, какою жили они; они выработали для этой жизни программу, обсудили ее больше сердцемъ, нежели разсудкомъ, и хотятъ, чтобы дочь приняла ее безъ критики и не сообразуясь съ собственными желаніями и стремленіями. Для Наташи это рѣшеніе невозможно. Она — другая теперь, она отравлена ядомъ другой жизни, и она пойдетъ по этому пути во что бы то ни стало...

— Мама, а какъ поживаетъ Коля? — спросила дѣвушка, чтобы отогнать мысли отъ этого „громаднаго“ вопроса, котораго она никакъ не можетъ разрѣшить рѣзко и опредѣленно.

— Что ему дѣлается — здоровъ, — сухо отвѣтила Надежда Александровна и тоже встала. — Живетъ по прежнему, какъ звѣрь какой: ни дяди, ни тетки не признаетъ... А тоже не долженъ забывать, что, благодаря дядѣ-то, и устроился тутъ, а не прими онъ въ немъ участія, такъ шатался бы безъ дѣла-то и искалъ бы пропитанія, какъ птица небесная!..

Наташѣ не понравился этотъ сухой, непріязненный отвѣтъ

матери, и она пожалѣла, что такимъ неудачнымъ вопросомъ вздумала спасти себя отъ назойливыхъ думъ.

Ни Надежда Александровна, ни отецъ Василій не любили племянника Николая Проскурнина, и когда-то Наташѣ не разъ приходилось воевать изъ-за него съ матерью и съ отцомъ. И теперь Наташа поймала себя на такомъ странномъ желаніи досадить матери и тѣмъ отомстить ей за ея отношеніе къ своему лучшему другу, какъ она въ глаза и за глаза называла двоюроднаго брата.

— Я пойду къ нему,—сухимъ тономъ проговорила дѣвушка и направилась въ прихожую.

— Что ужъ это! Сама говорила, что устала, плохо ночь спала съ дороги, а теперь хочешь идти,—ворчала Надежда Александровна, медленно шагая вслѣдъ за дочерью.

Наташа молча одѣлась и вышла въ сѣни.

VIII.

Николай Проскурнинъ и Наташа росли вмѣстѣ. Его отецъ, вдовый старикъ, служилъ когда-то діакономъ въ церкви села Тузова, настоятелемъ которой почти сорокъ лѣтъ былъ отецъ Василій, его родной братъ. Когда Николаю Проскурнину было восемь лѣтъ, его отецъ умеръ, и мальчикъ остался на попеченіи дяди. Сироту отвезли въ духовное училище и опредѣлили въ бурсу на казенный счетъ. Черезъ четыре года Николай Проскурнинъ перешелъ въ семинарію и каждую весну радовалъ дядю своими успѣхами, хотя отецъ Василій не разъ получалъ изъ города увѣдомленіе, что поведеніе племянника „недобронравно и заставляетъ желать лучшаго“.

Послѣ такихъ тревожныхъ извѣщеній отецъ Василій писалъ племяннику отеческія письма, напоминая ему о его сиротствѣ и противопоставляя выгоду хорошаго поведенія и подчиненія начальству. На эти письма племянникъ отвѣчалъ длинными посланіями, которыя изумляли отца Василія „бойкостью пера и умственнымъ содержаніемъ“. Николай Проскурнинъ никогда не отвѣчалъ прямо на вопросы, поставленные отцомъ Василіемъ въ его письмахъ, никогда онъ не оправдывался, не защищался и не ругалъ начальства: его посланія были безстрастнымъ изложеніемъ семинарской жизни и порядковъ, и когда дядя заканчивалъ читать эти описанія,—всегда выходило какъ будто такъ, что его племянникъ крайне благонравный молодой человѣкъ, но что тамъ какъ будто что-то и не ладно.

Пріѣзду племянника на каникулы отецъ Василій всегда радовался, хотя на первыхъ же порахъ свиданія заводилъ рѣчь о поведеніи, и снова Николай разубѣждалъ старика на этотъ счетъ, такъ что доносы городского пріятеля отца Василія представлялись послѣднему „неблаговиднымъ вымысломъ и преувеличеніемъ“. Отецъ Василій успокаивался и относился къ племяннику съ большей ласкою, и тѣмъ не менѣе, многое въ жизни Николая ему не нравилось.

На каникулы Николай Проскурнинъ возвращался, обыкновенно, съ чемоданами, нагруженными свѣтскими книгами. Дядя безцеремонно рылся въ богатствѣ племянника, и тотъ всегда охотно предоставлялъ ему это право, напротивъ, даже, какъ казалось отцу Василію, старался подсовывать ему ту или другую книгу, или восторженно отзываясь объ авторѣ, или кратко, но вразумительно передавая дядѣ ея содержаніе. Отецъ Василій пробѣгалъ заглавія книгъ, иногда вздыхалъ и покачивалъ головою, иногда разспрашивалъ Николая, что̀ значитъ то или другое непонятное ему слово. Въ душѣ же отецъ Василій относился къ книгамъ племянника, какъ къ личнымъ врагамъ, и, повертѣвъ въ рукахъ, откладывалъ ихъ въ сторону.

— Да гдѣ ты ихъ берешь? такую уйму?—только, бывало, и рѣшится спросить батюшка.

— Горломъ добываю!—шутливо отвѣтитъ племянникъ.

Отецъ Василій зналъ, что Николай считается лучшимъ теноромъ въ архіерейскомъ хорѣ, и понималъ смыслъ его шутки.

— Горломъ?.. Гм!.. Это похвально, конечно, да только ты лучше бы сюртукъ себѣ лишній сдѣлалъ, или брючки бы купилъ, а то, вишь ты, какое на тебѣ несвѣженькое одѣяньице-то...

Николай посмотрѣлъ на свое „одѣяньице“ и добродушно улыбнулся.

— Кромѣ того,—послѣ паузы начиналъ отецъ Василій:—кто ихъ знаетъ, что̀ это за книги,—ужъ очень мудреныя названія-то... Не зачитался бы ты, садовая головушка!.. Тоже и книги надо съ разборомъ читать!

— А вы, дядя, возьмите любую, да и прочтите, и скоро убѣдитесь, что все это и интересныя книги, и зачитаться ими я очень хочу, почему и вожу съ собою. Жаль только вотъ, что у насъ ихъ исподтишка приходится читать...

— То-то, вотъ, видишь! Начальство противъ нихъ—значитъ, что-нибудь есть въ нихъ этакое... непотребное...

Отецъ Василій пристально смотритъ въ лицо юноши, какъ будто съ тайнымъ желаніемъ прочесть на немъ отвѣтъ на свой

запросъ, но, убѣдившись, что на худощавомъ покойномъ лицѣ Николая ничего не прочтешь, крякнетъ и скажетъ:

— А что же это ты ни одной духовной книги не привезешь, и я бы что-нибудь почиталъ новенькаго.

— Духовныя книги мы учимъ, дядя, а сюда меня отпускаютъ на каникулы,—коротко отвѣтитъ племянникъ и примется уставлять книги на этажерку, въ углу небольшой комнатки, которая, обыкновенно, отводилась въ его распоряженіе на время каникулъ.

Съ тревожной думой уйдетъ отецъ Василій изъ комнаты племянника и досадуетъ на свою безхарактерность. Ему, какъ старому человѣку, замѣнившему юношѣ родного отца, слѣдовало бы наставить его на путь истинный, слѣдовало бы разсмотрѣть, что это, въ самомъ дѣлѣ, за книги такія? Къ чему онѣ ведутъ молодой умъ? И сердце старика обливалось новой досадой на свою темноту. Онъ впервые и видитъ эти книги, да и плохо понимаетъ ихъ названія, а когда же тамъ еще читать ихъ,—пожалуй, на позоръ передъ племянникомъ, и не поймешь ничего.

Вмѣстѣ съ этимъ, отецъ Василій замѣчалъ, что Николай своими книгами какъ будто воздвигаетъ какую-то стѣну между собою и имъ, и ему уже не легко относиться къ нему, какъ къ мальчику, которому можно и нотацію прочесть, а въ случаѣ, если и это не поможетъ, то и болѣе крутыя мѣры принять. И съ каждымъ годомъ отецъ Василій убѣждался, что эта стѣна дѣлается толще и толще. Изумляла его и перемѣна въ характерѣ Николая, въ его образѣ жизни и во всемъ, чего онъ только ни наблюдалъ. Онъ видѣлъ, что племянникъ почтителенъ къ нему, никогда голоса не повыситъ, а если что и скажетъ иной разъ—то выслушаетъ спокойно и потомъ такъ же спокойно отвѣтитъ. Если возникнетъ какой-нибудь споръ, Николай говоритъ горячо, но прилично, сначала выслушаетъ, а потомъ возражаетъ. На лицѣ племянника отецъ Василій часто читалъ выраженіе какой-то тайной и упорной мысли, задумчивые глаза съ покойнымъ блескомъ казались старику какими-то также необыкновенными, мягкими и, вмѣстѣ съ тѣмъ, суровыми, проникающими въ душу постороннаго человѣка.

Все это обезоруживало отца Василія и подчасъ вселяло въ него неудовольствіе: почему онъ слабъ передъ этимъ узкоплечимъ юношей съ такимъ тихимъ и какъ будто робкимъ голосомъ?

Безпокоило отца Василія и еще одно обстоятельство. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ на его глазахъ росли племянникъ и его единственная дочь Наташа, Николай былъ года на три старше кузины; развивался онъ быстро и физически, и духовно,

Худенькая и болѣзненная Наташа къ семнадцати годамъ вдругъ преобразилась: пополнѣла, выросла, слабый голосъ теперь звучалъ опредѣленнѣе и гуще; въ лицѣ тоже произошла перемѣна: черты округлились, глаза стали смѣлыми,—и отецъ Василій съ испугомъ замѣтилъ, что въ нихъ тоже вселилась какая-то дума. Раньше отецъ Василій видѣлъ, что Николай близокъ къ дочери, они ласковы, часто подолгу вмѣстѣ гуляютъ и говорятъ; она читаетъ книги изъ библіотеки брата и потомъ при нихъ, при отцѣ Василіѣ и его женѣ, вмѣстѣ говорятъ о прочитанномъ. Отецъ Василій и самъ старался остановить свое вниманіе на этихъ книгахъ, и убѣждался, что это—повѣсти и романы какихъ-то писателей, неизвѣстныхъ ему.

Вникая въ содержаніе невиданныхъ дотолѣ книгъ, онъ убѣждался, что все въ нихъ прилично и благонравно, такъ что онъ переставалъ безпокоиться за дочь, тайно въ душѣ тоскуя, что и она, какъ и Николай, не привержены къ книгамъ духовнымъ. Онъ объяснялъ это молодостью и окончательно успокаивался; и только уже послѣ того, какъ Наташа преобразилась изъ худенькой дѣвочки въ видную дѣвицу,—онъ понялъ, что вмѣстѣ съ тѣломъ дочери выросла въ ней ея душа и умъ безъ его отеческаго контроля. Онъ замѣтилъ большое сходство въ привычкахъ, въ разговорахъ и сужденіяхъ Наташи съ ея двоюроднымъ братомъ. Послѣ этого онъ сталъ наблюдательнѣе и осторожно старался завладѣть вниманіемъ Наташи, но послѣ каждой попытки убѣждался, что въ этомъ отношеніи онъ опоздалъ. Многое привилось къ его дочери такого, чего ни въ немъ, ни въ его женѣ, ни въ близкихъ и знакомыхъ—нѣтъ, и съ этимъ новымъ чаще и чаще приходится сталкиваться и бороться.

Вмѣстѣ съ этимъ сознаніемъ въ душѣ отца Василія поселилась какая-то тайная враждебность къ племяннику: онъ чувствовалъ, что этотъ посторонній человѣкъ сталъ между нимъ и дочерью, вліяя на дѣвушку все сильнѣе и сильнѣе и обрекая на безсиліе передъ нею старика-отца. На этой почвѣ произошло немало столкновеній между дядей и племянникомъ.

Совершенно неожиданно, когда Николай Проскурнинъ былъ уже въ пятомъ классѣ семинаріи, отецъ Василій получилъ письмо отъ своего друга, который извѣщалъ отца Василія, что его племянникъ исключенъ изъ семинаріи навсегда. Далѣе описывались подробности „сахарнаго бунта“, который, какъ показало семинарское слѣдствіе, былъ устроенъ стараніемъ Николая Проскурнина, вовлекшаго въ преступленіе и своихъ товарищей.

Отецъ Василій, что̀ называется, рвалъ на себѣ волосы, горя-

чился и проклиналъ Николая, когда тотъ вернулся въ Тузово. Онъ не позволилъ ему даже остановиться у себя на ночевку, и исключенному семинаристу пришлось ночевать въ первой гостепріимной избѣ крестьянина, съ которымъ у изгнанника была давнишняя дружба.

Поселившись въ деревнѣ, Николай Проскурнинъ сбросилъ съ себя городское платье, облекся по-крестьянски и жилъ, спокойно ожидая, что̀ будетъ дальше. Въ первую же зиму онъ нашелъ себѣ заработокъ, нанявшись къ мужикамъ, въ качествѣ учителя, за квартиру и столъ. Это позволяло ему жить, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ пріобрѣлъ и урокъ, взявшись за три рубля обучать сына купца Красильникова, который проживалъ на хуторѣ верстахъ въ трехъ отъ Тузова.

За это же время ему удалось показать крестьянамъ, какъ просто можно устроить, чтобы ихъ ребята обучались грамотѣ, и какихъ результатовъ можно добиться, если приняться за это дѣло съ любовью. Послѣ этого Проскурнину нетрудно было доказать мужикамъ, что можно устроить даже, что всѣ ихъ ребята будутъ обучаться, если найти для этого подходящую избу, раздобыться кое-какими средствами и, главное, склонить отца Василія, какъ законоучителя ивановскаго земскаго училища и школьнаго попечителя, хлопотать о школѣ грамоты.

Мужики увѣровали въ планы поповича и направились къ отцу Василію съ просьбой. Вначалѣ батюшка никакъ не могъ отдѣлить своей личной непріязни къ племяннику отъ совершенно посторонняго мужицкаго дѣла, но потомъ, благодаря настоятельнымъ приставаньямъ мужиковъ и времени, сгладившему острый порывъ непріязни къ Николаю, наконецъ уступилъ и потомъ самъ же молебномъ съ водосвятіемъ открылъ школу грамоты въ селѣ Тузовѣ во главѣ съ учителемъ Проскурнинымъ.

— Смотри только у меня!—пригрозилъ онъ племяннику:—не забывай, что я наблюдатель и попечитель, твой ближайшій начальникъ... Чуть что̀—и школу закрою, и тебя къ исправнику! Проскурнинъ улыбнулся въ отвѣтъ на эту реплику, какъ невольно дѣлалъ это всегда, когда старался скрыть на лицѣ выраженіе, соотвѣтствующее его настроеніямъ.

Занявшись школой грамоты, Проскурнинъ зажилъ нѣсколько лучше, такъ какъ и мужики стали относиться къ нему съ необыкновеннымъ вниманіемъ и почтеніемъ, да, кромѣ того, ему давали теперь квартиру и столъ, согласно съ постановленіемъ сельскаго приговора, а это обезпечивало возможность не тратить время изъ-за разговоровъ о томъ, кому сегодня кормить

учителя, или кому везти въ школу дрова для отопленія и доставить необходимое для обихода школьной жизни.

Свободное время Проскурнинъ отдавалъ чтенію книгъ, и за нѣсколько лѣтъ у него скопилась порядочная библіотека. Кромѣ того, онъ занялся языками, писалъ корреспонденціи въ одну изъ московскихъ газетъ и работалъ надъ своими первыми беллетристическими опытами изъ семинарской жизни.

IX.

За рѣчкой, на окраинѣ Тузовки, въ обширной крестьянской избѣ, обращенной на улицу тремя окнами, помѣщалась тузовская церковно-приходская школа. Длинная изба, сооруженная изъ стариннаго лѣса лѣтъ сорокъ тому назадъ, раздѣлялась обширными сѣнями на двѣ половины: первая служила собственно школой, а въ задней половинѣ, раздѣленной на двѣ комнаты, жилъ Проскурнинъ, и тутъ же, за перегородкою, по его иниціативѣ устроенъ былъ на зимнее время ночлежный пріютъ для школьниковъ изъ отдаленныхъ деревень.

Наташа застала Проскурнина во дворѣ.

Въ сопровожденіи церковнаго старосты, Тихона Ѳедоровича, онъ ходилъ около потемнѣвшихъ стѣнъ избы и, тыкая палкой въ бревна, показывалъ скупому старикашкѣ на изъяны въ ветхомъ строеніи, не устранивъ которые, трудно было бы прозимовать въ общественномъ помѣщеніи, гдѣ нѣкогда процвѣталъ тузовскій кабакъ.

Увидя Наташу идущей по улицѣ, Проскурнинъ отпустилъ старосту и быстрыми шагами направился навстрѣчу дѣвушкѣ. Наташа издали улыбнулась ему, и когда онъ быстро подошелъ къ ней,—проговорила:

— Боже, какъ я рада, что ты дома!.. Здравствуй!..

— Боже, какъ я радъ, что тебя вижу! — шутливо воскликнулъ и Проскурнинъ.

Онъ молча и крѣпко пожалъ ея руку, продолжая:

— Я получилъ твое послѣднее письмо и не буду надоѣдать тебѣ ненужными разспросами... Идемъ, я только-что собирался пить чай!..

Они вошли въ маленькую комнату съ двумя узкими окнами въ двухъ стѣнахъ дома, сходящихся подъ угломъ. Обиталище Проскурнина не отличалось особеннымъ внѣшнимъ порядкомъ. Въ углу стояла кровать, прикрытая дешевенькимъ одѣяломъ; по-

верхъ одѣяла валялись какія-то рукописи и книги. Столъ въ переднемъ углу, прикрытый газетой, вмѣсто сукна, также былъ заваленъ книгами; книги, брошюры и журналы лежали и на полкѣ надъ кроватью.

— Ну, вотъ, садись здѣсь!—указалъ онъ на стулъ возлѣ небольшого столика съ пыхтящимъ, видимо только-что вскипѣвшимъ самоваромъ.—Садись и разсказывай, что тамъ такое у васъ въ Питерѣ случилось; изъ газетъ-то вѣдь путнаго ничего не вычитаешь, а правда-матка изъ столицы до насъ не скоро доходитъ...

— Погоди, дай отдышаться... разскажу...

Разумѣется, Наташѣ не сразу пришлось разсказывать о томъ, о чемъ спрашивалъ ее Проскурнинъ. Вначалѣ они говорили о письмахъ, которыя посылала ему Наташа, и изъ этого разговора выяснилось, что Проскурнинъ не получилъ двухъ изъ шести, изъ которыхъ одно было весьма интересно, и дѣвушка не безъ тревоги пожалѣла о его исчезновеніи. Потомъ разговоръ перешелъ на тему объ общихъ знакомыхъ Наташи и Проскурнина, живущихъ въ Петербургѣ, и какъ только вопросъ коснулся этой темы,—Наташа перешла къ разсказу о послѣднихъ событіяхъ, такъ какъ ихъ общіе знакомые и сама Наташа имѣли самое ближайшее соприкосновеніе съ этими событіями.

— Такъ-такъ! — негромко произнесъ онъ, когда Наташа смолкла и съ задумчивостью въ глазахъ принялась размѣшивать сахаръ на днѣ стакана.

— Да, вотъ такъ-то... а теперь позимуемъ здѣсь,—негромко произнесла и она.

Проскурнинъ всталъ, прошелся раза два по комнатѣ, скрипя половицами, и, остановившись около кузины, сказалъ:

— Ну, что-жъ,—не бѣда! прозимуемъ и здѣсь... Не вѣчно же будетъ зима... Поди, тебѣ пришлось перенести штормъ... тамъ, у родителей-то?

Наташа махнула рукой и промолчала, что заставило Проскурнина пожалѣть о своемъ послѣднемъ вопросѣ, невзначай сорвавшемся съ языка. Чтобы перемѣнить разговоръ, онъ началъ:

— А я теперь ссорюсь все съ Тихономъ Ѳедоровичемъ. Сговорились они, повидимому, морозить меня со школярами — никакъ не могу выпросить у нихъ ремонта вотъ этой хатины... Просто скандалъ. Недавно подбилъ было мужиковъ выхлопотать у нашихъ господъ Тузовыхъ флигель въ саду, чтобы оборудовать тамъ школу, и съ самимъ генераломъ, нашимъ земцемъ новой формаціи, имѣлъ разговоръ, да только ничего путнаго изъ этого разговора не вышло...

— А ты бы обратился къ этой mademoiselle Sophie—вѣдь она лучше всѣхъ ихъ! — замѣтила Наташа.

— Предварительно бесѣдовалъ и съ нею. По обыкновенію, пообѣщала, но, видимо, плохо воздѣйствовала на генерала.

— Противные какіе-то всѣ они, и что досадно, такъ это то, что отецъ страшно поддается ихъ вліянію!—съ негодованіемъ въ голосѣ воскликнула Наташа, и пальцы ея сложенныхъ рукъ хрустнули.

— Они магнаты нашихъ мѣстъ, а церковь всегда прислушивается къ ихъ мнѣнію и хотѣнію,—довольно спокойнымъ тономъ произнесъ Проскурнинъ, но потомъ онъ глубоко вздохнулъ, словно набравъ въ легкія свѣжаго воздуха, и, сильно повысивъ голосъ, добавилъ:— Вотъ то-то и скверно, что мы всѣ, вѣрующіе въ силу своихъ идей, ничего не можемъ сдѣлать ни съ тѣми, ни съ другими! Возимся мы съ ними, говоримъ, волнуемся, а потомъ у нихъ же въ услуженіи состоимъ... Я послѣднюю зиму вожусь съ этой школой,—будетъ. Ничего не дѣлается такъ, какъ ты хочешь, и сводится все къ тому, что не только служишь всѣмъ имъ, но еще даже и другихъ просвѣщаешь тому, чтобы подготовить и ихъ къ служенію „имъ же“, по ихъ указкѣ... Понимаешь, Наташа: „имъ же“! дѣлаешь изъ мальченокъ угодный „имъ“ матеріалъ... Вѣдь это же подло!.. подло.. Меня будутъ упрекать за это слово и будутъ увѣрять, что школа—нѣчто самодовлѣющее... Неправда это! Наша школа—въ ихъ рукахъ и обращена ими въ негодное средство!.. Довольно этого! довольно!..

Онъ смолкъ, прошелся по комнатѣ нѣсколько разъ, потомъ остановился около печки и, глядя куда-то въ уголъ и словно пряча отъ Наташи глаза, добавилъ:

— Если я съ твоимъ батькой не сговорюсь въ нѣкоторыхъ пунктахъ и если онъ будетъ насѣдать на меня—я брошу школу теперь же... Пусть дьяконъ Маркелъ учитъ ребятъ...

— Коля! но развѣ отъ этого дѣло улучшится?..—спросила его Наташа.

— Дѣло не улучшится, но я не могу, голубчикъ, насиловать себя! Наконецъ, я не хочу ломать себя! мнѣ ужъ надоѣла эта ломка,—стало душно!.. И потомъ... Впрочемъ, что же объ этомъ говорить...

— Что потомъ?..

Онъ молчалъ.

— Что потомъ, Коля?—настойчивѣе прежняго спросила она.

— А потомъ-то что... Вотъ, я сидѣлъ въ этой мурьѣ, думалъ... вѣрнѣе—другіе мнѣ помогали думать и вмѣстѣ съ этими

„другими“,—вотъ съ этими книгами—я пришелъ къ выводу, что такъ-то жить, какъ мы жили—нельзя. Много мы уступали обстоятельствамъ и часто, ради цѣли, ломали себя. А это невѣрно! Не слѣдуетъ дѣлать того, что̀ можно дѣлать только въ полумѣру. Лучше бросить и уйти!..

— А бросить и уйти—развѣ не то же, что уступить?..

— Нѣтъ, не то же! Дѣлать по ихъ желанію—значитъ плясать подъ ихъ дудку, а уйти — значитъ плюнуть на нихъ!.. Я, вотъ, третій годъ собираюсь дѣлать изъ моихъ мальченокъ холоповъ духа, холоповъ мысли,—а на кой дьяволъ такіе люди нужны?.. На что̀ они?.. Я вынужденъ учить ихъ слѣпо вѣрить и робко ожидать, а я долженъ ихъ учить—твердо надѣяться и смѣло дерзать!.. Я имъ говорю: любите то, что̀ я самъ ненавижу; я имъ говорю: жалѣйте то, что̀ недостойно сожалѣнія!.. Нѣтъ, нѣтъ! Наташа, ты не знаешь, ты не учила другихъ по чужой указкѣ! ты не поймешь меня... Ну, наплевать на все это!.. Будемъ лучше говорить о чемъ-нибудь другомъ...

Они долго потомъ молчали и не скоро нашли новую тему для разговора.

Когда Наташа собиралась идти домой и они вышли во дворъ, съ неба моросилъ мелкій, пронизывающій осенній дождикъ. Маленькія хатки деревни, главы церкви съ купами березъ, рѣчка съ горбатымъ мостикомъ, луга, поля и холмы,—все тонуло въ сѣрой влажной мути. Они медленно шли подъ зонтикомъ Наташи и, кутаясь отъ холода и сырости, казалось, силились спрятать отъ этой сырости и свои опечаленныя души. Точно сговорившись, они настроили другъ друга въ тонъ отчаянія и тоски, и въ ихъ воспоминаніяхъ прошлаго, въ ихъ представленіяхъ о будущемъ, такъ же, какъ и на фонѣ сѣраго осенняго дня, не было ни одного просвѣта. Какъ будто холодный и влажный вѣтеръ гналъ ихъ куда-то безпріютными, унылыми и усталыми, и печальные голоса осени напоминали имъ о какихъ-то свѣжихъ и преждевременныхъ могилахъ.

— Ну, до свиданья! — проговорилъ онъ, когда они вошли на мостикъ.—Заходи...

— Зайду,—тихо проговорила она, и они разошлись.

X.

Къ вечеру изъ-за лохмотьевъ тучъ проглянуло солнце, но это была только послѣдняя его улыбка, ради истекшаго ненаст-

наго дня. Наташа сидѣла у себя въ комнаткѣ и, распахнувъ окно, смотрѣла на поля и на отдаленный лѣсъ, залитые красно-багровыми лучами солнца.

Какая-то тихая грусть покоила ея душу, и ей хотѣлось припомнить изъ своего прошлаго всѣ тѣ факты, всѣ тѣ мелочи, которые отзывались въ душѣ такой же непонятной и тихой грустью. Пусть съ этой грустью прожита вся жизнь — есть въ этомъ что-то радостное, тихое, молитвенное, а все остальное — какъ грохотъ отдаленнаго грома, какъ крикливая пѣсня въ тишинѣ полей въ сумракѣ іюльской звѣздной ночи.

Кто-то осторожно пріотворилъ дверь въ комнату Наташи, и дѣвушка вздрогнула.

— Наташенька, иди чай пить! — какимъ-то особенно нѣжнымъ тономъ проговорила Надежда Александровна и вошла въ комнату. —Какъ хорошо у тебя здѣсь!.. Не простудись только! Зачѣмъ окошко-то открыла?..

— Нѣтъ, мама, вѣдь тепло.

Старушка подошла къ столу и, сощуривъ глаза, уставилась вдаль полей.

— Завтра бы Богъ послалъ вёдрышко, къ отцу на могилку надо съѣздить: память ему завтра...

Она замолчала, потомъ посмотрѣла въ лицо дочери и положила на ея голову руку.

— Ты что такая невеселая, Наташенька?.. А?..

— Такъ, мама...

— Ничего... ужъ потерпи... все пройдетъ... все пройдетъ... Отецъ тоже невеселый, сидитъ въ столовой и голову рукою подперъ... Всѣ вы какъ-то разладились... А что тутъ!.. Ну, поговорили крупно, поспорили... съ кѣмъ этого не бываетъ... Ты пошла бы, все-таки, попросила у него прощенья... А... Наташенька!..

— Мама, но вѣдь я ни въ чемъ передъ нимъ не провинилась, —возразила дочь, и того настроенія, съ которымъ она сидѣла за минуту передъ тѣмъ, какъ не бывало.

— Нѣтъ, Наташенька, ты виновата... Отецъ пусть и вспылитъ, а ты смолчи... смолчи, какъ будто онъ тебѣ ничего и не сказалъ; тогда и миръ, и ладъ будетъ...

— Но я не могу этого, мама! Вѣдь мы съ папой серьезный вопросъ обсуждали... Вѣдь не ребенокъ же я, поймите!..

— Ты ему вонъ чего наговорила: за границу хочешь ѣхать... Развѣ это мыслимо!.. Да развѣ это возможно!.. Насъ, на старости лѣтъ, хочешь покинуть! Вѣдь мы оба одной ногой въ могилу вступили! Наташенька!..

— Но что же сдѣлать, мамочка, если здѣсь душно жить!..

— Съ нами душно жить!..

— Да не съ вами, не съ вами!.. Вы—добрые, хорошіе... вы... Не съ вами, не васъ я имѣю въ виду... А такъ, вообще, душно на родинѣ... на родинѣ душно!.. Мама! мама! вы не понимаете меня! вы не поймете меня!..

— Наташенька... Наташенька... — прошептала старушка и подняла трясущіяся руки вровень съ своимъ лицомъ, какъ будто она хотѣла защититься ими отъ дочери.

— Ну, хорошо, мамочка, идемте пить чай! — съ какимъ-то напускнымъ удальствомъ воскликнула Наташа и, понизивъ голосъ почти до шопота, добавила:—я пойду просить прощенія у отца... Идемте...

Оставивъ мать въ своей комнатѣ, она быстро вышла въ коридоръ, повернула налѣво и вошла въ столовую.

Отецъ Василій сидѣлъ на своемъ обычномъ мѣстѣ съ головою, подпертой руками. Его задумчивые глаза уставились на какую-то одну точку стола; губы были плотно сомкнуты, словно онъ боялся даже невольно выкрикнуть всю ту душевную боль, которая скопилась въ немъ.

Наташа, молча, подошла къ отцу, быстро обняла его голову и поцѣловала старика въ губы.

— Прости, папа!.. прости меня...—тихо проговорила она.

Объятія ея были нѣжны, поцѣлуй горячъ и слова искренни. Вся эта мимолетная покаянная сцена подготовлялась недолго, но она подготовлена была той непонятной тихой грустью, которая успокоила мятежную душу дѣвушки: тихая грусть — молитва всепрощенія!..

Отецъ Василій, не отнимая отъ лица рукъ, закрылъ ладонями глаза, стараясь скрыть мгновенно выступившія слезы. Надежда Александровна усѣлась на свое мѣсто за самоваромъ и также залилась слезами. Наташа видѣла ихъ, растроганныхъ и плачущихъ, и ей самой хотѣлось рыдать... Но она придвинула къ себѣ немного остывшій чай, опустила на дно чашки ложку, и лязгомъ послѣдней о края чашки силилась нарушить воцарившуюся жуткую тишину. Въ тактъ лязгу металла маятникъ старинныхъ часовъ негромко отбивалъ свое однообразное „тикъ-такъ! тикъ-такъ!“, словно приколачивая на дощатой перегородкѣ краткія секунды въ жизни непрочно-примирившихся людей, взаимно отравляющихъ другъ другу долгіе часы и дни пребыванія подъ одной кровлей.

XI.

Поздно вечеромъ Сергѣй Николаевичъ пріѣхалъ въ Тузовку. Все время, пока пришлось тащиться по грязной дорогѣ отъ усадьбы отца до усадьбы тетокъ, онъ чувствовалъ себя усталымъ и разбитымъ. Медленная ѣзда по плохой проселочной дорогѣ, безпрерывный мелкій дождь, хмурое небо—навѣвали на него какое-то тоскливое настроеніе. Дома, въ теченіе двухъ сутокъ, онъ также чувствовалъ себя скверно.

Генералъ не обрадовался и не опечалился его внезапнымъ пріѣздомъ. Съ обычной развязностью онъ поздоровался съ сыномъ, съ улыбочкой намекнулъ на его „несуразныя затѣи“ и благословилъ благополучный исходъ восклицаніемъ:

— Такъ-то лучше, Сергѣй!.. Пошатаемся мы съ тобой по лѣсу съ гончими, а потомъ и заляжемъ медвѣдями въ берлогѣ и прекрасно проведемъ зиму.

— Уподобленіе хорошее, только я уже не раздѣлю съ тобою, отецъ, этой счастливой участи, — въ тонъ отца отвѣтилъ Сергѣй Николаевичъ.

— Ого!.. Ну, что жъ! въ одиночествѣ заляжемъ...—воскликнулъ генералъ съ притворной улыбкой на лицѣ, побагровѣвшемъ отъ неудовольствія.

Такая встрѣча, однако, несовсѣмъ испортила первый вечеръ пребыванія сына въ усадьбѣ отца. За позднимъ обѣдомъ и чаемъ генералъ пилъ вино, угощалъ сына, шутилъ, разсказывалъ анекдоты изъ мѣстной жизни и даже счелъ нужнымъ сообщить нѣкоторыя подробности о своемъ хозяйствѣ, начиная съ умолота хлѣбовъ до количественнаго прироста мелкаго скота и птицы. Николай Николаевичъ любилъ хозяйничать и любилъ поговорить о своемъ хозяйствѣ. Передъ сномъ генералъ даже попріятельски пожалъ руку сына, на что тотъ отвѣтилъ рукопожатіемъ съ сдержанно-холоднымъ выраженіемъ на лицѣ.

И только на другой день, утромъ, Николай Николаевичъ вспылилъ, узнавъ отъ сына причину, почему онъ пріѣхалъ въ родныя мѣста...

— Ого! вотъ какъ, до серьезнаго дѣло дошло! — воскликнулъ генералъ, и глаза его сверкнули злобой, а губы задрожали и лицо поблѣднѣло.—Что же ты думаешь теперь о себѣ?—съ поддѣльнымъ спокойствіемъ спросилъ генералъ.

— Да то же, что и раньше...

— Позволь!.. да какъ же это „то же“? — вспылилъ генералъ и поднялся съ кресла:—вѣдь это—ссылка!.. Что жъ, у меня въ домѣ тюрьма, что-ли? какія-нибудь отдаленныя мѣста?.. Что жъ, ты подумалъ объ этомъ?

И лицо генерала покрылось пятнами; въ глазахъ, устремленныхъ на сына, сверкало какое-то непонятное злобное выраженіе, словно сынъ оскорбилъ его страшнымъ словомъ.

— Я могу жить и не у тебя...

— А гдѣ же?.. гдѣ?..

— Могу нанять любую свободную и подходящую хату...— тихо отвѣтилъ Сергѣй Николаевичъ, и этотъ отвѣтъ ошеломляюще подѣйствовалъ на генерала. Онъ прошелся по комнатѣ, закурилъ свѣжую папиросу, задыхаясь отъ злобы.

— И ты объ этомъ тоже подумалъ, или такъ, что̀ взбрело въ голову—выпалилъ?— приступая къ сыну, спрашивалъ генералъ.

— Ты самъ такъ разрѣшаешь вопросъ...

— Я?.. Да вѣдь ты поставилъ себя въ какое-то дурацкое положеніе! Ты въ Петербургѣ порочишь мое имя, да еще, не колеблясь, хочешь продолжать эту недостойную игру и здѣсь... Нѣтъ!.. Нѣтъ-съ, этого не будетъ!.. Нѣтъ-съ!.. Я сумѣю справиться съ тобою! Я обращусь къ предводителю дворянства, къ губернатору поѣду!..

Кипятясь, генералъ ходилъ по комнатѣ съ сверкающими глазами, и были минуты, когда ему необходимо было имѣть настолько самообладанія, чтобы не броситься на сына съ кулаками... Сергѣй Николаевичъ, напротивъ, разговаривая съ отцомъ, не терялъ самообладанія. Когда генералъ немного успокоился, онъ самъ же и разрѣшилъ задачу, высказавъ желаніе поселиться на Куромышенскомъ хуторѣ. Генералъ примолкъ, обсуждая это предложеніе, и въ душѣ радовался такому исходу. И оба, сынъ и отецъ, чувствовали, что договорились до одного для обоихъ пріятнаго рѣшенія. Отецъ сознавалъ, что такой исходъ, въ сущности, ложь, глупая и ненужная; то же самое чувствовалъ и сынъ. Послѣднему особенно непріятна была эта ложь, какъ ложь все, что̀ привязываетъ его къ отцу, а пренебречь этой ложью не было возможности; какъ ни какъ, а Тузовка и ея окрестности—родина Сергѣя Николаевича, а по оффиціальнымъ соображеніямъ онъ водворенъ на родину, стало быть и долженъ жить въ условіяхъ родного пепелища.

И въ тотъ же вечеръ Сергѣй Николаевичъ рѣшилъ уѣхать къ теткамъ, по не потому, чтобы его интересовало это свида-

ніе. Въ Тузовкѣ онъ разсчитывалъ встрѣтиться съ близкими ему людьми—Проскурнинымъ и Наташей. Объ отъѣздѣ послѣдней изъ Петербурга онъ зналъ, еще находясь въ „предварилкѣ“.

Съ дѣвушкой онъ не видѣлся съ самой весны, съ того самаго дня, когда ихъ засадили въ полутемномъ помѣщеніи Казанской части, какъ участниковъ уличной демонстраціи. Проскурнина онъ не видѣлъ больше года, зимой переписывался съ нимъ, а весною не могъ этого дѣлать, несмотря на желаніе узнать что-либо о своемъ другѣ.

Въ усадьбу тетокъ Сергѣй Николаевичъ пріѣхалъ поздно. Старушки не столько удивились его позднему визиту, сколько изумило ихъ появленіе его, такъ какъ, по соображеніямъ Николая Николаевича, сынъ долженъ былъ уѣхать куда-то въ приволжскую губернію, на эпидемію. Марья Николаевна даже измѣнилась съ лица, когда увидѣла племянника входившимъ въ столовую; Софья Николаевна, напротивъ, встрѣтила Сергѣя радушно.

Черезъ полчаса Сергѣй Николаевичъ уже сидѣлъ за столомъ, съ удовольствіемъ отхлебывалъ изъ стакана горячій чай съ ромомъ, такъ какъ за дорогу порядочно назябся,—и съ улыбкой на губахъ разсказывалъ объ отцѣ. Марьѣ Николаевнѣ никогда не нравились насмѣшечки Сергѣя по адресу отца, и теперь она также надула губы и воскликнула:

— Господи!.. вѣдь отецъ онъ тебѣ, Сереженька, отецъ, а ты съ такими улыбочками да ужимочками разсказываешь о немъ,— говорила она, хмуря брови.

— Но, тетя, я ни капли не прибавляю отъ себя, а разсказываю только правду; тѣмъ болѣе она меня не оскорбляетъ, а только смѣшитъ...

Марья Николаевна демонстративно смолкла, а сестра ея принялась разспрашивать племянника о Петербургѣ. Съ Софьей Николаевной Сергѣй всегда съ удовольствіемъ бесѣдовалъ, потому что разговоръ этотъ обыкновенно касался такихъ предметовъ, о чемъ можно говорить только со смѣхомъ. Она разспрашивала Сергѣя Николаевича о петербургскихъ балахъ, о театрѣ, о концертахъ,—а такъ какъ разсказчикъ не всегда могъ удовлетворить любопытство тетки, особенно что касалось баловъ, то ему приходилось выдумывать событія.

Послѣ ужина Сергѣй пошелъ было въ отведенную ему угловую комнату, которая издавна предназначалась для „пріѣзжающихъ“, но его остановила Марья Николаевна вопросомъ.

— Ты очень усталъ? спать хочешь?—спросила она, и

ласковымъ гососомъ добавила:—я хотѣла бы съ тобой поговорить.

Они вернулись въ столовую и усѣлись за столикомъ у окна, въ тѣни, отброшенной пузатымъ самоваромъ.

— Я хотѣла говорить съ тобою относительно твоего письма, —начала Марья Николаевна, когда они усѣлись. Не дождавшись отвѣта племянника, она продолжала:

— Ужели ты хочешь отобрать у насъ съ сестрой Корголинскій участокъ?

— То-есть, какъ отобрать?—изумился племянникъ.

— Но я понимаю... ты единственный его владѣлецъ, твоя мать завѣщала тебѣ его... но... но вѣдь мы съ сестрой только и жили доходами съ него,—наша Тузовка совсѣмъ ничего не даетъ дохода...

— Тетя, вы не такъ поняли мое письмо: я вовсе не собирался отбирать у васъ доходовъ,—я писалъ только, что предполагаю въ Корголахъ построить хуторъ и поселиться тамъ... Разумѣется, для собственныхъ надобностей мнѣ придется удѣлять часть изъ доходовъ, но остальное остается попрежнему...

— Позволь! какъ поселиться? А ученье? Вѣдь ты еще не кончилъ курса?—всплеснувъ руками, изумилась Марья Николаевна.

— Не кончилъ, но скоро и не думаю кончать—меня навсегда уволили и такъ, что... едва ли примутъ...

— Вотъ какъ!..

— Да-а... Вотъ я и рѣшилъ обосноваться въ Корголахъ и надумалъ поработать въ земствѣ...

Обрадованная сообщеніемъ племянника о томъ, что доходы съ Корголинскаго участка только частью отойдутъ изъ общей тузовской кассы, старушка почувствовала необыкновенную нѣжность къ Сергѣю Николаевичу, и хотя все время и относилась къ земской службѣ, какъ къ чему-то враждебному, все же нашла нужнымъ сказать:

— А вѣдь это хорошо, Сереженька, послужи... послужи земству... дѣло хорошее...

Сергѣй Николаевичъ смотрѣлъ на старческое лицо тетки и съ трудомъ сдерживался, чтобы не выразить по ея адресу своего презрѣнія. Такой противной показалась она ему въ эту минуту, послѣ ея лживаго замѣчанія съ оттѣнкомъ нескрытой лести. Онъ поднялся и рѣзко проговорилъ:

— Ну, объ этомъ, тетя, поговоримъ завтра... я усталъ и хочу спать.

Онъ пожалъ ей руку и молча вышелъ въ корридоръ.

Небольшая двухъ-оконная комната съ двумя кроватями, изъ которыхъ на одной была приготовлена для него постель, а на другой лежалъ ничѣмъ не прикрытый матрацъ,—показалась ему неуютной и холодной. На ночномъ столикѣ мерцала одинокая свѣча, а въ окна, не прикрытыя сторами, глядѣла темная и молчаливая ночь осени.

Сергѣй Николаевичъ раскрылъ свой небольшой чемоданчикъ, досталъ книгу и, раздѣвшись, улегся въ постель. Холодныя простыни показались ему неожиданнымъ душемъ, но черезъ минуту онъ почувствовалъ въ тѣлѣ какую-то свѣжесть и упругость. Онъ раскрылъ было книгу и началъ читать, но вдругъ въ его памяти промелькнула послѣдняя сцена въ столовой, и снова въ глубинѣ его души поднялось непріятное чувство.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ назвалъ своихъ тетокъ и отца „богадельщиками жизни“, и съ тѣхъ поръ это опредѣленіе приходило къ нему на память въ каждыя подходящія минуты.

Въ самомъ дѣлѣ, эти старые люди, обломки прошлаго, остались въ своихъ полуразрушенныхъ и оскудѣвшихъ гнѣздахъ. Для настоящей здоровой жизни они уже давно неспособны. Они доживаютъ въ деревнѣ послѣдніе годы, и эта деревня является для нихъ, немощныхъ и старыхъ, богадельней. Когда-то они давали тонъ уѣздной жизни, и жили за счетъ деревни, истребляя всѣ ея здоровые и полезные соки. А когда оскудѣла деревня, жизнь ихъ зачахла и сами они захирѣли. Для городской жизни они никогда не были способны, потому что городъ требуетъ физической силы и труда, а въ деревнѣ оплотомъ для ихъ жизни осталась все та же земля, которую они истощали цѣлые годы, чтобы поддержать свое существованіе.

Между ними и землей-кормилицей, какъ тѣнь, бродило малоземельное крестьянство, борясь съ нуждой и тѣснясь на крошечныхъ душевыхъ надѣлахъ. Физическая сила мужика жаждала труда до пота и крови, мужицкая душа искала выхода изъ спячки и невѣжества, единственной мужицкой надеждой и идеаломъ стала земля...

Но эта земля, использованная барствомъ, какъ пріютъ, какъ богадельня, пріютила ненужную дряхлость и безполезную старость. Сергѣю Николаевичу часто представлялась иная картина. Если бы его тетушки вымерли нѣсколько лѣтъ тому назадъ, можетъ бы эта земля попала бы въ руки мужиковъ, и тогда Тузовка могла бы не походить на то, что она представляетъ

изъ себя въ настоящее время. Но часто его останавливало и другое соображеніе, и въ его представленіяхъ выростала грубая, но могучая фигура „чумазаго“. Вѣдь онъ такъ же могъ обосноваться на разоренномъ пепелищѣ господъ Тузовыхъ... Сергѣю Николаевичу представлялось, что могло бы изъ того выйти, и онъ старался отогнать отъ себя такія сумрачныя мысли.

Въ мысляхъ вставали новыя картины деревенскаго уклада, и онъ начиналъ думать о разоренномъ мужикѣ, бросившемъ деревню, ради сторонніхъ заработковъ. И ему представлялся деревенскій пролетаріатъ, съ котомкой за плечами бродящій по Руси. Въ городѣ для бродячаго люда подготовлены фабричные котлы, въ которыхъ они будутъ выварены безропотно, слѣдуя велѣнію законовъ науки. Еще такъ недавно онъ вѣрилъ въ могучую силу фабричнаго котла, а теперь и эта вѣра поколебалась, а жизнь не распутала и не ослабила затянувшагося узла. Еще такъ недавно въ его памяти блѣднѣлъ скорбный обликъ господскаго и разореннаго мужика, и къ мужику деревни онъ относился съ пренебреженіемъ, противопоставляя ему фабричнаго человѣка.

Правда, отъ человѣка, вываренаго въ фабричномъ котлѣ, вѣяло новизной, человѣкъ этотъ казался ему большимъ и сильнымъ, и какая-то слѣпая вѣра толкала его къ тому человѣку... Но потомъ новое разочарованіе оттолкнуло отъ него и отъ человѣка, вываренаго въ фабричномъ котлѣ.

А теоретики науки перестали вѣрить въ могущество фабричнаго котла и стали искать новыхъ путей, вѣря въ какого-то отвлеченнаго человѣка, завоевавшаго себѣ право на настоящую жизнь. И теперь новые пророки зовутъ его къ новому исканію, ради новой работы, а въ мускулахъ его, вмѣсто энергіи—вялость, а въ душѣ, вмѣсто вѣры—пустота.

Проѣзжая отъ желѣзнодорожной станціи до Тузовки по улицамъ встрѣчныхъ деревень, съ ветхими хатками, минуя истощенные перелѣски и трясясь въ телѣжкѣ по скверной дорогѣ, проложенной по полямъ, надъ которыми въ осенней мглѣ носились крикливыя вороны и галки,—онъ вспомнилъ о мужикѣ, и этотъ мужикъ представлялся ему вставшимъ изъ забытой могилы безъ савана, съ исхудавшими руками и ногами, съ впалой грудью и съ печатью горя и отчаянія въ ввалившихся глазахъ.

Сергѣй Николаевичъ уснулъ съ тяжелой думой, забывъ потушить свѣчу, и ея неподвижное пламя озаряло его утомленное и исхудавшее лицо... А въ окно смотрѣла темная и молчаливая ночь.

XII.

На другой день, утромъ, Сергѣй Николаевичъ засталъ тетокъ въ столовой за чайнымъ столомъ.

Онѣ радушно поздоровались съ племянникомъ, усаживая его и стараясь занять, но разговоръ какъ-то не вязался: спрашивали онѣ его о проведенной ночи и освѣдомлялись о его здоровьи, и онъ охотно отвѣчалъ на пустые вопросы.

Послѣ долгаго и неловкаго молчанія, Софья Николаевна проговорила:

— А мы тутъ съ Манечкой чуть въ уныніе не впали послѣ твоего письма...

Сергѣй Николаевичъ поднялъ на тетку глаза. Жалкимъ и печальнымъ показалось ему ея лицо, и онъ негромко отвѣтилъ:

— Вѣдь я говорилъ вчера тетѣ Марьѣ... Вы не такъ поняли мое письмо: никакихъ доходовъ я отъ васъ отбирать не собираюсь...

Онъ оборвалъ свою фразу и принялся за чай. Обѣ тетки почувствовали себя неловко, и чтобы поправить впечатлѣніе, Марья Николаевна проговорила:

— А у насъ тутъ новость... Отца Василія дочка Наташенька ни съ чѣмъ вернулась изъ Петербурга—исключили ее...

— Какъ и меня, тетя Маня,—съ улыбкой проговорилъ Сергѣй Николаевичъ.

— Да-а! — жалобно протянула Марья Николаевна. — Держаться бы тебѣ въ сторонѣ, Сереженька, отъ всѣхъ ихъ; вѣдь тебѣ только годъ оставалось, а тамъ былъ бы докторомъ и—дѣлай что хочешь...

— Въ томъ-то и дѣло, тетя: что хочется-то, того и не позволяютъ дѣлать...

Сергѣй Николаевичъ говорилъ съ нескрываемой иронiей въ голосѣ, но тетка не замѣчала тона голоса племянника. Марья Николаевна продолжала:

— Вонъ, посмотри-ка ты на Женю. Теперь онъ къ департаменту причисленъ и пишетъ, что черезъ два мѣсяца его лѣсничимъ назначатъ... Вотъ это хорошо — человѣкъ при мѣстѣ.

— Вѣдь вы знаете, тетя, что я чиновникомъ никогда не собирался быть,—отвѣтилъ племянникъ сухо.

Послѣ продолжительной паузы, Марья Николаевна тихо протоворила:

— Что-то мнѣ не понять тебя, Сереженька...

— Нечего тутъ и понимать, Marie! Каждый человѣкъ хочетъ жить по-своему, и ему не надо мѣшать,—неожиданно вмѣшалась въ разговоръ и Софья Николаевна.

— И этой твоей философіи понять не могу,—отвѣтила сестрѣ старушка.—По-твоему, вотъ, выходитъ и поповна права, ослушиваясь отца Василія и матери своей... Дѣвушкѣ еще и двадцати лѣтъ не минуло, а она ослушивается. Отецъ говоритъ: не ѣзди на курсы,—а она уѣхала. Отецъ увѣщевалъ ее, чтобы скромно себя вела, а ее вонъ исключили... То же и съ племянничкомъ-то грѣхъ одинъ... Теперь, вотъ, и пойдетъ по свѣту шляться.

— А что съ нимъ?—съ тревогой въ голосѣ спросилъ Сергѣй Николаевичъ о Проскурнинѣ.

— Да тоже, вотъ, дяди не слушался. Отецъ Василій его въ люди вывелъ, въ школѣ учителемъ устроилъ, а онъ—неповиновеніе... Теперь, вотъ, школу-то у него и отобрали... Потому учить ребятъ сталъ не такъ, какъ дозволяетъ начальство, да и мужикамъ то-жъ какія-то книги раздавалъ... Пріѣхалъ, вотъ, становой—бацъ-бацъ! и готово... И пошелъ на всѣ четыре стороны.

При печальной вѣсти о пріятелѣ, Сергѣй Николаевичъ торопливо допилъ чай и вышелъ изъ дома.

На дворѣ его опахнуло свѣжимъ воздухомъ. День былъ ясный. Солнце свѣтило за пеленой пушистыхъ бѣлесоватыхъ облаковъ. Сергѣй Николаевичъ вышелъ въ поле и по знакомой дорогѣ направился къ Тузовкѣ.

Какое-то странное, тоскливое чувство охватило его. Минутъ десять тому назадъ, слушая разсказъ тетки о Проскурнинѣ, въ немъ поднялась энергія и какая-то досада. Онъ торопился выйти, чтобы увидѣться съ пострадавшимъ другомъ, а теперь вдругъ энергія упала и вмѣсто душевнаго подъема — пустота. Десять минутъ тому назадъ, ему хотѣлось поспѣшить и къ Проскурнину, и къ Наташѣ, а теперь лѣнь передвигать ноги, лѣнь думать и о томъ, что онъ скажетъ имъ при свиданіи.

Сергѣй Николаевичъ повернулъ лицо влѣво и уставился глазами на знакомую съ дѣтства коренастую березу, одиноко стоявшую у борта полевой дороги. Она стояла вдали, съ опущенными къ землѣ вѣтками и съ обломанной вершиной, и какимъ-то печальнымъ призракомъ одиночества царила надъ всѣмъ полемъ.

Когда-то давно, послѣ первыхъ столкновеній съ жизнью, Сергѣй Николаевичъ, шутя, назвалъ эту березу одинокимъ рыцаремъ безъ латъ и безъ шлема, и съ тѣхъ поръ, когда бы онъ

ни посмотрѣлъ въ сторону дерева, мысль объ одиночествѣ овладѣвала имъ.

„Какое-то странное время одинокихъ людей,—подумалъ онъ. —Одинокіе люди въ жизни, одинокіе люди у дѣла... Одинокіе люди и въ думахъ о будущемъ... Скопилась цѣлая литература объ одинокихъ людяхъ... И бродятъ они въ тоскѣ и въ отчаяніи“...

Онъ закурилъ папиросу и ускорилъ шаги, чтобы скорѣе дойти до Тузовки, словно спасаясь отъ бѣгущаго за нимъ призрака одинокаго человѣка.

XIII.

Домъ, гдѣ помѣщалась церковно-приходская школа, онъ нашелъ припертымъ на замкѣ.

Сергѣй Николаевичъ тоскливо посмотрѣлъ на окно учительской комнаты, и, какъ два пустыхъ глаза, на него глянули четырехугольники съ потемнѣвшими стеклами. Онъ постоялъ въ нерѣшимости и осмотрѣлся кругомъ. На гумнѣ ближайшихъ задворокъ какой-то мужикъ ворошилъ солому и, завидя молодого тузовскаго барина, поспѣшилъ выйти на улицу.

— Здравствуйте, Сергѣй Миколаевичъ, а мотри-ка, вамъ Миколая Ивановича надо?.. У Василисы онъ теперь живетъ... у повитухи-то у нашей...

Мужикъ хотѣлъ сказать еще что-то, но Тузовъ спѣшно поблагодарилъ его, прикоснувшись рукою къ борту шляпы, и направился обратно въ деревню. Онъ зналъ обиталище популярной во всемъ околоткѣ старухи и дошелъ до обширной трехоконной избы безъ указанія постороннихъ. Да еслибы онъ и вздумалъ обратиться къ кому-нибудь съ разспросами, то этого ему не удалось бы сдѣлать, такъ такъ ни на улицѣ, ни во дворахъ, никого не было видно, и только изумленные его появленіемъ ребятишки виднѣлись въ окнахъ нѣкоторыхъ избъ.

Проскурнина Сергѣй Николаевичъ засталъ у себя. Онъ сидѣлъ на лавкѣ, перегнувъ спину и упираясь локтемъ въ подоконникъ, и читалъ книгу. Бывшій учитель такъ былъ углубленъ въ чтеніе, что и не замѣтилъ прихода Тузова и, видимо, не слышалъ его шаговъ по скрипучему полу.

— Николай, да встрѣчай же!—воскликнулъ Тузовъ, подходя къ лавкѣ.

Проскурнинъ поднялъ голову, быстро вскочилъ на ноги и съ нескрываемой радостью воскликнулъ:

— Сергѣй! да ты ли это!.. Я тебя не ожидалъ такъ скоро. Думалъ даже, что здѣсь ужъ и не увидимся!

Они крѣпко расцѣловались, пожимая другъ другу руки и смотря въ глаза одинъ другому.

— Ты что, развѣ удираешь отсюда?

— Да что же мнѣ дѣлать? Школа отъ меня — тю-тю!..

— Это я слышалъ...

Сергѣй Николаевичъ оборвалъ свою фразу, усѣлся на лавку по другую сторону стола, и оба пріятеля долго и молча смотрѣли другъ на друга, какъ будто задавались вопросами: „А ну! каковъ ты сталъ? что у тебя въ глазахъ? что у тебя на душѣ?“ Оба они знали о послѣднихъ происшествіяхъ, и имъ не могло придти въ голову разспрашивать о подробностяхъ.

— Вонъ видишь,—указалъ Проскурнинъ на корзину и чемоданъ, стоявшіе у печки:—совсѣмъ собрался въ дорогу, только паспорта жду, да что-то медлятъ съ этой анаѳемской бумаженціей. До двадцати-двухъ лѣтъ не ощущалъ потребности въ этой бумагѣ, а теперь вотъ и въ россійскіе граждане попалъ... То былъ просто бывшій семинаристъ, а теперь еще и бывшій учитель... ха-ха!..

Онъ разсмѣялся сухимъ сдержаннымъ смѣхомъ и потянулся за коробкою съ табакомъ, но Сергѣй Николаевичъ предупредилъ его намѣреніе и раскрылъ собственный портъ-папиросъ. Пріятели закурили, и скоро облако синеватаго дыма отдѣлило ихъ другъ отъ друга.

— Куда же ты и что думаешь дѣлать?—спросилъ Сергѣй Николаевичъ.

— Въ Питеръ ѣду...

— Ага! Это интересно, поѣзжай; я тебѣ дамъ массу порученій, да и такъ-то... къ моимъ друзьямъ попадешь...

— Спасибо... Хочу попробовать пристроить свои вещицы куда-нибудь въ журналы. Влечетъ меня литература, какъ злой недугъ.

— Что-жъ, много написалъ?

— Уйму!.. Выйдетъ ли только изъ этого толкъ-то?.. Ну, да не бѣда, если не повезетъ! Сила у меня есть, попробую въ фабричномъ котлѣ прокипятиться. Скверно только, что въ паспортѣ-то будетъ значиться: бывшій семинаристъ... Лучше бы ужъ прямо: Николай Проскурнинъ, статистическая единица безъ всякихъ прилагательныхъ...

— Ну, а что Наталья Васильевна?—перебилъ хозяина гость.

— Не важно ей живется: мечта ея о заграничной поѣздкѣ,

кажется, не осуществится—попъ и слышать не хочетъ, тетка съ ума сходитъ, цѣлые дни плачетъ...

Онъ смолкъ, и они оба молчали.

— Прочно мы связаны узами родства съ близкими, не скоро оборвешь эту пуповину. А Наташа такъ и совсѣмъ неспособна на это: жалливый она человѣкъ, мягкій... Я увѣренъ, что она замучаетъ себя здѣсь и останется...

— Я бы хотѣлъ ее увидѣть,—тихо проговорилъ Тузовъ.

— Она обѣщала сегодня зайти... Впрочемъ, я сейчасъ пошлю за ней...

Проскурнинъ быстро вышелъ изъ избы, а Сергѣй Николаевичъ окинулъ угрюмую и неуютную обстановку его обиталища и задумался. Минутъ черезъ десять, Николай Ивановичъ снова появился и молча усѣлся на прежнее мѣсто.

— Странно какъ-то вышло,—черезъ минуту началъ онъ:—вы оба сюда, а я... Впрочемъ, что же объ этомъ... Я давно хотѣлъ бросить всю эту канитель, всю эту „учёбу“... Хотѣлъ-было въ земскую школу пробраться, но тамъ такая конкурренція, что страсть. Да мало радостей и тамъ... Вообще, Сергѣй, скверно теперь въ деревнѣ, и я не знаю, что ты будешь дѣлать?..

— Отецъ предлагаетъ залечь въ берлогу,—съ горькой улыбкой произнесъ Тузовъ.

— Что жъ, и это недурно: медвѣди только зимуютъ въ берлогахъ, а какъ чуть весной запахнетъ—поднимутся они изъ своихъ логовищъ, встанутъ на заднія ноги и...

— Думаю заняться философіей,—шутливымъ тономъ перебилъ Проскурнина Сергѣй Николаевичъ.

— Деревня располагаетъ и къ этому. Думать о судьбѣ мужика не приходится—вся она на ладони, а вотъ подумать о человѣкѣ вообще, да еще сверхъ-человѣка прихватить... Работы много!.. А по современному и это—трудъ, работа, настоящая работа... Ха-ха!

И Проскурнинъ снова разсмѣялся короткимъ и нехорошимъ смѣхомъ.

Черезъ полчаса пришла Наташа. Съ оживленіемъ на лицѣ она вошла въ избу, сбросила на лавку платокъ, но его на лету подхватилъ Тузовъ и, быстро двинувшись къ дѣвушкѣ, крѣпко сжалъ ея маленькую холодную руку.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте,—обмѣнялся онъ короткимъ привѣтствіемъ.

— Когда вы пріѣхали?

— Сюда—вчера, а... домой—дней пять тому назадъ...

Они упомянули нѣсколько именъ петербургскихъ знакомыхъ, но разговоръ какъ-то не клеился, точно они оба избѣгали вспоминать еще такъ недавно минувшее. Избѣгали они касаться и тѣхъ вопросовъ, которые имѣли непосредственную связь съ ихъ деревенскимъ настоящимъ. И только когда Сергѣй Николаевичъ высказалъ предположеніе о своей будущей земской работѣ въ качествѣ гласнаго,—разговоръ сдѣлался ровнѣе.

— И ты думаешь, что тебя пустятъ въ земство?—рѣзко и съ насмѣшкой въ голосѣ спросилъ Проскурнинъ, когда Сергѣй Николаевичъ высказалъ предположеніе, что, благодаря связямъ съ нѣкоторыми изъ членовъ, ему удастся попасть въ партію лѣвыхъ.

— Я думаю, что пустятъ... Группа около Александра Ѳедоровича довольно большая, а онъ давно меня зазываетъ къ своимъ.

— Голубчикъ, Сергѣй, да вѣдь дѣлать-то этой группѣ нечего, она безсильна, а партія Нассонова забралась здѣсь во всѣ земскія щели и даже служащіе управы—всѣ его ставленники... Говорятъ, онъ даже и сторожей замѣнилъ, находя, что прежніе краснымъ духомъ заражены.

— Но не будетъ же вѣчно продолжаться эта нассоновщина,—горячо возразилъ Тузовъ.

— Вѣрь, если можешь, а я не вѣрю,—сухо отвѣтилъ Проскурнинъ.—Потомъ, твое положеніе будетъ крайне фальшиво, тебѣ придется воевать съ отцомъ. Всему этому придадутъ отвратительную окраску, и мракобѣсы окончательно оплюютъ порядочныхъ земцевъ... А вѣдь ихъ тамъ мало осталось у дѣла. Всѣ, какъ ты же собираешься, сидятъ по берлогамъ и ждутъ весны...

Проскурнинъ всталъ, прошелся по избѣ изъ угла въ уголъ и, пристально глядя въ глаза Тузову, продолжалъ:

— Говорятъ, въ Петербургѣ весну дѣлаютъ дворники... Вотъ и думаю о себѣ: сперва хорошенько прокипячусь въ фабричномъ котлѣ, а потомъ, если найдутся охотники изъ „прокипяченыхъ“, и двинусь съ ними дѣлать весну съ другого конца...

Наташа все время молчала, и съ ея исхудавшаго и блѣднаго лица не сходило тревожное выраженіе. Невольно поддавшись какому-то тяжелому чувству, она хотѣла спросить: „А что буду дѣлать здѣсь я?“—но потомъ быстро одумалась и, покраснѣвъ, промолчала.

Въ этотъ день они скоро разстались, недовольные другъ другомъ.

XIV.

Сергѣй Николаевичъ рѣшилъ прожить въ Тузовкѣ до отъѣзда Проскурнина въ Петербургъ. Ежедневно съ утра всѣ трое они сходились въ квартирѣ Николая Ивановича, цѣлые часы проводя за разговорами. Неловкость перваго свиданія давно сгладилась, и Сергѣй Николаевичъ и Наташа относились другъ къ другу такъ, какъ будто они и не переселялись изъ Петербурга.

За послѣдніе дни Николай Ивановичъ сдѣлался необыкновенно серьезнымъ, и въ его рѣчахъ теперь уже не слышалось жестокой насмѣшки, чѣмъ онъ отличался, когда былъ чѣмъ-нибудь недоволенъ. Въ эти дни онъ прочелъ написанные имъ очерки изъ семинарской жизни, получилъ одобреніе своей работы со стороны Тузова и Наташи, и это окончательно сгладило съ его лба морщины.

Иногда всѣ они по нѣскольку часовъ проводили въ полѣ и въ лѣсу, и эти прогулки на свѣжемъ воздухѣ дѣлали и мысли, и настроенія ихъ свѣжими и даже жизнерадостными. Молодость брала свое, какъ бы печально ни слагались обстоятельства. Въ сущности, всѣ они вѣрили въ близость иной жизни, и вѣра ихъ въ это крѣпла незамѣтно, какъ незамѣтно крѣпнетъ и утолщается на рѣкѣ ледъ. Зимнія вьюги могутъ занести этотъ молодой, чистый, какъ хрусталь, ледъ, но все же и подъ снѣгомъ онъ будетъ крѣпнуть и утолщаться. Пусть даже изуродуютъ его гладкую поверхность неуклюжими прорубями, а пройдетъ часъ-другой, и снова поверхность рѣки покроется тонкой и хрустальной пленкой, и будетъ эта пленка крѣпнуть и утолщаться. Таковъ вѣчный и могучій законъ природы и для рѣки-жизни, и всѣ выдуманные человѣкомъ законы временны и слабѣе его.

Дня за два до отъѣзда, въ ночь съ субботы на воскресенье, Проскурнинъ засидѣлся у Сергѣя Николаевича до полуночи и ночевалъ вмѣстѣ съ нимъ въ усадьбѣ Тузовыхъ. Марья Николаевна всполошилась, когда узнала о намѣреніи племянника оставить гостя ночевать.

— Сереженька,—говорила она,—ладно ли будетъ... Вѣдь вотъ онъ что надумалъ—мужиковъ смущалъ и противъ насъ, помѣщиковъ, возбуждалъ...

— Кто вамъ сказалъ такой вздоръ?—равнодушно оборвалъ тетку племянникъ.

— А какъ же, Сереженька, отецъ Василій самъ говорилъ у насъ вчера.

Тузовъ расхохотался и, принявъ изъ рукъ пуховую подушку, простыню и одѣяло, ушелъ къ себѣ и тотчасъ же все разсказалъ Проскурнину.

— Да ну!...—воскликнулъ тотъ. — Это любопытно!.. Ну и попъ!.. Чортъ знаетъ, что̀ съ нимъ дѣлается на старости лѣтъ!

Потомъ, потушивъ свѣчи и лежа въ кровати, они долго говорили на разныя темы. Словно они хотѣли наговориться на всю жизнь, вспоминая свое дѣтство, протекшее на лонѣ пахучихъ тузовскихъ полей.

Поутру они встали поздно, и Сергѣй Николаевичъ еще разъ до слезъ насмѣшилъ Проскурнина. Встрѣтивъ послѣ тетокъ въ столовой за утреннимъ кофе, Сергѣй Николаевичъ узналъ, что старушки только-что вернулись изъ церкви.

— Вотъ я говорила тебѣ, Сереженька,—таинственнымъ шопотомъ начала Марья Николаевна.—Я говорила тебѣ, что Николай Ивановичъ—опасный человѣкъ... Послушалъ бы, что̀ сегодня отецъ Василій говорилъ о немъ въ проповѣди.

И старушка, въ краткихъ словахъ, передала содержаніе проповѣди отца Василія и сообщила о томъ впечатлѣніи, съ которымъ крестьяне слушали эту проповѣдь.

А въ церкви въ этотъ день произошло слѣдующее.

Въ положенный „по чину“ моментъ отецъ Василій вышелъ на амвонъ и обратился къ прихожанамъ съ проповѣдью, въ которой бичевалъ современнаго человѣка, утратившаго вѣру въ Бога и любовь къ родинѣ и утвердившагося въ неповиновеніи начальству. Священникъ направилъ свое обличеніе прежде всего на высшіе слои общества, потомъ перешелъ къ народу. Далѣе слѣдовало обличеніе современныхъ „книжниковъ и газетчиковъ“, потомъ досталось и школѣ, сперва высшей, потомъ и низшей. Отецъ Василій, съ проклятіемъ на устахъ, упоминалъ о студентахъ и о „стриженыхъ барышняхъ“. Говоря, онъ ни на минуту не забывалъ о своей дочери Наташѣ и о Сергѣѣ Николаевичѣ. Въ нихъ двоихъ онъ олицетворялъ все зло и всю крамолу, „какъ ржа желѣза, разъѣдавшую высшую школу“. И чѣмъ яснѣе вырисовывались въ его памяти образы ближайшихъ враговъ,—тѣмъ вдохновеннѣе становилась его рѣчь. Затѣмъ онъ перешелъ на обличеніе земскихъ народныхъ школъ, противопоставляя имъ „благочестіе и благонравіе“ школъ церковно-приходскихъ.

— Но и въ этотъ храмъ науки и благочестія стали проникать зараженные крамолою пастыри. Не вѣрьте, міряне, ихъ нечестивымъ и лжемудрымъ ученіямъ! Вѣрьте въ единаго Бога и святыхъ его...

Глаза отца Василія вспыхнули огонькомъ вдохновенія, и онъ, повысивъ голосъ, продолжалъ:

— Вы знали своего учителя, нынѣ съ посрамленіемъ изгнаннаго изъ храма благочестія, вы посылали къ нему своихъ цѣломудренныхъ и чистыхъ птенцовъ... Вы и сами слушали его злоученія, и вотъ десница Божія указала на искусителя чистыхъ и праведныхъ людей, и онъ съ посрамленіемъ изгнанъ мною навсегда изъ предѣловъ нашей школы. Онъ племянникъ мнѣ, вы всѣ знаете это, а я, не взирая на сіе, ради истины изгналъ его, не потворствуя своимъ кровнымъ узамъ... Оставьте отца своего и мать свою и слѣдуйте за Господомъ... Вѣрьте въ единаго Его и не послушайтесь злоучителей и смутьяновъ... Но Господь повелѣлъ простить грѣхи врагамъ нашимъ. Простимъ и мы рабу Божію Николаю. Помолимся мы за него Богу и попросимъ Всевышняго, да проститъ Онъ ему прегрѣшенія вольныя и невольныя и просвѣтитъ его душу свѣтомъ истины и направитъ его на стезю праведную...

Голосъ священника дрогнулъ. Обернулся онъ лицомъ къ алтарю и сталъ молиться, преклонивъ колѣни. Толпа, какъ одинъ человѣкъ, опустилась на колѣни и принялась молиться...

Сергѣй Николаевичъ выслушалъ разсказъ тетки и поспѣшилъ къ Проскурнину. Когда онъ передалъ ему въ короткихъ словахъ совершившееся въ церкви, Николай Ивановичъ сначала поблѣднѣлъ, какъ будто не сразу сообразивъ, о чемъ идетъ рѣчь, потомъ улыбнулся и сказалъ:

— Дядя мой правъ: я, дѣйствительно, кажется, выбрался на настоящую стезю.

Когда, часъ спустя послѣ этого, они втроемъ съ Наташей бродили по лѣсу, Проскурнинъ нерѣдко возвращался къ происшедшему въ церкви. Ему представлялось, что вся Тузовка думаетъ о немъ то же, что громко сказалъ отецъ Василій. И это былъ вызовъ, брошенный ему деревней. Съ какой-то непонятной тревогой въ голосѣ онъ говорилъ:

— Я только въ дѣтствѣ чувствовалъ нравственную связь съ деревней; съ годами—что-то такое неотвратимое отдаляло меня отъ нея. Съ годами это неотвратимое опредѣлилось, становилось яснѣе, и пропасть между мною и деревней разросталась все шире и шире. Обстоятельства услужливо помогали этому разрыву... Но, друзья мои, развѣ вы не чувствуете того же разрыва? Въ современной деревнѣ мы ничего не можемъ дѣлать... Вы видите—меня изгнали; изгонятъ и васъ, если вы не захотите сдѣлокъ съ вашей совѣстью. Ты, Сергѣй, счастливѣе насъ

съ Наташей, — ты можешь лечить, а мы что̀ можемъ дѣлать? что̀?.. Да, наконецъ, смѣшно учить грамотѣ голоднаго человѣка...

Проскурнинъ рѣзко оборвалъ свою рѣчь и, махнувъ рукой, добавилъ:

— Впрочемъ, все это старо... Объ этомъ говорятъ давно, давно и пишутъ.

Они шли хорошо укатанной дорогой, пролегавшей по тузовскому лѣсу. Въ безоблачномъ небѣ свѣтило яркое солнце, и по землѣ, устланной опавшими листьями, ложились рѣзкія тѣни деревъ. Въ лѣсу попискивали какія-то птички, и въ ихъ слабыхъ голосахъ слышалась какая-то тихая грусть по минувшемъ лѣтѣ. Они шли молча, прислушиваясь къ шелесту пожелтѣвшихъ и поблекшихъ листьевъ, которыми были застланы колеи дороги.

— Вотъ ихъ сколько свалилось,—началъ послѣ молчанія Проскурнинъ,—а когда-то они тоже шумѣли... Такъ и мы пошумимъ-пошумимъ, а дохнетъ холодомъ жизни—и свалимся... Смотрите, все желтые, поблекшіе листочки... умершіе листочки... А есть и совсѣмъ зеленые... Смотрите!..

Онъ поднялъ съ дороги здоровый зеленый листъ дуба, перекинувшаго свои искривленные сучья черезъ дорогу, и поднялъ его въ уровень съ лицомъ Сергѣя Николаевича и Наташи.

— Свалился и зеленый листочекъ... Ну, да наплевать!..

Онъ поднялъ правую руку съ листкомъ, зажатымъ между пальцами, и съ искреннимъ паѳосомъ воскликнулъ:

— Не горюй, дремучій боръ! Пришла осень, придетъ и зима, и за нею снова вернется весна. Одѣнешься ты снова въ зеленую листву, взмахнешь головою навстрѣчу буйному вѣтру, и зашумишь, и заволнуешься... Ха-ха-ха!—разсмѣялся онъ:—изъ меня, повидимому, выйдетъ недурной беллетристъ!.. А?..

Но Наташа и Сергѣй Николаевичъ промолчали. Они молча дошли до деревни и распрощались съ какимъ-то тоскливымъ настроеніемъ. При прощаніи Наташа подняла глаза на Проскурнина, но онъ не замѣтилъ слезъ, блеснувшихъ за ея темными рѣсницами.

Вечеромъ совершенно неожиданно въ обиталищѣ Проскурнина появилась старушка попадья Надежда Александровна.

— Коленька, ты что̀ же это въ потьмахъ-то лежишь?—начала старушка, войдя въ избу.

— Какъ въ потьмахъ?—удивившись появленію тетки, проговорилъ Проскурнинъ и поднялся съ кровати, на которой лежалъ передъ этимъ съ загнутыми за голову руками.—А свѣчка горитъ, развѣ вы не видите, тетя?..

Кутаясь въ большую шаль, наброшенную на плечи, Надежда Александровна усѣлась на табуретъ и проговорила:

— Да ужъ больно тускло она у тебя горитъ-то...

— Тускло, тетя, потому тоненькая...

Разставшись съ друзьями, Проскурнинъ до вечера пролежалъ на кровати, куря папиросу за папиросой, и когда стемнѣло—зажегъ свѣчу. Какая-то непонятная тоска давила его душу; онъ всѣми фибрами своего существа ощущалъ томительное одиночество, точно онъ былъ одинъ во всемъ мірѣ, похоронивъ и оплакавъ все живое. Когда вошла тетка и онъ услышалъ ея тихій ласковый голосъ, ему показалось, что все дорогое вымершее воспрянуло вновь и прислало къ нему вѣстника воскресенія и возрожденія.

— Я хотѣла днемъ къ тебѣ придти,—начала послѣ продолжительной паузы Надежда Александровна,—да отецъ Василій-то что-то прихворнулъ... Пришелъ изъ церкви, покушалъ пирожка, да и говоритъ, что, молъ, усталъ что-то... Я и тебѣ пирожка принесла, Коленька, скушай... съ кашкой пирогъ-то... ты вѣдь любишь...

Она вынула изъ-подъ шали большой кусокъ пирога, завернутый въ газетную бумагу, и положила на край стола.

— Спасибо, тетя...

— А теперь ты проводилъ бы меня немного, а то темно стало...

— Посидите, тетя,— обратился было къ ней Николай Ивановичъ, но старушка уже поднялась съ табурета.

— Не могу я долго-то...

Они вышли. Было темно. Въ небѣ горѣли звѣзды. Кое-гдѣ въ окнахъ избъ мерцали огоньки.

Они долго шли въ сумракѣ ночи, и старушка все время разспрашивала племянника о томъ, есть ли у него бѣлье, вымыто ли оно, выглажено ли. Справилась она также и о состояніи его подушки, одѣяла, чемодана; но она не спросила Николая Ивановича, куда онъ поѣдетъ и что будетъ дѣлать... Когда они подошли уже къ церковной оградѣ, старушка вдругъ остановилась, прижала руку къ глазамъ и тихо, сквозь слезы проговорила:

— Коленька... дорогой... ужъ ты прости его... дядю-то... Онъ сегодня осудилъ тебя въ церкви...

Она смолкла и зарыдала.

— Да я и не сержусь, тетя,—дрогнувшимъ голосомъ сказалъ Николай Ивановичъ.

— Потомъ онъ молился за отца твоего... онъ вѣдь любитъ тебя... Самъ надоумилъ меня: „снеси, говоритъ, Надежда, Колѣ пирожка, онъ любитъ съ кашкой-то“... Не сердись ты на него, ужъ прости ему... старъ онъ...

— Я не сержусь, тетя, скажите ему... дядѣ...

— Ну, Господь благословитъ тебя!..

И она съ материнской заботливостью и съ нѣжностью въ голосѣ перекрестила Проскурнина три раза.

— Прости, голубчикъ, поздно...

И скоро ея маленькая фигура потонула въ сумракѣ ночи.

Проскурнинъ медленно шелъ по знакомой дорогѣ, и какая-то тихая грусть нѣжила его душу. Онъ смотрѣлъ на небо съ ясными мерцающими звѣздами, и оно казалось ему далекимъ. Онъ осматривался по сторонамъ — на безмолвныя поля, потонувшія въ сумракѣ, на силуэты крестьянскихъ избъ, кровли которыхъ обрисовались на фонѣ неба; онъ смотрѣлъ на отдаленный лѣсъ, на усадьбу Тузовыхъ, гдѣ въ окнахъ горѣли огни; осмотрѣлъ онъ и старинную церковь съ бѣлыми куполами, и церковный садъ, и домъ, гдѣ жилъ от. Василій,—и все это казалось ему близкимъ, дорогимъ, но отодвинувшимся отъ него... Чуткимъ ухомъ онъ ловилъ голоса ночи,—послѣдней ночи подъ роднымъ небомъ. Но ночь была безмолвна. Бѣлый туманъ выползалъ изъ оврага и безшумно, какъ таинственный и неразгаданный житель иного міра, придвигался къ дорогѣ, по которой шелъ Николай Ивановичъ.

Что-то жуткое чудилось въ этомъ безшумномъ движеніи. Что-то странное совершалось въ эту глухую темную ночь.

На другой день Проскурнинъ уѣхалъ.

Провожать его собрались Наташа, Сергѣй Николаевичъ и Надежда Александровна. Когда вещи были уже уложены въ тарантасъ, принадлежавшій Сергѣю Николаевичу, тетка усадила всѣхъ по русскому обычаю, потомъ молча поднялась и приняласъ молиться. Потомъ она благословила Николая Ивановича образомъ и сказала:

— Зайди проститься съ дядей.

Потомъ они всѣ вышли, рѣшивъ пѣшкомъ пройти до поворота дороги церкви. Пока Николай Ивановичъ ходилъ къ дядѣ прощаться, остальные стояли на дорогѣ у экипажа и молчали.

Съ каждой минутой усиливался холодный сѣверный вѣтеръ.

Ясное съ утра небо заволоклося сѣрыми тучами; березы церковнаго сада зашумѣли, роняя листья...

Когда, четверть часа спустя, за холмомъ скрылся экипажъ, Наташа и Сергѣй Николаевичъ, провожавшіе отъѣзжавшаго еще съ версту, пошли обратно. Почти все время они шли молча, и только иногда перебрасывались незначительными фразами.

Когда они дошли до калитки церковнаго сада и вошли въ широкую березовую аллею, Сергѣй Николаевичъ проговорилъ:

— Давно я не бывалъ здѣсь,—а вѣдь тутъ могилы моихъ предковъ,—и онъ показалъ рукою на памятники и кресты около стѣнъ церкви.

Наташа молчала. Такъ молча они прошли весь садъ до воротъ, обращенныхъ къ селу, и Сергѣй Николаевичъ спросилъ:

— Что же мы, Наталья Васильевна, будемъ здѣсь дѣлать?..

Она что-то отвѣтила, но налетѣвшій вѣтеръ зашумѣлъ верхушками деревьевъ и заглушилъ звукъ ея голоса... А плакучія кладбищенскія березы обсыпали Тузова и Наташу поблекшими осенними листьями...

Вас. Брусянинъ.

СВЯТОЙ

РОМАНЪ *).

Antonio Fogazzaro. Il Santo. Romanzo. Milano, 1906 (Casa edit. Castoldi).

I.

Озеро Любви.

Жанна опустила на колѣни книгу, которую читала, сидя у окна. Она задумчиво стала глядѣть на свинцовую воду озера у ея ногъ; въ водѣ отражались бѣгущія весеннія облака, которыя отъ времени до времени освѣщали домикъ, тихій садъ, деревья на другомъ берегу озера, далекія поля, справа—мостъ, слѣва—дорожки, которыя терялись за обителью бегинокъ, и остроконечныя крыши таинственнаго мертваго города Брюгге. А вдругъ „Непрошенная гостья“, о которой она только-что прочла въ книгѣ Метерлинка, бродитъ уже невидимкой по мрачному городу, и рябь на свинцовой водѣ—слѣды ея шаговъ? Быть можетъ, она уже подошла къ берегу, къ крыльцу маленькаго дома, принося свой желанный даръ вѣчнаго покоя. Пробило пять часовъ; вы-

*) Романъ „Святой“ А. Фогаццаро — третій въ серіи, которая началась двумя другими: „Piccolo mondo antico“ и „Piccolo mondo moderno“. Фабула новаго романа связана съ предыдущимъ личностью героя, Пьеро Майрони. Въ „Piccolo mondo moderno“ Пьеро Майрони переживаетъ трагическую любовь къ соблазнительной Жаннѣ Десаль, изъ-за нея заставляетъ страдать свою жену, самъ терзается борьбой между страстью и жаждой духовной чистоты. Жена Пьеро умираетъ въ домѣ умалишенныхъ, — и тогда, вмѣсто того, чтобы соединить свою свободную жизнь съ любимой женщиной, Пьеро безслѣдно исчезаетъ, къ отчаянію безумно любящей его Жанны. Дѣйствіе романа „Il Santo“ начинается черезъ три года послѣ исчезновенія Пьеро.

соко, у самыхъ бѣлыхъ облаковъ, раздались волшебные звуки колоколовъ, разнося надъ домами, площадями и улицами Брюгге грустныя чары и еще болѣе углубляя мертвенный сонъ города. Вдругъ Жанна почувствовала, что двѣ нѣжныя руки прикрыли ей глаза и легкій поцѣлуй коснулся ея волосъ. Она не выказала удивленія; поднявъ руку, она погладила склонившееся къ ней лицо, и только сказала:

— Это ты, Ноэми? Не ты ли Метерлинковская „Intruse“? Куда ты ходила съ моимъ братомъ?

— Въ госпиталь св. Джіованни, смотрѣть картины Мемлинга.

— Ну, разскажи про Мемлинга. Только раньше скажи, сдѣлалъ ли тебѣ Карлино предложеніе?

Молодая дѣвушка разсмѣялась.

— Напротивъ того, онъ объявилъ мнѣ войну, и я ему— тоже.

— А я бы хотѣла, чтобы онъ влюбился въ тебя,—сказала Жанна серьезнымъ тономъ.

Ноэми нахмурила брови.

— Я бы этого не хотѣла,—сказала она.

— Почему? Развѣ онъ не симпатиченъ, не уменъ, не образованъ, не изященъ? Къ тому же—онъ богатъ. Можно презирать богатство, но въ жизни оно довольно удобно.

Ноэми д'Арксель положила руки на плечи подруги и взглянула ей прямо въ глаза. Пытливые голубые глаза Жанны глядѣли строго и грустно. Каріе глаза Ноэми выдержали этотъ взглядъ съ твердостью.

— Синьоръ Карлино,—сказала дѣвушка,—мнѣ очень милъ; я охотно хожу съ нимъ смотрѣть Мемлинга, люблю играть съ нимъ въ четыре руки классическія пьесы и слушать, какъ онъ читаетъ мнѣ вслухъ Ѳому Кемпійскаго, хотя, при его полномъ безвѣріи, мнѣ это кажется профанаціей. Я—не католичка, но когда такой атеистъ, какъ твой братъ, такъ великолѣпно читаетъ Кемписа, то я точно перестаю быть христіанкой. Я съ нимъ дружна, потому что онъ твой братъ, но вотъ и все. И что только иногда можетъ взбрести въ голову этой Жаннѣ Десаль!.. Не понимаю, совсѣмъ не понимаю тебя. Но подожди,—прибавила она, обхвативъ рукой шею подруги,—у меня есть средство глубоко проникнуть въ твою душу; я извлеку изъ нея со дна всѣ жемчужины, такія большія и прекрасныя, но также и всю муть, которая скрывается въ самой глубинѣ.

— Ты меня не знаешь, — возразила Жанна. — Изъ всѣхъ моихъ друзей ты одна меня не знаешь.

— Ну, да, только тѣ, которые тебя обожаютъ, знаютъ тебя, не правда ли? Ты вѣдь помѣшана на томъ, что всѣ тебя обожаютъ.

Жанна надула губы, какъ капризный ребенокъ.

— Какія глупости!—сказала она, но сейчасъ же загладила свой обиженный тонъ поцѣлуемъ и улыбкой.—Только женщины,—сказала она.—Я вѣдь тебѣ всегда говорила, что меня обожаютъ женщины. И ты въ томъ числѣ;—развѣ ты станешь это отрицать?

— Конечно. Ничуть я тебя не обожаю.

Десали провели предшествующее лѣто въ Малойѣ, и Жанна старалась быть пріятной для окружающихъ, скрывая, насколько могла, свою неизлечимую муку. Карлино бродилъ по деревнѣ и ея окрестностямъ, когда его охватывало мистическое настроеніе, и думалъ о Ницше, а въ часы свѣтскаго легкомыслія порхалъ среди дамъ, часто обѣдалъ въ Сенъ-Морицѣ и въ Понтрезинѣ, игралъ въ четыре руки съ военнымъ атташе германскаго посольства въ Римѣ и съ Ноэми д'Арксель, бесѣдовалъ о религіозныхъ вопросахъ съ сестрой и шуриномъ Ноэми. Сестры д'Арксель, сироты, были бельгійки, голландки по происхожденію и протестантки. Старшая изъ нихъ, Марія, вышла замужъ за стараго итальянскаго мыслителя Джіованни Сельва, котораго полюбила своеобразной поэтичной любовью. Сельва навѣрное пользовался бы большой популярностью въ Италіи, еслибы итальянцы больше интересовались религіозными вопросами; онъ былъ самый выдающійся представитель прогрессивнаго католичества. Марія приняла католичество, выходя за него замужъ. Они проводили зиму въ Римѣ, а остальное время жили въ Субіакѣ. Ноэми осталась протестанткой и жила попеременно въ Брюсселѣ и въ Италіи. Но старая компаньонка, съ которой она жила, умерла въ Брюсселѣ въ концѣ марта. Джіованни Сельва и его жена не могли, вслѣдствіе болѣзни Джіованни, помочь Ноэми въ эту трудную минуту. Тогда Жанна Десаль, которая очень подружилась съ Ноэми, убѣдила брата поѣхать въ Бельгію, гдѣ онъ еще никогда не бывалъ, и предложила Маріи Сельва и мужу поѣхать, вмѣсто нихъ, въ Брюссель. Вотъ какимъ образомъ Ноэми очутилась въ обществѣ Десалей въ Брюгге, въ концѣ апрѣля. Они поселились въ домикѣ на берегу небольшого озера, которое прозвали „Озеромъ Любви“. Карлино влюбился въ Брюгге, и въ особенности ему нравилось названіе „Озеро Любви“ для заглавія задуманнаго имъ новаго романа. Кромѣ заглавія, онъ ничего еще не придумалъ, но заранѣе наслаждался

пророческимъ сознаніемъ, что подаритъ міру необычайно изысканное и оригинальное художественное произведеніе.

Ноэми повторила, что вовсе не обожаетъ подругу всѣмъ сердцемъ уже потому, что сердце свое она отдала кому-то другому—одному монаху.

Жанна вздрогнула при словахъ молодой дѣвушки, и та покраснѣла, раскаиваясь въ своей необдуманности. Она знала о сердечной драмѣ своей подруги, знала про ея неизлечимую любовь къ человѣку, который исчезъ, вѣроятно укрывшись куданибудь въ монастырь. Ноэми постаралась исправить свою ошибку, стала говорить нѣжныя слова Жаннѣ, поцѣловала ее, но ей не удалось разсѣять грустное выраженіе ея лица; Жанна только успокоила Ноэми, увѣривъ, что разстроилась не отъ ея словъ; вѣдь и до нихъ она была грустна. Ноэми должна была согласиться, что дѣйствительно не видѣла Жанну никогда веселой, но теперь она казалась еще болѣе печальной, чѣмъ обыкновенно. Можетъ быть, это вина „Непрошенной гостьи“ Метерлинка. Жанна утвердительно кивнула головой, и по выраженію ея лица можно было понять, что причина ея грусти—не символическая „Непрошенная гостья“ Метерлинка, а реальная близость грознаго призрака смерти.

— Я получила письмо изъ Италіи,—сказала она послѣ слабой попытки отмолчаться отъ настойчивыхъ вопросовъ Ноэми.—Умеръ донъ Джузеппе Флоресъ.

— Флоресъ? Кто это?—Ноэми не помнила его, и Жанна съ горечью упрекнула ее за такую забывчивость. Донъ Джузеппе Флоресъ былъ тотъ старый священникъ изъ Венеціи, который принесъ ей прощальный привѣтъ Пьеро Майрони. Она заподозрила старика въ томъ, что это онъ убѣдилъ ея возлюбленнаго покинуть міръ, и не только приняла его крайне холодно, но стала его преслѣдовать упреками за его поступокъ, недостойный служителя безконечной благости. Старикъ отвѣтилъ ей такъ просвѣтленно, такими внушительными и кроткими словами, и лицо его, когда онъ говорилъ, было такъ величественно, что она же попросила у него прощенія и пригласила навѣщать ее. Онъ два раза послѣ того приходилъ къ ней, но не заставалъ ее дома. Тогда она посѣтила его въ его одинокомъ домикѣ, и у нея остались неизгладимыя воспоминанія объ этомъ посѣщеніи, о бесѣдѣ со старикомъ, привлекавшимъ его своимъ высокимъ умомъ, своей душевной кротостью и душевнымъ жаромъ. Ей писали, что онъ умеръ, кротко отдавшись въ руки Творца, со словами: „да исполнится воля Твоя“. Писавшій ей объ этомъ не зналъ, что, не-

смотря на смутные религіозные порывы, Жанна и теперь, какъ и прежде, отрицала Бога и безсмертіе души, какъ вѣковыя заблужденія; она еще ходила иногда въ церковь, но только для того, чтобы не выставлять на показъ своего атеизма.

Она не стала разсказывать Ноэми всѣхъ этихъ подробностей о послѣднихъ часахъ дона Джузеппе, но съ мучительной горечью думала о томъ, какъ бы ея жизнь сложилась по иному, еслибы она обладала такой же наивной, твердой вѣрой, какъ старый священникъ. Можетъ быть, въ душѣ Пьеро Майрони сохранилось инстинктивное религіозное чувство, унаслѣдованное отъ матери; теперь Жанна была увѣрена, что когда созналась Пьеро въ своемъ атеизмѣ, то этимъ вписала свое несчастіе въ книгу судебъ. Она опять стала съ мукой думать о прошломъ, и хотя ничего не говорила, но страданіе ясно отпечатлѣвалось на ея чертахъ. Ноэми молча поцѣловала ее въ лобъ, потомъ медленно отвела губы, какъ бы боясь разорвать тонкую нить, соединившую ихъ души, и прошептала:

— Быть можетъ, этотъ старикъ зналъ, гдѣ... Какъ ты думаешь, онъ поддерживалъ сношенія съ...?

Жанна отрицательно покачала головой. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ того года, когда въ іюлѣ умеръ ея несчастный мужъ отъ бѣлой горячки, Жанна поѣхала къ Флоресу въ его виллу и выразила желаніе, чтобы Пьеро узналъ объ этой смерти, для того, чтобы могъ думать о ней, — если это когда-нибудь случится, — не чувствуя на совѣсти никакого грѣха. Донъ Джузеппе прежде всего кротко посовѣтовалъ ей отказаться навсегда отъ такихъ мечтаній, а затѣмъ сказалъ ей съ полной откровенностью, что не имѣлъ никакихъ извѣстій отъ Пьеро со времени его исчезновенія.

Страшась дальнѣйшихъ разспросовъ, боясь, чтобы ея ранъ не коснулись неопытныя руки, Жанна хотѣла отвлечь разговоръ отъ воспоминаній о прошломъ.

— Разскажи же мнѣ о твоемъ монахѣ,—сказала она. Но въ это время изъ передней раздался голосъ Карлино.

— Не теперь, — сказала Ноэми. — Я разскажу тебѣ вечеромъ.

Вошелъ Карлино; горло у него было повязано бѣлымъ шолковымъ шарфомъ, и онъ началъ ругать „Озеро Любви“; оно въ концѣ концовъ даже не живописно, утверждалъ Карлино, а только заражаетъ воздухъ, наполняя его отвратительными мошками, отъ которыхъ распухаетъ горло.

— Озеро отвратительно,—и въ любви тоже ничего нѣтъ хорошаго,—сказалъ онъ.

Ноэми стала запрещать ему говорить о любви, такъ какъ онъ не имѣетъ понятія о ней. Онъ иронически благодарилъ молодую дѣвушку, говоря, что уже чуть было не влюбился въ нее—къ великому своему ужасу,—но что ея слова излечили его, въ особенности послѣ того, какъ онъ увидѣлъ на ней недавно некрасивую шляпу, и послѣ того, какъ она восторгалась жалкой музыкой Мейербера. Они продолжали пикироваться въ этомъ родѣ, и Карлино былъ такъ оживленъ, несмотря на боязнь инфекціи, что Ноэми поздравила его съ удачей въ работѣ.

— Очевидно, романъ вашъ подвигается,—сказала она.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ романистъ. Теперь какъ-разъ онъ боролся съ большими трудностями, такъ какъ взялся за очень своеобразную психологическую проблему. Въ романѣ шла рѣчь о любопытномъ случаѣ духовнаго зараженія. Центральное лицо его романа—французскій священникъ восьмидесяти лѣтъ, очень чистый, благочестивый и ученый человѣкъ. Французомъ онъ изобразилъ его потому, что ему нуженъ былъ человѣкъ съ поэтическимъ воображеніемъ, съ гибкой, воспріимчивой душой, а по его мнѣнію этихъ качествъ въ итальянскомъ священникѣ не найдется даже у одного изъ тысячи. Къ этому священнику пришелъ однажды на исповѣдь очень умный, мыслящій человѣкъ, котораго одолѣвали страшныя религіозныя сомнѣнія. Исповѣдывавшійся ушелъ успокоенный, но самъ священникъ пошатнулся въ своей вѣрѣ. За этимъ долженъ былъ послѣдовать пространный и тщательный анализъ душевнаго состоянія старика; онъ со дня на день ждетъ смерти, какъ школьникъ, который передъ экзаменомъ чувствуетъ, что у него въ головѣ пусто, что все, что онъ зналъ, вылетѣло изъ памяти. Онъ попадаетъ въ Брюгге.

На этомъ мѣстѣ разсказа воинственно настроенная Ноэми прервала Карлино:

— Въ Брюгге? Почему?

— А потому, что я—его отецъ,—отвѣтилъ Карлино,—и могу послать его, куда хочу. Я его переселилъ въ Брюгге, потому что здѣсь тихо, какъ въ преддверьи къ вѣчности, и здѣшній звонъ колоколовъ, который въ сущности начинаетъ мнѣ надоѣдать, можетъ все-таки сойти въ романѣ за хоръ ангеловъ. Наконецъ, потому я въ Брюгге, что тамъ есть тоненькая брюнетка, очень стройная, неглупенькая,—хотя ничего не понимаетъ въ музыкѣ.

— Какія глупости вы говорите! — сказала она съ легкой гримасой.

Карлино продолжалъ разсказывать. Онъ сказалъ, что еще не знаетъ, какъ это устроить, но тоненькая брюнетка должна непремѣнно исповѣдываться у стараго священника. Ноэми разсмѣялась: такъ, значитъ, онъ не ее хотѣлъ изобразить?—Какъ бы она, еретичка, пошла къ исповѣди?—Карлино пожалъ плечами. Немножко больше безумія, или немножко меньше—вотъ новая разница между протестантствомъ и католичествомъ,—казалось ему. По его замыслу, старый священникъ долженъ былъ вернуться къ прежней вѣрѣ, подъ вліяніемъ простой и твердой вѣры дѣвушки. Тутъ Карлино открылъ скобки въ своемъ разсказѣ и сознался, что совершенно не знаетъ, какова собственно вѣра Ноэми. Она покраснѣла и отвѣтила, что она—протестантка. Это Карлино зналъ,—но можно ли утверждать, что вѣра ея—простая и твердая?—спросилъ онъ. Ноэми разсердилась.

— Я протестантка,—сказала она,—и вамъ нѣтъ дѣла до того, какъ я исповѣдую мою вѣру.

На самомъ дѣлѣ, Ноэми была очень тверда въ своей вѣрѣ, не столько по убѣжденію, какъ изъ уваженія къ памяти родителей. Она въ душѣ очень не одобряла перехода въ католичество своей сестры.

Карлино продолжалъ разсказъ. Мистическое вліяніе женскихъ чаръ привело старика къ тому, что онъ сталъ искать душевнаго единенія съ молодой дѣвушкой.

— Что за чепуха!—сказала Ноэми, по обыкновенію презрительно сжавъ губы. Но Карлино невозмутимо продолжалъ свой разсказъ. Новизна и интересъ его книги заключались именно въ анализѣ этой скрытой силы любви, вліявшей на священника и на дѣвушку.

— Карлино,—остановила его Жанна,—какъ это тебѣ пришло въ голову? Любовь къ восьмидесятилѣтнему старику?!

Карлино посмотрѣлъ вверхъ, какъ бы обращаясь къ какому-то невидимому другу. — Онѣ ничего не понимаютъ!—сказалъ онъ.

Онъ, собственно, хотѣлъ сдѣлать священника еще болѣе старымъ; ему должно было бы быть лѣтъ девяносто. Карлино представлялъ себѣ своего героя, какъ существо совершенно особое, нѣчто среднее между человѣкомъ и духомъ, съ глазами, въ которыхъ отражается таинственная глубина созерцателя вѣчности. У героини его должно было быть въ крови таинственное влеченіе къ старымъ людямъ, вовсе не столь рѣдкое у женщинъ; оно всегда свидѣтельствуетъ о благородствѣ женской души. Карлино чувствовалъ, что можно сказать много глубокаго о мистическомъ влеченіи дѣвушки двадцати-четырехъ лѣтъ къ девяносто-

лѣтнему старику-священнику, уже какъ бы перешедшему въ вѣчность, прозрачному и при этомъ не сгорбленному, но всѣмъ тѣломъ дрожащему. Бываютъ такіе старики съ высокой душой, которыхъ время точно не касается. Но чѣмъ же эта необычайная любовь можетъ кончиться? Ни Ноэми, ни Жанна не могли себѣ этого никакъ представить. Карлино самъ сказалъ съ самаго начала, что создалъ положеніе, изъ котораго никакъ не можетъ выпутаться. Но онъ не приходилъ въ отчаяніе. Зачѣмъ нуженъ непремѣнно конецъ?—это мѣщанскій предразсудокъ. Въ жизни ничто не кончается.—Конечно,—согласились дамы,—но книга-то вѣдь должна на чемъ-нибудь кончиться?—Несомнѣнно,—сказалъ имъ авторъ. Въ романѣ его будетъ несказанно прекрасная заключительная сцена—описаніе ночной прогулки при лунѣ священника и молодой дѣвушки. Они будутъ ходить по улицамъ Брюгге, гдѣ ихъ души открылись для общенія—почти для любви, и для мечтаній—почти пророческихъ. Въ полночь они пойдутъ къ спящимъ водамъ „Озера Любви“, будутъ слушать, какъ бы застывъ на мѣстѣ, мистическіе звуки колоколовъ, и тогда имъ откроется смутное предчувствіе любви, которая въ грядущемъ объединитъ ихъ души на звѣздѣ Фомальготѣ.

— Почему же именно на Фомальготѣ?—воскликнула Ноэми.

— Какая вы несносная!—отвѣтилъ Карлино. — Я выбралъ эту звѣзду потому, что мнѣ нравится ея названіе; въ немъ звучитъ сковывающій германскій холодъ, и въ то же время душевный пылъ, зной восточнаго солнца.

— Боже мой, какъ это хитро! А мнѣ больше нравится Альголь.

— Хорошо; въ такомъ случаѣ вы и вашъ духовникъ отправитесь на Альголь.

Ноэми засмѣялась, а Карлино обратился къ Жаннѣ, спрашивая, какую звѣзду она предпочитаетъ? Жанна отвѣчала, что она сама не знаетъ, такъ какъ не обращала вниманія на звѣзды. Карлино разсердился, ставя ей, повидимому, въ вину не столько ея разсѣянность, какъ скрытыя мысли, отвлекавшія ее отъ всего другого. Боясь сказать лишнее, онъ только предложилъ ей углубиться въ философію дыма и облаковъ, сидя у себя въ комнатѣ. Она ничуть не обидѣлась и поднялась съ мѣста, чтобы пройти къ себѣ; тогда онъ ее остановилъ и спросилъ, слышала ли она, по крайней мѣрѣ, на чемъ заканчивается романъ?

— Конечно, слышала,—отвѣтила она:—на прогулкѣ героини и героя по улицамъ Брюгге въ лунную ночь.

— Вѣрно; и такъ какъ сегодня вечеромъ будетъ луна, то

мнѣ нужно погулять отъ десяти часовъ до полуночи съ тобой и Ноэми, чтобы набраться впечатлѣній.

— Ужъ не одѣться ли мнѣ священникомъ?—спросила Жанна, выходя изъ комнаты.

Ноэми хотѣла послѣдовать за ней, но Жанна попросила ее остаться. Ноэми осталась и сказала Карлино, что онъ недостоинъ такой сестры. Карлино пошелъ искать среди нотъ какую-то пьесу Баха, продолжая спорить съ Ноэми, и даже Бахъ не могъ ихъ сразу примирить. Они сѣли играть въ четыре руки, но еще долго ссорились, сначала изъ-за Жанны, потомъ изъ-за невѣрно взятыхъ нотъ. Наконецъ звуки, прерываемые ихъ гнѣвными вспышками, преодолѣли препятствія и понеслись яснымъ потокомъ, отражая небо и мирные берега.

Жанна унесла къ себѣ въ комнату книгу Метерлинка, но уже больше не читала. Ея комната тоже выходила на озеро. Сѣвъ къ окну, она стала смотрѣть вдаль, на мостъ; за нимъ виднѣлась старинная башня, а надъ нею носились голубоватыя облачка. Она слушала ясные звуки Баха и думала о донѣ Джузеппе съ грустнымъ чувствомъ человѣка, который все дальше и дальше удаляется отъ любимаго дома, ежеминутно оглядывается на него, и на поворотѣ дороги глядитъ, какъ исчезаетъ послѣдній уголъ, послѣднее окно. Но къ ея грусти присоединилась также болѣе острая тревога. Ей писали, что среди бумагъ умершаго найденъ запечатанный пакетъ съ собственноручной надписью такого содержанія: „Передать черезъ моего душеприказчика монсиньору епископу въ собственныя руки“. Это порученіе было исполнено; въ пакетѣ оказалось письмо дона Джузеппе къ епископу и запечатанный конвертъ съ надписью, сдѣланной другой рукой: „Открыть послѣ моей смерти. Пьеро Майрони“. Епископъ, какъ передавали бывшіе при этомъ, сказалъ: „Будемъ надѣяться, что синьоръ Пьеро Майрони, невѣдомо гдѣ пребывающій, появится, чтобы дать знать, что онъ умеръ“.

Жанна не знала, что Пьеро Майрони, прежде чѣмъ навсегда безслѣдно уйти изъ дому, разсказалъ въ письмѣ къ дону Джузеппе о видѣніи, которое у него было близъ часовни дома умалишенныхъ, гдѣ умирала его жена. Ему ясно представилась вся его дальнѣйшая жизнь и его смерть. „Что можетъ заключать въ себѣ запечатанный конвертъ?—думала Жанна.—Навѣрное, что-нибудь имъ написанное,—но что? По всей вѣроятности, исповѣдь, признаніе своей вины. Это соотвѣтствовало бы его врожденному мистицизму, преобладанію въ немъ фантазіи надъ разумомъ, всему его духовному облику. Прошло три года съ того дня, когда

Жанна, доведенная до отчаянія, сказала себѣ, что больше не будетъ любить Пьеро, и не можетъ любить уже ничего на свѣтѣ. И все-таки она до сихъ поръ его любила, но теперь, какъ прежде, судила его разумомъ, независимо отъ голоса сердца. Этой независимостью ума она очень гордилась. Жанна строго судила Пьеро за всѣ его поступки и за его поведеніе въ теченіе всего времени ихъ сближенія. Онъ всегда обнаруживалъ неспособность любить, былъ нерѣшителенъ, перемѣнчивъ какъ женщина. И до самаго конца онъ поступалъ какъ женщина, совершенно не умѣя обуздывать волей свою мистическую истеричность. Можетъ быть, она судила его не съ полной искренностью; намѣренно преувеличенная строгость ея была тщетной попыткой возстать противъ всевластнаго, непобѣдимаго чувства любви.

Если онъ пошелъ въ монастырь, то навѣрное раскаялся въ этомъ; Жанна въ этомъ не сомнѣвалась. Онъ былъ слишкомъ чувственный человѣкъ, чтобы уйти отъ міра навсегда. Послѣ перваго порыва скорби и религіознаго пыла, въ немъ должна была снова проснуться страсть и возбудить въ немъ мятежъ противъ вѣры, коренящейся скорѣе въ чувствахъ и привычкахъ, нежели въ разумѣ. Но что, если онъ дѣйствительно сдѣлался монахомъ? Жаннѣ показалось, что огромная башня Notre-Dame, съ тонкой стрѣлой, поднимающейся къ небу, также какъ грустныя стѣны обители бегинокъ, какъ темныя воды „Озера Любви“ и торжественная тишина мертваго города, что все это подтверждаетъ ея опасенія, но что было бы суевѣріемъ вѣрить въ предчувствія.

— Куда же мы пойдемъ? — спросила Жанна въ десять часовъ, надѣвая перчатки. Карлино, тѣмъ временемъ, далъ Ноэми держать одинъ конецъ длиннѣйшаго шарфа, а другой началъ обматывать вокругъ шеи и вертѣлся при этомъ на одномъ мѣстѣ, какъ веретено, пока наконецъ шея у него не вышла толще головы.

— А девяностолѣтнимъ священникомъ буду я, что-ли?— прибавила Жанна.

Карлино вскипѣлъ, потому что Ноэми разсмѣялась и выпустила изъ руки шарфъ, недостаточно натянувъ его.

— Ты или она, это все равно,—отвѣтилъ онъ, когда Ноэми, застегнувъ ему шарфъ булавкой, отпустила его наконецъ на волю.—Отправляйтесь, куда хотите! Нужно только пойти къ серединѣ озера и вернуться вдоль другого берега. Говорите между собой о чемъ-нибудь очень для васъ интересномъ.

— Въ вашемъ присутствіи? — спросила Ноэми. — Да развѣ это возможно?

Карлино объяснилъ имъ, что вовсе не собирается идти рядомъ съ ними, а пойдетъ позади съ своей памятной книжечкой и карандашомъ. Онѣ подчинились его желанію.

— Хорошо, — сказала Ноэми. — Пойдемте на quai du Rosaire, смотрѣть на лебедей.

Они направились къ Notre-Dame, причемъ Карлино шелъ шагахъ въ двадцати за дамами. Сначала между авангардомъ и арьергардомъ шли непрерывныя пререканія. Авангардъ шелъ слишкомъ скоро, и Карлино кричалъ въ догонку: — Это въ девяносто-то лѣтъ?—или авангардъ смѣялся, и Карлино кричалъ:— Да что̀ съ вами? Тише! — Когда Ноэми и Жанна останавливались, чтобы разсмотрѣть при лунѣ какую-нибудь старую церковь, съ оригинальными верхами и башнями, или кладбище подлѣ церкви, Карлино опять начиналъ командовать:—Да говорите же, спорьте, дѣлайте какіе-нибудь жесты! Нечего стоять, поднявъ носъ кверху!— Авангардъ бунтовалъ, особенно Ноэми, которая грозила сейчасъ же вернуться домой, если несносный романистъ не перестанетъ командовать и ворчать. Тогда Жанна шепнула подругѣ:

— Разскажи мнѣ о твоемъ монахѣ.

— О монахѣ? Съ удовольствіемъ,—отвѣтила Ноэми, и крикнула Карлино, что она подчиняется его требованіямъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ шелъ подальше отъ нихъ. Съ quai du Rosaire не видно было лебедей, которыхъ Ноэми замѣтила утромъ на озерѣ. Лунный свѣтъ падалъ искоса на дома и башни, не касаясь темной воды. Жанна и Ноэми, однако, наклонились надъ перилами и стали глядѣть на воду. Ноэми такъ долго говорила, не мѣняя положенія, что Карлино успѣлъ заполнить нѣсколько страницъ своей книжечки замѣтками и зарисовать фасадъ ближайшаго дома съ выведенными на фасадѣ цифрами—годомъ рожденія владѣльца.

Монахъ, о которомъ говорила Ноэми, былъ бенедиктинецъ монастыря св. Схоластики въ Субіакѣ. Его звали донъ Клементій. Онъ былъ знакомъ съ Джіованни Сельвой, который встрѣтилъ его въ первый разъ случайно по дорогѣ къ какимъ-то развалинамъ. Джіованни спросилъ у него дорогу, потомъ они разговорились. На видъ монаху было немногимъ болѣе тридцати лѣтъ, а внѣшность его была очень аристократическая. Разговоръ зашелъ сначала о развалинахъ, потомъ перешелъ на монастыри и монашескіе обѣты, потомъ на религію. Въ самыхъ звукахъ голоса бенедиктинца чувствовалась святость. Кромѣ

того, въ немъ виденъ былъ любознательный, открытый для смѣлой мысли духъ. Они разстались, выразивъ взаимное желаніе видаться. Джіованни понравилась одухотворенность молодого монаха, лицо котораго свѣтилось внутренней красотой; а бенедиктинца привлекала богословская ученость Джіованни. Первая же краткая бесѣда съ нимъ открыла широкіе горизонты его жаждѣ укрѣпить свою вѣру доводами разума и знаній. Джіованни слыхалъ въ Субіакѣ о молодомъ человѣкѣ знатнаго рода, который сдѣлался монахомъ бенедиктинскаго ордена послѣ смерти любимой женщины. Онъ не сомнѣвался, что это именно его новый знакомый. Онъ сталъ разспрашивать о немъ другихъ монаховъ, но не могъ ничего разузнать. Послѣ того они нѣсколько разъ видѣлись и много бесѣдовали. Джіованни давалъ дону Клементію свои книги для чтенія, а донъ Клементій приходилъ къ Сельвѣ, познакомился съ Маріей. Оказалось, что онъ — музыкантъ; онъ сыгралъ на роялѣ „утренній псаломъ“ для органа и пѣнія своего собственнаго сочиненія. Однажды Джіованни предложилъ ему вопросъ, по поводу котораго уже много спорилъ съ Ноэми — вопросъ о томъ, будутъ ли души, покидая земную жизнь, тотчасъ же знать всю свою грядущую судьбу. Донъ Клементій отвѣтилъ, что послѣ смерти...

На этомъ мѣстѣ разсказа Ноэми Карлино спросилъ, не разставить ли ему три палатки на тотъ случай, если они всѣ здѣсь будутъ ночевать. Дамы отошли отъ перилъ и пошли дальше по rue des Laines.

— Онъ отвѣтилъ, — продолжала Ноэми, — что послѣ смерти души человѣческія будутъ подчинены естественнымъ законамъ, какъ и при жизни, такъ что и тогда можно будетъ предвидѣть будущее по разнымъ даннымъ, — но тоже безъ полной достовѣрности.

Какой-то человѣкъ, котораго они встрѣтили на узкой темной улицѣ, повернулъ назадъ и, пройдя вторично мимо двухъ дамъ, пристально взглянулъ на нихъ. Жанна сказала, что она боится этого человѣка, остановилась, позвала Карлино и предложила пойти домой. Она сказала это измѣнившимся голосомъ, но Карлино не могъ повѣрить, что она дѣйствительно испугалась. Чего ей было пугаться? Вѣдь передъ ними въ нѣсколькихъ шагахъ были огни Grande Place. Къ тому же, по словамъ Карлино, этотъ человѣкъ ему знакомъ, и онъ его помѣстилъ въ свой романъ. Это — братъ Юдиѳи съ лебединой шеей; теперь онъ превращенъ въ духа тьмы и осужденъ блуждать ночью по улицамъ Брюгге, въ наказаніе за то, что онъ пытался соблазнить святую

Гунгильду, сестру короля Гаральда. Карлино сказалъ, что когда онъ бродилъ ночью по пустыннымъ кварталамъ Брюгге, ему всегда попадался навстрѣчу этотъ зловѣщій человѣкъ.

— Нашли чѣмъ успокаивать, нечего сказать! — замѣтила Ноэми.

Карлино пожалъ плечами и заявилъ, что считаетъ эту встрѣчу счастливой, такъ какъ, благодаря ей, ему пришло въ голову имя Гунгильды для его героини; вѣдь нельзя же было назвать ее Ноэми—это имя слишкомъ семейственное.

Въ тѣни огромнаго зданія центральнаго рынка, мимо котораго они пошли, страшный незнакомецъ прошелъ совсѣмъ близко отъ Жанны и слегка задѣлъ ее. Она вся вздрогнула, и въ это время безчисленные колокола зазвонили среди облаковъ надъ ея головой.

Она судорожно ухватилась за руку Ноэми, не промолвивъ ни слова. Они молча прошли черезъ площадь. Карлино повелъ ихъ по маленькой улицѣ, совершенно пустынной, но ярко освѣщенной луной, озарявшей зубчатые верхи темныхъ домовъ. Жанна шепнула своей подругѣ:

— Идемъ скорѣе домой!

Но Карлино, услышавъ звуки бальной музыки изъ Hôtel de Flandres, крикнулъ имъ, чтобы онѣ остановились, и сталъ что-то записывать въ книжечку. Ноэми стала разсказывать что-то про Hôtel de Flandres, гдѣ жила нѣсколько лѣтъ тому назадъ; но Жанна вдругъ перебила ее и спросила:

— Это Марія такъ пространно писала тебѣ объ этой исторіи?

Ноэми отвѣтила, не удивившись вопросу, но видимо волнуясь:

— Да, Марія.

— Не понимаю, — возразила Жанна, — для чего это она писала.

Ноэми ничего не отвѣтила. Карлино скомандовалъ имъ идти дальше. Онѣ пошли; Ноэми продолжала молчать.

— Такъ скажи же,—снова спросила Жанна,—зачѣмъ твоя сестра писала тебѣ объ этой исторіи?

Ноэми молчала. Жанна стала ее трясти за руку.

— Почему ты не отвѣчаешь? Что ты думаешь?

Хотя онѣ теперь молчали обѣ, но были такъ поглощены своими мыслями, что не слышали, какъ Карлино крикнулъ имъ повернуть направо. Онъ нагналъ ихъ, сталъ ругаться и, схвативъ ихъ за плечи, насильно повернулъ, куда слѣдовало. Онѣ повиновались, не замѣтивъ ни его крика, ни его безцеремоннаго обращенія.

— Ты не отвѣчаешь?—повторила Жанна, удивленная и обиженная молчаніемъ подруги. Ноэми въ свою очередь схватила ее за руку.

— Подождемъ, пока вернемся домой; я тебѣ тогда все объясню,—сказала она.

— Остановитесь подъ деревьями!—крикнулъ имъ Карлино.

Но Жанна тотчасъ же остановилась и, стоя у стѣны старинаго собора, выдернула руку изъ руки Ноэми и спросила ее дрожащимъ отъ скрытой муки голосомъ:

— Ноэми, скажи, ты что-нибудь расказывала твоей сестрѣ?

Карлино крикнулъ имъ, что пусть онѣ постоятъ хоть здѣсь, подлѣ собора,—только пусть дѣлаютъ видъ, что говорятъ о чемъ-то очень интересномъ. Ноэми отвѣтила подругѣ такимъ слабымъ и робкимъ „да!“, что Жанна все поняла. Марія Сельва думала, что этотъ монахъ, этотъ донъ Клементій и есть Пьеро Майрони.

— Господи! — воскликнула она, еще крѣпче сжимая руку Ноэми. — Да скажи же наконецъ, вѣрно ли я тебя поняла?— Жанна сердито отвернулась отъ упорно молчавшей Ноэми, которая въ ужасѣ ухватилась снова за ея руку.

— Отлично!—крикнулъ Карлино.—Но теперь довольно; помолчите.

— Прости меня! — взмолилась Ноэми. — Это вѣдь только предположеніе и больше ничего. Но Марія, дѣйствительно, высказываетъ эту мысль.

— Нѣтъ,—отвѣтила Жанна, рѣшительно отвергая догадку.— Это не онъ,—это не можетъ быть онъ. Музыкантомъ онъ никогда не былъ.

— Ну, конечно, не онъ,—поспѣшила согласиться Ноэми, говоря въ полголоса въ виду того, что къ нимъ приближался Карлино. Подойдя къ нимъ, онъ похвалилъ ихъ за оживленный разговоръ и попросилъ ихъ медленно пройтись подъ деревьями.

Онѣ исполнили его желаніе. Подъ деревьями Жанна упрекнула Ноэми за то, что она только теперь разсказала ей о письмѣ сестры, и опять стала увѣрять, что этотъ бенедиктинецъ не можетъ быть Майрони, такъ какъ тотъ никогда не занимался музыкой. Ноэми оправдывалась. Она объяснила, что хотѣла заговорить о письмѣ, когда вернулась изъ госпиталя Санъ-Джіованни, гдѣ разсматривала картины Мемлинга; но Жанна была такъ грустна, что она не рѣшилась еще болѣе волновать ее. И все-таки она заговорила бы, если бы Карлино не помѣшалъ своимъ приходомъ. А теперь, во время прогулки, когда Жанна прямо спросила ее, она не сумѣла отклонить разговоръ. Если бы, когда

онѣ остановились передъ „Hotel de Flandres“, Жанна не возобновила разговора о монахѣ, Ноэми подождала бы, пока онѣ вернутся домой, чтобы уже тамъ все сказать.

— И твоя сестра дѣйствительно думаетъ...

Ноэми отвѣтила, что Марія, напротивъ того, очень сомнѣвается. Повидимому, въ это больше вѣритъ Джіованни. Онъ совершенно убѣжденъ, что донъ Клементій дѣйствительно—Майрони; такъ, по крайней мѣрѣ, пишетъ Марія. Жанна возмутилась. Какъ онъ могъ быть убѣжденъ? Какъ онъ могъ знать? Майрони вѣдь не умѣлъ взять аккорда на роялѣ. Ноэми возразила тихимъ голосомъ, что въ три года онъ могъ научиться; въ монастыряхъ стараются учить музыкѣ, чтобы имѣть своихъ органистовъ.

— Значитъ, и ты въ это вѣришь?—воскликнула Жанна. Ноэми отвѣтила такимъ нерѣшительнымъ „нѣтъ“, что Жанна заволновалась и объявила, что хочетъ сейчасъ же поѣхать въ Субіакъ, чтобы удостовѣриться самой. Она вѣдь обѣщала Маріи привезти ей сестру, и надѣялась, что ей удастся убѣдить Карлино тотчасъ же уѣхать. Ноэми сильно перепугалась. Мужъ ея сестры не хотѣлъ бы, чтобы Жанна пріѣзжала въ Субіакъ, ради ея собственнаго душевнаго покоя, также какъ ради дона Клементія. Ноэми поручено было убѣдить ее не ѣхать. Сельва выздоровѣлъ и предлагалъ самъ пріѣхать за своей belle-soeur; онъ готовъ былъ, если нужно, пріѣхать даже въ Бельгію. Она попыталась разубѣдить Жанну, но только вызвала въ ней раздраженіе. Жанна настойчиво опровергала догадку Сельвы и его жены, но не приводила никакихъ убѣдительныхъ доводовъ. Карлино, услыхавъ сердитое „довольно!“ изъ устъ сестры, подошелъ къ дамамъ. Что это, священникъ и молодая дѣвушка повздорили—и какъ-разъ теперь, когда должны были испытывать мистически-нѣжныя чувства?!

— Оставьте насъ въ покоѣ!—возразила Ноэми.—Вашъ девяностолѣтній священникъ десять разъ уже умеръ бы отъ усталости. Довольно вамъ командовать. Теперь я буду водить васъ—я Брюгге знаю лучше вашего. А вы идите въ ста шагахъ отъ насъ.

Карлино выразилъ удивленіе на лицѣ, воскликнувъ: „Какая прыткая!“—но Ноэми уже умчалась впередъ, увлекая за собой Жанну; онѣ пошли вдоль рѣшотки маленькаго кладбища Saint-Sauveur. Ей казалось, что теперь наступило время сдѣлать послѣднее разоблаченіе.

— Знаешь, я полагаю, что Джіованни правъ,—сказала она.—Вѣдь донъ Клементій—тоже изъ Бресчіи.

Жанна, охваченная порывомъ горя, обняла одной рукой подругу за шею и разрыдалась. Ноэми стала успокаивать ее. Среди рыданій, Жанна спросила, знаетъ ли Карлино что-нибудь. Узнавъ, что нѣтъ, она стала умолять Ноэми ничего ему не говорить. Ноэми обѣщала. Жанна понемногу успокоилась и первая же отправилась дальше. Ей больше всего хотѣлось быть теперь одной въ своей комнаткѣ. Видъ башни Notre-Dame съ устремленнымъ къ небу шпицемъ былъ ей мучителенъ, какъ лицо побѣднаго и безпощаднаго врага. Теперь она ясно видѣла, что ошибалась всѣ эти три года, думая, что надежда умерла въ ея душѣ. До чего эта надежда, которую она считала мертвой, терзала теперь ея сердце, поднимая въ ней бурю протеста! Нѣтъ, онъ не въ монастырѣ; нѣтъ, это не онъ. Она опять крѣпко сжала руку Ноэми въ порывѣ отчаянія. Голосъ, внушавшій ей бодрость, постепенно ослабѣвалъ въ ея сердцѣ. Теперь ей казалось, что это дѣйствительно Пьеро, и что все кончено. Тишина ночи, грустный видъ луны, печальныя пустынныя дорожки, поднявшійся холодный вѣтерокъ—все это укрѣпляло ея горькія мысли. Когда онѣ прошли Notre-Dame, вдоль стѣны, въ тѣни опять промелькнулъ мимо нихъ тотъ же мрачный человѣкъ. Ноэми ускорила шаги, тоже торопясь домой. Когда Карлино увидѣлъ, что онѣ направляются прямо домой вмѣсто того, чтобы идти черезъ мостъ, на другой берегъ озера, онъ запротестовалъ. Что же будетъ съ заключительной сценой романа—развѣ онѣ забыли? Ноэми хотѣла возмутиться, но Жанна, боясь, какъ бы Карлино не заподозрилъ чего-нибудь, попросила Ноэми уступить ему.

— Когда будете на мосту,—крикнулъ имъ Карлино,—постойте на мѣстѣ нѣсколько минутъ!

Онѣ подошли къ периламъ и стали глядѣть на неподвижное зеркало воды. Луна скрылась за облаками.

— Это отсутствіе луннаго свѣта кажется мнѣ божественнымъ,—сказалъ Карлино.—Но теперь я далъ бы половину моей будущей славы за то, чтобы среди облачнаго неба открылся маленькій просвѣтъ съ звѣздочкой по срединѣ, для того, чтобы можно было видѣть воду. Вы не можете себѣ представить, какой красивой выйдетъ у меня эта послѣдняя глава. Послушайте. На quai du Rosaire вы глядѣли на лебедей...

— Но вѣдь лебедей не было,—прервала его Ноэми.

— Не все ли равно!—возразилъ Карлино.—Вы глядѣли на лебедей, освѣщенныхъ луной...

— Но луна не озаряла воду,—снова возразила Ноэми.

— Это ничего не значитъ,—возразилъ Карлино съ нѣкоторой досадой. А когда Ноэми замѣтила, что въ такомъ случаѣ нечего было таскать ихъ по Брюгге въ такой поздній часъ, онъ поэтически сравнилъ свои подготовительные наброски съ чеснокомъ, который употребляется на кухнѣ, но не подается къ столу. Отразивъ ея протестъ, онъ продолжалъ говорить о лебедяхъ и лунѣ.

— Вы сравнивали,—сказалъ онъ,—живую бѣлизну лебедей съ мертвой бѣлизной луны. Старый священникъ тоже чувствуетъ, что живая, чистая душа молодой дѣвушки можетъ оживить его чувства, поблѣднѣвшія отъ близости смерти, какъ побѣлѣли его волосы; въ душѣ его загорается чистое пламя. Онъ невольно шепчетъ про себя: „Абизагъ!“ Дѣвушка спрашиваетъ, кто это Абизагъ; она, какъ и вы, не знаетъ Абизагъ, мою первую любовь. Священникъ ничего не отвѣчаетъ и идетъ дальше съ дѣвушкой по rue des Laines; она опять его спрашиваетъ, кто Абизагъ, но старикъ молчитъ. Въ это время угрюмая, черная тѣнь появляется, исчезаетъ и какъ бы расплывается при звонѣ двадцати-четырехъ колоколовъ.

— Все это было не такъ,—запротестовала Ноэми, но Карлино не далъ ей договорить.

— Священникъ,—продолжалъ онъ,—сравниваетъ эту черную тѣнь съ недобрымъ духомъ, который кружится вокругъ свѣтлыхъ душъ, стараясь прогнать ихъ и завладѣть ихъ внѣшнимъ обликомъ вмѣстѣ съ другими недобрыми силами. Послѣ этого, священникъ и дѣвушка начинаютъ говорить о любви... Я еще не придумалъ перехода къ этой темѣ, но придумаю. Вотъ, вы прошли по Grande Place. Сегодня вечеромъ тамъ не играла музыка, но обыкновенно играетъ, и, вѣроятно, во время музыки дѣвушки и молодые люди переглядываются и заигрываютъ другъ съ другомъ. Старый священникъ относится къ этому снисходительно, но дѣвушка находитъ, что такое проявленіе любви глупо и возмущается тѣмъ, что видитъ. „Такова земная любовь“, говоритъ ей священникъ. И въ это время они проходятъ мимо Hôtel de Flandres, откуда раздается музыка свадебнаго бала.

— Какъ!—воскликнула Ноэми:—развѣ тамъ свадьба?

Карлино сдѣлалъ нетерпѣливый жестъ и продолжалъ:

— Дѣвушка спрашиваетъ: „а бываетъ небесная любовь?“... Поэтому-то я сказалъ вамъ, чтобы вы остановились подъ деревьями кладбища Saint-Sauveur—она должна именно тамъ предложить этотъ вопросъ; но вы, вмѣсто того, остановились на площади. Впрочемъ, это все равно; нужно только, чтобы виденъ былъ соборъ. Священникъ отвѣчаетъ: „да, небесная любовь существуетъ“.

Величіе древняго собора, ночь и тишина—вдохновляютъ его, и онъ начинаетъ говорить. Я не могу повторить вамъ его рѣчь; она еще невполнѣ ясно сложилась у меня въ умѣ, но смыслъ его словъ—тотъ, что небесная любовь рождается на землѣ, но никогда не достигаетъ тамъ полнаго развитія. Старикъ раскрываетъ передъ дѣвушкой всю душу. Задыхаясь отъ волненія, онъ говоритъ пламенными словами, что испыталъ влеченія, которыхъ не стыдится, — это было духовное желаніе сблизиться съ безплотной женской душой, которая была бы дополненіемъ его духа. Такое чувство онъ считаетъ святымъ и достойнымъ самыхъ высокихъ душъ. Наконецъ онъ умолкаетъ, весь дрожа отъ экстаза. Они направляются къ Notre-Dame; дѣвушка беретъ его подъ руку. Появляется зловѣщій человѣкъ, духъ-искуситель. Вѣдь вы сами его видѣли. Скажите: развѣ я не хорошо это придумалъ? Старикъ и дѣвушка убѣгаютъ отъ него, но какъ небо покрывается облаками, такъ и на нихъ находитъ грусть. Вотъ тутъ-то мнѣ и нуженъ просвѣтъ между облаками, со звѣздочкой по срединѣ. Старикъ и дѣвушка глядѣли бы молча на дрожаніе звѣздочки, отраженное въ „Озерѣ Любви“, и таинственныя сплетенія ихъ мыслей привели бы ихъ къ мечтѣ, что, быть можетъ, гдѣ-то, за облаками земного міра, ихъ любовь возможна.

Жанна не проговорила ни слова, слушая разсказъ брата. Нагнувшись надъ перилами, она смотрѣла на темную воду. Но при его послѣднихъ словахъ она возбужденно обратилась къ нему:

— Да вѣдь ты самъ этому не вѣришь!—воскликнула она. —Ты знаешь, что все это—фантазіи, и не хотѣлъ бы, чтобы и я повѣрила. Ты бы меня выгналъ за такія глупыя мечты.

— Вовсе нѣтъ,—отвѣтилъ Карлино.

— Увѣряю тебя, что да. А ради литературныхъ цѣлей ты готовъ самъ распространять вѣрованія, которыя и такъ сбиваютъ съ толку людей. Не нравится мнѣ это. Какъ можетъ невѣрующій человѣкъ сочинить нѣчто подобное? Ты вѣдь увѣренъ, такъ и я, что мы—не что иное, какъ мыльные пузыри, которые блестятъ на минуту, потомъ возвращаются, не исчезая въ темнотѣ, а какъ бы сливаясь съ полнотой бытія.

— Я ни въ чемъ не увѣренъ,—возразилъ Карлино, оглушенный упреками сестры.—Я во всемъ сомнѣваюсь—и все считаю возможнымъ. Въ этомъ и заключается моя философія, ты сама знаешь. Если бы мнѣ теперь сказали, что истинная религія—это религія кафровъ или краснокожихъ, я бы сказалъ: можетъ быть, не знаю. Я увѣренъ только въ ложности тѣхъ ре-

лигій, которыя знаю, и поэтому не хотѣлъ бы, чтобы ты стала католичкой. Но выгонять тебя изъ дому за это...

— Во всякомъ случаѣ, прежде чѣмъ ты меня выгонишь, пойдемъ домой.

Говоря это, Жанна взяла подъ-руку Ноэми. Карлино попросилъ ихъ обойти вокругъ озера. Какъ знать,—можетъ быть, въ это время откроется просвѣтъ на небѣ. Ему это было очень нужно. Ноэми стала придумывать разныя затрудненія, говоря, что даже если облака раздвинутся, то это будетъ ни къ чему, если въ просвѣтѣ не мелькнетъ звѣзда,—ни большая, ни маленькая. Карлино сейчасъ же нашелъ на это отвѣтъ. Звѣзда непремѣнно будетъ,—можетъ быть, незримая для глазъ, но будетъ. Дѣвушка сначала ничего не увидитъ; но звѣзду увидитъ священникъ, благодаря своей старческой дальнозоркости. Потомъ ужъ ее увидитъ дѣвушка, повѣривъ ему.

— И такимъ образомъ бѣдная дѣвушка,—съ горечью сказала Жанна,—повѣривъ старому, полуслѣпому священнику, будетъ видѣть звѣзды, которыхъ въ дѣйствительности нѣтъ, и тратить свой здравый смыслъ, свою молодость, свою жизнь, все. Ты вѣдь, конечно, заставишь ее похоронить свою молодость въ обители бегинокъ?

Не дожидаясь отвѣта, она пошла съ Ноэми впередъ.

Онѣ обошли „Озеро Любви“ и долго стояли на другомъ берегу, но въ небѣ не открылось просвѣта. Зданіе рынка вдали, мощныя башни Notre-Dame, острыя верхушки монастыря бегинокъ вырисовывались на фонѣ облаковъ молочнаго цвѣта. Карлино, отчаявшись увидѣть звѣзду, сталъ вслухъ пріискивать на небѣ мѣсто для просвѣта и звѣзды въ своемъ описаніи.

— Какой сегодня день?—тихо спросила Жанна свою подругу.

— Суббота.

— Завтра я схожу къ Карлино, въ понедѣльникъ и вторникъ мы приведемъ въ порядокъ всѣ дѣла, въ среду уложимъ вещи и въ четвергъ уѣдемъ. Можешь написать своей сестрѣ, что мы пріѣдемъ въ Субіакъ на будущей недѣлѣ.

— Не рѣшай такъ быстро, подумай раньше.

— Я рѣшила. Я хочу знать правду. Если это онъ, я отстранюсь и не буду ему мѣшать идти своей дорогой. Но я хочу его видѣть.

— Мы еще объ этомъ поговоримъ завтра, Жанна. Не рѣшай сразу.

— Я обо всемъ подумала и все рѣшила.

Пробило полночь на башнѣ рынка. Въ высотѣ, подъ самыми облаками, долго носились грустные звуки безчисленныхъ колоколовъ. Ноэми, которая сначала хотѣла убѣждать подругу, замолчала; душу ея охватила грусть. Печальные звуки, раздававшіеся на фонѣ вечерняго неба, точно говорили ей, что судьба Жанны соткана изъ любви и страданій и должна свершить свой кругъ.

II.

Донъ Клементій.

Свѣтъ блѣднѣлъ въ рабочемъ кабинетѣ Джіованни Сельва, и у стола, заваленнаго книгами и бумагами, было уже темно работать. Джіованни поднялся и открылъ окно, выходившее на западъ. Горизонтъ пылалъ за раскинувшимся на первомъ планѣ Субіакомъ, вдоль наклонной линіи Сабинскихъ горъ. Субіакъ задернулся тьмой. Въ воздухѣ было тихо. Не шевелились листья оливковыхъ деревьевъ, стоявшихъ кучкой позади краснаго домика съ зелеными ставнями. Не двигались и листья большого дуба, который высился сбоку надъ маленькой старинной часовней. Воздухъ, пропитанный запахомъ дикихъ травъ и недавняго дождя, былъ свѣжій; дулъ вѣтеръ съ горъ. Было четверть восьмого. Начался звонъ колоколовъ, сначала большого колокола въ церкви св. Андрея, потомъ жалобно звучавшихъ колоколовъ Santa Maria della Valle, а наверху, справа, изъ маленькой церкви подлѣ рощи, раздавались колокола капуцинской обители, а потомъ—еще другіе, далекіе колокола. Изъ полуоткрытыхъ дверей раздался тихій, мягкій голосъ молодой женщины; онъ робко спросилъ:

— Можно мнѣ войти?

Джіованни обернулся, съ улыбкой протянулъ руки стоявшей на порогѣ молодой женщинѣ и, подойдя къ ней, обнялъ ее, ничего не говоря:

Она почувствовала, что и ей не нужно говорить, что мужъ ея погруженъ всей душой въ созерцаніе умирающаго свѣта, въ звуки колоколовъ. Она опустила голову ему на плечо, простояла такъ съ минуту и потомъ тихо сказала:

— А теперь помолимся.

Онъ нѣжно пожалъ ей руку въ отвѣтъ. Ни онъ, ни она не произносили ни слова. Глаза ихъ расширились. Во взглядахъ ихъ отражались благоговѣніе и грусть, мысли о вѣчности, не

передаваемыя словами. Колокола смолкли; синьора Сельва устремила на мужа свои глубокіе голубые глаза и протянула ему губы. Его сѣдая голова и ея свѣтловолосая головка сблизились въ долгомъ поцѣлуѣ, который, вѣроятно, привелъ бы всѣхъ въ изумленіе. Маріи д'Арксель было двадцать-одинъ годъ, когда она влюбилась въ Джіованни Сельва, прочтя его книгу по философіи религіи, переведенную на французскій языкъ. Она написала незнакомому ей автору такое пламенное письмо, что Сельва въ отвѣтѣ счелъ долгомъ упомянуть о томъ, что ему пятьдесятъ-шесть лѣтъ, и что у него сѣдые волосы. Дѣвушка отвѣтила, что она все это знаетъ, не ждетъ отъ него любви и не предлагаетъ ему свою, но была бы счастлива, еслибы онъ отъ времени до времени писалъ ей нѣсколько словъ. Ея письма обнаруживали свѣтлый, открытый умъ. Сельва получалъ ихъ какъ-разъ въ тяжелое для него время внутренней борьбы. Онъ подумалъ, что Марія можетъ стать для него спасительной звѣздой, и поддерживалъ переписку съ нею.

— Знаешь, какая сегодня годовщина?—спросила Марія.— Помнишь, что было въ этотъ день?

Джіованни помнилъ; это былъ день ихъ первой встрѣчи. Въ письмахъ они открыли другъ другу свои души до самаго дна, съ пламенной искренностью; а лично они еще не видались и знали другъ друга только по фотографіямъ. Послѣ четвертаго или пятаго письма, Джіованни попросилъ у незнакомой дѣвушки прислать ему свой портретъ; Марія ожидала этой просьбы, и боялась ея. Она согласилась исполнить желаніе своего друга, съ тѣмъ однако, чтобы онъ ей вернулъ карточку, и сильно волновалась, пока карточка не вернулась съ очень милой припиской Сельвы. Онъ былъ очарованъ умнымъ выраженіемъ ея лица, мягкостью большихъ глазъ, изяществомъ линій. Потомъ они условились встрѣтиться,—онъ по дорогѣ съ озера Комо, она по дорогѣ изъ Брюсселя, — и оба ждали этой встрѣчи съ большимъ волненіемъ.

„Портретъ мой ему понравился, — думала она, — но мой живой обликъ, какая-нибудь линія, неудачный цвѣтъ одежды, звукъ голоса, могутъ сразу убить его любовь".

„Она знаетъ, что у меня старое лицо и сѣдые волосы,—думалъ онъ,—я ей нравлюсь на портретѣ; но, можетъ быть, когда она увидитъ меня во-очію, ея непостижимая любовь сразу исчезнетъ".

Онъ пріѣхалъ въ Гергесвиль пароходомъ, на нѣсколько часовъ раньше, чѣмъ она; Марія, выѣхавъ утромъ изъ Базеля, пріѣхала по желѣзной дорогѣ въ полдень.

— Знаешь,—припоминала Марія,—когда тебя не оказалось на вокзалѣ, я въ первую минуту даже обрадовалась,—до того меня волновала мысль о встрѣчѣ. Но черезъ минуту мнѣ сдѣлалось страшно.

— Этого ты мнѣ никогда не разсказывала,—сказалъ Джіованни, улыбнувшись, и, взглянувъ ему въ лицо, молодая жена его тоже улыбнулась.

— Да и ты не разсказалъ мнѣ о своихъ первыхъ впечатлѣніяхъ при нашей встрѣчѣ.

Джіованни нагнулся къ ея уху и таинственно прошепталъ:

— Да, я не разсказалъ тебѣ ужасную вещь—у тебя тогда шляпа съѣхала набокъ!

— Неправда, неправда!

Звонко смѣясь и вмѣстѣ съ тѣмъ дрожа отъ воспоминанія о томъ, какая опасность ей угрожала въ достопамятный день, она утверждала, что это невозможно: она самымъ тщательнымъ образомъ оправила свой туалетъ передъ зеркаломъ въ вагонѣ, когда поѣздъ подходилъ къ Гергесвилю.

Они стали припоминать всѣ дальнѣйшіе эпизоды ихъ первой встрѣчи, которая привела къ такому тѣсному душевному союзу, къ такой безоблачной любви, освященной глубокимъ религіознымъ чувствомъ. Джіованни былъ мистикъ, и въ его душѣ земная любовь сливалась съ чувствомъ близости къ Богу. Жена его, бывшая протестантка, пріобщилась, насколько могла, къ его мистицизму, но любовь къ мужу говорила въ ней сильнѣе всякаго другого чувства. Она была богата, у него были тоже коекакія средства, но жили они скромно, чтобы имѣть возможность много отдавать неимущимъ; зиму они проводили въ Римѣ, а съ апрѣля до ноября жили въ Субіакѣ, въ своемъ маленькомъ домикѣ, верхній этажъ котораго они отдавали въ наемъ. Они много тратили только на книги, такъ какъ Джіованни писалъ трактатъ о раціональныхъ обоснованіяхъ христіанской морали. Жена читала нужныя ему книги и дѣлала выписки, участвуя такимъ образомъ въ его работѣ.

— Хорошо бы поѣхать въ будущемъ году въ Гергесвиль. Я хотѣла бы, чтобы ты именно тамъ написалъ послѣднюю главу—главу о непорочности.

Она просіяла при воспоминаніи объ очаровательномъ городкѣ на берегу яснаго озера, о высокихъ горахъ въ глубинѣ; для мирной работы и созерцательной жизни Гергесвиль казался ей самымъ подходящимъ мѣстомъ. Она была хорошо знакома со всѣмъ планомъ работы мужа, знала тезисы каждой главы и

главные доводы, которыми Сельва доказывалъ ихъ. Глава о непорочности нравилась ей больше всѣхъ по твердости разсужденій. Мужъ ея думалъ выдвинуть и разработать въ этой главѣ слѣдующій вопросъ:

„Почему христіанство превозноситъ, какъ путь къ совершенству, отреченіе, которое противорѣчитъ законамъ природы, мучитъ человѣческую волю, не принося никому пользы и закрывая доступъ къ жизни существамъ, которыя могли бы явиться на свѣтъ?“ Отвѣтъ свой Сельва основывалъ на изученіи моральной проблемы въ ея историческомъ развитіи; этому были посвящены первыя главы его труда. Сельва доказывалъ свою мысль на примѣрѣ животныхъ, которыя жертвуютъ собой для дѣтей и для животныхъ своего стада, а также способны иногда на единобрачіе. Онъ доказывалъ, что и у животныхъ стимулъ нравственности существуетъ и развивается въ антагонизмѣ съ инстинктомъ плоти. Онъ развивалъ гипотезу прогрессивнаго развитія человѣческой совѣсти уже въ низшихъ породахъ животныхъ. Теперь онъ намѣревался, исходя изъ этихъ положеній, установить какъ принципъ, что отрѣшеніе отъ плотскаго наслажденія, ради высшихъ удовлетвореній духа, обозначаетъ стремленіе даннаго рода къ высшей формѣ существованія. Онъ бралъ какъ примѣръ людей, противопоставляющихъ инстинкту плоти, усиленному взаимодѣйствіемъ ума и развитого воображенія, еще бо̀льшую силу отреченія—съ единственной цѣлью служенія славѣ Божіей. Это онъ доказывалъ на примѣрѣ многихъ религій, въ которыхъ отреченіе хотя и прославляется, но признается только какъ свободное проявленіе личной воли. Онъ доказывалъ, что отреченіе нельзя было бы возвести въ принципъ, еслибы оно не отвѣчало таинственному влеченію человѣческой природы, тому, что борьба духовныхъ влеченій и плотскихъ инстинктовъ—міровой законъ бытія. Безсознательные исполнители мірового закона, герои, совершающіе подвиги отреченія, полагаютъ, что они только славятъ Творца своей жертвой, а между тѣмъ они, на самомъ дѣлѣ, воплощаютъ цѣль міра, силу совершенствованія, вложенную въ природу человѣческую, и приготовляютъ для собственныхъ духовныхъ силъ возможность въ грядущемъ обрѣсти и болѣе совершенныя, сродныя духу физическія формы. Такимъ образомъ, ихъ непорочность—знакъ человѣческаго совершенствованія; это—та высота, на которую можетъ подняться человѣческій духъ, приближаясь къ туманнымъ возможностямъ невѣдомаго еще высшаго человѣческаго бытія.

— Когда я думаю о воплощенной непорочности,—сказалъ

Джіованни женѣ,—то вижу передъ собою дона Клементія. Я тебѣ говорилъ, что онъ сегодня вечеромъ придетъ на собраніе? Онъ явится сейчасъ же послѣ ужина.

Марія вздрогнула.—Ахъ, да, воскликнула она,—я и забыла тебѣ сказать: я получила письмо отъ Ноэми. Она выѣхала вчера изъ Милана вмѣстѣ съ Десалями. Они пробудутъ—вѣроятно, нѣсколько дней въ Римѣ, и потомъ пріѣдутъ сюда.

— Ты вспомнила объ этомъ, потомъ что я назвалъ дона Клементія?—съ улыбкой спросилъ Джіованни.

— Да,—отвѣтила жена,—но вѣдь ты знаешь... я не вѣрю въ это.

Развѣ такой человѣкъ, какъ донъ Клементій, съ его высокимъ лбомъ и синими глазами—такими ясными и спокойными,—похожъ былъ на человѣка, знавшаго страсть? Въ его тихомъ, кроткомъ, почти робкомъ молодомъ голосѣ было, по мнѣнію Маріи, такъ много сдержанности и чистоты, что она никакъ не могла предположить въ его жизни трагическую любовь.

— Ты, можетъ быть, права,—возразилъ Джіованни,—можетъ быть, это, дѣйствительно, не Майрони. Нужно будетъ, однако, ему какъ-нибудь сообщить, что пріѣдетъ Жанна Десаль и, конечно, посѣтитъ монастырь. Такъ какъ онъ завѣдуетъ пріемомъ гостей, то онъ же и долженъ будетъ показывать ей монастырь.

Марія сказала, что, конечно, предупредитъ его. Она не думаетъ, что онъ — бывшій возлюбленный Жанны, и потому надѣется совершенно просто говорить съ нимъ о ней. Какъ было бы ужасно, если бы это былъ все-таки онъ, Майрони, если бы никто его не предупредилъ, и они бы вдругъ встрѣтились лицомъ къ лицу въ монастырѣ! Но увѣренъ ли Джіованни, что донъ Клементій придетъ на собраніе?—Джіованни отвѣтилъ, что вполнѣ увѣренъ. Донъ Клементій получилъ уже разрѣшеніе отъ настоятеля, въ присутствіи Джіованни. Онъ придетъ и приведетъ съ собой садовника, нужнаго Джіованни для обученія огороднымъ работамъ. Джіованни пріобрѣлъ маленькій участокъ земли за домомъ, для огорода, и намѣревался самъ копать гряды и сажать картофель. Маріи не нравилась эта недавно появившаяся страсть къ полевому труду, но она не хотѣла мѣшать удовольствію мужа и не протестовала. Въ эту минуту вошла дѣвушка и сообщила, что гости поднимаются по лѣстницѣ, и что ужинъ готовъ.

По лѣстницѣ поднимались три человѣка, и Джіованни пошелъ имъ навстрѣчу. Первый изъ нихъ былъ его другъ ди-Лейни, который поздоровался съ нимъ и извинился, что идетъ впереди своихъ спутниковъ—двухъ патеровъ.

— Я церемоніймейстеръ,—сказалъ онъ, и назвалъ пришедшихъ съ нимъ: — Синьоръ аббатъ Маринье изъ Женевы, донъ Паоло Фаре—изъ Варезе; его вы знаете по имени.

Сельва нѣсколько изумился неожиданнымъ гостямъ, но поспѣшилъ попросить ихъ сойти внизъ и провелъ ихъ на террасу, гдѣ уже были приготовлены стулья.

— А гдѣ же Данэ? — спросилъ онъ съ безпокойствомъ ди-Лейни, взявъ его подъ руку. — Гдѣ профессоръ Минучи, гдѣ падре Сальвіати?

— Они всѣ пріѣхали,— съ улыбкой отвѣтилъ молодой человѣкъ,—и сидятъ здѣсь по близости, въ ресторанѣ. Это—цѣлая исторія, я ее сейчасъ разскажу.

Тѣмъ временемъ аббатъ Маринье восторгался видомъ съ террасы, а донъ Паоло Фаре, какъ подобало уроженцу Комо, снисходительно хвалилъ, давая понять, что истинная красота—исключительное преимущество его родины.

Вошла Марія; ей всѣхъ представили, и ди-Лейни сталъ разсказывать о томъ, что случилось съ остальными пріѣзжими; Маринье въ это время не отводилъ глазъ отъ пейзажа, а донъ Фаре жадно глядѣлъ на Сельву, автора критическихъ трудовъ о Старомъ и Новомъ Завѣтѣ, и въ особенности книги объ основахъ грядущаго обновленнаго католицизма; книга эта возродила и преобразила вѣру дона Фаре. Разсказъ барона ди-Лейни заключался въ томъ, что на станціи было очень вѣтрено, что профессоръ Данэ боялся простудиться, и сомнѣваясь, найдется ли коньякъ въ домѣ добродѣтельнаго синьора Сельва, зашелъ въ ресторанъ выпить коньяку и съѣсть два яйца. Они оставили ему для компаніи профессора Минучи и падре Сальвати, а сами пришли безъ нихъ.

Въ виду отсутствія болѣзненнаго профессора Данэ, Джіованни предложилъ ужинать на террасѣ, но сейчасъ же взялъ обратно свое предложеніе, видя, что оно пришлось не по душѣ женевскому аббату. Изящный, свѣтскій Маринье, другъ Данэ, также занятъ былъ собою, какъ и профессоръ, только скрывалъ это, такъ какъ не могъ ссылаться, для оправданія своей изнѣженности, на слабое здоровье. Онъ только потому не остался ужинать со своимъ другомъ въ ресторанѣ, что въ его первый пріѣздъ въ Субіакъ кухня ресторана показалась ему слишкомъ простой. Онъ надѣялся, что у синьоры Сельва—болѣе изысканный французскій столъ. Ди-Лейни зналъ, что аббатъ обманется въ своей надеждѣ, но изъ коварства не предупредилъ его. Въ

маленькой столовой едва могли помѣститься пять человѣкъ. Хорошо, что не пришли и другіе два гостя. Аббата Маринье и дона Фаре хозяева не ждали; но зато недоставало двухъ другихъ. Не явились—одинъ монахъ и одинъ священникъ, люди очень извѣстные; они должны были пріѣхать изъ верхней Италіи. Они письменно извинились въ невозможности пріѣхать, къ великому огорченію Сельвы, Фаре и ди-Лейни. Маринье, напротивъ того, извинился въ томъ, что пріѣхалъ, и свалилъ вину на Данэ, который убѣдилъ его пріѣхать вмѣстѣ съ нимъ. А Паоло Фаре обвинялъ въ томъ же ди-Лейни. Сельва любезно увѣрилъ ихъ, что друзья друзей—всегда желанные гости, такъ что ди-Лейни и Данэ могли привести своихъ единомышленниковъ съ полной увѣренностью, что имъ будутъ рады. Марія ничего не сказала,—Маринье ей не понравился. Она подумала, что напрасно Данэ и ди-Лейни приводятъ своихъ знакомыхъ безъ предупрежденія. Маринье, слегка нахмурившій брови при видѣ супа съ бобами, первый началъ бесѣду.

— Не знаю,—сказалъ онъ,—дозволитъ ли намъ хозяйка поговорить теперь о томъ, что будетъ обсуждаться на собраніи.

Марія сказала, что сама она не будетъ присутствовать на собраніи, но очень интересуется вопросами, которые будутъ подняты на немъ, и потому проситъ его не стѣсняться и начать разговоръ.

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ Маринье,—мнѣ бы очень хотѣлось въ точности узнать, о чемъ будетъ рѣчь. Данэ говорилъ мнѣ обо всемъ только въ общихъ чертахъ, и я не увѣренъ, что вполнѣ раздѣляю ваши идеи во всемъ.

Донъ Паоло не могъ удержаться отъ нетерпѣливаго жеста. Сельва тоже былъ, повидимому, раздраженъ. Онъ, очевидно, считалъ необходимымъ согласіе въ основныхъ принципахъ. Безъ этого собраніе могло оказаться не только безполезнымъ, но даже опаснымъ.

— Дѣло въ томъ,—объяснилъ онъ,—что есть извѣстное число католиковъ въ Италіи и за ея предѣлами, лицъ духовнаго званія и мірянъ, которые стремятся осуществить реформы въ церкви. Мы желаемъ при этомъ, чтобы это совершилось не насильственно, а мирнымъ путемъ. Мы стремимся къ преобразованію преподаванія Закона Божія, къ реформамъ культа, церковной дисциплины, а также къ перемѣнамъ въ высшемъ управленіи церкви. Для этого намъ нужно создать сочувственное настроеніе умовъ, подъ давленіемъ котораго эти реформы совершатся естественно—конечно, только въ будущемъ. Въ настоящемъ

всѣ тѣ, которые такъ думаютъ, разрознены. Мы не знаемъ нашихъ единомышленниковъ, — кромѣ тѣхъ, которые пишутъ статьи и книги. А между тѣмъ, людей, раздѣляющихъ наши взгляды, навѣрное — великое множество среди развитыхъ и вѣрующихъ католиковъ. Я думалъ поэтому, что для пропаганды нашихъ идей было бы чрезвычайно полезно, по крайней мѣрѣ, познакомиться другъ съ другомъ. Сегодня вечеромъ мы и собираемся маленькимъ кружкомъ для перваго знакомства.

Во время этой объяснительной рѣчи Джіованни, всѣ присутствующіе глядѣли на женевскаго аббата. Онъ опустилъ глаза на тарелку. Послѣдовало краткое молчаніе. Джіованни первый нарушилъ его.

— Развѣ профессоръ Данэ, — спросилъ онъ, — вамъ этого не говорилъ?

— Да, въ общемъ онъ говорилъ мнѣ почти то же самое, — отвѣтилъ аббатъ, поднявъ наконецъ глаза съ тарелки.

По его тону чувствовалось неодобрительное отношеніе къ словамъ Джіованни. Но, въ такомъ случаѣ, зачѣмъ онъ явился? Донъ Паоло откровенно выказывалъ свое неудовольствіе, другіе молчали. Наступила минутная неловкость. Маринье сказалъ:

— Мы объ этомъ поговоримъ еще сегодня вечеромъ.

— Да, — спокойно отвѣтилъ Сельва. — Поговоримъ вечеромъ.

Мысленно онъ рѣшилъ, что аббатъ — его несомнѣнный противникъ, и что Данэ поступилъ очень неосторожно, пригласивъ его на собраніе. Но въ то же время онъ утѣшался тѣмъ, что полезно выслушивать всякія возраженія, и что пріятель профессора Данэ, во всякомъ случаѣ, долженъ быть человѣкъ честный, который не выдастъ участниковъ собранія. Но молодой баронъ ди-Лейни опасался именно этого; онъ зналъ, какъ много — и сколь различныхъ — знакомствъ у аббата Маринье въ Римѣ, гдѣ онъ жилъ лѣтъ пять, для подготовленія своихъ историческихъ трудовъ. Ди-Лейни безконечно сожалѣлъ, что не узналъ своевременно о томъ, что на собраніе явится Маринье, и не предупредилъ Сельву и его жену. Слѣдовало сказать имъ, чтобы они постарались завоевать симпатіи Маринье, и прежде всего угостили бы его съ этой цѣлью хорошимъ обѣдомъ. У Сельвы были цвѣты на столѣ и сервировка была изящная, но самый обѣдъ былъ чрезвычайно скромный. Сами хозяева никогда не пили вина, и къ тому же легкое кисленькое субіакское вино не могло нравиться человѣку, привыкшему къ французскимъ винамъ.

Дѣвушка уже подавала кофе, когда прибыли въ одно и

то же время донъ Клементій, пѣшкомъ изъ своего монастыря, и Данэ, падре Сальвати и профессоръ Минучи, въ колескѣ. Донъ Клементій привелъ съ собой садовника, и увидавъ, что къ дому Сельвы подъѣзжаютъ гости, зашагалъ быстрѣе, для того, чтобы Джіованни успѣлъ повидаться и поговорить минутку съ садовникомъ до начала собранія.

Сельва съ женой и трое гостей поднялись изъ-за стола, и Марія, которую велъ подъ руку свѣтскій аббатъ Маринье, увидѣла, выйдя на террасу, бенедиктинца; онъ поднимался по крутой дорожкѣ къ ихъ виллѣ. Она поздоровалась съ нимъ сверху и попросила подождать, чтобы освѣтили лѣстницу. Она сама спустилась со свѣчой внизъ по витой лѣстницѣ и сказала дону Клементію, что хочетъ ему нѣчто сообщить; при этомъ она выразительно взглянула на человѣка, стоявшаго за домомъ Клементіемъ. Послѣдній обернулся къ своему спутнику, сказалъ ему, чтобы онъ ждалъ его въ саду, подъ грушами, затѣмъ поднялся, по безмолвному приглашенію хозяйки, на нѣсколько ступенекъ выше и остановился, чтобы выслушать, что она ему скажетъ. Она торопливо разсказала ему о трехъ гостяхъ и въ особенности объ аббатѣ Маринье. Она сказала, что ей больно за мужа, который съ такой любовью лелѣялъ мысль о католическомъ союзѣ и теперь очутился лицомъ къ лицу съ неожиданнымъ противникомъ. Она хотѣла предупредить объ этомъ дона Клементія, чтобы онъ приготовился дать отпоръ. Марія прибавила, что мужъ ея не можетъ оставить гостей, и потому она, а не онъ, говоритъ ему все это. На этомъ она съ нимъ простилась, говоря, что не будетъ присутствовать на засѣданіи, считая себя слишкомъ невѣжественной. Но она прибавила, что надѣется черезъ нѣсколько дней видѣть его въ монастырѣ.—Вѣдь вы принимаете посѣтителей?—прибавила она.—А я какъ-разъ пріѣду въ монастырь дня черезъ три-четыре съ сестрой, которую жду къ себѣ въ гости.

При этихъ словахъ синьора Сельва невольно подняла нѣсколько выше свѣчу, которую держала въ рукахъ; ей хотѣлось посмотрѣть своему собесѣднику прямо въ лицо; но она сейчасъ же раскаялась: этимъ вѣдь она какъ бы выказывала недовѣріе къ его несомнѣнно святой душѣ, равной, навѣрное, мужественно прекрасному лицу и стройному стану монаха. Его открытое лицо, высокій ясный лобъ и свѣтло-синіе глаза, въ которыхъ женская мягкость соединялась съ мужественнымъ пламенемъ, производили впечатлѣніе необычайной чистоты и высоты духа.

— Вмѣстѣ съ моей сестрой,—тихо прибавила Марія, почти

стыдясь самой себя, — пріѣдетъ ея близкая пріятельница, синьора Десаль.

Донъ Клементій вдругъ поднялъ голову и посмотрѣлъ прямо въ лицо Маріи, которая вздрогнула отъ неожиданности. Такъ, значитъ, это онъ! Онъ снова посмотрѣлъ ей въ лицо. Видно было, что онъ взволнованъ, но сдерживаетъ себя.

— Простите,—спросилъ онъ,—какъ имя дамы, которая пріѣдетъ съ вашей сестрой?

— Синьоры Десаль?

— Да.

— Ее зовутъ Жанной.

— А сколько ей можетъ быть лѣтъ?

— Не знаю. Между тридцатью и тридцатью-пятью, на мой взглядъ.

Теперь ужъ Марія ровно ничего не понимала. Падре предлагалъ всѣ эти вопросы съ такимъ равнодушіемъ, что Марія была совершенно сбита съ толку. Она рѣшилась спросить его въ свою очередь:

— Вы ее знаете, падре?

Донъ Клементій ничего не отвѣтилъ.

Въ эту минуту къ нимъ подошелъ бѣдный Данэ, измученный подагрой; онъ съ трудомъ прошелъ отъ рѣшотки виллы къ самому дому; его велъ подъ-руку профессоръ Минучи. Оба они были друзья дома, и синьора Сельва приняла ихъ очень мило, но нѣсколько разсѣянно.

Засѣданіе происходило въ небольшомъ кабинетѣ Джіованни. Комната была такъ мала, что кипучій донъ Фаре, не имѣя возможности открыть окно изъ-за ревматизма Данэ, сталъ чувствовать, что задыхается, и сказалъ это совершенно открыто со своей ломбардской грубостью. Другіе дѣлали видъ, что не слышатъ его словъ; только ди-Линьи сдѣлалъ ему знакъ, чтобы онъ не настаивалъ на своихъ жалобахъ, а Джіованни открылъ дверь въ корридоръ и на террасу. Но Данэ сразу почувствовалъ сырость, и пришлось запереть двери. Профессоръ Минучи страдалъ глазами, и робко попросилъ абажуръ, который стали искать, нашли и надѣли на лампу. Донъ Паоло пробормоталъ сквозь зубы: „Да это какой-то лазаретъ!“—и другъ его ди-Лейни, которому казалось, что въ такія минуты слѣдуетъ нѣсколько забыть о своихъ удобствахъ, слегка разсердился на него. Джіованни тоже не понравилась необузданность дона Паоло, но онъ ничего

не сказалъ, понимая, что Данэ и отчасти Минучи должны производить раздражающее впечатлѣніе, если ихъ видѣть въ первый разъ. Самъ онъ хорошо ихъ зналъ. Данэ, при всемъ своемъ ревматизмѣ и нервахъ и несмотря на свои шестьдесятъ-два года, обладалъ несокрушимой бодростью духа и испытанной твердостью воли. Андреа Минучи, несмотря на свѣтлые волосы, очки и нѣкоторую неповоротливость, придававшую ему видъ нѣмецкаго ученаго, обладалъ молодой, пламенной душой, испытанной жизнью, не вскипающей ежеминутно, какъ душа ломбардскаго священника, но тающею въ себѣ огонь, строгою и, вѣроятно, болѣе сильною.

Джіованни первый заговорилъ, съ полной искренностью раскрывая свои мысли. Онъ поблагодарилъ присутствующихъ за то, что они пришли, пожалѣлъ о тѣхъ, которыхъ недоставало, и сказалъ, что во всякомъ случаѣ увѣренъ въ томъ, что они примкнутъ къ новому союзу, и настаивалъ на цѣнности ихъ участія. Затѣмъ, онъ прибавилъ громко и медленно, глядя въ упоръ на аббата Маринье, что необходимо держать въ тайнѣ все, что говорится и рѣшается на собраніяхъ, и просилъ всѣхъ считать полное молчаніе относительно этихъ собраній долгомъ чести. Затѣмъ онъ изложилъ цѣли задуманнаго имъ союза нѣсколько болѣе пространно, чѣмъ сдѣлалъ это за ужиномъ, и попросилъ всѣхъ высказать свои мысли.

Наступило глубокое молчаніе. Аббатъ Маринье собирался заговорить первый, но его предупредилъ Данэ, поднявшись съ трудомъ съ своего мѣста. На его блѣдномъ, худомъ лицѣ было очень торжественное выраженіе. Онъ предложилъ, прежде чѣмъ приступить къ обсужденію союза, помолиться всѣмъ вмѣстѣ, что и было исполнено, а затѣмъ предложилъ признать основнымъ принципомъ повиновеніе высшимъ церковнымъ властямъ. Донъ Паоло прервалъ его рѣзкимъ возраженіемъ, но Данэ прибавилъ, что повиновеніе должно соблюдаться только относительно власти, не превышающей своихъ законныхъ полномочій. Съ такой поправкой слова Данэ приняты были общимъ согласіемъ. Затѣмъ онъ сказалъ, что нужно отречься навсегда отъ злобныхъ словъ и злобныхъ чувствъ, и дѣйствовать только во имя любви.

— Я предлагаю еще, — продолжалъ Данэ, — чтобы никогда, ни на устахъ нашихъ, ни въ сердцѣ нашемъ, не было гнѣва.

Сельва присоединился къ словамъ Данэ и сталъ говорить о томъ, что стремленія къ реформамъ должны быть проникнуты любовью, что священный гнѣвъ возможенъ только при полнотѣ чувства любви къ ближнимъ, при истинномъ стремленіи объединиться съ братьями въ единой вѣрѣ.

— А теперь скажите,—сказалъ онъ, заканчивая свое обращеніе,—принимаете ли вы предложеніе основать союзъ, цѣли котораго я вамъ изложилъ? Обсудите это сначала, а потомъ скажите. Если мое предложеніе будетъ принято, мы увидимъ, какъ оно можетъ быть осуществлено.

Донъ Паоло возбужденно воскликнулъ, что принципіально это уже не подлежитъ обсужденію, а Минучи замѣтилъ болѣе примирительнымъ тономъ, что всѣ присутствующіе были заранѣе знакомы съ задачей собранія, и что своимъ приходомъ они выразили свое принципіальное согласіе объединиться для общаго дѣла; оставалось только обсудить способы единенія. Тогда аббатъ Маринье попросилъ слова.

— Мнѣ очень жаль,—сказалъ онъ съ улыбкой, — но я не могу позволить связать себя никакими нитями единенія. Я принадлежу къ числу тѣхъ, которые видятъ, что не все въ церкви обстоитъ какъ слѣдуетъ, но все-таки, когда синьоръ Сельва ясно изложилъ мнѣ, сначала за ужиномъ, а потомъ здѣсь, свои мысли,—я ихъ не совсѣмъ вѣрно понялъ въ передачѣ моего друга, профессора Данэ,—я нахожу много возраженій противъ нихъ—и даже возраженій очень вѣскихъ.

„Ага, — подумалъ Минучи, который уже слыхалъ о честолюбивыхъ замыслахъ Маринье:—онъ карьеристъ, и не можетъ, конечно, примкнуть къ намъ“. Вслухъ онъ сказалъ:

— Изложите ваши возраженія.

— Во-первыхъ, господа,—началъ умный и хитрый аббатъ,—вы беретесь за дѣло, не сговорившись ни о чемъ. Вы производите на меня впечатлѣніе прекрасныхъ людей, которые въ самомъ праздничномъ настроеніи духа садятся играть вмѣстѣ въ карты, но у которыхъ ничего не выходитъ, потому что у нихъ разныя карты на рукахъ: у однихъ—итальянскія, у другихъ—французскія, у третьихъ—нѣмецкія, и они никакъ не могутъ понять другъ друга. Мы всѣ, вѣроятно, согласны въ томъ, что церковь пала, сравнительно съ ея первобытной простотой, что напрасно мертвый языкъ вытѣсняетъ въ ней всѣ живые языки,—но относительно средствъ, какими можно было бы исправить царящее въ церкви зло, мы едва ли будемъ согласны. Прежде чѣмъ говорить о союзѣ, слѣдуетъ поэтому сговориться относительно пониманія нужныхъ реформъ. Кромѣ того, я посовѣтовалъ бы вамъ, даже въ случаѣ полнаго идейнаго единодушія, не связываться видимыми узами изъ предосторожности, для того, чтобы не поставить себя въ опасное положеніе относительно Рима. Плавая

всѣ вмѣстѣ, связанными между собой, вы тѣмъ легче попадетесь въ сѣти великаго рыбаря въ Римѣ.

— Недурно,—сказалъ донъ Паоло и громко разсмѣялся. Другіе молчали, видимо недовольные. Аббатъ продолжалъ:

— Я не вѣрю, что вы сможете достичь чего-нибудь хорошаго своимъ союзомъ. Союзы полезны для развитія торговли и промышленности, но въ наукѣ и въ исканіи истины они не нужны. Реформы, быть можетъ, когда-нибудь наступятъ, потому что идеи сильнѣе людей и движутся впередъ, но вы, вооружая ихъ къ битвѣ и пуская ихъ впередъ отрядами, ведете ихъ навстрѣчу страшному огню, который остановитъ ихъ движеніе. Науку и религіозную мысль двигаютъ отдѣльные люди, мессіи. А есть между вами святой? Знаете ли вы, откуда онъ возьмется? Найдите его и пустите впередъ. Если онъ будетъ пламенно говорить, если у него будетъ благостное сердце, если онъ совершитъ нѣсколько чудесъ,—хоть самыхъ незначительныхъ,—тогда внушите ему, что̀ нужно сказать, и вашъ мессія больше сдѣлаетъ, чѣмъ вы всѣ вмѣстѣ.

Аббатъ замолчалъ, и Джіованни поднялся, чтобы возразить ему.

— Быть можетъ,—началъ онъ,—вы не могли составить себѣ яснаго понятія о желанномъ для насъ союзѣ. Мы начали съ молитвы, и это объясняетъ характеръ нашего объединенія. Видя зло, которое тяготѣетъ надъ церковью и состоитъ главнымъ образомъ въ несогласіи ея преходящаго, человѣческаго элемента, съ вѣчнымъ, съ божественной истиной, мы стремимся къ устраненію этого антагонизма и къ общему единенію. Для такого единенія не нужно идейнаго соглашенія относительно отдѣльныхъ принциповъ, хотя многіе принципы у насъ общіе у всѣхъ. Для достиженія нѣкоторыхъ реформъ не нужно коллективныхъ открытыхъ дѣйствій, — нужно только общаться, чтобы поддерживать другъ въ другѣ пламень живой идейной жизни. Достаточно согласія въ признаніи отрицательныхъ сторонъ церкви, о которыхъ говорилъ аббатъ Маринье. Будемъ стараться, чтобы увеличилось число сознательно вѣрующихъ, чтобы союзъ охватилъ большинство нашихъ развитыхъ братьевъ, и вы увидите сами, какъ изъ отрицанія создастся соглашеніе относительно положительныхъ принциповъ. Да, достаточно объединенія въ отрицаніи, достаточно чувствовать, что церковь страдаетъ, и что наши братья, какъ и мы, чувствуютъ, какъ она страдаетъ. Развѣ я не правъ, синьоръ аббатъ?

Аббатъ тихо отвѣтилъ съ легкой усмѣшкой:

— Это красиво сказано, но не логично.

— Причемъ тутъ логика?—вспылилъ донъ Паоло.

— Ну да,—возразилъ Маринье съ лукавымъ видомъ,—если вы отказываетесь отъ логики...

Донъ Паоло вспылилъ и хотѣлъ рѣзко отвѣтить, но профессоръ Данэ остановилъ его и заговорилъ самъ:

— Мы не отказываемся отъ логики,—сказалъ онъ,—но въ вопросахъ чувствъ, любви, вѣры, такъ же трудно измѣрить логичность выводовъ, какъ, напротивъ того, ее легко установить въ области геометріи. Въ вопросахъ, занимающихъ насъ, логическій процессъ скрытъ. Вѣдь вы, дорогой мой другъ Маринье, не хотѣли же—я увѣренъ въ этомъ—сказать, возражая моему дорогому другу Сельвѣ, что когда заболѣваетъ любимый человѣкъ, то слѣдуетъ прежде всего условиться относительно способовъ леченія, прежде чѣмъ подойти къ его постели.

— Прекрасно сказано,—отвѣтилъ Маринье съ нѣкоторой рѣзкостью; — но вы сами знаете, что сравненія — не доказательства.

Донъ Клементій, который стоялъ въ углу между дверью въ корридоръ и окномъ, и профессоръ Минучи, сидѣвшій подлѣ него, одновременно собрались говорить, и, замѣтивъ каждый желаніе другого, остановились, уступая слово другъ другу. Сельва предложилъ, чтобы первымъ говорилъ монахъ. Всѣ обратили взоры на его благородное лицо, слегка покраснѣвшее отъ волненія, но спокойное. Донъ Клементій съ минуту колебался, а потомъ заговорилъ своимъ мягкимъ, скромнымъ голосомъ.

— Синьоръ аббатъ Маринье,—началъ онъ,—сказалъ нѣчто, по моему, глубоко вѣрное: нуженъ святой. Какъ знать? Можетъ быть, такой и существуетъ,—я не отчаиваюсь въ этомъ.

— Онъ самъ и есть этотъ святой,—тихо пробормоталъ донъ Паоло.

— И вотъ что я хочу сказать синьору аббату Маринье: мы до нѣкоторой степени пророки этого святого, этого мессіи. Мы подготовимъ ему путь, т.-е. возбудимъ общее стремленіе къ обновленію всего, что составляетъ одежду, а не сущность нашей религіи, даже если это обновленіе и будетъ источникомъ страданій для нѣкоторыхъ душъ. Мы будемъ стоять при этомъ на почвѣ незыблемости старыхъ принциповъ, ожидая новыхъ законовъ отъ старыхъ авторитетовъ и доказывая, что если не перемѣнить изношенныхъ одеждъ, то отъ насъ всѣ отшатнутся, и можетъ случиться, что многіе изъ насъ сбросятъ ихъ самовольно—отъ омерзѣнія. Еще я хотѣлъ сказать вамъ, синьоръ

Маринье, что главное—не нужно слишкомъ поддаваться страхамъ человѣческимъ.

Горячій шопотъ одобренія былъ отвѣтомъ на его слова; Минучи, весь дрожа, вскочилъ съ мѣста. Ди-Лейни и Сельва видѣли, какъ онъ весь кипѣлъ и хмурилъ брови, пока говорилъ Маринье. И Джіованни, который зналъ горячій нравъ этого мистика и аскета, нарочно предоставилъ слово сначала дону Клементію, для того, чтобы Минучи пока успокоился. Теперь наконецъ онъ заговорилъ. Онъ говорилъ не плавно, слова вырывались у него отрывисто, но выражался онъ чрезвычайно точно и мощно, говоря съ сильнымъ римскимъ акцентомъ.

— Да. Нужно отбросить человѣческіе страхи. Наши цѣли такъ высоки, и стремленіе наше къ нимъ—такое сильное, что человѣческихъ страховъ у насъ не должно быть. Мы хотимъ живой вѣры, и такъ силенъ въ насъ огонь вѣры, что онъ очиститъ религіозную мысль и жизнь вѣрующихъ католиковъ. Мы вѣримъ, что готовится обновленіе религіи, которое предвозвѣщается пророками и святыми; оно будетъ стоить многихъ жертвъ и внесетъ много смуты въ сердца вѣрующихъ, но оно должно наступить. Мы хотимъ общенія съ единомыслящими всѣхъ странъ, и въ этомъ—цѣль нашего союза. Назовите его католическимъ масонствомъ, если хотите. Чего вы собственно боитесь,—что тогда отъ одного удара падетъ много головъ? Но и такъ ничья голова не ограждена отъ ударовъ,—каждый изъ насъ можетъ ежедневно сдѣлаться жертвой Рима. Рыбарь можетъ выудить по одиночкѣ каждаго изъ насъ. Но позвольте васъ спросить, синьоръ аббатъ, гдѣ ваша вѣра? Ваша осторожность, кажется, убила ее. Неужели же вы, дѣйствительно, изъ боязни передъ папскимъ престоломъ усомнитесь въ исполненіи долга вѣрующаго христіанина? Соединимтесь всѣ противъ фанатизма, отъ котораго погибаетъ церковь, и если намъ придется претерпѣть страданія за это,—возблагодаримъ Отца и за страданія!

Донъ Паоло Фаре вскочилъ съ мѣста и обнялъ оратора. Ди-Лейни глядѣлъ на него восхищеннымъ взглядомъ. Данэ, Сельва, донъ Клементій и другой монахъ молчали, нѣсколько смущенные, чувствуя, что Минучи зашелъ слишкомъ далеко, что его слова о вѣрѣ, о боязни Рима, были слишкомъ воинственны и не совпадали съ мистическимъ вступительнымъ воззваніемъ Данэ, также какъ съ изложеніемъ цѣли предполагаемаго союза Сельвой. Женевскій аббатъ ни на минуту не отводилъ глазъ отъ Минучи, пока онъ говорилъ, и его маленькіе глаза блистали. На экспан-

сивность дона Паоло, обнимавшаго Минучи, онъ посмотрѣлъ, однако, съ нѣкоторой ироніей, и потомъ поднялся.

— Я не знаю,—сказалъ онъ,—раздѣляетъ ли мой другъ Данэ ваши взгляды. Я даже очень сомнѣваюсь, чтобы это было такъ. Вы упомянули о престолѣ св. Петра. Мнѣ кажется, дѣйствительно, что здѣсь собираются покинуть челнъ Петра, надѣясь, быть можетъ, что смогутъ ходить по волнамъ. Я смиренно заявляю, что вѣра моя не столь сильна, и что я тотчасъ же пойду ко дну. Я намѣренъ остаться въ челнѣ и развѣ только немного помогать вамъ однимъ-другимъ взмахомъ весла—больше ничего, потому что, какъ сказалъ ораторъ, я очень боязливъ. Мы, значитъ, должны разстаться, и мнѣ остается только извиниться за то, что я пришелъ. Я еще долженъ пройтись немного пѣшкомъ,—это необходимо для моего пищеваренія. Милый другъ,—прибавилъ онъ, обращаясь къ Данэ,—до свиданія въ ресторанѣ.

Онъ подошелъ къ Сельвѣ съ протянутой рукой, чтобы попрощаться, но всѣ его окружили и стали упрашивать остаться. Только донъ Паоло и Минучи безучастно стояли въ сторонѣ. Онъ спокойно настаивалъ на необходимости покинуть собраніе и останавливалъ слишкомъ упорно пристававшихъ къ нему то ледяной улыбкой, то ироническимъ словомъ, то изящнымъ жестомъ... Ди-Лейни обратился къ Фаре, дѣлая знакъ, чтобы онъ присоединился къ общимъ просьбамъ, но бурный донъ Паоло только презрительно пожалъ плечами. Тѣмъ временемъ изъ группы, окружавшей Маринье, возвысился голосъ, говорившій сильнымъ тосканскимъ говоромъ:

— Подождите; вѣдь еще ничего не рѣшено... Я вѣдь еще не высказалъ своего мнѣнія.

Это сказалъ падре Сальвати, старикъ съ бѣлоснѣжными волосами, краснымъ лицомъ и живыми глазами.

— Еще ничего не рѣшено,—повторилъ онъ. — Я стою за союзъ, но хочу одного, а въ рѣчахъ, которыя здѣсь произносились, мнѣ навязывается другое... Интеллектуальный прогрессъ—это я одобряю; реформу церковнаго обученія и католическаго культа въ духѣ современности—тоже. Я—сторонникъ Ламбрускини, который былъ великимъ человѣкомъ. Но синьоръ профессоръ Минучи хочетъ, чтобы реформа была, главнымъ образомъ, интеллектуальной, идейной, а это, простите меня...

Тутъ Данэ поднялъ свою бѣлую, женственную руку.

— Простите, падре,—сказалъ онъ,—мой дорогой другъ Маринье видитъ, что споръ возобновляется. Я надѣюсь поэтому, что онъ снова присоединится къ намъ.

Аббатъ слегка поднялъ брови, скептически вздохнулъ и повиновался. Другіе тоже сѣли, очень довольные, что дѣло обошлось. Они не особенно довѣряли Маринье и боялись, что если онъ уйдетъ, разсердившись, могутъ возникнуть непріятности.

Падре Сальвати снова заговорилъ: онъ былъ противъ того, чтобы реформы носили высоко интеллектуальный характеръ,— не столько изъ страха передъ Римомъ, сколько для того, чтобы не оскорблять въ ихъ простой вѣрѣ множество спокойныхъ душъ. Слѣдовало, главнымъ образомъ, заботиться о нравственныхъ цѣляхъ, о томъ, чтобы направить вѣрующихъ къ исполненію евангельскаго закона. Нужно вносить свѣтъ въ сердца,—это важнѣе, чѣмъ дѣйствовать на умы. Важно показать, что въ настоящее время большинство благочестиво только на словахъ, а сердца людей холодны къ вѣрѣ,—показать, какъ извращено пониманіе христіанскаго долга, какъ церковь поощряетъ стремленіе къ богатству, и какъ извращеніе совѣсти въ этомъ смыслѣ все больше и больше распространяется при полномъ соучастіи церкви.

— Наступило время выступить съ проповѣдью монашества,— воскликнулъ старый монахъ.—Духъ монашества исчезъ,—въ современномъ демократическомъ христіанскомъ мірѣ забыли святую нищету св. Франциска. У насъ есть общество изученія францискапскихъ идей, но это—забава для ума. Нужно другое,—мы должны возстановить францисканскую практику, дѣла, а не слова ихъ. Вотъ въ чемъ должна заключаться реформа.

— Но какъ этого достигнуть?—спросилъ Фаре; а Минучи пробормоталъ съ досадой:

— Нѣтъ, это не то!

Сельва почувствовалъ, что послѣ перваго порыва единенія наступаетъ разбродъ стремленій и желаній. Онъ чувствовалъ, что Данэ, Минучи и, вѣроятно, также Фаре, думали, какъ и онъ, положить начало чисто идейному движенію, и что это уклоненіе въ сторону францисканскаго монашескаго идеала совершенно неумѣстно и несвоевременно. Слова Сальвати были тѣмъ болѣе некстати, что они были высказаны съ большой искренностью и жаромъ. Онъ признавалъ, что въ словахъ падре Сальвати было несомнѣнно много правды; онъ самъ много разъ думалъ о томъ, не слѣдуетъ ли поднять движеніе на этической, а не на идейной почвѣ... Но онъ не чувствовалъ въ себѣ призванія къ монашескому апостольству и не видѣлъ такого призванія и въ своихъ друзьяхъ, даже въ самыхъ пламенныхъ—въ Луиджи Минучи, жившемъ отшельникомъ, и въ такомъ аскетѣ, отстраняющемся отъ толпы, какъ онъ самъ, Сельва. Доводы Сальвати могли скорѣе

расхолодить, чѣмъ привлечь къ задуманному союзу. Джіованни почувствовалъ скрытую иронію словъ Сальвати, обращенную противъ Маринье и Данэ, съ ихъ весьма немонашескими вкусами, избалованностью въ ѣдѣ, слабыми нервами, любовью къ собачкамъ и попугаямъ. Чтобы спасти дѣло, нужно было примирить возникающій антагонизмъ.

— Простите меня,—сказалъ онъ,—дорогой падре Сальвати, но я долженъ сказать, что ваша рѣчь, пламенѣющая христіанскимъ духомъ, все-таки несвоевременна. Мнѣ кажется, что вы сходитесь съ нами въ желаніи католической реформы. Сегодня у насъ одна только цѣль—создать связь между всѣми, охваченными однимъ и тѣмъ же желаніемъ. Остановимся пока на этомъ.

Но Сальвати не сдавался. Онъ не могъ соглашаться на бездѣйственное единеніе, а дѣйствіе, обращенное на идейную сторону, не удовлетворяло его. Женевскій аббатъ воскликнулъ:

— Я такъ и зналъ!

Онъ поднялся, чтобы на этотъ разъ дѣйствительно уйти. Сельва не допустилъ этого, и предложилъ закрыть засѣданіе, думая созвать опять, на слѣдующій день или позже, профессора Данэ, Минучи, ди-Лейни, Фаре. Съ Сальвати, все равно, нельзя было ничего подѣлать, и лучше было бы, чтобъ Маринье уѣхалъ, думая, что все разстроилось. Минучи понялъ его мысль и промолчалъ, а легкомысленный донъ Паоло ничего не понялъ, и настаивалъ на необходимости тотчасъ же все рѣшить и вотировать. Сельва и — изъ любезности къ Сельвѣ — ди-Лейни просили его подождать. Онъ весь дрожалъ—главнымъ образомъ, отъ возмущенія противъ швейцарца. Данэ и донъ Клементій были тоже недовольны, но каждый по разнымъ причинамъ. Данэ былъ раздраженъ противъ Маринье и очень жалѣлъ, что привелъ его съ собой. Донъ Клементій, собственно, хотѣлъ бы сказать, что слова падре Сальвати были истинно прекрасны и святы и вовсе не несвоевременны, потому что каждый долженъ работать согласно своему призванію,—люди идейные должны идти своимъ путемъ, францисканцы—своимъ. Провозглашающій истину долженъ также возбуждать активность въ призываемыхъ къ истинной вѣрѣ; эти разныя призванія могутъ отлично уживаться вмѣстѣ въ союзѣ. Все это онъ хотѣлъ сказать, но не смогъ сразу формулировать, пропустилъ надлежащій моментъ, тоже изъ смущенія, изъ боязни, что онъ не скажетъ какъ слѣдуетъ, а также изъ любезности къ Сельвѣ, который, очевидно, хотѣлъ оборвать засѣданіе. И засѣданіе было прервано, всѣ поднялись, вышли на террасу; остались только Данэ и Джіованни.

Аббатъ Маринье намѣревался отправиться на слѣдующій день въ монастырь св. Схоластики и къ Священному Гроту, а потомъ, быть можетъ, вернуться въ Римъ черезъ Олевано и Палестрину — новой для него дорогой. Кого бы ему разспросить про эту дорогу? Оказалось, что ее зналъ донъ Клементій, который по ней пришелъ изъ Субіака. Дорога вела чрезъ рѣку по мосту св. Маврикія, затѣмъ налѣво, по направленію къ горамъ въ глубинѣ.

Воздухъ былъ ароматный, небо покрыто тучами; просвѣтъ былъ только въ одномъ мѣстѣ надъ горой, гдѣ блестѣли двѣ звѣздочки. Минучи показалъ ихъ ди-Лейни.

— Посмотрите,—сказалъ онъ,—какъ блестятъ эти звѣздочки. Данте сказалъ бы, что это души св. Схоластики и св. Бенедикта, которыя сверкаютъ, завидѣвъ родственную душу.

— Вы говорите о святыхъ? — спросилъ Маринье, подходя къ нимъ.—Я васъ сегодня спросилъ, есть ли у васъ святой, и пожелалъ вамъ обрѣсти его. Но я отлично знаю, что святого нѣтъ. А если бы даже святой выискался,—его тотчасъ же призвали бы къ отвѣту, или же послали бы въ Китай.

— Что̀ изъ того, что его призвали бы къ отвѣту? — спросилъ ди-Лейни.

— Его призвали бы къ отвѣту сегодня, а завтра посадили бы въ тюрьму.

— Такъ что̀ же?—отвѣтилъ юноша.—И св. Павла сажали въ тюрьму.

— Ну, милый мой, св. Павелъ—другое дѣло.

Аббатъ Маринье хотѣлъ дать понять, что нечего надѣяться на новаго св. Павла, а его собесѣдникъ подумалъ, что не всѣ похожи, однако, на аббата Маринье. Донъ Клементій замѣтилъ, что нельзя же всѣхъ святыхъ отправлять въ Китай. Возможно вѣдь, что будущій святой будетъ мірянинъ.

— Я въ это вѣрю,—воскликнулъ падре Сальвати.

Но восторженный донъ Фаре былъ увѣренъ, что такимъ святымъ окажется папа. Аббатъ разсмѣялся.

— Простая и прекрасная мысль,— сказалъ онъ.— Но я слышу стукъ колесъ; это коляска, которая пріѣхала за мной, Данэ и тѣми, кто захотятъ поѣхать съ нами въ Субіакъ. Пойду попрощаться съ синьоромъ Сельвой.

Онъ нагнулся надъ перилами террасы и сорвалъ оливковую вѣтвь, тянувшуюся вверхъ съ террасы нижняго этажа.

— Я преподнесу эту вѣтвь ему, — сказалъ онъ. — И вамъ тоже, господа,—прибавилъ онъ съ улыбкой и ушелъ съ террасы.

Внизу, дѣйствительно, раздался грохотъ коляски; она обогнула домъ и остановилась у входной рѣшотки. Черезъ нѣсколько минутъ на террасу вышли Марія Сельва и Данэ въ пальто и большой шляпѣ. За ними слѣдовали Джіованни и аббатъ.

— Кто ѣдетъ съ нами?—спросилъ Данэ.

Никто не отвѣтилъ. Въ это время внизу раздались голоса и шаги, по направленію отъ рѣшотки къ дому. Минучи, стоявшій въ углу террасы, посмотрѣлъ внизъ и сказалъ:

— Сюда идутъ двѣ дамы.

Марія вздрогнула.—Двѣ дамы?—спросила она. Нагнувшись надъ перилами, она увидѣла двѣ фигуры въ бѣломъ, которыя медленно поднимались вверхъ, къ дому. Издали невозможно было различить, кто онѣ,—тѣмъ болѣе, что уже становилось темно. Джіованни замѣтилъ, что, вѣроятно, это кто-нибудь къ жильцамъ перваго этажа. Профессоръ Данэ улыбнулся.

— А можетъ быть, это гости къ жильцамъ второго этажа,— сказалъ онъ.

Марія воскликнула:

— Развѣ вы что-нибудь знаете?—и крикнула внизъ:—Ноэми, это вы?

Ясный голосъ Ноэми отвѣтилъ:

— Да, это мы.

Другой женскій голосъ остановилъ ее громкимъ упрекомъ:

— Какой ребенокъ! Вѣдь ты обѣщала молчать.

Марія вскрикнула отъ радости и быстро побѣжала внизъ по витой лѣстницѣ.

— Вы знали объ ихъ пріѣздѣ, профессоръ Данэ?—спросилъ Сельва. Данэ отвѣтилъ, что зналъ; онъ въ Римѣ видѣлъ синьору Десаль, съ которой былъ знакомъ, еще когда она жила въ своей роскошной венеціанской виллѣ, украшенной фресками Тіеполо. Братъ ея, синьоръ Карлино Десаль, остался во Флоренціи. Она и синьорина д'Арксель хотѣли сдѣлать сюрпризъ своимъ пріѣздомъ и просили Данэ не говорить о встрѣчѣ съ ними. Имя Жанны Десаль сразу напомнило Сельвѣ то, о чемъ онъ въ первую минуту забылъ. Онъ вспомнилъ о присутствіи дона Клементія, о томъ, что, можетъ быть, онъ и есть исчезнувшій возлюбленный Жанны, и что необходимо предупредить встрѣчу, ужасную для обѣихъ сторонъ. О разговорѣ между его женой и домомъ Клементіемъ онъ еще, конечно, не зналъ. Тѣмъ временемъ Марія быстро побѣжала по дорожкѣ, и внизу раздались радостныя восклицанія и поцѣлуи. Данэ, боясь слишкомъ долго стоять на террасѣ, чтобы не простудиться, предложилъ

спуститься внизъ... Дамы, навѣрное, воспользовались коляской, которая пріѣхала за нимъ, такъ что какъ-разъ пора ѣхать. Донъ Клементій имѣлъ тоже очень обезпокоенный видъ. Сельва, скрывая собственное волненіе, поспѣшно взялъ его подъ-руку.

— Если вы не хотите промѣшкаться изъ-за дамъ,—сказалъ онъ,—то пойдемте со мной; я васъ проведу верхней дорогой.

Донъ Клементій, видимо, обрадовался его предложенію и быстро ушелъ, даже не попрощавшись съ другими.

— Теперь поздно,—сказалъ онъ.—Я сказалъ аббату, прося позволенія уйти, что вернусь къ половинѣ десятаго.

Они быстро спустились по витой лѣстницѣ; но когда они вышли на площадку передъ домомъ, усаженную акаціями, Жанна Десаль вступала на нее вмѣстѣ съ Маріей и Ноэми.

Подъ акаціями не было совсѣмъ темно, такъ что Марія узнала мужа и дона Клементія въ двухъ темныхъ фигурахъ, выходившихъ изъ дома. Она шла впереди своей сестры, рядомъ съ Жанной, и быстро повернула налѣво, увлекая за собой Жанну къ маленькому флигелю ихъ дома; такимъ образомъ, онѣ повернулись спиной къ выходившимъ изъ дома. Съ своей стороны, Сельва, видя движеніе своей жены, шепнулъ дону Клементію:

— Сойдемте поскорѣе прямо внизъ.

Но его попытка предотвратить встрѣчу не удалась изъ-за Ноэми. Удивленная тѣмъ, что сестра свернула налѣво, она остановилась и громко спросила:

— Куда вы идете?

А донъ Клементій, вмѣсто того, чтобы пройти мимо и спуститься внизъ, пошелъ за садовникомъ, который ждалъ его въ самомъ темномъ углу площадки, тамъ, гдѣ одна изъ сторонъ дома примыкала къ горѣ. Онъ крикнулъ:—Бенедетто!—и обратился къ Сельвѣ:

— Можетъ быть, вы ему покажете теперь ваше поле?—спросилъ онъ. Джіованни отвѣтилъ:—Въ такой поздній часъ?—а жена его въ это время тихо сказала Ноэми:—Дадимъ имъ пройти, а сами останемся здѣсь у флигеля. Она сказала это очень многозначительно, и Жанна почувствовала, что тутъ скрывается какая-то тайна.

— Зачѣмъ ихъ избѣгать?—спросила она.—Развѣ они такіе ужасные?—Она замедлила шаги. Ноэми поняла намѣреніе сестры и стала слишкомъ ревностно помогать ей; она обняла сестру и Жанну за таліи, увлекая ихъ въ сторону флигеля. Жанна Десаль стала инстинктивно сопротивляться, быстро обернулась, го-

воря:—Что ты дѣлаешь?—и увидѣла Сельву. Онъ шелъ имъ навстрѣчу, раскланиваясь и широко простирая руки, очевидно, для того, чтобы скрыть дона Клементія, который, въ сопровожденіи садовника, прошелъ въ пяти шагахъ отъ Жанны, направляясь къ спуску.

Ноэми, обернувшаяся на привѣтствіе Джіованни, подбѣжала къ нему, чтобъ его поцѣловать. Тѣмъ временемъ Сельва съ радостью замѣтилъ, что дону Клементію удалось избѣжать встрѣчи. Освободившись отъ объятій Ноэми, онъ протянулъ руку Жаннѣ, но она какъ-то растерянно поздоровалась съ нимъ. Въ эту минуту изъ дома вышли Данэ, Маринье, Фаре, ди-Лейни и падре Сальвати. Сельва и его жена пошли имъ навстрѣчу, оставивъ Ноэми и Жанну. Прощаніе длилось довольно долго. Данэ выразилъ желаніе привѣтствовать Жанну, но, не найдя ее и Ноэми тамъ, гдѣ она ихъ оставила, Марія взяла на себя передать ей поклоны. Наконецъ, когда всѣ пятеро спустились внизъ въ сопровожденіи Джіованни, раздался голосъ Ноэми:

— Марія!

Испуганный голосъ сестры встревожилъ Марію. Она побѣжала; Жанна Десаль, сидя на пнѣ въ углу, гдѣ за пять минутъ до того сидѣлъ садовникъ дона Клементія, повторяла слабымъ голосомъ:

— Ничего, ничего. Пойдемъ теперь домой, пойдемъ!

Ноэми, вся дрожа, разсказала, что Жаннѣ вдругъ сдѣлалось дурно, и что она едва дотащила ее до этого пня.

— Идемъ, идемъ! — повторяла Жанна, и сдѣлала усиліе, чтобы подняться; при помощи двухъ сестеръ, она дотащилась до входныхъ дверей и сѣла на лѣстницу, ожидая, пока ей принесутъ стаканъ воды. Выпивъ воду, она оправилась и медленно поднялась по лѣстницѣ, останавливаясь на каждой ступенькѣ и стараясь улыбаться, чтобъ успокоить другихъ. Но служанка, которая шла впереди со свѣчой, повернувшись лицомъ къ Жаннѣ, сама вся дрожала при видѣ ея провалившихся глазъ, бѣлыхъ губъ и смертельно блѣднаго лица. Жанну провели на диванъ въ гостиную, и тамъ, просидѣвъ съ минуту съ закрытыми глазами, она нѣсколько пришла въ себя и сказала Маріи, что все это—слѣдствіе малокровія, и что она привыкла къ такимъ припадкамъ. Ноэми и Марія стали шептаться между собою, и услышавъ, что онѣ сказали: „въ постель“, Жанна съ благодарностью кивнула головой. Марія приготовила для нея и для Ноэми лучшую комнату въ ихъ маленькой квартиркѣ, угловую, противъ кабинета Джіованни съ другой стороны корридора. Въ то время,

какъ Жанна медленно направлялась туда подъ-руку съ Ноэми, вернулся Сельва, который проводилъ гостей до рѣшотки. Жена, услышавъ его шаги на лѣстницѣ, побѣжала ему навстрѣчу и задержала его. Они стали тихонько говорить въ темнотѣ. Такъ, значитъ, это былъ онъ; но какъ она его узнала? Джіованни сказалъ, что онъ въ опасную минуту старался стать между Жанной и домомъ Клементіемъ, что послѣдній прошелъ почти бѣгомъ, но онъ сейчасъ же понялъ, что Жанна увидѣла своего бывшаго возлюбленнаго, потому что она остановилась какъ статуя, и почти не отвѣтила на его поклонъ. Падре тоже, услыхавъ на террасѣ, что пріѣхала синьора Десаль, встревожился, потомъ выказалъ явное желаніе избѣгнуть встрѣчи съ ней, но все-таки въ рѣшительную минуту обнаружилъ огромное самообладаніе. Удивительно онъ выдержанный человѣкъ. Того же мнѣнія была и Марія, которая передала свой разговоръ съ нимъ передъ его уходомъ. Сельва и его жена медленно поднялись по лѣстницѣ, взволнованные горемъ несчастной женщины и ужасомъ внезапной встрѣчи для обѣихъ сторонъ.

— Помолимся о томъ, чтобы она свою любовь и свою муку сумѣла поручить рукѣ Господней,—сказалъ Сельва, и, придя въ свою комнату, они молча молились, подойдя вмѣстѣ къ окну. Дыханіе вѣтра пронеслось какъ плачъ по вѣтвямъ дуба, свѣсившагося надъ маленькой церковью.

— Бѣдная! — прошептала Марія. Ей и ея мужу казалось въ эту минуту, что ихъ любовь другъ къ другу стала еще болѣе нѣжной, чѣмъ всегда, но что-то удерживало ихъ обоихъ въ этотъ вечеръ отъ словъ любви.

Какъ только Ноэми закрыла дверь ихъ комнаты, Жанна бросилась ей на шею и стала безудержно рыдать. Ноэми, понявъ, что патеръ, прошедшій быстро мимо ея подруги, и былъ Майрони, почувствовала глубокую жалость къ Жаннѣ. Она стала нѣжно успокаивать подругу, говоря съ ней, какъ съ больнымъ ребенкомъ. Жанна не отвѣчала и продолжала рыдать...

— Вѣдь такъ лучше, дорогая,—рѣшилась наконецъ сказать Ноэми.—Лучше знать и не питать больше иллюзій. Лучше, что ты увидѣла его въ этой одеждѣ.

Но Жанна, продолжая рыдать, такъ рѣзко сказала: „нѣтъ, нѣтъ!“, что Ноэми была совершенно смущена и съ меньшей настойчивостью повторяла свои доводы.

— Все-таки, милая, лучше. Когда все безнадежно потеряно...

Жанна поднялась съ мокрымъ отъ слезъ лицомъ.

— Неужели ты не понимаешь, что этотъ монахъ—не онъ?—сказала она.

Ноэми, совершенно пораженная, отшатнулась отъ нея.

— Какъ не онъ? Все это волненіе—изъ-за того, что это не онъ?

Жанна опять бросилась къ ней на шею.

— Онъ не тотъ монахъ, который прошелъ впередъ,—сказала она среди рыданій,—а его провожатый.

— Какой провожатый?

— Тотъ человѣкъ, который шелъ слѣдомъ за нимъ, который уѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ.

Ноэми даже не замѣтила этого другого человѣка. Жанна обняла ее и стала судорожно смѣяться.

Съ итальян. З. В.

ВИДЫ
КООПЕРАЦІИ
И ЕЯ ПРЕДѢЛЫ

Очеркъ кооперативнаго движенія въ Великобританіи.

Проявившееся во второй половинѣ минувшаго столѣтія новое кооперативное движеніе рабочихъ представляетъ собою одно изъ самыхъ замѣчательныхъ экономически-соціальныхъ явленій нашего времени. Движеніе это уже приняло крупные размѣры, распространилось почти на всѣ культурныя государства,—а въ томъ числѣ на Россію,—и общій интересъ къ нему съ каждымъ годомъ возрастаетъ.

Получаемые кооперацією блестящіе результаты вызвали у многихъ ярыхъ ея поборниковъ болѣе чѣмъ оптимистическія надежды на ея будущее. Многіе изъ публицистовъ по кооперативному движенію высказываются въ томъ смыслѣ, что кооперативныя потребительныя общества являются начальною ступенью къ преобразованію всего общественнаго строя, упраздненіемъ пропасти, отдѣляющей бѣдность отъ обезпеченности; что наступитъ день, когда потребительныя кооперативныя общества окажутся достаточно богатыми, чтобы закупить все годовое производство страны, сдѣлаются господами всей торговли и всего промышленнаго производства, и что это поведетъ къ давно желаемой соціалистами національзаціи самыхъ средствъ производства. Въ отчетахъ разныхъ комитетовъ кооперативныхъ пред-

пріятій встрѣчается мысль, что кооперації предстоитъ рѣшить весь соціальный вопросъ. Однако, желаемое преобразованіе экономическаго и соціальнаго строя не должно осуществиться какими бы то ни было насильственными мѣрами или распространеніемъ догматовъ соціалистическаго евангелія. Консервативный и практическій умъ англичанъ вообще не сочувствуетъ примѣненію принудительныхъ мѣръ извнѣ или провозглашенію спекулятивныхъ теорій. Онъ любитъ начинать всякое дѣло практически-конкретными случаями. Такъ и новое кооперативное движеніе рабочихъ произошло не по почину какихъ-нибудь законодателей или теоретиковъ, — какъ Марксъ, Лассаль или Толстой,—а имѣло свое начало въ самомъ учрежденіи перваго кооперативнаго потребительнаго общества. Но великобританскіе практики и континентальные теоретики сходятся между собою въ томъ, что они въ своихъ ожиданіяхъ касательно будущности кооперації доходятъ до утопій, каково обобществленіе земли, путей сообщенія и средствъ производства. Новое кооперативное движеніе еще сравнительно молодо, оно полно юношескаго энтузіазма и преувеличенныхъ надеждъ, и есть основаніе думать, что оно вредитъ своему дальнѣйшему успѣху, высказывая подобныя стремленія. Въ нижеслѣдующемъ опредѣлимъ основные принципы старой и новой формъ кооперації, распространеніе послѣдней въ Великобританіи и, наконецъ, установимъ вѣроятные практическіе ея предѣлы.

Для опредѣленія предѣловъ кооперації необходимо сначала остановиться на различіяхъ, существующихъ между отдѣльными ея видами. Дѣло въ томъ, что подъ общимъ терминомъ кооперації подразумѣваются весьма разнящіяся другъ отъ друга начинанія. Безъ яснаго пониманія сущности опредѣленной формы кооперації, невозможно опредѣлить ея достоинство и границы возможнаго ея дѣйствія. Для этого надо убѣдиться въ томъ, изъ какихъ членовъ состоитъ кооперація: изъ потребителей, производителей или капиталистовъ? чьи интересы она имѣетъ въ виду и для какой цѣли она существуетъ—для удовлетворенія ли потребностей ограниченнаго и впередъ опредѣлимаго круга людей, или для желаемаго завоеванія всей промышленной жизни страны?

Кооперативное начало въ смыслѣ учрежденія, предпринятаго соединенными силами для достиженія извѣстной цѣли—явленіе не новое. Въ древнемъ Римѣ установившіяся въ царствованіе Нумы Помпилія производительныя кооперативныя учрежденія, такъ называемыя collegia opificum, обнимали восемь родовъ ра-

бочаго труда: гончаровъ, плотниковъ, сапожниковъ, золотыхъ дѣлъ мастеровъ, кожевниковъ, котельниковъ, красильщиковъ и игроковъ на флейтѣ. Но нигдѣ кооперація издавна не пустила болѣе глубокихъ корней, чѣмъ въ Россіи, гдѣ со временъ старой Руси сохранилась самобытная форма производительныхъ кооперативныхъ артелей, распространенныхъ между ремесленниками и кустарями самыхъ различныхъ отраслей человѣческаго труда. Артель обучаетъ народъ принципамъ солидарности, содѣйствія и общежитія. Вообще говоря, кооперативныя учрежденія разныхъ видовъ существуютъ во многихъ странахъ съ незапамятныхъ временъ, но они нисколько не успѣли уничтожить существующей между богатыми и бѣдными разницы и создать тотъ соціальный рай, о которомъ мечтаютъ увлекшіеся въ своихъ надеждахъ поборники кооперативизма.

Во Франціи, приложеніе начала совмѣстнаго труда въ производительныхъ экономическихъ предпріятіяхъ восходитъ къ 30-мъ годамъ XIX-го вѣка и было вызвано иниціативою соціологовъ и филантроповъ, какъ, напр., Бюше (Buchez), Фурьé (Fourier), Годэнъ (Godin), дѣятельность которыхъ исходила изъ той точки зрѣнія, будто соціальный вопросъ можетъ быть рѣшенъ созданіемъ мастерскихъ, въ которыхъ рабочіе были бы сами хозяевами, получающими соотвѣтствующую часть прибыли. Нѣкоторыя изъ подобныхъ учрежденій, — особенно идеально задуманныя рабочія колоніи и братскія общежитія Фурье — оказались весьма недолговѣчными, а другія просуществовали до настоящаго времени. Вообще говоря, произведенный во Франціи опытъ съ рабочими союзами (associations ouvrières) не привелъ ни къ какому новому соціальному строю, а только еще разъ доказалъ вѣрность старой истины, что при согласіи и общихъ усиліяхъ производительность отдѣльнаго рабочаго увеличивается. Въ опытахъ съ ассоціаціями во Франціи интересно отмѣтить тотъ фактъ, что мѣры посторонняго споспѣшествованія ассоціаціямъ и выдача правительственныхъ ссудъ, въ цѣляхъ развитія этихъ ассоціацій, оказались одинаково неудачными, и что ассоціаціи, оказавшіяся наиболѣе долговѣчными, все болѣе и болѣе теряли свой прежній характеръ полнаго равенства членовъ, дѣлежомъ между ними прибыли неравными частями. Такъ, напр., участники затѣянной въ 40-хъ годахъ фурьеристомъ Годэномъ фабрики для изготовленія приборовъ для отопленія въ Гизѣ подраздѣляются на три категоріи: членовъ, завѣдующихъ дѣлами предпріятія (associés) и получающихъ наибольшій размѣръ прибыли; членовъ общинниковъ (sociétaires), съ меньшимъ размѣромъ прибыли, — и пособни-

ковъ (auxiliaires), послѣ года службы пользующихся самымъ меньшимъ размѣромъ прибыли. Подобное неравное распредѣленіе прибыли, въ сущности, весьма мало отлично отъ принципіальнаго различія, существующаго между прибылью работодателя и платою рабочаго, и во всякомъ случаѣ не заключаетъ въ себѣ рѣшенія рабочаго вопроса въ смыслѣ уничтоженія борьбы между капиталомъ и трудомъ, уничтоженія разницы между работодателемъ и рабочимъ и водворенія полнаго равенства между людьми.

Попытки англійскихъ филантроповъ учредить кооперацію на коммунистическихъ началахъ не пользовались бо̀льшимъ успѣхомъ, чѣмъ подобное же стремленіе во Франціи. Какъ извѣстно, основанныя Робертомъ Овеномъ рабочія колоніи въ Индіанѣ (Сѣверной Америкѣ) и въ Великобританіи окончились банкротствомъ, безпорядками и окончательнымъ распаденіемъ. Въ настоящее время кооперативныя общества Роберта Овена всѣ исчезли. Причина неуспѣха начинанія идеалиста-философа Ланарка кроется въ томъ, что его учрежденія были искусственными продуктами диктатора-законодателя, навязавшаго свои идеальныя мечты о полномъ равенствѣ и общежитіи лицамъ, не дозрѣвшимъ до того, вообще недостижимаго, нравственнаго совершенства, которое необходимо при подобномъ общественномъ строѣ. Неудача съ рабочими колоніями Овена доказываетъ, что самое идеальное устройство жизни общества или государства не можетъ создать ничего практически полезнаго, если у отдѣльныхъ членовъ общества отсутствуетъ способность разумно пользоваться этими благами. Идеалисты обыкновенно забываютъ, что только тотъ умѣетъ пользоваться правомъ полнаго общественнаго равенства, кто сознаетъ свою проистекающую изъ этого равенства отвѣтственность передъ обществомъ. Для осуществленія коммунистической идеи требуется такое возвышенное сознаніе общежитія, которое врядъ ли когда-нибудь станетъ достояніемъ человѣческаго рода. Подъ это правило подходитъ также появившаяся въ новѣйшее время земледѣльческая кооперація англійскихъ „толстовцевъ“-коммунистовъ въ Эссексѣ. Эта форма кооперативнаго коммунизма имѣетъ не болѣе способности къ продолжительному существованію, чѣмъ какую имѣли эфемерныя учрежденія Фурье и Овена. Она является тепличнымъ растеніемъ, неспособнымъ жить на свѣжемъ воздухѣ практической жизни. Производительные союзы рабочихъ для дѣлежа между ними же выручаемой прибыли—„associations ouvrières“ во Франціи и „brotherhood of workers“ въ Великобританіи—не имѣли успѣха потому, что были основаны на чисто этическихъ началахъ, и вслѣдствіе этого не могли сообразоваться съ

практическими условіями индустріальнаго труда, существующими въ настоящее время, т.-е. съ увеличеніемъ прибыли примѣненіемъ большихъ капиталовъ, съ усовершенствованною дисциплиною заводской системы и съ необходимымъ умѣньемъ заручиться рынкомъ для производимыхъ ими продуктовъ въ борьбѣ съ конкурренціею. Безвозвратно прошло то время, когда отдѣльный производитель могъ быть въ одно и то же время собственникомъ орудій и продуктовъ производства; практически неосуществимо возвращеніе къ тому первобытному экономическому состоянію, въ которомъ одинъ и тотъ же рабочій покупалъ сырье и продавалъ продуктъ своего промысла. Весьма характеренъ тотъ фактъ, что истинныя ассоціаціи производителей, въ которыхъ рабочіе владѣютъ капиталомъ и также управляютъ производствомъ, существуютъ лишь въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, которыя успѣли сохранить прежнее устройство и не поддались индустріальной революціи.

Такъ же далеки отъ разрѣшенія соціальнаго вопроса коопераціи для совмѣстной закупки сырья или предметовъ первой необходимости по системѣ Шульце-Делича, для совмѣстнаго пользованія машинами, для совмѣстной доставки производимыхъ продуктовъ на опредѣленные рынки, для продажи за общій счетъ зерновыхъ хлѣбовъ и другихъ продуктовъ; или же чисто производительныя кооперативныя общества или кооперативные банки, основанные по образцу Рефейзена; или потребительныя общества вродѣ „Army & Navy Stores“ (магазины служащихъ въ арміи и флотѣ) или „Civil Service Stores“ (магазинъ чиновниковъ), служащія потребностямъ извѣстнаго класса населенія и при этомъ дающія своимъ членамъ годичный дивидендъ соотвѣтственно суммамъ покупокъ, на подобіе дивидендовъ обыкновенной акціонерной компаніи; или, наконецъ, муниципальныя заведенія, вродѣ муниципальныхъ водопроводовъ, телефоновъ, трамваевъ и т. п. предпріятія, именуемыя въ Англіи „муниципальнымъ соціализмомъ“. Всѣ эти предпріятія представляютъ собой лишь соединеніе отдѣльныхъ хозяевъ для совмѣстной покупки или продажи извѣстныхъ продуктовъ, или товарищества, мало различающіяся отъ простыхъ акціонерныхъ компаній, и нисколько не оправдываютъ возлагаемыхъ на будущность кооперації чрезмѣрныхъ надеждъ.

Итакъ, просмотрѣнные виды кооперації не заключаютъ въ себѣ новыхъ началъ, могущихъ повести къ болѣе усовершенствованному человѣческому общежитію по слѣдующимъ причинамъ:

1. Кооперації не были практическими предпріятіями, основанными на прочномъ базисѣ по собственной иниціативѣ соучастниковъ, а представляли собою искусственныя творенія филантроповъ, философовъ, христіанскихъ соціалистовъ и тому подобныхъ идеалистовъ-мыслителей, болѣе или менѣе чуждыхъ дѣйствительныхъ условій человѣческой жизни; реформаторы эти пожелали навязать свои мысли и превратились въ невыносимыхъ диктаторовъ, погубившихъ личную свободу и предпріимчивость.

2. Производительныя кооперації принялись производить промышленные продукты, не заручившись сначала вѣрными потребителями, коимъ производимые предметы могли бы быть сбыты.

3. Иныя формы кооперації, имѣя лишь ограниченное поле дѣйствія, не могли принять сколько-нибудь обширныхъ размѣровъ и имѣть значеніе бо́льшаго круга людей.

4. Другія формы кооперації, имѣя явно коммунистическій характеръ, задались цѣлью обнять всю жизнь своихъ членовъ, осуществить полное равенство между ними и упразднить, болѣе или менѣе насильственными мѣрами, естественное неравенство между людьми, не давая должнаго вознагражденія таланту, работоспособности и выдающимся качествамъ отдѣльнаго лица.

Но пророки блестящей, въ соціалистическомъ смыслѣ, будущности кооперації имѣли при этомъ въ виду не столько старое, сколько новое кооперативное движеніе рабочихъ. Посмотримъ, поэтому, въ чемъ это послѣднее отличается отъ прежнихъ видовъ кооперації.

1. Новое движеніе произошло по иниціативѣ самихъ заинтересованныхъ рабочихъ и руководимо было не просвѣщенными теоретиками, но самими соучастниками. Оно получило свое начало не сверху человѣческаго общества, распространяясь затѣмъ на болѣе низкіе классы, но было дѣломъ самихъ рабочихъ, при чемъ оно не пользовалось ни капиталомъ филантроповъ, ни субсидіею отъ правительства, являясь однимъ изъ самыхъ яркихъ откровеній духа самопомощи и практическаго генія англійскаго народа.

2. Новая кооперація только занялась производствомъ промышленныхъ продуктовъ настолько, насколько она располагала сбытомъ этихъ продуктовъ членамъ потребительныхъ обществъ. Такимъ образомъ, движеніе началось съ практически вѣрнаго конца, т.-е. съ потребленія, а не съ производства.

3. Новые кооператоры избѣгли примѣненія какихъ бы то ни было отвлеченныхъ соціалистическихъ идей, ограничиваясь удо-

влетвореніемъ жизненныхъ своихъ потребностей. Кооперація эта не задалась цѣлью устранить естественное неравенство между людьми или бороться съ капиталомъ.

4. Новая форма кооперації, развившаяся на исключительно хозяйственномъ поприщѣ и примѣняемая ко всѣмъ обыкновеннымъ потребностямъ человѣка, не предавалась какимъ бы то ни было политическимъ, религіознымъ или соціальнымъ стремленіямъ и, вслѣдствіе этого, одинаково распространилась среди всѣхъ вѣроисповѣданій и всѣхъ политическихъ партій.

Новый видъ кооперації, обыкновенно называемый „рочдэльскою системою", зародился въ Великобританіи въ 1844 году, когда историческіе двадцать-восемь бѣдныхъ ткачей въ Родчэлѣ пришли къ мысли—избавиться отъ посредника, ставшаго между производителемъ и потребителемъ и наживавшаго большой процентъ на продаваемый имъ потребителю товаръ, такимъ образомъ удорожая цѣну покупаемыхъ товаровъ. Піонеры эти въ кооперативномъ дѣлѣ соединились для созданія первой потребительной кооперації, съ капиталомъ лишь въ 28 фунтовъ, и постановили, чтобы прибыль не распредѣлялась, какъ въ акціонерной компаніи, между пайщиками, или между рабочими и служащими, соразмѣрно ихъ труду, а между покупателями, соотвѣтственно размѣрамъ ихъ покупокъ. Кромѣ этого простого, но чрезвычайно плодотворнаго принципа, новая кооперація рабочихъ организовалась на слѣдующихъ, общихъ всѣмъ кооперативнымъ обществамъ рочдэльскаго типа, главныхъ началахъ:

Каждому лицу мужского или женскаго пола, имѣющему болѣе 16-ти лѣтъ отъ роду, предоставлено право сдѣлаться членомъ кооперативнаго общества, за исключеніемъ, однако, лицъ, признанныхъ нежелательными комитетомъ общества. Общедоступность кооперативныхъ обществъ заручается еще тѣмъ, что отдѣльные его паи, всегда выпускаемые по номинальной цѣнѣ, во всѣхъ случаяхъ—невысокаго достоинства (обыкновенно въ 1 ф. ст. каждый) и могутъ быть пріобрѣтаемы малыми еженедѣльными или ежемѣсячными взносами, или даже автоматическимъ нарощеніемъ суммъ, причитающихся члену въ видѣ падающей на его долю части прибыли общества. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ платятъ лишь ничтожную сумму (одинъ шиллингъ) наличными деньгами при вступленіи въ члены общества. Пока паи не уплачены сполна, вся причитающаяся члену прибыль, т.-е. дивидендъ и извѣстный процентъ съ суммы его покупокъ, идетъ на погашеніе его долга. Во многихъ обществахъ члены обыкновенно не вынимаютъ причитающейся имъ прибыли,

и ихъ активъ въ кассѣ такимъ образомъ наростаетъ до предѣла паёваго капитала, разрѣшаемаго каждому члену (обыкновенно 50 паевъ). По достиженіи этого предѣла, дальнѣйшій приростъ капитала отдѣльнаго пайщика превращается въ заемъ, производимый у него обществомъ. Благодаря такому устройству, члены кооперації накопляютъ капиталы безъ всякихъ взносовъ и незамѣтно для себя. Всякій, кто знаетъ, какъ трудно водворить у рабочихъ предусмотрительный обычай постепеннаго сбереженія извѣстной суммы денегъ на случай безработицы, болѣзни или другихъ несчастныхъ случаевъ, уничтожающихъ работоспособность труженика,—пойметъ, какую пользу приносятъ кооперативныя общества въ этой ихъ роли автоматическихъ сберегательныхъ кассъ. Для дальнѣйшаго поощренія сбереженія, въ 1874 году былъ учрежденъ кооперативный „пенсовый банкъ“, принимающій еженедѣльно вклады отъ одного пенса до пяти шиллинговъ и выплачивающій вкладчикамъ 4% годовыхъ.

Кооперативныя общества рабочихъ допускаютъ въ своей средѣ капиталистовъ и даже открыто признаютъ благотворное вліяніе капитала на развитіе торговли и промышленности, но они при этомъ сохраняютъ свой демократическій характеръ тѣмъ, что каждый членъ имѣетъ одинъ голосъ, независимо отъ числа принадлежащихъ ему паевъ, и что при голосованіи не допускается замѣстительства. Въ случаѣ же, если часть паёваго капитала одного кооперативнаго общества принадлежитъ другому, то этому послѣднему обыкновенно предоставляется число голосовъ, пропорціональное принадлежащему ему капиталу. Большая часть паёваго капитала можетъ быть возвращена членамъ въ непродолжительномъ времени по ихъ требованію. Извѣстное число обществъ, однако, обязываетъ своихъ членовъ держать, по крайней мѣрѣ, одинъ переводный пай, реализируемый только посредствомъ продажи. Выплачиваемая членамъ общества прибыль опредѣляется большею частію 5-ю годовыми процентами съ паёваго капитала. Остальная часть прибыли распредѣляется, въ извѣстныхъ, заранѣе опредѣляемыхъ пропорціяхъ, между покупщиками общества, или между покупщиками и рабочими, или же между покупщиками, рабочими и пайщиками; но ни въ какомъ случаѣ вся прибыль не раздѣляется между одними пайщиками, какъ это дѣлается въ акціонерныхъ обществахъ. Демократическій характеръ кооперативныхъ обществъ выражается еще въ гласности всѣхъ счетовъ, издаваемыхъ со всѣми нужными подробностями, для полнаго надзора надъ дѣлами и экономическимъ положеніемъ общества.

Одинъ изъ основныхъ принциповъ кооперації состоитъ въ платежѣ наличными деньгами. Лишь немногія кооперативныя общества отступаютъ отъ этого правила, предоставляя своимъ членамъ кредитъ на одинъ мѣсяцъ, подъ предлогомъ демократическаго принципа. Въ крайнихъ случаяхъ, когда потребитель нуждается въ кредитѣ, ему выдается ссуда, подъ ручательствомъ двухъ товарищей, отвѣтственныхъ за надежность и добросовѣстность должника. Выдаваемая ссуда затѣмъ удерживается изъ доходовъ, слѣдуемыхъ должнику изъ общей прибыли кооперативнаго общества. Такими ссудами избѣгается нарушеніе принципа продажи за наличныя деньги.

Кооперації управляются комитетами, состоящими изъ 10—15 членовъ, выбранныхъ пайщиками въ общемъ собраніи и находящихся подъ постояннымъ надзоромъ ежемѣсячныхъ общихъ собраній членовъ общества. Почти во всѣхъ обществахъ члены комитета не получаютъ никакого жалованья и секретари общества также не пользуются таковымъ, тогда какъ бухгалтерія и собственно ручной трудъ совершаются приказчиками и рабочими, нанятыми на общихъ началахъ. Въ подобномъ устройствѣ выражается англійскій принципъ самоуправленія (selfgovernment), по которому выбранные обществами руководители не пользуются никакимъ денежнымъ вознагражденіемъ, но довольствуются одною честью.

Кооперативныя общества въ Великобританіи занимаются лишь экономическими дѣлами, оставляя въ сторонѣ интересы политическіе, соціалистическіе или религіозные; тогда какъ въ другихъ странахъ, напр. въ Бельгіи и во Франціи, встрѣчаются кооперації „католическія“, „соціалистическія“ и т. д., отдѣляющія свои доходы для религіозной или соціалистической пропаганды, въ Великобританіи кооперація является совершенно нейтральной почвой, гдѣ люди объединены лишь общимъ экономическимъ интересомъ. На послѣднемъ годовомъ кооперативномъ конгрессѣ, собравшемся 23-го мая 1904 года въ Лондонѣ, предсѣдатель, мистеръ Гринингъ, охарактеризовалъ это стремленіе кооперації въ слѣдующихъ мѣткихъ словахъ: „Мы говоримъ всякому—вступите къ намъ. Мы найдемъ для васъ общую почву, на которой вы можете соединиться, чтобы взаимопомощью поднять человѣчество. Здѣсь не затронутъ вашихъ религіозныхъ чувствъ, вашихъ политическихъ убѣжденій, національныхъ особенностей, партійныхъ интересовъ или сословныхъ идей. Здѣсь почва, посвященная благу всѣхъ безъ исключенія. Мы хотимъ быть соединительнымъ и примирительнымъ средствомъ всѣхъ человѣческихъ начинаній“.

Во избѣжаніе конкурренціи между потребительными обществами при покупкѣ товаровъ и въ видахъ самозащиты противъ бойкота кооперативныхъ обществъ оптовыми торговцами, отказывающимися отпускать имъ товары, и для дальнѣйшаго развитія кооперативнаго движенія, были основаны оптовыя кооперативныя общества (Wholesale Cooperative Societies),—одно въ Англіи, въ 1864 году, и одно въ Шотландіи, въ 1869 году,—съ тѣмъ же принципомъ, существующимъ у мелочныхъ кооперативныхъ обществъ: прибыль распредѣляется между покупателями соразмѣрно суммамъ ихъ покупокъ, но съ тою разницею, что пайщиками оптовыхъ обществъ могутъ быть лишь общества, а не отдѣльныя лица. Извѣстно, что покупка товаровъ обходится тѣмъ дешевле, чѣмъ въ большихъ размѣрахъ она производится. Оптовыя общества представляютъ собою громадныя организаціи, покупающія отъ производителей продукты въ самыхъ большихъ количествахъ для отпуска розничнымъ кооперативнымъ обществамъ. Для дальнѣйшаго укороченія перехода продуктовъ отъ производителей къ потребителямъ, оптовыя общества учредили свои заводы и разнаго рода производительныя заведенія. Исполняя заказы потребительныхъ обществъ, они стали производительными обществами, и, такимъ образомъ, получилось упраздненіе всякаго рода перехода продуктовъ изъ однѣхъ рукъ въ другія: въ одно и то же время кооперація производитъ продукты и потребляетъ ихъ; избѣгается расходъ на продажу, рекламу, конкурренцію и т. д.; купецъ-посредникъ вовсе не вмѣшивается въ дѣло; передъ нами вполнѣ самодовольствующееся промышленно-хозяйственное учрежденіе. Вся прибыль, становящаяся обыкновенно достояніемъ длиннаго ряда посредниковъ, сберегается въ пользу кассы кооперація. Потребительная кооперація породила производительную. Почти все производство на кооперативныхъ началахъ въ Великобританіи прямо зависитъ отъ потребительной кооперація и процвѣтаетъ лишь благодаря обезпеченности сбыта производимыхъ продуктовъ потребительнымъ обществамъ [1]). Такимъ образомъ, новая форма производительной кооперація является:

1) въ видѣ составныхъ частей потребительныхъ розничныхъ или оптовыхъ кооперативныхъ обществъ; или

2) въ видѣ мукомольныхъ обществъ, производящихъ муку для потребленія самими членами кооперація; или же—

[1]) Бывали случаи, что оптовыя потребительныя общества исполняли заказы и для постороннихъ, не принадлежащихъ къ кооперація обществъ,—напр., для муниципалитетовъ городовъ,—но эти случаи не мѣняютъ первоначальнаго ихъ характера поставщиковъ розничныхъ кооперативныхъ обществъ.

3) въ видѣ потребительно-производительныхъ обществъ на смѣшанныхъ началахъ (Co-partnership Cooperation).

Эти послѣднія общества на смѣшанныхъ началахъ представляютъ собой одинъ изъ интереснѣйшихъ типовъ новаго кооперативнаго движенія рабочихъ въ Великобританіи. Ихъ доходъ распредѣляется между: 1) рабочими—пропорціонально заработку каждаго изъ нихъ; 2) заказчиками—пропорціонально суммѣ покупокъ каждаго; при чемъ заказчики большею частью тѣ же рабочіе; и 3) пайщиками—пропорціонально числу имѣющихся у нихъ паевъ; причемъ, однако, во избѣжаніе возможнаго завладѣнія кооперацією крупнымъ капиталистомъ, одному лицу не разрѣшается владѣть болѣе чѣмъ 25-ю паями. Кромѣ того, извѣстная доля прибыли идетъ на благотворительныя и образовательныя цѣли и на пополненіе резервнаго фонда. Но и въ этой формѣ кооперації, существующей главнымъ образомъ для производителей товаровъ, заручаются сперва вѣрнымъ сбытомъ, напр., столькихъ-то паръ сапогъ, столькихъ-то бушелей картофеля, столькихъ-то штукъ яицъ, и т. д., и затѣмъ только переходятъ къ производству этихъ продуктовъ.

Для распространенія производства на подобныхъ началахъ, съ участіемъ производителей въ прибыли, была учреждена особая ассоціація труда (Labour Association), въ которую включены отдѣльныя лица и 63 [1]) кооперативныхъ производительныхъ общества. Для пропаганды идеи кооперації существуетъ „кооперативная юнія“ (Cooperative Union), организація, состоящая изъ 1008 кооперацій [1]), представляющихъ до 1.620.185 членовъ. Кооперативная юнія, въ противоположность кооперативнымъ потребительнымъ обществамъ, представляющимъ собой практическое осуществленіе кооперативнаго начала, занимается выработкою теоретическихъ началъ движенія и выясненіемъ его руководящихъ принциповъ. Учрежденный въ 1895 году „международный кооперативный союзъ“ задается цѣлью соединить кооператоровъ всѣхъ странъ, для международнаго обсужденія и развитія принциповъ кооперації. Имѣется особая, состоящая изъ 58 производительныхъ обществъ федерація, производства на кооперативныхъ началахъ, для взаимнаго поддержанія. Есть еще разныя другія ассоціаціи, какъ, напр., кооперативная гильдія для женщинъ (Women's Cooperative Guild), для изученія улучшенныхъ условій домашней жизни и соціальныхъ реформъ разнаго рода, общество для организаціи земледѣлія въ Ирландіи

[1]) Цифра относится къ концу 1900-го года.

(Irish Agricultural Organisation Society) и т. д. Всѣ эти органы для сплоченія отдѣльныхъ группъ, усовершенствованія внутренней ихъ организаціи и распространенія кооперативной идеи, свидѣтельствуютъ о жизнеспособности кооперативнаго организма и указываютъ на его дальнѣйшее развитіе.

Общій ростъ новаго кооперативнаго движенія въ Великобританіи съ начала его появленія по настоящее время былъ постоянный и поразительно быстрый. Онъ касался и числа членовъ кооперації, и капитала въ паяхъ и займахъ, и выручки и чистой прибыли.

Статистика кооперацій показываетъ, какихъ огромныхъ размѣровъ въ сравнительно короткое время достигло коопераціонное движеніе рабочихъ въ Великобританіи. Общая выручка въ 89.216.223 фунт. стерл., достигнутая коопераціонными обществами за 1903 годъ, превышаетъ общій итогъ вывозной торговли Великобританіи въ 1844 году, когда новое кооперативное движеніе рабочихъ началось. Этотъ колоссальный оборотъ товаровъ совершается 2.116.127 кооператорами, мужчинами и женщинами, имѣющими всѣ голосъ въ управленіи дѣломъ. Если принять во вниманіе, что почти каждый членъ является представителемъ семейства, то, считая среднимъ числомъ по 4 человѣка на семью, приходится заключить, что въ настоящее время свыше 8 милліоновъ лицъ причастно коопераціонному движенію рабочихъ въ Великобританіи, т.-е., приблизительно, одна пятая общаго народонаселенія Соединеннаго Королевства и Ирландіи. Если сложить капиталъ въ паяхъ, займы, принадлежащіе почти исключительно членамъ, и резервный фондъ, то получается огромная сумма, въ 37.158.239 фунт. стерл., представляющая капиталъ, принадлежащій кооператорамъ. Общая сумма вырученной годовой чистой прибыли въ 9.873.385 фунт. стерл. составляетъ не менѣе $36^1/_2$ процентовъ съ паёваго капитала. Этотъ замѣчательный экономическій результатъ не является исключеніемъ. Напримѣръ, въ 1863 году паёвый капиталъ кооперативныхъ обществъ равнялся 573.583 фунт. стерл., и чистая прибыль въ томъ же году дошла до 213.623 фунт. стерл., т.-е. до слишкомъ 37 процентовъ. Средняя чистая прибыль, получаемая коопераціонными обществами съ ихъ паёваго капитала въ послѣднія сорокъ лѣтъ, равнялась, приблизительно, 31 проценту. Если принять во вниманіе, что средняя чистая прибыль съ торговли и промышленности въ Великобританіи, по всей вѣроятности, не превышаетъ 10 процентовъ, то усматривается,

что кооперація утроиваетъ обыкновенную производительность капитала [1]).

Новая кооперація рабочихъ пользуется расположеніемъ государственныхъ властей, выразившимся въ Великобританіи, между прочимъ, въ ея освобожденіи отъ подоходнаго налога. Государственная власть не заинтересована въ томъ, чтобы защищать коммерсантовъ отъ дѣятельности кооператоровъ, желающихъ сами совершать всѣ купеческія операціи для удовлетворенія собственныхъ потребностей. Съ другой стороны, капиталисты не имѣютъ никакой причины бояться кооперації рочдэльскаго типа, въ виду того, что она, устройствомъ систематическихъ денежныхъ сбереженій и капитализаціею членскихъ взносовъ, является союзомъ мелкихъ капиталистовъ или, другими словами, представляетъ собой то самое начало, на которомъ зиждутся скопленіе и экономическая функція капитала. Дѣйствительно, кооперація рочдэльскаго типа есть не что иное, какъ удачная попытка рабочихъ сдѣлаться самимъ капиталистами. Они этого достигаютъ упорнымъ трудомъ, бережливостью, умѣренностью, нравственною жизнью и мирною ассоціаціею труда.

Новая кооперація имѣетъ обширнѣйшій кругъ дѣятельности: она занялась производствомъ всякаго рода общеупотребляемыхъ съѣстныхъ припасовъ, мебели, одежды, игрушекъ, бездѣлушекъ, однимъ словомъ, почти всего, что составляетъ потребность для человѣка; она сама, безъ участія какихъ бы то ни было посредниковъ, потребляетъ производимые ею продукты; она занимается ассоціаціею труда, общею постройкою и сдачею жилыхъ помѣщеній, взаимнымъ страхованіемъ, взаимнымъ кредитомъ, умственнымъ развитіемъ своихъ членовъ, поднятіемъ ихъ общественной нравственности, взаимнымъ ихъ обученіемъ и просвѣщеніемъ и благотворительностью. Въ Великобританіи за 1903 г. кооперативными обществами израсходовано не менѣе 78.499 ф. стерл. на воспитательныя и 45.649 ф. ст. на благотворительныя цѣли. Она уменьшаетъ стоимость жизни, увеличиваетъ шансы отдѣльнаго лица на успѣваніе въ экономическомъ отношеніи, обучаетъ своихъ членовъ трезвости, бережливости и честности,

---

[1]) Цифры заимствованы изъ изданія кооперативнаго союза „The 36-th Annual Cooperative Congress“, 1904. Въ эту таблицу не вошли необъединенныя съ кооперацією рабочихъ товарищества, вродѣ „Лондонскаго Потребительнаго Общества для гражданскихъ чиновниковъ, для арміи и флота“. Подобныя общества, члены которыхъ не имѣютъ ни контроля, ни права голоса, имѣютъ мало общаго съ новымъ кооперационнымъ движеніемъ рабочихъ.

развиваетъ въ нихъ понятія объ общественной солидарности, товарищеской взаимопомощи, и смягчаетъ тотъ дикій эгоизмъ, который такъ часто отравляетъ человѣческое общежитіе. Она оказываетъ помощь въ случаяхъ болѣзни, безработицы и вообще во всѣхъ несчастныхъ случаяхъ, и, такимъ образомъ, одинаково примѣнима къ главнымъ человѣческимъ потребностямъ, какъ въ экономической, такъ и въ духовной и нравственной областяхъ. Тѣмъ не менѣе, ей врядъ ли удастся забрать въ свои руки всю торговлю или завладѣть всѣми средствами производства. Торговля и промышленность частныхъ лицъ, рисуемыя кооператорами въ видѣ преступнаго эгоизма и некрасиваго стремленія къ личной наживѣ, исполняютъ необходимыя для человѣческаго общежитія функціи и способствуютъ увеличенію благосостоянія страны. Если даже допустить, что во многихъ отрасляхъ промышленности посредникъ можетъ съ пользою быть устраненъ, то, все же, въ другихъ, посредничество торговца и индивидуальное начало незамѣнимы кооперацією. Въ доказательство несостоятельности чрезмѣрныхъ ожиданій увлекшихся кооператоровъ, необходимо опредѣлить предѣлы, которыхъ кооперація, по самому ея существу и устройству, не въ состояніи переступить. Мы поэтому разсмотримъ, въ какихъ именно случаяхъ кооперативное начало непримѣнимо.

1. Первый предѣлъ кооперативнаго движенія усматривается въ томъ, что, при существующихъ условіяхъ культурнаго общежитія, оно не распространимо на состоятельныхъ людей, на совершенно бѣдныхъ и на рабочихъ, не имѣющихъ опредѣленныхъ и постоянныхъ занятій. Случайные рабочіе, занимающіеся отхожими промыслами, странствующіе рабочіе, уличные разносчики и тому подобные люди, не имѣютъ интереса быть членами кооперацій. Не случайный—тотъ фактъ, что кооперативная организація лучше всего прививается къ урегулированнымъ законами промышленностямъ, какъ-то: прядильной, ткацкой, горной, машиностроительной и т. п., тогда какъ рабочіе въ собственныхъ квартирахъ, работа которыхъ производится не подъ надзоромъ публичныхъ властей, остаются внѣ кооперативнаго движенія. Въ Великобританіи лишь одна пятая [1]) людей, снискивающихъ свое пропитаніе ручнымъ трудомъ, принадлежитъ къ кооперації, несмотря на предоставляемыя ею рабочимъ экономическія и другія преимущества. Съ другой стороны, кооперативное движеніе огра-

[1]) Цифра, заимствованная изъ „The Cooperative Movement in Great Britain“, by Beatrice Potter, London, Swan, Sonnenschein, 1891, page 226.

ничено тѣмъ, что оно развилось почти исключительно въ средѣ рабочихъ, при чемъ кооперативныя операціи простирались лишь на предметы общедоступнаго обихода и на удовлетвореніе присущихъ каждому человѣку постоянныхъ потребностей. Не существуетъ кооперативныхъ заводовъ для разведенія кровныхъ верховыхъ лошадей, ни лавокъ для деликатессъ, ни магазиновъ для моднаго платья, драгоцѣнныхъ камней, брюссельскихъ кружевъ, элегантныхъ экипажей, картинъ старинныхъ мастеровъ, ни пушечныхъ заводовъ, ни верфей для постройки судовъ, хотя подобныя учрежденія приносятъ большую прибыль. Отчего? Кооператоры разумно избѣгали имѣть дѣло съ предметами, подвергнутыми измѣненіямъ моды, или имѣющими лишь условную, временную цѣнность, или употребляемыми лишь извѣстнымъ кругомъ людей, или же принадлежащими къ роскоши. Иногда они отступали отъ этого правила, но попытки эти не увѣнчались успѣхомъ. Дѣло въ томъ, что спекуляція и рискъ,—вообще образъ дѣйствія отдѣльнаго предпринимателя-капиталиста, находящагося на постоянныхъ поискахъ за новыми шансами и начинающаго предложеніемъ, чтобы затѣмъ отыскать спросъ на предлагаемый имъ товаръ,—совершенно несовмѣстимы съ основными правилами кооперації. Между тѣмъ, извѣстно, что многія отрасли торговли и промышленности, по ихъ существу, немыслимы безъ спекуляціи и обязательно сопряжены съ рискомъ. Изъ этого слѣдуетъ, что дѣйствія кооперації ограничены извѣстными экономическими рамками.

2. Изъ того факта, что кооперація принципіально стоитъ внѣ всякой торговой спекуляціи, усматриваются еще другіе предѣлы, мѣшающіе распространенію ея на всю торговлю и промышленность страны. Хотя кооперація рабочихъ и производитъ промышленные продукты въ самыхъ крупныхъ размѣрахъ, но она не можетъ задаться цѣлью производить для открытаго рынка потому, что представляетъ собою такъ сказать, домашнее предпріятіе, существующее благодаря оказываемому ей со стороны кооперативныхъ потребителей покровительству. Вслѣдствіе этого, кооперація рабочихъ фактически не коснулась той части промышленности, на которую главнымъ образомъ опирается благосостояніе Великобританіи — вывоза за границу. А въ случаѣ, если бы она захотѣла вступить на это, остававшееся ей до сихъ поръ неизвѣстнымъ, поприще, — она принуждена была бы считаться съ міровою торговою спекуляціею, заниматься государственно-политическими соображеніями, совершать сдѣлки на кредитъ, однимъ словомъ, отступать отъ тѣхъ принциповъ, которые

до сихъ поръ служили основою и ручательствомъ ея процвѣтанія. Она въ такомъ случаѣ должна была бы превратиться въ учрежденіе совершенно другое, успѣхъ котораго явился бы весьма сомнительнымъ въ виду того, что процвѣтавшая до сихъ поръ кооперація избѣгала конкурренціи на открытомъ рынкѣ и обставлена особыми, охраняющими ее отъ таковой, гарантіями. Вообще, всѣ торговыя и промышленныя предпріятія, не имѣющія ничего общаго съ потребленіемъ замкнутаго круга людей, стоятъ внѣ предѣловъ кооперації. Она, напримѣръ, не могла бы играть роли желѣзнодорожной или портовой компаніи, потому что потребленіе желѣзныхъ дорогъ или доковъ не ограничено членами кооперації, но открыто для общей публики. Если же кооператоры вздумали бы предпринять дѣло, не ограниченное ихъ собственнымъ потребленіемъ, но служащее потребностямъ большой публики, то они, въ случаѣ финансоваго успѣха, подверглись бы искушенію закрыть свои двери новымъ пришельцамъ, чтобы самимъ воспользоваться результатомъ собственнаго труда. Тогда они превратились бы въ членовъ акціонернаго общества. Акціи оптовыхъ кооперативныхъ обществъ, до сихъ поръ не имѣвшія биржевой стоимости, вслѣдствіе выдачи ихъ каждому новому члену по нарицательной цѣнѣ и вслѣдствіе того, что число членовъ кооперативныхъ обществъ не ограничено,—стали бы котироваться на биржѣ, ихъ цѣнность поднялась бы, или же упала бы, въ зависимости отъ разныхъ экономическихъ и политическихъ обстоятельствъ, и все зданіе рочдэльской системы, служащее ограниченной, но тѣмъ болѣе солидной цѣли упраздненія прибыли посредника купца, замѣнимаго работающею для пользы самого потребителя кооперацією, окончательно обрушилось бы, уступая мѣсто непрочному строю обыкновеннаго промышленнаго товарищества.

3. Новая кооперація рабочихъ вообще не способна успѣшно конкуррировать на общихъ торговыхъ началахъ, т.-е. не заручившись заранѣе сбытомъ, по той причинѣ, что принципіально не желаетъ вступать въ борьбу съ конкурренціею. Она считаетъ конкурренцію абсолютнымъ зломъ и предполагаетъ, что ее у себя устранила. И то, и другое—опасный самообманъ, заключающій въ себѣ зародышъ заблужденій и слабости. Достаточно просмотрѣть отчеты годовыхъ кооперативныхъ конгрессовъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что не прекращаются жалобы на такъ называемое overlapping,—практика, состоящая въ томъ, что отдѣльныя кооперативныя общества,—особенно въ сапожномъ дѣлѣ, въ которомъ имѣется очень много кооперацій,—для увеличенія своего сбыта стараются

отбить другъ отъ друга покупателей, прибѣгая къ пріемамъ самой обыкновенной торговой конкурренціи. Кооперативныя потребительныя общества естественно ищутъ запастись товаромъ, гдѣ дешевле и лучше, и иногда пополняютъ свои запасы на открытомъ рынкѣ и не заказами у производительныхъ кооперативныхъ обществъ, такъ что въ дѣйствительности и въ кооперативномъ мірѣ дѣло безъ всякой конкурренціи не обходится. Конкурренція въ экономическомъ отношеніи приноситъ существенную пользу тѣмъ, что заставляетъ производителей какъ можно больше стараться, а съ другой стороны предохраняетъ потребителей отъ чрезмѣрныхъ цѣнъ на покупаемые ими товары: она регулируетъ рыночныя цѣны. Въ естественной борьбѣ за существованіе конкурренція служитъ залогомъ успѣха самыхъ старательныхъ и годныхъ, — по теоріямъ Дарвина и Спенсера: „the selection and survival of the fittest in the struggle for existence“. Отсутствіе конкурренціи можетъ повести къ качественному ухудшенію продаваемыхъ продуктовъ и къ слишкомъ высокимъ ихъ цѣнамъ. Бывали случаи ярыхъ пререканій между кооператорами по поводу подобныхъ проявленій. Правда, что кооператору принципіально не возбраняется запасаться нужными ему продуктами гдѣ ему угодно, но разъ онъ состоитъ членомъ кооперації, онъ по возможности будетъ избѣгать покупать въ не-кооперативныхъ лавкахъ, въ виду того, что онъ самъ прямо заинтересованъ въ кооперативномъ дѣлѣ. Во всякомъ случаѣ, нельзя не усмотрѣть въ избѣжаніи кооперацією благотворнаго и укрѣпляющаго вліянія конкурренціи, замѣняемой ею фактическою монополіею въ снабженіи кооператоровъ нужными имъ товарами,—недостатка и предѣла, мѣшающихъ ей заниматься производствомъ для открытыхъ внутренняго и внѣшняго рынковъ.

4. Завладѣніе кооперацією всею торговлею и промышленностью страны немыслимо и потому, что есть отрасли торговли и промышленности, въ которыхъ не стѣсненная кооперативнымъ надзоромъ личная иниціатива и независимость составляютъ обязательное условіе для успѣха предпріятія. Напр., во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ приходится быстро сообразоваться съ измѣнившимися условіями рынка, выбирать новые способы производства, слѣдовать новымъ модамъ, создавать новыя отрасли промышленности,—отдѣльное лицо, одаренное талантомъ и предпріимчивостью, имѣетъ большое преимущество надъ кооператорами. Кромѣ того, кооперація неспособна заручиться услугами первоклассныхъ людей, въ виду того, что не можетъ имъ дать достаточнаго вознагражденія за ихъ труды. Руководящія лица, какъ,

напр., Армстронгъ, Карнеги и вообще піонеры новыхъ отраслей промышленности, очевидно, не имѣли бы никакого разсчета стать членами кооперації и обременить свою свободу дѣйствія ея надзоромъ. Кооперація, оказывающая большія услуги для общедоступныхъ начинаній обыкновенныхъ людей, не можетъ быть приманкою для человѣка, могущаго справедливо ожидать большей личной выгоды отъ приложенія своихъ умственныхъ способностей. Сподвижники преобразованія всего общежитія на кооперативныхъ началахъ это сами сознаютъ.

Такъ, напр., Голіокъ восклицаетъ: „ни одинъ магазинъ лондонскаго или рочдэльскаго типа не показываетъ таланта въ искусствѣ продажи. Знаніе, сужденіе и ловкость обыкновеннаго продавца и личное его знакомство со вкусами и потребностями покупателей недостижимы для кооперативнаго магазина“ [1]). Со своей стороны, составители руководства для кооператоровъ, Юзъ и Нилъ, упоминаютъ о томъ, что кооперація, намѣревающаяся выйти изъ предѣловъ сравнительно простого фазиса потребленія, должна заручиться услугами успѣшныхъ коммерсантовъ и промышленниковъ, при чемъ, однако, она, взамѣнъ прибыли, которую эти послѣдніе могли бы пріобрѣсти, будучи предпринимателями на собственный счетъ, можетъ предложить имъ въ качествѣ вознагражденія лишь краснорѣчивое убѣжденіе, что они прилагаютъ свои старанія къ усовершенствованію благосостоянія человѣчества. Какъ видно, надежда на успѣхъ кооперації основывается на предположеніи, что найдутся подходящіе люди, признающіе подобныя соображенія верховными для себя и не требующіе вознагражденія, равнаго прибыли, предлагаемой имъ міромъ конкурренціи. Юзъ и Нилъ восклицаютъ: „Подобная надежда,—безосновательна ли она?“ [2]) Еще бы: она представляется въ видѣ морально-экономическаго донкихотства, могущаго привести къ заблужденіямъ, подобнымъ испытаннымъ благороднымъ рыцаремъ ламаншскимъ, не сообразовавшимся съ дѣйствительными данными окружавшаго его міра. Трудно предположить, чтобы сознающій свои силы первоклассный промышленникъ или коммерсантъ поддался моральнымъ чарамъ кооперації, когда передъ его глазами развертывается заманчивая картина личнаго успѣха и богатства. Не безъинтересно отмѣтить, что такой авторитетъ по кооперативной части, какъ Голіокъ,

[1]) George Jacob Holyoke: „The Cooperative Movement To-day“. London, 1896, page 97.

[2]) Thomas Hughes and Edward Neale: „A Manual for Cooperators“. Macmillan & Co. London, 1888, page 59.

самъ приходитъ къ слѣдующему, печальному для вздутыхъ надеждъ кооперації заключенію: „торговцы, располагающіе спеціальными знаніями, и особенно умѣлостью, никогда не будутъ упразднены кооперацією, подобно тому, какъ люди искусства, въ родѣ Квинтина Маци или Бенвевуто Челлини, не упразднимы промышленными машинами“ [1]). При существующемъ индустріальномъ строѣ, при которомъ трудъ отдѣльныхъ рабочихъ направляется съ одной стороны большими капиталами, а съ другой — выдающимися спеціалистами-управителями, успѣхъ промышленныхъ предпріятій зависитъ, главнымъ образомъ, отъ скораго примѣненія къ производству усовершенствованныхъ машинъ, дальновидныхъ операцій на міровыхъ рынкахъ и страхованія предпріятій свободнымъ капиталомъ противъ непредвидѣнныхъ происшествій внутри страны и за границею. Строй этотъ не благопріятствуетъ всеобщему примѣненію кооперативнаго начала, и онъ же, съ другой стороны, въ виду его экономическаго превосходства, неустранимъ кооперацією.

5. Вообще, новая рабочая кооперація стремится устранить заботу о личной выгодѣ и замѣнить ее исканіемъ общаго блага. Подобный принципъ, хотя и нравственно возвышенъ, къ сожалѣнію фактически не соотвѣтствуетъ условіямъ практической жизни и самой природѣ человѣка, основанной на самозащитѣ и эгоизмѣ. Не отрицая существованія въ душѣ человѣка способности къ соболѣзнованію, человѣколюбію и благотворительности, необходимо признать, что забота о личной выгодѣ всегда играла и будетъ играть первенствующую роль въ человѣческой жизни. Поэтому, упраздненіе этого главнаго мотива человѣческой энергіи можетъ отразиться пагубно на его стараніи, творчествѣ и предпріимчивости. Въ эпоху варварства собственность принадлежала всему обществу. Переходъ къ принципу частной собственности и къ индивидуальному началу привелъ къ напряженію всѣхъ имѣющихся у человѣка силъ, къ развитію его энергіи, къ достиженію болѣе удовлетворительныхъ результатовъ въ производствѣ промышленныхъ продуктовъ, къ улучшенію хозяйственныхъ условій народовъ, къ болѣе правильному эксплоатированію рессурсовъ данной страны,—вообще, къ прогрессу. Общее примѣненіе къ промышленности страны кооперативнаго начала было бы, въ экономическомъ отношеніи, ретроградным движеніемъ. Забота о личной выгодѣ увеличиваетъ производи-

[1]) George Jacob Holyoke: „The Cooperative Movement To-day“. London. 1896, page 101.

тельность человѣческаго труда, и индивидуальное начало для талантливаго человѣка всегда будетъ болѣе подходящимъ, чѣмъ кооперативное [1]). Кооператоры на это возражаютъ, что частная промышленность, приносящая наибольшую пользу даровитому меньшинству народонаселенія, не выгодна для большинства съ среднимъ умомъ, для которыхъ полезнѣе всего кооперативное устройство. Но прогрессъ въ культурѣ, улучшеніе условій человѣческой жизни и вообще явленія, рѣшающія участь народовъ, всегда были и будутъ дѣломъ весьма немногихъ руководящихъ мыслителей, изобрѣтателей, реформаторовъ, полководцевъ и государственныхъ и общественныхъ дѣятелей. Человѣчество, какъ цѣлое, неизбѣжно оказалось бы въ проигрышѣ созданіемъ строя, неблагопріятнаго для проявленія великихъ людей.

6. Однако, кооперація не желаетъ полнаго обобществленія всего имущества, и, какъ уже указано было выше, участіе капиталистовъ въ кооперативномъ дѣлѣ ею даже не особенно предусмотрѣно, но, въ такомъ случаѣ, спрашивается, какимъ образомъ обѣщанное кооператорами объединеніе всей торговли и промышленности подъ знаменемъ кооперацій могло бы осуществиться? Интересы капиталиста, представляющаго индивидуальное, и кооператора, олицетворяющаго общественное начало, казалось бы, діаметрально противоположны. Общій капиталъ Великобританіи, равняющійся десяти милліардамъ фунтовъ стерлинговъ, врядъ-ли поглощаемъ 37-ю милліонами, коими располагаютъ кооператоры.

Итакъ, при всемъ признаніи большихъ услугъ, оказанныхъ и оказываемыхъ кооперацією, особенно новою кооперацією рабочихъ въ Великобританіи, и еще ожидаемыхъ отъ нея въ будущемъ, мы записываемся въ скептики относительно проповѣдуемаго увлекшимися кооператорами обновленія коопераціоннымъ движеніемъ всего строя торговли, промышленности и общественности. Подобныя преувеличенныя надежды, проявившіяся въ особен-

[1]) Интересно отмѣтить, что графъ С. Ю. Витте, въ своей запискѣ по крестьянскому дѣлу (С.-Петербургъ, 1904), также выступаетъ защитникомъ индивидуальнаго начала. По его мнѣнію, сознаніе и увѣренность, что результатомъ работы воспользуется самъ трудившійся или близкія ему по крови и привязанности лица, является основнымъ стимуломъ всякой матеріальной культуры; общественное же устройство, проповѣдуемое соціалистическими ученіями, несовмѣстимо съ гражданскою и экономическою свободою и убило бы всякую хозяйственную самодѣятельность и предпріимчивость. Поступательное движеніе матеріальной культуры основано на личной предпріимчивости, личной трудоспособности, личномъ умѣніи и личномъ разсчетѣ.

ности въ новѣйшей литературѣ кооперативнаго движенія, опасны, не только по своей неосуществимости, но и потому, что угрожаютъ прочности самыхъ основъ кооперації. Какъ выше указано, успѣхъ новаго кооперативнаго движенія рабочихъ въ Великобританіи является, главнымъ образомъ, послѣдствіемъ:

1) удовлетворенія жизненныхъ потребностей кооператоровъ при одновременномъ ими соблюденіи существующихъ государственнаго и соціальнаго строевъ и воздержанія ихъ отъ какихъ бы то ни было политическихъ, религіозныхъ или соціалистическихъ тенденцій;

2) сплоченія въ общества отдѣльныхъ потребителей, заказывающихъ нужные имъ товары у другихъ потребительныхъ обществъ, существующихъ для исполненія этихъ заказовъ,—или же союза людей, являющихся въ одно и то же время производителями и потребителями извѣстныхъ продуктовъ.

Новое направленіе многихъ руководителей кооперативнаго движенія хочетъ замѣнить эти испытанныя вѣрныя начала другими, болѣе честолюбивыми и претенціозными цѣлями. Помянутые выше, Э. Нилъ, Томасъ Юзъ, Э. Гриннигъ, Голіокъ и Вальтеръ, Морриссонъ, лордъ Рейтонъ, Ллойдъ Джонсъ, Сэдлей Тэйлоръ, Джоржъ Томсонъ, Вильямъ Максвель, болѣе не намѣрены довольствоваться старымъ здравымъ принципомъ, по которому въ кооперативныхъ обществахъ прибыль причитается потребителю. Они желаютъ предоставить прибыль самому рабочему, цѣль котораго впредь должна быть производство не для самого себя или для потребительнаго общества, но для открытаго рынка. Вслѣдствіе этого кооперація существенно измѣнилась бы и превратилась бы въ учрежденіе совершенно иного рода. На мѣсто мирнаго круга людей, до сихъ поръ трудившихся для самихъ себя и не желавшихъ стать поперекъ пути другихъ, явилось бы общество, намѣревающееся открыто конкуррировать съ промышленными и торговыми предпріятіями, организованными на индивидуальныхъ началахъ. Прежнее чисто экономическое учрежденіе, основанное рочдэльскими ткачами, приняло бы видъ новаго соціалистическаго опыта, которому предстоитъ разбиться о закаленную въ борьбѣ за существованіе индивидуальную предпріимчивость. Каждый, принимающій къ сердцу участь рабочихъ и удостовѣрившійся въ чрезвычайно благопріятномъ, въ экономическомъ и нравственномъ отношеніяхъ, вліяніи, оказываемомъ кооперацією на рабочихъ,—сожалѣлъ бы о подобномъ поворотѣ начавшагося такъ успѣшно и такъ много обѣщавшаго кооперативнаго движенія. Желаемъ указать на грозящую кооперативному началу опасность

отъ новаго направленія „кооперативной юніи", согласно которому юнія эта открыто стремится къ тому, чтобы воспользоваться кооперативнымъ движеніемъ для измѣненія всего существующаго промышленнаго и общественнаго строя по примѣру вожделѣній континентальныхъ соціалистовъ.

Рѣшеніе такъ называемаго рабочаго вопроса,—т.-е. удовлетворительная, въ смыслѣ избѣжанія антагонизма между капиталомъ и трудомъ, организація промышленнаго производства,—осуществима кооперацією капитала и труда на примѣняемыхъ уже на практикѣ въ Великобританіи общихъ началахъ, безъ надобности для этого прибѣгать къ желаемому соціалистами общественному перевороту. Выше было упомянуто о новомъ типѣ кооперації на смѣшанныхъ началахъ (Co-partnership cooperation), по которой прибыль раздѣляется, не только между потребителями и капиталистомъ, но и между рабочими, производившими потребляемые продукты. Участіе рабочихъ въ выручкѣ установлено еще въ другой формѣ мирной кооперації капитала и труда, по которой существуютъ особыя льготы для рабочихъ, желающихъ сдѣлаться акціонерами предпріятія, въ которомъ они работаютъ, становясь такимъ образомъ сами предпринимателями-хозяевами. По этой, уже заведенной во многихъ большихъ товариществахъ Великобританіи, системѣ, рабочимъ предоставляется право внести свои сбереженія правленію товарищества, для пріобрѣтенія отъ него акцій подъ особенно льготными условіями. Подобный порядокъ заведенъ въ большихъ судостроительныхъ фирмахъ—сэра Кристофера Фурнесса въ Гартлепулѣ, баронета Чарльза Пальмерса въ Джаррона-Тайнѣ, на пушечномъ заводѣ лорда Армстронга въ Эльвикѣна-Тайнѣ и т. д. Эта форма экономическаго сотоварищества между капиталомъ и трудомъ оказалась успѣшною и имѣетъ тѣмъ болѣе благотворное вліяніе, что рабочій, состоящій въ то же время акціонеромъ предпріятія, въ которомъ онъ работаетъ лично заинтересованъ въ его успѣхѣ, и поэтому не станетъ принимать участія въ стачкахъ, подрывающихъ производство заведенія. Созданіе общности интересовъ между капиталистами и рабочими одинаково выгодно для обоихъ. Такъ, напр., газовая компанія въ южной части Лондона, „The South Metropolitan Gas Company", состоящая подъ просвѣщенною дирекціею сэра Джоржа Ливсея, получила благопріятнѣйшіе результаты отъ примѣняемаго ею согласованія интересовъ капиталистовъ и рабочихъ. По мѣрѣ того, какъ дивиденды, получаемые отъ акцій этой компаніи, возрастаютъ, цѣна за потребленіе газа уменьшается и рабочая плата соразмѣрно увеличивается. Кромѣ того,

выпускаемыя компаніею новыя акціи, до поступленія на открытый рынокъ, предлагаются сперва ея потребителямъ и рабочимъ. Въ настоящее время акціи потребителей компаніи насчитываютъ 1.000.000 фунт. стерл., рабочіе же и служащіе компаніи владѣютъ акціями въ размѣрѣ 143.603 фунт. стерл. и денежными вкладами въ 60.852 фунт. стерл. Подобное образцовое объединеніе интересовъ капиталистовъ, потребителей и рабочихъ привело къ все большему процвѣтанію компаніи. Рыночная стоимость ея акцій, при номинальной цѣнѣ въ 100 фунт. стерл., дошла нынѣ до 125 и 127 фунт. стерл. Итакъ, практическій опытъ въ Великобританіи доказалъ, что умиротвореніе между интересами капитала и рабочаго труда достижимо приложеніемъ началъ, не имѣющихъ ничего общаго съ соціалистическими стремленіями извѣстной партіи кооператоровъ [1]).

Бар. Гейкингъ.

Ньюкастль-на-Тайнѣ.

---

[1]) The 36-th Annual Co-operative Congress, 1904, Manchester, published by the Co-operative Union, pages 47 and 48.

ПРАЗДНЫЯ МЫСЛИ

Ilde Ideas in 1905. Jerome K. Jerome.

I.

Такъ ли мы интересны, какъ мы то думаемъ?..

— Очень пріятно! Какая нынѣче жара,—я хочу сказать: какой холодъ! Позвольте, я не совсѣмъ разслышалъ ваше имя... Благодарю! Да, здѣсь немного душно.—И затѣмъ наступаетъ молчаніе, такъ какъ ни одинъ изъ насъ не знаетъ: что̀ сказать?

Вотъ что̀ произошло: хозяинъ встрѣтилъ меня въ дверяхъ и дружески потрясъ мнѣ руку.

— Очень радъ, что вы пріѣхали,—сказалъ онъ;—тутъ собрались нѣкоторые изъ моихъ друзей, жаждущіе съ вами познакомиться;—онъ потащилъ меня черезъ комнату:—очаровательные люди. Они вамъ понравятся—прочли всѣ ваши книги.

Онъ подвелъ меня къ представительной дамѣ, и она—я это чувствую—ждетъ, чтобы я сказалъ что-нибудь умное, оригинальное и тактичное. А я не знаю: мормонка она или пресвитеріанка; принадлежитъ ли она къ протекціонистамъ или къ фритредерамъ, собирается ли замужъ, или только-что развелась съ мужемъ.

Одинъ изъ моихъ друзей имѣетъ привычку сообщать вамъ краткія біографіи лицъ, съ которыми онъ васъ знакомитъ.

— Я хочу представить вамъ м-ссъ Джонсъ,—шепчетъ онъ:—умная женщина. Написала книгу два года тому назадъ. Забылъ ея названіе. Нѣчто о близнецахъ. Воздержитесь отъ упоминанія о сосискахъ,—отецъ ея торговалъ свининою въ Бороу. Мужъ

играетъ на биржѣ. Не упоминайте также о коксѣ: обанкротилась какая-то компанія. Лучше держитесь книги. Въ ней много говорится о платонической дружбѣ. Не глядите на нее слишкомъ пристально. У нея маленькое косоглазіе, которое она желаетъ скрыть.—Тѣмъ временемъ мы приблизились къ дамѣ, и онъ рекомендуетъ ей меня въ качествѣ человѣка, умирающаго отъ желанія съ нею познакомиться.

— Желаетъ поговорить о вашей книгѣ,—поясняетъ онъ,—совершенно съ вами расходится по вопросу о платонической дружбѣ. Я увѣренъ, что вы его убѣдите.

Такой пріемъ избавляетъ насъ обоихъ отъ недоразумѣній. Я прямо начинаю съ платонической дружбы, разспрашиваю о близнецахъ, избѣгая сосисокъ и кокса. Она считаетъ меня необычайно интереснымъ человѣкомъ, и я чувствую себя въ менѣе непріятномъ положеніи, чѣмъ это могло быть.

Иногда мнѣ приходило въ голову, что было бы большимъ удобствомъ, еслибы мы являлись въ общество съ карточкою, пришпиленною, скажемъ, позади, и заключающею въ себѣ необходимыя свѣдѣнія: наше имя, четко написанное, и способъ его произношенія, нашъ возрастъ—не настоящій, но оффиціальный. (Однажды я не на шутку оскорбилъ нѣмецкую лэди, задавъ ей вопросъ о франко-германской войнѣ,—она посмотрѣла на меня съ такимъ видомъ, какъ будто она ничего не имѣетъ противъ того, чтобы я принялъ ее за сорокалѣтнюю. Оказалось, что ей тридцать-семь лѣтъ. Не будь я англичаниномъ, мнѣ предстояла бы дуэль). Къ этому слѣдовало бы добавить: наше политическое и религіозное credo и кое-какіе факты изъ нашей жизни—для того, чтобы избѣгнуть того, что въ просторѣчіи называется: ляпнуть. Гости, держащіеся мнѣнія лорда Биконсфильда о томъ, что самый пріятный человѣкъ—это тотъ, кто согласенъ съ вами, сразу могли бы выбрать собесѣдника себѣ по вкусу.

— Простите, пожалуйста! Не обернетесь ли вы ко мнѣ на минуту спиною? А! Послѣдователь Вагнера? Боюсь, что мы не сойдемся. Я предпочитаю итальянскую школу.

Или:—Какъ пріятно! Я вижу, что вы не вѣрите въ оспопрививаніе. Могу я повести васъ къ ужину?—Съ другой стороны, для людей, любящихъ поспорить, возможно было бы выбрать подходящихъ оппонентовъ. Церемоніймейстеръ могъ бы выйти на середину залы и провозгласить:

— Лэди, будучи крайней феминисткой, желаетъ вступить въ споръ съ джентльменомъ, раздѣляющимъ взгляды апостола Павла.

Два года тому назадъ, одна американка написала мнѣ порадовавшее меня письмо: съ такимъ пониманіемъ оцѣнивала она мои произведенія, съ такимъ дружескимъ сочувствіемъ критически разбирала ихъ. Она прибавляла, что во время своего пребыванія въ Англіи прошлымъ лѣтомъ она имѣла случай познакомиться со мною, но въ послѣднюю минуту раздумала: она побоялась, что личностью своею я не оправдаю ея ожиданій. Ради себя самого, я сожалѣю о томъ, что знакомство не состоялось: пріятно было бы встрѣтиться съ такою здравомыслящею женщиной. Авторъ, знакомящійся съ людьми, читавшими или говорящими, что они читали его произведенія, похожъ на человѣка, котораго представляютъ родственникамъ его жены. Они очень милы. Они стараются одобрить его. Но онъ инстинктивно чувствуетъ, что они въ немъ разочарованы. Я помню, что, будучи юношей, присутствовалъ на праздникѣ, дававшемся въ честь знаменитаго американскаго юмориста. Я стоялъ позади дамы, разговаривавшей со своимъ мужемъ.

— Онъ совсѣмъ не кажется забавнымъ,—говорила она.

— Что за вздоръ!—отвѣчалъ мужъ.—Какимъ же ты его представляла? Съ краснымъ носомъ и бородавкою подъ глазомъ?

— Ну, все же онъ могъ бы казаться позабавнѣе,—возразила дама, очень недовольная:—не стоило и пріѣзжать.

Всѣмъ извѣстна исторія хозяйки, просившей юмориста разсказать что-нибудь смѣшное раньше, чѣмъ ея милыя дѣти лягутъ спать. Я самъ однажды пригласилъ къ себѣ въ домъ пріятеля, интереснаго человѣка, и до его пріѣзда я расхваливалъ его остроуміе (что было, быть можетъ, не совсѣмъ умно)—въ присутствіи близкой мнѣ юной особы, которая слушаетъ все, чего не надо, и не слушаетъ того, что нужно. Какъ нарочно, другъ мой былъ не въ юмористическомъ настроеніи. Послѣ обѣда юная особа влѣзла ко мнѣ на колѣни. Минутъ пять она сидѣла молча. Затѣмъ она шепнула:

— Онъ сказалъ что-нибудь смѣшное?

— Тише. Нѣтъ еще. Не глупи.

Пять минутъ спустя:

— А это было смѣшно?

— Нѣтъ, конечно нѣтъ.

— А почему?

— Потому что... Развѣ ты не слышала, что мы говорили о пенсіяхъ?

— Это что такое?

Свободная Сибирская Библиотека

— Это — я объясню потомъ. Словомъ, по такому поводу нельзя сказать ничего смѣшного.

— Такъ зачѣмъ же онъ объ этомъ говоритъ?

Она подождала еще съ четверть часа, затѣмъ, очень разочарованная и къ великому моему облегченію, рѣшила, что ей тоже пора спать. На слѣдующее утро она съ торжествомъ подбѣжала ко мнѣ въ саду.

— Онъ такое смѣшное сказалъ вчера вечеромъ! — воскликнула она: — я только не помню, что̀ именно, — но я даже во снѣ это видѣла.

Для всѣхъ, не принадлежащихъ къ великимъ людямъ, но лишь находящихся съ ними въ родствѣ — представленія должны быть настоящею пыткой. Вы говорите имъ, что цѣлыми годами жаждали съ ними встрѣчи. Вы увѣряете ихъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ, что это — по истинѣ счастье, и хотите прибавить, что еще будучи мальчикомъ...

Но тутъ собесѣдникъ прерываетъ васъ объясненіемъ, что онъ — не мистеръ такой-то, а лишь его кузенъ или дѣдушка, и единственныя слова, которыя вамъ приходятъ на умъ: „О, какъ жаль!“

У меня былъ племянникъ, любитель велосипедныхъ гонокъ. Онъ и до сихъ поръ у меня есть, только потолстѣлъ и перешелъ къ автомобильному спорту. Въ спортсменскихъ кругахъ, я извѣстенъ подъ именемъ „дяди Шорлэнда“. Остриженные подъ гребенку молодые люди восторженно таращатъ на меня глаза и затѣмъ освѣдомляются:

— А вы сами, м-ръ Джеромъ, чѣмъ-нибудь занимаетесь?

Но все же я въ лучшемъ положеніи, чѣмъ другъ мой докторъ. Онъ женился на выдающейся актрисѣ, и съ тѣхъ поръ его называютъ „мужемъ миссъ Б.“.

На публичныхъ обѣдахъ, гдѣ приходится сидѣть рядомъ съ людьми, которыхъ вы никогда не видѣли ранѣе и никогда больше не увидите — разговоры бываютъ затруднительны и опасны. Я помню, какъ на одномъ изъ клубныхъ обѣдовъ дама, съ которою я бесѣдовалъ, обратилась ко мнѣ съ припомнившимся мнѣ впослѣдствіи легкимъ смѣхомъ, прося меня высказать съ полною откровенностью мое мнѣніе о послѣдней книгѣ одной знаменитой писательницы. Я высказалъ свое мнѣніе, и между нами воцарилась холодность. Она оказалась этою самой знаменитой писательницей: въ послѣднюю минуту она помѣнялась съ кѣмъ-то мѣстами для того, чтобы избѣжать сосѣдства съ другою романисткой, которую терпѣть не могла.

Въ подобныхъ случаяхъ приходится вывертываться. На обѣдѣ въ Mansion-House ко мнѣ подошелъ знакомый журналистъ:

— Не помѣняетесь ли вы со мной мѣстами?—спросилъ онъ. —Меня посадили рядомъ съ моею бывшею женой.

Я самъ провелъ однажды тревожный вечеръ. Мнѣ пришлось сопровождать молодую вдову на концертъ въ домъ одной дамы, имѣвшей черезчуръ большой кругъ знакомыхъ. Наверху лѣстницы стоялъ докладывавшій о пріѣздѣ гостей лакей. Моя знакомая сказала первая:

— Доложите: м-ссъ Дэшъ и...

Не ожидая далѣе, слуга, еще молодой и неопытный, провозгласилъ:

— М-ръ и м-ссъ Дэшъ.

— Милая моя, до чего вы были скрытны! — радостно воскликнула хозяйка:—позвольте васъ поздравить.

Эффектъ былъ слишкомъ великъ, а хозяйка—слишкомъ занята для того, чтобы можно было объясниться. Насъ увлекло людскимъ потокомъ, и оба мы провели вечеръ, слабо протестуя противъ взведеннаго на насъ обвиненія. Еслибы это произошло на сценѣ, недоразумѣніе не разъяснилось бы до самаго конца пьесы. Сценическимъ персонажамъ не дозволяется установить ихъ личность. Если комикъ ждетъ слесаря, первый вошедшій въ комнату оказывается слесаремъ. Ему даже не позволяютъ намекнуть на то, что онъ—не слесарь, хотя никто, кромѣ идіота, не можетъ принять его за слесаря. Его запираютъ въ ванной комнатѣ, льютъ на него воду, и не ранѣе конца послѣдняго акта ему разрѣшается намекнуть, что онъ—не кто иной, какъ вновь назначенный помощникъ пастора.

Я смотрѣлъ однажды пьесу, на которой большинство смѣялось. Меня же она огорчала. Къ концу перваго акта появилась почтенная старая лэди. Мы знали, что она — тетка. Никто не можетъ ошибиться въ личности театральной тетки, за исключеніемъ людей на театрѣ. Ее, конечно, приняли за цирковую наѣздницу и посадили ее въ шкафъ. Вѣдь только для этого и существуютъ шкафы на сценѣ. Въ нихъ ничего не помѣщаютъ, за исключеніемъ родственниковъ героя. Когда тетка не сидѣла въ шкафу, ее прятали въ корзину съ вещами, закутывали въ оконный занавѣсъ. А ей стоило только сказать герою:

— Если вы перестанете на десять секундъ кричать и бѣсноваться и дадите мнѣ возможность разъяснить, что я — прибывшая изъ Девоншира тетка, вся эта суматоха сразу прекратится.

И дѣлу былъ бы конецъ. Но все окончилось лишь въ пять

минутъ двѣнадцатаго. Ей не пришло въ голову сказать это ранѣе.

Въ дѣйствительной жизни мнѣ извѣстенъ одинъ лишь случай, когда человѣкъ молча и добровольно переносилъ непріятное положеніе, изъ котораго могъ выйти, благодаря одному своему слову; героемъ этого приключенія былъ комикъ Корни Грэйнъ. Его пригласили для увеселенія публики въ загородную усадьбу. Хозяйка дома, недавно разбогатѣвшая, была заражена снобизмомъ. Она сдѣлала распоряженіе, чтобы Грэйна посадили обѣдать со слугами. Буфетчикъ, человѣкъ воспитанный, извинился, но Грэйна не легко было смутить. Онъ сдѣлалъ честь обѣду, а послѣ обѣда всталъ и обратился къ обществу.

— Ну, друзья мои,—сказалъ Корни,— если вы пообѣдали, и это доставитъ вамъ удовольствіе, я охотно покажу вамъ мое искусство.

Слуги зааплодировали. Рояля не было, но и безъ него Корни въ продолженіе получаса сумѣлъ занять свою публику. Около десяти часовъ хозяйка дома прислала за м-ромъ Корни Грэйномъ, прося его въ гостиную. Корни отправился. Общество уже сидѣло въ ожиданіи.

— Мы ждемъ, м-ръ Грэйнъ, — сказала хозяйка.

— Ждете чего?—спросилъ Корни.

— Вашего дивертиссемента.

— Я уже исполнилъ его,—объяснилъ Корни,—а меня пригласили только на одинъ разъ.

— Исполнили? гдѣ? когда?

— Часъ тому назадъ. Въ людской.

— Что за вздоръ!—воскликнула хозяйка.

— И мнѣ оно показалось несовсѣмъ обыкновеннымъ, — отвѣтилъ Корни, — но я всегда обѣдаю въ томъ обществѣ, для увеселенія котораго я приглашенъ. Я и рѣшилъ, что вы устроили этотъ маленькій праздникъ для вашихъ слугъ.

И Корни удалился, спѣша на поѣздъ.

Другой профессіональный увеселитель разсказалъ мнѣ слѣдующую исторію, хотя онъ самъ является въ ней страдательнымъ лицомъ. Онъ жилъ съ Корни Грэйномъ въ коттеджѣ на берегу рѣки. Рано утромъ къ Корни зашелъ какой-то человѣкъ, и они стали толковать о дѣлѣ. Разсказчикъ, одѣвавшійся въ комнатѣ верхняго этажа, которая находилась надъ гостиной, высунулся изъ окна, чтобы лучше слышать, такъ какъ голосъ посѣтителя показался ему знакомымъ. Но онъ высунулся такъ неосторожно, что не удержался и, вылетѣвъ изъ окна, попалъ

головою прямо въ цвѣточную клумбу, такъ что его голыя ноги—и однѣ только ноги—предстали взору собесѣдниковъ, сидѣвшихъ у открытаго окна.

— Господи Боже!—воскликнулъ обернувшійся въ эту минуту гость, увидѣвшій болтающіяся въ воздухѣ ноги:—это что̀ такое?

Корни, вставивъ монокль, подошелъ къ окну.

— Ахъ, это тотъ — какъ бишь его?.. Удивительно веселый характеръ! Дурачится съ утра.

II.

Нужна ли женщинамъ красота?

Для хорошенькихъ женщинъ наступаютъ тяжелыя времена. До сихъ поръ онѣ играли слишкомъ большую роль. Въ скоромъ времени онѣ уже не будутъ хорошенькими дѣвушками, такъ какъ некрасивыхъ дѣвушекъ совсѣмъ не будетъ. Съ нѣкоторыхъ поръ я систематически изучаю дамскіе журналы. Некрасивая дѣвушка подвергается извѣстному „методу леченія“. Черезъ полтора года она появляется въ обществѣ признанною красавицей. Вотъ что̀ пишетъ одна барышня:

„Еще недавно, смотрясь въ зеркало, я плакала. Теперь я смотрюсь и улыбаюсь“.

Къ письму приложены двѣ фотографіи молодой особы. Я самъ бы заплакалъ, посмотрѣвъ на нее въ ея первоначальномъ видѣ. Она была приземистымъ, плоскоголовымъ, широконосымъ, косоглазымъ существомъ. Она не казалась даже доброй. Но однимъ достоинствомъ она обладала: вѣрою. Она повѣрила въ объявленіе и поступила согласно его указаніямъ. Теперь она—стройная, восхитительная молодая особа, и единственное, что̀ ее нѣсколько затрудняетъ—ея волосы; она не знаетъ что̀ съ ними дѣлать, такъ какъ они у нея до колѣнъ. Если мы возьмемъ вышеупомянутую молодую дѣвицу за правило, то окажется, что всякая дѣвушка, отказывающаяся превратиться въ чудо красоты, поступаетъ такъ исключительно изъ упрямства. Каковъ бы ни былъ сырой матеріалъ—это не имѣетъ значенія. Если только всѣ черты находятся въ наличности—результатъ всегда одинъ и тотъ же.

Достигнувъ сознательнаго возраста, дѣвушка сама выбираетъ свой стиль красоты. Желаетъ ли она быть Юноною, Венерою или Еленою? Желаетъ ли она имѣть греческій или вздернутый, подобный лепестку розы, носикъ? Пусть испробуетъ сначала по-

слѣднее. Профессоръ увѣряетъ, что такіе носики входятъ въ моду. Если впослѣдствіи онъ ей не понравится, можно попробовать греческій. Въ теоріи это трудно рѣшить. Предпочитаетъ ли кліентка высокій или низкій лобъ? Нѣкоторыя лэди имѣютъ пристрастіе къ интеллигентной наружности. Это, конечно, дѣло вкуса. Но къ греческому носу скорѣе пойдетъ широкій низкій лобъ. Съ другой стороны, высокій лобъ—оригинальнѣе.

Перейдемъ къ глазамъ. Барышнѣ нравится нѣжно-голубой оттѣнокъ — не очень яркій, одинъ изъ тѣхъ выгодныхъ оттѣнковъ, которые идутъ ко всему. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ нихъ должна быть глубина и страсть. Профессоръ прекрасно понимаетъ, какой сортъ глазъ желателенъ его кліенткѣ, но это дорого обойдется. Есть болѣе дешевый сортъ,—однако онъ не рѣшится рекомендовать его. Правда, вечеромъ онъ сойдетъ, но при дневномъ свѣтѣ прямо не годится. Въ немъ недостаетъ нѣжности и за эту цѣну нельзя пріобрѣсти загадочно-чарующаго выраженія. Профессоръ совѣтуетъ взять умиленный оттѣнокъ: „О, Джорджъ, - заключи-меня - въ свои - объятія - и - успокой-мою-безумную тревогу!“ Этотъ сортъ обойдется нѣсколько дороже, но онъ до конца постоитъ за себя.

Относительно волосъ — профессоръ совѣтуетъ взглянуть на образцы. Быть можетъ, молодая лэди обладаетъ своевольнымъ характеромъ. Она любитъ съ хохотомъ бѣгать по лѣсамъ въ исключительно дурную погоду, или скакать по полямъ безъ шляпы, съ развѣвающимися по вѣтру кудрями, между тѣмъ какъ старый конюшій тщетно пытается догнать и остановить ее. Если вѣрить моднымъ романамъ, то этимъ путемъ можно получить вполнѣ удовлетворительнаго мужа. Для дѣвушки этого типа необходимы вьющіеся волосы, такіе волосы, которые кажутся еще лучше въ сырую погоду. Бутылочка снадобья, выращивающаго подобные волосы, конечно сравнительно дорого стоитъ. Но слѣдуетъ думать только о результатахъ. „Масломъ каши не испортишь“, говоритъ пословица. Желающая быть своевольной, рѣзвой красавицей—должна обладать нужными для этого амплуа волосами—иначе все рушится. Брови и рѣсницы слѣдуетъ выбирать, по мнѣнію профессора, подъ цвѣтъ волосъ. Онъ не одобряетъ рѣзкихъ контрастовъ; природа должна служить лучшимъ указателемъ. Брови должны быть совершенно прямыми, рѣсницы—длинными и пушистыми, чуть-чуть завивающимися. Профессоръ совѣтуетъ уменьшить скулы. Въ нынѣшнемъ году выдающіяся скулы—не въ модѣ.

Желаетъ ли кліентка имѣть подбородокъ съ ямочкой или

твердую четвероугольную челюсть? Быть можетъ, четвероугольная челюсть и нѣжный, выразительный ротъ — болѣе подходятъ для замужней дамы? Они гармонируютъ съ бэби, чайнымъ приборомъ и сильнымъ, гордымъ мужчиною на заднемъ планѣ.

Для барышни подбородокъ съ ямочкой и ротикъ въ видѣ розоваго бутона—пожалуй безопаснѣе. Нѣкоторые мужчины опасаются твердой четвероугольной челюсти. Покуда что̀ — остановимся на ямочкѣ и бутонѣ.

Цвѣтъ лица! Существуетъ лишь одинъ, достойный вниманія цвѣтъ лица: молочно-бѣлый съ нѣжно-розовымъ румянцемъ. Онъ ко всему идетъ и всегда бываетъ хорошъ. Вы слыхали, конечно, о чудныхъ оливковыхъ тонахъ, матовой блѣдности, но опытность профессора склоняется въ пользу обыкновеннаго бѣлаго съ розовымъ цвѣта лица. Онъ не такъ скоро портится и его легче возобновлять.

Что касается фигуры — профессоръ рекомендуетъ нѣчто стройное и гибкое. Пять футовъ—хорошій ростъ, но относительно этого пункта лучше посовѣтоваться съ портнихою. Для платьевъ съ трэномъ предпочтительнѣе пять футовъ шесть дюймовъ. Но для спортсменки, носящей короткія юбки, подобный ростъ, разумѣется, невозможенъ.

Относительно бюста и таліи также слѣдуетъ прибѣгнуть къ совѣту портнихи. Спѣшить не надо—какая мода предвидится на предстоящіе два-три сезона? Извѣстный стиль требуетъ идущей отъ самой шеи, какъ у голубя, выпуклости. Этого, очевидно, не трудно достигнуть. Но что̀, если войдутъ въ моду кринолины? Съ таліей—то же самое. При нѣкоторыхъ модахъ она должна начинаться чуть ли не у шеи. Въ другихъ случаяхъ требуется спустить ее пониже. Пусть молодая лэди хорошенько обдумаетъ эти подробности, и затѣмъ уже увѣдомитъ профессора.

Все это очень просто и—по зрѣломъ обсужденіи—совсѣмъ не дорого. Годы, очевидно, не дѣлаютъ разницы. Женщинѣ столько лѣтъ, сколько ей кажется на видъ. Со временемъ не будетъ дамъ старше двадцати-пяти лѣтъ. Морщины? Рѣшительно не могу себѣ объяснить, почему нѣкоторыя дамы упорно не желаютъ разстаться съ ними? Безъ особеннаго старанія каждая принадлежащая къ среднему классу дама можетъ отложить изъ хозяйственныхъ денегъ достаточную для удаленія ихъ сумму. Сѣдые волосы? Конечно, если вы имѣете къ нимъ явное пристрастіе, тутъ нечего спорить. Но для особъ, желающихъ имѣть волнистые темные или золотистые волосы, я могу указать на сто-

сорокѣ-семь безвредныхъ средствъ, которыя, будучи втираемы на ночь при помощи (не очень жесткой) зубной щетки, должны привести къ желанному результату.

Если вы черезчуръ толсты или слишкомъ худощавы,—благоволите увѣдомить, съ приложеніемъ марокъ. Только не перемѣшайте флаконовъ. Если вы слишкомъ тонки, вы можете, вслѣдствіе этого, совсѣмъ исчезнуть ранѣе, чѣмъ замѣтите вашу ошибку. Я знавалъ одну толстую лэди, которая трэнировалась полтора года и становилась все толще. Это настолько разочаровало ее, что она бросила леченіе. Безъ сомнѣнія, она выписала по ошибкѣ не тотъ флаконъ, но она не пожелала слушать дальнѣйшихъ совѣтовъ. Она сказала, что все это надоѣло ей.

Въ грядущемъ молодымъ людямъ незачѣмъ будетъ прійскивать невѣстъ. Женихъ нарисуетъ первой встрѣчной дѣвушкѣ свой идеалъ красоты, и если онъ нравится ей, она пойдетъ въ магазинъ и передѣлаетъ себя по его образцу.

Нѣчто подобное, насколько я знаю, существуетъ въ нѣкоторыхъ странахъ Востока. Желающій увеличить число своихъ женъ джентльменъ извѣщаетъ окрестныхъ жителей о вѣсѣ и объемѣ его любимой жены, намекая этимъ, что если гдѣ-нибудь окажется особа, подходящая подъ эту мѣрку, то для нея найдется мѣсто въ его сералѣ. Отцы обходятъ своихъ дочерей, выбирая подходящій экземпляръ, и затѣмъ принимаются его откармливать. Таковъ грубый восточный обычай. У насъ на Западѣ онъ будетъ примѣненъ въ болѣе деликатной формѣ. Матери заведутъ книжки съ вопросами, приглашая холостяковъ заполнить рубрики: — Какой ростъ вы предпочитаете? Какой объемъ таліи? Любите ли вы блондинокъ или брюнетокъ?

Выборъ будетъ предоставленъ дѣвицамъ.

— Генри Уильямъ такъ очарователенъ, что я не умѣю выразить этого словами, — скажетъ себѣ дѣвушка будущаго. Мягко, робко — она вывѣдаетъ у него его идеалъ женщины. Черезъ полгода или годъ она предстанетъ его взорамъ, идеальная *Она*—вѣрная до мельчайшихъ подробностей его идеалу. Онъ заключитъ ее въ свои объятія.

— Наконецъ!—воскликнетъ онъ—я встрѣтилъ мечту моей жизни!

И если идеалъ его не измѣнится, и чудодѣйственные флаконы не начнутъ терять своей силы, есть поводъ думать, что они будутъ счастливы навѣки.

Но не пойдетъ ли наука еще далѣе? Неужели она удовлетворится тѣмъ, что сдѣлаетъ всѣхъ женщинъ красивыми? Не

сдѣлаетъ ли она одновременно всѣхъ женщинъ добрыми? Не извиняюсь за подобное предположеніе. Я считалъ всѣхъ женщинъ прекрасными и добрыми. Ихъ собственные модные журналы разочаровали меня. Робко, стараясь быть незамѣченнымъ, я поглядывалъ, бывало, то на одну, то на другую даму и думалъ: „Какъ она хороша! Какъ стройна!“ Теперь я только спрашиваю себя: „Въ какомъ парфюмерномъ магазинѣ состоитъ она покупательницей?“

Когда я былъ маленькимъ мальчикомъ, мнѣ говорили, что барышни сдѣланы изъ сахара и пряностей. Теперь я знаю правду. Я читалъ рецепты въ отвѣтахъ корреспондентамъ.

Будучи совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, я, сидя въ темныхъ углахъ, съ замирающимъ сердцемъ прислушивался къ пѣнію романсовъ, въ которыхъ говорилось о небесномъ происхожденіи дѣвичьихъ глазъ и ямочекъ. Горе мнѣ! Лучше бы я никогда не читалъ модныхъ журналовъ! Теперь я знаю матеріалъ, изъ котораго создаются эти обворожительные глаза. Мнѣ извѣстны магазины, въ которыхъ пріобрѣтаются эти ямочки. Я проходилъ мимо и заглядывалъ въ нихъ. Я думалъ, что эти ямочки—слѣды ангельскихъ поцѣлуевъ, но, насколько я могъ видѣть, по близости не было ни одного ангела. Быть можетъ, я такъ же обманываюсь относительно ихъ доброты. Быть можетъ, женщины не такъ совершенны, какъ объ этомъ поется въ народной пѣснѣ. Вотъ почему я и предлагаю, чтобы наука прогрессировала и одарила ихъ духовною красотою въ той же степени, въ какой она намѣревается одарить ихъ тѣлесною прелестью.

Мы еще доживемъ до объявленія въ газетѣ, къ которому будетъ приложенъ портретъ молодой дѣвушки, дующейся въ углу, снабженный подписью: „До принятія лекарства“, а ниже—другой портретъ той же молодой особы, танцующей въ кругу маленькихъ братьевъ и сестеръ и разливающей въ домѣ свѣтъ и тепло: „Послѣ первыхъ трехъ стклянокъ“.

Быть можетъ, изобрѣтутъ микстуру, послѣ чайной ложки которой, принятой на сонъ грядущій, дама, со словами: „Покойной ночи, милыя!“, сразу заснетъ съ улыбкой на устахъ. Возможно, что какой-нибудь изъ будущихъ спеціалистовъ помѣститъ публикацію о массажѣ, уничтожающемъ всѣ слѣды самой застарѣлой ненависти, зависти и злобы.

А когда наука сдѣлаетъ все возможное для женщинъ, она, быть можетъ, обратитъ вниманіе и на мужчинъ. Кажется, она полагаетъ въ настоящее время, что мы слишкомъ прекрасны—физически и нравственно—для того, чтобы нуждаться въ улуч-

шеніи. Но я лично желалъ бы посовѣтоваться съ нею относительно одного-двухъ пунктовъ.

III.

Въ какое время лучше всего веселиться?

Многое я могъ бы измѣнить къ лучшему въ Европѣ и въ другихъ странахъ, будь у меня власть. Я не сталъ бы предлагать существенныхъ перемѣнъ. Люди привыкли жить по-своему, и было бы неумно настаивать на реформахъ во всемъ. Но есть кое-какія мелочи, которыя я могъ бы для нихъ сдѣлать; мнѣ удалось бы исправить кое-какія ихъ ошибки. И если бы они только знали, что среди нихъ живетъ человѣкъ, готовый руководить ими и направлять ихъ — какъ бы они этому порадовались! Но въ мірѣ всегда повторяется та же исторія. Прочтите, напримѣръ, объявленіе:

„Молодая дѣвица, которую находятъ красивой (сама она не увѣрена въ этомъ: она рискуетъ быть пристрастной, и потому ограничивается передачею слуха; ее находятъ красивой, а правда это или нѣтъ—не ей судить), получившая хорошее образованіе, обладающая пріятнымъ характеромъ и денежными средствами, желаетъ познакомиться съ господиномъ, имѣющимъ намѣреніе вступить въ бракъ“.

Тутъ же внизу помѣщена публикація отъ имени господина „двадцати-восьми лѣтъ, высокаго, бѣлокураго, котораго находятъ пріятнымъ“. Изъ этихъ объявленій можно извлечь нравственный урокъ. Я чувствую, что еслибы кто-нибудь внезапно спросилъ меня: „считаете-ли вы себя пріятнымъ человѣкомъ?“ — я съ живостью отвѣтилъ бы:

— Конечно, я пріятный человѣкъ! Что за глупые вопросы вы мнѣ задаете!

А если бы онъ вздумалъ настаивать, говоря: „есть люди, которые не считаютъ васъ пріятнымъ человѣкомъ,“ — я просто разсердился бы на него.

— Вотъ какъ? Они этого не находятъ? Такъ передайте имъ отъ меня, что они—не кто иное какъ идіоты. Не находятъ меня пріятнымъ! Покажите-ка мнѣ человѣка, который такъ думаетъ! Я покажу ему, пріятенъ я или нѣтъ!

Женихи, ищущіе невѣстъ, обыкновенно умалчиваютъ о своихъ достоинствахъ, предоставляя открывать ихъ другимъ, и огра-

ничиваются простымъ констатированіемъ факта: человѣка находятъ пріятнымъ. Онъ имѣетъ расположеніе къ семейной жизни и, въ ожиданіи наслѣдства, желаетъ вступить въ бракъ съ достойною дѣвицею. Если она обладаетъ средствами—хорошо, но въ сущности это—пустяки. Онъ на этомъ не настаиваетъ, хотя, съ другой стороны, и не отказывается отъ дѣвицы со средствами. Главная его цѣль — бракъ.

Грустно подумать, что красивая, образованная, со средствами дѣвица должна прибѣгать къ газетнымъ объявленіямъ для того, чтобы найти себѣ мужа. Чего же смотрятъ знакомые молодые люди? Чего имъ еще нужно? Не ждутъ ли они Венеру съ десятью тысячами годового дохода? Меня прямо злятъ такія объявленія. И какъ только подумаешь о томъ, какія дѣвушки выходятъ замужъ!

Но жизнь — загадка. Фактъ остается фактомъ! Идеальная жена тщетно ищетъ мужа. И тутъ же мужъ — не скажу идеальный, мы всѣ далеки отъ совершенства, но составляющій рѣшительное пріобрѣтеніе для домашняго очага, пріятный человѣкъ, любящій семейную жизнь, не какой-нибудь шалопай — громко взываетъ о какой бы то ни было женѣ!

Кто знаетъ? Быть можетъ, эти два существа встрѣчались на улицѣ, сидѣли рядомъ въ вагонѣ трамвая, причемъ ни одинъ изъ нихъ не подозрѣвалъ, что рядомъ съ нимъ находится именно тотъ предметъ, котораго ему недостаетъ для того, чтобы жизнь его стала прекрасной.

Хозяйки, ищущія служанку, не столько для работы, сколько для того, чтобы сдѣлать ея жизнь счастливою, помѣщаютъ свои объявленія на одной страницѣ. А на страницѣ рядомъ — служанки, настоящій кладъ для семьи, послѣдовательницы Карлейля, страстно любящія трудъ ради него самого, ищутъ мѣсто, не столько изъ-за желанія устроиться, сколько ради сознанія того, что онѣ ведутъ полезную жизнь. Эти хозяйки-филантропки, эти любящія трудъ служанки—годами жили въ одномъ и томъ же городѣ и не знали другъ друга.

Такъ обстоитъ дѣло и съ европейскими народами. Я сталкиваюсь съ ними на улицахъ, а они и не подозрѣваютъ, что я готовъ позаботиться о нихъ, поучить ихъ уму-разуму, словомъ—стать для нихъ отцомъ роднымъ. Они смотрятъ на меня. Во мнѣ нѣтъ ничего такого, что̀ сказало бы имъ, что я лучше понимаю ихъ благо, нежели они сами. Въ волшебныхъ сказкахъ мудрецъ всегда является въ остроугольной шляпѣ и длинной, испещренной кабалистическими знаками, одеждѣ. И всѣ знаютъ,

что онъ—мудрецъ. Такимъ образомъ, всякія объясненія не нужны. Но мы, современные мудрецы, ходимъ въ обыкновенной одеждѣ. Никто не угадываетъ въ насъ мудрецовъ. Даже если скажешь, тебѣ не повѣрятъ. И это очень осложняетъ нашу задачу.

Еслибы я завѣдывалъ европейскими дѣлами, первое, что я взялъ бы въ руки, это—переустройство карнавала. Обыкновенно карнавалъ празднуется во всей Европѣ въ февралѣ мѣсяцѣ. Въ Ниццѣ, въ Испаніи, въ Италіи, вы можете по временамъ ощущать потребность плясать на улицахъ въ легкомъ костюмѣ въ февралѣ. Но въ болѣе сѣверныхъ странахъ я только разъ въ жизни видѣлъ здравомыслящаго человѣка: онъ выбралъ для себя костюмъ водолаза.

Это происходило въ Антверпенѣ. Дождь лилъ потоками; веселый, шумный восточный вѣтеръ — въ своемъ родѣ Джонъ-Булль—проносился по улицамъ со скоростью пятнадцати миль въ часъ. Пьеро потирали свои синіе носы окоченѣвшими руками. Пожилой Купидонъ, выпросившій въ сосѣднемъ кафѣ дождевой зонтикъ, ожидалъ трамвая. Маленькій чертенокъ утиралъ слезящіеся глаза кончикомъ собственнаго хвоста. Каждый подъѣздъ былъ занятъ толпою дрогнущихъ отъ холода масокъ. Одинъ водолазъ гордо разгуливалъ по улицѣ и съ него потоками струилась вода.

Нѣтъ, февраль—не подходящее время для маскарадовъ на открытомъ воздухѣ. Конфетти, представляющія собою обрѣзки разноцвѣтной бумаги, превращаются въ мокрую массу. Когда кто-нибудь швырнетъ ими вамъ въ глазъ—у васъ рождается желаніе не весело разсмѣяться, но дать ему тумака.

Въ одномъ городкѣ по близости отъ французской границы карнавалъ продолжается безъ перерыва три дня и двѣ ночи, въ продолженіе которыхъ населеніе, увеличенное гостями, съѣхавшимися изъ окрестностей, кричитъ, дурачится, ѣстъ, пьетъ и пляшетъ. Послѣ этого пріѣзжихъ напихиваютъ въ вагоны, какъ сардинки—въ жестянку. Они пришпиливаютъ билеты къ своимъ пальто, но вскорѣ засыпаютъ. На каждой станціи желѣзнодорожные служащіе входятъ въ вагонъ и спотыкаются о ноги спящихъ. Послѣднее усиліе, на какое способенъ самый сознательный пассажиръ, прежде чѣмъ онъ увеличитъ собою груду храпящихъ на полу тѣлъ, это—обмѣнить свой билетъ на билетъ своего безсознательнаго сосѣда. Такимъ образомъ, пріѣзжихъ съ востока вытаскиваютъ за ноги и нагружаютъ на западные поѣзда, а южанъ выставляютъ за дверь на отдаленныхъ сѣверныхъ станціяхъ, гдѣ ихъ восторженно встрѣчаютъ чужіе родственники.

Въ этомъ городѣ одновременно плясало—не считая меня—тридцать тысячъ человѣкъ. Когда они не пляшутъ, они бросаютъ другъ въ друга апельсинами. Въ домахъ закрываютъ ставни. Въ ресторанахъ убираютъ зеркала и закрываютъ стекла. Если бы я вздумалъ замаскироваться въ Б., я выбралъ бы костюмъ рыцаря въ бронѣ—эпохи Генриха VII.

— А вамъ не больно, когда въ васъ бросаютъ апельсинами? —спросилъ я у одной дамы.—Какіе апельсины употребляются для этой цѣли: привозные изъ Явы, или тѣ маленькіе, твердые, съ кожурою, похожею на терку? Если же допускаются оба сорта, который изъ нихъ вы предпочитаете?

— Восторженные люди — они вездѣ одинаковы — предпочитаютъ пускать въ ходъ явскіе апельсины. Я предпочитаю ихъ въ томъ случаѣ, если ими попадаютъ по спинѣ. Они сочнѣе, и потому ударъ менѣе чувствуется. Но большинство людей, конечно, употребляетъ маленькіе, твердые апельсины. Если вы во-время успѣете нагнуться и ударъ придется по макушкѣ—онъ причиняетъ мéньшую боль, чѣмъ можно было бы думать. Если же все-таки вамъ попадутъ апельсиномъ въ чувствительное мѣсто—ну, тогда примочка изъ нюхательной соли пополамъ со старымъ коньякомъ—лучшее средство. Но вѣдь это случается разъ въ году,—прибавила дама.

Почти всюду выдаются призы за лучшій костюмъ. Въ маленькихъ городахъ король-карнавалъ особенно ярко проявляетъ свою власть. Треть жителей принимаетъ участіе въ весельи. Въ Брюсселѣ и въ большихъ городахъ все это кажется смѣшнымъ. Нѣсколько сотенъ масокъ съ трудомъ пробираются среди тысячъ людей въ обыкновенномъ платьѣ, напоминая испанскую рѣчку въ лѣтнее время: еле-замѣтный ручеекъ, струящійся между грязными берегами. Въ Шарльруа главная особенность карнавала —пляска дѣтей.

Если въ это время солнце вздумаетъ милостиво выглянуть—зрѣлище получается красивое. Какъ эта мелкота любитъ наряжаться и разыгрывать роли! Одна юная особа—ей было не болѣе десяти лѣтъ — одѣлась взрослою, много о себѣ воображающей дѣвицею. На ней былъ громадный бѣлокурый парикъ, шляпа, которая, вѣроятно, обратила бы на себя вниманіе даже на скачкахъ въ Аскотѣ, въ день розыгрыша большого приза, двухъ-аршинный шлейфъ, пара когда-то бывшихъ бѣлыми лайковыхъ перчатокъ... Въ рукахъ она держала голубой шолковый зонтикъ. Что же касается достоинства...

Я видалъ оскорбленныхъ кельнершъ; мнѣ случалось встрѣ-

чать — случайно, разумѣется, — дѣвицъ изъ хора на воскресной прогулкѣ вдоль рѣки. Но никогда я не видалъ въ человѣческомъ существѣ столько надменности, столько высокомѣрія, какъ въ этой десятилѣтней дѣвчонкѣ! Товарищи игръ, простые дѣвочки и мальчики желали возобновить съ нею знакомство. Она прослѣдовала мимо нихъ, окинувъ ихъ такимъ презрительнымъ взглядомъ, что они попадали другъ на друга. Когда же они достаточно оправились для того, чтобы вспомнить о старомъ жестяномъ чайникѣ, лежавшемъ подъ рукою въ канавѣ, она уже скрылась за угломъ.

Двое оборванныхъ малышей, не имѣвшихъ нѣсколькихъ копѣекъ для взятія на прокатъ какихъ-нибудь лохмотьевъ, рѣшили все-таки не отстать отъ другихъ. Они гдѣ-то достали пару бѣлыхъ блузъ — не тѣхъ, нарядныхъ съ кружевами и плойкою блузъ, о которыхъ вы, вѣроятно, думаете, сударыня, но пару мѣшковъ, надѣваемыхъ метельщиками улицъ поверхъ своего платья. Они достали также пару метлъ. И до чего они были забавны со своими маленькими головами поверхъ широкихъ мѣшковъ, въ то время какъ они торжественно выступали гуськомъ, сметая грязь въ канавы.

Они изображали метельщиковъ и также принимали участіе въ карнавалѣ.

Я видѣлъ еще одну оригинальную картину. „Серпантинъ“ играетъ большую роль въ бельгійскомъ карнавалѣ. Это — полоса цвѣтной бумаги, длиною ярдовъ въ двѣнадцать. Вы набрасываете его, какъ лассо, на голову прохожаго. Разумѣется, цѣль, намѣчаемая бельгійскими юношами — бельгійская дѣвушка. И разумѣется, наиболѣе запутавшаяся въ нихъ дѣвушка — та самая, которую, говоря языкомъ брачныхъ объявленій, — „находятъ красивою“. Серпантинъ на головѣ — тотъ же знакъ отличія. Повернувъ за уголъ, я наткнулся на дѣвушку, стоявшую ко мнѣ спиною. Улица была тихая. Дѣвушка держала въ рукѣ съ полдюжины этихъ серпантиновъ. Поспѣшно, дрожащими пальцами она обматывала ихъ вокругъ своей головы. Проходя мимо, я взглянулъ на нее. Она багрово покраснѣла. Бѣдняжка со вздернутымъ носомъ и плоскимъ лицомъ! Жаль, что она увидѣла меня.

На югѣ Германіи, гдѣ кровь течетъ быстрѣе, король-карнавалъ по истинѣ — старый весельчакъ. Въ Мюнхенѣ онъ царитъ цѣлыхъ шесть недѣль и заканчивается двумя днями безумнаго веселья на улицахъ. Во время этого періода, на людей въ обыкновенномъ платьѣ смотрятъ какъ на рѣдкость. Отъ графини до служанки, отъ господина профессора до „пикколо“ — такъ на-

зываютъ прислуживающихъ въ мастерскихъ мальчиковъ—всѣ мюнхенцы только и дѣлаютъ, что танцуютъ,— по возможности, въ фантастическихъ костюмахъ. Въ театрахъ сцена убирается, въ кафе́—столы и стулья отодвигаются къ стѣнѣ. Мюнхенъ сходитъ съ ума.

Мюнхенъ вообще немного помѣшанъ. Самый безумный балъ, на какомъ я когда-либо плясалъ, давался въ Мюнхенѣ. Я отправился на него съ профессоромъ Гарвардскаго университета, предупредившимъ меня о томъ, каковы эти балы. Стремясь къ изученію всего въ мірѣ, онъ рѣшилъ приступить лично къ изслѣдованіямъ. Писатель тоже долженъ поучаться,—поэтому я согласился сопровождать его. Мы не разсчитывали танцовать. Мы намѣревались быть снисходительными зрителями, наблюдающими изъ какого-нибудь укромнаго уголка за дурачествами безумной толпы. Профессоръ былъ одѣтъ—какъ подобаетъ профессору. На мнѣ былъ просто скромный сюртукъ съ панталонами сѣро-французскаго цвѣта. Швейцаръ объяснилъ намъ, что это—костюмированный балъ: онъ очень сожалѣетъ, что не можетъ впустить насъ, но публика на балъ допускается только костюмированная или во фракахъ.

Было уже половина второго. Мы нарочно засидѣлись, мы не обѣдали и прошли пѣшкомъ двѣ мили. Профессоръ задумалъ подколоть въ видѣ фрака фалды своего длиннаго сюртука и вывернуть жилетъ. Швейцаръ выразилъ опасеніе, что это будетъ не совсѣмъ то, что̀ надо. Притомъ съ моими французскими панталонами ничего нельзя было подѣлать. Швейцаръ предложилъ намъ взять костюмы напрокатъ (операція, приносившая ему маленькія выгоды); многіе джентльмены, въ особенности—женатые, находятъ удобнѣе поступать такимъ образомъ и переодѣваться, передъ возвращеніемъ домой, въ свое собственное скромное платье.

— Нѣтъ ли у васъ чего-нибудь такого, мой другъ, что̀ бы сдѣлало насъ совершенно неузнаваемыми?—спросилъ профессоръ.

У швейцара оказалось нѣчто вполнѣ подходящее: костюмъ китайца съ маскою и парикомъ, надѣвавшимися сразу. Я укрылся отъ взоровъ подъ рясою и капюшономъ кармелитскаго монаха.

— Надѣюсь, что никто насъ не узнаетъ?—шепнулъ мнѣ профессоръ при входѣ.

Искренно надѣюсь, что нѣтъ. Я не желаю говорить о себѣ. Это было бы эгоизмомъ. Но тайна профессора тревожитъ меня до сихъ поръ. Я видѣлъ собственными глазами, какъ этотъ почтенный серьезный человѣкъ, отецъ семейства, надѣлъ себѣ на голову шутовскую размалеванную маску. Уже позднѣе—значи-

тельно позднѣе—мы съ нимъ безмолвно шли рядомъ по молчаливымъ улицамъ, при свѣтѣ звѣздъ. Гдѣ онъ провелъ этотъ промежутокъ времени и что за странное существо скрывалось подъ маскою китайца—это навсегда останется для меня неразрѣшимою загадкой.

IV.

Существа, которыя когда-нибудь станутъ людьми [1]).

Я не настолько люблю Россію, какъ бы долженъ былъ любить, хотя бы уже потому, что у меня среди русскихъ много хорошихъ друзей; этимъ я, впрочемъ, очень горжусь. У меня на каминѣ стоитъ большая фотографическая карточка, на которую я часто смотрю, чтобы поддержать въ себѣ бодрость, нужную для литературной работы. По срединѣ ея изящно написанъ привѣтственный адресъ мнѣ на прекрасномъ англійскомъ языкѣ, и я сознаюсь, что мнѣ пріятно безъ конца перечитывать этотъ адресъ. Вокругъ адреса—нѣсколько сотъ подписей. Я не могу ихъ прочесть, но знаю, что это—имена милыхъ русскихъ людей, мужчинъ и женщинъ, которые, года два тому назадъ, прислали мнѣ къ Рождеству это милое привѣтствіе.

Отдѣльные русскіе люди—самыя очаровательныя существа въ мірѣ. Если вы имъ нравитесь, они не задумаются тотчасъ же выказать это вамъ, не только всяческимъ содѣйствіемъ, но и непосредственной задушевностью обращенія,—а это въ нашей сѣрой жизни—большая поддержка.

Мы, англичане, почему-то гордимся своей сдержанностью. Максъ Аделеръ разсказываетъ исторію про мальчика, котораго отецъ послалъ въ лѣсъ за дровами. Мальчикъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы убѣжать изъ дому, и цѣлыхъ двадцать лѣтъ не возвращался подъ родительскій кровъ. Тогда только появился однажды вечеромъ хорошо одѣтый незнакомецъ и, улыбаясь, заявилъ старикамъ, что онъ—ихъ пропавшій сынъ, вернувшійся, наконецъ, домой.

— Такъ, значитъ, ты не погибъ?—буркнулъ старикъ.—А почему же, чортъ возьми, ты и теперь не принесъ дровъ?

Я завтракалъ разъ съ англичаниномъ въ одномъ лондонскомъ ресторанѣ. Въ это время вошелъ какой-то человѣкъ, и сѣлъ у столика по близости отъ насъ. Оглянувшись, онъ встрѣтился

[1]) Приводимъ этотъ очеркъ извѣстнаго юмориста, какъ своего рода курьезъ.

глазами съ моимъ пріятелемъ, улыбнулся и кивнулъ ему головой.

— Простите меня, на минуту,—сказалъ мой пріятель,—мнѣ нужно сказать нѣсколько словъ моему брату,—я болѣе пяти лѣтъ не видѣлъ его.

Онъ кончилъ супъ, не торопясь вытеръ себѣ усы, и тогда только подошелъ къ сосѣднему столику и пожалъ руку брату. Они поговорили очень недолго, и мой пріятель вернулся ко мнѣ.

— Вотъ ужъ не думалъ, что свижусь съ нимъ,—сказалъ онъ.—Онъ служилъ въ гарнизонѣ въ Африкѣ—не помню, какъ это звали крѣпость, которую штурмовалъ Махди. Только три человѣка уцѣлѣло. Удивительный удачникъ этотъ Джимъ!

— Можетъ быть, вы хотѣли бы поговорить съ нимъ подольше?—возразилъ я:—такъ не стѣсняйтесь. О нашемъ дѣлѣ мы можемъ поговорить и въ другой разъ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ,—мы переговорили и условились свидѣться завтра.

Я вспомнилъ объ этой сценѣ, обѣдая однажды съ нѣсколькими русскими пріятелями въ Петербургѣ, въ ресторанѣ. Одинъ изъ обѣдавшихъ не видался со своимъ кузеномъ, горнымъ инженеромъ, около полутора года. Они сидѣли другъ противъ друга, и по крайней мѣрѣ разъ двѣнадцать во время обѣда одинъ изъ нихъ вскакивалъ со стула и бѣжалъ цѣловаться съ другимъ. Они обнимались, цѣловали другъ друга въ щеки, и потомъ снова садились на мѣста, съ влажными отъ слезъ глазами. Поведеніе ихъ никому не казалось страннымъ.

Но русскіе такъ же порывисты въ гнѣвѣ, какъ и въ любви. Въ другой разъ меня пригласили ужинать въ одинъ изъ лучшихъ ресторановъ на Невскомъ. У сосѣдняго стола сидѣли двое господъ; они сначала мирно разговаривали, потомъ вдругъ накинулись другъ на друга. Одинъ схватилъ графинъ и пустилъ имъ въ голову другого. А противникъ его вооружился тяжелымъ стуломъ изъ краснаго дерева; чтобы нанести болѣе вѣрный ударъ, онъ широко замахнулся и задѣлъ жену моего пріятеля за нашимъ столомъ.

— Осторожнѣе!—сказала она.

— Простите, ради Бога!—отвѣтилъ незнакомецъ, въ жилахъ котораго, повидимому, кровь и вода текли въ одинаковомъ изобиліи. Онъ отодвинулся отъ нашего стола, чтобы не мѣшать намъ спокойно ужинать, и тогда ловко разсчиталъ свой ударъ, которымъ повалилъ противника на полъ.

На мѣсто происшествія сейчасъ же явился полицейскій. Но

онъ и не думалъ вмѣшиваться въ дѣло, а поспѣшилъ выбѣжать на улицу, чтобы сообщить радостную вѣсть другому полицейскому.

— Эта исторія вскочитъ имъ въ хорошую копѣйку,—замѣтилъ пригласившій меня къ ужину пріятель, спокойно продолжая ѣсть.—И что имъ стоило подождать немного?

Дѣйствительно, исторія обошлась имъ дорого. Черезъ нѣсколько минутъ ихъ окружило человѣкъ шесть полицейскихъ, и каждый потребовалъ взятки. Получивъ что слѣдуетъ, они пожелали сражавшимся доброй ночи и удалились въ самомъ лучшемъ настроеніи духа. А противники, обвязавъ головы мокрыми полотенцами, опять сѣли за столъ и возобновили смѣхъ и дружескую бесѣду.

Эти люди кажутся иностранцамъ настоящими дѣтьми, но за этой дѣтскостью чувствуются уродливыя черты характера. Рабочихъ—ихъ вѣрнѣе было бы назвать рабами—сильно эксплоатируютъ, и они переносятъ это съ безропотнымъ смиреніемъ животныхъ. Но съ кѣмъ бы изъ интеллигентныхъ русскихъ людей вы ни заговорили—всѣ знаютъ, что близка революція.

Говорить объ этомъ, однако, предпочитаютъ при закрытыхъ дверяхъ, такъ какъ въ Россіи нельзя быть увѣреннымъ, что ваша собственная прислуга не служитъ въ тайной полиціи. Я однажды говорилъ о политикѣ съ однимъ русскимъ чиновникомъ въ его кабинетѣ, когда вошла въ комнату экономка, старая женщина съ сѣдыми волосами и кроткими глазами. Она служила въ домѣ болѣе восьми лѣтъ, и на нее смотрѣли почти какъ на члена семьи. Однако, онъ рѣзко прервалъ разговоръ и заговорилъ о другомъ. Какъ только она вышла изъ комнаты, онъ объяснилъ, въ чемъ дѣло.

— О такихъ вещахъ лучше говорить съ глазу на глазъ,—сказалъ онъ со смѣхомъ.

— Но вѣдь этой женщинѣ вы можете вполнѣ довѣрять,—возразилъ я.—Она вамъ такъ предана.

— Самое благоразумное—не довѣрять никому,—отвѣтилъ онъ и вернулся къ прерванному разговору.

— Гроза надвигается,—сказалъ онъ.—Временами мнѣ кажется, что въ воздухѣ уже запахло кровью. Я старикъ, и быть можетъ меня это еще минуетъ, но дѣтямъ моимъ придется тяжело—они будутъ страдать, какъ страдаютъ дѣти за грѣхи отцовъ. Мы сдѣлали изъ народа грубыхъ звѣрей, и они накинутся на насъ какъ звѣри—кровожадно, не разбирая: кто правъ, кто виноватъ. Но это будетъ,—это неизбѣжно.

Невѣрно, что высшіе классы въ Россіи изъ эгоизма противятся всякому прогрессу. Исторія Россіи повторитъ исторію Франціи, но съ той разницей, что образованный классъ, люди мыслящіе, ведутъ впередъ глухую народную массу, совершенно не закрывая глаза на послѣдствія. Въ Россіи не будетъ Мирабо и Дантоновъ, возмущающихся неблагородствомъ народа. Среди людей, подготовляющихъ революцію въ Россіи, есть государственные люди, военные, нѣжно воспитанныя женщины, богатые помѣщики, состоятельные коммерсанты, учащаяся молодежь, знакомая съ уроками исторіи. Они не заблуждаются относительно того слѣпого чудовища, въ которое хотятъ вдохнуть жизнь. Оно ихъ раздавитъ—они это знаютъ,—но вмѣстѣ съ ними оно раздавитъ несправедливость и тупость,—а это они болѣе ненавидятъ, чѣмъ любятъ себя.

Когда поднимется русскій крестьянинъ, то онъ окажется болѣе страшнымъ и безпощаднымъ, чѣмъ французы 1790 года. Онъ менѣе развитъ, болѣе грубъ. Русскій рабочій людъ поетъ за работой дикую печальную пѣсню. Ее поютъ хоромъ на пристаняхъ, поднимая грузы, поютъ на фабрикахъ, поютъ въ унылыхъ безконечныхъ степяхъ, или когда снимаютъ хлѣбъ, который будутъ ѣсть другіе. Въ этой пѣснѣ поется о счастливомъ житьѣ господъ, объ ихъ пирахъ и весельи, о смѣхѣ дѣтей, о поцѣлуяхъ влюбленныхъ.

Но каждая строфа кончается однимъ и тѣмъ же повторяющимся стихомъ. Если вы попросите какого-нибудь русскаго перевести этотъ стихъ, онъ пожметъ плечами.

— Они поютъ о томъ,—скажетъ онъ,—что современемъ наступитъ ихъ чередъ. Жуткая, полная трагизма пѣсня. Ее поютъ также въ московскихъ и петербургскихъ гостиныхъ, и тогда какъ-то сразу обрывается легкій разговоръ и смѣхъ, и по комнатѣ точно проносится ледяная струя воздуха, ворвавшись черезъ закрытую дверь. Эта странная пѣсня похожа на завываніе вѣтра, и когда-нибудь она пронесется по всей странѣ, возвѣщая объ ужасахъ.

Я встрѣтился въ Россіи съ однимъ шотландцемъ, и онъ разсказалъ мнѣ, что, завѣдуя большой фабрикой въ Петербургѣ—владѣлецъ ея былъ тоже шотландецъ,—онъ ошибся въ разсчетѣ, выплачивая въ первую недѣлю жалованье рабочимъ. Запутавшись въ счетѣ русскихъ денегъ, онъ уплатилъ каждому приблизительно на рубль меньше, чѣмъ ему слѣдовало. До слѣдующей субботы онъ самъ открылъ свою ошибку и исправилъ ее. Рабочіе выслушали его объясненія совершенно равнодушно и не

сдѣлали даже никакихъ замѣчаній по этому поводу. Это его удивило.

— Но вѣдь вы знали, что я вамъ не доплатилъ,—сказалъ онъ одному изъ нихъ,—почему же вы не заявили мнѣ?

— Да мы думали, что вы эти деньги положили себѣ въ карманъ,—отвѣтилъ рабочій,—и еслибы мы пожаловались, насъ бы разсчитали. Вѣдь вамъ бы скорѣе повѣрили, чѣмъ намъ.

Подкупъ, повидимому, настолько обычное явленіе во всей Россіи, что во всѣхъ классахъ населенія онъ считается въ порядкѣ вещей. Одинъ знакомый подарилъ мнѣ собачку, которую я повезъ съ собой. Собачка была очень дорогая, и мнѣ не хотѣлось отпускать ее отъ себя. А между тѣмъ брать собакъ съ собой въ вагонъ строго запрещается. Списокъ штрафовъ и каръ за нарушеніе этого запрещенія меня очень напугалъ.

— Пустяки, это можно уладить,—увѣрилъ меня знакомый.—Не жалѣйте только истратить нѣсколько лишнихъ рублей.

Я подкупилъ начальника станціи и кондуктора, и думалъ, что этимъ все кончилось. Но я не зналъ, что̀ еще меня ждало. Извѣстіе о томъ, что въ поѣздѣ ѣдетъ англичанинъ, который везетъ съ собой собачку въ корзинкѣ, и у котораго есть рубли въ карманѣ, точно по телеграфу разнеслось по всей линіи. Почти на каждой большой станціи въ поѣздѣ появлялось какое-нибудь внушительное съ виду должностное лицо, со шпагой и въ каскѣ. Сначала эти господа пугали меня. Я принималъ ихъ, по меньшей мѣрѣ, за фельдмаршаловъ.

Въ головѣ моей мелькали картины Сибири. Дрожа отъ ужаса, я далъ первому золотую монету. Онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку, чуть даже не поцѣловалъ меня. Я даже увѣренъ, что онъ дѣйствительно поцѣловалъ бы меня, еслибы я ему позволилъ. Слѣдующій уже показался мнѣ менѣе страшнымъ. Я далъ ему нѣсколько рублей, и насколько я могъ понять, онъ за это сталъ призывать на мою голову всяческія благословенія; поручивъ меня милости Всевышняго, онъ удалился. Подъѣзжая къ нѣмецкой границѣ, я уже давалъ монеты, равняющіяся приблизительно шести пенсамъ, людямъ, похожимъ по платью и величественности на генералъ-майоровъ. А этихъ денегъ стоилъ видъ ихъ сіяющихъ лицъ и ихъ горячая благодарность.

Но человѣку, не имѣющему рублей въ карманѣ, не такъ легко справиться съ русскими чиновниками. Израсходовавъ еще нѣсколько денегъ, я легко отдѣлался на границѣ отъ таможенныхъ чиновниковъ, и до отхода поѣзда у меня осталось довольно много свободнаго времени. Разглядывая, что̀ дѣлается вокругъ меня,

я увидѣлъ довольно жалкаго человѣка, на котораго набросилось человѣкъ пять-шесть въ мундирахъ, а онъ безпомощно огрызался, скорчивъ жалостную гримасу. Лицо у него было изможденное, и онъ производилъ впечатлѣніе голоднаго щенка, котораго травятъ школьники. Оказалось, какъ мнѣ объяснилъ пассажиръ, съ которымъ я подружился дорогой, что у этого несчастнаго не была соблюдена какая-то пустяшная формальность въ паспортѣ. А такъ какъ у него въ карманѣ не было лишнихъ рублей, то его отправляли обратно въ Петербургъ — это часовъ восемнадцать ѣзды — въ вагонѣ, который въ Англіи не считался бы пригоднымъ для перевозки скота.

Отправка несчастнаго, видимо, забавляла пограничныхъ служащихъ; они отъ времени до времени входили въ пассажирскую залу, гдѣ онъ сидѣлъ скорчившись въ углу, и со смѣхомъ уходили. Онъ уже пересталъ объяснять. На лицѣ его было тупое выраженіе, какое бываетъ у битой собаки, когда она молча лежитъ, глядя большими глазами въ пустоту; такъ и кажется, что она о чемъ-то думаетъ.

Русскій рабочій не читаетъ газетъ, не имѣетъ клуба, но, повидимому, обо всемъ освѣдомленъ. На берегахъ Невы есть тюрьма. Говорятъ, что теперь уже многое измѣнилось, но до недавняго времени тамъ была маленькая камера ниже уровня льда, и когда туда помѣщали заключенныхъ, то они исчезали черезъ нѣсколько дней, и больше уже ничего о нихъ не было извѣстно никому, за исключеніемъ развѣ рыбъ Балтійскаго моря.

О такихъ исторіяхъ русскій народъ толкуетъ промежъ себя; объ этомъ говорятъ извозчики, собравшись вокругъ костровъ, землепашцы, выходя на работу съ зарею, фабричные рабочіе, голоса которыхъ заглушаются гуломъ машинъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я искалъ себѣ квартиру въ Брюсселѣ, и меня направили къ домику на маленькой улицѣ, выходящей на Avenue Louise. Обстановка квартиры была бѣдная, но все-таки стѣны были увѣшаны картинами—большими и маленькими.

— Эти картины,—объяснила мнѣ хозяйка, старая женщина съ измученнымъ лицомъ, — не останутся здѣсь. Я ихъ возьму съ собой, въ Лондонъ. Это—работы моего мужа, и онъ устраиваетъ выставку своихъ произведеній.

Знакомый, который послалъ меня сюда, говорилъ, что эта женщина—вдова, что она жила болѣе десяти лѣтъ въ Брюсселѣ, сдавая меблированныя комнаты и этимъ поддерживая свое очень скромное существованіе.

— Вы во второй разъ вышли замужъ?—спросилъ я.

Она улыбнулась.

— Нѣтъ, не во второй разъ; я вышла замужъ восемнадцать лѣтъ тому назадъ, въ Россіи. Черезъ нѣсколько дней послѣ нашей свадьбы моего мужа отправили въ Сибирь, и съ тѣхъ поръ я его не видѣла.

— Я бы поѣхала за нимъ,—прибавила она,—но мы каждый годъ надѣялись, что его освободятъ.

— А теперь онъ дѣйствительно освобожденъ?—спросилъ я.

— Да,—отвѣтила она.—На прошлой недѣлѣ его выпустили на свободу. Онъ пріѣдетъ ко мнѣ въ Лондонъ, и наконецъ наступитъ нашъ медовый мѣсяцъ.

Она улыбнулась, и по этой улыбкѣ я увидѣлъ, что она когда-то была молода и красива.

Я читалъ въ англійскихъ газетахъ отчеты о выставкахъ въ Лондонѣ картинъ ея мужа. Писали, что онъ много обѣщаетъ. Можетъ быть, наконецъ для него начнется настоящая жизнь.

Природа очень затрудняетъ жизнь въ Россіи—для богатыхъ и для бѣдныхъ одинаково. Можно бы подумать, что дьяволъ направилъ Петра Великаго къ берегамъ Невы, гдѣ обитаютъ лихорадки и простуды.

„Покажи мнѣ во всѣхъ твоихъ владѣніяхъ мѣсто наиболѣе непривлекательное и безнадежное, для того, чтобы мнѣ построить тамъ городъ“. Такъ молился Петръ, и дьяволъ открылъ мѣсто, на которомъ теперь стоитъ Петербургъ, за что вѣроятно заслужилъ похвалу отъ своего начальства и вернулся къ пославшему его, вполнѣ довольный собою.

— Я, кажется, нашелъ единственное въ своемъ родѣ мѣсто. Это—гнилое болото, на которое огромная рѣка направляетъ стужи и туманы, а въ короткое лѣто вѣтеръ соединяетъ тамъ всѣ дурныя стороны сѣвернаго полюса и Сахары. Зимой въ Россіи топятъ большія печи, наглухо заколачиваютъ двери и окна, и въ этомъ тепличномъ воздухѣ многія женщины проводятъ около полугода, никогда не рѣшаясь выйти изъ дому. Даже мужчины предпочитаютъ не выходить. Во всѣхъ конторахъ, во всѣхъ лавкахъ жарко какъ въ печкѣ.

У сорокалѣтнихъ мужчинъ — пергаментныя лица и сѣдые волосы, женщины въ тридцать лѣтъ — старухи. Во время лѣтнихъ мѣсяцевъ землепашцы почти не знаютъ сна; они отсыпаются зимою, забравшись въ свою берлогу, гдѣ зарыты въ снѣгу съѣстные припасы и водка.

Вечеринка въ Россіи длится цѣлую ночь. Въ сосѣдней ком-

натѣ стоятъ кровати и диваны, на которыхъ всегда лежитъ съ полдюжины гостей. Русскіе ѣдятъ—когда придется, столъ постоянно накрытъ, гости приходятъ и уходятъ. Разъ въ годъ въ Москвѣ бываетъ празднество. Купцы съ ранняго утра ѣдятъ горячія лепешки (блины), пиршество длится нѣсколько часовъ, и каждый изъ купцовъ стремится къ тому, чтобы съѣсть больше, чѣмъ его сосѣдъ. Они съѣдаютъ за одинъ присѣстъ до 50—60 такихъ лепешекъ, и часто результатомъ этого состязанія бываетъ нѣсколько похоронъ.

Мы, въ своемъ горделивомъ самомнѣніи, называемъ ихъ людьми нецивилизованными, но они молоды. Русской исторіи нѣтъ трехсотъ лѣтъ. Они еще перещеголяютъ насъ, какъ мнѣ думается. Ихъ энергія, ихъ способности чудовищны. Я зналъ русскаго, который въ полгода изучилъ китайскій языкъ. По-англійски они выучиваются шутя. Дѣти играютъ на скрипкѣ и въ шахматы, ради собственнаго удовольствія.

Міръ будетъ радъ познакомиться съ Россіей, какъ только она приведетъ свой домъ въ порядокъ.

Съ англійскаго О. Ч.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

Страшный годъ!

Съ довѣрьемъ я глядѣлъ на поворотъ судьбы,
Который намъ сулилъ людей свободныхъ долю;
И грезилъ я, что мы, недавніе рабы,
На вѣки вѣчные отпущены на волю.

Вотъ—мы ужъ гра́ждане. Вотъ—сердцемъ и умомъ
Равно и рабской лжи, и мести рабской чужды,
Мы, въ Думѣ рѣчь держа свободнымъ языкомъ,
Врачуемъ родины страданія и нужды...

О, грёзы праздныя! О, тщетныя мечты!
Къ свободѣ рвемся мы, но путь къ ней намъ невѣдомъ.
Мы выступили въ ночь, средь грозной темноты,
И бродимъ безъ огней, объяты буйнымъ бредомъ.

Пожары, грабежи, кровь льется какъ вода,
Засады, западни, подвохи и обманы...
Мы, озвѣрѣвшіе, стихаемъ лишь тогда,
Какъ водкою родной и кровью братской пьяны.

Потомъ опять вражда нещадная встаетъ,
Какъ будто разрѣшить поставила свобода
Задачу: кто кого насильемъ изведетъ
Во имя новыхъ правъ и счастія народа?!

Какъ прежде, духъ вождей и нынѣ нетерпимъ.
Ихъ властный нравъ грозитъ мышленью гражданина,—
Но гражданинъ рабомъ не хочетъ быть ничьимъ;
Свободы не добыть, мѣняя господина.

Борьба есть жизни смыслъ, когда ведется бой
Духовной силою и разума, и слова;
А родина моя, забитая судьбой,
Мятется, вся въ крови; но мыслить не готова.

Въ безмыслiи, во лжи, въ безправной темнотѣ
Ее жестокая воспитывала школа;
Свободу мнѣнiя признать не въ силахъ тѣ,
Чей разумъ развращенъ заразой произвола.

Свобода!.. А давно-ль съ упорствомъ большинство
Ея чуждалося своей душой казенной?
Давно-ль мы думали: не нужно ничего,
Что̀ нарушало бы затишье жизни сонной?

Нѣтъ, не далекiя то были времена.
И мы предъ совѣстью должны сознаться сами,
Скорбя и со стыдомъ, что еслибъ не война—
Мы были бъ и теперь живыми мертвецами.

Великъ и тяжекъ нашъ предъ родиною грѣхъ.
Верховный Судiя, пристрастью недоступный!
Свой правый гнѣвъ смягчи! Прости, помилуй всѣхъ!
Всѣ, съ верху до̀ низу, виновны; всѣ преступны.

II.

Въ наши дни.

Опять извѣстiй ниоткуда;
Просвѣта нѣтъ средь нашей тьмы...
И сердце чуетъ близость худа,
Какого не знавали мы.
Не видя смысла смуты дольной,
Мы взоръ возводимъ къ небесамъ—
И вспоминается невольно:
„Отмщенье Мнѣ, и Азъ воздамъ“.

Алексѣй Жемчужниковъ.

1 декабря 1905.
Тамбовъ.

ПРИЗРѢНІЕ СИРОТЪ

и

КУСТАРНЫЕ ПРОМЫСЛЫ ВЪ РАБОЧЕМЪ ВОПРОСѢ.

Переживаемое нами тяжелое время сосредоточиваетъ все болѣе и болѣе мысли каждаго на рабочемъ вопросѣ, являющемся краеугольнымъ камнемъ прочнаго развитія производительныхъ силъ и благосостоянія страны. Беру здѣсь слова „рабочій вопросъ“ въ смыслѣ того источника рабочей силы страны, изъ котораго только и можетъ развиться и прочно укорениться благосостояніе народа,—я говорю здѣсь о пріученіи подростающаго поколѣнія къ труду, къ работѣ, и не только къ умѣнію, но и къ потребности примѣненія своихъ силъ къ болѣе производительному труду, что составляетъ именно полноту жизни. Если рабочій вопросъ въ сельскомъ хозяйствѣ еще не принялъ тѣхъ безобразныхъ формъ, какія видимъ въ фабричномъ дѣлѣ, то это еще далеко не значитъ, что рабочій вопросъ въ сельскомъ хозяйствѣ переживаетъ менѣе критическое и менѣе безвыходное положеніе. Привычка къ даровому крѣпостному труду, еще съ полъ-вѣка тому назадъ, пріучила насъ смотрѣть менѣе требовательно на продуктивность труда каждаго отдѣльнаго индивидуума, восполняя недочетъ въ количественной продуктивности — увеличеніемъ числа рабочихъ рукъ на данную работу, мирясь при замѣченномъ качественномъ недочетѣ въ работѣ (тамъ, гдѣ это вообще замѣчалось) съ упованіемъ на Бога, на „авось Богъ родитъ“, „Богъ дастъ“,—забывая совершенно болѣе мудрое народное изреченіе: „береженаго и Богъ бережетъ“. Такимъ образомъ, поколѣніями развивалось извѣстное неряшество къ сельско-хозяйственнымъ работамъ, которое при крѣпостномъ правѣ привилось съ помѣщичьяго хозяйства на крестьянское, а съ освобожденіемъ крестьянъ—и въ томъ и въ другомъ перешло съ поколѣнія на поколѣніе, сдѣлавъ всю про-

изводительность земледѣльца значительно менѣе продуктивной, чѣмъ она должна была бы быть при болѣе интенсивномъ развитіи ея. Вслѣдствіе ясно проявившейся малой продуктивности труда земледѣльца (помѣщика и крестьянина), послѣдній не находитъ уже въ работѣ надлежащаго нравственнаго удовлетворенія; это дѣлаетъ ему трудъ его еще болѣе тяжелымъ, подчасъ даже невыносимымъ, и онъ бѣжитъ отъ него, самъ не выяснивъ себѣ, что то, куда онъ бѣжитъ, на что онъ бросается, дастъ ему еще менѣе полное удовлетвореніе и менѣе вѣрное обезпеченіе къ существованію. Такимъ образомъ, изъ года въ годъ усиливается число отрывающихся отъ земледѣлія и приплывъ грубыхъ, неспеціализированныхъ къ какому-либо производству, рабочихъ силъ въ города и промышленные центры, увеличивая собою массу голодающихъ и недовольныхъ, изъ которыхъ и образуется та темная масса, которая, сама не понимая, что̀ дѣлаетъ, валитъ валомъ за каждымъ сулящимъ благо и сытость отъ производимаго ею насилія какъ противъ частной собственности, такъ и противъ образованныхъ классовъ общества.

Ни въ одной отрасли народнаго хозяйства не слышится столько жалобъ, какъ въ сельскомъ хозяйствѣ, что вести дѣло стало положительно невозможнымъ, потому что нѣтъ у насъ ни умѣлыхъ рабочихъ, продуктивность работы которыхъ могла бы окупить и болѣе дорогую плату за работу, нѣтъ у насъ старостъ, нѣтъ у насъ крестьянъ-арендаторовъ; наконецъ, даже тѣ крестьяне, которые въ окружающихъ деревняхъ еще образовывали до сихъ поръ излишекъ рабочей силы, и тѣ—либо, истощивъ свои земли, переселяются на новыя мѣста, либо—идутъ въ города, на увеличеніе недовольной массы. Но развѣ хозяева озаботились создать себѣ основной элементъ рабочей силы, безразлично—въ видѣ ли крестьянина-собственника, или безземельнаго рабочаго, отъ котораго и далѣе передавалась бы привязанность къ земледѣльческому промыслу? Рѣшительно нѣтъ.

Войдите въ мастерскую ремесленника, пользующуюся заслуженной славой, и сѣдой хозяинъ, создавшій славу мастерской, съ гордостью укажетъ вамъ, по меньшей мѣрѣ, на двухъ-трехъ мастеровъ въ своей мастерской, бывшихъ учениковъ своихъ, которыми онъ гордится и которые прочно способствуютъ славѣ его мастерской, передавая мастерство это съ тою же основательностью ученикамъ. Крупныя капиталистическія предпріятія, крупныя фабрики, владѣльцы которыхъ не связаны съ работающими въ нихъ крѣпкой нитью патріархальнаго быта, царящаго въ мастерской ремесленника,—и тѣ прониклись сознаніемъ что для успѣшнаго процвѣтанія предпріятія необходимо имъ воспитать себѣ рабочихъ въ подростающемъ поколѣніи, чувствующихъ нравственную связь съ даннымъ предпріятіемъ, что̀ и заставило

ихъ устроить хорошо обставленныя школы для дѣтей рабочихъ и мастеровъ, въ которыхъ они обучаются не только грамотѣ, но и подготавливаются къ данному производству, чтобы тѣмъ самымъ развить въ себѣ болѣе сознательно дѣйствующую, болѣе производительную и болѣе конкурренто-способную рабочую силу. Ничего подобнаго сельскіе хозяева для своей отрасли не сдѣлали. Въ то время, когда нить патріархальнаго быта связывала помѣщика съ крестьяниномъ крѣпче, чѣмъ нить, связывающая ремесленника-хозяина съ подростающими въ его мастерской учениками, во время крѣпостного права, землевладѣльцы не думали озаботиться объ укрѣпленіи прочной будущности нашего сельскаго хозяйства, созданіемъ надлежаще подготовленной массы земледѣльцевъ,—а теперь нить патріархальнаго быта, связывавшая крестьянина съ помѣщикомъ, оборвалась навсегда, и рѣчь о связи и вліяніи землевладѣльца на крестьянина-земледѣльца можетъ быть лишь тамъ, гдѣ матеріальные интересы ихъ настолько тѣсно связаны, настолько солидарны, что интересы обѣихъ сторонъ—работать вмѣстѣ. Образуйте для вашего хозяйства спеціалиста, которому вамъ за его спеціальныя знанія выгодно платить больше, чѣмъ онъ получитъ въ другомъ, менѣе развитомъ хозяйствѣ, и онъ будетъ вамъ прочной опорой, потому что его личные интересы тѣсно связаны съ вашими, связаны съ развитіемъ вашего предпріятія, отъ котораго зависитъ и повышеніе его заработка.

Теперь, когда, вслѣдствіе печальныхъ событій на Дальнемъ Востокѣ, явилось громадное увеличеніе числа сиротъ въ деревняхъ, это—моментъ, созданный Провидѣніемъ для образованія той нити, которою могла бы быть возстановлена прочная связь помѣщика съ осиротѣлымъ подростающимъ крестьяниномъ и истинная связь послѣдняго съ земледѣліемъ, благодаря развитію въ немъ большей продуктивной силы, облегчающей ему борьбу за существованіе въ связи съ землей. Осуществимо же это ни въ какомъ случаѣ не въ нынѣшнихъ земскихъ сиротскихъ пріютахъ, несостоятельность которыхъ достаточно обнаружена и выяснена прессой за истекшее пятилѣтіе. Неисправимый грѣхъ уже въ одномъ помыслѣ—воспитать этихъ деревенскихъ сиротъ, дѣтей природы, въ казарменныхъ сиротскихъ домахъ, не отвѣчающихъ даже элементарнымъ требованіямъ выращиванія здороваго поколѣнія, что̀ лучше всего показываетъ поражающій процентъ смертности въ нихъ, не говоря уже объ отдаленности направленія этихъ учрежденій отъ созданія продуктивной рабочей силы для земледѣлія и связанныхъ съ нимъ промысловъ. Не менѣе того удаляетъ отъ развитія продуктивныхъ силъ въ подростающихъ сиротахъ оставленіе сироты въ деревнѣ на рукахъ матери, бабы, понимающей благо ребенка съ своей узко-матеріальной, часто алчной, точки зрѣнія, довольной матеріаль-

нымъ успѣхомъ отъ собиранія милостыни Христа ради, не понимающей, насколько это навсегда отрываетъ подростающаго мальчика отъ продуктивнаго труда. Единственный путь—изъ оставшихся отъ павшихъ воиновъ сиротъ развить продуктивную силу на пользу земледѣлія и процвѣтанія страны, это — тѣсная прикосновенность къ этому дѣлу лучшихъ силъ нашего землевладѣльческаго элемента, организація въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ это цѣлесообразно въ интересахъ заданной цѣли, „сиротскихъ колоній", для сиротъ, въ числѣ, не превышающемъ того максимума, который долженъ быть признанъ за крайній предѣлъ, при которомъ каждый изъ выращиваемыхъ сиротъ съ ранняго возраста сознательнаго дѣйствія былъ бы настолько занятъ полезнымъ использованіямъ своего времени, соотвѣтственно его силамъ, чтобы тѣмъ самымъ прочно развить въ немъ максимальную продуктивность и любовь къ работѣ. Поэтому максимальное число сиротъ въ такихъ колоніяхъ или сиротскихъ станціяхъ, въ нѣкоторыхъ небольшихъ хозяйствахъ, будетъ цѣлесообразнымъ—не болѣе трехъ сиротъ, тогда какъ въ болѣе крупномъ имѣніи, съ различными отраслями хозяйства, максимальное число можетъ достичь 10—15 сиротъ. Но избави Богъ помѣщика, взявшаго на свою отвѣтственность воспитаніе малолѣтнихъ сиротъ, смотрѣть на это только какъ на эксплоатацію дарового труда, какъ на лично выгодное дѣло; а еще болѣе оборони Богъ — смотрѣть на это какъ на актъ простой благотворительности, состоящей лишь въ томъ, что бѣдныя сиротки будутъ „хорошо призрѣны". Этотъ послѣдній взглядъ на дѣло для развитія продуктивныхъ силъ еще пагубнѣе перваго взгляда, подсказываемаго алчной погоней за наживой. Каждый прикоснувшійся къ этому дѣлу активно — долженъ смотрѣть на него какъ на дѣло государственной важности, безразлично, будетъ ли это сиротская станція для дѣвочекъ или для мальчиковъ,—дѣло, за которое онъ взялся съ полной нравственной отвѣтственностью передъ будущимъ поколѣніемъ и передъ Богомъ въ томъ, что онъ въ принятыхъ сиротахъ создастъ дѣйствительно продуктивныя силы на пользу родинѣ.

Пріученіе къ труду, къ интенсивному труду, къ болѣе выгодному использованію времени, возможно лишь съ малолѣтства, какъ и прививка любви къ землѣ въ той степени, когда изъ любви къ ней человѣкъ въ состояніи перенести и трудность работы, затрачиваемой для достиженія наибольшаго результата; онъ получаетъ тѣмъ не только большій доходъ съ извѣстнаго клочка земли, но и несравненно большее удовлетвореніе отъ своей работы, поднимающей въ человѣкѣ чувство уваженія къ себѣ, дающей ему въ свою очередь больше силъ перенести и тяжелыя минуты экономической жизни. Насколько важно пріученіе къ труду и порядку съ ранняго возраста для каждой отрасли хозяйства, лучшимъ примѣромъ служатъ намъ въ молочномъ дѣлѣ бывшія

ученицы извѣстной своимъ молочнымъ хозяйствомъ г-жи И. Буманъ, въ вологодской губерніи. Г-жа Буманъ, въ то время, когда она сама лично занималась молочнымъ дѣломъ, набирала себѣ учениць изъ деревенскихъ дѣвочекъ, преимущественно сиротъ, не иначе какъ малолѣтокъ 7—8 лѣтъ, пріучала ихъ сначала къ опрятности и къ чистотѣ собственной внѣшности, затѣмъ пріучала ихъ къ содержанію въ строгой чистотѣ жилыхъ комнатъ ея, къ аккуратности въ каждой выполняемой работѣ, обучая ихъ въ то же время грамотности, и лишь такая, пріученная къ чистотѣ и корректному выполненію работъ, 14-ти, 15-тилѣтняя дѣвушка допускалась къ молочному дѣлу и къ маслодѣлію и изучала его основательно. Результатомъ такой школы вышли молочницы и маслодѣлки, стоящія—не только въ практическомъ знаніи своего дѣла и въ большей добросовѣстности, но и въ строгомъ проведеніи чистоты во всемъ молочномъ дѣлѣ—далеко выше учениць всѣхъ прочихъ школъ нашихъ по молочному дѣлу.

То же самое требуется и при каждой другой отрасли хозяйства, а при земледѣліи болѣе чѣмъ гдѣ-либо. Вслѣдствіе того, что къ обработкѣ земли юноша можетъ приступить, лишь достигнувъ уже извѣстнаго физическаго развитія, съ извѣстными физическими силами, потребными для выполненія работъ,—и основной задачей этихъ сиротскихъ станцій должно быть потому примѣненіе къ воспитанію дѣтей такого труда, который доступенъ и посиленъ уже восьмилѣтнему ребенку и пріучалъ бы его къ полезному использованію времени, развивая въ то же время его продуктивность, дѣлая его болѣе конкуррентоспособнымъ. Такое воспитательное значеніе и должно имѣть основательное обученіе соотвѣтствующему кустарному промыслу, могущему для крестьянина-земледѣльца и впослѣдствіи стать существеннымъ подспорьемъ въ борьбѣ за существованіе, какъ зимній заработокъ дома. Въ данномъ случаѣ, для примѣра возьмемъ корзиночное производство, которое по характеру своему, сообразно условіямъ, въ которыхъ находится хозяйство, можетъ быть раздѣлено на производство корзинъ изъ лучинъ или стружекъ (въ болѣе лѣсныхъ мѣстностяхъ) и на ивовое корзиночное производство, которое можетъ быть введено въ каждомъ хозяйствѣ съ ивовой культурой (и даже безъ того, выписывая готовые ивовые прутья). Мальчуганъ (или дѣвочка) 7—8 лѣтъ уже пріучается къ лущенію прутьевъ и къ сортировкѣ ихъ, что физически наиболѣе легкая работа; но уже сортировка прутьевъ требуетъ настолько вниманія отъ малыша, что развиваетъ въ немъ сознательное дѣйствіе и смѣтливость; затѣмъ, съ увеличеніемъ возраста и интеллектуальнаго развитія, возрастаютъ и требованія къ его продуктивности, его приставляютъ къ плетенію корзинъ зимою, а лѣтомъ къ посильнымъ работамъ въ ого-

родѣ и на полѣ. Воспитавъ такимъ образомъ труженика, силы котораго, затѣмъ, смотря по способностямъ, переносятся къ болѣе интенсивному земледѣлію или же къ болѣе крупнымъ и болѣе выгоднымъ кустарнымъ промысламъ, его дѣлаютъ конкуррентоспособнымъ къ самостоятельному существованію и къ борьбѣ съ фабричнымъ производствомъ.

До четырнадцатилѣтняго возраста, какъ мальчикъ, такъ и дѣвочка, не могутъ своей работой окупить стоимость ихъ обученія и полнаго содержанія съ одеждой. Этотъ расходъ долженъ быть добываемъ изъ правительственныхъ и земскихъ ассигновокъ и изъ средствъ частной благотворительности на этотъ предметъ. Съ 14-ти лѣтъ до 16-ти включительно, при вѣрномъ веденіи дѣла, индивидуумъ уже вполнѣ окупаетъ свое содержаніе; 17-ти и 18-ти лѣтъ ему уже должна причитаться плата, соотвѣтствующая его работѣ, какъ будто вся работа дѣлалась издѣльно; плата, однако, не выплачивается ему на руки и учитывается слѣдующимъ образомъ. Изъ всего заработка $^3/_5$ идутъ на полное содержаніе и одежду его, $^3/_{10}$ идутъ въ сберегательную кассу въ его пользу, и $^1/_{10}$ заработка выплачивается ему на руки. Съ начала 18-го и до конца 21-го года (для дѣвушекъ—до конца 20-го года) изъ его заработка учитывается: $^2/_5$ на его содержаніе, $^2/_5$ на сбереженіе, $^1/_5$ выдается ему на руки. Дѣвушки остаются обязательно до окончанія 20-го года, мужчины—до окончанія 21-го года; какъ дѣвушкѣ, такъ и мужчинѣ скопившаяся на ихъ долю сумма изъ заработной платы выдается на руки лишь съ достиженіемъ—имъ 26-го года (ею—24-го года), и не деньгами, а живымъ и мертвымъ инвентаремъ для начала хозяйства, или инструментами для даннаго кустарнаго промысла, и лишь въ исключительныхъ случаяхъ, по рѣшенію совѣта, скопленный заработокъ можетъ быть выданъ на руки деньгами, для уплаты аренды за землю или найма и оборудованія помѣщенія подъ мастерскую.

Для примѣра, въ указаніе, насколько подходящее кустарное производство можетъ имѣть воспитательное значеніе для данной цѣли, я привелъ корзиночное производство. Это—на первый взглядъ столь ничтожное—производство въ дѣйствительности, при той правильной постановкѣ, какою оно пользуется въ Германіи, имѣетъ громадное значеніе для народнаго хозяйства, не только какъ отрасль кустарнаго производства, дающая личный заработокъ въ нѣсколько милліоновъ рублей населенію, не отрывая его отъ земли, но не менѣе важное значеніе это производство имѣетъ для упроченія сбыта продуктовъ плодоводства, садоводства и огородничества. Хотя укупорка имѣетъ весьма важное значеніе для всѣхъ товаровъ, сбытъ свѣжихъ фруктовъ прямо зависитъ отъ того, насколько укупорка ихъ отвѣчаетъ вкусу и удобству потребителя, чѣмъ и обусловливается требованіе рынка. Эта

укупорка отвѣчаетъ удобству потребителя: упаковываются плоды въ небольшія корзины, обладающія даже нѣкоторымъ изяществомъ формъ и могущія быть полезными въ обыденной хозяйственной жизни, а это въ значительной степени расширило внутреннее потребленіе и внѣшній сбытъ плодовъ.

Изъ 18-ти милл. марокъ, зарабатываемыхъ въ Германіи на корзиночномъ дѣлѣ, кустарямъ, живущимъ въ деревнѣ, приходится около 14,33 милл. марокъ, изъ коихъ 9 милл. слишкомъ составляютъ личный заработокъ кустаря, т.-е. плату за его работу. Кустарное производство, дающее населенію чистый заработокъ слишкомъ на 9 милл. мар., или болѣе 4 милл. рублей, ни въ какомъ случаѣ не должно считаться ничтожнымъ и заслуживаетъ серьезнаго вниманія въ вопросѣ о поднятіи производительныхъ силъ населенія.

Реальная и прочная постановка этого дѣла, устраняющая узкіе предѣлы мѣстныхъ и туземныхъ рынковъ, дѣлая производителя конкуррентоспособной единицей и мірового рынка, устранила тѣмъ самымъ и опасность внутренняго перепроизводства, превративъ корзиночныя издѣлія въ прочный товаръ внѣшней торговли. Такъ, первыя серьезныя попытки вывоза корзиночныхъ издѣлій въ Германіи мы видимъ въ 1883 году; средній годовой вывозъ корзиночныхъ издѣлій изъ Германіи за послѣднее десятилѣтіе составляетъ 3,35 милл. мар. въ годъ. Главными мѣстами сбыта были Соединенные Штаты—слишкомъ на 0,72 милл. марокъ, и Великобританія — слишкомъ на 0,60 милл. марокъ. Мы корзиночныхъ издѣлій не вывозимъ вовсе; ввезли же ихъ въ 1901 году на 736.581 руб.

Говоря о корзиночномъ производствѣ, я привелъ здѣсь въ примѣръ производство, вырабатывающееся изъ хозяйственной обстановки того или другого имѣнія, начинающееся съ культуры корзиночной ивы, съ пріученія къ корзиночному плетенію. Такими же кустарными производствами являются—веревочное, бочарное и другія. Но связь съ интересами сельскаго хозяйства имѣетъ и значительное число другихъ производствъ, перерабатывающихъ не только мѣстный матеріалъ, но даже ввезенный изъ-за-границы,—введенныхъ и развившихся, благодаря мудрому веденію народнаго хозяйства, въ крупную промышленность, дающую населенію достаточно прочный заработокъ зимою, не отрывающій его лѣтомъ отъ земли, способствующій тѣмъ еще болѣе развитію сельскаго хозяйства. Для подтвержденія сказаннаго приведу здѣсь два примѣра прочной связи такихъ, на первый взглядъ ничего общаго съ сельскимъ хозяйствомъ неимѣющихъ, производствъ,—и ихъ дѣйствительнаго вліянія на развитіе сельскаго хозяйства. Возьму производство пробочныхъ издѣлій и производство соломенныхъ шляпъ.

Въ Максайнѣ, въ баденскомъ округѣ (Maxain, Unterwesterwaldkreis,

Regierungsbezirk Wiesbaden), въ 1868 году также проявилось стремленіе къ переселенію въ города, за недостаткомъ заработковъ въ деревнѣ, хотя въ Максайнѣ, въ лѣтнее время, во время полевыхъ работъ, излишка въ рабочихъ не замѣчалось. Это очень озаботило мѣстныя власти, которыя и предложили максайнскому пастору Е. Вёмелю заняться организаціей работъ, могущихъ дать населенію прочный заработокъ въ свободное отъ земледѣлія время года. Пасторъ Вёмель привлекъ къ этой работѣ своего пріятеля, техника І. Ф. Мейера, на котораго и выпало впослѣдствіи практическое осуществленіе ихъ предложенія, состоящаго въ введеніи, какъ кустарнаго промысла, выдѣлки пробковыхъ издѣлій. На это правительство выдало одновременно 3.000 талеровъ (около 4.500 руб.), на которые была устроена небольшая мастерская для обученія населенія, подъ руководствомъ мѣстнаго техника Мейера, и закупленъ первый небольшой запасъ пробочнаго дерева. Уже въ 1871 году населеніе Максайна, подъ руководствомъ пастора Вёмеля, техника Мейера и избранныхъ трехъ членовъ общества, составляло администрацію максайнской пробочной промышленности подъ фирмою „Maxainer Korkindustrie Voemel, Meyer und C⁰“; пробочнымъ издѣліемъ было занято уже тогда 223 мужчины, 110 женщинъ и 25 дѣтей, которые перерабатывали въ годъ 1.000 метр. центнеровъ пробочнаго дерева, на сумму 48.000 мар.; вырабатывались издѣлія на 75.000 мар., изъ которыхъ чистый заработокъ населенія составляли 24.000 мар., или около 70 мар. на человѣка, въ видѣ пробочнаго кустарнаго заработка у себя дома, въ свободное отъ земледѣлія время.

Насколько кустарное производство пробочныхъ издѣлій дѣйствительно служило матеріальной выручкой въ случаѣ плохого урожая, показываютъ слѣдующія цифры, заимствованныя изъ отчета [1]) относительно деревень Дермбахъ и Гейза. Въ этихъ двухъ деревняхъ было:

Годы:	Выдано рабочихъ книжекъ по производству пробочныхъ издѣлій:	По этимъ книжкамъ чистаго заработка кустарей выплачено всего марокъ:	Урожай хлѣбовъ и картофеля былъ:
1878	400	60.118	ниже средняго
1879	400	60.377	„ „
1880	253	56.548	выше средняго
1881	288	61.492	„ „
1882	358	67.395	средній
1883	265	47.968	выше средняго
1884	425	56.167	ниже средняго

[1]) „Jahrbücher f. Nationalökonomie u. Statistik“, herausgeg. v. Dr. Joh. Conrad. 1886.

Еще болѣе характернымъ примѣромъ является развитіе производства соломенныхъ шляпъ въ Линденбергѣ, въ центрѣ молочнаго скотоводства и сыроваренія баварскихъ Альпъ, съ которымъ мнѣ удалось близко ознакомиться въ 1893 году, при изученіи постановки швейцарскаго сыроваренія въ Вейлерѣ. Линденбергъ, находящійся въ центрѣ баварскаго Альгау, славящагося своимъ молочнымъ скотоводствомъ, лежитъ уже настолько высоко надъ уровнемъ моря, что населеніе занято усиленными лѣтними работами, требующими все наличное количество рабочихъ рукъ, не болѣе 4-хъ мѣсяцевъ, остальные же 8 мѣсяцевъ земледѣліе не даетъ имъ достаточно занятія на всѣхъ членовъ семьи.

Въ силу большого капитала, находящагося въ молочномъ скотѣ,—въ стадѣ крестьянина въ 6—15, коровъ цѣнностью по 150—250 руб. корова,—крестьянинъ-хозяинъ самъ болѣе заинтересованъ уходомъ за скотомъ и самъ выполняетъ этотъ уходъ съ помощью сына или работника, вслѣдствіе чего женскія руки тамъ заняты въ хозяйствѣ лишь съ іюня по сентябрь, т.-е. съ перваго укоса и по уборку полей, послѣ чего, кромѣ хозяйки-матери, ведущей домашнее хозяйство, остальныя женщины семьи совершенно свободны. Эти хозяйственныя условія, уже съ незапамятныхъ временъ, способствовали плетенію простыхъ соломенныхъ шляпъ, носимыхъ лѣтомъ при полевыхъ работахъ сельскимъ населеніемъ Альгау и прочей южной Баваріи. Впослѣдствіи, съ распространеніемъ моды на соломенныя шляпы въ городахъ, женское населеніе той мѣстности начало заготовлять соломенную плетенку для фабрикъ соломенныхъ шляпъ въ большихъ городахъ. Но соломенная плетенка Альгау, даже въ лучшемъ видѣ, представляла собою лишь матеріалъ средней тонины (соломенное плетеніе высшаго качества и до настоящаго времени поставляютъ Италія и Швейцарія, вырабатывающія ее изъ недозрѣвшей, болѣе мягкой соломы), который быстро былъ вытѣсненъ китайской соломенной плетенкой, а эта, не уступая альгауской по качеству, настолько дешевле, что окончательно убила изготовленіе соломенной плетенки въ баварскихъ Альпахъ. Это поставило тамошнее населеніе въ безвыходное положеніе, угрожая уходомъ части женскаго населенія отъ сельскаго хозяйства, столь нуждающагося въ нихъ въ лѣтніе мѣсяца. Послѣднее обстоятельство побудило баварское правительство поощрить появленіе въ Линденбергѣ первыхъ фабрикъ соломенныхъ шляпъ, для введенія, въ видѣ домашняго (кустарнаго) промысла, шитья соломенныхъ шляпъ для фабрики. Успѣхъ первыхъ фабрикъ соломенныхъ шляпъ въ Линденбергѣ вскорѣ создалъ соперничество, и уже въ 1893 году въ одномъ Линденбергѣ работало болѣе 30 фабрикъ, а во всемъ Альгау всего 45 фабрикъ соломенныхъ шляпъ.

Производство соломенныхъ шляпъ по своему характеру представляетъ два типа производства. Одинъ изъ нихъ—производство дамскихъ соломенныхъ шляпъ высшаго достоинства, быстро проходящей моды, часто представляющихъ собою положительно произведеніе художественное, есть производство, настолько зависящее отъ быстро проходящихъ капризовъ моды, что можетъ существовать лишь въ большихъ европейскихъ городахъ, находясь въ постоянной связи съ быстро мѣняющимися модами женщинъ большого свѣта; другой типъ—массовое производство соломенныхъ шляпъ, имѣющее также свои моды даннаго сезона, но моды, пользующіяся массовымъ сбытомъ. Это послѣднее производство уже не нуждается непремѣнно въ близости большого города, имѣя своихъ потребителей вездѣ, во всемъ свѣтѣ. Этотъ характеръ производства имѣютъ и фабрики соломенныхъ шляпъ въ Линденбергѣ, который находится въ 12 верстахъ отъ ближайшей станціи желѣзной дороги и въ 927 верстахъ отъ ближайшаго порта—Бремена [1]), черезъ который фабрики получаютъ китайскую соломенную плетенку, закупаемую ими въ Лондонѣ, являющемся міровымъ рынкомъ для закупки китайской соломенной плетенки, доставляемой туда главнымъ образомъ изъ провинціи Петчили и Шантунгъ, черезъ Шанхай.

Такая фабрика изготовляетъ, кромѣ модныхъ шляпъ мужчинъ и дѣтей, менѣе подвергающихся быстрому измѣненію модъ, еще прочно удерживающіяся формы женскихъ шляпъ, извѣстныхъ подъ названіемъ флорентинской и шляпы Памела, а затѣмъ женскія шляпы моды предстоящаго сезона. Работа фабрикъ продолжается съ октября по май, лѣтомъ для нихъ заказовъ нѣтъ; все, что требуютъ лѣто и осень даннаго года, должно быть изготовлено и отправлено не позже мая. Готовыя шляпы изъ Линденберга, мужскія въ готовомъ, гарнированномъ видѣ, дамскія большею частью негарнированными, идутъ не только въ разные города Европы, но—особенно мужскія шляпы—вывозятся въ большомъ количествѣ въ заатлантическія страны, особенно въ Америку и Австралію. Фабрики Линденберга вырабатываютъ 70% всего своего производства изъ китайскаго, а около 30%—болѣе цѣннаго товара—изъ тонкаго итальянскаго и швейцарскаго плетенія.

Такая фабрика сама не занимается шитьемъ шляпъ, что и составляетъ кустарный заработокъ мѣстнаго женскаго населенія. Такая фабрика состоитъ: а) изъ учебной мастерской, въ которой изготовляются по спеціальному модному журналу, самостоятельно или по указу заказчика, первыя модели, по которымъ изготовляются дере-

[1]) Что равно разстоянію: отъ Риги до Орла; или отъ Либавы до Городни, черниговской губерніи; или отъ С.-Петербурга до Ярославля, до Тулы, до рязанской или до владимірской губерніи.

вянныя формы, а по нимъ швейки дома, на особыхъ швейныхъ машинахъ, шьютъ шляпы изъ данной имъ плетенки; этою же учебною мастерскою обучаются желающія работать на фабрикѣ шитью шляпъ на швейной машинѣ; б) изъ отдѣленія, въ которомъ производится аппретуровка шляпъ, съ помощью желатина, и бѣленія бѣлыхъ шляпъ сѣрнистымъ паромъ; в) изъ отдѣленія, въ которомъ, при помощи гидравлическихъ прессовъ съ нагрѣтыми формами, шляпа получаетъ окончательную формовку; г) гарнировочное отдѣленіе, въ которомъ мужскія и дѣтскія шляпы получаютъ гарнитуру, состоящую изъ ленты вокругъ шляпы; и д) упаковочнаго отдѣленія, въ которомъ готовый къ отправкѣ товаръ, смотря по тому, какой товаръ и куда отправляется, упаковывается въ тонкіе дощатые ящики или въ легкія корзины изъ лучинъ.

Фабрика, обучивъ дѣвушку или женщину шитью шляпъ, убѣдившись въ ея способности и добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу, даетъ ей машину на разсрочку уплаты стоимости машины въ теченіе 2—3 лѣтъ, вычетомъ изъ заработка. Вслѣдствіе большого числа фабрикъ шляпъ и конкурренціи межъ ними, притѣсненія ими мастерицъ не замѣчается. Такихъ машинъ для шитья шляпъ въ окрестностяхъ Линденберга въ 1892 году работало слишкомъ 800, за которыми женское населеніе работаетъ ежегодно съ октября по май мѣсяцъ. Заработокъ хорошей мастерицы составляетъ около 3 марокъ, средней—около 2 марокъ, плохой—отъ 1 до $1^1/_2$ марки въ день. Шляпы болѣе замысловатаго фасона, изъ тонкаго итальянскаго или швейцарскаго плетенія, большею частью шьются отъ руки, болѣе ловкими мастерицами, денной заработокъ которыхъ даже выше 3 марокъ въ день.

Достаточно указать на то, что Линденбергъ (всего съ 2.000 жителей) имѣетъ свой коммерческій банкъ, обороты котораго въ 1892 г. превысили 3 милліона марокъ, изъ которыхъ фабрики соломенныхъ шляпъ пользовались слишкомъ $2^1/_2$ милліонами марокъ.

Какъ у насъ въ Россіи, такъ и въ Германіи, первоначально изготовленіе ножеваго и проч. товара было исключительно ручное, составляя громадную отрасль кустарнаго производства по деревнямъ и мѣстечкамъ, ремесленнаго производства—по городамъ. Къ концу XIX столѣтія машинное производство навсегда вырвало изъ рукъ кустарей замочный, ножевый, гвоздочный и прочій товаръ. Нигдѣ именно это фабричное производство не развилось съ такою силою, какъ въ Германіи, и нигдѣ не было по этой отрасли производства такой ожесточенной борьбы, какъ въ Германіи, между кустаремъ и

фабрично-заводской промышленностью, имѣвшей въ результатѣ почти полное изъятіе этихъ производствъ изъ кустарной промышленности. Изготовленіе замковъ, ножеваго товара, гвоздей, лопатъ и т. п. товара кустарнымъ производствомъ въ Германіи въ настоящее время уже почти вовсе не встрѣчается, развѣ въ видѣ рѣдкаго исключенія, благодаря какимъ-либо особымъ условіямъ.

Своевременно предвидя исходъ борьбы кустарей съ фабричной промышленностью въ производствѣ металлическихъ издѣлій, въ Германіи обратили всѣ усилія на то, чтобы въ кустарѣ-кузнецѣ развить настолько интеллектуальную производительность, какъ въ техникѣ производства, такъ и въ самостоятельности творческой силы, чтобы сдѣлать изъ него конкуррентоспособную силу не только противъ отечественнаго фабричнаго производства, но и на міровомъ рынкѣ, создавъ изъ него производителя, противопоставляющаго массовому фабричному производству,—доводящему свои издѣлія до минимальной цѣны,—свою художественную работу, стоящую внѣ конкурренціи съ фабричнои, такъ какъ фабрики не вырабатываютъ подобныхъ издѣлій, могущихъ въ виду этого держать высокую цѣну. Такимъ образомъ, годами, постепенно, но прочно создалось въ Германіи художественно-кузнечное ремесло, „Kunstschmiedegewerbe“, распространенное по всей странѣ въ видѣ кустарнаго промысла. Такъ, изъ всей суммы 74.093.000 мар. желѣзныхъ издѣлій, издѣлія художественно-кузнечнаго производства составляютъ сумму въ 11.382.000 мар. Главными потребителями этихъ издѣлій являются Соединенные Штаты и Великобританія.

Благодаря такимъ же цѣлесообразнымъ мѣрамъ къ поднятію интеллектуальной производительности кустаря въ производствѣ кожаныхъ, басонныхъ, ткацкихъ и другихъ издѣлій, всѣ эти отрасли кустарной промышленности въ Германіи также твердо укоренились и противостояли фабричной промышленности. Такъ, напримѣръ, вывозъ предметовъ производства кожаныхъ издѣлій въ Германіи составляетъ, въ среднемъ, 110.108.000 мар. въ годъ, изъ которыхъ издѣлій кустарныхъ производствъ считаютъ, приблизительно, на 44.841.000 мар., съ чистымъ заработкомъ кустарей въ 8,57 милл. мар.; Россія, за тотъ же періодъ, вывезла кожаныхъ издѣлій всего лишь на 894.294 руб. въ годъ. Басонныхъ издѣлій за послѣднее десятилѣтіе вывезено изъ Германіи, въ среднемъ, въ годъ на 48.497.000 мар., изъ которыхъ на издѣлія кустарной промышленности пришлось 19.398.000 мар., давшихъ чистый заработокъ кустарямъ на 7.759.000 мар. въ годъ. Чулочнаго товара вывезено на 107.051.000 мар., съ 53.216.000 марокъ на долю кустарной промышленности, давшихъ чистый заработокъ кустарямъ въ 10.043.000 мар. въ годъ. Разныхъ издѣлій ткацкаго производства было вывезено въ годъ на 466.198.000 мар., изъ которыхъ на долю ку-

старной промышленности пришлось около 157.399.000 мар., давшихъ чистый заработокъ въ 51,35 милл. мар. въ годъ, и т. д.

Исторія борьбы кустарной промышленности съ фабрично-заводской, при естественныхъ (нормальныхъ, здравыхъ) условіяхъ, даетъ намъ лучшій примѣръ того, какой непобѣдимой силой является кустарный промыселъ въ соединеніи съ земледѣліемъ. Мы видимъ, что еще по послѣднимъ оффиціальнымъ даннымъ [1]) даже въ ткацкомъ производствѣ и производствѣ чулочнаго товара, въ которыхъ находится наибольшій процентъ кустарей, не причастныхъ къ земледѣлію, изъ 1.000 кустарей по ткацкому производству: мелкихъ землевладѣльцевъ 311, занятыхъ лѣтомъ земледѣліемъ 342, непричастныхъ къ земледѣлію 347; по производству чулочнаго товара: мелкихъ землевладѣльцевъ 138, занятыхъ лѣтомъ земледѣліемъ 149, непричастныхъ къ земледѣлію 713. Столь большой процентъ непричастныхъ къ земледѣлію въ производствѣ чулочнаго товара является отъ того, что это производство преимущественно въ рукахъ женщинъ, и потому имъ заняты часто круглый годъ многія изъ дочерей и проч. женскихъ членовъ семей тѣхъ же мелкихъ землевладѣльцевъ, которые, слѣдовательно, все-таки косвеннымъ образомъ обезпечены этимъ производствомъ.

Несмотря на всѣ усилія германскихъ правительствъ содѣйствовать расширенію кустарной промышленности вмѣстѣ съ земледѣліемъ,—въ Германіи, вслѣдствіе чрезвычайной населенности и малоземелья страны, осуществленіе этой основной мысли отъ поколѣнія къ поколѣнію все болѣе удаляется отъ примѣненія ея въ дѣйствительности. Совсѣмъ въ иныхъ условіяхъ находится Россія, въ которой крестьянинъ-кустарь уже родится съ правомъ на земельный надѣлъ. И еслибы этотъ надѣлъ у насъ еще сократился отъ прироста населенія, такъ и то онъ долго будетъ имѣть существенный перевѣсъ въ борьбѣ за существованіе надъ безземельнымъ кустаремъ Германіи. Къ этому, въ настоящемъ, присоединяется въ нашу пользу еще то, что нашъ кустарь ведетъ несравненно болѣе простую жизнь и довольствуется значительно меньшимъ заработкомъ, чѣмъ въ большинствѣ случаевъ кустарь-германецъ.

Насколько прусское правительство, заботясь главнымъ образомъ объ устроеніи кустарной промышленности, и теперь еще не только не сокращаетъ, но даже изъ года въ годъ увеличиваетъ затраты на развитіе разныхъ производствъ, показываетъ то, что маленькая Пруссія, ежегодный расходъ которой на этотъ предметъ уже составлялъ 2.737.560 марокъ, въ 1892 году пришла къ заключенію, что этой суммы далеко

---

[1]) Statistik des Deutschen Reichs. Neue Folge. Bd. 2, S. 4 и 5.

не достаточно для низшихъ профессіональныхъ школъ, и, въ виду развитія кустарной промышленности, сразу повысила расходъ на этотъ предметъ еще на слишкомъ 848 тыс. марокъ въ годъ. Мы же на всѣ нужды кустарной промышленности „всей Россіи“, обороты которой даже при теперешнемъ отсталомъ состояніи ея превышаютъ 2 милліарда руб. въ годъ, затрачиваемъ всего около 200 тыс. руб. въ годъ.

Результаты такого отношенія къ важнѣйшей отрасли нашего народнаго хозяйства болѣе всего даютъ себя знать въ слабомъ развитіи платежной способности нашего народонаселенія.

Я привелъ здѣсь въ примѣръ важности значенія кустарной промышленности для народнаго хозяйства страны именно Германію, въ доказательство того, что кустарная промышленность не есть удѣлъ некультурныхъ и полудикихъ народовъ съ неразвитой заводской промышленностью, а что она, при правильной постановкѣ народнаго хозяйства, можетъ прочно существовать наряду съ сильно развитой заводской промышленностью,—Германію, какъ страну, въ которой крупная заводская промышленность развилась за послѣднія 20 лѣтъ болѣе, чѣмъ въ какой-либо иной культурной странѣ Европы, въ которой въ то же время и кустарная промышленность, сдѣлавшая крупные успѣхи въ техникѣ производства, сдѣлалась конкуррентоспособной отраслью народнаго хозяйства.

Насколько даже изъ вышеприведеннаго ясно усматривается связь кустарной промышленности съ сельскимъ хозяйствомъ, настолько, при правильной постановкѣ кустарной промышленности, она стоитъ въ тѣсной связи съ заводской промышленностью и способствуетъ развитію послѣдней; становясь прочнымъ потребителемъ издѣлій сельскаго хозяйства, она способствуетъ развитію его, не отрывая населенія отъ земли. Если мы, напримѣръ, подсчитаемъ, насколько великъ будетъ расходъ на желѣзо и на каменный уголь, расходуемые нашими кузнецами-кустарями при прочномъ введеніи и развитіи у насъ художественнаго кузнечнаго производства, какъ это имѣетъ мѣсто въ Германіи,—то увидимъ, что этой отраслью кустарной промышленности создается для нашихъ желѣзодѣлательныхъ заводовъ довольно крупный и прочный внутренній рынокъ для хорошаго ковальнаго желѣза, и значительно увеличится потребленіе каменнаго угля. А что такое художественное кузнечное производство и у насъ въ деревнѣ можетъ процвѣтать и художественно развиваться—это убѣдительнѣе всего доказалъ архитекторъ Ягнъ, привившій его въ черниговской губ.; высоко-художественныя издѣлія его учениковъ обращали на себя вниманіе на нижегородской всероссійской промышленной выставкѣ и представлены, въ видѣ желѣзныхъ перилъ, въ „верхнихъ рядахъ“ въ Москвѣ.

Настолько же развитіе кустарныхъ проволочныхъ издѣлій разовьетъ проволочное производство; развитіе кустарнаго ткачества—наше фабрично-прядильное производство; басонное производство — спросъ на шолковую и прочую пряжу; производство чулочнаго и вязанаго товара—спросъ на разную машинную пряжу, и т. д.

Однако, нѣтъ хуже дилеттантскаго характера въ дѣлѣ профессіональнаго развитія народа, безъ выработанной законченности, безъ яснаго пониманія того, чего именно требуется достичь, а особенно въ дѣлѣ обученія и въ школьномъ дѣлѣ, долженствующемъ лечь въ основу того или другого кустарнаго промысла, требующаго развитія болѣе тоннаго чутья къ художественной сторонѣ и къ техникѣ даннаго промысла.

При правильной постановкѣ такого призрѣнія сиротъ, наибольшая часть ихъ останется прочно привязанной къ земледѣлію, образуя, смотря по интеллектуальнымъ способностямъ и характеру, либо мелкаго арендатора, либо надѣльнаго крестьянина, использывающаго зимнее время тѣмъ или инымъ кустарнымъ промысломъ, либо исполовнаго рабочаго, или, наконецъ, лучшаго типа работника. Сообразно съ тѣмъ, какой типъ характернѣе выразится въ воспитанникахъ того или другого хозяйства,—выразится и болѣе выгодный типъ веденія его. Такъ, напримѣръ, если обнаружится, что въ данной мѣстности проявится стремленіе къ образованію мелкихъ арендаторовъ, то можетъ оказаться прочно выгоднымъ значительную часть имѣнія превратить въ мелкіе арендные дворы, оставивъ лишь лучшія земли подъ обработкою работниками, пользуясь при томъ излишкомъ рабочихъ рукъ членовъ семьи мелкихъ арендаторовъ, по вольному найму. Или, напримѣръ, если въ бывшихъ воспитанникахъ проявится прочный типъ исполовщика,—значительная часть полевыхъ и покосныхъ угодій можетъ съ выгодою быть сдана исполовщикамъ; при дѣлежѣ урожая соотвѣтственно силамъ почвы, оставляется лишь поле, воздѣланное подъ корнеплоды, одно изъ озимыхъ полей и клеверныя поля—для обработки экономіей рабочимъ трудомъ, оставляя при этомъ за собою возможность, черезъ извѣстный періодъ времени, подвергнуть поле надлежащей обработкѣ [1]). Бо̀льшая же часть этихъ сиротъ, вѣроятно, вернется въ деревню на свой надѣлъ и займется смѣшаннымъ трудомъ земледѣльца и кустаря, служа примѣромъ болѣе продуктивнаго и болѣе обезпеченнаго существованія.

---

[1]) На проявленія у насъ такого смѣшаннаго типа исполовнаго хозяйства съ работниками впервые мною было указано еще въ моемъ трудѣ „Очерки сельскаго хозяйства въ губ. Псковской“ (С.-Петерб., 1880), а затѣмъ подробнѣе развито раціональное примѣненіе его въ журналѣ „Сельск. Хоз. и Лѣсов.“, томъ CXLVIII, отд. II, стр. 129—153.

Часть этихъ воспитанниковъ, притомъ, вѣроятно, изъ болѣе даровитыхъ, пристрастится къ тому или другому кустарному промыслу настолько, что отдастся ему совершенно, отпавъ отъ земледѣлія, ставъ кустаремъ-кузнецомъ, бондаремъ, гончаромъ или рѣзчикомъ. И эти силы разовьются на благо страны, если развитіе ихъ будетъ доведено до надлежащей законченности, и если будетъ облегчено укорененіе ихъ въ деревнѣ, ибо онѣ дадутъ намъ прочный классъ умѣлыхъ мастеровъ и въ деревнѣ, которые, увеличивъ собою потребителя продуктовъ земледѣлія на мѣстѣ производства, въ то же время облегчатъ веденіе болѣе интенсивнаго и прибыльнаго хозяйства и въ менѣе крупныхъ имѣніяхъ, благодаря возможности имѣть по близости хорошихъ мастеровъ для ремонта и болѣе сложнаго инвентаря. А между тѣмъ ни одинъ кустарь, собственникъ хотя бы малѣйшаго клочка земли и свободный хозяинъ надъ собою, какъ и ни одинъ исполовщикъ, заинтересованный въ прибыли съ земли, какъ и ни одинъ мелкій арендаторъ,—никогда не заразится болѣзненнымъ вырожденіемъ стачниковъ. Лучшій примѣръ въ томъ даетъ намъ Лифляндія въ переживаемое нами теперь тяжелое время; тутъ мы видимъ, что вліяніе стачниковъ, перенесшихъ свою агитацію изъ Риги на окружающее сельское населеніе, распространяется и быстро охватываетъ лишь безземельнаго батрака,—батрака à profession, тогда какъ уже батракъ-сынъ крестьянина-собственника или крестьянина-арендатора—въ стачкахъ участвуютъ лишь принужденные силою стачниковъ, заявляя владѣльцу о ихъ несолидарности со стачниками.

Это дѣло правильнаго призрѣнія сиротъ и развитія кустарнаго промысла не есть дѣло частнаго лица, любителя-благотворителя, не есть дѣло одного земства или одного правительства, это — единое государственное дѣло, для правильнаго осуществленія котораго должны соединиться тѣсно всѣ силы,—правительство, земство и частная благотворительность, иниціатива, знаніе и энергія,—чтобы, не щадя средствъ и силъ, тѣмъ самымъ дать сильный толчокъ къ поднятію нравственныхъ и матеріальныхъ силъ страны, поднявъ при этомъ творческій ея геній и продуктивность во всѣхъ отрасляхъ народнаго хозяйства.

К. Веберъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 января 1906.

Новый избирательный законъ. — Временныя правила о печати и о забастовкахъ.— Историческія параллели и историческіе уроки. — На комъ лежитъ отвѣтственность за послѣднія событія? — Новыя формы произвола. — Опасность, грозящая личной свободѣ.

Почти два мѣсяца спустя послѣ обнародованія манифеста 17-го октября появился обѣщанный имъ новый избирательный законъ, замѣняющій собою положеніе 6-го августа о выборахъ въ Государственную Думу. Изъ двухъ путей—рѣшительнаго измѣненія системы и частичныхъ къ ней поправокъ,—указомъ 11-го декабря избранъ, къ сожалѣнію, послѣдній. Число избирателей значительно увеличено, но они остаются раздѣленными на группы, неравноправныя между собою, и самый порядокъ выборовъ сохраняетъ свою запутанность и сложность. Совершенно особое положеніе по прежнему занимаютъ крестьяне, съ четырехстепенными выборами и съ отдѣльными представителями, обязательно избираемыми изъ ихъ среды. Не отмѣнено правило, въ силу котораго избраны въ Думу могутъ быть только выборщики даннаго избирательнаго собранія. Внѣ области избирательнаго права остаются рабочіе небольшихъ фабричныхъ заведеній, ремесленники, чернорабочіе, живущіе при главѣ семьи взрослые ея члены и другія лица, не имѣющія особой квартиры, не платящія промысловаго налога и не получающія содержанія или пенсіи по службѣ государственной, общественной или желѣзнодорожной. Для рабочихъ, получающихъ право голоса, вводятся трехстепенные выборы: рабочіе избираютъ уполномоченныхъ, уполномоченные—выборщиковъ, которые и входятъ, вмѣстѣ съ другими, въ составъ избирательныхъ собраній. Число выборщиковъ отъ рабочихъ, въ большинствѣ случаевъ, такъ невелико, что трудно ожидать сколько-нибудь замѣтнаго ихъ вліянія на рѣшеніе собранія;

въ костромской губерніи, напримѣръ, ихъ всего семь, а остальныхъ выборщиковъ—92, въ пермской губерніи соотвѣтствующія цифры—10 и 196, въ тверской—4 и 120, даже во владимірской, гдѣ такъ много фабрикъ—16 и 92. Нѣсколько большее значеніе выборщики отъ рабочихъ могутъ имѣть развѣ въ губерніяхъ столичныхъ (въ с.-петербургской губерніи ихъ 24, въ московской — 35), но они распредѣляются между избирательными собраніями губернскимъ и городскимъ, и слѣдовательно ни въ томъ, ни въ другомъ ихъ не будетъ много. Въ с.-петербургской губерніи фабрики и заводы больше, чѣмъ въ московской, сосредоточены въ столицѣ; но если и допустить, что въ избирательное собраніе города С.-Петербурга войдутъ 20 рабочихъ (изъ 24), то все же они составятъ только одну девятую его часть (другихъ выборщиковъ въ этомъ собраніи — 160). Ужъ если принятъ былъ принципъ отдѣльныхъ избирательныхъ курій, то слѣдовало довести его до конца и дать рабочимъ — въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ ихъ много, — право избирать особо своихъ представителей въ Государственную Думу, подобно тому, какъ это право дано крестьянамъ.

„Вводимыя новымъ законом“—говоритъ Совѣтъ министровъ,—„поправки и дополненія къ порядку, установленному въ положеніи о выборахъ въ Государственную Думу, страдаютъ, конечно, нѣкоторыми недостатками, какъ и всякая избирательная система, которая построена на различныхъ для разныхъ классовъ основаніяхъ, а потому съ точки зрѣнія стройности и логическихъ основаній могутъ вызвать немало возраженій. По существу, однако, они вполнѣ удовлетворяютъ всѣмъ самымъ строгимъ требованіямъ, которыя могутъ быть въ этомъ отношеніи предъявлены“. Итакъ, законъ можетъ, въ одно и то же время, „страдать нѣкоторыми недостатками“ и „удовлетворять самымъ строгимъ требованіямъ“? Чтобы выйти изъ этого противорѣчія, нужно, по меньшей мѣрѣ, доказать, что *въ данную минуту* недостатки, отъ которыхъ „страдаетъ“ законъ, были *безусловно неизбѣжны*. Попытку доказательства мы дѣйствительно и встрѣчаемъ въ дальнѣйшихъ объясненіяхъ Совѣта министровъ. „Всеобщая подача голосовъ“, по словамъ Совѣта, „далеко не составляетъ послѣдняго слова политическаго представительства и даже въ странахъ, значительно опередившихъ Россію на пути развитія формъ государственной жизни, не является сколько-нибудь общепризнаннымъ началомъ. Яснымъ доказательствомъ тому служитъ большинство европейскихъ державъ, которое не проявляетъ еще опредѣленной рѣшимости перейти къ этому способу выборовъ и расширяетъ свои избирательныя системы лишь медленно и постепенно, по мѣрѣ роста и политическаго развитія низшихъ общественныхъ слоевъ и проникновенія соотвѣтствующихъ идей въ сознаніе всѣхъ классовъ населенія. Если же въ Россіи, ко-

торая по условіямъ своимъ мало подготовлена не только ко всеобщимъ, но ко всякаго рода политическимъ выборамъ, дѣйствительно развилось въ большинствѣ населенія сознательное убѣжденіе въ пользѣ для государства этой именно системы народнаго представительства, то Государственная Дума, по силѣ манифеста 17-го октября, не лишена будетъ возможности возбудить въ установленномъ порядкѣ вопросъ о дальнѣйшемъ расширеніи избирательнаго права въ мѣрѣ и степени, какія, по ея мнѣнію, соотвѣтствуютъ истиннымъ пользамъ и нуждамъ нашего отечества. Пока же мнѣніе по этому предмету всего населенія остается неизвѣстнымъ, правительство, устанавливая порядокъ избранія членовъ Государственной Думы, не считаетъ себя въ правѣ отрѣшиться всецѣло отъ тѣхъ началъ, кои до сихъ поръ неизмѣнно полагались въ Россіи въ основаніе всякаго рода общественныхъ и сословныхъ выборовъ и вошли въ сознаніе огромнаго большинства населенія".

Убѣдительными эти соображенія признать нельзя. Россія вступила на путь радикальныхъ преобразованій при особыхъ условіяхъ, существенно отличныхъ отъ тѣхъ, при которыхъ обновлялся государственный строй въ бо̀льшей части западно-европейскихъ странъ. Не говоря уже объ Англіи, издавна привыкшей къ осторожному, постепенному усовершенствованію государственныхъ учрежденій, почти вездѣ конституціонный порядокъ установлялся въ то время, когда на очереди стояли исключительно или главнымъ образомъ политическіе вопросы, когда едва намѣчались соціальныя реформы и движеніе не проникало въ глубь народной массы. Сравнительно легко, поэтому, создавались цензовыя системы, ограничивалось избирательное право; сравнительно медленно возникало и расло требованіе всеобщей и равной подачи голосовъ. Самыя формы этого требованія смягчались—и смягчаются до сихъ поръ (напримѣръ въ Бельгіи)—вошедшей въ обиходъ свободой слова и высокою, сравнительно, степенью благосостоянія народныхъ массъ. Обездоленные слои населенія успокаиваетъ увѣренность, что въ недалекомъ будущемъ ихъ ожидаетъ желанная равноправность. У насъ страшная запоздалость политическихъ преобразованій привела къ тому, что одновременно съ ними выступилъ на сцену соціальный вопросъ—выступилъ на сцену не только въ томъ видѣ, въ какомъ онъ знакомъ нашимъ сосѣдямъ, но и въ формѣ спеціально-русской: къ новому, рабочему вопросу присоединился старый, аграрный, давно таившійся въ средѣ крестьянства. Тѣ способы привлеченія населенія къ участію въ государственной жизни, которые были бы приняты съ восторгомъ двадцать-пять, даже десять лѣтъ тому назадъ, теперь оказываются безсильными внести успокоеніе въ умы. Скажемъ болѣе: еще въ концѣ прошлаго года Государственная Дума, построенная по

образцу указа 11-го декабря, была бы встрѣчена совершенно иначе, чѣмъ въ настоящее время. Не было еще тогда воспоминаній о несчастномъ днѣ 9-го января, не была еще потеряна надежда на успѣшный исходъ японской войны, не было тѣхъ безчисленныхъ катастрофъ, которыя ознаменовали собою по истинѣ несчастный для Россіи 1905-ый годъ. Меньше было поколеблено довѣріе къ правительству, меньше были организованы оппозиціонныя силы, меньше взволнована и потрясена народная масса. Инымъ, быть можетъ, было бы положеніе дѣлъ даже въ такомъ случаѣ, еслибы положеніе 6-го августа ближе подходило къ указу 11-го декабря или еслибы послѣдній былъ обнародованъ нѣсколько дней спустя послѣ манифеста 17-го октября. Обстоятельства, вслѣдствіе медленности и нерѣшительности правительства, сложились такъ, что наиболѣе смѣлый шагъ оказался бы теперь и наиболѣе благоразумнымъ. Опасностей и затрудненій провозглашеніе всеобщей подачи голосовъ повлекло бы за собою не больше, а меньше, чѣмъ полумѣра 11-го декабря. Не случайно же за всеобщее избирательное право высказалось значительное меньшинство Совѣта министровъ; не случайно оно включено въ программу такой умѣренной партіи, какъ союзъ 17-го октября.

Рѣшимость воздержаться, въ настоящую минуту, отъ введенія всеобщей подачи голосовъ Совѣтъ министровъ мотивируетъ, между прочимъ, нежеланіемъ отрѣшиться всецѣло отъ тѣхъ началъ, которыя до сихъ поръ „неизмѣнно полагались у насъ въ основаніе всякаго рода общественныхъ и сословныхъ выборовъ“. На самомъ дѣлѣ манифестъ 17-го октября, а за нимъ и указъ 11-го декабря, знаменуютъ собою такой разрывъ съ прошедшимъ, при которомъ нѣтъ основанія держаться за ту или другую привычную форму. Общественные и сословные выборы, производившіеся при прежнемъ режимѣ, не могутъ служить образцомъ для выборовъ въ Государственную Думу: слишкомъ велика разница между задачами тѣхъ и другихъ, слишкомъ велика важность послѣднихъ сравнительно съ первыми. Сословное начало, притомъ, проводится въ указѣ 11-го декабря, какъ и въ положеніи 6-го августа, только отчасти: дворянству эти государственные акты никакой особенной роли не предоставляютъ. Необходимость сохранить отдѣльные крестьянскіе выборы Совѣтъ министровъ мотивируетъ тѣмъ, что „еслибы дарованное крестьянамъ по положенію 6-го августа право особаго представительства было отмѣнено, то всякое новое измѣненіе въ группировкѣ крестьянскихъ избирателей, произведенное безъ согласія Государственной Думы, могло бы вызвать, особенно при нынѣшнемъ настроеніи крестьянства, самыя серьезныя волненія“. Едва ли, однако, крестьяне не съумѣли бы понять, что всеобщая подача голосовъ, при громадной, сравнительно съ другими сословіями, числен-

ности крестьянства, создастъ для нихъ гораздо болѣе вліятельное положеніе на выборахъ, чѣмъ сложный избирательный порядокъ, перенесенный въ указъ 11-го декабря изъ положенія 6-го августа.

Какъ бы велики, впрочемъ, ни были въ нашихъ глазахъ недостатки новаго избирательнаго закона, мы стоимъ за возможно скорое его осуществленіе, по тѣмъ же самымъ причинамъ, которыя заставляли насъ возражать даже противъ бойкотированія Государственной Думы 6-го августа. Манифестъ 17-го октября предоставилъ дальнѣйшее развитіе общаго избирательнаго права вновь установленному законодательному порядку. Отсюда ясно, что указъ 11-го декабря имѣетъ только временное значеніе: созданіе постояннаго избирательнаго закона будетъ зависѣть отъ Государственной Думы, составляя одну изъ тѣхъ ея „учредительныхъ функцій", которыя, по какому-то странному недоразумѣнію, оспариваютъ у нея противники общеземскаго съѣзда. Право Государственной Думы „возбуждать вопросъ о дальнѣйшемъ расширеніи избирательнаго права" признаетъ, какъ мы видѣли, и Совѣтъ министровъ. Трудно предположить, что она не воспользуется этимъ правомъ или воспользуется имъ въ недостаточной мѣрѣ. За всеобщую подачу голосовъ высказываются даже самыя консервативныя земскія собранія и городскія думы—а между тѣмъ избирательная система, установляемая указомъ 11-го декабря, несравненно шире той, на которой зиждется наше земское и городское самоуправленіе. Есть полное основаніе предполагать, что на сторону всеобщаго избирательнаго права станетъ громадное большинство элементовъ, вновь призванныхъ къ избирательной урнѣ, и, вмѣстѣ съ крестьянской массой, проведетъ въ Думу рѣшительныхъ сторонниковъ демократическаго строя. Составленной такимъ образомъ Думѣ ничто не помѣшаетъ настаивать на введеніи въ дѣйствіе новаго избирательнаго закона, какъ только будутъ исполнены первыя, важнѣйшія задачи народнаго представительства. Великая цѣль будетъ достигнута этимъ путемъ безъ новыхъ потрясеній, безъ новыхъ жертвъ, непосильныхъ для изстрадавшагося народа и слишкомъ легко могущихъ привести къ прямо противоположнымъ результатамъ.

Запоздали, наравнѣ съ положеніемъ о выборахъ въ Государственную Думу, и временныя правила о печати, обнародованныя въ указѣ 24-го ноября. Какую радость возбудили бы еще недавно такія мѣры, какъ освобожденіе періодической прессы отъ цензуры, свѣтской и духовной, уничтоженіе административной власти надъ печатью, явочный порядокъ основанія періодическихъ изданій, отмѣна закона, въ силу котораго печать могла быть осуждаема на молчаніе по важнѣйшимъ

очереднымъ вопросамъ — это не требуетъ объясненій. Теперь онѣ прошли едва замѣченными, потому что все содержаніе ихъ было уже фактически введено въ жизнь самою печатью. Вниманіе общества сосредоточилось исключительно на слабой сторонѣ правилъ—на измѣненіяхъ и дополненіяхъ, внесенныхъ ими въ уголовные законы о печати. Нарушая систему новаго уголовнаго уложенія, въ силу котораго печатное слово разсматривается лишь какъ одна изъ возможныхъ формъ преступнаго дѣянія и преступленія печати не отдѣляются отъ другихъ аналогичныхъ правонарушеній,—правила 24-го ноября предусматриваютъ цѣлый рядъ специфическихъ проступковъ печати, и притомъ такихъ, совершенію которыхъ особенно способствуютъ условія переживаемаго нами времени (возбужденіе къ стачкамъ, къ прекращенію занятій, къ устройству воспрещенныхъ закономъ скопищъ, распространеніе ложныхъ свѣдѣній или слуховъ). Еще важнѣе то, что суду предоставлено не только право пріостановить или запретить осужденное повременное изданіе, но и право пріостановить, въ случаѣ наложенія ареста на тотъ или другой отдѣльный нумеръ періодическаго изданія, выходъ въ свѣтъ дальнѣйшихъ его нумеровъ, до воспослѣдованія судебнаго приговора. Мѣра несомнѣнно карательнаго свойства налагается, такимъ образомъ, въ то время, когда еще не разрѣшенъ вопросъ о преступности или непреступности инкриминированной статьи; заранѣе предполагается не только виновность обвиняемаго, но и преступность того, что̀ могло бы впослѣдствіи появиться въ его изданіи. Это противорѣчитъ самымъ элементарнымъ началамъ права. Правда, при явочномъ порядкѣ пріостановка изданія не такъ опасна, какъ при концессіонномъ: пріостановленное изданіе можетъ быть замѣнено другимъ, подъ той же редакціей и при томъ же составѣ сотрудниковъ продолжающимъ то же самое дѣло. Нельзя не замѣтить, однако, что если на нашихъ глазахъ пріостановленныя изданія почти немедленно возникали вновь подъ другимъ именемъ, то это объясняется игнорированіемъ требованія, установляющаго двухнедѣльный промежутокъ между заявленіемъ о новомъ изданіи и выходомъ его въ свѣтъ. Этого не предвидѣли составители временныхъ правилъ; въ ихъ глазахъ пріостановка изданія до судебнаго приговора представлялась мѣрой гораздо болѣе серьезной, чѣмъ она оказалась на самомъ дѣлѣ... Безъ дѣйствія остается, во многихъ случаяхъ, и та статья временныхъ правилъ, по которой каждый нумеръ періодическаго изданія, одновременно съ выпускомъ его изъ типографіи, представляется издателемъ мѣстному установленію или должностному лицу въ опредѣленномъ числѣ экземпляровъ. Въ болѣе спокойное время исполненіе этой статьи едва ли встрѣтило бы какія-либо затрудненія. Преступленія, совершаемыя путемъ печати, вездѣ подлежатъ судеб-

ному преслѣдованію; отсюда вытекаетъ само собою установляемое и иностранными законодательствами немедленное сообщеніе каждаго произведенія печати мѣсту или лицу, отъ котораго зависитъ возбужденіе преслѣдованія. Весьма цѣлесообразно, также, доставленіе всѣхъ вновь выходящихъ произведеній печати въ главныя книгохранилища государства—но, конечно, въ меньшемъ числѣ, чѣмъ требуемое дѣйствующимъ закономъ.

Чрезвычайно неудовлетворительны постановленія временныхъ правилъ объ арестѣ періодическаго изданія. Наложеніе ареста зависитъ отъ установленія или должностного лица по дѣламъ печати и допускается всякій разъ, когда въ содержаніи нумера заключаются признаки преступнаго дѣянія (за исключеніемъ преслѣдуемыхъ въ порядкѣ частнаго обвиненія). Какъ бы маловаженъ, слѣдовательно, ни былъ проступокъ, достаточно одного предположенія о его наличности, чтобы остановить обращеніе даннаго нумера газеты или журнала. Совершенно иначе вопросъ объ арестѣ разрѣшается иностранными законодательствами. Въ Германіи, напримѣръ, предварительный арестъ допускается только въ пяти случаяхъ, прямо указанныхъ закономъ, причемъ относительно двухъ изъ нихъ сдѣлана оговорка: „если есть настоятельная опасность, что при промедленіи ареста воззваніе (къ совершенію преступленія) или возбужденіе (различныхъ классовъ населенія другъ противъ друга) будетъ имѣть своимъ непосредственнымъ послѣдствіемъ совершеніе преступленія или проступка". Во Франціи сфера примѣненія предварительнаго ареста еще тѣснѣе, чѣмъ въ Германіи; арестъ, притомъ, можетъ быть наложенъ только слѣдственнымъ судьею. Дальнѣйшей гарантіей для печати служатъ въ Германіи точно установленные сроки для всѣхъ дѣйствій, входящихъ въ составъ производства объ арестѣ. Если арестъ наложенъ полиціей, прокуроръ долженъ быть извѣщенъ о томъ въ теченіе 12-ти часовъ; затѣмъ, въ теченіе 12 часовъ прокуроръ или дѣлаетъ распоряженіе о снятіи ареста, или вноситъ предложеніе объ утвержденіи его судебнымъ порядкомъ. Если арестъ наложенъ прокуроромъ, судъ долженъ быть поставленъ о томъ въ извѣстность въ теченіе 24-хъ часовъ; въ теченіе слѣдующихъ сутокъ должно состояться постановленіе суда. Предварительный арестъ, подтвержденный судомъ, подлежитъ отмѣнѣ, если въ теченіе двухъ недѣль не было возбуждено уголовнаго преслѣдованія. Временныя правила 24-го ноября гораздо менѣе опредѣленны. Распоряженіе объ арестѣ представляется суду *немедленно*; но кому же неизвѣстно, что въ нашей административной практикѣ понятіе о немедленности весьма условно и растяжимо? Судъ обязанъ разсмотрѣть представленіе въ первомъ, послѣ полученія его, распорядительномъ засѣданіи; а что, если это засѣ-

даніе, вслѣдствіе наступленія праздниковъ или по другой причинѣ, состоится нескоро? Для возбужденія судебнаго преслѣдованія временныя правила не назначаютъ никакого срока; безсрочной, значитъ, можетъ быть и продолжительность ареста. Въ шестидесятыхъ годахъ, когда у насъ еще практиковались процессы печати, арестъ оставался иногда въ силѣ въ теченіе цѣлаго года—и снимался лишь вслѣдствіе отказа прокуратуры возбудить судебное преслѣдованіе.

Именнымъ Высочайшимъ указомъ 29-го ноября установлены временныя правила о наказуемости наиболѣе опасныхъ проявленій въ забастовкахъ. И между этими правилами есть одно, которое еще недавно вызвало бы общее удовольствіе: мы говоримъ объ отмѣнѣ ст. 1358-ой улож. о наказ., назначающей наказаніе за обыкновенную стачку рабочихъ. Фактически, однако, свобода стачекъ существуетъ у насъ уже цѣлый годъ; понятно, что узаконеніе ея не произвело никакого впечатлѣнія. Одновременно съ ст. 1358-ой стараго уложенія слѣдовало бы отмѣнить и 1-ую часть ст. 367 новаго уложенія, также облагающую наказаніемъ простую стачку.

Остріе правилъ 29-го ноября направлено: 1) противъ стачекъ служащихъ и рабочихъ на желѣзныхъ дорогахъ, на телефонѣ или вообще въ такомъ предпріятіи, прекращеніе или пріостановленіе дѣятельности котораго угрожаетъ безопасности государства или создаетъ возможность общественнаго бѣдствія; 2) противъ стачекъ служащихъ въ правительственныхъ установленіяхъ; 3) противъ сообществъ, имѣющихъ цѣлью возбужденіе стачекъ того или другого рода. Въ послѣднихъ двухъ случаяхъ наказанію подлежитъ самое участіе въ сообществѣ или стачкѣ; въ первомъ случаѣ наказаніе грозитъ лишь такимъ участникамъ стачки, которые нанесутъ поврежденіе имуществу даннаго предпріятія или служащимъ въ немъ лицамъ, или будутъ дѣйствовать на другихъ служащихъ и рабочихъ принужденіемъ, выражающимся въ насиліи, угрозахъ или отлученіи отъ общенія. Наказуемымъ признается также возбужденіе къ стачкѣ перваго или второго рода.

Поврежденіе имущества, насиліе, угрозы—все это воспрещено закономъ подъ страхомъ наказанія; нѣтъ, слѣдовательно, причины выдѣлять эти дѣйствія въ особые проступки, когда они совершаются въ связи съ забастовкой. Наказуемость дѣянія должна зависѣть отъ его свойства, а не отъ момента его совершенія; послѣдній можетъ имѣть вліяніе только на опредѣленіе *мѣры* наказанія. „Отлученіе отъ общенія“, само по себѣ не составляющее преступнаго дѣянія, нельзя считать наказуемымъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда оно связано съ возникновеніемъ или поддержаніемъ стачки. Слишкомъ растяжимо самое

понятіе о немъ, слишкомъ неуловимы его признаки. Оно можетъ быть выражено взглядомъ, жестомъ, словомъ, ни къ кому спеціально не обращеннымъ. Трудно опредѣлить, притомъ, произвело ли оно желанное впечатлѣніе, имъ ли, или чѣмъ-либо другимъ, вызвана въ данномъ лицѣ рѣшимость примкнуть къ стачкѣ или отказаться отъ возобновленія работы. Болѣе чѣмъ спорной кажется намъ и наказуемость участія въ сообществѣ, направившемъ свою дѣятельность къ возбужденію или поддержанію стачекъ. Трудно представить себѣ возможность существованія сообщества, спеціальная цѣль котораго заключалась бы въ организаціи и распространеніи стачекъ; такъ называемые стачечные комитеты образуются обыкновенно только въ виду одной опредѣленной стачки, и, слѣдовательно, ихъ члены ничѣмъ существенно не отличаются отъ обыкновенныхъ организаторовъ стачки. Уголовная отвѣтственность послѣднихъ допустима развѣ тогда, когда, вслѣдствіе ихъ почина, дѣйствительно состоялась стачка въ предпріятіи, прекращеніе или пріостановленіе дѣятельности котораго угрожаетъ общественнымъ бѣдствіемъ или опасностью для государства. Только при наличности этого условія можетъ быть рѣчь и о наказуемости соглашеній между состоящими на государственной службѣ, направленныхъ къ прекращенію или пріостановленію занятій; во всѣхъ другихъ случаяхъ вполнѣ достаточна отвѣтственность дисциплинарная. Стачки служащихъ мыслимы лишь при глубокомъ потрясеніи государственнаго организма,—а въ такое время путемъ преслѣдованій и наказаній можно достигнуть лишь весьма немногаго... Существенное значеніе имѣетъ, по нашему мнѣнію, только та часть правилъ 29-го ноября, которая обезпечиваетъ участь служащихъ, пострадавшихъ за отказъ присоединиться къ забастовкѣ.

Много цѣннаго принесъ минувшій годъ Россіи—но многаго и лишилъ ее. Онъ положилъ начало давно желанной перемѣнѣ государственнаго строя, давно желанной политической свободѣ; онъ прекратилъ тяжелую войну, обезсиливавшую народъ и не обѣщавшую ничего кромѣ новыхъ неудачъ и новыхъ бѣдствій. Но еще раньше возстановленія внѣшняго мира былъ нарушенъ миръ внутренній—и нарушенія его, захватывая все болѣе и болѣе широкую область, становились все болѣе и болѣе интенсивными. Несчастный день 9-го января и ужасные декабрьскіе московскіе дни—вотъ двѣ крайнія точки, между которыми лежатъ весенніе и осенніе аграрные безпорядки, еврейскіе погромы на югѣ Россіи, трагическія событія въ Одессѣ, Севастополѣ, Варшавѣ, избіенія въ Томскѣ, Твери, Ѳеодосіи, открытое возстаніе въ остзейскихъ губерніяхъ, желѣзнодорожныя и почтово-

телеграфныя забастовки. Разстраиваются государственные финансы, останавливается промышленность, бѣднѣетъ народъ, голодаютъ крестьяне—вслѣдствіе неурожая, рабочіе—вслѣдствіе безработицы. На всемъ громадномъ протяженіи страны нѣтъ уголка, гдѣ бы царила полная тишина. Утрачено взаимное довѣріе, поколеблена надежда на лучшее будущее: впереди виднѣется цѣлый рядъ новыхъ усложненій. Когда наступитъ конецъ безпрестанно повторяющимся стачкамъ? Какъ пройдетъ весна въ взбаламученной до дна деревнѣ? Водворится ли спокойствіе на окраинахъ государства, близкихъ и дальнихъ? Соберется ли безпрепятственно Государственная Дума, найдетъ ли она необходимую поддержку во всѣхъ слояхъ населенія? Удастся ли ей трудное дѣло созданія формъ и условій для обновленной государственной и общественной жизни? Войдетъ ли въ нормальную колею движеніе, разлившееся бурною волною? Ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ нельзя дать опредѣленнаго отвѣта; въ нависшей надъ нами мглѣ просвѣтовъ еще слишкомъ мало.

Ни въ одной войнѣ—кромѣ, быть можетъ, той, которая велась въ шестидесятыхъ годахъ между сѣверными и южными штатами Америки—не было такихъ продолжительныхъ, многодневныхъ сраженій, какъ битвы при Лаоянѣ и Мукденѣ. Какъ бы въ параллель съ ними, необыкновенно продолжителенъ былъ и только-что прекратившійся уличный бой въ Москвѣ. Столько же, приблизительно, времени длилась лишь битва на улицахъ Парижа въ маѣ 1871 года—но тамъ регулярныя войска имѣли передъ собою цѣлую армію національныхъ гвардейцевъ, привыкшую къ военнымъ дѣйствіямъ во время двукратной осады Парижа и располагавшую всѣми средствами для отчаяннаго сопротивленія. Макъ-Магону предстояло овладѣть городомъ, который весь, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, находился въ рукахъ коммуны. Совершенно инымъ было положеніе дѣлъ въ Москвѣ, гдѣ никогда не переставала дѣйствовать правительственная власть и революціонеры, не прошедшіе черезъ боевую школу, были не только обороняющеюся, но и нападающею стороною. При такихъ условіяхъ продолжительность борьбы имѣетъ несомнѣнное симптоматическое значеніе: оно указываетъ на слабость моральнаго противодѣйствія, встрѣченнаго инсургентами въ окружающей средѣ. Весьма велико, съ другой стороны, различіе въ общей обстановкѣ сравниваемыхъ нами явленій. Въ маѣ 1871-го года французское правительство имѣло передъ собою только одинъ возставшій Парижъ: волненія, раньше происходившія въ немногихъ большихъ провинціальныхъ городахъ, были безъ труда подавлены, и масса населенія, особенно сельскаго, нимало не сочувствовала нарушителямъ мира, только-что возстанов-

ленпаго послѣ бѣдственной войны [1]). Наоборотъ, революціонное движеніе въ Москвѣ совпало съ гражданской войной въ Лифляндіи и Курляндіи, съ серьезными безпорядками въ Харьковѣ и многихъ другихъ городахъ, съ непрекращающимися аграрными волненіями, съ частичными желѣзнодорожными и почтово-телеграфными забастовками, съ тревогой среди значительной части петербургскихъ рабочихъ. Мы подчеркиваемъ этотъ контрастъ потому, что онъ подсказываетъ, какъ намъ кажется, важные практическіе выводы. Не только гуманность, но и простое благоразуміе говоритъ противъ репрессій въ родѣ тѣхъ, какія слѣдовали за усмиреніемъ парижскихъ возстаній 1848 и 1871 гг. Всегда осуждаемая нравственнымъ чувствомъ, чрезмѣрная строгость становится опасной, когда настроеніе, противъ котораго она направлена, широко распространено во всей странѣ. И во Франціи память о томъ, что творилось послѣ торжества Кавеньяка и Макъ-Магона, долго висѣла мрачною тѣнью надъ народомъ, медленно уступала мѣсто забвенію; чего же можно было бы ожидать у насъ, при всеобщей нервности, при страшно ускоренномъ біеніи общественнаго пульса? Намъ нужны не военные суды, не казни и ссылки: намъ нужны рѣшительные шаги впередъ на пути къ политическимъ и соціальнымъ реформамъ. Это прекрасно поняла московская городская дума, принявшая, еще до окончанія уличныхъ столкновеній, слѣдующее постановленіе: „признать, что событія, имѣвшія мѣсто въ Москвѣ за послѣдніе дни, нашли себѣ, къ сожалѣнію, благопріятную почву въ отсутствіи законовъ, регулирующихъ свободы, возвѣщенныя манифестомъ 17 октября, и въ чувствѣ недоброжелательности и недовѣрія къ дѣйствіямъ правительства, каковое создано въ населеніи замедленіемъ выполненій обѣщаній, возвѣщенныхъ правительствомъ. Дума выражаетъ твердую увѣренность, что эти событія не задержатъ и не помѣшаютъ проведенію либеральныхъ реформъ, которыя однѣ въ состояніи вывести страну на путь мирнаго развитія“.

Громко говоря за умѣренность послѣ побѣды, московскія событія напоминаютъ, съ другой стороны, объ условіяхъ, которыя слѣдовало бы соблюдать во время самаго боя. Понятіе о превышеніи необходимой обороны, выработанное уголовнымъ правомъ, примѣнимо и къ войнѣ, въ особенности къ войнѣ гражданской. Оно обнимаетъ собою,

[1]) При аналогичныхъ условіяхъ протекала и другая ожесточенная борьба на улицахъ Парижа, въ іюньскіе дни 1848-го года. Въ департаментахъ мятежъ не только не находилъ поддержки, но даже вызывалъ прямой отпоръ; національные гвардейцы изъ нѣсколькихъ сосѣднихъ городовъ становились въ ряды войскъ Кавеньяка. Съ особеннымъ усердіемъ дѣйствовала противъ инсургентовъ и подвижная гвардія, состоявшая, главнымъ образомъ, изъ парижанъ.

напримѣръ, такіе факты, какъ артиллерійскій разгромъ домовъ, изъ которыхъ были сдѣланы единичные выстрѣлы. Недопустимость подобнаго образа дѣйствій признали и высшія московскія власти, но, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно. Безспорно, уличный бой создаетъ почву для взаимнаго озлобленія, доводя его до еще болѣе высокой степени, чѣмъ международная битва; но и для него можетъ и долженъ быть созданъ предѣлъ, охраненіе котораго сравнительно легче для власти, при высокомъ развитіи воинской дисциплины... Столь же недопустимы стѣсненія помощи, подаваемой раненымъ. Обезоруженный, безсильный, окровавленный противникъ перестаетъ быть врагомъ и вызываетъ только состраданіе.

Между кѣмъ и какъ распредѣляется отвѣтственность за все пережитое Россіей въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ 1905-го года—это вопросъ, безпристрастное рѣшеніе котораго пока еще немыслимо. Съ полною увѣренностью можно только указать—если не идти назадъ дальше 17-го октября—двѣ главныя причины разразившихся надъ нами бѣдствій: ошибки кабинета гр. Витте и переходъ крайнихъ партій къ революціоннымъ дѣйствіямъ. О первыхъ мы подробно говорить не будемъ; запоздалость и недостаточность мѣръ, направленныхъ къ осуществленію манифеста 17-го октября, далеко не полный разрывъ съ традиціями и порядками прежняго режима, оставленіе у власти многихъ его представителей [1])—все это слишкомъ хорошо извѣстно. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что всякій невѣрный шагъ правительства подбавлялъ воды на революціонную мельницу—но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы ея работа остановилась при другомъ, болѣе цѣлесообразномъ образѣ дѣйствій. Въ широкихъ кругахъ рѣшимость прибѣгнуть къ оружію созрѣвала уже давно и въ послѣднее время только окрѣпла: чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить хотя бы резолюцію совѣта рабочихъ депутатовъ, состоявшуюся 22-го октября, т.-е. въ такое время, когда еще не опредѣлилась политика новаго кабинета („петербургскій пролетаріатъ дастъ царскому правительству послѣднее сраженіе тогда, когда это будетъ выгодно вооруженному и организованному пролетаріату“). Вооруженное возстаніе — страшное зло, по тѣмъ жертвамъ, которыхъ оно требуетъ, по тѣмъ сѣменамъ ненависти и злобы, которыя оно остав-

---

[1]) Особенно ненормальнымъ составъ кабинета сталъ съ тѣхъ поръ, какъ было оглашено въ печати—и оставлено безъ отвѣта—обвиненіе, взводимое А. А. Стаховичемъ на П. Н. Дурново. Знаменательно также увольненіе министра юстиціи, С. С. Манухина, если оно дѣйствительно вызвано тѣмъ, что онъ настаивалъ, вопреки мнѣнію управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, на соблюденіи законнаго порядка разсмотрѣнія сенаторскихъ ревизіонныхъ отчетовъ.

ляетъ, по невозможности, наконецъ, предвидѣть его исходъ, его ближайшіе и отдаленные результаты. Оно законно развѣ какъ ultima ratio угнетенныхъ, справедливо отчаявшихся въ мирномъ улучшеніи своей участи. Есть ли, съ точки зрѣнія наиболѣе обездоленныхъ слоевъ русскаго народа, достаточный поводъ для такого отчаянія, для внушаемыхъ имъ крайнихъ рѣшеній? Отвѣтъ на этотъ вопросъ могъ казаться спорнымъ во время первыхъ фазисовъ освободительнаго движенія, даже послѣ 6-го августа, но не послѣ 17-го октября. Манифестъ, возвѣстившій превращеніе Россіи въ конституціонное государство, открылъ дорогу для правомѣрнаго заявленія всѣхъ требованій, какъ бы далеко они ни отступали отъ существующаго общественнаго строя. Еслибы Государственная Дума, вслѣдствіе недостатковъ избирательнаго закона, и оказалась невѣрной истолкователь-ницей народной мысли, политическая свобода должна открыть легальные пути къ воздѣйствію на народное представительство, къ измѣненію его состава, къ болѣе цѣлесообразному его устройству. По меньшей мѣрѣ преждевременнымъ является, поэтому, обращеніе къ насилію, особенно въ такую минуту, когда не изглажены еще слѣды несчастной войны, когда сводятся національные счеты, когда народъ страдаетъ отъ стихійныхъ бѣдствій. Ничто не измѣнилось и не можетъ измѣниться къ лучшему отъ того, что къ развалинамъ домовъ и къ сотнямъ труповъ въ разныхъ деревняхъ и городахъ прибавились еще болѣе грандіозныя развалины и еще болѣе многочисленные трупы въ Москвѣ. Если событія будутъ идти въ томъ же направленіи и тѣмъ же темпомъ, если не водворится, хотя бы на время, порядокъ, необходимый для созыва народныхъ представителей, Россія вступитъ въ новый періодъ своей исторіи истощенною, озлобленною, неспособною къ творческой работѣ.

Мы говорили, мѣсяцъ тому назадъ, о новыхъ формахъ тираніи, идущихъ на смѣну старыхъ. Опасность, указанная нами, остается въ полной силѣ. Печати, освобожденной отъ правительственнаго гнета, грозитъ произволъ, зарождающійся въ собственной ея средѣ. Выходъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ былъ прерванъ на нѣсколько дней несогласіемъ наборщиковъ съ содержаніемъ статьи, принятой редакціей. Однородная причина привела къ временной пріостановкѣ „Разсвѣта“. Газеты „Право“, „Россія“, „Дэръ Фрайндъ“ нѣсколько дней не могли выходить въ свѣтъ изъ-за отказа набирать ихъ, пока въ нихъ не будетъ помѣщенъ извѣстный „манифестъ“ крайнихъ партій. Весьма характерно объясненіе, данное по этому поводу редакціей газеты „Дэръ Фрайндъ“ [1]). Редакція, по ея словамъ, съ самаго начала

[1]) См. „Молва“, № 5.

готова была перепечатать манифестъ, но этому помѣшало прекращеніе работы наборщиками изъ-за нежеланія ихъ подчиняться существовавшему до тѣхъ поръ внутреннему распорядку. 4-го декабря они предложили стать на работу только на одинъ день, съ тѣмъ, чтобы въ этотъ день въ газетѣ былъ перепечатанъ „манифестъ". Несмотря на то, что требованіе наборщиковъ совпадало съ рѣшеніемъ, уже принятымъ редакціею, редакція, „считая вопросъ о помѣщеніи того или иного матеріала подлежащимъ исключительно ея вѣдѣнію и недопускающимъ вмѣшательства со стороны наборщиковъ, заявила, что не находитъ возможнымъ входить съ ними въ обсужденіе этого вопроса". Взглядъ, выраженный въ этихъ словахъ, до очевидности правиленъ— и можно только удивляться, что понадобилась его защита. Если бы въ нашей печати получили право гражданства приказы, идущіе отъ рабочихъ, — а имъ, конечно, внушаемые извнѣ, — то положеніе ея стало бы худшимъ, чѣмъ при правительственной цензурѣ. Послѣдняя запрещала говорить то-то или о томъ-то, но ничего не диктовала, ничего не заставляла печатать (кромѣ оффиціальныхъ опроверженій)— а теперь мы присутствуемъ при попыткахъ сдѣлать газеты и журналы проводниками нераздѣляемыхъ ими взглядовъ. Нужно надѣяться, что эти попытки прекратятся сами собою, не находя болѣе поддержки въ средѣ самихъ дѣятелей періодической прессы.

Только-что указанная опасность—не единственная, созданная новыми условіями нашей общественной жизни. Больше чѣмъ когда-либо теперь необходима не только внѣшняя, но и внутренняя реакція противъ печальнаго наслѣдства, завѣщаннаго намъ вѣками матеріальнаго и умственнаго гнета. Нужно воскресить свободу мысли и оградить ее отъ посягательствъ, откуда бы они ни исходили; нужно возстановить утраченную привычку дѣйствовать по собственному усмотрѣнію, не отдавая себя во власть чужой воли, единичной или коллективной. Между тѣмъ, въ разрѣзъ съ стремленіями, направленными къ этой цѣли, идутъ нѣкоторыя черты, замѣчаемыя въ образованіи столь многочисленныхъ, въ послѣднее время, партій и союзовъ. И партіи, и союзы имѣютъ, безспорно, крупное значеніе, какъ орудія борьбы въ настоящемъ и будущемъ; но не слишкомъ ли велики требованія, предъявляемыя ими къ своимъ членамъ? Уставами многихъ партій прямо предписывается *подчиненіе* не только программѣ, но и партійной дисциплинѣ. Не знаемъ, содержатъ ли въ себѣ аналогичное предписаніе уставы или руководящія правила союзовъ, но думаемъ, что оно лежитъ, большею частью, въ основѣ союзной дѣятельности, хотя бы и не было выражено прямо и открыто. Партійная дисциплина—понятіе, заимствованное изъ практики западно-европейскихъ государствъ, давно живущихъ полною политическою жизнью. Сложившіяся въ прочныя единицы, состоящія изъ лицъ близко знакомыхъ между собою,

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 января 1906 г.

Печальные итоги истекшаго года. — Послѣдствія военныхъ катастрофъ. — Вліяніе внѣшнихъ неудачъ на внутреннее политическое положеніе.—Международныя отношенія: военно-морскіе инциденты и крейсерство.—Политика Германіи.—Портсмутскій миръ.—Главныя событія въ другихъ государствахъ.

Истекшій годъ можно назвать годомъ ужасовъ для Россіи—ужасовъ всякаго рода, внѣшнихъ и внутреннихъ, — „l'année terrible", какъ говорятъ французы о своемъ 1870-мъ годѣ. Рядъ колоссальныхъ пораженій въ войнѣ съ Японіею, безславная гибель всего русскаго флота, „неслыханная смута" на всемъ пространствѣ имперіи, братоубійственная борьба и рѣзня, рѣзня безъ конца,— все это бросаетъ мрачную тѣнь на ближайшее будущее и не позволяетъ спокойно взвѣшивать значеніе совершающихся событій. Міровая политика остановилась въ ожиданіи исхода русскаго кризиса; на этомъ мучительномъ кризисѣ сосредоточивается вниманіе всѣхъ культурныхъ націй, прямо или косвенно заинтересованныхъ въ судьбѣ Россіи, какъ великой державы.

Военныя катастрофы на Дальнемъ Востокѣ слѣдовали одна за другою: въ январѣ — дѣло при Сандепу, раскрывшее недостатокъ единства и обдуманности въ дѣйствіяхъ русской главной квартиры въ Манчжуріи, несмотря на сосредоточеніе власти въ рукахъ главнокомандующаго, располагавшаго услугами необыкновенно многочисленнаго и роскошно оплачиваемаго штабнаго персонала; въ февралѣ— двѣнадцатидневный бой подъ Мукденомъ, гдѣ главныя русскія силы, численностью не менѣе 400 тысячъ человѣкъ, были окончательно разбиты японскими войсками; наконецъ, въ маѣ, при Цусимѣ,— полный разгромъ балтійской эскадры, съ добровольною сдачею непріятелю четырехъ могущественныхъ броненосцевъ.

Въ другихъ государствахъ всякая крупная военная или политическая неудача, имѣющая характеръ катастрофы, вызываетъ прежде всего удаленіе распоряжающихся лицъ, какъ ближайшихъ виновниковъ бѣдствія: такъ было въ Австріи 1866 года, послѣ битвы при Садовой, когда главнокомандующій Бенедекъ тотчасъ же былъ устраненъ, и вслѣдъ затѣмъ подверглась коренному преобразованію вся система управленія въ австрійской монархіи; во Франціи, послѣ Седана, немедленно сошли со сцены не только генералы Макъ-

Магонъ и Паликао, но и всѣ министры второй имперіи, вмѣстѣ со своимъ повелителемъ и замѣнившимъ его регентствомъ; даже въ колоніальной англо-бурской войнѣ, послѣ первыхъ серьезныхъ неудачъ, генералъ Буллеръ долженъ былъ уступить мѣсто Робертсу и Китченеру. У насъ въ Россіи, напротивъ, виновники бѣдствій не только не уходили, но еще расширяли свою власть и увеличивали свои притязанія, какъ бы въ насмѣшку надъ русскимъ обществомъ и народомъ. Генералъ Куропаткинъ, доказавшій свою неспособность и несостоятельность въ цѣломъ рядѣ дѣлъ съ самаго начала кампаніи, сдѣланъ главнокомандующимъ всѣми сухопутными и морскими силами на Дальнемъ Востокѣ послѣ того, какъ проигралъ сраженіе при Лаоянѣ, и упорно сохранялъ свое мѣсто и роль до тѣхъ поръ, пока не устроилъ грандіознаго отступленія при Мукденѣ; такъ же точно оставались на мѣстѣ до конца высшіе распорядители арміи и флота, отвѣтственные за состояніе русскихъ вооруженныхъ силъ и за способъ управленія ими; даже намѣстникъ Дальняго Востока, со своимъ штабомъ и канцеляріею, продолжалъ номинально управлять дѣлами Квантунскаго полуострова послѣ перехода послѣдняго подъ власть японцевъ; наконецъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, не съумѣвшій распутать манчжурскій вопросъ и предупредить войну, остался министромъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

Конфликтъ съ Японіею обострился и доведенъ былъ до разрыва стараніями небольшой группы закулисныхъ придворныхъ совѣтниковъ, участниковъ лѣсопромышленной концессіи въ сѣверной Кореѣ, образовавшихъ Особый комитетъ Дальняго Востока; этому комитету, составленному изъ совершенно некомпетентныхъ случайныхъ лицъ, предоставлено было завѣдывать крайне щекотливыми дипломатическими переговорами, отъ которыхъ зависѣлъ вопросъ о мирѣ и войнѣ. Тотъ фактъ, что жизненные интересы Россіи и русскаго народа могли внезапно очутиться въ распоряженіи нѣсколькихъ безотвѣтственныхъ царедворцевъ, указывалъ на явную ненормальность государственнаго строя, основаннаго на „исконныхъ началахъ“ самовластія. Контръ-адмиралъ Абаза, статсъ-секретарь Безобразовъ, егермейстеръ Балашовъ и адмиралъ Алексѣевъ считали долгомъ чести для Россіи обузданіе японскаго честолюбія, присоединеніе Манчжуріи или продленіе ея военной оккупаціи на неопредѣленный срокъ и рѣшительное противодѣйствіе домогательствамъ и протестамъ Англіи и Соединенныхъ Штатовъ,—и такая фантастическая политика, противорѣчившая всѣмъ стремленіямъ и чувствамъ русскаго общества, навязывалась Россіи даже не оффиціальнымъ правительствомъ, а какимъ-то закулиснымъ, вопреки публично заявленнымъ взглядамъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Позорное крушеніе всей этой манчжурско-корейской авантюры, по-

топленной въ потокахъ русской крови, должно было, казалось бы, образумить самыхъ непреклонныхъ защитниковъ старой секретной системы государственнаго управленія. Но придворная бюрократія не хотѣла добросовѣстно признать свою великую вину передъ Россіею; и это нежеланіе подчиниться неизбѣжнымъ логическимъ послѣдствіямъ войны послужило источникомъ еще худшихъ несчастій, чѣмъ пораженія на полѣ битвы. Бездарные фавориты постарались разоблачить передъ всѣмъ міромъ внутреннее ничтожество и безсиліе режима, скрывающаго въ себѣ грозныя опасности для страны; и въ то же время они съ надменнымъ высокомѣріемъ отстаивали неприкосновенность своего владычества, подъ прикрытіемъ громкихъ охранительныхъ формулъ, и возбуждали темные инстинкты массъ противъ сторонниковъ необходимыхъ перемѣнъ и преобразованій. Вмѣсто того, чтобы уступить мѣсто честнымъ и свѣдущимъ людямъ, они проповѣдывали борьбу противъ внутреннихъ враговъ и крамольниковъ, недовольныхъ существующими порядками. Возникли кровавыя междоусобія, которыя въ глазахъ Запада временно вычеркнули Россію изъ числа вліятельныхъ и могущественныхъ державъ.

Иностранная печать съ интересомъ слѣдила за ходомъ этой внутренней борьбы между защитниками и противниками пагубной системы самовластія. Заграницей говорили о русской конституціи, когда появился скромный рескриптъ 18 февраля о призывѣ достойнѣйшихъ выборныхъ людей къ участію въ предварительныхъ законодательныхъ совѣщаніяхъ; русское народное представительство признавалось уже чѣмъ-то безспорно существующимъ, когда вышелъ законъ 6 августа о Государственной Думѣ; наконецъ, манифестъ 17 октября, повидимому, завершилъ превращеніе Россіи въ конституціонную монархію. Эти послѣдовательныя уступки оппозиціонному или освободительному движенію дѣлались только подъ напоромъ крайне тяжелыхъ обстоятельствъ и усилій, стоившихъ огромныхъ, неисчислимыхъ матеріальныхъ жертвъ; но иноземные наблюдатели не замѣчали, что самое осуществленіе новыхъ началъ гражданской свободы поручалось тѣмъ же представителямъ стараго режима, и что эта очевидная аномалія поддерживала и оправдывала недовѣріе либеральной части общества. Серьезныя англійскія газеты ставили въ упрекъ русскимъ либераламъ, что они не отдали себя сразу въ распоряженіе графа Витте и кабинета 17 октября; англичане считали какъ будто либерально-конституціоннымъ такое министерство, въ которомъ вся реальная власть принадлежала реакціонному генералу, а важнѣйшій постъ министра внутреннихъ дѣлъ переданъ бывшему директору департамента полиціи, удаленному когда-то со службы за незаконный обыскъ въ домѣ иноземнаго посланника и опять возвышенному потомъ при Сипягинѣ и

Плеве. Трудно разсчитывать на довѣріе, когда вводить конституцію призываются дѣятели третьяго отдѣленія, подвергавшіе людей аресту и ссылкѣ за простые разговоры о конституціи. Заграничная публика не знаетъ дѣйствительныхъ особенностей русскаго кризиса, и для нея остается неяснымъ, почему оппозиціонная борьба продолжалась послѣ манифеста 17 октября; отсюда рядъ недоразумѣній, пропагандою которыхъ спеціально занимался услужливый корреспондентъ графа Витте въ лондонскомъ „Daily Telegraph".

Тяжкія послѣдствія несчастной войны заставили вскорѣ забыть самую войну со всѣми ея ужасами и катастрофами; Мукденъ и Цусима отодвинулись какъ будто въ прошлое и утратили свою горечь подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ того убійственнаго внутренняго кошмара, который охватилъ Россію. Искусственный авторитетъ государственной власти внезапно лишился своей традиціонной почвы; правители, доведшіе страну до разгрома и позора, не уходили въ отставку, а по прежнему требовали безпрекословнаго повиновенія и уваженія обывателей, безъ всякихъ попытокъ загладить свои грѣхи или покаяться въ нихъ. Привычный тонъ фарисейской лжи и обмана лишь раздражалъ населеніе, и довѣріе къ правительству было подорвано въ корнѣ. Сдавленные долгими годами насилія, оппозиціонные элементы вырвались на просторъ тотчасъ же, какъ только поколебался нравственный авторитетъ высшей власти, отъ имени которой сурово проводилась и охранялась система беззаконія. Правительство не измѣнило своего состава и характера послѣ страшныхъ опытовъ японской войны, и это полное отсутствіе сознанія и чувства отвѣтственности въ высшихъ сферахъ было истинною причиною общаго кризиса, выразившагося въ послѣдовательныхъ взрывахъ и волненіяхъ въ разныхъ частяхъ имперіи.

Въ безпощадной борьбѣ за свое господство властвующая бюрократія не могла опираться на иностранные примѣры и прецеденты; въ отличіе отъ правительствъ и династій, пережившихъ эпохи 1789 и 1848 годовъ, она не должна была вступать впервые на путь неиспытанныхъ еще смѣлыхъ преобразованій, а обязана была только усвоить общепринятыя уже во всемъ культурномъ мірѣ политическія начала, добросовѣстно примкнуть къ западно-европейской конституціонной практикѣ и отречься наконецъ отъ постыднаго сходства съ турецкимъ режимомъ. Французы временъ великой революціи были окружены въ Европѣ атмосферою неограниченнаго феодальнаго монархизма и имѣли предъ собою только одинъ исключительный примѣръ свободнаго парламентскаго государства — Англію; нѣмцы или австрійцы 1848 года такъ же не видѣли вокругъ себя разумно управляемыхъ конституціонныхъ государствъ и стремились къ обновленію

своего политическаго строя, какъ къ чему-то идеальному, далекому отъ окружающей жизни, и ихъ горячіе порывы могли многимъ казаться благородными фантазіями, стараніями сдѣлать скачокъ въ область неизвѣстнаго будущаго. Въ совершенно другомъ положеніи находится русское правительство: оно давно уже не видитъ предъ собою другихъ образцовъ управленія, кромѣ конституціонныхъ и парламентскихъ, и оно должно было поневолѣ интересоваться мнѣніями и рѣшеніями народнаго представительства даже въ Японіи, гдѣ микадо представляетъ собою „божественную“ династію, начало которой восходитъ къ миѳическимъ временамъ за пять вѣковъ до Рождества Христова. Если „священный“ японскій монархъ для пользы своего государства сдѣлался ограниченнымъ конституціоннымъ правителемъ и этимъ открылъ народу широкій путь къ блестящему процвѣтанію и развитію, то съ тѣмъ большимъ правомъ можно было устроить подобную реформу въ Россіи, гдѣ династія имѣетъ выборное происхожденіе и менѣе чѣмъ трехсотлѣтнюю исторію. Ненормальность въ томъ именно и заключалась, что, окруженная со всѣхъ сторонъ поучительными образцами благотворнаго конституціоннаго режима, Россія принуждалась считать для себя всякія подражанія этимъ образцамъ недоступными и запретными безсмысленными мечтаніями. Бюрократія не имѣла, конечно, ни нравственнаго, ни формальнаго права противиться реформѣ, безусловно необходимой и спасительной для страны и вмѣстѣ съ тѣмъ сближающей послѣднюю съ Европою; и если она, однако, долго противилась, не отступая при этомъ отъ кровавыхъ репрессій, то она дѣлала это исключительно изъ эгоистическихъ, корыстныхъ побужденій. Даже послѣ манифеста 17 октября провозглашенныя „гражданскія свободы“ остались отчасти фиктивными, ибо соблюденіе этихъ свободъ всецѣло зависитъ отъ произвола многочисленныхъ исполнителей и распорядителей прежняго самодержавнаго типа. Такимъ образомъ, кризисъ не смягчается, а становится все болѣе острымъ и опаснымъ, распространяясь въ народныхъ массахъ, гдѣ накопившееся вѣками озлобленіе выражается въ неожиданно дикихъ формахъ; опасность полной анархіи увеличивается при общей неустойчивости и безсиліи государственной власти, не успѣвшей или не желающей замѣнить старыя основы быта новыми, основанными на принципѣ всенароднаго выборнаго представительства. Русско-японская война почти забыта, но ея плачевные результаты неустанно дѣйствуютъ разлагающимъ образомъ какъ на внутреннее, такъ и на международное положеніе Россіи.

Подвергаясь систематическимъ военнымъ неудачамъ, какихъ не ожидали даже злѣйшіе наши враги, русское правительство далеко не

сохраняло предъ Европой того апломба, который оно усиленно поддерживало въ отношеніяхъ къ собственному народу. За нѣсколько дней до Мукдена наша дипломатія должна была проглотить горькую пилюлю, выслушавъ постановленіе международной слѣдственной коммиссіи въ Парижѣ по поводу постыдной паники и стрѣльбы среди балтійской эскадры при встрѣчѣ съ гулльскими рыболовными судами въ Сѣверномъ морѣ. Въ этомъ грустномъ инцидентѣ, возбудившемъ на первыхъ порахъ сильнѣйшее негодованіе англичанъ, Франціи удалось достигнуть компромисса, способнаго удовлетворить Англію безъ большого ущерба для чести Россіи и ея адмираловъ: было признано съ одной стороны, что адмиралъ Рожественскій не имѣлъ основанія стрѣлять въ рыбацкую флотилію и не долженъ былъ потомъ поспѣшно удалиться, не оказавъ помощи пострадавшимъ, а съ другой стороны,— что онъ старался дѣйствовать правильно и ничѣмъ не нарушилъ ни военнаго долга, ни обязанностей человѣчности; за убытки же щедро заплатило русское казначейство, согласно подробному англійскому счету, провѣренному и исправленному Гаагскимъ третейскимъ трибуналомъ. Приходилось также дорого расплачиваться за неумѣлыя попытки крейсерства въ открытомъ морѣ; снаряженіе судовъ Добровольнаго флота въ Красное море для захвата кораблей, идущихъ черезъ Суэзскій каналъ на Дальній Востокъ, вызвало рѣшительный протестъ лондонскаго кабинета, такъ какъ эти крейсеры вышли изъ Чернаго моря черезъ Босфоръ и Дарданеллы въ видѣ простыхъ купеческихъ судовъ и не имѣли права потомъ вооружаться для нападенія на нейтральную морскую торговлю; русское правительство должно было поневолѣ подчиниться и отозвать посланныя суда, причемъ не могло доставить имъ свои инструкціи иначе какъ черезъ посредство британскаго адмиралтейства. Почти каждый захватъ иностраннаго судна подъ предлогомъ контрабанды давалъ поводъ къ непріятнымъ дипломатическимъ спорамъ и къ требованіямъ крупнаго денежнаго вознагражденія; командиры нашихъ крейсеровъ, по своей отечественной привычкѣ не справляться ни съ какими точными законами, постоянно нарушали какія-нибудь международныя правила: то они задерживали почтовый пароходъ и захватывали почту, адресованную на Дальній Востокъ; то они уводили въ плѣнъ пароходъ съ казеннымъ британскимъ грузомъ, предназначеннымъ для британской эскадры, какъ это было съ „Малаккою“; то они топили большіе иностранные пароходы, которыхъ не могли доставить до Владивостока, какъ это было съ „Найтъ-Командеромъ“. Эти неудачные и безтактные подвиги крайне раздражали иностранцевъ, особенно англичанъ, и налагали на насъ напрасныя финансовыя тягости, не причиняя никакого вреда японцамъ; но морское вѣдомство, беззаботное вообще насчетъ интересовъ

казны, усердно продолжало устраивать крейсерскія экспедиціи, и наши вспомогательные крейсеры имѣли возможность тревожить англійскіе или нѣмецкіе торговые корабли даже послѣ окончательнаго разгрома и истребленія всего нашего тихоокеанскаго флота. Жалкія потуги этого крейсерства вносили отчасти комическій элементъ въ общую картину послѣдовательной гибели нашихъ боевыхъ эскадръ.

Оффиціальныя международныя отношенія Россіи, повидимому, оставались прежними, но въ нихъ чувствовалась внутренняя перемѣна вслѣдствіе значительно измѣнившейся оцѣнки русскаго политическаго могущества и вліянія. Наибольше выгодъ извлекла изъ этой перемѣны Германія: въ январѣ она безъ всякихъ усилій получила отъ русскаго правительства согласіе на подписаніе торговаго договора, которымъ интересы русской вывозной торговли принесены въ жертву домогательствамъ нѣмецкихъ аграріевъ и промышленниковъ. Весною, послѣ Мукдена, Германія внезапно обнаружила сильный интересъ къ судьбѣ Марокко, отданнаго подъ протекторатъ Франціи англо-французскимъ соглашеніемъ 1904 года, одобреннымъ также Испаніею; императоръ Вильгельмъ II и его канцлеръ князь Бюловъ сдѣлали видъ, что они оффиціально ничего не знаютъ объ этой конвенціи, сообщенной имъ въ свое время только частнымъ образомъ, и что они нисколько не обязаны считаться съ нею послѣ международнаго ослабленія Франціи, лишенной фактическаго союза и содѣйствія Россіи. Вильгельмъ II прибылъ въ концѣ марта на военномъ кораблѣ въ Танжеръ, вступилъ въ личныя сношенія съ марокккскимъ султаномъ, призналъ его вполнѣ независимымъ государемъ, провозгласилъ безусловную равноправность всѣхъ націй въ торговлѣ и промышленности въ предѣлахъ Марокко, и этимъ поставилъ въ довольно критическое положеніе французскую дипломатію, которая вела тогда переговоры съ султаномъ относительно программы реформъ въ видахъ установленія новаго порядка вещей подъ контролемъ Франціи. Марокккскій султанъ, найдя неожиданнаго заступника и покровителя въ лицѣ германскаго императора, перемѣнилъ тонъ въ сношеніяхъ съ французами, отвергъ всѣ ихъ требованія и только съ трудомъ согласился на международную конференцію для обсужденія марокккскихъ дѣлъ, по проекту, принятому Франціею и Германіею. Берлинскій кабинетъ такъ рѣзко поставилъ марокккскій вопросъ и такъ круто велъ переговоры, что французскій министръ Делькассѐ, давнишній и неизмѣнный сторонникъ русскаго союза, вынужденъ былъ выйти въ отставку, и его замѣнилъ болѣе сговорчивый глава кабинета, ловкій финансистъ Рувье. Делькассѐ давно возстановилъ противъ себя нѣмцевъ своимъ стремленіемъ устроить тѣсныя политическія связи не только съ Россіею, но и съ Англіею, Италіею и Испаніею, чтобы постепенно изолировать Германію и подорвать значеніе

ея тройственнаго союза; въ виду этихъ возможныхъ плановъ полезно было дать почувствовать Франціи, что теперь она сама одинока и ни на чью поддержку разсчитывать не можетъ, и эта задача была исполнена Вильгельмомъ II съ несомнѣннымъ искусствомъ и успѣхомъ.

Само собою разумѣется, что германскій императоръ въ то же время сохраняетъ близкую оффиціальную дружбу съ Россіею и готовъ ей при случаѣ оказывать разныя услуги или давать совѣты въ затруднительныхъ обстоятельствахъ; въ этомъ смыслѣ возбудило много толковъ путешествіе его въ финляндскія шхеры для важнаго политическаго свиданія у Бьерке, въ Финскомъ заливѣ, 11 іюля; а позднѣе, въ октябрѣ, газеты сообщали о цѣломъ рядѣ германскихъ миноносцевъ, поддерживавшихъ сношенія по безпроволочному телеграфу между берегами Германіи и Россіи. Нѣтъ сомнѣнія, что германское правительство заботливо интересуется необычайными русскими бѣдствіями и можетъ въ извѣстный моментъ принять въ нихъ участіе, подъ предлогомъ дружественныхъ фамильныхъ традицій, которыя и въ прошломъ причиняли намъ немало вреда. Чтобы имѣть возможность предупредить подобныя попытки закулиснаго односторонняго воздѣйствія, русская дипломатія должна изъ придворной сдѣлаться государственною и національною, а это будетъ достигнуто только прочнымъ утвержденіемъ представительной формы правленія въ Россіи.

Пока не была окончена русско-японская война, существовали надежды или на поворотъ военнаго счастья въ другую сторону, или на заключеніе безобиднаго мира, который позволитъ Россіи возстановить потрясенныя силы и начать новую эру внутренняго прогрессивнаго развитія. Послѣ Мукдена и Цусимы не могло быть и рѣчи о благопріятныхъ шансахъ дальнѣйшей войны, и требовать продолженія военныхъ дѣйствій при тѣхъ же порядкахъ и условіяхъ, которые привели къ проигрышу кампаніи, могли только газетные лицемѣры и льстивые царедворцы, щеголявшіе дешовымъ патріотизмомъ на чужой или народный счетъ. Въ концѣ мая принято было посредничество президента Соединенныхъ Штатовъ, Рузевельта, для устройства свиданія русскихъ и японскихъ представителей съ цѣлью выясненія возможныхъ условій мира. Главнымъ уполномоченнымъ съ нашей стороны назначенъ былъ, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, статсъ-секретарь С. Ю. Витте. Совѣщанія открылись 27 іюля въ небольшомъ приморскомъ городѣ американскаго штата Нью-Гемпширъ, Портсмутѣ. Послѣ долгихъ переговоровъ выяснилось, что Японія считаетъ необходимыми условіями мира возмѣщеніе военныхъ издержекъ и уступку острова Сахалина, и что эти требованія категорически отклонялись Россіею; однако, въ

послѣдній моментъ, когда личное вмѣшательство Рузевельта не устранило принципіальнаго разногласія и прекращеніе переговоровъ казалось уже неминуемымъ, японскіе делегаты неожиданно, въ засѣданіи 16 августа, выразили свое согласіе на окончательныя русскія предложенія, и такимъ образомъ 23 августа былъ подписанъ въ Портсмутѣ мирный договоръ, ратификація котораго состоялась 1 октября. Заключеніе мира на условіяхъ сравнительно безобидныхъ, безъ уплаты контрибуціи и съ потерею только части Сахалина, было достигнуто не искусствомъ русскихъ уполномоченныхъ, а тѣмъ постороннимъ обстоятельствомъ, что 30 іюля возобновленъ былъ англо-японскій союзъ на широкихъ и чрезвычайно выгодныхъ для Японіи основаніяхъ и что обезпеченныя этимъ союзомъ выгоды побуждали токійскій кабинетъ отказаться отъ продолженія войны съ Россіею. Такъ какъ текстъ этого союзнаго договора былъ обнародованъ только въ сентябрѣ, то успѣшное окончаніе мирныхъ переговоровъ въ Портсмутѣ приписывалось или финансовымъ затрудненіямъ Японіи, или дѣловой выдержкѣ и ловкости главнаго русскаго уполномоченнаго. Въ дѣйствительности заслугою русской дипломатіи было устраненіе важнѣйшихъ спорныхъ вопросовъ при началѣ переговоровъ и предварительное разсмотрѣніе всѣхъ второстепенныхъ пунктовъ; а когда къ концу совѣщаній были опять поставлены самые трудные и важные вопросы—о военныхъ издержкахъ и Сахалинѣ,—то политическое положеніе уже измѣнилось, и Японія не имѣла никакого разсчета воевать ради пріобрѣтенія денегъ и пустынной сѣверной части Сахалина. Удачнымъ заключеніемъ мира настолько прославился С. Ю. Витте, что на него стали смотрѣть какъ на замѣчательнаго государственнаго человѣка, призваннаго взять въ свои руки и благополучно довести до конца великое дѣло возрожденія Россіи на новыхъ началахъ гражданской свободы и народнаго представительства. Эти ожиданія и предположенія оказались впослѣдствіи сильно преувеличенными, и за эти ошибочныя ожиданія трудно, конечно, считать отвѣтственнымъ самого С. Ю. Витте.

Во Франціи министерство Комба вышло въ отставку въ январѣ, такъ какъ его односторонняя борьба съ духовными конгрегаціями и католическимъ духовенствомъ вызывала все болѣе настойчивую оппозицію умѣренныхъ либеральныхъ группъ и не встрѣчала уже прежней единодушной поддержки среди представителей крайней лѣвой. Новый кабинетъ Рувье ставитъ себѣ широкія и разнородныя задачи, политическія, финансовыя и экономическія, но прежде всего стремится объединить разрозненные элементы передовыхъ республиканскихъ партій; между тѣмъ самъ Рувье пользуется авторитетомъ только какъ

дѣльный финансистъ-практикъ и ловкій парламентскій ораторъ, но большинству радикаловъ и соціалистовъ онъ не внушаетъ довѣрія. Будучи противникомъ всякихъ крайностей, онъ не раздѣлялъ ни антиклерикальныхъ увлеченій Комба, ни прямолинейнаго руссофильства Делькассѐ; однако, онъ взялся провести проектъ закона объ отдѣленіи церкви отъ государства и признавалъ себя солидарнымъ съ политикою министра иностранныхъ дѣлъ. Разногласіе между Делькассé и радикальными группами выразилось довольно рѣзко въ палатѣ при первомъ же обсужденіи министерской декларацiи Рувье, въ концѣ января; слова о вѣрности русскому союзу возбудили энергическіе протесты и возгласы, по поводу жестокой расправы съ рабочими на улицахъ Петербурга, 9 января. Многіе заявляли, что пора отречься отъ позорнаго союза съ „правительствомъ палачей“, и Делькассѐ вступилъ въ горячій споръ съ противниками, защищая оффиціальную Россію отъ несправедливыхъ, по его мнѣнію, обвиненій. Въ дѣло вмѣшался Жорéсъ, и только умѣренная лѣвая и центръ отнеслись одобрительно къ доводамъ Делькассé. Но глава министерства, съ финансовой точки зрѣнія, очень дорожитъ установленіемъ прочныхъ дружественныхъ отношеній со всѣми вообще державами и особенно съ Германіею, и потому онъ охотно разстался съ Делькассé, когда возникли щекотливые международные споры изъ-за Марокко. Рувье временно взялъ на себя завѣдываніе иностранною политикою и благополучно уладилъ марокккскій инцидентъ въ смыслѣ желаній и интересовъ Германіи.

Важнѣйшая законодательная реформа, предпринятая и доведенная до конца министерствомъ Рувье,—отдѣленіе церкви отъ государства, одобренное большинствомъ палаты въ началѣ іюля и получившее силу закона въ декабрѣ. Отмѣна конкордата 1801 года издавна входила въ программы крайнихъ французскихъ партій, но представлялась скорѣе угрозою противъ клерикаловъ, чѣмъ серьезнымъ практическимъ требованіемъ. Конкордатъ ставилъ служителей церкви въ зависимость отъ государства, которое уплачивало имъ опредѣленное жалованье, какъ чиновникамъ; такіе же казенные оклады назначались оффиціальнымъ представителямъ другихъ признанныхъ вѣроисповѣданій, причемъ правительство имѣло возможность контроля и вмѣшательства по отношенію къ дѣйствіямъ духовныхъ властей. Этотъ порядокъ вещей считался довольно удобнымъ для республики, хотя въ принципѣ онъ не выдерживалъ никакой критики и создавалъ совершенно недопустимыя аномаліи. По свойственному французамъ консерватизму относительно старыхъ практическихъ учрежденій и обычаевъ, конкордатъ могъ бы еще долго существовать или подвергся бы только пересмотру, еслибы Ватиканъ не ускорилъ дѣла своимъ оффиціальнымъ

разрывомъ съ Франціею при министерствѣ Комба, по поводу посѣщенія президентомъ Лубé итальянскаго короля въ Римѣ, незаконно будто бы отнятомъ у папства. Разрывъ побудилъ республиканцевъ осуществить старинную, давно назрѣвшую идею объ освобожденіи государства отъ матеріальныхъ и иныхъ обязательствъ относительно церкви, противъ чего не могли возражать и клерикалы; такимъ образомъ съ начала 1906 года служители церкви получаютъ свое содержаніе не отъ казны, а отъ тѣхъ мѣстныхъ духовныхъ ассоціацій, которымъ передаются церковныя имущества и церковные доходы для удовлетворенія нуждъ даннаго вѣроисповѣданія. Основной принципъ новаго закона — свобода совѣсти и религіи, съ соблюденіемъ лишь тѣхъ ограниченій, которыя установлены въ интересахъ общественнаго порядка.

Въ Австріи министръ-президентъ Гаучъ, и въ Венгріи—Фейервари, получившіе власть почти одновременно въ началѣ года, имѣютъ предъ собою одинаково сложныя и почти неразрѣшимыя задачи, которыя еще болѣе усложняются и запутываются старческимъ упрямствомъ императора Франца-Іосифа. Баронъ Фейервари выставилъ программу крупныхъ реформъ, во главѣ которыхъ стоитъ введеніе всеобщаго избирательнаго права; этотъ же лозунгъ всенароднаго голосованія воодушевляетъ народныя массы въ Австріи и принятъ въ принципѣ правительствомъ, такъ что въ ближайшемъ будущемъ предстоитъ въ обѣихъ половинахъ имперіи практическое осуществленіе весьма важной конституціонной перемѣны, которая должна сильно отразиться на общемъ строѣ и внутреннемъ политическомъ состояніи имперіи Габсбурговъ.

Въ Италіи управляетъ дѣлами очень дѣльный и ловкій министръ-президентъ Фортисъ, напоминающій нѣкоторыми своими пріемами извѣстнаго когда-то парламентскаго дѣльца Депретиса. Въ декабрѣ кабинетъ Фортиса вышелъ въ отставку только для того, чтобы дать возможность тому же Фортису составить новое министерство, съ устраненіемъ нежелательныхъ ему коллегъ и съ замѣною ихъ другими, болѣе подходящими; такимъ способомъ былъ, между прочимъ, удаленъ министръ иностранныхъ дѣлъ, Титтони, съумѣвшій возстановить и упрочить дружественныя отношенія съ Франціею. Быть можетъ, это обстоятельство возбуждало неудовольствіе Германіи, и Фортисъ рѣшилъ замѣнить Титтони маркизомъ Санъ-Джуліано. Французская оффиціозная печать находитъ весь этотъ министерскій кризисъ слишкомъ искусственнымъ и тенденціознымъ, но высказываетъ увѣренность, что при существующихъ политическихъ условіяхъ новый министръ иностранныхъ дѣлъ будетъ держаться политики своего предмѣстника.

Въ Англіи совершилась наконецъ давно ожидаемая перемѣна министерства: безцвѣтный кабинетъ Бальфура держался до сихъ поръ только потому, что имѣлъ за собою поддержку такъ называемыхъ имперіалистовъ и уніонистовъ, т.-е. противниковъ ирландской автономіи. Частичные парламентскіе выборы, происходившіе по разнымъ случаямъ въ отдѣльныхъ пунктахъ страны, все чаще давали успѣхъ либераламъ, указывая такимъ образомъ на ростъ либеральнаго настроенія, а эти симптомы считаются обыкновенно весьма важными, когда правительство долго находится у власти и не имѣетъ увѣренности въ прочности парламентскаго большинства. Положеніе кабинета затруднялось еще ожиданіемъ всеобщихъ выборовъ, которые ни въ какомъ случаѣ не могли бы оказаться благопріятными для единомышленниковъ Бальфура. Повинуясь общественному настроенію, кабинетъ вышелъ въ отставку, и власть перешла къ оффиціальному предводителю либеральной партіи въ палатѣ общинъ, сэру Кемпбеллю-Баннерману. Либеральный премьеръ выбралъ, можно сказать, блестящихъ министровъ, и даже консервативныя газеты чрезвычайно довольны составомъ новаго правительства. Наиболѣе талантливыми и безусловно удачными министрами признаются—министръ иностранныхъ дѣлъ, сэръ Эдуардъ Грей, министръ по дѣламъ Индіи, извѣстный писатель и сотрудникъ Гладстона, Джонъ Морлей, министръ по дѣламъ Ирландіи, также выдающійся писатель, Брайсъ, министръ внутреннихъ дѣлъ Аскитъ, военный министръ Гальданъ, президентъ управленія торговли Ллойдъ-Джорджъ, и президентъ вѣдомства мѣстнаго управленія, Джонъ Бернсъ, представитель партіи рабочихъ въ парламентѣ, самъ изъ рабочихъ. Видные либеральные имперіалисты примкнули къ новому кабинету и отчасти входятъ въ его составъ, какъ сэръ Грей, и правительство сэра Кемпбелля-Баннермана можетъ вполнѣ разсчитывать на сочувствіе и довѣріе широкихъ круговъ англійскаго общества, безъ различія направленій. Въ Англіи давно укоренилось и крѣпко держится то „исконное начало“, по которому правительство составляется изъ лучшихъ, истинно честныхъ, глубоко образованныхъ и способныхъ людей, заслужившихъ общее довѣріе своею публичною дѣятельностью,—тогда какъ въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ, напр. у насъ, считается наоборотъ, что къ управленію государствомъ могутъ быть призываемы только генералы и чиновники извѣстнаго ранга, хотя бы совершенно бездарные, никому внѣ своего круга неизвѣстные и никакимъ общественнымъ уваженіемъ не пользующіеся, но зато искусные въ закулисныхъ интригахъ и въ угодничествѣ. Вездѣ существуютъ честные, просвѣщенные, всѣми уважаемые люди, и нужно только искать ихъ въ той общественной средѣ, гдѣ они дѣйствуютъ и выдвигаются, а не въ бюрократическихъ канцеля-

ріяхъ и не въ департаментѣ полиціи. Въ этомъ отношеніи мы легко могли бы имѣть такое же добросовѣстное, знающее и безукоризненное правительство, какъ Англія, еслибы у насъ разъ навсегда утвердилось пониманіе той простой истины, что первая и прямая обязанность государственной власти—доставить странѣ самое лучшее управленіе, какое возможно при данномъ состояніи образованныхъ классовъ общества. Усвоить подобное правило и сдѣлать его „исконнымъ“ на будущее время было бы дѣйствительно необходимо для государства, и можно надѣяться, что когда-нибудь это будетъ достигнуто и у насъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 января 1906.

I.

— Сборникъ товарищества „Знаніе“ за 1905 годъ. Книга седьмая. Спб. 1906.

Въ настоящей книжкѣ помѣщена новая пьеса г. Горькаго „Дѣти солнца“. Намъ довелось видѣть ее въ сценическомъ исполненіи, въ театрѣ г-жи Коммисаржевской, гдѣ, говорятъ, при постановкѣ пользовались указаніями самого автора. Талантливая игра артистовъ этого театра сообщала пьесѣ ту жизненность и колоритность, которой такъ недостаетъ при ея чтеніи. Не удовлетворяя многимъ требованіямъ сценичности, она тѣмъ не менѣе особенно нуждается въ подспорьи и, подчасъ, художественномъ толкованіи талантливыхъ и вдумчивыхъ актеровъ. При всѣхъ этихъ условіяхъ пьеса производитъ впечатлѣніе болѣе головной, „умственной“, чѣмъ художественной, вещи.

Г. Горькій назвалъ свое произведеніе „Дѣти солнца“. Въ публикѣ по этому поводу возникали самыя разнообразныя предположенія. Одни видѣли въ безпочвенномъ идеалистѣ-теоретикѣ (Павелъ Протасовъ) образъ, призванный развѣнчать и показать утопичность благороднѣйшихъ порывовъ интеллигенціи, другіе объясняли его съ точки зрѣнія насмѣшки надъ наукой, претендующей обезпечить человѣчеству торжество надъ природой и блаженство сознательной жизни въ отдаленномъ будущемъ, третьимъ казалось, что этотъ образъ слитъ изъ безконечнаго скептицизма и величайшей жалости къ интеллигенту, лишенному органическихъ связей съ народной массой, чуждому ея страданіямъ и интересамъ. Пожалуй, мотивы для всѣхъ этихъ объясненій можно найти въ произведеніи, охватывающемъ группу явленій сложныхъ и по своей близости къ намъ недостаточно опредѣлившихся въ

существѣ. И на протяженіи всей пьесы намъ казалось, что самъ авторъ колеблется въ своемъ отношеніи къ тому, что̀ можно назвать идейнымъ остовомъ сюжета, и это колебаніе естественно передавалось публикѣ.

Постараемся всмотрѣться въ основныя фигуры, изображенныя въ пьесѣ, и выяснить ихъ идейное значеніе.

Къ писателю, не безъ основанія, предъявляется требованіе, чтобы онъ, во что̀ бы то ни стало, далъ опредѣленное истолкованіе изображеннымъ явленіямъ. И писатель обязанъ удовлетворить этому требованію и объяснить, насколько серьезны были тѣ основанія, ради которыхъ онъ вызвалъ въ воображеніи читателя или зрителя отрывокъ жизни, преломившійся черезъ духовную призму художника. Талантъ и общественное побужденіе чаще всего служатъ отвѣтомъ на возможный запросъ со стороны читателя. Общественное побужденіе уже само по себѣ предполагаетъ міровоззрѣніе, настолько развитое, что оно можетъ претендовать на вниманіе болѣе или менѣе широкаго круга людей. Въ этомъ отношеніи пьеса производитъ оригинальное впечатлѣніе: въ ней на первый взглядъ—не одно опредѣленное міросозерцаніе, объединяющее, доказывающее, требующее признанія, а нѣсколько неустойчивыхъ, колеблющихся, какъ бы доказывающихъ въ своей общности объективно-философскую проблему, что жизнь въ пониманіи людей есть сплошной и хаотическій калейдоскопъ міровоззрѣній, стремленій и чувствъ. Если отбросить преднамѣренность въ изображеніи интеллигентовъ въ смыслѣ желанія сдѣлать ихъ типичными выразителями своей среды, то можно сказать, что г. Горькій сдѣлалъ попытку изобразить ту разрозненность человѣческихъ жизней, которая воспринимается сознаніемъ непосредственно, и которая служитъ источникомъ борьбы, страданій, но и безконечнаго интереса.

Въ самомъ дѣлѣ, люди, выведенные г. Горькимъ на сценѣ, смотрятъ въ разныя стороны: одни уносятся въ небо, другіе не отрываютъ глазъ отъ земли. Въ центрѣ фигура Протасова, который не живетъ реальной жизнью,—онъ весь въ своей наукѣ и мечтахъ. Протасовъ могъ бы сказать о себѣ словами Декарта—cogito, ergo sum, но придать этимъ словамъ нѣсколько особый смыслъ. Онъ не живетъ, но именно *думаетъ*, что живетъ, почти чуждый реальнымъ радостямъ и скорбямъ. Онѣ лежатъ у него мертвымъ капиталомъ глубоко въ душѣ, и нужны невѣроятныя стеченія обстоятельствъ, чтобы расшевелить ихъ, заставить пробиться наружу— и то не надолго. Жизнь его—въ мечтахъ о грядущемъ блаженствѣ человѣчества, которое наступитъ, когда мысль добьется полнаго торжества въ своихъ стремленіяхъ найти ключъ къ таинствамъ вселенной. Эта несокрушимая, младенчески-чистая и наивная вѣра лежитъ въ основѣ всей фило-

софіи и морали Протасова. „Все—живетъ, всюду—жизнь,—говоритъ онъ.—И всюду тайны. Вращаться въ мірѣ чудесныхъ, глубокихъ загадокъ бытія, тратить энергію своего мозга на разрѣшеніе ихъ—вотъ истинно-человѣческая жизнь, вотъ гдѣ неисчерпаемый источникъ счастья и животворной радости! Только въ области разума человѣкъ свободенъ, только тогда онъ человѣкъ, когда разуменъ, и если онъ разуменъ, онъ честенъ и добръ! Добро создано разумомъ, безъ сознанія—нѣтъ добра!“ Протасовъ довольствуется ролью наблюдателя жизни, тонкаго изслѣдователя ея безконечныхъ процессовъ. „Я вижу,—говоритъ онъ,—какъ растетъ и развивается жизнь, какъ она, уступая упорнымъ исканіямъ мысли моей, раскрываетъ предо мною свои глубокія, свои чудесныя тайны. Я вижу себя владыкой многаго; я знаю, человѣкъ будетъ владыкой всего! Все, что растетъ, становится сложнѣе; люди все повышаютъ свои требованія къ жизни и къ самимъ себѣ... Когда-то подъ лучомъ солнца вспыхнулъ къ жизни ничтожный и безформенный кусокъ бѣлка, размножился, сложился въ орла и льва и человѣка; наступитъ время,—изъ насъ, людей, изъ всѣхъ людей, возникнетъ къ жизни величественный, стройный организмъ—человѣчество! Человѣчество, господа! Тогда у всѣхъ клѣтокъ его будетъ прошлое, полное великихъ завоеваній мысли — наша работа! Настоящее—свободный, дружный трудъ для наслажденія трудомъ, и будущее—я его чувствую, я его вижу—оно прекрасно. Человѣчество растетъ и зрѣетъ. Вотъ жизнь, вотъ смыслъ ея!“

Страхъ смерти—кажется Протасову—главная причина, мѣшающая людямъ быть смѣлыми, красивыми, свободными людьми. Этотъ страхъ и только онъ одинъ, кажется Павлу, заставляетъ людей сбиваться въ сторону съ прямого пути къ свободѣ, съ широкой дороги опыта. Подъ его вліяніемъ разумъ размѣнивается на „уродливыя догадки“ о смыслѣ бытія, и въ мысли рождаются заблужденія. „Но мы, мы люди, дѣти солнца, свѣтлаго источника жизни, рожденные солнцемъ, мы побѣдимъ темный страхъ смерти! Мы—дѣти солнца! Это оно горитъ въ нашей крови, это оно рождаетъ гордыя, огненныя мысли, освѣщая мракъ нашихъ недоумѣній, оно—океанъ энергіи, красоты и опьяняющей душу радости!“ Эта милая, дѣтски-наивная и старая, какъ міръ, вѣра въ мощь человѣческой мысли можетъ развиться въ душѣ человѣка, который, или какъ фанатикъ идеи, не видитъ реальныхъ формъ жизни, или же сторонится отъ нея, какъ декадентъ, который, въ своемъ чистомъ видѣ, не хотѣлъ знать иныхъ цѣлей жизни, кромѣ тѣхъ, какія указывали ему солнце, красота и любовь...

Фанатики идеи, подобные Павлу, сосредоточенные въ себѣ, въ своемъ культѣ и своихъ опытахъ, въ своего рода жертвоприношеніяхъ божеству грядущаго счастья, являются по отношенію къ окружающимъ

бездушными и холодными эгоистами, чуждыми ихъ внутреннему міру и личнымъ интересамъ. Протасовъ не замѣчаетъ душевнаго одиночества своей жены, колеблющейся между чувствомъ долга и жаждой иной, неясно рисующейся ей, красивой и свободной жизни; ея душа—одна изъ тѣхъ, которыя могутъ жить только раздѣленнымъ чувствомъ, ищутъ взаимнаго пониманія и отвѣта. Не замѣчаетъ Павелъ и того страшнаго недуга, который развивается въ душѣ сестры его Лизы. Недугъ этотъ давно уже былъ подмѣченъ, какъ отличительная черта многихъ, по преимуществу русскихъ людей. Онъ характеризуется тѣмъ, что человѣкъ, страдающій имъ, не чувствуетъ себя личностью съ свободной волей, съ развитыми инстинктами личныхъ потребностей жизни и счастья, и не можетъ выдѣлить себя, какъ отдѣльное звено, изъ безконечной цѣпи не только человѣческихъ существъ, но и міровыхъ явленій въ самомъ широкомъ смыслѣ. Пантеистическое начало, весьма желательное, даже необходимое, какъ элементъ понятія общечеловѣческаго и гражданскаго долга, въ крайнемъ своемъ развитіи становится именно недугомъ, парализующимъ волю и проявленія индивидуальнаго сознанія. Души, охваченныя имъ, становятся необычайно, болѣзненно чутки; онѣ берутъ на себя отвѣтственность за все уродливое, порочное, злое, что творится въ мірѣ. Жить за свой личный страхъ и совѣсть онѣ не могутъ, и существованіе ихъ становится источникомъ глубокихъ страданій за поруганный идеалъ высокой и гармоничной жизни. Въ ихъ душѣ вѣчная борьба между дѣйствительностью и идеаломъ, вѣчный разладъ. Имъ мало одной мечты о томъ, что когда-то люди будутъ счастливы какъ боги, что „нашъ прахъ лишь землю умягчитъ другимъ чистѣйшимъ существамъ“, имъ хотѣлось бы видѣть воплощеніе идеала въ жизни теперь же, при нихъ, чтобы оправдать въ ихъ глазахъ право на удовлетвореніе ихъ личныхъ запросовъ и примирить въ ихъ душѣ борьбу свѣта и мрака. „Я не могу сказать... какъ это хорошо!—восклицаетъ Лиза вслѣдъ за патетическимъ гимномъ Павла.—Дѣти солнца... да? но—у меня расколота душа, разорвана душа... вотъ, послушайте:

Орелъ поднимается въ небо,
Сверкая могучимъ крыломъ...
И мнѣ бы хотѣлось, и мнѣ бы
Туда, въ небеса, за орломъ!

Хочу! Но безплодны усилья!
Я—дочь этой грустной земли,
И долго души моей крылья
Влачились въ грязи и пыли...

Люблю ваши дерзкіе споры
И яркія ваши мечты,
Но—знаю я темныя норы,
Живутъ въ нихъ слѣпые кроты;

Красивыя мысли имъ чужды,
И солнцу душа ихъ не рада,
Гнетутъ ихъ тяжелыя нужды,
Любви и вниманья имъ надо!
Они между мною и вами
Стоятъ молчаливой стѣною...
Скажите—какими словами
Могу я увлечь ихъ за мною?

Отказъ отъ личнаго счастья, пока это счастье не стало всеобщимъ—добрый, старый мотивъ идеалистическихъ стремленій, благороднѣйшихъ душъ, вложившихъ столько великихъ жертвъ въ исторію нашего общественнаго развитія на протяженіи многихъ десятковъ лѣтъ отжившаго вѣка. И самъ онъ кажется какъ бы отживающимъ въ наши смутные и жестокіе дни, полные ужасовъ, стоновъ и крови; онъ долетаетъ до насъ, какъ райская пѣснь души, просящейся въ небесныя обители изъ этого омута страданій и скорби. Его заглушаютъ иные мотивы, иные голоса, властно требующіе признанія своей силы и права на жизнь, на борьбу, если не во имя личнаго счастья, то за счастье тѣхъ, кто пойдетъ за ними. Они говорятъ: безумно ждать вселенскаго счастья, чтобы почерпнуть изъ него право на счастье моего „я“. Нѣтъ, вселенское счастье можетъ быть достигнуто только нашими усиліями, когда всѣ наши „я“ будутъ счастливы,—поэтому стремиться къ личному счастью есть не только мое право, но моя обязанность и мой жизненный долгъ. И это міросозерцаніе увѣнчивается лучезарной мечтой о лучшей долѣ, ожидающей человѣчество послѣ усилій, страданій и борьбы, но самыя усилія эти, эта борьба—сами по себѣ являются ближайшими цѣлями жизни, дающими ей содержаніе, смыслъ и красоту. У представителя подобнаго міросозерцанія, выведеннаго въ пьесѣ, художника Вагина, есть гордый отвѣтъ на нѣжное томленіе Лизы. Онъ говоритъ:

Какъ искры въ тучѣ дыма черной
Средь этой жизни мы—одни.
Но мы въ ней—будущаго зёрна!
Мы въ ней—грядущаго огни!
Мы дружно служимъ въ свѣтломъ храмѣ
Свободы, правды, красоты —
Затѣмъ, чтобъ гордыми орлами
Слѣпые выросли кроты...

Художникъ Вагинъ—послѣднее слово общественнаго модернизма съ нитшеанской закваской и декадентскимъ налетомъ. Въ томъ, что онъ говоритъ, чувствуется порывъ смѣлой и гордой личности, заставляющей угадывать сознательную и ясную цѣль жизни. Философія Лизы, требующая отъ людей любви, всепрощенія, кротости, кажется

Вагину „кислой“. Онъ требуетъ, и ему кажется, что этого одного достаточно, чтобы жизнь была свободной и красивой, и на первый разъ, во имя этой свободной и красивой жизни, во имя торжества своего принципа, настойчиво требуетъ, чтобы Елена, жена Павла, перенесла на него свою любовь, безъ пощады разбивъ существованіе того, кто будто бы ея „не цѣнитъ“. Освобождая нравящуюся ему женщину отъ всѣхъ обязательствъ разсудка, традицій, долга, Вагинъ всей силой своихъ аргументовъ опирается на волю и чувство: „желая сильно, не разсуждаютъ,—говоритъ онъ. — ...Вы приносите себя въ жертву—кому? человѣку, который разлагаетъ жизнь на мельчайшія частицы въ тупомъ стремленіи найти ея начало! Нелѣпая идея! Онъ (мужъ) служитъ черной смерти... а не свободѣ, не красотѣ и радости. И ему не нужна наша жертва“... Аргументація Вагина не очень убѣдительна: то, что̀ нужно *мнѣ*, не нужно *ему*; то же, что̀ нужно *ей*,—а ей нужна свобода, красота, радость,—она найдетъ,—*я* утверждаю это,—во *мнѣ*. *Я* говорю это за *него* и за *нее*, потому что говорю это *я*, и *мнѣ* это нужно. И пьеса блестяще опровергаетъ эту аргументацію, потому что нигдѣ не обнаруживаетъ, что̀, кромѣ обладанія любимой женщиной, могъ бы внести Вагинъ красиваго, свободнаго и счастливаго, но его призывъ къ красотѣ жизни невольно поднимаетъ духъ. Недаромъ Чепурной, скептикъ и резонеръ пьесы, находитъ, что на сторонѣ Вагина—красота, а на сторонѣ Лизы—правда („красота — лучше, но правда — нужнѣе людямъ“). А жизнь только тогда цѣльна и глубока, если красота и правда образуютъ двѣ равноцѣнныя половины, и тамъ, гдѣ красота старается обойтись безъ правды, жизнь лишается своего ядра и превращается въ блестящую мишурную канитель. Именно глубины содержанія жизни мы и не чувствуемъ въ красивомъ призывѣ къ эгоизму индивидуалиста-художника.

Спорный вопросъ не рѣшается въ пьесѣ ни въ ту, ни въ другую сторону. Старая правда на сторонѣ Лизы, но съ другой стороны—„правда всегда съ новорожденнымъ“, и Вагинъ, можетъ быть, тоже своего рода новорожденный, предвѣстникъ той новой весны, которой предстоитъ превратить „слѣпыхъ кротовъ“ въ стаи „гордыхъ орловъ“, истинныхъ дѣтей солнца. Но пока — будущіе орлята ходятъ по старымъ дорожкамъ, заглядывая въ кротовыя норы и лишь создавая новую религію, освящающую свободную работу инстинктовъ въ погонѣ за лакомыми кусочками жизни.

Особое міросозерцаніе носитъ въ себѣ и Чепурной, честный и добрый утилитаристъ, ветеринарный врачъ по профессіи, безумно любящій Лизу. Его мелодраматическій конецъ очень портитъ впечатлѣніе. И Чепурной—не столько сознательный работникъ въ жизни, сколько любопытствующій наблюдатель. Эта весьма распространенная кате-

горія людей тонко и мѣтко очерчена г. Горькимъ. Задавшись немудреной цѣлью „устроиться такъ, чтобы жилось недурно“, такіе люди смотрятъ на жизнь именно съ точки зрѣнія ея занимательности и любопытства. „Я,—говоритъ Чепурной,—видѣлъ, что жизнь устроена дрянно, люди жадны и глупы, а я—умнѣе и лучше, чѣмъ они... Это было мнѣ пріятно знать, и душа моя была спокойна... хоть я и видѣлъ, что иному человѣку труднѣе жить, чѣмъ той лошади, что я лѣчу, да и хуже, чѣмъ собакѣ... но этотъ случай объяснялся тѣмъ, что человѣкъ глупѣе собаки и лошади“. И до сорока лѣтъ жилъ Чепурной съ такимъ „спокойствіемъ души“, и только Лиза, „заглянувшая, по его выраженію, куда-то глубоко, и носящая трагедію въ душѣ“, разбудила въ немъ интересъ къ людямъ, и онъ вглядѣлся въ нихъ впервые съ точки зрѣнія смысла бытія: „одинъ горитъ въ своей наукѣ, другой бредитъ киноварью съ охрой, третья — притворяется, что она веселая и разумная“ — и обнаружилъ отсутствіе смысла въ ихъ жизни, а самъ инстинктивно потянулся всей своей неуклюжей, но честной душой къ Лизѣ, на сторонѣ которой, показалось ему, и была высшая жизненная правда.

Метерлинковскій мотивъ звучитъ въ словахъ Лизы, когда она обращается ко всѣмъ этимъ ходячимъ „міросозерцаніямъ“ съ указаніемъ на ихъ слѣпоту, и леденящая ужасомъ пророческая нотка грозитъ имъ чѣмъ-то невыразимо страшнымъ, прообразомъ вырвавшейся наружу злобы и мести. „Вы всѣ—слѣпые,—говоритъ она тревожно-болѣзненно:—откройте глаза: то, чѣмъ живете вы, ваши мысли, ваши чувства, они—какъ цвѣты въ лѣсу, полномъ сумрака и гніенія... полномъ ужаса... Васъ мало, вы незамѣтны на землѣ... На землѣ замѣтны милліоны, а не сотни... и среди милліоновъ растетъ ненависть. Вы, опьяненные красивыми словами и мыслями, не видите этого, а я—видѣла, какъ вырвалась на улицу ненависть, и люди, дикіе, озлобленные, съ наслажденіемъ истребляли другъ друга... Однажды ихъ злоба обрушится на васъ“...

Протасовъ недоумѣваетъ, за что людямъ ненавидѣть его, напримѣръ. За то, отвѣчаетъ Лиза, что вы такъ далеко ушли отъ нихъ: „за отчужденіе отъ нихъ, за невниманіе къ ихъ тяжелой, нечеловѣческой жизни! за то, что вы сыты и хорошо одѣты... Ненависть—слѣпа, но вы ярки, васъ она увидитъ“.

Вотъ она—страшная мораль пьесы, вотъ приговоръ дѣтямъ солнца, съ ихъ безплодными мечтами и миражами вмѣсто истинныхъ жизненныхъ идеаловъ. Они, эти интеллигенты, ученые, художники, дѣятели различныхъ привиллегированныхъ профессій, капиталисты и собственники, всѣ они—только жалкій, мишурный наростъ на тѣлѣ гиганта, шевелящагося въ сумракѣ уходящей ночи и готоваго встряхнуться и

сорвать этотъ зудящій наростъ съ кровью и съ мясомъ и со всѣмъ, что въ немъ накопилось подъ узломъ тяжелыхъ путъ, державшихъ гиганта въ оцѣпенѣніи въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ! Проснется гигантъ — и заиграетъ въ немъ новая жизнь, но какая, — этого Лиза, при всей чуткости своего ясновидѣнія, сказать не можетъ...

Назвалъ свою пьесу г. Горькій „Дѣти солнца“ — ироническую усмѣшку не трудно подмѣтить въ этомъ названіи,—но еслибы авторъ захотѣлъ обойтись безъ иронія, онъ съ бо́льшимъ правомъ могъ бы назвать ее „Около жизни“. Мы видѣли, какихъ людей изобразилъ г. Горькій въ пьесѣ: они или мудрятъ, или мечтаютъ, или „созерцаютъ“, или, наконецъ, *болѣютъ* жизнью, но не живутъ, не работаютъ мыслью и душой вмѣстѣ со всѣмъ могучимъ процессомъ великихъ міровыхъ силъ, направляющихъ волю человѣчества къ какой-то чудной, но невѣдомой цѣли... Но есть и другая жизнь, и другіе люди. И для людей, ищущихъ свободы не однимъ лишь пареньемъ въ небеса, есть дѣйствительно свободная жизнь, та жизнь, которая основана на реальной работѣ надъ освобожденіемъ людей отъ насилія, предразсудковъ, обмана. Есть жизнь красивая, та, въ которой красота постигается не въ смыслѣ удовлетворенія инстинктовъ здороваго и хищнаго звѣря, но красота общественной гармоніи, достигнутой высокимъ сознаніемъ своихъ обязанностей и правъ въ общей и для всѣхъ обязательной міровой работѣ. Есть жизнь разумная, основанная на знаніи, опытѣ, уваженіи къ завѣтамъ культурнаго прошлаго. Все это есть, все это образуетъ лишь часть того великаго цѣлаго, которое, какъ путеводный маякъ, свѣтитъ и направляетъ усилія благороднѣйшихъ умовъ своей эпохи. Люди, отдавшіе все для культурной работы на благо своей родины, люди, жертвовавшіе личнымъ счастьемъ, годами заточенія и жизнью за ея освобожденіе—всѣ эти люди испытали высочайшее наслажденіе чувствомъ полной жизни, упоенной погоней за идеаломъ истинной свободы и истиннаго духовно-красиваго счастья. Русская интеллигенція насчитываетъ въ своихъ рядахъ тысячи подобныхъ людей. Они—не наростъ на тѣлѣ гиганта, они шли къ нему съ любовью, они помогали ему облегчать тяготу его путь, они не отрывались отъ него, но чувствовали, напротивъ, свои съ нимъ кровныя, братскія узы. И во имя этихъ людей гигантъ не растерзаетъ и тѣхъ, которымъ г. Горькій далъ презрительное имя „дѣтей солнца“. Гигантъ пойметъ, что не на нихъ однихъ лежитъ вина за все тунеядное, мелкое, пошлое, бременящее землю. Чуткимъ, прозорливымъ сердцемъ пойметъ онъ, что они—лишь отдаленное слѣдствіе глубокихъ причинъ, лишь застоявшаяся пѣна въ заливѣ жизни, и бережно растопитъ ее въ общемъ морѣ набѣжавшая отъ далекой бури волна. Гигантъ принесетъ съ собой все ту же вѣчную правду

о томъ, что жизнь строится не враждой и ненавистью, но единеніемъ и любовью, и правда эта станетъ воплощаться на землѣ...

Въ пьесѣ разлито, сквозь общій меланхолическій колоритъ, предвидѣнье этихъ нужныхъ для новой свободной и красивой жизни людей: вчерашніе кроты, они явятся орлами, способными взлетать до небесъ. Оставимъ этотъ символическій образъ... Нѣтъ, они уже есть, не кроты и не орлы, а люди сильные, великодушные, смѣлые, самоотверженные,— они не герои на полѣ битвы, они знаютъ, что зло не уничтожается насиліемъ, а лишь отрицаніемъ зла, они вѣрятъ, что сила человѣческой мысли въ борьбѣ съ порабощеніемъ дѣйствительнѣе физической силы и разрушительнѣе свинца... Они ждутъ, когда наступитъ время мирной культурной работы въ общемъ потокѣ многомилліонной народной жизни, гдѣ не будетъ ни великана, ни карлика, ни орла, ни крота, но всѣ будутъ членами одного братскаго союза, истинными дѣтьми не только животворнаго солнца, но и общей кормилицы матери сырой земли.

Кромѣ пьесы Горькаго, въ той же книгѣ сборника „Знаніе“ помѣщены разсказы гг. Кипена—„Бирючій островъ“ и Скитальца—„Полевой судъ“, затѣмъ переводъ, А. С. Черемного, поэмы Густава Даниловскаго—„На островѣ“ и стихотворенія гг. Бунина и Рукавишникова. Въ общемъ содержаніе этихъ произведеній слѣдуетъ признать заслуживающимъ вниманія; съ особеннымъ интересомъ читается разсказъ г. Скитальца. Тема его носитъ животрепещущій современный характеръ. Царь Алексѣй Михайловичъ далъ нѣкогда грамоту стариннымъ поселенцамъ урочища Селитьбы (на Волгѣ), чтобы вся прилегающая къ Селитьбѣ долина навѣки принадлежала имъ и ихъ поколѣніямъ за то, что стерегли они землю русскую отъ набѣговъ кочевыхъ племенъ,—и дарственная царская грамота сохранялась изъ поколѣнія въ поколѣніе старѣйшими людьми Селитьбы. „И долго жили они среди непроходимыхъ дебрей, скрытые отъ чужой жизни горами и лѣсами, и долго никто не зналъ о нихъ. Вѣкъ проходилъ за вѣкомъ, а дѣти лѣса жили безъ перемѣнъ, все такъ же, какъ и прежде, и знали только свою землю, лѣсъ и горы. Потомъ отыскало ихъ крѣпостное право, покорило и ввело въ колею. А при Екатеринѣ они были подарены вмѣстѣ съ землей, съ тѣломъ и душой въ „майоратное“ вѣчное владѣніе блестящему, великолѣпному графу и всему его потомству. „Царская грамота“ стала ненужной, ее забыли, потеряли. Осталась только глухая, неистребимая, незабываемая легенда о ней. И старики разсказывали внукамъ „о царской грамотѣ“.

А потомъ, съ паденіемъ крѣпостного права, крестьяне пошли на малый надѣлъ и оказались безъ клочка земли, окруженные владѣніями

„графа“. Но вотъ стала оживать легенда о землѣ и волѣ, а тутъ случайно отыскалась и грамота, и жившая въ крестьянахъ тоска по старой Божьей правдѣ охватила ихъ души и потребовала суда. Составили они приговоръ о „полевомъ судѣ“, созвали окольныхъ людей, пригласили графскаго управляющаго и, увѣдомивъ исправника и земскаго начальника, рѣшили просить „міръ“ сличить ихъ царскую грамоту съ актами владѣнія графа и постановить рѣшеніе: кому владѣть исконными крестьянскими землями... Окольные люди присудили землю крестьянамъ, но исправникъ съ земскимъ начальникомъ усмотрѣли въ этомъ судбищѣ „бунтъ“, а губернаторъ, дня черезъ три, приказалъ схватить „зачинщиковъ“, самыхъ почтенныхъ и старыхъ людей Селитьбы, и наказать ихъ каждаго по сту ударовъ, а потомъ ихъ продержали цѣлый годъ въ тюрьмѣ, прежде, чѣмъ судили и осудили въ тюрьму. И когда вели ихъ къ Волгѣ—„былъ опять сіяющій весенній день... И такъ хорошъ, такъ цѣломудренно хорошъ былъ этотъ благодатный край, столько въ немъ было всепрощающаго спокойствія, терпѣливаго незлобія и нѣжной, женственной грусти, что странно было видѣть, какъ солдаты съ саблями на-голо вели къ берегу кучку добродушныхъ, смиренныхъ людей“. Разсказъ обрывается на этой картинѣ, но въ душѣ читателя не остается сомнѣнія въ томъ, что на такомъ людскомъ рѣшеніи Божеская правда остановиться не можетъ, и исканіе ея приведетъ къ стихійному протесту противъ тѣхъ, кто, по глубокому убѣжденію народной массы, явился насильственнымъ нарушителемъ ея законныхъ правъ на политую ихъ потомъ и кровью землю...

Отмѣтимъ въ заключеніе нѣкоторыя строфы изъ стихотворенія г. Рукавишникова, нервно отразившаго одно изъ настроеній современности:

Кто за насъ—иди за нами!
И сомкнутыми рядами
Мы пройдемъ надъ головами
Проклинающихъ враговъ...
Кто за насъ—иди за нами,
Чтобы не было рабовъ!

Кто мы? Насъ много. Мы—люди великой свободы.
Мы за страданья доступнаго счастья хотимъ.
Родина! Родина! Даромъ пропавшіе годы,
Даромъ пропавшую мощь мы тебѣ возвратимъ.

Кровью горячей мы рабство вѣками поили.
Рабство падетъ отъ ударовъ житейскихъ наукъ.
Все впереди! Не напрасно вѣка проходили:
Прадѣдъ не зналъ, до чего дострадается внукъ.

Очень хороши и стихотворенія г. Бунина на восточныя темы.

II.

— Путешествіе изъ Петербурга въ Москву А. Н. Радищева. Спб. 1905.

Наконецъ-то знаменитое путешествіе Радищева стало доступно широкимъ кругамъ читающей публики. Прекрасный трудъ свободной мысли и истинной любви къ родинѣ до нашихъ дней считался предметомъ опаснымъ, и изданіе его, неоднократно сожигавшееся цензурой, было разрѣшено, если не считать позднѣйшаго Бурцевскаго, лишь А. С. Суворину въ 1888 г., въ качествѣ библіофильскаго баловства, доступнаго лишь немногимъ богатымъ людямъ. Но имя Радищева неизмѣнно упоминалось при всякомъ начинаніи, возникавшемъ на почвѣ освободительнаго движенія. Пушкинъ, „вслѣдъ Радищеву“ возславившій свободу, не могъ въ своей статьѣ о Радищевѣ высказать о немъ всего, что̀ хотѣлъ и какъ могъ, но и онъ отмѣтилъ въ немъ необыкновенный духъ политическаго фанатизма, удивительное самоотверженіе борца противъ самодержавія, борца, еще одинокаго въ свое время. Своимъ протестомъ противъ крѣпостного права книга Радищева положила краеугольный камень въ образованіе оппозиціонныхъ мнѣній, и сама явилась какъ бы источникомъ тѣхъ положеній, которыя надолго опредѣлили наши освободительныя политическія программы. Но и съ освобожденіемъ крестьянъ книга Радищева не утратила своего значенія; многое сохраняетъ свою назидательную силу и для нашего времени. Опредѣливъ понятіе свободы изъ идей права естественнаго, въ связи съ разумными для всѣхъ обязательными ограниченіями, образующими право гражданское, Радищевъ обращается къ разсудку и сердцу читателей, по поводу современнаго ему положенія вещей, и говоритъ: „Но кто между нами оковы носитъ, кто ощущаетъ тяготу неволи? Земледѣлецъ, кормилецъ нашея тощеты, насытитель нашего глада; тотъ кто даетъ намъ здравіе, кто житіе наше продолжаетъ, неимѣя права распоряжати ни тѣмъ, что обработываетъ, ни тѣмъ, что производитъ. Кто же къ нивѣ ближайшее имѣетъ право, буде не дѣлатель ея? Представимъ себѣ мысленно, мужей пришедшихъ въ пустыню, для сооруженія общества. Помышляя о прокормленіи своемъ, они дѣлятъ поросшую злакомъ землю. Кто жребій на удѣлъ получаетъ? Нетотъ ли, кто ее вспахать возможетъ; нетотъ ли, кто силы и желаніе къ тому имѣетъ достаточныя? Младенцу или старцу, разслабленному, немощному и нерадивому, удѣлъ будетъ безполезенъ. Она пребудетъ въ запустѣніи, и вѣтръ класовъ на ней невозвѣетъ. Если она безполезна дѣлателю ея, то безполезна и обществу; ибо избытка своего

дѣлатель обществу неотдастъ, неимѣя нужнаго. Слѣдственно, въ началѣ общества, тотъ кто ниву обработать можетъ, тотъ имѣлъ на владѣніе ею право, и обработывающій ее пользуется ею исключительно. Но колико удалились мы, отъ первоначальнаго общественнаго положенія, относительно владѣнія. У насъ, тотъ кто естественное имѣетъ къ оному право, нетокмо отъ того исключенъ совершенно, но работая ниву чуждую, зритъ пропитаніе свое зависящее отъ власти другаго! Просвѣщеннымъ вашимъ разумамъ, истины сіи не могутъ быть непонятны, но дѣянія ваши, въ исполненіи сихъ истинъ, препинаемы, сказали уже мы, предразсужденіемъ и корыстію. Неужели, сердца ваши любовію человѣчества полные, предпочтутъ корысть чувствованіямъ, сердце услаждающимъ?"

Въ настоящей книгѣ приведенъ текстъ „Путешествія изъ Петербурга въ Москву" съ сохраненіемъ правописанія перваго его изданія 1790 г. и указаніемъ всѣхъ особенностей первоначальнаго текста сочиненія по рукописи, исправленной Радищевымъ и хранящейся въ государственномъ архивѣ. Вступленіемъ къ нему служитъ кратко, но обстоятельно составленная біографія Радищева, написанная Н. П. Сильванскимъ, и статья П. Е. Щеголева, посвященная обзору рукописи и исторіи текста книги. „Путешествіе" Радищева,—говоритъ г. Сильванскій въ своей статьѣ,—похоже теперь на старую картину художника XVIII вѣка, потрескавшуюся, запыленную, съ выцвѣтшими красками. Но въ этой картинѣ, сквозь густой слой пыли устарѣлаго слога и сквозь выцвѣтшія краски сентиментализма и манернаго паѳоса просвѣчиваютъ яркія черты жизни, порывы сильнаго чувства и блескъ смѣлой, глубокой мысли. Въ длинномъ рядѣ разнообразныхъ по стилю и тону очерковъ, бытовые очерки, замѣчательные народнымъ языкомъ и реализмомъ, смѣняются сценами трагическими, юморъ смѣняется рѣзкой сатирой, легкій разсказъ — воодушевленными размышленіями о свободѣ и Богѣ. Всѣ эти очерки, сливаясь, широко охватываютъ современность, съ торжествующимъ въ ней насиліемъ и рабскимъ угнетеніемъ, и мрачныя стороны жизни оттѣняются смѣлыми мыслями автора, страдающаго, негодующаго, вдохновеннаго идеаломъ свободы".

Книга снабжена прекрасно исполненнымъ портретомъ Радищева (геліогравюра съ оригинала, находящагося въ Саратовскомъ Радищевскомъ музеѣ), факсимиле заглавной страницы и четырехъ страницъ перваго изданія, а также примѣчаніями, гдѣ сообщено нѣсколько неизданныхъ матеріаловъ для біографіи Радищева. Въ концѣ приведена библіографія книгъ и статей о жизни и сочиненіяхъ этого писателя".

III.

— Щукинскій Сборникъ. Выпускъ четвертый. Изданіе Отдѣленія Императорскаго Россійскаго Историческаго музея имени Имп. Александра III — музея П. И. Щукина. М. 1905.

Намъ уже приходилось говорить о характерѣ предыдущихъ книжекъ „Щукинскаго Сборника“ и отмѣчать его во многихъ отношеніяхъ цѣнное содержаніе по тѣмъ документамъ, которые были въ немъ помѣщены. Приходилось намъ указывать и на то, что матеріалы размѣщались въ немъ безъ всякой, сколько-нибудь осязательной, системы, вѣроятно,—въ порядкѣ поступленія; повидимому, преслѣдовалась единственная цѣль, не стѣсняя себя никакими обязанностями редакціоннаго свойства, сохранить документы въ сыромъ видѣ, безъ всякихъ поясненій, справокъ и примѣчаній. Какъ видно изъ заглавнаго листа настоящаго, четвертаго выпуска, извѣстный музей П. И. Щукина вошелъ въ качествѣ особаго Отдѣленія въ составъ Московскаго Россійскаго Историческаго музея, имени импер. Александра III, и, такимъ образомъ, обширное и цѣнное собраніе историческихъ предметовъ и рукописей закрѣплено какъ общественное достояніе за учрежденіемъ, которому предстоитъ, несомнѣнно, быть однимъ изъ виднѣйшихъ хранилищъ нашей исторической старины. Выходя до извѣстной степени подъ флагомъ Историческаго Музея, четвертый выпускъ ничѣмъ, однако, не отличается отъ предыдущихъ, въ смыслѣ редакціи и расположенія матеріала, и является, слѣдовательно, продолженіемъ опредѣленной серіи изданій, начатой г. Щукинымъ еще нѣсколько лѣтъ назадъ.

Матеріалы четвертаго выпуска—не всѣ одинаковой цѣнности; по времени они охватываютъ періодъ отъ начала XVIII вѣка до 60-хъ годовъ XIX. Во всякомъ случаѣ одни изъ нихъ интересны въ научномъ отношеніи, другіе любопытны чертами сравнительно еще недавняго быта, еще не вполнѣ отошедшаго въ исторію и не оборвавшаго видимыхъ связей съ современностью. Къ первымъ отнесемъ въ особенности документы изъ бумагъ князя А. Д. Меншикова съ подробной описью его имущества, вотчинъ и донесеній его управляющихъ и приказчиковъ, затѣмъ указы, бумаги оффиціальнаго содержанія, нѣкоторыя письма (напр., Энгеля) съ описаніемъ Лейпцигской битвы, копіи съ рескриптовъ и т. д. Вторые представляютъ живой и разнообразный интересъ, и мы позволимъ себѣ остановить вниманіе читателя на нѣкоторыхъ извлеченіяхъ.

На первомъ мѣстѣ помѣщенъ текстъ „Штрафной книги“ по-

селеннаго гренадерскаго Павла Мекленбургскаго полка 1830 года. Напомнимъ читателю, что поселенные полки—неудачная затѣя императора Александра I, которой онъ имѣлъ въ виду улучшить бѣдственное положеніе нижнихъ чиновъ, давая имъ возможность во время службы продолжать земледѣльческія занятія, а на старость не обременять казну требованіемъ обезпеченія. Никакія возраженія не могли убѣдить Александра въ нецѣлесообразности насильственной организаціи, какъ для казны, которой они должны будутъ обойтись непомѣрно дорого, такъ и для арміи, для которой солдатъ-земледѣлецъ несомнѣнно утратитъ многія чисто солдатскія качества и, прежде всего, преданность воинской службѣ. Александръ отвѣчалъ, что военныя поселенія будутъ устроены, хотя бы пришлось уложить трупами дорогу отъ Петербурга до Чудова. И поселенія были устроены. Въ лицѣ Аракчеева государь нашелъ усерднаго выполнителя своей мысли, и послѣдняя, разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ, стала осуществляться въ жизни. Стремленіе совмѣстить несовмѣстимое, превратить отвыкшихъ отъ земледѣлія солдатъ въ земледѣльцевъ и въ земледѣльцахъ воспитать воинскій духъ повело къ образованію обширнаго и сложнаго управленія, органомъ котораго былъ „комитетъ полкового управленія“. Комитетъ долженъ былъ заботиться и о сельскомъ хозяйствѣ и входить въ мелочи семейнаго быта поселенцевъ и отправлять судебныя функціи и приводить въ исполненіе приговоры. Командиръ поселеннаго батальона былъ въ одно и то же время и военнымъ начальникомъ, и хозяиномъ сельскаго округа; поселенцы не могли безъ разрѣшенія начальства ни жениться, ни распоряжаться своимъ имуществомъ, ни отлучаться, ни покупать вина; еще менѣе они могли распоряжаться участью своихъ дѣтей, такъ какъ сыновья большую часть времени проводили въ школѣ и на учебномъ плацу, а дочери выдавались замужъ по распоряженію начальства. Побои и истязанія были единственнымъ учебнымъ средствомъ не только при военномъ обученіи, но и въ сферѣ земледѣльческихъ работъ, которыя производились точно также по приказамъ начальниковъ, въ большинствѣ случаевъ несвѣдущихъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Контингентъ офицеровъ образовался крайне неудовлетворительный, среди нихъ распространилось взяточничество, пьянство и самые грубые нравы. Въ этомъ отношеніи и интересна „Штрафная книга“ упомянутаго поселеннаго полка. Изъ нея видно, въ какомъ вѣчномъ страхѣ отвѣтственности должны были влачить свое существованіе несчастные поселенцы и какими мѣрами начальство, само порочное до мозга костей, доводило ихъ до потери терпѣнія и кровавыхъ бунтовъ. Взысканія назначались обыкновенно комитетомъ полкового управленія и состояли чаще всего изъ наказанія розгами, затѣмъ назначенія на

сверхурочныя работы, рѣже—опредѣлялся публичный выговоръ. Среди записей нѣкоторыя весьма примѣчательны. Такъ, дѣвица Ефимова наряжена на общественную работу на пять дней — „за противозаконные роды“; наказана Захарова—„за то, что она, топивши баню, оставила безъ присмотра, которая загорѣлась, но безъ дальнѣйшихъ послѣдствій потушена“. „Тридцатью лозанами“ наказана дѣвица Василиса Нестерова—„за непозволительную связь первой фузелерной роты съ унтеръ-офицеромъ Давыдомъ Иванцовымъ“. Ефимова была наказана—„за самовольное секретное лѣченіе дѣвицы Марьи Спиридоновой“. Старшина рядовой хозяинъ Потапъ Семеновъ получилъ семьдесятъпять розогъ—„за допущеніе къ распутству ввѣренной ему части дѣвицъ“; столько же получила и дѣвица Иванова. Рядовой хозяинъ Никита Агѣевъ получилъ пятьдесятъ лозановъ „за то, что безъ всякаго позволенія построилъ вѣтряную мельницу“. Рядовой хозяинъ Емельяновъ получилъ пятьдесятъ лозановъ лишь по одному „подозрѣнію въ корчемствѣ“. Жена рядового хозяина Анна Астафьева была наряжена мести улицу—„за то, что, вопреки приказанія, топила избу въ непоказанное время“... И это выдержки изъ журнала, который долженъ былъ придавать дѣйствіямъ гг. офицеровъ нѣкоторый видъ законности, а сколько же „дѣйствій“ не оставило по себѣ никакого слѣда, кромѣ несмываемаго оскорбленія и ненависти въ памяти народной...

Въ статьѣ „Изъ записной книжки протоіерея П. Н. Мысловскаго“ сообщается разсказъ о послѣднихъ часахъ декабристовъ и приводится нѣсколько отзывовъ о нихъ. Въ этихъ сообщеніяхъ нѣтъ чего-либо новаго, но въ матеріалахъ этого рода и мелочи знаменательны, тѣмъ болѣе, что ихъ освѣщеніе весьма любопытно двойственностью мысли и чувства. Протоіерей Казанскаго собора П. Н. Мысловскій, котораго кн. Е. П. Оболенскій называетъ въ своихъ воспоминаніяхъ „единственнымъ другомъ заключенныхъ“, такъ характеризуетъ Пестеля: „Сей преступникъ есть отличнѣйшій въ сонмѣ заговорщиковъ какъ по данному ему воспитанію, такъ и по твердости духа. Имѣлъ онъ отъ роду не болѣе 33-хъ лѣтъ, средняго роста, лица бѣлаго и пріятнаго съ значительными чертами или физіономіею; быстръ, рѣшителенъ, краснорѣчивъ въ высшей степени; математикъ глубокій, тактикъ военный превосходный; увертками, тѣлодвиженіемъ, ростомъ, даже лицомъ очень походилъ на Наполеона. И сіе-то самое сходство съ великимъ человѣкомъ, всѣми знавшими Пестеля единогласно утвержденное, было причиною всѣхъ его сумасбродствъ и самыхъ преступленій. Ему погрезилось такъ сказать наяву, что онъ легко можетъ сдѣлаться въ Россіи тѣмъ же самымъ, чѣмъ былъ во Франціи Наполеонъ. Вотъ источникъ гибельныхъ его начинаній, окончившихся столь ужасно! Никто изъ

подсудимыхъ не былъ спрашиванъ въ коммиссіи болѣе его, никто не выдержалъ столько очныхъ ставокъ, какъ опять онъ же; вездѣ и всегда былъ равенъ себѣ самому. Ничто не колебало твердости его. Казалось, онъ одинъ готовъ былъ на раменахъ своихъ выдержать тяжесть двухъ альпійскихъ горъ. Въ коммиссіи всегда отвѣчалъ съ видимою гордостью и съ какимъ-то самонадѣяніемъ. Однажды спросилъ его нѣкоторый членъ коммиссіи: зналъ ли онъ, чему подвергалъ себя такими ужасными предпріятіями? Случалось ли хоть разъ взглянуть ему на послѣдствія? „У меня, отвѣчалъ хладнокровно Пестель, все было разсчитано; зналъ, что дѣлалъ, и видѣлъ конецъ. По меньшей мѣрѣ какъ самъ я, такъ и всѣ сочлены наши могли надѣяться, что насъ станутъ судить такъ, какъ убійцъ Павловыхъ. Мы кричали, шумѣли, вызывались на цареубійство, словомъ, кончили только одними словами; а тамъ!..“ Между прочимъ вотъ что говоритъ Мысловскій о сдѣланныхъ имъ запискахъ: „...пятеро главнѣйшіе изъ преступниковъ повѣшены на висѣлицѣ. Всѣ сіи обстоятельства, даже самыя мелочныя, коихъ я былъ ближайшимъ свидѣтелемъ, описаны мною въ особенныхъ запискахъ, и съ вѣрнѣйшею точностью, равно какъ и безпристрастіемъ. Здѣсь особенно вздумалъ я изобразить каждое изъ преступниковъ лице порознь со стороны нравственной и физической. Увѣряю, что портреты будутъ схожи съ оригиналами. Ибо во все время, проведенное мною съ преступниками, я успѣлъ воспользоваться довѣренностью каждаго изъ нихъ, и слѣдовательно безъ ошибки зналъ ихъ свойства, читалъ въ сердцахъ ихъ вещи сокровеннѣйшія. Описаніе сіе помѣщено будетъ и въ моихъ запискахъ, но случиться можетъ, что онѣ или утратятся, или, судя по прямотѣ и истинѣ, въ нихъ изображенной, подвергнутся преслѣдованію правительства. Политическіе гражданскіе разсчеты не всегда одобряютъ языкъ справедливый и чистосердечный, и въ самой вещи правда всегда глаза колетъ“. Записки эти пока еще, сколько извѣстно, не появлялись въ печати, и было бы жаль, еслибы онѣ дѣйствительно утратились.

Въ статьѣ—„Замѣтки неизвѣстнаго о декабристахъ и о русскихъ морякахъ прежняго времени“ сообщается нѣсколько поясненій и дополненій къ извѣстнымъ уже фактамъ о судьбѣ декабриста Г. С. Батенкова. На этой судьбѣ съ особенной наглядностью сказалось злобное отношеніе императора Николая I и его сотрудниковъ къ декабристамъ. Батенковъ состоялъ послѣднимъ по списку изъ третьяго разряда, т.-е. присужденныхъ, послѣ указа 22-го августа 1826 г., къ каторжнымъ работамъ на пятнадцать лѣтъ. Между тѣмъ Батенковъ былъ заключенъ, безъ всякаго объясненія истинныхъ причинъ, сначала въ фортъ Свартгольмъ (на Аландскихъ островахъ), а затѣмъ въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ и пробылъ, въ общей сложности,

двадцать лѣтъ въ одиночномъ заключеніи. Его не коснулись „всемилостивѣйшіе“ указы 1832 и 1835 гг., которыми до нѣкоторой степени облегчалась участь остальныхъ осужденныхъ, и никакихъ въ этомъ смыслѣ не дѣлалось особыхъ распоряженій о Батенковѣ, вплоть до 12-го февраля 1846 г., когда послѣдовало, по иниціативѣ гр. Орлова, высочайшее повелѣніе отправить его въ Томскъ на поселеніе. Каковы же были мотивы этого ничѣмъ не оправдываемаго, даже съ точки зрѣнія жестокихъ нравовъ Николаевской эпохи, измѣненія судебнаго приговора? „Батенковъ — разсказываетъ авторъ „Замѣтокъ“ — былъ сначала отправленъ въ Сибирь къ назначенному наказанію; его довезли до Новгорода (или что-то близъ этого мѣста), но тутъ его нагналъ фельдъ-егерь и воротилъ назадъ; дѣло было въ томъ, что кто-то доложилъ государю императору, что Батенковъ сибирскій уроженецъ, и что ссылка туда не будетъ ему наказаніемъ,—„поэтому-то онъ и былъ заключенъ въ крѣпость. Изъ двадцати лѣтъ одиночнаго заключенія девятнадцать Батенковъ провелъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ Петропавловки. Авторъ „Замѣтокъ“ объясняетъ „очень просто“ строгость, съ которой онъ содержался здѣсь все время: „декабристы состояли въ разныхъ мѣстахъ и подъ вѣдѣніемъ разнообразныхъ вѣдомствъ; каждое изъ нихъ представляло свои донесенія о нихъ отдѣльно; Батенковъ одинъ только не попадалъ ни въ какія донесенія и былъ какъ бы забытъ всѣми. Графъ Орловъ дѣйствительно первый обратилъ вниманіе на его заключеніе и облегчилъ первоначальную строгость; не знаю, были ли ему даны книги, но полагаю, что облегченіе это состояло прямо въ отправленіи на поселеніе въ Томскъ. Отчужденность отъ всего въ крѣпости была такова, что Батенковъ по правиламъ, существующимъ только для крѣпости, не могъ ни съ кѣмъ все время заключенія говорить и не зналъ даже, кто царствуетъ въ Россіи; а чтобы не отупѣть, не обезумѣть, онъ принялся, безъ всякаго средства и способа писать, работая только умомъ и воображеніемъ, повторять математику, причемъ все писалось, чертилось и вычислялось у него въ умѣ; и такимъ образомъ онъ повторилъ полный курсъ математики два или три раза“.

Человѣка, у котораго не было своего „вѣдомства“, можно было забыть въ каменномъ мѣшкѣ на цѣлыхъ двадцать лѣтъ, и неизбалованная память потомства обращаетъ благодарныя строки къ оберъ-жандарму гр. Орлову, открывшему несчастнаго узника и, какъ особую милость, испросившаго ему ссылку на поселеніе въ Сибирь! Извѣстно, что и послѣ двадцати лѣтъ одиночнаго заключенія Батенковъ нашелъ въ себѣ силы быть полезнымъ своей родинѣ, сдѣлавшись однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Сперанскаго,

Среди писемъ, помѣщенныхъ въ этой книгѣ „Сборника“, полна

психологическаго интереса серія писемъ Ю. В. Жадовской къ Ю. Н. Бартеневу; въ другихъ документахъ встрѣчаются отзывы о Пушкинѣ, Фетѣ (выдержка изъ письма гр. А. К. Толстого къ Маркевичу). Затѣмъ, здѣсь же находимъ нѣсколько писемъ И. С. Никитина, Н. Н. Раевскаго, А. А. Муханова и др.; любопытны также выписки изъ журнала неизвѣстнаго, подъ заглавіемъ „всякая всячина", гдѣ, между прочимъ, приводится немало характеристическихъ чертъ личности Загоскина.

IV.

— Арсеній Мацѣевичъ, митрополитъ Ростовскій и Ярославскій. Священника М. С. Попова. Спб. 1905.

Книга эта представляетъ собою обстоятельное, основанное на тщательномъ изученіи документовъ, изысканіе о жизни, дѣятельности и личности одного изъ характернѣйшихъ дѣятелей въ сферѣ церковнаго управленія въ Екатерининскую эпоху. Въ основу жизнеописанія митрополита Арсенія авторъ положилъ знаменитое дѣло его, созданное фанатическимъ протестомъ противъ секуляризаціи монастырскихъ имуществъ. Не подвергая принципіальному обсужденію самый предметъ, легшій въ основу борьбы между правительствомъ Екатерины и ростовскимъ митрополитомъ, авторъ вводитъ читателя въ обстановку административныхъ и церковныхъ порядковъ второй половины XVIII в. и на этомъ общемъ фонѣ старается обрисовать личность Арсенія привлекательными чертами. Но читатель невольно выноситъ двойственное впечатлѣніе. Правда, Арсеній высоко несъ знамя защитника достоинства русской церкви, былъ непреклоненъ въ своихъ убѣжденіяхъ, фанатиченъ въ своихъ убѣжденіяхъ и борьбѣ, но, съ другой стороны, знакомство съ сущностью его обличеній (напр., противъ лютеранъ и раскольниковъ) обнаруживаетъ въ немъ значительную узость взглядовъ; защита же монастырскихъ имѣній обнаруживаетъ кромѣ того, при всемъ произволѣ и грубости дѣйствій правительства, и непониманіе духа времени, что̀ само собой ставитъ Арсенія въ ряды наиболѣе косныхъ и до ослѣпленія упрямыхъ поборниковъ уже невозможнаго и для той эпохи консерватизма. Въ личной своей жизни Арсеній былъ скорѣе помѣщикъ и хозяинъ, чѣмъ пастырь духовный. Такъ, принявъ въ свое управленіе обширныя архіерейскія вотчины, ростовскій митрополитъ становится настоящимъ феодаломъ не только по традиціи, но и по свойству своего характера: по своему усмотрѣнію, онъ отбираетъ у дворянъ крѣпостные акты на занимаемыя ими земли архіерейскаго дома, творитъ судъ и расправу среди крестьянъ и ведетъ сельское хозяйство въ широкихъ размѣрахъ, при чемъ нѣкоторыми отраслями хозяйства занимается,

по выраженію автора, не только со вниманіемъ, но и съ увлеченіемъ. До страсти, напримѣръ, митрополитъ любилъ лошадей, которыхъ у него было до 600. Въ книгѣ приведено нѣсколько любопытныхъ наказовъ конюхамъ, въ которыхъ, между прочимъ, говорилось: „А которые конюхи будутъ пасти кобылъ—и смотрѣть за ними накрѣпко, дабы жеребца къ постороннимъ кобыламъ, конечно, не припускали; а если окажется въ томъ ихъ плутовство, то сѣчь ихъ плетьми безъ милости, а съ ѣздоками къ намъ писать о томъ. А буланому жеребцу ходить въ мірскомъ табунѣ, чтобъ у крестьянъ нашихъ отъ кобылъ завелись крупныя лошади для ихъ удовольствія, а крестьянамъ должно чувствовать оную нашу къ нимъ милость. А караванъ кобылъ нашихъ съ мірскимъ табуномъ близко, конечно, не сгонять, и того пастухамъ накрѣпко подтверждать, чтобъ жеребецъ съ жеребцомъ не сближались и между собой не грызлись, за что ты, Ѳедька конюхъ, съ управителемъ, старостою и съ выборнымъ немилосердно плетьми разсѣчены будете, со взятіемъ тяжкаго штрафа, и во ономъ ты съ ними будь согласенъ безъ опущенія“.

Самое „дѣло“ изложено фактически обстоятельно, но въ немъ недостаетъ характеристики общихъ условій, которыми были обставлены судъ и защита при Екатеринѣ II. Нѣкоторая односторонность въ изложеніи „дѣла“ лишаетъ читателя возможности представить тотъ общій фонъ, въ судебномъ и административномъ отношеніяхъ, на которомъ оно разыгралось. О личности Арсенія авторъ говоритъ въ такихъ выраженіяхъ: „Цѣлостность натуры Арсенія сказывалась какъ въ снисходительности къ обездоленнымъ, такъ и въ раздражительной неуступчивости тамъ, гдѣ онъ замѣчалъ несправедливость. И то и другое иногда сообщаетъ облику его черты замѣчательнаго великодушія. Онъ, напримѣръ, не только не преклонялся предъ страшнымъ временщикомъ герцогомъ Бирономъ, вмѣстѣ со всѣми, но, когда Бирона назначили регентомъ малолѣтняго императора Іоанна Антоновича, уклонился отъ присяги ему съ понятнымъ рискомъ подвергнуться опалѣ. Теперь же, во время пребыванія сверженнаго временщика въ Ярославлѣ, въ унизительной ссылкѣ, онъ же относится къ нему въ высшей степени участливо. Неудачи Бирона трогали Арсенія. „Удивительная вещь,—говорилъ онъ, по поводу неудачъ Бирона,—въ Митавѣ счастье Бироновъ, какъ сырая головня горитъ“. Впослѣдствіи Биронъ при всякомъ случаѣ выражалъ Арсенію за это свою благодарность. Противъ открытыхъ противниковъ законовъ и вѣры у него всегда вспыхивала необычайная энергія и гордое сознаніе властнаго защитника правды“.

Въ приложеніяхъ приведены полностью „доношенія“ Арсенія синоду, послужившія поводомъ для привлеченія его къ суду, и выговоръ

Екатерины замѣшанному въ дѣлѣ крутицкому архіерею Амвросію, текстъ котораго извлеченъ изъ бумагъ государственнаго архива. Поставляя на видъ необходимость секуляризаціи монастырскихъ имѣній, въ цѣляхъ государственныхъ, императрица говоритъ, между прочимъ: „Еже ли бы наше намѣреніе было излишними церковными доходами воспользоваться на другія свѣтскія дѣла, то и въ такомъ случаѣ мы бы одни за то Богу — предъ судомъ Его небеснымъ отвѣтъ дали, такъ какъ уже Его же святою силою никакому человѣческому суду мы не подвластны; но вы сами понимаете, что наша мысль не иная, какъ все только духовное имѣніе въ лучшій привести распорядокъ и на тѣ же богоугодныя дѣла распредѣлить, то не вящшей ли мы помощи отъ васъ самихъ духовныхъ надѣяться должны?“

Такъ совершалась эта борьба, въ которой обѣ стороны старательно обходили истинный предметъ спора — вопросъ о власти, впрочемъ тогда уже взвѣшенный судьбою.

Къ книгѣ приложены портретъ Арсенія, указатель и три снимка съ мѣста заключенія бывшаго ростовскаго митрополита.—Евг. Л.

Въ теченіе декабря мѣсяца, въ Редакцію поступили нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Абаза, К. К. — Азбука для начальныхъ военныхъ школъ и для обученія взрослыхъ вообще. Изд. 11-ое. Спб. 906. Ц. 60 к.

Акимовъ, В. (Махновецъ).—Очеркъ развитія соціалдемократіи въ Россіи. Спб. 906. Ц. 50 к.

Александрова-Игнатьева, П. П.—Практическія основы кулинарнаго искусства. Руководство для кулинарныхъ школъ и для самообученія, съ 108 рис. и съ приложеніемъ краткаго популярнаго курса мясовѣдѣнія М. А. Игнатьева. Изд. 4-е. Спб. 906. Ц. 3 р. 50 к.

Аннунціо, д', Габріель.—Разложеніе. Траг. въ 4 акт. Перев. С. Горвицъ. Спб. 906. Ц. 1 р.

Балталонъ, Ц. — Пособіе для литературныхъ бесѣдъ и письменныхъ работъ. 6-ое дополн. изд. М. 905. Ц. 75 к.

Березкинъ, Д. М. — Во тьмѣ вѣковой. Повѣсть и три разсказа изъ быта хлыстовъ, скопцовъ и бѣгуновъ. Спб. 905. Ц. 1 р. 50 к.

Великовъ, Л. — Сравнительная таблица русскихъ политическихъ партій. Спб. 906. Ц. 30 к.

Веревкинъ, Н. (Артурскій обыватель).—Страничка изъ дневника. Очерки изъ жизни осажденнаго Артура. Спб. 905. Ц. 1 р. 50 к.

Весинъ, С.—Сборникъ темъ и плановъ для сочиненій. Составл. по программамъ среднихъ учебныхъ заведеній. 7-ое исправл. и дополн. изд. Спб. 905. Ц. 80 к.

Варзаръ, В. Е.—Статистическія свѣдѣнія о стачкахъ рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ за 10-лѣтіе 1893—1904 г. Спб. 905. Ц. 75 к.

Виньоло.—Архитектурные ордера. Справочная книжка для архитекторовъ и строителей. Съ франц. Спб. 905. Ц. 1 р. 50 к.

Волковъ, Н.—Заразныя болѣзни и санитарно-гигіеническія условія. Владикавказъ, 905. Ц. 15 к.

Грановскій, Т. Н.—Избранныя сочиненія. М. 906. Ц. 75 к.

*Дерунов*ъ, К. Н.—Примѣрный библіотечный каталогъ. Сводъ лучшихъ книгъ на русскомъ языкѣ съ 60-хъ годовъ по 1905-й годъ. Ч. I. Спб. 906. Ц. 60 к.

Дьяковъ, свящ. Н.—Въ Манчжуріи съ сибирскими стрѣлками. 1904 г. Спб. 905. Ц. 1 р. 25 к.

Зорненфрей, Г.—Въ средней школѣ. Мелкія замѣтки. I. Спб. 906. Ц. 20 к.

Кони, А. Ѳ.—Очерки и воспоминанія. Публичныя чтенія, рѣчи, статьи и замѣтки. Спб. 906. Ц. 4 р.

Мырный, Панасъ.—Книжка друга творивъ. У Кыиви. 905. Ц. 1 р. 50 к.

Нижегородцевъ, М. Н. — Алкоголизмъ и Коммиссія Русскаго Общества охраненія народнаго здравія по этому вопросу. Спб. 905.

Николаевъ, А. А.—Очерки по исторіи японскаго народа. Т. I. Ц. 1 р.

Онкенъ, Германъ. — Фердинандъ Лассаль, какъ политическій дѣятель. Съ нѣм. А. Ивашкевичъ. Спб. 906. Ц. 1 р. 50 к.

Отоцкій, П. В. — Грунтовыя воды, ихъ происхожденіе, жизнь и распредѣленіе. Ч. II: Грунтовыя воды и лѣса, преимущественно на равнинахъ среднихъ широтъ. Спб. 905.

Пликеръ, А. П.—Справочная книжка для лѣсныхъ хозяевъ. Спб. 905. Цѣна 2 рубля.

Рейснеръ, М. А. — Государство и вѣрующая личность. Сборникъ статей. 905. Ц. 2 р. 50 к.

Стебутъ, И. А.—Сборникъ статей по вопросамъ женскаго сельско-хозяйственнаго образованія, п. р. В. И. Срезневскаго. Спб. 905.

Строевъ, Н.—Историческій моментъ. I-й Московскій съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей. Спб. 906. Ц. 30 к.

Толстой, Левъ.—Великій грѣхъ. Спб. 905. Ц. 10 к.

Умановъ-Каплуновскій, В. В.—Старость Донъ-Жуана. Ком. въ 3 д. Лефевра Сентъ-Огапи. Перев. съ франц. Ц. 1 р.

Федоровъ, М. П. — Финансово-хозяйственная программа г. Петербурга на 1905 годъ. Спб. 905.

Федоровъ, П. А.—Постройка дома. Справочная книга и руководство для домовладѣльцевъ, десятниковъ и завѣдывающихъ постройкой дома. Съ 124 рис. въ текстѣ. Спб. 905. Ц. 1 р.

Фтита.—Христіанство и политика. Спб. 905.

Ходырева, М.—Намеки и облики. Сказки. Спб. 906. Ц. 1 р.

Штуцеръ, А., проф. — Практическое наставленіе къ составленію кормовыхъ дачъ. Перераб. и дополнилъ, примѣнительно къ русскимъ условіямъ, Ав. Калонтаръ. Спб. 906. Ц. 30 к.

Яновьска, П.—Оповидання. У Кыиви. 905. Цина 75 к.

— Deux ans de réformes en Macédoine. 1903—1905. Par un Ex-Diplomate. Géneve. 905.

— Библіотека „Общественной пользы“: 1) В. М. Гаршинъ, То, чего не было—Лягушка-путешественница—Сказка о жабѣ и розѣ. 2) Ф. Нефедовъ, Въ туманѣ. 3) Д. Аизманъ, Исторія одного преступленія. 4) Ф. Лассаль, О сущ-

ности конституціи, съ нѣм. 5). В. Гаршинъ, Четыре дня. 6) Поль Луи, Рабочее законодательство въ странахъ Стараго и Новаго Свѣта, съ французск. Г. Салиберъ. 7) С. Каронинъ, Снизу вверхъ, исторія одного рабочаго. 8) С. Цейтлинъ, Избирательное право въ современныхъ государствахъ конституціонныхъ. 9) Его же, Учредительныя и законодательныя собранія въ конституціонныхъ государствахъ. Спб. 905.

— Изданія О. Н. Поповой: № 64. Доисторическій человѣкъ, М. Сабининой, ц. 15 к.—№ 81. Франція, Е. Сно, ц. 10 к.—№ 84. Италія, Е. Сно, ц. 10 к.—№ 85. Голландія, Е. Сно, ц. 6 к.—№ 86. Бельгія, Е. Сно, ц. 7 к. Спб. 906.

— Матеріалы для оцѣнки земель Владимірской губерніи. Т. X: Шуйскій уѣздъ. Вып. II: Свѣдѣнія о крестьянскомъ хозяйствѣ. Владим.-на-Кл. 905.

— Отчетъ по С.-Петербургскому столичному судебному мировому округу за 1904 годъ. Спб. 905.

— Сводъ свѣдѣній о финансовыхъ результатахъ и главныхъ оборотахъ по казенной продажѣ питей за 1904 годъ. Составл. по отчет. губерн. Акцизн. Управленій. Спб. 905.

— Статистика производствъ, облагаемыхъ акцизомъ. 1903-ій годъ, съ предварительными данными за 1904 г. Изд. Главнаго Управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей по статистическому отдѣленію. Выпускъ II. Спб. 905.

— Человѣкъ въ природѣ. Мысли о познаніи Бога. Кіевъ, 905. Ц. 30 к.

— Рефераты и работы. 1902—1904 гг. Студенческій „Кружокъ Политической Экономіи“ при Спб. университетѣ. Спб. 905. Ц. 1 р. 75 к.

— Черниговскій Историко-Археологическій отрывной Календарь. 1906-й г.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

René Doumic. Études sur la littérature Française, 5-ème sèrie. Paris, 1905.
Charles Maurras, L'avenir de l'Intelligence, Paris. 1905.
Jean Lionnet, L'évolution des idées chez quelques uns de nos contemporains.

Нѣсколько сборниковъ критическихъ очерковъ, вышедшихъ во Франціи въ теченіе минувшаго года, даютъ болѣе или менѣе ясное представленіе о томъ, что̀ выдвинулось за послѣднее время, и по нимъ можно судить о преобладающихъ идейныхъ интересахъ въ разныхъ областяхъ новѣйшей французской литературы.

Романъ, какъ всегда, продолжаетъ занимать первенствующее мѣсто въ литературномъ производствѣ, но въ этой области намѣчаются существенныя измѣненія. Всѣ обозрѣватели указываютъ на паденіе чисто психологическаго романа, очень распространеннаго еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и на преобладаніе романа общественнаго и коллективнаго, посвященнаго не изученію индивидуальностей, а психологіи большихъ общественныхъ группъ или же совокупности націи въ яркія политическія и соціальныя эпохи. Ренэ Думикъ въ своихъ новыхъ очеркахъ, „Études sur la littérature Française", объясняетъ господство общественнаго романа реакціей противъ крайностей натурализма. Главари натуралистической школы, Зола, Мопассанъ и другіе, далеко не безъидейны. Они „протоколировали" дѣйствительность, но вкладывали въ изображеніе ея свою тоску о неосуществимости должнаго и желаннаго въ жизни людей. У продолжателей же ихъ принциповъ натурализмъ свелся къ безсмысленному воспроизведенію реальныхъ явленій и къ старательному устраненію фантазіи. Реакціей во имя правъ воображенія является новѣйшій типъ романа. Реакція эта выразилась прежде всего въ нарожденіи историческаго романа, обращеннаго не на далекое прошлое, а на непосредственно предшествовавшее современной дѣйствительности, на то, что̀ еще живо въ памяти и въ чувствахъ. Воображенію дается, однако, больше свободы при изображеніи героическихъ моментовъ хотя бы не очень отдаленнаго прошлаго, чѣмъ при непосредственномъ воспроизведеніи будничной дѣйствительности. Но принципъ реализма, т.-е. документированной правды, сохраняется въ историческомъ романѣ новѣйшаго образца. Онъ поэтому и является примиреніемъ принциповъ реализма съ правами художественной фантазіи. Образцами

этого рода романа является трилогія братьевъ Маргеритъ, „Le Désastre“, „Tronçons du glaive“, „Les Braves gens“, посвященная франко-прусской войнѣ. Въ первомъ романѣ этой серіи разсказана болѣе отрадная для патріотическаго сознанія часть національной эпопеи, самая борьба противъ сильнаго врага со всѣми проявленіями героизма борцовъ за родину. Второй романъ, „Tronçons du glaive“, возсоздаетъ наиболѣе тягостный моментъ исторической драмы—нашествіе врага, занявшаго и столицу, и провинціи Франціи. Особенность романистовъ, возсоздающихъ столь болѣзненный для національнаго самосознанія моментъ, заключается въ томъ, что они не впадаютъ въ пессимизмъ, повѣствуя о національныхъ бѣдствіяхъ, а проникнуты вѣрой въ жизненность своего народа, который съумѣетъ осилить всѣ испытанія судьбы. Въ психологіи опустошенной завоеванной Франціи они видятъ и выдвигаютъ одно основное чувство—страстную любовь къ родинѣ и воплощаютъ ее въ національныхъ герояхъ той эпохи. Вокругъ этой основной идеи группируются многочисленные, даже загромождающіе въ значительной степени романъ эпизоды, основанные на документальномъ изученіи источниковъ. Реализмъ романа, такимъ образомъ, обусловливается его исторической основой, а по своему идейному освѣщенію онъ составляетъ противовѣсъ психологическому роману съ его надоѣвшими адюльтерными интригами. Появленіе такихъ романовъ, какъ трилогія братьевъ Маргетитъ, интересно главнымъ образомъ симптоматически. „Авторамъ и публикѣ, повидимому, наскучили слишкомъ использованныя формы современнаго романа“,—говоритъ Думикъ. — „Идеалистическій романъ впалъ въ чрезмѣрную слащавость, романъ реалистическій—въ чрезмѣрную грубость. Психологическій романъ убилъ самъ себя, злоупотребивъ правомъ быть скучнымъ. Романъ интриги исчезъ съ того момента, какъ рѣшили, что въ романѣ и въ драмѣ ничего не должно происходить. Адюльтерный романъ упалъ на степень чисто ремесленнаго предпріятія и стоитъ почти внѣ литературы“. Для обновленія романа новѣйшіе беллетристы стали прибѣгать къ разработкѣ историческаго матеріала. При этомъ, въ противоположность прежнему историческому роману, современный основывается не на фантазіи, а на основательной документировкѣ, что̀ приближаетъ его къ принципамъ реализма. Этого рода литература насчитываетъ въ послѣднее время много образцовъ. Думикъ называетъ, кромѣ трилогіи братьевъ Маргеритъ, серію романовъ Баресса подъ общимъ заглавіемъ: „романъ національной энергіи“. Въ нихъ интересъ сосредоточенъ на коллективной психологіи страны въ опредѣленный историческій моментъ. Идея всѣхъ трехъ романовъ заключается въ выясненіи связи между психологіей соціальныхъ группъ и національной почвой, и каждый изъ трехъ романовъ, связанныхъ

этой общей мыслью, посвященъ отдѣльной чертѣ обще-національной психологіи. Въ одномъ, „Les Déracinés“, разсматривается трагедія безпочвенности—разсказывается исторія группы молодыхъ лотарингцевъ, оторвавшихся отъ почвы и совершенно потерянныхъ оттого, что они не черпаютъ изъ источника національной энергіи. Только въ единеніи съ душой народа Баресъ видитъ залогъ сильной и плодотворной культуры. На этой націоналистской точкѣ зрѣнія Баресъ стоитъ и въ другихъ романахъ, въ „L'appel au soldat“, гдѣ онъ объясняетъ психологію популярности, иногда совершенно не оправдываемой истинными достоинствами любимца толпы, и показываетъ, что дѣло не только въ искусной рекламѣ, а въ непремѣнномъ соотвѣтствіи идеи, воплощенной въ популярномъ человѣкѣ, съ общими желаніями націи въ данный моментъ. Въ третьемъ романѣ, „Leurs figures“, изображена психологія парламентаризма. Въ немъ изображена очень пессимистически атмосфера эгоистическаго страха, въ которомъ живутъ парламентскіе дѣятели въ острые моменты кризиса, и развитіе всѣхъ отрицательныхъ чертъ характера подъ вліяніемъ этого страха. Въ романахъ Баресса много тенденціознаго, но во всякомъ случаѣ они интересны своимъ идейнымъ замысломъ и тѣмъ, что они основываются на изученіи историческихъ документовъ, мемуаровъ и т. д. Историческій и коллективный романъ новаго типа представленъ и множествомъ другихъ произведеній. Всѣ романы Поля Адана написаны серіями и относятся къ французской жизни Наполеоновской поры, или къ другимъ эпохамъ XIX-го вѣка, причемъ во всѣхъ нихъ психологія массъ преобладаетъ надъ непосредственнымъ изложеніемъ романтической интриги въ противоположность историческому роману стараго типа. Одинъ изъ самыхъ выдающихся, или, вѣрнѣе, самый выдающійся представитель нео-историческаго романа—Анатоль Франсъ, написавшій цѣлый рядъ романовъ подъ общимъ заглавіемъ „Современная исторія“. Въ нихъ художественный вымыселъ тѣсно переплетается съ фактами текущей общественной жизни. Его послѣдняя книга, „На бѣлыхъ камняхъ“, вполнѣ примыкаетъ къ этому жанру. Въ своемъ перечнѣ образцовъ коллективнаго, историческаго и соціальнаго романа Ренэ Думикъ указываетъ также на романы Вогюэ, Эдуарда Рода и другихъ; они тоже перешли отъ анализа индивидуальной воли, составлявшаго центръ тяжести психологическаго романа со всѣми его разновидностями, къ изученію общественныхъ группъ и ихъ психологіи.

Другой литературный обозрѣватель, Шарль Морра, въ своей книгѣ „L'Avenir de l'Intelligence“, разсматриваетъ другую разновидность современнаго французскаго романа—произведенія женщинъ. Ихъ можно

выдѣлить въ отдѣльную группу, потому что въ нихъ намѣчаются, наряду съ индивидуальными особенностями каждаго автора, цѣлый рядъ общихъ чертъ. Морра говоритъ наиболѣе подробно о двухъ романисткахъ, которыя пріобрѣли извѣстность за послѣдніе годы: это м-мъ де-Ренье и графиня де-Ноайль. М-мъ де-Ренье, выступившая сначала подъ псевдонимомъ Жераръ де-Нерваль,—дочь поэта Эредіа. Она унаслѣдовала отъ отца любовь къ звучности стиха, но по точности рисунка и выдержанной простотѣ формы въ своихъ стихахъ обнаруживаетъ полную самостоятельность. Въ поэзіи м-мъ де-Ренье есть любовь къ жизни предметовъ—вмѣсто любви къ словамъ ея отца, есть ясность воображенія, идейность, замѣняющая мечтательность—и эти качества отличаютъ ея творчество отъ поэзіи ея мужа, Анри де-Ренье, и приближаютъ ее къ традиціямъ французскаго классицизма. Въ своемъ прозаическомъ романѣ, „L'Inconstante", м-мъ де-Ренье тоже обнаруживаетъ трезвое, вдумчивое отношеніе къ женской душѣ и соединяетъ почти циничный скептицизмъ съ поэтичностью. Ея героиня бравируетъ правдивостью, измѣняетъ съ полнымъ спокойствіемъ и простотой, и это откровенное признаніе своихъ инстинктовъ, это отсутствіе лицемѣрія передъ самой собой придаетъ жизненность и привлекательность героинѣ романа, которая, при всемъ своемъ инстинктивномъ непостоянствѣ, способна на искреннюю страсть и непосредственную красоту чувствъ. Романъ задуманъ въ духѣ Анатоля Франса, съ его пониманіемъ человѣческихъ слабостей, съ такой же, какъ у него, поэзіей и теплотой на фонѣ безпощадной правдивости. Но, разбирая этотъ романъ, критикъ м-мъ де-Ренье справедливо указываетъ на уклоненіе автора въ сторону романтизма. Ея пониманіе жизни и страсти—отголосокъ старой романтики. Правдиво поэтичный и граціозно скептическій романъ заканчивается слезливо и добродѣтельно, съ оттѣнкомъ толстовства—скорѣе напускного. Такой же романтизмъ портитъ новѣйшій романъ м-мъ де-Ренье, „L'Esclave"; при несомнѣнной серьезности и продуманности замысла, авторъ впадаетъ въ расплывчатость изъ-за чрезмѣрнаго изобилія романтическихъ живописныхъ деталей.

Романтизмъ стараго типа, т.-е. сентиментально преувеличенное представленіе о чувствахъ, Шарль Морра считаетъ общей чертой даже лучшихъ современныхъ писателей, и доказываетъ это на примѣрѣ прославившейся за послѣднее время графини де-Ноайль. Въ ней склонность къ экзальтаціи подчеркивается еще ея южнымъ происхожденіемъ. Она родомъ полу-гречанка, полу-румынка, но воспитанная на французской литературѣ; наиболѣе сильно отразилось на ней вліяніе Бодлэра и романтизма 30-хъ годовъ прошлаго вѣка. Въ ея романѣ „Новая надежда" прославляется меланхолія и всѣ чувства, сопровождающія романтическую любовную страсть. Всѣ инциденты фабулы

подчинены одной основной мысли — изображенію власти „демона любви“, котораго убиваетъ въ героинѣ только смерть. Книга написана съ необычайной пламенностью и трагизмомъ въ изображеніи любви, настолько сосредоточенной въ самой себѣ, что теряется даже связь съ предметомъ любви. Чувство перерождается въ любовь къ любви, становится абсолютной любовью къ себѣ и, порывая всѣ связи съ міромъ дѣйствительности, приводитъ къ неминуемому самоубійству. Мотивировка самоубійства героини—вполнѣ романтическая, и въ этомъ смыслѣ очень сильная. Ей соотвѣтствуетъ стиль романа, соединяющій всѣ свойства романтическаго идеала: напряженность, любовь къ странности и извращенности, упоенность самыми словами и сочетаніемъ ихъ. Графиня де-Ноайль подбираетъ одно къ другому слова съ чисто женской любовью къ подбору гармонирующихъ и эффектныхъ сочетаній красивыхъ тканей. Эта любовь къ словамъ и звукамъ составляетъ особенность декадентской школы Малармэ, непосредственно связанной съ романтизмомъ Бодлэра и его предшественниковъ въ 30-хъ годахъ. Женщины-романистки, въ особенности м-мъ де-Ноайль, не впадая въ непонятный жаргонъ декадентовъ, продолжаютъ въ своихъ произведеніяхъ традиціи романтизма, примѣняя ихъ къ болѣе сложной современной психологіи. Чисто романтическія черты, однако, скорѣе портятъ ихъ произведенія, отвлекая ихъ отъ идейной правды въ сторону душевной экзальтаціи, всегда таящей въ себѣ нѣкоторую ложь.

О женщинахъ-романисткахъ говоритъ и другой изъ литературныхъ обозрѣвателей за минувшій годъ, Жанъ Ліонэ, въ своей книгѣ: „L'Evolution des idées chez quelques uns de nos contemporains“. Но романистки, которымъ онъ удѣляетъ много вниманія, относятся къ иному разряду, нежели м-мъ де-Ренье и графиня де-Ноайль съ ихъ романтически экзальтированнымъ воображеніемъ. Онъ разбираетъ два романа, отражающіе психологію современной французской женщины съ ея проснувшимся сознаніемъ своей духовной личности. Число французскихъ романистокъ очень возросло за послѣднее время. Кромѣ названныхъ нами выше писательницъ, большой и заслуженной извѣстностью пользуются Марсель Тинэръ, Мирьямъ Гарри и другія. Въ идейномъ отношеніи критикъ ставитъ этихъ современныхъ романистокъ выше Жоржъ-Зандъ. Она всегда излагала теоріи, заимствованныя у друзей („le style c'est l'homme“,—говорила про нее одна „сестра по перу“, м-мъ де-Жирардэнъ, ядовито приводя въ особомъ смыслѣ извѣстное изреченіе Бюффона); современныя романистки самостоятельны въ области мысли и создаютъ теоріи жизни, идущія даже часто въ разрѣзъ со взглядами ихъ собратьевъ-мужчинъ. Какъ

образецъ женскаго романа, проводящаго самобытныя идеи, а также изучающаго новые типы женщинъ, Ліонэ приводитъ очень интересный романъ Колеты Иверъ, носящій странное заглавіе—„Cervelines“. Слово это—неологизмъ, созданный романисткой для обозначенія современныхъ женщинъ, живущихъ больше головой, нежели сердцемъ. Одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ романѣ впервые произноситъ это слово и такъ поясняетъ его своему пріятелю въ теоретической бесѣдѣ о современной женщинѣ: „Это—женщины, которыхъ теперь множество и въ Парижѣ, и даже въ провинціи. Романисты предостерегали отъ опасности, которую представляютъ для общества кокетки, авантюристки, порочныя женщины. Но опасность, грозящая со стороны женщинъ, живущихъ головой,—cervelines—гораздо бо́льшая. Тѣ все-таки были женщины. Лживыя или порочныя, онѣ все-таки насъ любили... онѣ были подругами, иногда глупыми, коварными или необузданными... но подругами, отдававшими намъ свое сердце. Эти же живутъ только головой, дѣятельностью мозга. У нихъ есть всѣ качества самыхъ прекрасныхъ женщинъ—всѣ, кромѣ сердца; иногда даже у нихъ есть сердце, но въ немъ нѣтъ любви.

„— Ты, однако, далеко не феминистъ,—прерываетъ психолога современной женщины его другъ, и въ отвѣтъ на это авторъ устами своего героя объясняетъ разницу между феминисткой и cerveline. — Ты думалъ, что я говорю о феминисткахъ,—говоритъ Жанъ Сесиль, придумавшій названіе cervelines, — объ этихъ воинствующихъ проповѣдницахъ ненависти къ мужчинамъ, которыя, однако, во всемъ подражаютъ мужчинамъ? Дѣло не въ нихъ, и онѣ не опасны. Опасны женщины, сохранившія обаяніе женственности, тѣ, которыя не изъ принципа отвергаютъ мужчинъ, а, живя исключительно головными интересами, просто не нуждаются въ любви. Онѣ не выходятъ замужъ, но на нихъ не смотрятъ какъ на старыхъ дѣвъ; онѣ—самостоятельныя личности. Ихъ теперь всюду огромное множество — и въ этомъ виноваты мужчины. Случился переворотъ въ отношеніяхъ половъ. Мужчина, вотъ уже два-три поколѣнія, какъ отказывается заботиться о женщинахъ. Это идетъ со временъ Бальзака, съ начала царства денегъ. А теперь женщины научились обходиться безъ мужчинъ и не хотятъ брать на себя заботу о нихъ“.

Этотъ новый типъ представленъ въ романѣ двумя женщинами, изъ которыхъ одна—врачъ, а другая—профессоръ исторіи. Вторая изъ нихъ вполнѣ женственна и, полюбивъ молодого доктора, радуется перспективѣ семейнаго счастья. Она говоритъ, что не принадлежитъ къ числу cervelines—къ великой радости жениха, который уже въ жизни разъ пострадалъ, полюбивъ женщину, слишкомъ увлеченную умственными интересами. Но когда обстоятельства такъ складываются, что

Марселина—такъ зовутъ молодую ученую дѣвушку—должна оставить чтеніе лекцій и научныя занятія, выходя замужъ,—она отказываетъ жениху, заявляя ему, что все-таки она — cerveline. Его печальный выводъ изъ двухъ пережитыхъ имъ разочарованій въ любви заключается въ словахъ, которыя онъ говоритъ на похоронахъ молодой дѣвушки, умершей отъ чахотки: „любовь исчезаетъ!“

Наиболѣе яркой и цѣльной выразительницей типа cerveline является вторая героиня романа, женщина-врачъ, Жанна Боркъ, гордая, съ чисто мужскимъ умомъ и свободная отъ любви. Очень оригинальны вложенныя въ ея уста разсужденія о материнствѣ и любви къ дѣтямъ. Въ нихъ есть намекъ на новое, свободное отношеніе къ семьѣ, есть мысль о томъ, что любовь къ *своимъ* дѣтямъ съуживаетъ любовь къ дѣтямъ вообще, что семейное начало, какъ исключительный идеалъ для женщины, противорѣчитъ и индивидуальной свободѣ, и благу общества, какъ цѣлаго. Вотъ что отвѣчаетъ Жанна Боркъ своей подругѣ на вопросъ, неужели она не хочетъ имѣть дѣтей: „Мнѣ не нужны дѣти, которыя были бы непремѣнно моими. Женщина должна быть матерью, не правда ли? Знаю. Но почему не предоставить мнѣ права выбирать для себя ту жизнь, которая мнѣ по душѣ? Я тоже противъ безполезныхъ существованій. Но развѣ я безполезна? Развѣ я не исполняю общественной функціи? Будь у меня свои дѣти, развѣ бы я такъ заботливо ухаживала за чужими дѣтьми, какъ я это дѣлаю теперь? Я бы произвела на свѣтъ одного собственнаго ребенка, но сколькимъ другимъ я изъ-за этого дала бы умереть отъ крупа. Нѣтъ, хотя у меня нѣтъ ни мужа, ни дѣтей, я все же считаю себя вполнѣ цѣльной личностью, исполняющей свое назначеніе въ общественномъ организмѣ. Я каждый день посвящаю около десяти часовъ работы изученію средствъ для облегченія человѣческихъ страданій; я оперирую и лечу больныхъ, углубляюсь въ науку, вношу свою долю въ общее движеніе науки, и вы рѣшаетесь утверждать, что я не исполняю своего долга?“

Эта апологія духовной самобытности женщины сильна тѣмъ, что даетъ логическіе доводы въ пользу свободы, опредѣляющей призваніе къ тѣмъ или другимъ нормамъ жизни. Въ противоположность феминизму съ его сектантской узкостью, такого рода защита индивидуальной инициативы чрезвычайно цѣнна, какъ противовѣсъ эгоизму семейственности, подъ закономъ котораго жила женщина до сихъ поръ—во Франціи болѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Еще одна книга, „L'un vers l'autre“, м-мъ Компэнъ, тоже характерна, какъ протестъ противъ уничтоженія духовной личности женщины въ бракѣ. Условія жизни, обрисованныя въ этомъ романѣ, вообразимы только въ буржуазной французской средѣ, гдѣ самостоятельность убѣжденій жены кажется чѣмъ-то непріемле-

мымъ, и тѣмъ отраднѣе, что нарождается поколѣніе сознательныхъ, идейно самобытныхъ женщинъ, которыя и изображаются новѣйшими романистками въ ихъ произведеніяхъ. Объединяя всѣ данныя относительно новѣйшихъ теченій во французскомъ романѣ, можно сдѣлать благопріятный выводъ, отмѣтивъ обновленіе идейнаго содержанія беллетристики. Адюльтерный романъ вовершенно выдѣленъ изъ литературы и сдѣлался достояніемъ литературныхъ ремесленниковъ, въ то время какъ писатели съ серьезнымъ литературнымъ именемъ вводятъ въ художественное творчество идеи, примыкающія къ духовнымъ вопросамъ и интересамъ всего общества въ цѣломъ.

И не только въ романѣ, а и въ поэзіи замѣчается такое же влеченіе къ коллективнымъ идеямъ. Самый выдающійся современный французскій поэтъ, Эмиль Верхарнъ,—бельгіецъ, тѣсно связанный съ Франціей общностью языка и мысли. Онъ соединяетъ идеалы прежней эстетической школы съ ея стремленіями къ обособленной красотѣ стиха, къ новизмѣ ритма и новизнѣ оттѣнковъ съ идейнымъ содержаніемъ, отражающимъ борьбу въ современномъ обществѣ за обновленныя справедливыя нормы жизни. Верхарнъ — вдохновенный пѣвецъ мятежныхъ трудовыхъ массъ, отстаивающихъ свои права. Считая Верхарна главой современной французской поэзіи, мы видимъ въ его лицѣ самую характерную особенность новѣйшаго фазиса литературной жизни,—какъ во Франціи, такъ и въ другихъ странахъ,—сліяніе высшаго индивидуализма съ духомъ общественности во имя вѣчныхъ идеаловъ справедливости. Поэзія Верхарна до крайности субъективна, что̀ не мѣшаетъ ему быть пророкомъ трудящихся массъ. Есть во Франціи много другихъ поэтовъ, занятыхъ болѣе обособленными, чисто художественными задачами, но духъ времени, сказывающійся какъ въ романѣ, такъ и въ поэзіи и въ другихъ литературныхъ областяхъ, заключается въ синтезѣ индивидуализма и коллективности.

II.

Hermann Sudermann. Das Blumenboot. Schauspiel in 4 Akten. Berlin, 1905. J. G. Cotta'sche Buchhandlung.

Въ своей новой пьесѣ „Лодка въ цвѣтахъ“ Германъ Зудерманъ возвращается къ темѣ, которую разрабатывалъ въ прославившей его „Родинѣ“. Онъ опять поднимаетъ вопросъ о женской свободѣ въ области любви,—и любопытно сравнить, какъ за промежутокъ многихъ лѣтъ („Родина“ написана въ 1893 году) драматургъ измѣнилъ свое отношеніе къ этическимъ проблемамъ, и посмотрѣть, въ какую сторону

совершился его уклонъ—въ сторону ли защиты правъ личности—или къ примиренію съ традиціонной буржуазной моралью.

Собственно говоря, и въ знаменитой „Родинѣ“, такъ же, какъ и въ новѣйшей варіаціи на эту тему, рѣчь идетъ не о свободѣ въ высокомъ значеніи этого слова. Магда, героиня „Родины“, отстаиваетъ свои права на образъ жизни куртизанки, на роскошь и прожиганіе жизни. Къ этому сводится та апологія свободы, которою Магда хочетъ увлечь свою молоденькую невинную сестру. Эта сцена производитъ на вдумчиваго зрителя скорѣе тягостное впечатлѣніе, потому что актриса Магда ратуетъ въ ней за самыя низменныя формы свободы; нельзя даже не посочувствовать ея ограниченнымъ, тупымъ родителямъ, которые все-таки готовы принести жертвы своему идеалу добра, хотя бы и ложному, въ то время какъ цѣль ихъ дочери—легкомысленное веселье. Но все-таки Магда облагорожена своимъ пониманіемъ любви и материнства, какъ свободныхъ, но тѣмъ болѣе священныхъ обязательствъ. Этимъ и объясняется то обаяніе, которымъ драма Зудермана пользуется до сихъ поръ на всѣхъ сценахъ. Глубокое мѣщанство житейскихъ идеаловъ Магды—почти такое же глубокое, какъ условная мораль ея родителей,—какъ-то не замѣчается; въ ней видятъ только проповѣдь благородной свободной любви. Кромѣ того, конечно, сила Зудермана—въ большомъ сценическомъ умѣніи; его героиня чрезвычайно интересна для всякой артистки, какъ роль, въ которой можно выказать цѣлую гамму разнообразныхъ чувствъ.

Сценическій талантъ Зудермана остается вѣренъ себѣ и въ его новѣйшей пьесѣ. „Лодка въ цвѣтахъ“ изобилуетъ эффектными сценами, и роль героини—Магды новѣйшаго образца—должна привлекать всякую артистку. Но по внутреннему содержанію она гораздо ниже „Родины“, потому что тотъ же вопросъ взятъ болѣе плоско и разрѣшенъ откровенно въ сторону идеаловъ буржуазности. Замыселъ пьесы сводится къ тому, что нѣсколько женщинъ разнаго возраста и разныхъ характеровъ хотятъ отвоевать себѣ въ жизни право наслаждаться земными радостями, понимая ихъ въ смыслѣ свободы любовныхъ приключеній, и выводъ пьесы, ея мораль, состоитъ въ побѣдѣ твердыхъ семейныхъ устоевъ надъ этими проявленіями односторонне понятой женской эмансипаціи.

Никакихъ облагораживающихъ мотивовъ, какъ въ артистическихъ порывахъ Магды, нѣтъ у трехъ проповѣдницъ свободной и веселой жизни въ новой пьесѣ Зудермана,—и поэтому ихъ психологическія переживанія не кажутся дѣйствительной борьбой за болѣе свободную и широкую жизнь. Женщиной, осуществившей идеалъ свободы и вмѣстѣ съ тѣмъ житейскаго благополучія, является баронесса Эрфлин-

генъ, еще красивая мать двухъ взрослыхъ дочерей. Она въ своей жизни ставила выше всего культъ удовольствія, и устраивала свою жизнь согласно съ своими желаніями. Первый ея мужъ былъ компаньонъ ея отца въ ихъ крупномъ торговомъ предпріятіи, и она вышла за него замужъ изъ практическихъ соображеній. Но затѣмъ ея принципомъ стала жизнь для удовольствія, и жертвой ея похожденій сталъ ея братъ,—онъ погибъ на дуэли, какъ мститель за честь сестры. Послѣ молодости, подчиненной закону наслажденія, она стала женой послѣдняго изъ своихъ возлюбленныхъ, ради титула баронессы, и живетъ въ домѣ старика отца, главы богатой торговой фирмы; мужъ ея, баронъ, занимаетъ мѣсто терпимаго прихлебателя, къ которому его собственная жена относится съ легкимъ пренебреженіемъ, а фактическій хозяинъ дѣла, мужъ старшей дочери баронессы отъ перваго брака,—съ нескрываемымъ презрѣніемъ. Баронесса проявляетъ и подъ старость свое „искусство жизни“, устраиваетъ для себя рамки, достойныя ея вкусовъ и требованій. Когда любовь перестаетъ играть роль въ ея жизни, она окружаетъ себя роскошью и красотой, составляющими замѣну другихъ радостей, — и затѣмъ дѣятельно и убѣжденно пріобщаетъ къ своему культу жизненныхъ наслажденій своихъ двухъ дочерей. „Я стремлюсь для васъ,—говоритъ она своей младшей дочери,—не къ банальному прожиганію жизни—это слишкомъ мелко для такихъ женщинъ, какъ мы... Такія натуры созданы для того, чтобы смотрѣть на міръ какъ на веселую панораму, движущуюся передъ нашими взорами. Или, вѣрнѣе, намъ кажется, что она движется; на самомъ дѣлѣ мы идемъ своимъ путемъ... не останавливаясь ни передъ чѣмъ. И всякій балластъ неудобенъ въ пути. Нужно, чтобы даже собственный мужъ оставался на берегу и только оттуда кивалъ намъ“. Для достиженія этого идеала она совѣтуетъ дочерямъ не любить самимъ, а только позволять любить себя, и проповѣдуетъ дочерямъ, чтобы онѣ заботились о внутреннемъ освобожденіи, о самобытности, — говоря, что на высотѣ такого свободнаго идеала жизни и культа наслажденій не можетъ быть мѣста для признанія за собой какой-либо вины. Она хочетъ, чтобы дочери ея стали наслѣдницами ея крови, ея искусства жизни, ея стремленія къ красотѣ. Она сулитъ имъ вѣнецъ наслажденій, свободныхъ отъ сознанія какой-либо виновности.

Столкновеніе этой жизненной философіи съ противоположнымъ, чисто этическимъ отношеніемъ къ семейному началу и составляетъ содержаніе пьесы Зудермана. Столкновеніе это происходитъ въ судьбѣ двухъ дочерей баронессы, Рафаэлы и Тэа. Обѣ онѣ находятся почти подъ гипнотическимъ вліяніемъ воли матери, считаютъ ее во всемъ правой и при ея помощи идутъ по наклонной плоскости „свободы и

наслажденія". Ихъ мужья, очень различные, оба однако становятся защитниками семейной добродѣтели, и нравственная побѣда—на ихъ сторонѣ. Въ противоположность „Родинѣ" культъ свободы и наслажденія проповѣдуется не самой героиней — или двумя героинями, такъ какъ обѣ сестры переживаютъ въ разныхъ условіяхъ одинъ и тотъ же нравственный конфликтъ, — т. е. не становится положительной истиной, возводимой въ идеалъ авторомъ, а напротивъ того, изображается чѣмъ-то весьма спорнымъ, тѣмъ, что должно быть побѣждено строгой старой моралью. Вотъ какъ перерѣшаетъ авторъ „Родины" вопросъ о свободѣ и самобытности женской жизни въ своей новой драмѣ на старую тему.

Тенденція автора проводится въ судьбѣ обѣихъ сестеръ. Старшая, Рафаэла, тоже должна была выйти замужъ, какъ и ея мать, по практическимъ соображеніямъ. Мать находитъ однако, что участь дочери ея въ данномъ случаѣ была лучшей, чѣмъ ея собственная. Мать въ семнадцать лѣтъ отдали компаньону отца—„какъ придачу къ рождественскому подарку", а Рафаэла знала своего мужа, Бреземанна, довольно долго до брака, видѣла, какъ онъ работалъ дни и ночи, чтобы поднять благосостояніе ея семьи, видѣла его заботы о нихъ всѣхъ послѣ смерти брата ихъ матери, поручившаго ему попеченіе о семьѣ— и въ порывѣ благодарности согласилась стать его женой. О томъ, что Рафаэла дѣйствовала изъ привитаго ей чувства долга и жертвовала собой ради практическихъ интересовъ семьи, мать ея не хочетъ вспоминать. Она полагаетъ, что Рафаэла можетъ теперь, послѣ замужества, отстаивать свою самобытность и свободу чувствъ, искать любви какъ внѣ-семейнаго развлеченія — именно какъ развлеченія, игры, а отнюдь не серьезнаго чувства: оно въ глазахъ баронессы— препятствіе для искусства жизни. Она сама старается устроить дочери романическія развлеченія, не сознавая, что при душевной глубинѣ Рафаэлы такая система можетъ привести къ трагическимъ результатамъ. Свѣтлыя надежды баронессы сосредоточены главнымъ образомъ на младшей дочери, Тэа, которая вполнѣ унаслѣдовала ея взгляды и ея инстинктивную легкость жизни, готова построить свою жизнь на предпочтеніи удовольствій счастью искренней любви и хочетъ главнымъ образомъ обезпечить себѣ свободу. Она разсуждаетъ трезвѣе своей старшей замужней сестры; она заранѣе примирилась съ необходимостью лжи въ жизни. Она знаетъ, что въ вопросъ о бракѣ не долженъ входить вопросъ о любви, а что радости можно ожидать только отъ свободно избраннаго послѣ брака друга, для котораго и нужно, какъ она съ наивнымъ цинизмомъ объясняетъ сестрѣ, сохранить свою внутреннюю свободу. И когда сестра говоритъ ей о другой, истинной любви, составляющей все содержаніе жизни, Тэа, какъ до-

стойная ученица своей матери, говоритъ ей, чтобы она не дѣлала себѣ иллюзій. „Наши сердца выдрессированы для погони за наслажденіями и не могутъ испытывать сильныхъ чувствъ“, говоритъ она.

Жизнь даетъ ей случай примѣнить свои теоріи къ дѣйствительности. Къ ней сватается графъ Шпернеръ, типичный представитель старыхъ рыцарскихъ традицій, честный, серьезно ее полюбившій, но при этомъ твердый въ принципахъ традиціоннаго пониманія чести. Свобода женщины въ бракѣ кажется ему чѣмъ-то недопустимымъ. Онъ считаетъ, что высшее счастье для женщины—повиноваться любящему ее мужу, и его идеалъ жены — семьянинка съ христіанскими добродѣтелями. Познакомившись съ Тэа, онъ почему-то воображаетъ, что за ея внѣшней задорностью скрывается именно серьезная, любящая натура, и потому рѣшается просить ея руки, дѣлая это въ традиціонныхъ формахъ, т.-е. предупредивъ баронессу о своемъ желаніи поговорить съ нею. Тэа объясняетъ матери намѣреніе графа, и мать созываетъ семейный совѣтъ, назначивъ для него время послѣ ожидаемаго визита графа, для того, чтобы, выслушавъ его предложеніе, рѣшить отвѣтъ на семейномъ совѣтѣ — согласно установленному въ семьѣ обычаю. До прихода графа, Тэа говоритъ о готовящейся перемѣнѣ въ жизни сначала съ сестрой, подавляя ее своей житейской мудростью, а затѣмъ со своимъ кузеномъ Фредомъ, сыномъ убитаго на дуэли брата баронессы. Фредъ также легкомысленъ, какъ Тэа; она его дразнитъ связью съ женщиной полу-свѣта и другими его похожденіями, о которыхъ она хорошо освѣдомлена. Говоритъ она ему все это не въ укоръ, а завидуя его свободѣ, вполнѣ одобряя его образъ жизни. Она даже полушутливо, полусерьезно говоритъ, что согласна была бы выйти замужъ за такого добраго товарища, какъ онъ, съ тѣмъ, чтобы ихъ бракъ былъ абсолютно-товарищескій, съ предоставленіемъ полной свободы другъ другу. Фредъ, которому его кузина нравится больше всѣхъ его случайныхъ подругъ, счастливъ надеждой, которую она ему подаетъ, и готовъ на всѣ условія, даже на то, чтобы въ самый день свадьбы повезти ее въ артистическую таверну, гдѣ онъ постоянно бываетъ и гдѣ господствуютъ чрезвычайно свободные нравы. Но Тэа беретъ назадъ свое шутливое предложеніе, и говоритъ, что раньше должна еще поговорить со своимъ графомъ и посмотрѣть, дѣйствительно ли онъ такой скучный проповѣдникъ морали, какимъ его представилъ ей Фредъ.

Во второмъ дѣйствіи происходитъ объясненіе Тэа съ графомъ, и въ сценѣ этого объясненія графъ проявляетъ себя дѣйствительно человѣкомъ старыхъ правилъ, во многихъ отношеніяхъ узкимъ, но очень честнымъ и сильнымъ въ своемъ чувствѣ. Онъ откровенно говоритъ, что не будь большого приданаго у Тэа, онъ не могъ бы

просить ея руки, такъ какъ на его рукахъ заботы о семьѣ и о помѣстьи, требующемъ большого капитала. Его практическія соображенія менѣе всего возмущаютъ Тэа, но когда онъ начинаетъ съ благоговѣніемъ говорить о старикахъ родителяхъ, выражать надежду, что Тэа будетъ имъ угождать, и вообще развивать свой идеалъ христіански-смиренной супруги, она сразу видитъ невозможность принять его предложеніе, но изъ благоразумія говоритъ, что подчинится рѣшенію семейнаго совѣта. На совѣтѣ выясняются взаимныя отношенія членовъ семьи, фактическое главенство мужа Рафаэлы, Бреземанна, единственно дѣльнаго человѣка въ семьѣ. Торговая фирма процвѣтаетъ только благодаря ему, и онъ не скрываетъ своего презрѣнія къ искателямъ наслажденій, изъ которыхъ состоитъ вся семья, обязанная ему возможностью удовлетворять своимъ безграничнымъ капризамъ. Онъ протестуетъ противъ брака Тэа съ графомъ, не имѣющимъ ни гроша, и этимъ навлекаетъ на себя гнѣвъ чванной, помѣшанной на внѣшнемъ блескѣ семьи. Но всѣмъ этимъ спорамъ полагаетъ конецъ Тэа, призванная высказать свое мнѣніе. Она заявляетъ, что выходитъ замужъ за Фреда. Мать въ ужасѣ изъ-за крушенія надеждъ на блестящій бракъ, но соглашается въ виду необходимости.

Первое условіе, которое поставила Тэа для своего замужества, Фредъ исполняетъ. Онъ ведетъ свою молодую жену въ вечеръ свадьбы въ таверну „Морской свинки“, гдѣ Тэа, несмотря на предосторожности Фреда, видитъ не только всѣхъ товарищей мужа изъ артистической богемы, но даже его прежнюю возлюбленную. Все это кажется ей лишь забавнымъ, но тутъ, въ тавернѣ, она получаетъ первый урокъ нравственности. Одинъ изъ присутствующихъ, клоунъ по профессіи, разсказываетъ ей въ назиданіе, какъ ему пришлось въ день своей свадьбы выкидывать клоунскіе фокусы для потѣхи своей жены. Онъ это дѣлалъ съ мукой въ душѣ, такъ какъ ему хотѣлось именно выйти изъ грязи, молиться на полюбившую его женщину.—„Я унижался по необходимости, — говоритъ онъ Тэа, — но что заставляетъ васъ окунаться въ грязь?“ Этотъ первый урокъ Тэа не забываетъ, потому что послѣ замужества она получаетъ второй, въ болѣе драматическихъ обстоятельствахъ. Она вышла замужъ на правахъ товарищества, позволяетъ Фреду продолжать привычки холостой жизни, но сохраняетъ и за собой право вести себя какъ угодно. Теперь только она рѣшаетъ слѣдовать примѣру матери, искать въ любви легкихъ развлеченій, и предметомъ таковыхъ избираетъ своего бывшаго поклонника, графа Шпернера. Мать, вѣрная своимъ принципамъ, потворствуетъ капризу дочери и приглашаетъ графа къ себѣ въ помѣстье, гдѣ, какъ во всякое лѣто, устраиваются празднества и, между прочимъ, фантастическія прогулки на лодкахъ, украшенныхъ цвѣтами;

на лодкахъ катаются влюбленныя парочки. Баронесса предназначаетъ для младшей дочери графа, а для старшей—того, кого Рафаэла полюбила изъ неудовлетвореннаго инстинкта любви и, главнымъ образомъ, подъ гнетомъ теоріи матери. Избранный ею возлюбленный—какой-то путешественникъ, охотникъ на львовъ, увлекшій ее своей властностью и дерзостью. Онъ, повидимому, совершенно недостоинъ ея чувства, но въ ней говоритъ потребность любви, и она готова на всякое безуміе. Она уклоняется съ пути добродѣтели изъ страсти, и въ этомъ—ея погибель. Тэа, напротивъ того, слишкомъ легкомысленна. Она хочетъ завести съ графомъ легкую любовную интригу, но натолкнулась въ немъ на слишкомъ глубокую натуру, и онъ отказывается быть игрушкой ея каприза. Онъ объясняетъ ей, что дѣйствительно глубоко полюбилъ ее, и если бы она теперь была свободна, то готовъ жениться на ней, хотя это значило бы совершенно разбить свою жизнь. Тэа считается въ его кругу скомпрометированной женщиной послѣ вечера, проведеннаго въ тавернѣ, и, ставъ ея мужемъ, онъ долженъ былъ бы со всѣми порвать, оставить полкъ и т. д. На все это онъ согласенъ, и считаетъ, что и при такихъ условіяхъ счастье его было бы выше его заслугъ. Но на легкомысленную интригу съ женщиной, которая для него священна, графъ не способенъ. Тэа впервые видитъ примѣръ дѣйствительной любви, и это ее преображаетъ. Она начинаетъ думать, что радость любви выше радости свободныхъ удовольствій. Ея мужъ и товарищъ Фредъ тоже начинаетъ тяготиться товарищеской свободой, начинаетъ ревновать къ графу, и готовъ отказаться отъ своей холостой свободы для того, чтобы обрѣсти право на любовь жены. Ихъ конечное примиреніе и поворотъ къ старой нравственности свершаются подъ давленіемъ трагическихъ происшествій въ семьѣ Рафаэлы. Бреземаннъ узнаетъ о готовящейся измѣнѣ жены и убиваетъ того, кто грозилъ его семейному счастью. Вотъ къ чему приводятъ легкомысленныя теоріи жизни. —„На лодкахъ съ цвѣтами уже больше ѣздить не будутъ“,—заявляетъ Фредъ своей женѣ, вступая на путь старой семейной добродѣтели и семейнаго счастья по старому образцу. Этотъ конецъ съ его нравоучительными сентенціями звучитъ странно въ современной драмѣ. Конечно, представители стараго въ пьесѣ Зудермана—прямолинейный графъ, честный Бреземаннъ—привлекательнѣе баронессы, развращающей своихъ дочерей; но значитъ ли это, что свобода въ любви и въ жизни—нежелательный результатъ современной культуры? Очевидно—нѣтъ, и Зудерманъ, въ своей эффектной и мѣстами жизненно-правдивой драмѣ, совершенно неправъ въ своихъ выводахъ.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 января 1906.

Ходъ развитія революціоннаго настроенія.—Слова и дѣйствія министерства графа Витте.—Декабрьская политическая забастовка въ Петербургѣ.—Забастовка ресторанной прислуги.—Итоги вооруженнаго возстанія въ Москвѣ.—Ожидаемое возстаніе въ Петербургѣ.—Событія въ Прибалтійскомъ краѣ.—Характерныя мелочи.

Политическая революція есть взрывъ народнаго протеста противъ пережившаго себя государственнаго строя. Государства слагаются исторически при различныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ. Но идея государственной организаціи всегда неизмѣнно одна: установленіе и поддержаніе правовыхъ отношеній, какъ необходимаго условія обезпеченія моральныхъ и матеріальныхъ благъ жизни. Блага моральныя состоятъ въ безпрепятственномъ поступательномъ развитіи свободнаго по природѣ человѣческаго духа. Блага матеріальныя—въ удовлетвореніи запросовъ физическаго существованія. И тѣ, и другія требуютъ обращенія естественной свободы лица въ свободу гражданскую, регулируемую объективными нормами права. Ибо разъ за каждымъ человѣкомъ признается свобода на самоопредѣленіе въ области духовной и матеріальной, то она въ безграничномъ объемѣ не можетъ принадлежать никому. Фактическимъ регуляторомъ отношеній станетъ сила—или физическая, или экономическая. Стремясь къ торжеству своего „я“, сильный неизбѣжно подавитъ слабаго.

Сила, какъ факторъ человѣческихъ отношеній, должна быть отнята отъ отдѣльныхъ людей и должна быть поставлена внѣ ихъ. Она должна быть сосредоточена въ рукахъ власти, достаточно удаленной отъ личныхъ индивидуальныхъ интересовъ, дабы тѣмъ вѣрнѣе обезпечивать интересъ общій, но въ то же время сохраняющей неразрывную постоянную связь съ гражданами—дабы ея дѣйствія не оказались въ противорѣчіи съ начальнымъ общимъ интересомъ. Такъ, во имя свободы создается право. Во имя права—государство съ его основными элементами: власть, населеніе и территорія. Вмѣстѣ съ тѣмъ исторически вырабатываются формы правленія и общественнаго строя. Но такова ужъ судьба всѣхъ учрежденій человѣческихъ: форма отрывается отъ содержанія, и по мѣрѣ того, какъ формы отливаются и крѣпнутъ, онѣ обращаются въ самостоятельное и самодовлѣющее явленіе жизни. Содержаніе, обусловившее образованіе формъ, уходитъ куда-то назадъ. Во всей мощи выступаютъ однѣ формы, и содержаніе начинаетъ оцѣниваться, какъ явленіе служебное, какъ ихъ результатъ. Въ государ-

ствѣ исключительно быстро наступаетъ торжество факта надъ идеей. Право получаетъ оцѣнку постольку, поскольку оно охраняетъ данный строй и данный способъ управленія. Свобода—поскольку она совмѣстима съ такимъ искусственно построеннымъ правомъ... Идея, однако, никогда не умираетъ. Если фактъ своей реальной силой не даетъ ей горѣть во всемъ блескѣ, она теплится, какъ раскаленный уголь въ грудѣ золы. Повѣетъ вѣтромъ—уголь вспыхнетъ яркимъ пламенемъ. Пойдетъ дождь—онъ снова будетъ мерцать едва замѣтно до новой вспышки...

Съ 1881 г. въ Россіи шелъ сплошной дождь. Событіе перваго марта подавляющимъ образомъ подѣйствовало на общественную мысль. Идея свободы притаилась. Казалось, что она замерла. Болѣе чѣмъ за десять лѣтъ передъ тѣмъ вставшее на путь реакціи, правительство уловило смѣну настроенія и формулировало его въ извѣстномъ апрѣльскомъ манифестѣ. Черезъ годъ у власти оказался графъ Д. А. Толстой, начавшій постепенное и неумолимо послѣдовательное возведеніе въ принципъ служенія государственной формѣ. „Зачѣмъ намъ права? — возглашалъ Катковъ — у насъ есть больше: обязанности". „Зачѣмъ намъ правовой порядокъ?— у насъ есть Государь Императоръ". Общество, едва освобожденное отъ оковъ рабства, съ тѣмъ большей готовностью внимало этимъ словамъ, что лишено было возможности слышать иныя. Мысль, однако, работала. Впечатлѣнія накоплялись; гипнозъ распоряженій и циркуляровъ, несмотря на поддержку уголовныхъ и административныхъ каръ, слабѣлъ. Въ концѣ 1894 г. изъ среды общества раздались голоса, въ которыхъ звучала нота протеста,—протеста робкаго и слабаго, но единодушнаго. Общество просило власть спуститься съ недосягаемаго пьедестала и снизойти къ духовнымъ идеаламъ и реальнымъ нуждамъ народа, задавленнымъ во имя торжества власти. Правительство не сумѣло или не захотѣло понять момента. Послѣдовалъ рѣзкій отказъ. Курсъ не былъ измѣненъ. Но того настроенія, которое въ теченіе предшествующихъ тринадцати лѣтъ питало правительственную реакцію, уже не было. Въ передовой части общества созрѣло сознаніе глубокаго противорѣчія между государственной идеей и фактомъ служенія,—взамѣнъ государства и блага народа,—власти, въ лицѣ ея представителей. По нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ обнаружилось, что это сознаніе проникло и въ пассивные слои. Напомнимъ, какъ всѣ земскія собранія, за немногими исключеніями, отнеслись тогда къ вопросу объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній... Наступили годы шатанія. Шатаясь, власть неудержимо покатилась по наклонной плоскости къ безграничному произволу своихъ агентовъ. Сѣмена, заложенныя гр. Д. А. Толстымъ на благодарную почву человѣческаго властолюбія и тщеславія, дали

уродливый плодъ: самодержавіе царя окончательно выродилось въ самовластіе чиновниковъ—отъ министровъ до урядниковъ.

Война воочію показала всю глубину той бездны, въ которую ввергъ страну режимъ безправія и произвола, режимъ подавленія всего, что составляетъ идейную сущность государства. Смерть В. К. Плеве—послѣдняго сильнаго человѣка реакціи—облегчила обществу возможность проявить свое негодованіе. Проявилось оно въ критикѣ режима. Готовыхъ же положительныхъ идеаловъ у общества не оказалось. Идеалы соціалистическіе составляли всего годъ назадъ достояніе весьма немногихъ. Годъ назадъ, деревнѣ, помѣщичьей и крестьянской, они были чужды; даже на фабрикахъ и заводахъ они въ массахъ только бродили, но отъ опредѣленной формулировки были очень далеки. Такъ называемая интеллигенція не шла далѣе перенесенія къ намъ скромныхъ формъ прусской конституціи. И то ей приходилось бороться съ славянофильскимъ теченіемъ въ пользу сохраненія самодержавія и совѣщательнаго голоса представителей народа.

Моментъ опять оказался непонятымъ. Требованіямъ общества былъ противопоставленъ указъ 12 декабря. Правительство сдѣлало попытку разрѣшить кризисъ, не затрогивая формъ государственнаго строя. Въ результатѣ получились вороха бумаги—безконечное множество словъ, намѣреній и обѣщаній, и никакого дѣла. Но для общественнаго сознанія эта попытка не прошла безслѣдно. Она окончательно убѣдила, что форма правленія себя пережила и что о ея сохраненіи не можетъ быть рѣчи. Событія кончающагося года и то, чѣмъ отвѣчало на нихъ правительство, настолько близки и памятны, что перечислять ихъ нѣтъ надобности. Каждый день росло революціонное настроеніе и слабѣла надежда на мирный исходъ борьбы. Страной весь годъ управляла не власть, а управляли ею событія. Власть постепенно удовлетворяла требованія, но въ тотъ моментъ, когда мысль о требованіи дальнѣйшемъ уже получала законченную формулировку.

---

17 октября былъ объявленъ переломъ. Въ Россіи впервые образовалось „правительство“ въ техническомъ смыслѣ понятія—правительство съ политической программой, не исчерпывающейся „преданностью“, „вѣрностью“ и „повиновеніемъ“, идейно-объединенное и солидарно-отвѣтственное. Верховная власть возложила на обязанность новаго правительства выполнить ея „непреклонную“ волю: даровать населенію незыблемыя основы гражданской свободы, привлечь къ участію въ Думѣ тѣ классы населенія, которые закономъ 6 августа были лишены избирательныхъ правъ, и установить право рѣшающаго

голоса народныхъ представителей, вмѣстѣ съ правомъ надзора за дѣйствіями администраціи.

Одновременно опубликованный, докладъ графа Витте давалъ полное основаніе думать, что переломъ не только объявленъ, но и произошелъ. „Волненіе—писалъ предсѣдатель совѣта министровъ,—охватившее разнообразные слои русскаго общества, не можетъ быть разсматриваемо какъ слѣдствіе частичныхъ несовершенствъ государственнаго и соціальнаго устроенія, или только какъ результатъ организованныхъ дѣйствій крайнихъ партій. Корни этого волненія несомнѣнно лежатъ глубже. Они—въ нарушенномъ равновѣсіи между идейными стремленіями русскаго мыслящаго общества и внѣшними формами его жизни. Россія переросла форму существующаго строя. Она стремится къ строю правовому на основѣ гражданской свободы". Далѣе была выражена глубоко вѣрная мысль: „принципы правового порядка воплощаются лишь постольку, поскольку населеніе получаетъ къ нимъ привычку—гражданскій навыкъ. Сразу пріуготовить страну съ 135-милліоннымъ населеніемъ и обширнѣйшей администраціей, воспитанными на иныхъ началахъ, къ воспріятію и усвоенію нормъ правового порядка не по силамъ никакому правительству. Вотъ почему далеко не достаточно власти выступить съ лозунгомъ гражданской свободы. Чтобы водворить въ странѣ порядокъ, нужны трудъ, неослабѣвающая твердость и послѣдовательность". Наконецъ, во главѣ руководящихъ принциповъ дѣятельности власти „на всѣхъ ступеняхъ" гр. Витте ставилъ: „прямоту и искренность въ утвержденіи на всѣхъ поприщахъ даруемыхъ населенію благъ гражданской свободы и установленіе гарантій сей свободы".

Всего два мѣсяца прошло съ памятнаго дня 17 октября, когда общество прочло эти новыя для него слова и манифеста, и правительственной декларации, а какъ они кажутся гдѣ-то далеко позади! Въ тюрьмѣ время бѣжитъ незамѣтно. Каждый день тянется томительно долго, а если мысленно перенестись на мѣсяцъ или на два назадъ, то надо убѣждать себя, что отъ прошлаго отдѣляетъ не недѣля. Такъ было въ Россіи, жившей за стѣной запретовъ и каръ, крѣпче тюремной ограды сковывавшихъ работу мысли. Теперь же мы не живемъ, а горимъ. Революція ежеминутно приноситъ новыя впечатлѣнія. Реагируя на нихъ, общественное сознаніе кипитъ, какъ въ котлѣ, и безудержно несется отъ одного идеала къ другому. Вчера неизвѣстное—сегодня становится признаннымъ, а завтра люди уже готовы за него жертвовать жизнью... Если общество горѣло и до перехода революціи въ дѣйствіе, то съ октября оно запылало. Стоитъ лишь сопоставить лозунги октябрьской и декабрьской забастовокъ.

Перелома 17 октября въ общественномъ настроеніи не произошло,

ибо его не произошло и въ правительственной дѣятельности. За объявленными словами дѣйствій — немедленныхъ и энергичныхъ — не послѣдовало. Или, вѣрнѣе, дѣйствія послѣдовали, но по старому шаблону: рѣшительныя въ „прекращеніи“ и „пресѣченіи“ — и робкія, неувѣренныя, а главное съ постояннымъ опозданіемъ, во всемъ, что̀ должно созидать. „Гражданская свобода“ съ 17 октября повисла въ воздухѣ и продолжаетъ висѣть безъ всякой опоры, качаясь изъ стороны въ сторону. Правительство объявило себя новымъ, но старая канцелярія, оторванная отъ жизни, осталась. Канцелярія лукавая, готовая на подачки. Канцелярія неспособная, вѣчно колеблющаяся и думающая, думающая безъ конца. Канцелярія, которая и во время революціи продолжаетъ говорить: „сперва успокоеніе — потомъ реформы“.

А моментъ былъ благопріятный. Послѣ невѣроятныхъ цензурныхъ репрессій, свобода печати, влитая въ формы хотя бы закона 24-го ноября, была бы признана свободой. Послѣ полутора мѣсяца свободы, абсолютно безформенной, когда успѣла образоваться цензура революціонная, это уже — отнятіе, ограниченіе. За полтора мѣсяца сложилась привычка сообразовываться только съ нормами, идущими отъ наборщиковъ или отъ совѣта рабочихъ депутатовъ. Подчиненіе нормамъ, охраняемымъ судомъ, какія бы это нормы ни были, не могло быть принято иначе, какъ тягота. Еще лучшую иллюстрацію представляетъ разрѣшеніе задачи о расширеніи избирательнаго права. Система всеобщаго голосованія, такъ недавно не отличавшаяся отъ системы представительства всѣхъ классовъ и сословій, ко дню манифеста уже была, правда, общепризнанной, но это ея признаніе имѣло, такъ сказать, теоретическій характеръ. Способы осуществленія мало кому ясно и опредѣленно рисовались. Съ другой стороны, и печать, и общество, вплоть до значительной части соціалъ-демократовъ, только что передъ тѣмъ отвергли бойкотъ выборовъ по положенію 6-го августа. А потому буквальное приведеніе въ исполненіе словъ манифеста о привлеченіи къ участію въ выборахъ, „въ мѣрѣ возможности“, тѣхъ классовъ, „которые нынѣ совсѣмъ лишены избирательныхъ правъ“, имѣло всѣ шансы быть встрѣченнымъ сочувственно и внести существенное умиротвореніе тѣмъ болѣе, что оно мотивировалось соотвѣтствующимъ общему желанію недопущеніемъ отсрочки созыва Думы въ январѣ и „краткостью остающагося срока“. Такъ буквально вопросъ и оказался разрѣшеннымъ, но когда?—11-го декабря! Правительству понадобилось безъ малаго два мѣсяца для того, чтобы обратить въ законъ тотъ самый проектъ, который, по сообщеніямъ газетъ, въ главныхъ чертахъ, былъ готовъ черезъ два-три дня послѣ изданія манифеста. Тогда предпосылка указа сенату: „Манифестомъ 17-го октября 1905 г. изданнымъ, Мы возвѣстили о непреклонной

волѣ Нашей, не останавливая предназначенныхъ выборовъ въ Государственную Думу", и т. д.—дѣйствительно была бы въ логической связи съ стоящимъ подъ ней текстомъ. Теперь же она оказывается иное: выборы остановлены, и непреклонная воля фактически уже неосуществима. А что произошло въ общественномъ сознаніи за эти два мѣсяца? Четырехчленная формула или „четырехвостка" стала достояніемъ гимназистовъ и проникла въ деревню. Прибавился пятый хвостъ: безъ различія пола. Бюро земскаго съѣзда, а затѣмъ союзъ союзовъ детально разработали основанный на всеобщемъ голосованіи избирательный законъ. Требуютъ допущенія къ урнамъ чуть не каторжниковъ. Съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ все бо́льшую популярность мысль произвести выборы—не въ Думу, а въ учредительное собраніе, облеченное всей полнотой неограниченной власти — „явочнымъ" порядкомъ.

Нельзя не согласиться съ постановленіемъ московской городской думы, принятымъ 15-го декабря послѣ ужасовъ только-что пережитого вооруженнаго возстанія: „признать, что событія, имѣвшія мѣсто въ Москвѣ за послѣдніе дни, нашли себѣ, къ сожалѣнію, благопріятную почву въ отсутствіи законовъ, регулирующихъ свободы, возвѣщенныя манифестомъ 17 октября, и въ чувствѣ недоброжелательности и недовѣрія къ дѣйствіямъ правительства, каковое создано въ населеніи замедленіемъ выполненія обѣщаній, возвѣщенныхъ правительствомъ. Дума выражаетъ твердую увѣренность, что эти событія не задержатъ и не помѣшаютъ проведенію либеральныхъ реформъ, которыя однѣ въ состояніи вывести страну на путь мирнаго развитія".

Да, только руководительство движеніемъ со стороны власти, послѣдовательной не на словахъ, но и на дѣлѣ, можетъ ввести страну въ русло разумныхъ и осуществимыхъ желаній и предотвратить анархію. Революція не создала именъ, ни личныхъ, ни коллективныхъ, и въ этомъ—трагизмъ положеній. Руководительства общественное сознаніе ищетъ. Оно мечется, оно истомилось и готово подчиняться совѣту рабочихъ депутатовъ. Правительство дало обѣтъ повести за собой „благоразумное большинство общества". Дѣйствіями же своими оно лишило себя довѣрія, какъ въ смыслѣ способности руководить, такъ и въ смыслѣ прямоты и искренности „въ утвержденіи благъ гражданской свободы". Вторымъ изъ основныхъ принциповъ дѣятельности правительства графъ Витте ставилъ: „стремленіе къ устраненію исключительныхъ законоположеній". Въ чемъ это стремленіе выразилось? Къ положеніямъ усиленной и чрезвычайной охраны и къ военному положенію, нигдѣ не отмѣненнымъ и почти на всю Россію распространеннымъ, 14 декабря прибавились правила чрезвычайной охраны на желѣзныхъ дорогахъ...

Не успѣли улечься впечатлѣнія революціоннаго „манифеста“, призывавшаго къ борьбѣ съ правительствомъ путемъ разрушенія государственнаго кредита и полнаго разоренія благосостоянія страны, какъ появилось воззваніе, назначавшее на 8 декабря всеобщую политическую забастовку. Воззваніе — крикливое и грубое въ вступительной части и безконечно самонадѣянное — въ резолютивной. Совѣтъ депутатовъ петербургскихъ рабочихъ, россійская соціалъ-демократическая рабочая партія, партія соціалистовъ-революціонеровъ и еврейскій бундъ объявляли:

„Въ четвергъ, 8 декабря, въ 12 часовъ дня, во всѣхъ заводахъ, фабрикахъ, мастерскихъ, во всѣхъ торговыхъ предпріятіяхъ, конторахъ, банкахъ, лавкахъ, складахъ, по всѣмъ путямъ сообщенія самого Петербурга и соединяющимъ Петербургъ съ остальной Россіей должна быть пріостановлена работа. Борьба начата, она будетъ стоить великихъ жертвъ, быть можетъ, многихъ жизней, но что бы ни было, мы не сложимъ оружія, пока не будетъ обезпечено слѣдующее: Учредительное собраніе на основаніи всеобщаго, прямого, равнаго, тайнаго избирательнаго права. Уничтоженіе всѣхъ временныхъ правилъ. Уничтоженіе военнаго и осаднаго положенія, чрезвычайной и усиленной охраны, уничтоженіе всѣхъ другихъ чрезвычайныхъ мѣръ. Отмѣна военныхъ судовъ и смертной казни. Полная гарантія неприкосновенности личности, свободы слова, печати, сходокъ, союзовъ, стачекъ и распространеніе этихъ правъ также и на армію и флотъ, прекращеніе политическихъ процессовъ, включая сюда также процессы по печати. Освобожденіе всѣхъ политическихъ заключенныхъ. Выполненіе особыхъ требованій, поставленныхъ арміей, флотомъ, желѣзнодорожными служащими и служащими почтъ и телеграфовъ. Переходъ земли къ народу. Признаніе восьми-часового рабочаго дня основнымъ политическимъ правомъ народа, наряду съ свободой слова, совѣсти и другими основными политическими правами. Немедленная отмѣна всѣхъ исключительныхъ законовъ противъ отдѣльныхъ націй и вѣроисповѣданій“.

Забастовка въ Петербургѣ не удалась, ни въ отношеніи исполненія призыва остановить трудовую жизнь, ни въ отношеніи возвѣщенныхъ условій, когда „мы сложимъ оружіе“. Да и могла ли она удаться? Можно ли было бастовать до достиженія того, что недостижимо вовсе, или достижимо путемъ долгихъ лѣтъ соціальной эволюціи? Въ какомъ государствѣ мыслимо распространеніе на армію и флотъ права стачекъ? Возможно ли произвести соціальный переворотъ по мановенію власти или насильственно? Наивно полагать, что объявленіе формулы: „вся земля переходитъ къ народу“ дѣйствительно обезпечитъ упраздненіе частной земельной собственности. Не менѣе наивно

думать, что за формулой: „восьми-часовой рабочій день есть основное политическое право народа“—дѣйствительно послѣдуетъ установленіе этой нормы во всѣхъ областяхъ приложенія труда. Только въ упоеніи славой прошлаго успѣха можно было до такой степени переоцѣнить свои силы, чтобы рискнуть на изданіе подобнаго воззванія. Или—это былъ рискъ отчаянія. Для отчаянія, намъ думается, революціонныя организаціи не имѣли достаточныхъ основаній. Революціонное настроеніе слишкомъ глубоко заложено, слишкомъ разрослось и слишкомъ послѣдовательно поддерживается правительственными мѣропріятіями въ одномъ направленіи и бездѣйствіемъ—въ другомъ, чтобы аресты отдѣльныхъ лицъ, хотя бы массовые, могли сколько-нибудь прочно задавить движеніе. Неудавшаяся же забастовка, послѣ такого широковѣщательнаго и самонадѣяннаго воззванія, причинила движенію неисчислимый вредъ. Въ политикѣ внутренней, какъ и въ дипломатіи, прощается неуспѣхъ, даже прямое пораженіе, но смѣшное положеніе—никогда.

А смѣшное положеніе декабрьская забастовка въ Петербургѣ имѣла несомнѣнно. Во имя учредительнаго собранія, отмѣны военныхъ судовъ, восьмичасового рабочаго дня, выполненія требованій солдатъ и почтово-телеграфныхъ чиновниковъ и т. д. дружно бастовали гимназисты, наборщики либеральныхъ газетъ всѣхъ оттѣнковъ и зубные врачи. Послѣдніе изъ-за забастовки объявили даже бойкотъ одному дантисту, о чемъ оповѣстили всему міру. На фабрикахъ и заводахъ—гдѣ бастовали, гдѣ нѣтъ. Магазины и лавки торговали. Присутственныя мѣста, банки и почта не прерывали занятій. При такихъ обстоятельствахъ совѣту рабочихъ депутатовъ едва ли не лучше было промолчать, нежели публиковать постановленіе: „объявить 19 декабря забастовку прекращенной“.

Въ сознаніи всей важности лежащаго на нихъ долга и, очевидно, не подозрѣвая какую медвѣжью услугу они оказываютъ дѣлу революціи, „старосты-гимназисты“ тоже выпустили 20-го декабря слѣдующее объявленіе: „отъ организаціоннаго бюро объединеннаго совѣта старостъ средне-учебныхъ заведеній въ Петербургѣ. Въ своемъ воззваніи отъ 10-го декабря организаціонное бюро приглашало всѣхъ учащихся присоединиться къ политической забастовкѣ, выражая этимъ свою солидарность съ возставшимъ народомъ. Теперь, когда совѣтъ рабочихъ депутатовъ постановилъ прекратить забастовку, организаціонное бюро, оставаясь вполнѣ солидарнымъ съ нимъ, предлагаетъ учащимся, не распущеннымъ на рождественскія каникулы, приступить къ занятіямъ“. Итакъ, будь спокоенъ, „возставшій народъ“,—съ тобою солидарны учащіеся юноши и дѣти. Не хлопочи искать союзниковъ, совѣтъ рабочихъ депутатовъ,—съ тобою остаются вполнѣ солидарными

старосты-гимназисты. Нѣтъ, горе тому народу, который бросаетъ въ водоворотъ революціи подростающее поколѣніе. Онъ готовитъ себѣ печальное будущее. „Въ моей практикѣ—пишетъ дѣтскій врачъ, проф. Гундобинъ („Новое Время“, № 10685)—все чаще начинаютъ встрѣчаться въ послѣднее время случаи остраго бреда у дѣтей школьнаго возраста, 12—16 лѣтъ. Мальчики вскакиваютъ ночью, воображая себя на баррикадѣ, среди вооруженнаго возстанія. Въ другихъ семьяхъ дѣти, прежде добрыя и воспитанныя, стали грубыми и дерзкими, явно обнаруживая болѣзненное разстройство нервной системы. Приведенные случаи грозятъ въ будущемъ вырожденіемъ молодого поколѣнія и ослабленіемъ его умственныхъ способностей. Я вполнѣ признаю, что при настоящемъ положеніи, въ наше время, каждый мыслящій гражданинъ обязанъ присоединиться къ той или другой политической партіи, по собственному убѣжденію; согласенъ, что возрастаніе числа душевныхъ разстройствъ среди лицъ взрослыхъ составляетъ при современномъ положеніи дѣлъ неизбѣжное зло. Но участіе дѣтей въ политической борьбѣ представляется мнѣ безусловно вреднымъ и свидѣтельствуетъ лишь о слабости той партіи, которая допускаетъ школьниковъ“. Прочтите эти строки, родители! Прочтите ихъ, гг. бастующіе педагоги! Идите сами на баррикады, если ваши убѣжденія того требуютъ, говорите на митингахъ, призывайте къ борьбѣ—ваше дѣло. Но не ведите за собой дѣтей, не посылайте ихъ впередъ себя...

Полная нецѣлесообразность газетныхъ забастовокъ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Успѣхъ забастовки создаетъ настроеніе. Настроеніе, если не создаетъ, то поддерживаетъ на извѣстной высотѣ всего сильнѣе газета—освѣщеніемъ событій и еще болѣе сообщеніемъ фактовъ. При отсутствіи газетъ, правда, начинаютъ господствовать слухи, но ни по способности распространенія, ни по авторитетности, слухи, само собою разумѣется, никогда не могутъ конкуррировать съ газетами. Печатное слово въ сознаніи обывателя имѣетъ презумпцію достовѣрности, слухъ—вымысла. Поэтому вѣрнѣйшее средство понизить напряженіе общественнаго настроенія—прекратить газеты. Никакіе летучіе листки ихъ замѣнить не могутъ, ибо, во-первыхъ, авторитетность летучаго листка, сравнительно съ газетной, ничтожна, ибо, во-вторыхъ, равная степень распространенія недостижима. Эти безспорныя соображенія заставляли и въ октябрѣ, и въ ноябрѣ, и теперь въ декабрѣ, поголовно всѣхъ издателей, редакторовъ и сотрудниковъ газетъ, особенно радикальныхъ, добиваться возможности писать и печатать. Наборщики же, печатники и вообще всѣ механическіе работники печати всякій разъ отвѣчали рѣшительнымъ и упорнымъ отказомъ. А потомъ они требовали и получали плату за забастовочные дни, заявляя—въ октябрѣ, что ими для газетъ завоевана свобода пе-

чатнаго слова, а въ ноябрѣ—ничего не заявляя, просто подъ угрозой прекратить работу. „Новому Времени“ и „Свѣту“ въ декабрьскую забастовку какъ-то удалось сломить упорство своихъ наборщиковъ, и обѣ газеты аккуратно выходили. Въ результатѣ, въ теченіе нѣсколькихъ дней, публика воспринимала впечатлѣнія о событіяхъ въ Москвѣ, въ прибалтійскомъ краѣ, да и въ Петербургѣ тоже подъ угломъ зрѣнія консервативной прессы. Этого ли хотѣли достичь въ интересахъ успѣха политической забастовки совѣтъ рабочихъ депутатовъ и союзъ типографскихъ рабочихъ?

Одновременно съ гимназистами и газетами бастовала въ Петербургѣ прислуга въ трактирахъ и ресторанахъ. Бастовала она не по политическимъ мотивамъ, а исключительно въ цѣляхъ упорядоченія своихъ отношеній къ хозяевамъ и улучшенія матеріальнаго быта. Положеніе ресторанной прислуги и отношеніе ея къ хозяевамъ заведеній болѣе, чѣмъ оригинальны. Особенно рѣзко эта оригинальность выражена въ такъ называемыхъ первоклассныхъ ресторанахъ. Въ основѣ всего лежатъ ничѣмъ не регулированныя и по размѣру совершенно случайныя подачки отъ посѣтителей „на чай“. Офиціанты и швейцары, въ сущности, не наемные служащіе хозяина, а арендаторы. Они арендуютъ право получать „на-чай“ и за это принимаютъ на себя рядъ обязанностей. Первые—имущественную отвѣтственность за цѣлость посуды, въ иныхъ случаяхъ стирку бѣлья и т. п. Было время, когда офиціанты, сверхъ того, платили хозяину до 25 р. въ мѣсяцъ съ человѣка. Теперь этой платы, кажется, нѣтъ, и, напротивъ, они сами нерѣдко получаютъ жалованье, но такое ничтожное, что оно скорѣе является субсидіей, нежели вознагражденіемъ за трудъ. Вторые, швейцары, принимаютъ обязанность содержать вѣшалки и потребное число помощниковъ, въ то же время обязательно уплачивая хозяину никогда не малыя, а всегда весьма и весьма крупныя суммы. Но, будучи, такимъ образомъ, самостоятельными арендаторами, и офиціанты, и швейцары, формально остаются прислугой, находящейся въ безотчетномъ распоряженіи у хозяина, который можетъ ихъ въ любую минуту прогнать. Подобное ненормальное положеніе, создавшееся давно, до настоящаго времени, если и вызывало протесты, то въ отдѣльныхъ рѣдкихъ случаяхъ. „На-чаи“ давали, хотя и случайный, но очень хорошій заработокъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ, помнится, на какомъ-то судебномъ процессѣ обнаружилось, что швейцаръ одного изъ бойкихъ ресторановъ на Невскомъ отъ гривенниковъ и пятиалтынныхъ за сбереженіе платья сколотилъ капиталъ въ десятки тысячъ рублей. Подъ вліяніемъ всеобщаго кризиса, щедрость подачекъ, очевидно, сократилась, и этимъ, надо думать, объясняется забастовка. Для посѣтителей ресторановъ урегулированіе платы „на-чай“—мѣра чрезвычайно жела-

тельная. Только при ней установится нормальное отношеніе посѣтителей къ прислугѣ и прислуги къ посѣтителямъ. Только при ней исчезнетъ отвратительное низкопоклонство передъ тароватыми и грубая пренебрежительность въ отношеніи бережливыхъ на накладныя траты.

Въ Москвѣ декабрьская забастовка съ перваго же дня перешла въ открытое вооруженное возстаніе. Болѣе недѣли Москва была объята ужасомъ уличной войны—револьверныхъ выстрѣловъ, ружейныхъ залповъ и пушечной канонады. Гранаты и шрапнели разбивали дома; пулеметы выпускали рои пуль. Воздвигались и разрушались грандіозныя баррикады. Ручьями лилась кровь... Погибли тысячи людей...

Безумное самоистребленіе! Безумное уничтоженіе народныхъ силъ! Два мѣсяца назадъ мы писали, что повтореніе революціонныхъ актовъ конца XVIII в. и первой половины XIX в., при современномъ развитіи и состояніи средствъ активной борьбы, которыми располагаетъ государственная власть, немыслимо, и что теперь въ цѣляхъ революціи вступать въ бой съ войсками безразсудно. Московскія событія только утвердили насъ въ этомъ убѣжденіи. Конечно, смѣшно читать въ объявленіи саратовскаго губернатора, что „древняя столица осталась вѣрна Царю“. Фактъ возстанія, охватившаго значительную часть населенія Москвы, стоитъ внѣ сомнѣнія. Это были не отдѣльные случаи хотя бы массоваго сопротивленія или буйства безформенной толпы. Это было именно возстаніе — организованное, державшее въ своихъ рукахъ иниціативу, нападавшее, а не защищавшееся. Но какой оно имѣло результатъ? Можно ли его считать въ какомъ бы то ни было отношеніи достигшимъ цѣли?

Степень напряженія революціонныхъ силъ была, между тѣмъ, наивысшею, на какую только можно въ данный моментъ разсчитывать. Планомѣрность въ сооруженіи баррикадъ и быстрота замѣны разрушенныхъ новыми показываютъ прямо недюжинную организацію и умѣлое руководительство повстанцами. Отвага боевыхъ дружинъ, упорство въ нападеніи и стойкость въ отраженіи показываютъ чрезвычайный подъемъ духа среди рядовыхъ борцовъ. Устройство отрядовъ медицинской помощи и частныхъ временныхъ лазаретовъ—широкое сочувствіе къ возстанію. Отсутствіе противодѣйствія со стороны пассивныхъ элементовъ населенія и особенно анти-революціонныхъ доказывало если не вѣру въ силы и грядущій успѣхъ возставшихъ, то недовѣріе къ силамъ правительства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, нерѣшительность въ дѣйствіяхъ въ первые дни полиціи и войскъ обнаружили большую долю растерянности власти. Оружія возставшіе имѣли мало, и мало въ рядахъ ихъ было лицъ, искусившихся въ употребленіи оружія, но этотъ дефектъ

могъ быть устраненъ лишь при одномъ условіи, если бы на сторону возставшихъ передались войсковыя части. Можно думать, что организаторы и имѣли въ виду, что къ возстанію присоединятся солдаты. Бунтъ въ ростовскомъ гренадерскомъ полку, гдѣ за нѣсколько дней передъ тѣмъ было низложено начальство въ лицѣ всѣхъ офицеровъ, и броженіе въ другихъ полкахъ давали право на это надѣяться. Но развѣ много выиграло бы дѣло, если бы надежда оправдалась? Передавшаяся на сторону возставшихъ воинская часть въ составѣ ея готовой организаціи, т.-е. съ младшими и старшими офицерами во главѣ, съ опорнымъ пунктомъ въ казармахъ и т. д., дѣйствительно была бы способна, если не опрокинуть и низвергнуть правительственную власть, то, во всякомъ случаѣ, создать для нея самое тяжелое положеніе. Одинъ полкъ, охваченный и проникнутый идеей, въ союзѣ съ народомъ, при партизанской войнѣ на кривыхъ и узкихъ улицахъ, представилъ бы силу громадную, и неизвѣстно еще, кто бы побѣдилъ: этотъ одинъ полкъ или пять выставленныхъ противъ него, по приказу начальства, полковъ. Солдаты же, сколько бы ихъ числомъ ни было, разрушившіе полковую организацію, не принесли бы никакой пользы. Объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ Кронштадтъ, Кіевъ, Харьковъ, Севастополь. Выборный комитетъ, руководимый посторонними войску людьми, не знающими и не понимающими солдатской психологіи, не въ состояніи замѣнить ту спайку, которая дѣлаетъ изъ тысячи различно думающихъ и различно чувствующихъ людей одно компактное и грозное цѣлое. Эта спайка — сложная система командно управленія, покоящаяся на еще болѣе сложной системѣ военнаго воспитанія. Большее, на что способны толпы солдатъ, предводительствуемыя комитетомъ—устройство шествій, импонирующихъ манифестацій или церковныхъ парадовъ, какъ было въ Севастополѣ. Къ повиновенію же, точному исполненію распоряженій и ко всему тому, что необходимо для боевого успѣха, онѣ органически неспособны. Ихъ дѣйствія неизбѣжно обращаются въ безпорядочную стрѣльбу, пьяный разгулъ и грабежъ. Неужели „Потемкинъ“, кіевскіе саперы, кронштадтскіе и севастопольскіе матросы и ростовскіе гренадеры не доказали, какъ непрочна энергія самоуправляющихся солдатъ!

И такая степень крайняго напряженія въ отношеніи фактическомъ не привела ни къ чему. Лозунгъ возстанія: учредительное собраніе, образованное всеобщимъ голосованіемъ, — сталъ даже менѣе близокъ къ осуществленію, чѣмъ былъ ранѣе. Погибъ начальникъ сыскной полиціи, разстрѣленный на глазахъ молившихъ о пощадѣ дѣтей, убито нѣсколько офицеровъ и, быть можетъ, не одна сотня солдатъ и городовыхъ. А правительство окрѣпло. Вооруженное открытое возстаніе развязало ему руки. Противъ мирнаго отказа работать

оно было безсильно. Оружію же оно могло противопоставить и противопоставило тоже оружіе, только неизмѣримо сильнѣйшее: револьверамъ — ружья и пулеметы, ружьямъ—пушки. Въ Москву приведены войска изъ Петербурга и изъ-подъ Варшавы. Двухсторонняя борьба перешла въ одностороннее подавленіе. Разгромлены остатки боевыхъ дружинъ, засѣвшіе на Прѣснѣ. Экспедиціонные отряды двинулись по линіямъ желѣзныхъ дорогъ. Началось жестокое истребленіе „крамолы"... На какой-то станціи разстрѣлено триста человѣкъ... Предстоятъ судъ и казни... Опять убійства, опять смерть. Смерть за прошлое, убійство властное, по закону... Въ отношеніи идейномъ едва ли можно ожидать отъ московскаго возстанія успѣха. Авторитетъ правительства, получившаго поводъ и возможность стать на путь террора, въ глазахъ массъ скорѣе для даннаго момента усилится, чѣмъ ослабѣетъ. Озлобленіе, быть можетъ, увеличится, но оно притаится. Зато озлобленіе лицъ, революціи не сочувствующихъ, уже таиться перестанетъ. Реакціонеры поднимутъ голову. Да они ее уже и подняли. „Кіевлянинъ" устами г. Пихно требуетъ отмѣны манифеста 17 октября. За нимъ заговорятъ „Московскія Вѣдомости", русское собраніе... Поднимать тонъ революціоннаго настроенія городской интеллигенціи и фабричныхъ рабочихъ не было надобности — онъ и такъ высоко поднятъ. Въ крестьянствѣ же идетъ свое движеніе, чуждое городу. Движеніе — въ идейной глубинѣ — отрицающее идеалы „господъ" и „мастеровыхъ"... Съ другой стороны, погибли тысячи жизней, фабрики обращены въ развалины, боевыя революціонныя силы или перебиты, или посажены по тюрьмамъ, рабочіе за дни возстанія потеряли два милліона рублей заработной платы. Гдѣ равновѣсіе, если даже считать, что московское возстаніе показало возможность вооруженной борьбы въ теченіе недѣли?..

Вооруженное возстаніе въ Москвѣ не было неожиданнымъ. Съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ онѣ получили право открыто говорить, революціонныя организаціи не скрывали, что систематическія забастовки должны закончиться рѣшительнымъ ударомъ—возстаніемъ. Дѣятельно шли сборы денегъ на вооруженіе. Образовывались дружины и легіоны. Послѣ октябрьскихъ погромовъ усиленно пропагандировалась мысль о немедленномъ формированіи народной милиціи и даже просто о раздачѣ оружія населенію въ цѣляхъ самообороны. Ожидалось возстаніе и въ Петербургѣ, даже назначались дни, когда оно вспыхнетъ. И сейчасъ это намѣреніе не оставлено. Одновременно съ объявленіемъ декабрьской забастовки прекращенною, совѣтъ рабочихъ депутатовъ „рѣшилъ приступить къ организаціи вооруженнаго возстанія". Вѣроятно, въ отвѣтъ, правительство, конкуррируя по тону съ революціонными воззваніями, распубликовало слѣдующее сообщеніе: „Нѣкоторыя рево-

люціонныя общества объявляютъ въ находящихся у нихъ на служеніи органахъ печати, что они рѣшили, въ виду неудачи нынѣ поднятыхъ въ столицахъ и другихъ городахъ смуты и мятежа, временно таковые прекратить съ тѣмъ, чтобы въ началѣ будущаго года поднять общее возстаніе. Такъ какъ подобныя дерзкія сообщенія, разсчитанныя на легковѣрную трусливость и малодушіе, имѣютъ вліяніе на мало освѣдомленные круги, то правительство съ своей стороны считаетъ нужнымъ заявить, что оно не допуститъ мятежа и смуты и будетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ устранять всякія революціонныя приготовленія, а въ случаѣ мятежа раздавитъ его въ зародышѣ всѣми имѣющимися у него средствами. При вышеизложенномъ застращиваніи общимъ возстаніемъ указывается прежде всего на Петербургъ, куда, будто бы, направились остатки революціонныхъ бандъ, потерпѣвшихъ пораженіе въ Москвѣ; правительство, въ частности по отношенію къ Петербургу, считаетъ необходимымъ, въ видахъ успокоенія населенія столицы, заявить, что оно можетъ быть совершенно спокойно—никакихъ безпорядковъ въ столицѣ допущено не будетъ". Мы не знаемъ, сумѣетъ ли правительство не допустить мятежа и смуты въ Петербургѣ и можетъ ли оно съ такой увѣренностью писать заключительную фразу сообщенія. Но едва ли можно сомнѣваться, что въ Петербургѣ вооруженное возстаніе никогда не разгорится до тѣхъ размѣровъ, какіе оно имѣло въ Москвѣ. И войскъ неизмѣримо больше, и улицы прямыя, и населеніе не то.

Иной характеръ имѣетъ возстаніе, охватившее Прибалтійскій край. Тамъ оно возникло не на отвлеченной почвѣ недоговариваемыхъ соціалистическихъ идеаловъ и теоретическихъ сужденій объ объемѣ полномочій и способѣ образованія народнаго представительства. Тамъ оно возникло на строго реальной національно-аграрной почвѣ. Латыши-крестьяне поднялись противъ нѣмецкихъ бароновъ. Исконные туземцы-батраки—противъ пришлыхъ завоевателей, монопольныхъ собственниковъ и угнетателей. Сотни лѣтъ тамъ подготовлялся чисто мѣстный и тѣмъ болѣе неизбѣжный и опустошительный пожаръ. Кто и подъ какимъ знаменемъ принесъ взрывательный составъ—соціалисты-революціонеры или соціалъ-демократы, поляки, финны или еврейскій бундъ—все равно. Взрывъ произошелъ и загорѣлся самостоятельный пожаръ. Вооруженные латыши двинулись на вѣковые замки, выгоняютъ бароновъ, разрушаютъ желѣзную дорогу, рубятъ парки, уничтожаютъ мѣстное нѣмецко-баронское управленіе, захватываютъ въ свою власть цѣлые города. Въ Прибалтійскомъ краѣ, какъ и на Кавказѣ, идетъ борьба не съ правительствомъ, не съ самодержавнымъ строемъ, а національная, самая интенсивная по заложенной въ нее

идеѣ. Численно могущественная угнетаемая національность возстала противъ угнетающей, численно ничтожной, но сильной по формальному праву. Латыши объявили войну правительству лишь поскольку оно, въ ихъ глазахъ, источникъ силы бароновъ. И это возстаніе, однако, ждетъ та же участь! За предательское избіеніе восемнадцати драгунъ въ Туккумѣ уже свалилась сотня жертвъ. За вандализмъ, за уничтоженіе старинныхъ замковъ съ ихъ роскошной обстановкой и цѣнными библіотеками погибнутъ тысячи убогихъ хижинъ. За провозглашеніе латышской республики много прибавится если не казненныхъ, то сосланныхъ... Временный военный генералъ-губернаторъ — уже въ Валкѣ. Особый отрядъ изъ Петербурга уже приступилъ къ дѣйствіямъ...

Такъ не должно быть—быть можетъ, да. Но таковъ фактъ въ его роковой неизбѣжности. Государство живетъ началами права, а не внутренней справедливости. И современное государство обладаетъ слишкомъ большой силой, чтобы склониться передъ насильственнымъ отрицаніемъ права, хотя бы справедливымъ... Примѣръ Финляндіи ничего не говоритъ. Финляндцы побѣдили въ борьбѣ потому, что боролись за право, неправомѣрно нарушенное. Латыши терпѣли столѣтія и не выждали мѣсяцевъ. Передъ ними, какъ и передъ всей Россіей, раскрылся широкій горизонтъ, за которымъ виднѣется новое право, построенное на истинно справедливой основѣ. Ужели можно сомнѣваться въ томъ, что ихъ нужда, ихъ горе не нашли бы живого отклика въ всенародномъ представительствѣ?..

Въ заключеніе—характерныя для нашего времени мелочи.

Долгіе годы вынужденнаго преклоненія передъ властью привели, между прочимъ, къ тому, что въ нарушеніе правилъ русской грамматики вошло въ обычай, тщательно поддерживавшійся провинціальной цензурой, писать и печатать съ прописныхъ буквъ наименованія правительственныхъ учрежденій, высшихъ должностныхъ лицъ и вообще „важныя“ слова. Напримѣръ: Правительствующій Сенатъ, Господинъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, Господинъ Министръ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, Отечество, Сводъ Законовъ, Манифестъ и т. п. Въ одномъ земствѣ вышелъ серьезный конфликтъ съ губернаторомъ изъ-за преступнаго и упорнаго нежеланія управы писать въ заголовкѣ адресуемыхъ ему бумагъ: „Его Превосходительству Господину Начальнику такой-то Губерніи“. Управа вмѣсто этихъ шести словъ писала два: „такому-то губернатору“, и за это была обвинена въ неуваженіи власти и потрясеніи основъ. Въ другомъ земствѣ былъ недопущенъ къ печати журналъ собранія, въ которомъ было написано „богъ“, а не „Богъ“, хотя произнесшій это слово ораторъ и утверждалъ, что употребилъ его въ смыслѣ божества языческаго.

Теперь обстоятельства измѣнились и—измѣнилось правописаніе. Передъ нами газета, въ которой рядомъ напечатано: царскій манифестъ, царское самодержавіе, государственная дума, высочайшій указъ, министръ и—Манифестъ (о требованіи золота), Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, Союзъ Союзовъ, Учредительное Собраніе. Изъ-за желанія видѣть въ своей собственной статьѣ учредительное собраніе напечатаннымъ съ строчныхъ буквъ намъ едва не пришлось отказаться отъ удовольствія вообще увидѣть статью въ газетѣ, для которой она предназначалась. Вмѣсто строчныхъ „у“, какъ было въ рукописи, въ корректурѣ вездѣ оказались прописныя. По исправленіи оттиснули другой разъ—то же самое. Понадобилось настойчивое заступничество редактора-издателя, чтобы типографія согласилась поколебать свое уваженіе къ учредительному собранію.

Отрывокъ изъ воззванія союза чиновниковъ, отъ 5 декабря: „...И вотъ рыцари грабежа и насилій съ (двѣ фамиліи) во главѣ, открыто выступая передъ Россіей въ роли преступниковъ, предприняли походъ въ направленіи къ ограниченію отвоеванныхъ населеніемъ правъ. На первый разъ тактика реакціонеровъ, призванная высасывать соки изъ населенія, безъ какихъ бы то ни было соображеній о его нуждахъ, правахъ и благосостояніи, свелась къ схоластическимъ изворотамъ, по силѣ коихъ труженики государственной службы исключались изъ разряда населенія и пріобщались къ той преступной опричинѣ, къ которой принадлежатъ сами (опять фамиліи). Съ точки зрѣнія этой схоластики, чиновники не могутъ входить ни въ какой другой союзъ, кромѣ опричины. Труженики государственной службы, однако, не обольстились такой паразитной логикой и, когда самозванные собственники государства, въ лицѣ ....., измѣнически потрясая бутафорскимъ декретомъ сквернаго французскаго рыночника, кавалера отъ Панамы, Рувье, стали угрожать репрессіями чиновникамъ почтово-телеграфнаго вѣдомства за принадлежность ихъ къ союзу, послѣдніе отвѣтили имъ забастовкой; всѣ остальные служащіе въ государственныхъ учрежденіяхъ Петербурга открыто заклеймили преступниковъ презрѣніемъ и припечатали это клеймо къ наглымъ физіономіямъ узурпаторовъ въ формѣ резолюціи за своими подписями“ и т. д.

Недурной образчикъ новаго чиновничьяго стиля! Какъ жаль, что составленія этого воззванія не подглядѣлъ Рѣпинъ! Онъ написалъ бы великолѣпнѣйшій pendant къ своимъ запорожцамъ.

Давно сказано: у насъ всякаго можно обидѣть—дворянина, купца, крестьянина, учителя, бѣднаго, богатаго—кого угодно. Но петербургскаго чиновника нельзя обидѣть: этотъ до всего дойдетъ, этотъ самъ всѣхъ обидитъ...

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

ИЗВѢЩЕНІЯ

I. — Отъ Русскаго Общества охраненія народнаго здравія.

Воззваніе Соединенной Организаціи С.-Петербургскихъ Обществъ для помощи голодающимъ отъ неурожая.

Къ пережитымъ нашею родиною бѣдствіямъ присоединилось новое: *неурожай*, отъ котораго пострадало слишкомъ 138 уѣздовъ въ 23 губерніяхъ съ населеніемъ около 25 милліоновъ, на пространствѣ въ 600 тысячъ квадратныхъ верстъ. Отъ лѣтней жары высохли хлѣба и травы въ центральной черноземной полосѣ, отъ чрезмѣрныхъ дождей вымокли поля во многихъ мѣстностяхъ сѣвера. Недоборъ въ 12 наиболѣе пострадавшихъ губерніяхъ превышаетъ полъ милліарда пудовъ хлѣба. Населеніе этого района не можетъ покрыть свою нужду даже при содѣйствіи земства и правительства.

Въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ населеніе дошло уже до такой грани, гдѣ кончается голодная жизнь и начинается голодная смерть. *Нѣтъ пищи, нѣтъ корма для скота, нѣтъ соломы на топливо.* Ожидаются цынга, голодный тифъ, холера, надвигается грозный призракъ чумы.

Вспомнимъ 1892 годъ, въ теченіе котораго отъ болѣзней, спутниковъ голода 1891 года, только въ губерніяхъ Европейской Россіи смертность противъ трехлѣтней средней увеличилась на 600.000 человѣкъ. *Нужна неотложная общественная помощь.* Только при сочувствіи общества народной нуждѣ могутъ быть собраны средства, необходимыя для изголодавшагося населенія.

Уже возникло съ этою цѣлью нѣсколько общественныхъ организацій. Но бѣдствіе такъ велико, что необходимо создавать новые и новые кружки, собирать новыя силы и средства.

Русское Общество охраненія народнаго здравія сочло своимъ долгомъ помочь голодающимъ и объединило для этой цѣли многія С.-Петербургскія Общества.

Въ твердой надеждѣ на общее сочувствіе *Соединенная Организація С.-Петербургскихъ Обществъ* обращается ко всѣмъ, въ комъ живо, въ комъ теплится чувство любви къ страждущему ближнему, *съ просьбою оказать посильную помощь*—и малая лепта отъ многихъ доброжелателей можетъ спасти голодающихъ.

Всѣ накладные расходы будутъ выполнены на средства Русскаго Общества охраненія народнаго здравія, а потому *каждая пожертвованная копѣйка найдетъ себѣ производительное употребленіе исключительно на нужды голодающихъ отъ неурожая.* Спѣшите помогать, ибо опасность—въ промедленіи.

Списки пожертвованій и отчеты будутъ публиковаться въ газетахъ и журналѣ Общества охраненія народнаго здравія; дѣятельность орга-

низаціи будетъ доступна самой широкой гласности и общественному контролю.

Для завѣдыванія всѣми дѣлами Соединенная Организація избрала *Исполнительный Комитетъ*: предсѣдатель прив.-доц. В. О. Губертъ, секретари: гражд. инж. С. В. Покровскій и д-ръ мед. Г. И. Дембо, казначей д-ръ Б. И. Хабловскій; члены—д-ръ мед. А. А. Владиміровъ, женщ.-врачъ З. Я. Ельцина, гражд. инж. В. В. Старостинъ и Вас. Ив. Покровскій.

Пожертвованія въ фондъ Соединенной Организаціи С.-Петербургскихъ Обществъ для помощи голодающимъ отъ неурожая принимаются:

а) въ Обществѣ охраненія народнаго здравія (Мойка, 85, у Синяго моста);

б) во всѣхъ соединенныхъ съ нимъ Обществахъ, а именно: 1) въ „Обществѣ архитекторовъ“ (Мойка, 83); 2) въ „Обществѣ архитекторовъ-художниковъ“ (Императорская Академія Художествъ); 3) въ „Обществѣ борьбы съ заразными болѣзнями“ (Театральная ул., 3); 4) въ „Россійскомъ Ветеринарномъ Обществѣ“ (Театральная ул., 1—3); 5) въ „С.-Петер. Врачебномъ Обществѣ взаимной помощи“ (9 Рожд., № 18); 6) въ „Географическомъ Обществѣ“ (Чернышевская площ., 2); 7) въ „Обществѣ гражданскихъ инженеровъ“ (Серпуховская ул., 10); 8) въ „Обществѣ инженеръ-электротехниковъ“ (Песочная ул., 5); 9) въ „Медицинскомъ Обществѣ“ (Инженерная ул., 9); 10) въ „Обществѣ морскихъ врачей“ (зданіе Адмиралтейства); 11) въ „Обществѣ нѣмецкихъ врачей“ (Моховая, 38); 12) въ „Политехническомъ Обществѣ“ (Мойка, 83); 13) въ „Обществѣ русскихъ врачей“ (Б. Сампсоніевскій пр., 2); 14) въ „Собраніи экономистовъ“ (Адмиралтейская наб., 4); 15) въ „Обществѣ содѣйствія русской промышленности и торговли“ (Мойка, 83); 16) въ „Обществѣ С.-Петербургскихъ врачей“ (Б. Конюшенная, 10); 17) въ „Обществѣ технологовъ“ (Англійскій пр., 45),

---

II.—Отъ Общества вспомоществованія студентамъ имп. университета св. Владиміра.

Общество вспомоществованія студентамъ Университета св. Владиміра, вступая въ 24-й годъ своей дѣятельности, крайне озабочено недостаточностью денежныхъ средствъ и связанной съ этимъ печальной необходимостью сократить до минимума размѣры выдаваемыхъ студентамъ пособій.

Сокращеніе средствъ Общества послѣдовало главнымъ образомъ вслѣдствіе непонятнаго отношенія къ нему бывшихъ воспитанниковъ кіевскаго университета св. Владиміра, воспользовавшихся въ свое время матеріальной поддержкой Общества.

Къ сожалѣнію, очень многіе изъ этихъ лицъ, будучи уже вполнѣ матеріально обезпеченными, совершенно позабыли о своемъ долгѣ и тѣмъ заставляютъ Общество, въ настоящее, экономически тяжелое время, отказывать въ поддержкѣ ихъ младшимъ товарищамъ—питомцамъ родного имъ университета.

Состоящая при Обществѣ долговая коммиссія вполнѣ увѣрена, что

должники Общества, прочтя настоящее письмо, откликнутся на этотъ товарищескій призывъ, если не немедленнымъ возвратомъ своихъ долговъ полностью, то въ крайнемъ случаѣ сообщеніемъ своихъ адресовъ и заявленіями о своемъ желаніи разсчитаться съ Обществомъ путемъ разсрочки платежа; но если бы эта надежда не осуществилась, то долговая коммиссія считаетъ своей обязанностью предупредить, что тогда она вынуждена будетъ прибѣгнуть къ крайнему средству моральнаго воздѣйствія, именно—*оглашенію въ печати соотвѣтствующихъ именъ съ полнымъ, по возможности, указаніемъ адресовъ и общественнаго положенія.*

Серьезность испытываемаго Обществомъ, вслѣдствіе неисправности его должниковъ, матеріальнаго затрудненія лучше всего доказывается слѣдующими цифрами:

По книгамъ Общества числится невозвращенныхъ долговъ на сумму около ста-семидесяти тысячъ (170.000) рублей, при чемъ около пятидесяти-семи тысячъ (57.000) рублей числится за лицами, адреса которыхъ остаются для Общества неизвѣстными, несмотря на всѣ его поиски.

Лицъ, интересующихся спискомъ неразысканныхъ пока должниковъ, просятъ письменно обращаться въ канцелярію Общества, для полученія соотвѣтственной книжки.

Деньги и письма на имя Общества вспомоществованія студентамъ университета св. Владиміра слѣдуетъ адресовать: *Кіевъ, Гимназическая, д. № 3.*

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

3 —